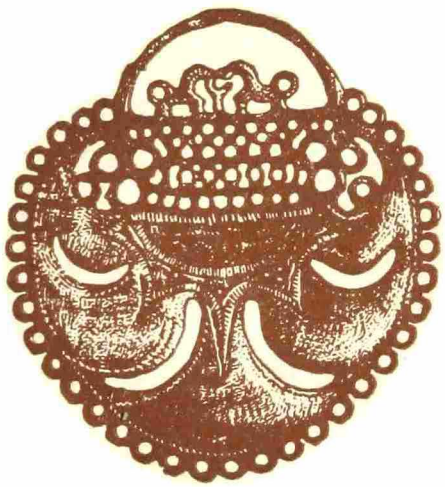
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 1985

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Третьяков В. П. (Ленинград). Неолит Верхнего Подесенья 5
Шилов В. П. (Москва). Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии 17
Колотухин В. А. (Симферополь). К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре 34
Шрамко Б. А., Янушевич З. В. (Харьков, Кишинев). Культурные растения Скифии 47
Сапрыкин С. Ю. (Москва). Аспургиане 65
Макаров Н. А. (Москва). Орнаментика белозерской лепной керамики X—XI вв. 79
Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. (Москва). Погребальный обряд Тимеревского могильника 101
Юшко А. А. (Москва). О пределах Московского княжества Ивана Калиты . . 116
Артемьев А. Р. (Москва). Стратиграфия и хронология Изборской крепости . . 130

Публикации

Барта Ю. (Нитра, ЧССР). Палеолитические памятники Словакии 141
Рындина Н. В., Яхонтова Л. К. (Москва). Древнейшее медное изделие Северной Месопотамии 155
Дубовская О. Р. (Донецк). Погребение лучника раннего железного века . . 166
Патрушев В. С. (Йошкар-Ола). Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья 173
Габуев Т. А. (Москва). Аланские погребения IV в. н. э. в Северной Осетии 197
Распопова В. И. (Ленинград). Стеклянные сосуды с росписью из Пенджикента 205
Галибин В. А. (Ленинград). Химический состав стекла фрагментов расписных сосудов из Пенджикента 212
Гаврилов С. А. (Хотьково, Московская обл.) Борисоглебский крест 1467 г. . . 213

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1985 г.

Заметки

Матвеева Н. П. (Тюмень). Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера 223
Шаровская Т. А. (Ленинград). О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роща 224
Михайлов Б. Д. (Мелитополь). Курганы эпохи бронзы в Северном Приазовье 228
Новицкий Е. Ю. (Одесса). Деревянная конструкция из ямного погребения у села Холмское 232
Гаврилов А. В., Шкарбан А. С. (Симферополь). Скифский курган у села Крыловка в Крыму 236
Чореф М. Я. (Бахчисарай). Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея 239
Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф. (Москва, Уфа). Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале 242
Соловьев В. С. (Душанбе). Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане 246
Безуглов С. И. (Ростов-на-Дону). Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону 248
Падин В. А. (Трубчевск). «Большой курган» Старого Трубчевска 252
Косиков В. А., Гриб В. К. (Донецк). Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка в Донецкой области 257
Плоткин К. М. (Псков). Письма членов Псковского археологического общества профессору С. Ф. Платонову 262

Критика и библиография

Агбунов М. В. (Москва). *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982 267
Кабахия Б. С. (Сухуми). *Шамба Г. К.* Эшерское городище. Тбилиси, 1980 . . 272
Мажитов Н. А. (Уфа). *Chalikowa E. A., Chalikow A. N.* Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981 276
Васильев И. Б., Выборнов А. А., Моргунова Н. Л. (Куйбышев, Оренбург). *Матюшин Г. Н.* Энеолит Южного Урала, М., 1982 280
Максименков Г. А. (Ленинград). Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983 290
Романчук А. И. (Свердловск). *Джорбенадзе В. А.* Археологические памятники Иорского ущелья. Т. IV. Эрцо — Тианети в средние века. Тбилиси, 1982 . . 295

Хроника

Халиков А. Х. (Казань). Международный симпозиум, посвященный 100-летию Финно-угорского общества Финляндии. (Хельсинки, 1983) 298
Даркевич В. П. (Москва). Памяти Татьяны Васильевны Николаевой 301
Григорьев Г. П., Праслов Н. Д. (Ленинград). Памяти Александра Николаевича Рогачева 303

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1985

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Tretyakov V. P. (Leningrad). The Neolithic of the Upper Desna 5
Shilov V. P. (Moscow). Mound 6 from the Bichkin-Buluk Stow and the Problem of Chronology of the Beginning of the Middle Bronze Age in Kalmukia . . 17
Kolotukhin V. A. (Simferopol). On the Tauri and the Kizil-Koba Culture . . . 34
Shramko B. A., Yanushevich Z. V. (Kharkov, Kishinev). Scythian Agricultural Plants 47
Saprykin S. Yu. (Moscow). The Aspurgians 65
Makarov N. A. (Moscow). Ornaments on 10th-11th-Century Modelled Pottery from Lake Beloye 79
Nedoshivina N. G., Fekhner M. V. (Moscow). The Burial Rite of the Timerevo Burial Ground 101
Yushko A. A. (Moscow). On the Borders of the Moscow Principality of Ivan Kalita 116
Artemyev A. R. (Moscow). The Stratigraphy and Chronology of Izborsk Fortress 130

Publications

Barta J. (Nitra, CSSR). Palaeolithic Sites in Slovakia 141
Ryndina N. V., Yakhontova L. K. (Moscow). The Earliest Copper Artifact from Mesopotamia 155
Dubovskaya O. R. (Donetsk). A Burial of an Archer 166
Patrushev V. S. (Ioshkar-Ola). Early Iron Age Pectorals from the Volga-Kama Basin 173
Gabuyev T. A. (Moscow). Alan Burials of the 4th Century A. D. in Northern Ossetia 197
Raspopova V. I. (Leningrad). Glass Painted Vessels from Pendjikent 205
Galibin V. A. (Leningrad). Chemical Composition of Glass Fragments of the Pendjikent Painted Vessels 212
Gavrilov S. A. (Khotkovo, Moscow Region). The 1467 Cross Found in the Boris and Gleb Monastery 213

Notes

Matveyeva N. P. (Tyumen). Anthropomorphic Figurines from Diggings at Lake Andreyevskoe 223
Sharovskaya T. A. (Leningrad). Functions of Stone Tools from the Burial Ground in Veselaya Roshcha 224
Mikhailov B. D. (Melitopol). Bronze Age Mounds in the Northern Azov Sea Coast 228
Novitsky E. Yu. (Odessa). A Wooden Construction from a Pit-Grave Culture at the Village of Kholmskoe 232
Gavrilov A. V., Shkarban A. S. (Simferopol). A Scythian Mound with a Stone Vault at the Village of Krylovka in the Crimea 236
Choref M. Ya. (Bakhchisarai). An Anthropomorphic Stella and a Plate with a Tamga Sign from the Bakhchisarai Museum 239
Kropotkin V. V., Obydennov M. F. (Moscow, Ufa). Finds of Antique Coins in a Burial of a Nomad in the Southern Urals 242
Solovyev V. S. (Dushanbe). New Finds of Ancient Turkic Sculptures from the Southern Tajikistan 246
Bezuglov S. I. (Rostov-on-Don). Burial of a Nomad of the 7th Century B. C. in the Lower Reaches of the Don 248
Padin V. A. (Trubchevsk). The Great Mound of Old Trubchevsk 252

Kosikov V. A., Grib V. K. (Donetsk). Double Burial of Nomads from the Mound at the Village of Kamenka in the Donetsk Region 257
Plotkin K. M. (Pskov). Letters to Prof. S. F. Platonov from the Members of the Pskov Archaeological Society 262

Book Reviews and Bibliography

Agbunov M. V. (Moscow). *Dovatur A. I., Kallistov D. P., Shishova I. A.* Peoples of the USSR in Herodotus' «History». Moscow, 1982 267
Kabakhia B. S. (Sukhumi). *Shamba G. K.* The Esher Fortified Settlement. Tbilisi, 1980 272
Mazhitov N. A. (Ufa). *Chalikowa E. A., Chalikow A. H.* Altungarn an der Kama und im Ural. Budapest, 1981 276
Vasilyev I. B., Vybornov A. A., Morgunova N. L. (Kuibyshev, Orenburg). *Matyushin G. N.* The Eneolithic of the Southern Ural. Moscow, 1982 . . . 280
Maksimenkov G. A. (Leningrad). Ancient Cultures of the Eurasian Steppes. On the Materials of Archaeological Works on Construction Sites. Leningrad, 1983 290
Romanchuk A. I. (Sverdlovsk). *Djorbenadze V. A.* Archaeological Sites of the Iorsk Gorge. IV. Ertso – Trialeti in the Middle Ages. Tbilisi, 1982 295

Chronicle

Khalikov A. Kh. (Kazan). An International Symposium to Mark the Centenary of the Finno-Ugric Society of Finland (Helsinki, 1983) 298
Darkevich V. P. (Moscow). In Memory of T. V. Nikolaeva 301
Grigoryev G. P., Praslov N. D. (Leningrad). In Memory of A. N. Rogachev . . 303

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.01.85 Подписано к печати 14.03.85 Т-02742 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 94,2 тыс. Уч.-изд. л. 30,2 Бум. л. 9,5
Тираж 3520 экз. Зак. 975

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ТРЕТЬЯКОВ В. П.

НЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ

Начало изучения неолита Верхнего Подесенья связано с организацией Деснинской археологической экспедиции под руководством М. В. Воеводского. Позднее разведочные и стационарные работы на этой территории проводили В. П. Левенок, Ф. М. Заверняев, Е. А. Шмидт, И. И. Артеменко, А. С. Смирнов и другие археологи. В итоге был открыт и исследован ряд неолитических памятников, из которых наиболее известны стоянки: Белынецкая [1, с. 52—59; 2, с. 103—113], Мыс Очкинский [3, с. 130—140], Витховка и Пионерская [4, с. 157—166], Черепеньки [5, с. 65—70], Холм [6, с. 247—253], Лунево II [7, с. 147—154], Партизанское [8, с. 48—60], Снопоть, Жмуровский Сад, Орлик, Свенская [1]. Полученные материалы дают возможность охарактеризовать древности этого региона и сопоставить их с находками смежных территорий.

К наиболее ранним неолитическим памятникам на Десне относятся две стоянки: в устье р. Свен (при впадении ее в Десну) в окрестностях Брянска и у д. Снопоть в Рогнединском р-не Брянской обл. Обе они представлены выразительными, но малочисленными коллекциями предметов, собранных с поверхности земли на площади в несколько десятков квадратных метров. Скорее всего это были временные стойбища охотников без долговременных жилищ, хозяйственных ям, постоянных очагов. Как справедливо отмечает А. А. Формозов, именно такие памятники дают в руки исследователей одновозрастные, однокультурные находки, поскольку малое количество материала свидетельствует против возможности неоднократного заселения данного места [9, с. 88, 89].

Со стоянки, расположенной в устье р. Свен, происходит небольшая серия фрагментов сосудов с прямыми венчиками (60 экз.), лепившихся из глины, к которой примешивалась размельченная дресва. Толщина стенок 0,6—0,8 см. За исключением двух фрагментов, украшенных оттисками гребенчатого штампа и мелкими подчетырехугольными ямками, вся керамика орнаментирована ромбическими вдавлениями, расположенными в шахматном порядке (рис. 1, *1—5*). Этой коллекции сопутствуют орудия труда, изготовленные из местного деснинского темного кремня. Среди них округлый, овальный и подтреугольный скребки (3 экз.), пять краевых сколов, четыре нуклевидных куска кремня, проколка из отщепа, две проколки из узких кремневых пластин, ножевидная пластина длиною 8,5 см с гранями на спинке и ретушью по краям, а также серия ножевидных пластин, с боковой ретушью или без обработки. Кроме того, коллекция Свенской стоянки содержит 15 отщепов (рис. 2, *1—11*).

Перечисленные находки имеют скорее всего ранненеолитический облик. Об этом говорят отсутствие орудий с двусторонней обработкой и наличие серии изделий из ножевидных пластин. По-видимому, Свенская стоянка ближе всего по времени таким ранненеолитическим памятникам, как Катынь VI и VII на верхнем Днепре, Сущево, Языково, Николо-Перевоз II в Волго-Окском междуречье, Котчище II на оз. Селигер и др., где мы видим сочетание керамики и комплексов орудий труда, включающих изделия мезолитического облика [10, с. 244—247; 11, с. 103—106; 12, с. 188—191; 13, с. 64—70; 14, с. 80—93; 15, с. 84—94].

[1] Материалы последних четырех памятников не опубликованы; они хранятся в ЛОИА АН СССР (стоянка Снопоть), в Брянском областном краеведческом музее (стоянка Жмуровский Сад) и в отделе археологии Научно-исследовательского института и музея антропологии при МГУ (стоянки Орлик и Свенская).

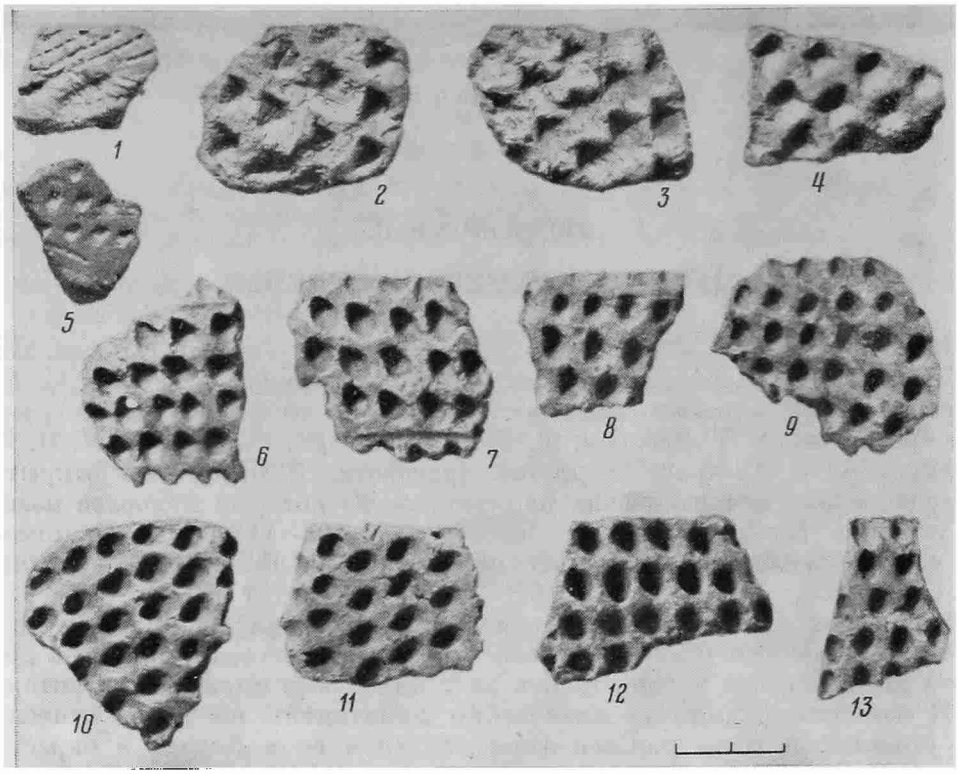


Рис. 1. Ранненеолитическая керамика Верхнего Подесенья. *1—5* — Свенская стоянка; *6—13* — стоянка Снопоть

Вторым ранненеолитическим памятником в Верхнем Подесенье является упомянутая выше стоянка у д. Снопоть. При ее обследовании кроме серии кремневых отщепов были найдены пять скребков треугольной и овальной форм, один скобель и один нуклеус. Керамика представлена 38 фрагментами сделанных от руки сосудов (рис. 1, *6—13*). Последние лепились из глины, к которой примешивался крупнозернистый песок. Толщина стенок 0,6—0,7 см. Украшением служили горизонтальные ряды округлых ямок, оттиснутых под углом к поверхности сосуда. Подобный орнамент не характерен для деснинского неолита, но он близко напоминает посуду с некоторых волго-окских памятников (Щукино, Берендеево I, Пальцо и др.), относящихся, по мнению их исследователей, к эпохе раннего неолита, что позволяет наметить дату поселения у д. Снопоть [16, с. 121, 122; 17, с. 191—202; 18, с. 118—140].

Приведенные материалы ранненеолитических памятников Верхнего Подесенья позволяют предполагать самобытность неолитической культуры в данном регионе, о чем говорит своеобразная орнаментация керамики Свенской стоянки (ромбические вдавления). В то же время орнаментация фрагментов сосудов со стоянки у д. Снопоть, аналогии которой мы находим лишь на поселениях Поволжья, не исключает возможности взаимосвязи неолита верховьев Десны с древностями Волго-Окского междуречья.

Эпоха развитого неолита в Верхнем Подесенье представлена значительно большим количеством материала с таких стоянок, как упомянутые выше Партизанское, Лунево, Жмуровский Сад, Орлик, Белынец, Мыс Очкинский, Черепеньки, Холм, Витховка, Пионерская. Перечисленные памятники представляют собой поселения площадью до 500—600 м^2, расположенные по берегам водоемов. При их изучении каких-либо остатков строительных сооружений найдено не было. Материал получен путем сборов с поверхности земли (Орлик, Жмуровский Сад) или во время раскопок (Черепеньки, Холм, Партизанское, Лунево, Витховка, Пионерская и др.). При исследовании этих памятников собраны значительные керамические серии и коллекции орудий труда.

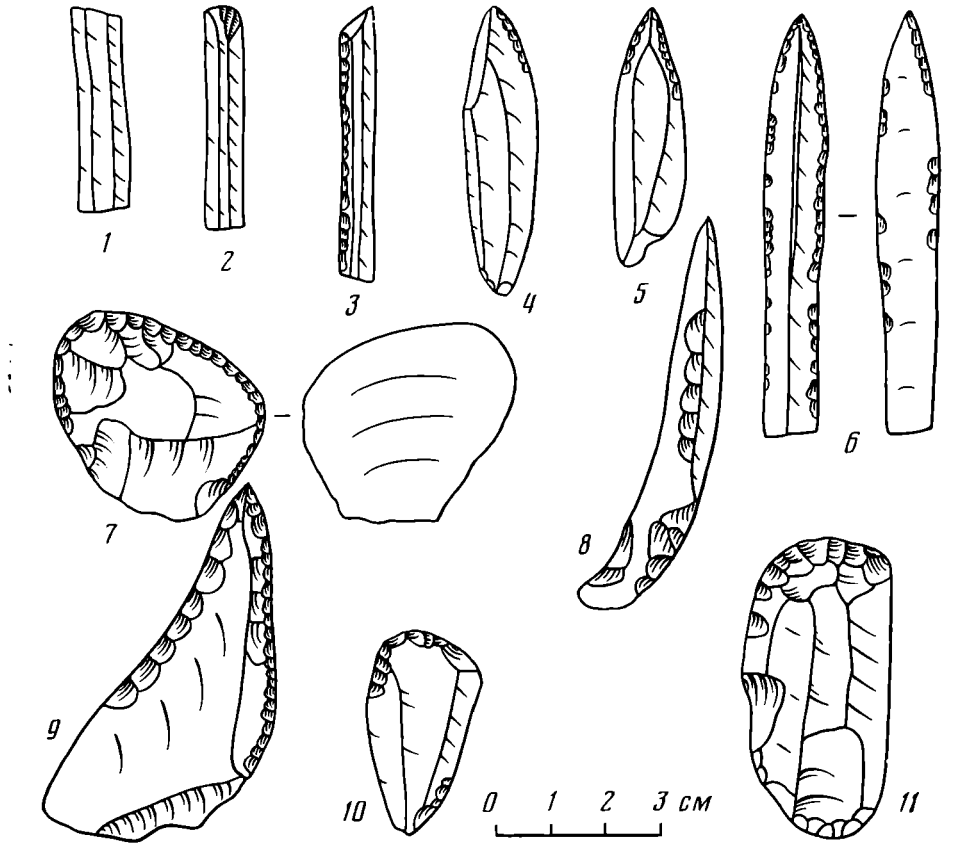


Рис. 2. Раннеолитические орудия труда Верхнего Подесенья. *1—11* — Свенская стоянка

Посуда лепилась из глины, к которой примешивалась дресва или крупнозернистый песок. Сосуды имели прямые с утолщением в верхней части или отогнутые наружу венчики, прямые стенки и округлые днища. Керамика украшалась по всей поверхности. Если в эпоху раннего неолита элементами орнамента служили ромбические или нанесенные под углом к поверхности сосуда округлые ямки, которые лишь в виде исключения сочетались с оттисками штампа, то в период развитого неолита орнаментация посуды становится заметно богаче. Кроме ромбических и округлых ямок появляются овальные, треугольные и лапчатые вдавления, нарезки, отступающая лопаточка, ямки неправильных очертаний, кружки (рис. 3).

Наиболее популярными были мотивы из ромбических ямок, расположенных в шахматном порядке (табл. 1). Затем следовал орнамент в виде округлых ямок, оттиснутых наклонно или перпендикулярно к поверхности сосуда, овальных ямок, ямчатых вдавлений неправильных очертаний. По количеству выделяется также керамика, орнаментированная оттисками гребенки, лапчатыми вдавлениями, хотя следует отметить, что на некоторых памятниках (Орлик, Черепеньки, Жеренская протока) керамика с лапчатыми вдавлениями отсутствует.

Композиции, составленные из перечисленных в табл. 1 элементов, крайне просты. Чаще всего это расположенные в шахматном порядке вдавления различных очертаний. Несколько сложнее лишь узоры, выполненные приемом отступающей лопаточки и отпечатками гребенчатого штампа (елочка, зигзаги, горизонтальные пояски).

Орудия труда эпохи развитого неолита на верхней Десне изготовлялись из местного темного кремня, месторождения которого известны в окрестностях с. Неготино, д. Вщиж и других пунктах. Наиболее характерными изделиями для Подесенья этого периода мы считаем крупные рубящие орудия, встреченные при исследовании всех стоянок (рис. 4). Столь же характерны острия из отщепов, листовидные и ромбические

Таблица 1

Орнаментация керамики верхнедеснинских стоянок эпохи развитого неолита, %

Орнамент	Партизанское (1030)	Лунево (1110)	Жмуровский Сад (100)	Орлик (100)	Черепеньки (400)	Холм (420)	Жеринская Протока (1600)	Жерено I (446)	Жерено II	Жерено III (3200)	В среднем
Ромбы	53	22	35	29	32	19	9,3	10,5	29	17,4	25,6
Округлые ямки	3	16	10	12	14	6		29	20,8	10,8	
Овальные ямки		6	5	14	6	14					22,4
Ямки неправильных очертаний		15		10	7	4		11,6	2,4	8,1	
Лапчатые вдавления	36	12	15			8		9,6	27	5,4	11,4
Штамп	2,6	20	20	25	5	18	6,7	12,6	11,2	8,2	13
Гребенка и ямки	2	9	5		9	1	2,6				2,8
Кружки				10		2					1,2
Нарезки			10		8	2	3,5	2	1,1	3,3	3
Треугольники					4	2			3,2		1
Отступающая лопаточка	1,5				5	14	29,2	2,3	5,3	9,4	6,6
Неясный орнамент	1,9				10	10		0,9			2,3
Без орнамента							48,7	21,5		37,4	10,7

Примечание. Цифры в скобках обозначают количество фрагментов. Данные о Жеринских стоянках приведены по А. С. Смирнову.

наконечники стрел, скребки подтреугольной формы, имеющие крутой высокий профиль, а также скребки овальных и округлых очертаний. Несколько реже встречаются двусторонне обработанные сегментовидные ножи с ретушью по всей поверхности (Мыс Очкинский, Холм), ножи из крупных пластин с ретушью по краю (Белынец, Витховка, Холм), скребки с рабочим краем подчетырехугольной формы (Мыс Очкинский, Белынец, Витховка, Холм), наконечники стрел треугольной (Белынец, Холм) и треугольно-черешковой форм (Белынец, Витховка, Холм). Интересны найденные на стоянках Мыс Очкинский и Витховка наконечники стрел, по облику напоминающие ланцетовидные, а также наконечники из ножевидных пластин (Мыс Очкинский, Черепеньки). Кроме того, для верхнедеснинского неолита характерны скобели (Белынец, Холм), массивные скребла (Черепеньки, Орлик), резчики из плоских отщепов (Белынец, Витховка, Холм), скребки из ножевидных пластин (Черепеньки, Холм).

Перечисленные 19 основных типов изделий из кремня составляют серии. Именно они определяют облик каменной индустрии Верхнего Подесенья в эпоху развитого неолита. Но на стоянках верхней Десны встречены и иные типы изделий: нуклевидные резцы, своеобразные кремневые клинья, массивные скребки с выемками по боковым сторонам и т. д. Однако мы не акцентируем на них внимание, поскольку они представлены единичными экземплярами.

Попытаемся выяснить отношение верхнедеснинского неолита к древностям смежных территорий. В настоящее время в литературе высказана гипотеза о близости материалов Верхнего Подесенья и Посожья, поставлен вопрос о существовании особой деснинско-сожской археологической культуры.

Изучение неолитических памятников в бассейне р. Сож связано с именами К. М. Поликарповича, И. И. Артеменко, И. М. Тюриной и других археологов. Ими были исследованы такие памятники, как Заозерье, Выгон, Чачурайка, Глинище, Стрелица, Гренск (верхний слой), Залесье, Шепотовичи и Липовый Брод, Романовичи и др. Автором этих строк были обследованы стоянки Гронов II и III [19, с. 158–226; 20, с. 38–43; 21, с. 464–472; 22, с. 108–115; 23, с. 34–38; 24, с. 63–65; 25, с. 113–119; 26, с. 155–164]. Материалы с перечисленных

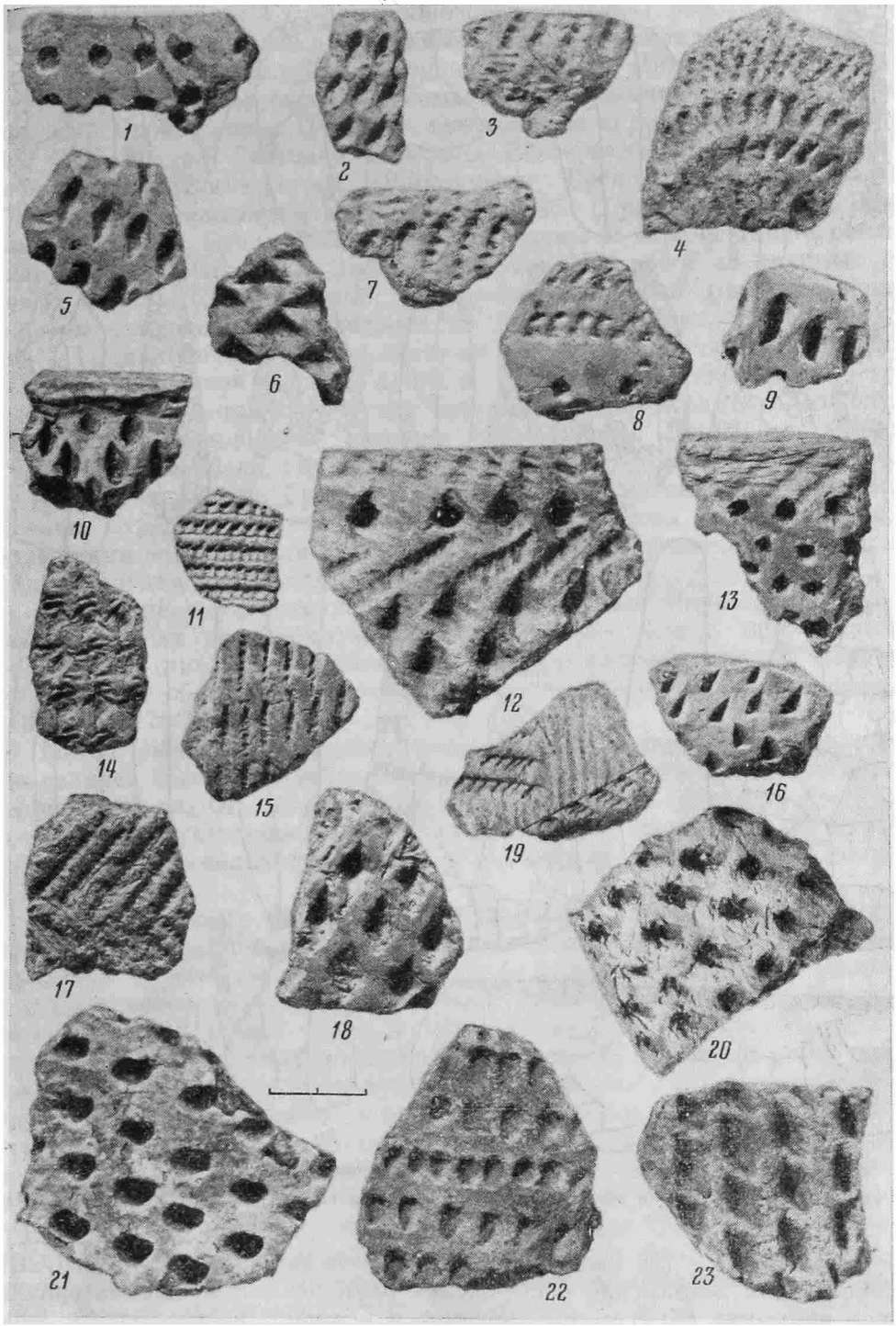


Рис. 3. Керамика эпохи развитого неолита Верхнего Подесенья. *1—9* — Орлик; *10*, *12*, *13*, *16* — Черепеньки; *11*, *14*, *15*, *17—20* — Лунево II; *21—23* — Холм

выше памятников дают возможность представить себе облик материальной культуры той эпохи на берегах Сожа.

Ранненеолитические стоянки в Посожье изучены недостаточно. К ним, по И. М. Тюриной, относятся стоянки Залесье, Шепотовичи с их небольшими коллекциями керамики и орудий труда. Изделия из кремня найдены только на стоянке Залесье (16 предметов). Это округлые и концевые скребки (8 экз.), ножи из пластин и обломки топоров. Они, действительно, близки тем орудиям, которые нам известны по неолиту верхнего течения Десны. Однако малочисленность коллекции не позволяет делать какие-либо выводы, тем более что на стоянке Залесье представлены орудия труда наиболее простых и широко распространенных

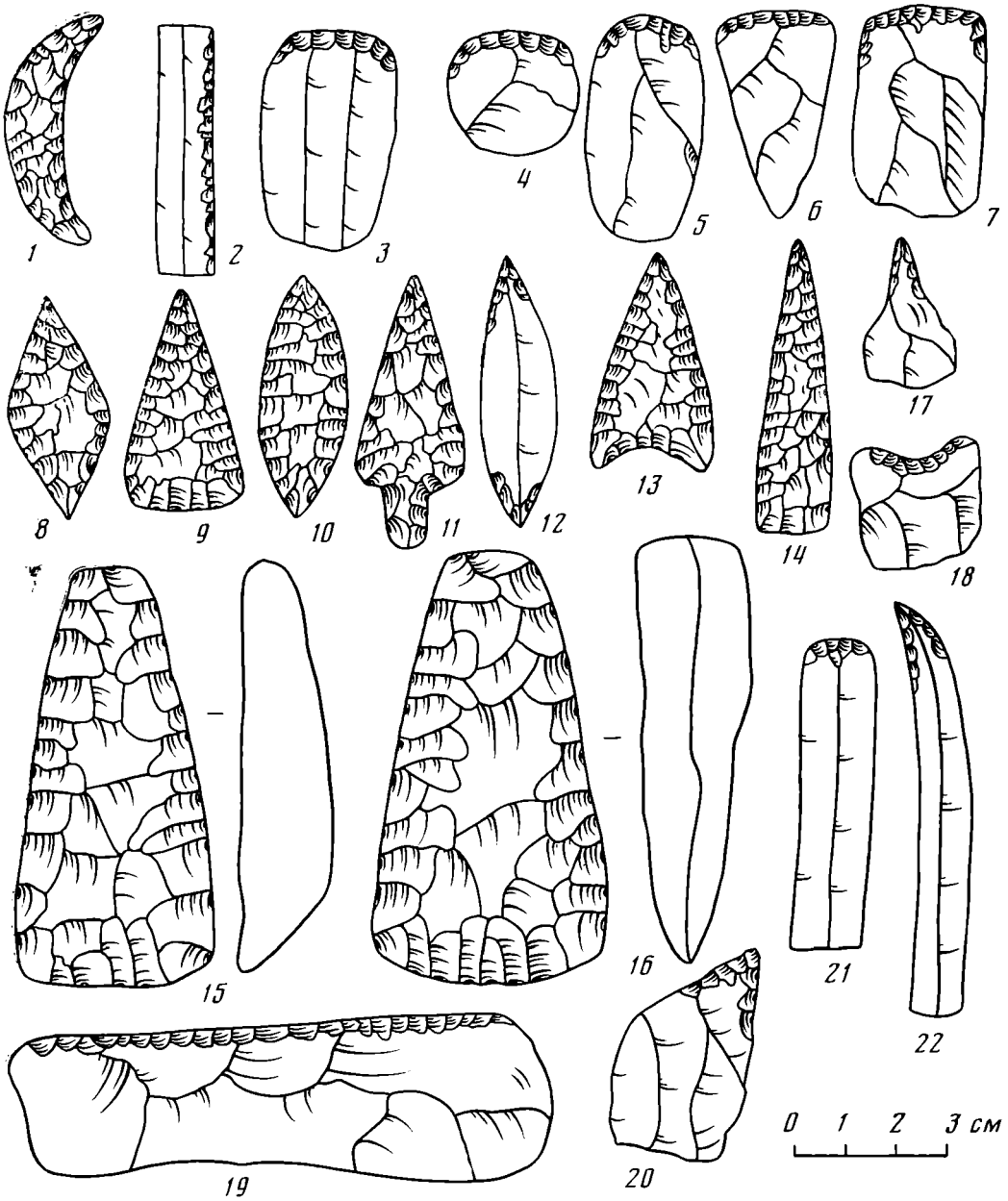


Рис. 4. Типы орудий труда эпохи развитого неолита Посожья, верхней Десны и Оки

типов, характерных для неолита лесной полосы европейской части СССР.

Сопоставляя деснинские и посожские ранненеолитические материалы, главное внимание обратим на имеющиеся в нашем распоряжении керамические серии. Выше мы описали коллекции обломков посуды со стоянок Свен и Снопоть на Десне. В отличие от них в Посожье в эпоху раннего неолита посуда изготовлялась из глины с примесью растительных волокон и размельченного кварца. В орнаментации преобладают гребенчатый штамп (более 50% всех фрагментов) и узоры из вдавлений, нанесенных щепкой. Встречаются ряды насечек, но только на сосудах стоянки Шепотовичи. Посожская керамика как по технологии изготовления, так и по своей орнаментации резко отличается от деснинской посуды. В глиняное тесто последней добавлялась дресва, а стенки украшались почти исключительно округлыми ямками, нанесенными под углом к поверхности горшка, и ромбическими вдавлениями.

Эпоха развитого неолита в Посожье представлена целой серией поселений с большим количеством материала, который дает возможность получить представление о каменной индустрии того времени. Наиболее характерными для Посожья являлись топоры (Романовичи, Глинище,

Гренск, Чачурайка, Стрелица, Заозерье, Выгон), долота (Романовичи, Липовый Брод, Выгон, Заозерье, Стрелица, Чачурайка), округлые скребки (Романовичи, Глинище, Гренск, Заозерье, Липовый Брод, Гронов II и III), овальные скребки (Романовичи, Глинище, Гренск, Заозерье, Липовый Брод, Гронов II и III), треугольные скребки с высоким профилем (Романовичи, Глинище, Стрелица, Заозерье, Липовый Брод), ромбические наконечники стрел (Романовичи, Гренск, Стрелица, Заозерье, Гронов II), наконечники листовидной формы (Гренск, Стрелица, Романовичи, Липовый Брод, Гронов II). Встречены в сериях также сегментовидные ножи (Стрелица, Заозерье, Гронов II), ножи из крупных кремневых пластин (Романовичи, Чачурайка, Липовый Брод, Гронов II), скребки с продольными гранями на спинке (Гренск, Чачурайка, Гронов III), наконечники стрел треугольной (Романовичи, Стрелица), треугольно-черешковой форм (Глинище, Стрелица) и наконечники стрел с выемкой в основании (Стрелица, Чачурайка). Для неолита Посожья были характерны проколки из отщепов (Романовичи, Чачурайка, Стрелица, Гронов III), скобели (Романовичи, Стрелица, Гронов II и III), скребла (Романовичи, Выгон, Гронов II и III), концевые скребки (Романовичи, Гренск, Стрелица). Всего выделяются 18 основных типов изделий. Неучтенными остались лишь изделия, найденные в единичных экземплярах, или же орудия аморфных очертаний [2].

Сравнение орудий труда со стоянок Верхнего Подесенья и Посожья показывает их несомненную близость. На рис. 4 и в табл. 2 указаны изделия 21 типа, встреченные на неолитических памятниках этих регионов. Из них общими являются 16 типов, что соответствует индексу родственности 75%.

Метод выявления индекса родственности сравниваемых коллекций, не являясь абсолютно точным, как нам кажется, все же имеет право на существование. Он, в частности, проверяется по формуле $f=s^2/kl$, где f — индекс родственности, s — количество тождественных типов орудий труда, k и l — количество типов в каждой из сравниваемых коллекций [28, с. 50].

Несколько иные результаты мы получаем, сопоставляя деснинские и посожские керамические серии. Как и в раннем неолите, в интересующий нас период керамика Посожья (в отличие от сосудов Подесенья) изготавливалась из глины, к которой примешивались растительные волокна, размельченный кварц и песок. Различается и орнаментация сосудов (табл. 3). Так, керамика стоянок Посожья не украшалась ромбическими вдавлениями [3], в то время как на верхней Десне этот вид орнамента отмечается в среднем на 25,6% керамики, достигая на некоторых памятниках 50% и более. На Соже не употреблялись мотивы из кружков и треугольных вдавлений, которые украшали до 4% деснинской керамики. ки. Гребенчатый орнамент в Посожье отмечен в среднем на 35,6% керамики, в то время как на верхней Десне им украшалось всего лишь 15,8% сосудов. Серии фрагментов деснинской и посожской керамики различаются также и по процентному соотношению украшений в виде ямочных, ямочно-гребенчатых мотивов (табл. 4).

Все же индекс родственности в данном случае равен 56,2% (22,4+11,4+13+2,8+3+3,6). Его величина свидетельствует о типологическом сближении керамических коллекций Подесенья и Посожья в эпоху развитого неолита. В данном случае для установления индекса родственности нами использован метод Д. Брейнерда — В. Робинсона,

[2] В статье об орудиях труда Верхнего Поднепровья [27, с. 5—15] нами было указано на их бо́льшее количество для стоянок Посожья. Сейчас мы учитываем лишь основные типы изделий из камня. Это вызвано тем обстоятельством, что деснинские коллекции в настоящее время представлены наборами изделий, частично деспортизованными, частью они сочетаются с различными керамическими сериями. В деснинских коллекциях можно определить лишь основные типы изделий, характерные для этого региона. Точные статистические выкладки пока вряд ли возможны. Сравнивая орудия труда этих двух регионов, приходится выявлять сопоставляемые коллекции равнозначным способом.

[3] В Посожье орнамент из ромбических ямок встречен лишь на единичных фрагментах со стоянок Заозерье и Романовичи.

Таблица 2

Основные типы орудий труда со стоянок Подесенья, Посожья и бассейна верхней Оки

Стоянки	Типы орудий труда																				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Мыс Очкинский	+			+	+	+	+	+		+		+		+		+	+					
Черепеньки		+		+	+	+		+		+		+	+			+	+		+		+	
Белынец		+		+	+		+	+	+	+	+		+			+	+	+		+		
Витховка		+		+		+	+	+		+	+			+		+	+			+		
Холм	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+			+	+	+		+	+	
Орлик				+	+	+		+		+						+			+			
Регионы:																						
Сож	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+		+	
Десна	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	
Верхняя Ока		+	+	+		+	+	+	+	+	+				+	+	+	+	+	+		+

Примечание. Цифры в графах соответствуют типам орудий труда, представленных на рис. 4.

Таблица 3

Орнаментация керамики со стоянок Посожья, %

Орнамент	Стрелица (7089)	Липовый Брод (400)	Гронов III (420)	Выгон (54)	В среднем
Штамп	35,1	40.9	26,6	40	35,6
Лапчатые вдавления	20	10	2,5	13	11,4
Ямки	31.6	39,7	35,7	30	34,4
Нарезки	1,3	2,3	5	4	3,2
Отступающая лопаточка	8.5	2.1	4	–	3,6
Ямки и гребенки	–	–	9,5	13	5,5
Неясный орнамент. без орнамента	3.5	5	16,7	–	6,3

Примечание. Цифры в скобках обозначают количество керамики, найденной на памятнике. Процентное содержание того или иного вида керамики на стоянках дано по И. И. Артеменко (Стрелица, Липовый Брод) и нашим вычислениям (Гронов III, Выгон).

Таблица 4

Соотношение орнаментов деснинской и посожской керамики, %

Регионы	Без орнамента	Ромбы	Ямки	Лапчатые вдавления	Штамп	Гребенка и ямки	Кружки	Нарезки	Треугольные вдавления	Отступающая лопаточка
Верхнее Подесенье	10,7	25,6	22,4	11.4	13	2,8	1,2	3	1	6,6
Посожье	–	–	34,4	11,4	35.6	5.5	–	3,2	–	3,6

Примечание. Неясный орнамент не учитывался.

который дает более точные результаты. Суть его изложена нами в статье о верхнеднепровском неолите [27, с. 10].

Встает вопрос: почему же в предшествующий период древности Посожья и Подесенья отличались друг от друга самым кардинальным образом (для деснинской керамики были характерны ямочные и ромбические вдавления, для Посожья— оттиски гребенчатого штампа), а впоследствии произошло их известное сближение? Представляется, что некоторые общие черты в украшении посуды в период развитого неолита можно объяснить результатом определенного влияния днепро-донецкого неолита, о чем может свидетельствовать появление на посуде обоих регионов орнамента, выполненного отступающей лопаточкой, а также следствием обоюдных контактов населения с берегов Десны и Сожа. Кон-

такты привели и к выработке сходной каменной индустрии, что облегчалось наличием одинаковой сырьевой (многочисленные запасы кремня) и хозяйственной базы у населения обоих регионов.

Сопоставим верхнедеснинский неолит с древностями бассейна верхней Оки, где А. Я. Брюсовым [29, с. 15—21; 30, с. 51—58] в свое время была выделена особая археологическая культура, получившая в литературе название белевской; отношение ее к древностям Подесенья уже много лет вызывает споры. По мнению А. Я. Брюсова, для белевского неолита (поселения Белев, Гремячее) характерны кремневые кинжалы, рубящие орудия, скребки и ножи из крупных кремневых пластин и отщепов, наконечники стрел листовидной, ромбической и черешковой форм, а также «долгое переживание» древних типов орудий, например резцов, сделанных из ножевидных пластин, и т. п. Керамика изготовлялась из глины, к которой примешивалась дресва. Сосуды украшались несложными композициями из ромбических ямок в сочетании с оттисками гребенки и овальными (или округлыми) вдавлениями.

Суждение о том, что белевский неолит включает лишь древности верхнего течения Оки, сохранилось до сих пор. Наиболее полно оно отражено в статьях Г. Ф. Поляковой [31, с. 79—96; 32, с. 146—151]. Между тем еще с 50-х годов публикуются работы, где данная характеристика белевской культуры подвергалась критике. Отмечалось, что кремневые кинжалы не характерны для верхнеокского неолита, поскольку кинжал известен лишь в единственном числе (стоянка Гремячее). Не может быть рассмотрено как специфическое для белевского неолита и присутствие древних типов орудий (наконечники стрел из ножевидных пластин, резцы, концевые скребки), поскольку эти виды изделий очень часто встречаются на ранненеолитических памятниках (Верхнее Поднепровье, Волго-Окское междуречье, Украина и др.). Кроме того, на белевских стоянках они могут относиться не к неолитическому, а к мезолитическому времени, поскольку их находили на поселениях (Воронец, Жабынь и др.) с разрушенным культурным слоем, где типологически четко выделяются и неолитический, и мезолитический комплексы. Была также выделена обширная область, включающая Верхнее Поволжье, Валдайскую возвышенность, верховья Оки и Посожье, где в эпоху неолита бытовали крупные рубящие орудия, массивные скребки и ножи, ромбические, листовидные, треугольно-черешковые наконечники, крупные ретушированные ножевидные пластины, т. е. все те изделия, которые, по мнению А. Я. Брюсова, были характерны лишь для памятников бассейна верхней Оки. И. Г. Розенфельдт справедливо отметила, что эти материалы аналогичны таковым и из поречья Десны [33, с. 92—102; 34, с. 102—104].

Однако некоторые исследователи и сейчас полагают, что верхнеокские и деснинские поселения оставлены носителями разных культур: белевской и деснинско-сожской. При этом они ссылаются на некоторые различия в кремневом инвентаре памятников данных регионов. «Именно они (орудия труда.— *В. Т.*),— пишет В. П. Левенок,— ограничиваются узкой территорией, занятой собственно белевской культурой,— бассейном верхней Оки, резко отличаются от орудий деснинско-сожских и за пределами верхнего течения Оки в своем полном составе не встречаются» [35, с. 193]. Полагаем, что вряд ли будет правильным преувеличивать различие кремневого инвентаря на Оке и Десне. В. П. Левенок указывает на особенности всего лишь четырех типов изделий. По его мнению, специфическими для бассейна Оки являются пирамидальные нуклеусы, кинжалы и топоры, а также ножевидные пластины. По сути дела В. П. Левенок повторил то, о чем писал в свое время А. Я. Брюсов. Новым является лишь выделение пирамидальных нуклеусов как специфической черты белевского (верхнеокского) неолита. Но и это суждение не представляется обоснованным. Пирамидальные нуклеусы известны на очень широкой территории европейской части СССР. Есть они и в поречье Десны, в чем легко убедиться, познакомившись со сводными таблицами по неолиту Оки и Десны, составленными в упомянутых работах Г. Ф. Поляковой и В. П. Левенком.

Таблица 5

Соотношение орнаментов белевской керамики в эпоху развитого неолита, % (по Г. Ф. Поляковой)

Стоянки	Ромбические вдавления	Оттиски гребенки	Ямки и гребенка
Воронец	42,2	7	50,0
Сестринский Хрящ	37	14,2	48
Воронино	48	23	29
Бехово	22	19	59
Жабынь	24	30	46

Таблица 6

Соотношение орнаментов верхнедеснинской и верхнеокской керамики, %

Регионы	Ромбические вдавления	Оттиски гребенки	Ямки и гребенка
Верхняя Десна	25,6	13	25,2
Верхняя Ока	34,6	18,6	45,1

Примечание. Другие виды узоров не учитывались.

В работах Г. Ф. Поляковой дается наиболее подробная характеристика белевского неолита на верхней Оке. Исследовательница отмечала, что ранний этап этой культуры характеризуется стоянками с керамикой, украшенной ромбическими вдавлениями и округлыми ямками. С этой керамикой она связывает и орудия древнего облика, сделанные из пластин (наконечники стрел, концевые скребки, пластинки с боковой ретушью и т. п.). Нетрудно заметить, что такими же изделиями характеризуется материальная культура верхнедеснинского раннего неолита.

Подробнее изучен период развитого неолита на верхней Оке (стоянки Воронец, Сестринский Хрящ, Воронино, Бехово, Жабынь и др.). Основываясь на материалах перечисленных памятников, Г. Ф. Полякова выделяет в качестве характерных для этой территории ножи из крупных кремневых пластин, скребки концевые, округлые, с продольными гранями на спинке, треугольные, с высоким профилем, скребки-резчики с подчетырехугольным рабочим краем, наконечники стрел ромбической, треугольной, листовидной и черешковой форм, топоры и долота, проколки из отщепов и пластин, скобели, скребла, всего 16 основных типов изделий.

Сравнение данного комплекса с деснинским показывает их близость. На рис. 4 отмечены 22 основных типа изделий из кремня, встреченных на стоянках развитого неолита в верховьях Оки и Десны. 13 из них — общие для обоих регионов. Если бы оба комплекса состояли из 22 одинаковых типов изделий, мы могли бы говорить об их идентичности. Но сходство лишь 13 типов означает общность верхнедеснинских и верхнеокских серий орудий на 60%. По формуле $f=s^2/kl$ индекс родственности равен 58%.

Большее сходство мы находим, сравнивая верхнедеснинскую и верхнеокскую посуду. Она готовилась из глины с одинаковыми примесями. Подсчеты Г. Ф. Поляковой [31, с. 85, 86] показывают, что керамика белевского типа на Оке в эпоху развитого неолита украшалась ромбическими вдавлениями (в среднем 35%), оттисками гребенчатого штампа (18%), а также ямками различных очертаний в сочетании с оттисками гребенки (45%) (табл. 5).

Эти подсчеты дают возможность говорить о несомненной близости верхнеокской и верхнедеснинской керамики. Выше мы отмечали, что посуда эпохи развитого неолита на верхней Десне украшалась ромбическими вдавлениями на 25,6%, оттисками гребенчатого штампа — на 13%, всевозможными ямками, в ряде случаев сочетающимися с отпечатками гребенки,— на 25,2%. Сгруппировав разультаты указанных выше подсчетов, мы можем (по методу Д. Брейнерда — В. Робинсона) говорить об

общности в орнаментации верхнедеснинской и верхнеокской неолитической керамики в среднем на 63,8% (25,6+13+25,2) (табл. 6).

Кроме того, Г. Ф. Полякова отмечает [32, с. 151] наличие на верхней Оке незначительного количества керамики, украшенной нарезками и отступающей лопаточкой, известной также и на Десне. Это подтверждает тезис о чрезвычайной близости верхнедеснинских и верхнеокских керамических комплексов. Мы считали, что неолит верховьев Десны и Оки по этому признаку можно объединить в одну археологическую культуру (в двух вариантах), поскольку керамика с ее орнаментацией является наиболее важным этнокультурным показателем для эпохи неолита, о чем писали многие авторы (М. Е. Фосс и др.) и с чем нельзя не согласиться.

Таково решение некоторых вопросов, связанных с изучением верхнедеснинского неолита. Подводя итоги, отметим, что материалы неолитических памятников в Верхнем Подесенье родственны древностям верховьев Оки, составляя с ними одно целое — единую деснинско-белевскую археологическую культуру. Еще не совсем ясен вопрос о близости деснинского и сожского материала, поскольку керамика на стоянках этих регионов кардинально различается в период раннего неолита. Общие черты в неолитической культуре Посожья и Подесенья возникли позже в результате контактов обитателей поселений бассейнов этих рек, а также благодаря одинаково проявившемуся влиянию днепро-донецкого неолита. Последний, не оставляя какого-либо хронологического пласта ни на берегах Сожа, ни в бассейне верхней Десны, ни на Оке, оказал определенное воздействие на древности этих регионов, что проявилось в орнаментации керамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кропоткин В. В.* Белынецкие курганы и стоянка.— КСИИМК, 1952, вып. 47.
2. *Кропоткин В. В.* Новые исследования Белынецких курганов.— КСИИМК, 1959, вып. 75.
3. *Розенфельдт И. Г.* Стоянка Мыс Очкинский.— КСИИМК, 1950, вып. 31.
4. *Розенфельдт И. Г.* Стоянки близ села Неготино Брянской области.— СА, 1974, № 2.
5. *Заверняев Ф. М.* Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском.— КСИИМК, 1957, вып. 67.
6. *Падин В. А.* Раскопки на Холме.— СА, 1972, № 1.
7. *Смирнов А. С.* Неолитическая стоянка Лунево II.— СА, 1978, № 2.
8. *Артеменко І. І., Смирнов А. С.* Партизанське — богатошарова пам'ятка на Брянщині.— Археологія, 1977, № 2.
9. *Формозов А. А.* Исследование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях.— КСИИМК, 1959, вып. 75.
10. *Третьяков В. П., Шмидт Е. А.* Стоянка каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье.— СА, 1973, № 1.
11. *Третьяков В. П.* Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье.— СА, 1972, № 2.
12. *Раушенбах В. М.* Древнейшая стоянка льяловской культуры.— СА, 1964, № 2.
13. *Урбан Ю. Н.* К вопросу о ранненеолитических комплексах в Калининском Поволжье.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
14. *Раушенбах В. М.* Стоянка Николо-Перевоз II на р. Дубне в Московской области.— В кн.: Экспедиции Гос. Исторического музея. М., 1969.
15. *Гурина Н. Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
16. *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей.— МИА, 1947, № 7.
17. *Никитин А. Л.* Неолитическая стоянка Берендеево V.— СА, 1976, № 3.
18. *Никитин А. Л.* Многослойное поселение Пальцо.— СА, 1975, № 3.
19. *Палікарповіч К. М.* Дагістарычныя стоянкі сярэдняга і ніжняга Сажа.— Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 5. Працы катэдры археолёгіі. Т. І. Менск, 1928.
20. *Артеменко И. И., Тюрина И. М.* Неолитическое поселение в урочище Стрелица.— КСИА, 1966, вып. 106.
21. *Палікарповіч К. М.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа.— Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск, 1930.
22. *Тюрина И. М.* Неолитические памятники Посожья.— КСИА, 1967, вып. 111.
23. *Артеменко И. И.* Памятники эпохи неолита и бронзового века верхнего Поднепровья.— КСИИМК, 1960, вып. 78.
24. *Артеменко И. И.* Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 г.— КСИА, 1961, вып. 84.
25. *Гаврилова И. В.* Дюнная стоянка Романовичи.— КСИА, 1964, вып. 97.

26. *Третьяков В. П.* Некоторые стоянки каменного века Посожья и Подесенья.— СА, 1978, № 2.
27. *Третьяков В. П.* Орудия труда верхнеднепровской неолитической культуры.— СА, 1981, № 3.
28. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
29. *Брюсов А. Я.* Белевская неолитическая культура.— КСИИМК, 1947, вып. 16.
30. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
31. *Полякова Г. Ф.* Племена белевской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
32. *Полякова Г. Ф.* Неолитические племена верхнего течения р. Оки.— МИА, 1973, № 172.
33. *Розенфельдт И. Г.* К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э.— КСИИМК, 1959, вып. 75.
34. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.: Наука, 1972.
35. *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР.— МИА, 1973, № 172.

V. P. Tretyakov

THE NEOLITHIC OF THE UPPER DESNA

Summary

The article deals with the materials obtained at the Neolithic sites of the upper reaches of the Desna. The author identifies earlier and later sets, compares them with artifacts found in the Sozh and Oka basins. He forwards an opinion that Neolithic finds from the Oka most closely resemble the Desna materials which, he argues, permits one to single out a unified Desna-Belevo culture. The Early Neolithic finds from the Sozh basin, the techniques of pottery-making and ornamentation differ greatly from the Desna materials which does not allow to regard these two collections as unified on the ethno-cultural plane. Objects of the material cultures of the two regions exhibit greater similarity in the epoch of developed Neolithic due to broader contacts between the populations of the Desna and Sozh basins which led, in all probability, to ethno-cultural ties as well.

ШИЛОВ В. П.

КУРГАН 6 УРОЧИЩА БИЧКИН-БУЛУК И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ НАЧАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ КАЛМЫКИИ

В 1937 г. в уроч. Бичкин-Булук Приютнинского р-на Калмыцкой АССР П. С. Рыков раскопал 19 курганов, в том числе и курган 6, который в связи с находками богатого инвентаря и железного наконечника копья или дротика получил в литературе широкую известность и признан ключевым памятником [1, с. 144, 145, 147, рис. 7,8, с. 158; 2, с. 199]. Однако материалы раскопок П. С. Рыкова до настоящего времени полностью не изданы [1]. И. В. Синицыным опубликованы лишь 11 савромато-сарматских погребений [3, с. 43—53].

До сих пор научно не обоснована и дата погр. 2 кург. 6. На основании находки упомянутого железного копья (дротика) П. С. Рыков [4, с. 601], а вслед за ним И. В. Синицын [1, с. 144, 145] и А. А. Иерусалимская [5, с. 15, прим. 18] датировали это погребение предскифским временем. Б. Н. Граков относил топор ко второй четверти I тысячелетия до н. э. [6, с. 4, 5]. Ту же датировку для этого погребения принял Б. А. Латынин [7, с. 8]; Е. Н. Черных связывал это погребение с катакомбной культурой [8, с. 432, анализ № 485], а В. А. Сафронов — с ямной (горизонт *А*) [9, с. 118, 267, рис. 45, *А*]. Важным вкладом в изучение данного памятника явилась статья Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомина и Л. А. Солнцева; исследователи установили, что наконечник дротика изготовлен из метеоритного железа [2, с. 199 сл.]. Это позволило более объективно подойти к вопросу определения даты сооружения кургана.

Курганный могильник расположен на самом мысе Хамура — возвышенности на Ергенинском плато. У подножья его находится вторая группа курганов — Цаган-Эльсин, отстоящая на 4 км к юго-западу от хорошо известного курганного могильника в урочище «Три брата». Первые два могильника лежат на северо-запад от дороги из г. Элисты к райцентру Приютное.

Курганный могильник Бичкин-Булук насчитывает около 70 насыпей, которые тянутся с запада на восток вдоль балки Хара-Булук (Черная балка) до урочища Хара-Худук (Черный колодец). Кург. 6 находится в центральной части могильника (рис. 1). Наибольшей высоты (2,1 *м* от уровня погребенной почвы) он достигает в северной части, в центре его высота 2 м; диаметр насыпи 38 м. Северная пола крутая, южная — пологая. С восточной и северной сторон у подошвы был отчетливо заметен ровик.

Судя по сохранившимся в архиве данным и схематическому рисунку, П. С. Рыков копал кург. 6 сначала сквозной траншеей *А* шириной 3 м, заложенной в восточной части насыпи по линии С—Ю, а затем — в центре колодцем-раскопом *Б* (8×8 м), примыкавшим восточной стенкой к траншее *А*. Видимо, и сквозная траншея *А*, и колодец *Б* были доведены до уровня погребенной почвы (рис. 2). При общей площади основания кургана 1133,5 м² раскопы составили 176,5 м², т. е. вскрыли около 16% насыпи. Следовательно, курган остался недокопанным и при

[1] В значительной мере этому способствовало то обстоятельство, что архив П. С. Рыкова, в котором хранилась часть документации и дневниковые данные об этом интересном памятнике, был недоступен для исследователей; только недавно он передан в архив ЛОИА АН СССР (фонд И. В. Синицына, № 79).

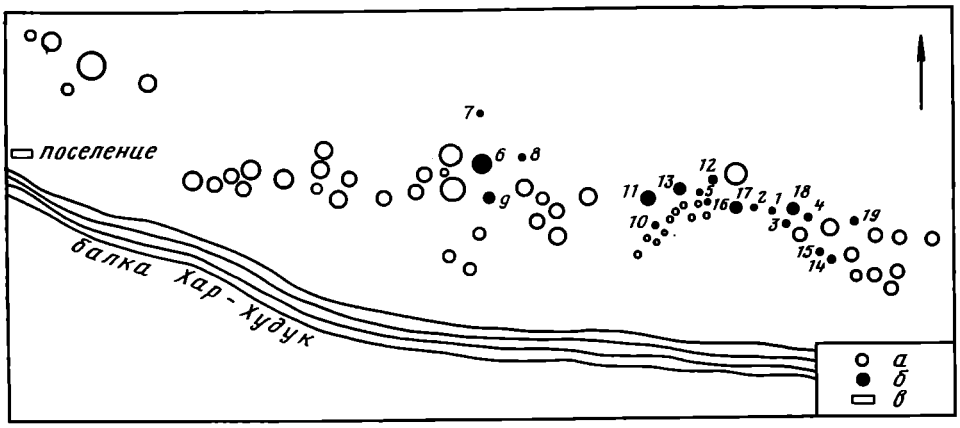


Рис. 1. План могильника Бичкин-Булук (по П. С. Рыкову), *а* — нераскопанные курганы; *б* — раскопанные курганы; *в* — поселение

его доследовании можно ожидать новые захоронения. П. С. Рыковым было выявлено два погребения (1, 2).

Погребение 1 — впускное, обнаружено в насыпи выше камней погребения 2, на глубине 0,8 м от поверхности кургана, в северной части выреза на расстоянии 3,7 м от северной стенки и в 1 м от восточной стенки траншеи. Оно располагалось на 0,5 м восточнее ямы погр. 2. Костяк взрослого человека, небрежно брошенного, лежал ничком вытянуто. Череп отсутствовал. Левая рука находилась под скелетом, правая вытянута вдоль туловища. Вещей нет. К сожалению, в архиве П. С. Рыкова не оказалось чережа этого погребения, а в дневнике не указана его ориентировка. Поэтому место погр. 1 отмечено на плане пунктиром [2] (рис. 2).

Погребение 2 — основное, выявлено в центре кургана в материковой яме с заплечиками. К западу от нее на погребенной почве найдена нижняя челюсть и часть позвонка овцы (рис. 2). Яма подквадратная с округлыми углами, вытянута длинной стороной по линии З—В (длина — 6,2, ширина — 5,8, глубина от уровня погребенной почвы 1,5 м). Ширина заплечиков вдоль восточной и западной стенок составляет 2 м, вдоль северной и южной — соответственно 1,5 и 2,3 м. На северном борту заплечиков под каменной обкладкой лежала кость животного. В центре этой ямы, дно которой являлось основанием заплечиков, вырыта могила 2,4×1,9 и глубиной 1,65 м. Сверху по направлению З—В могилу перекрывали жерди, происходящие, как полагал П. С. Рыков, от кибитки. Жерди были покрыты грубой толстой тканью, а поверх этого тканого покрова лежали еще два настила из досок, окрашенных в красный цвет: один ряд поперек, другой вдоль могилы. Ширина досок 15—20 см. Концы жердей, грубой ткани и окрашенных досок перекрытия заходили на 30—40 см под каменную наброску, лежавшую в основном на заплечиках сплошной кладкой. Местами, особенно в юго-западном углу, эта кладка поднималась резко вверх, достигая уровня погребенной почвы. П. С. Рыков отмечает, что и сам настил перекрывался камнями, но более мелкими, чем те, которые лежали на заплечиках. Снизу, со стороны могильной ямы, по углам и посредине северной и южной стенок, деревянный настил поддерживался шестью столбами с деревянными перекладинами. Диаметр ямок от столбов — 10—12 см, глубина — 20—25 см. Не исключена возможность, что этими же столбами удерживались на стенках погребальной ямы цновки. Стенки могилы хорошо сглажены и носят следы тщательной отделки, в отличие от верхней части ямы, вырытой до основания заплечиков. Дно могилы густо посыпано красной краской, часть которой растворилась в сыром грунте и ярко его окрасила. Посредине ямы на

[2] Здесь выявилась неясность. П. С. Рыков сообщает, что эта могила находилась в северной части выреза (колодца-раскопа), а по его же данным («3,7 м от северной стенки и 1 м от восточной стенки траншеи»), погр. 1 должно располагаться за пределами могилы 2 в южной части выреза.

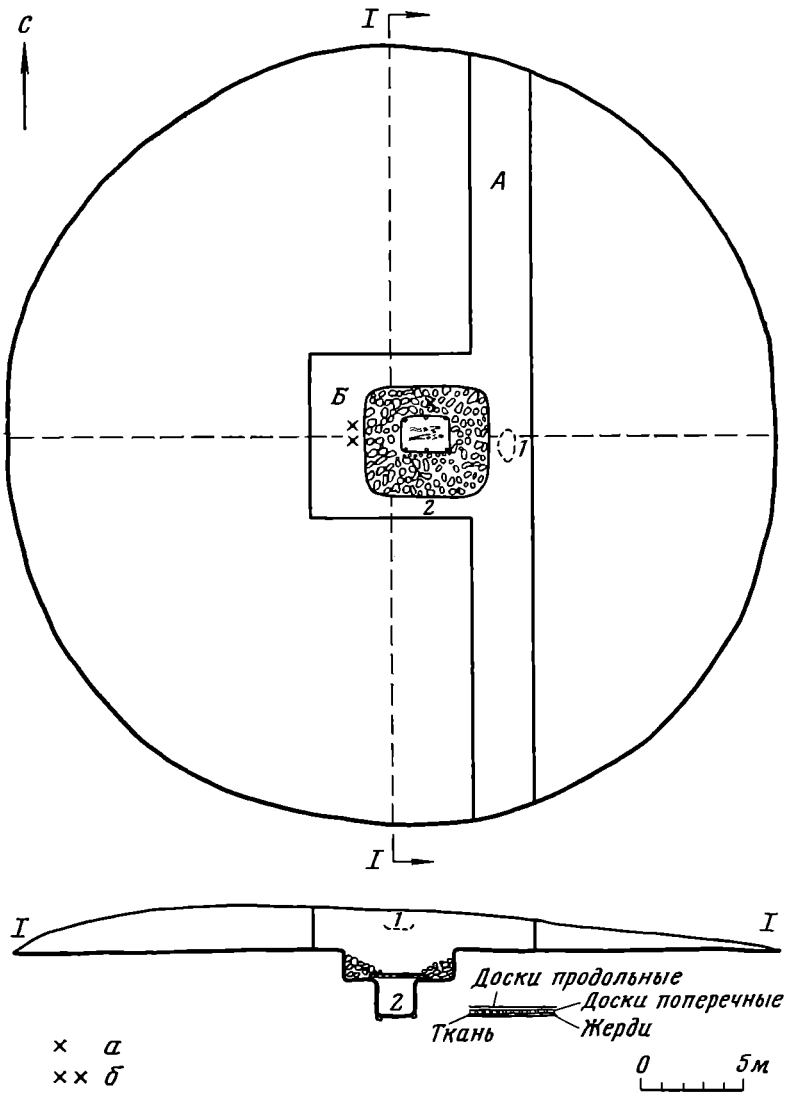


Рис. 2. План кург. 6 Бичкин-Булук. *А* — траншея; *Б* — колодец-раскоп; *1* — погр. 1; *2* — погр. 2; *а* — кость животного; *б* — нижняя челюсть и позвонок овцы

досках, густо устланных камышом, травой и остатками темно-коричневой подстилки, обнаружено парное захоронение мужчины и женщины. Костяки ориентированы головами на восток (рис. 3). Сохранность костей плохая.

Костяк пожилого, высокого роста мужчины лежал вдоль южной стенки, на спине, слабо скорченно. Череп лицевыми костями обращен к женскому костяку. Рот слегка приоткрыт. П. С. Рыков предполагает, что погребенный имел под спиной и головой какие-то подкладки в виде подушек. Кисть левой руки находилась между бедрами, а кости предплечья правой — под правым крылом таза. Средняя часть корпуса в области таза смещена вправо, в сторону женского костяка. Кистью правой руки мужчина «удерживал» кисть правой руки женщины. Костяк женщины 17—20 лет лежал вдоль северной стенки могилы на левом боку (отростков позвонков на фотографии не заметно), обращенный лицевыми костями в сторону мужчины. Правая рука резко согнута и кистью находилась под правой ладонью мужчины. Левая рука отведена вперед и лежала локтевыми костями и кистью под спиной мужчины.

Между черепами отмечены остатки циновки размером 0,2×0,15 м, сплетенной из камыша. Под правой плечевой костью мужчины обнаружен бронзовый топор с деревянной сильно ссохшейся и распавшейся на части рукояткой длиной около 50 см, обращенной к ногам. Лезвием то-

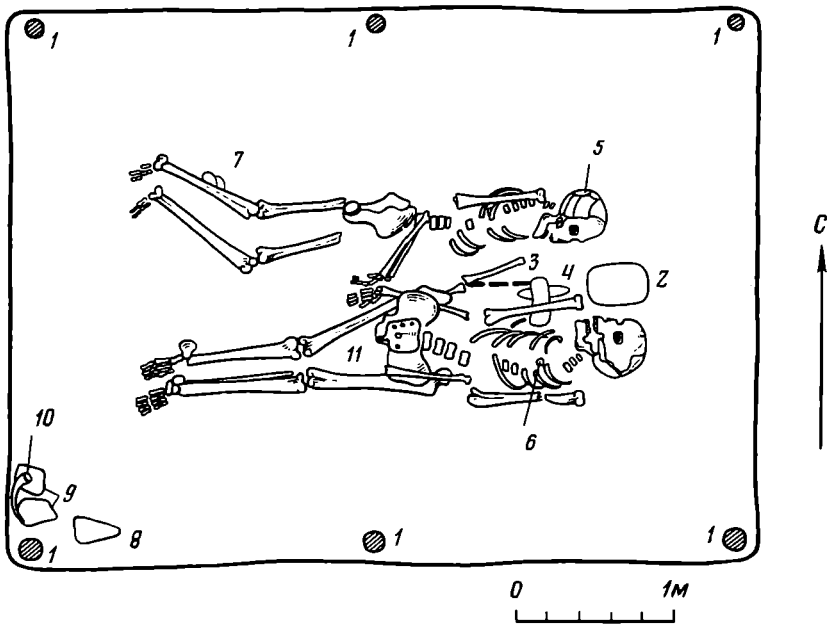


Рис. 3. Погребение 2 кург. 6 могильника Бичкин-Булук. План. *1* — ямка от столба; *2* — шиповка; *3* — топор (бронза); *4* — наконечник копья или дротика (железо); *5* — два височных кольца (серебро); *6* — височное кольцо (серебро); *7* — кучка золы и угольков; *8* — пест (камень); *9* — два абразива (песчаник); *10* — обломок кабаньего клыка; *11* — кусок кожи от ремня

пор повернут в сторону ребер погребенного. Длина топора — 12,5, наибольшая ширина клина у лезвия — 5, диаметр круглого проуха — 1,8 см; диаметр деревянной рукоятки — 1—1,5 см. Толщина проуха 2,5 мм. Верхняя часть обуха топора оказалась надломленной и частично разрушилась в результате коррозии (рис. 4, *1*). Под клинком топора, поперек него, лежал железный лавролистный наконечник дротика или копья, острием обращенный к черепу. Основание наконечника глубоко засело в древко, длину последнего определить не удалось. Длина наконечника — 13,5, ширина пера — 4, наибольшая толщина миндалевидного среза — 0,8 см (рис. 4, *4*). На левой половине груди мужчины — массивное серебряное спиралевидное височное кольцо в 1,5 оборота, с округленными концами диаметром 1,6 см, диаметр стержня 0,4 см (рис. 4, *2в*). На подвздошной кости — кусочек темной кожи, видимо от ремня, диаметром около 1,5 см. В юго-западном углу могилы находились остатки берестяной коробки или туеска, в которой обнаружены: 1) конический каменный пест из серого диабаза, со следами красной краски и заполированности на боках и основании; высота — 14,2, диаметр основания — 9 см (рис. 4, *6*); 2) две плитки — абразива из кирпичневого песчаника неправильной формы с притертыми широкими плоскостями; размеры: 12×8×0,9 и 10×8×1,2 см. На последней продольная бороздка — следы заточки какого-то инструмента (рис. 4, *5*). На одной из плиток лежал обломок кабаньего клыка длиной 10,3 и шириной 2,5 см (рис. 4, *3*). Под черепом женского скелета найдено серебряное проволочное височное кольцо с несомкнутыми концами, один из которых обломан, а другой расплющен (рис. 4, 2*а*). Диаметр кольца — 1,3 см; диаметр проволоки— 0,2 см. Рядом находились два обломка аналогичного серебряного височного колечка (рис. 4, *2б*). Около правой бедренной кости погребенной и частично под ней лежали кучкой зола и угольки.

К сожалению, стратиграфическое место погр. 2 кург. 6 могильника Бичкин-Булук не совсем ясно, поскольку время безынвентарного погр. 1 неизвестно. Однако относительная хронология погребений в больших ямах с заплечиками и каменными кладками довольно четко определяется в других трех курганах.

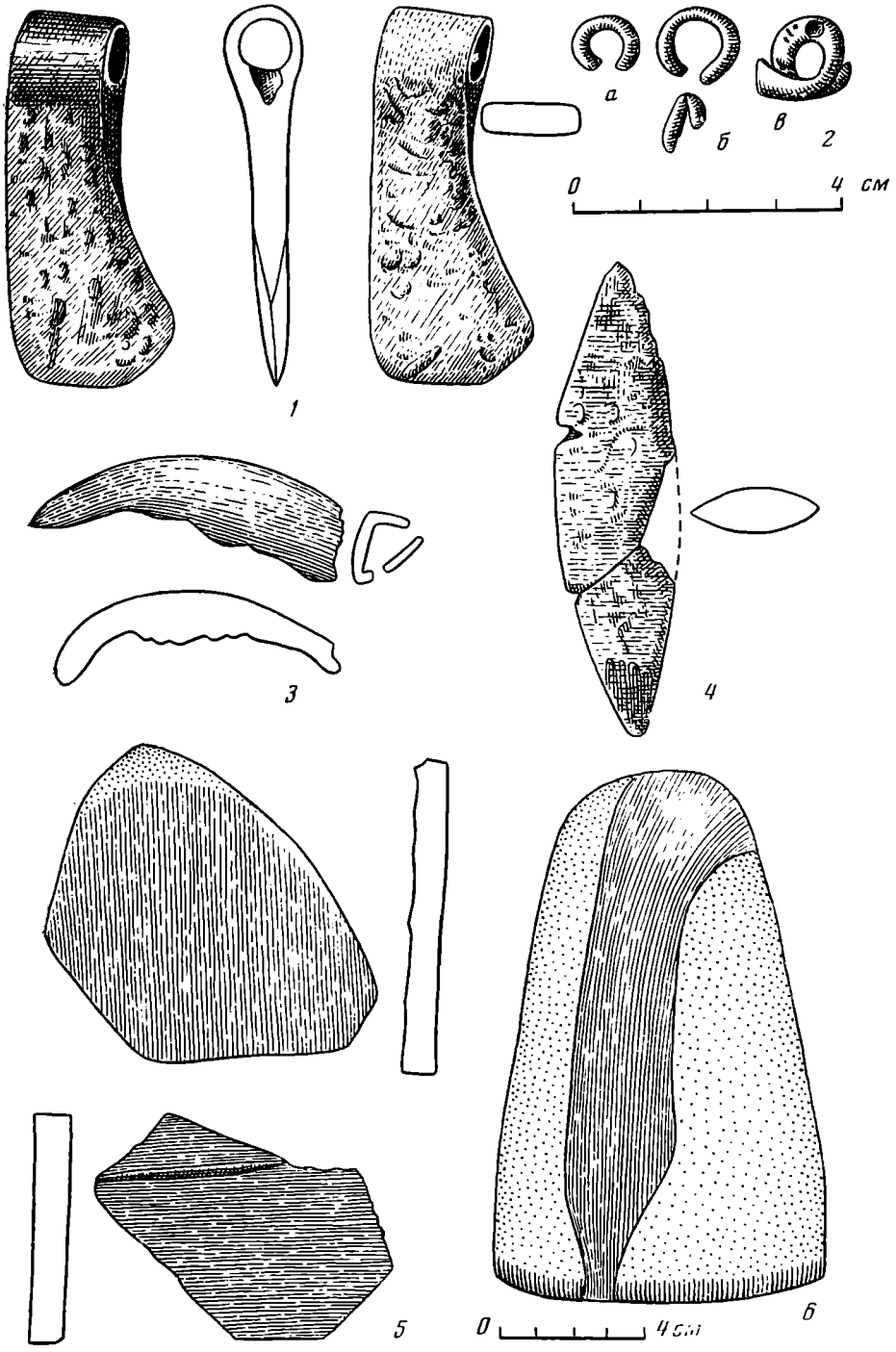


Рис. 4. Находки из погр. 2 кург. 6 могильника Бичкин-Булук. *1* — топор (бронза); *2* — спиральные кольца (серебро); *3* — клык кабана; *4* — наконечник копья или дротика (железо) с приставшими волокнами дерева от рукоятки; *5* — абразивный инструмент из красного песчаника; *6* — каменный пест

Курган 9 в урочище «Три брата I» раскопан П. С. Рыковым, доследовался в 1980 г. Е. В. Цуцкиным и В. П. Шиловым. Большая насыпь, синхронная раннему этапу полтавкинской культуры, перекрыла два более древних небольших кургана, сооруженных в эпоху ямной культуры [10, с. 158, 159], в том числе и три захоронения в ямах с заплечиками (2, 3, 12). В свою очередь, в бóльшую насыпь, воздвигнутую над интересующим нас погребением 8 с остатками деревянной повозки, впущены захоронения развитого этапа предкавказской культуры (1, 7, 9, 10, 16). Следовательно, горизонт больших ям с заплечиками, обрамлен-

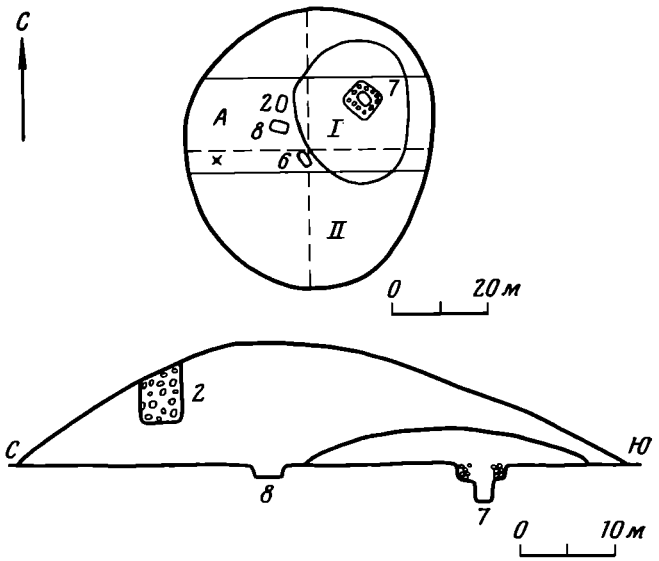


Рис. 5. Схематический план кург. 25 могильника «Три брата I» (по П. С. Рыкову). *I*, *II* — насыпи; *А* — раскоп; *2*, *6*, *8* — погребения; х — жертвенное место

ных каменной кладкой, лежит между позднеямными погребениями и развитым этапом предкавказской культуры.

Курган 25 в урочище «Три брата I», так называемый «второй брат», исследован П. С. Рыковым в 1936 г. Высота — 7, диаметр — 60 м. К сожалению, и здесь раскопана не вся насыпь; она была прорезана сквозной траншеей по линии З—В, шириной около 15 м. В настоящее время с южной и северной сторон вдоль заплывшей траншеи сохранились довольно мощные останцы, при доследовании которых можно обнаружить новые захоронения (рис. 5).

Отчет о раскопках этого интересного памятника до сих пор не опубликован, поэтому мы приводим имеющиеся в нашем распоряжении архивные данные. Благодаря сохранившемуся схематическому чертежу частичного плана кург. 25 ясно, что интересующее нас погр. 7, обнаруженное в материке, устроено под центром более древнего кургана. Здесь была вырыта яма с заплечиками, ориентированная длинной осью по линии СЗЗ—ЮВВ. Длина ямы — 3,5, ширина — 2,25, глубина — 0,5 м от уровня погребенной почвы. В центре этой ямы вырыта могила 1,85×1,3 и глубиной 1 м от уровня основания заплечиков. Ширина заплечиков 0,6—0,8 м. Яма была покрыта деревянным продольным накатом, верх которого, видимо, был устлан циновкой или тканью. Сверху на заплечиках сооружена каменная кладка, соответствующая ширине заплечиков; высота ее — до 0,5 м. На дне могилы лежал костяк мужчины на спине, скорченно, головой на ЮВВ. Череп слегка повернут в сторону левого плеча. Кисть правой руки на тазовых костях. Левая рука вытянута кистью влево. Стопы не сохранились (рис. 6). На костях заметны следы красной краски, особенно у черепа и у области стоп. Справа на уровне таза обнаружены две створки абразивного инструмента из красноватого песчаника с продольной бороздкой посредине. Длина — 13 и 10,5, ширина — 4,5 и 4,5, толщина — 2 и 2,7 см; наибольшая ширина бороздки 0,9 см (рис. 7, *2*). В засыпи над костяком обнаружена жаровня, изготовленная из края крупного сосуда с отогнутым наружу краем, украшенным косыми бороздками, нанесенными среднезубчатым чеканом. Поверхность светло-коричневая, сглажена внутри и снаружи гребенчатым штампом. Внутри и на стенках следы красной краски. Диаметр края — около 30 см (рис. 7, *1*).

У северной полы древнего кургана впущено в материк погр. 8 в прямоугольной яме размерами 2×1,35×1,4 м, ориентированной длинной осью по линии ЮВВ—СЗЗ. Костяк лежал на спине вытянуто, черепом

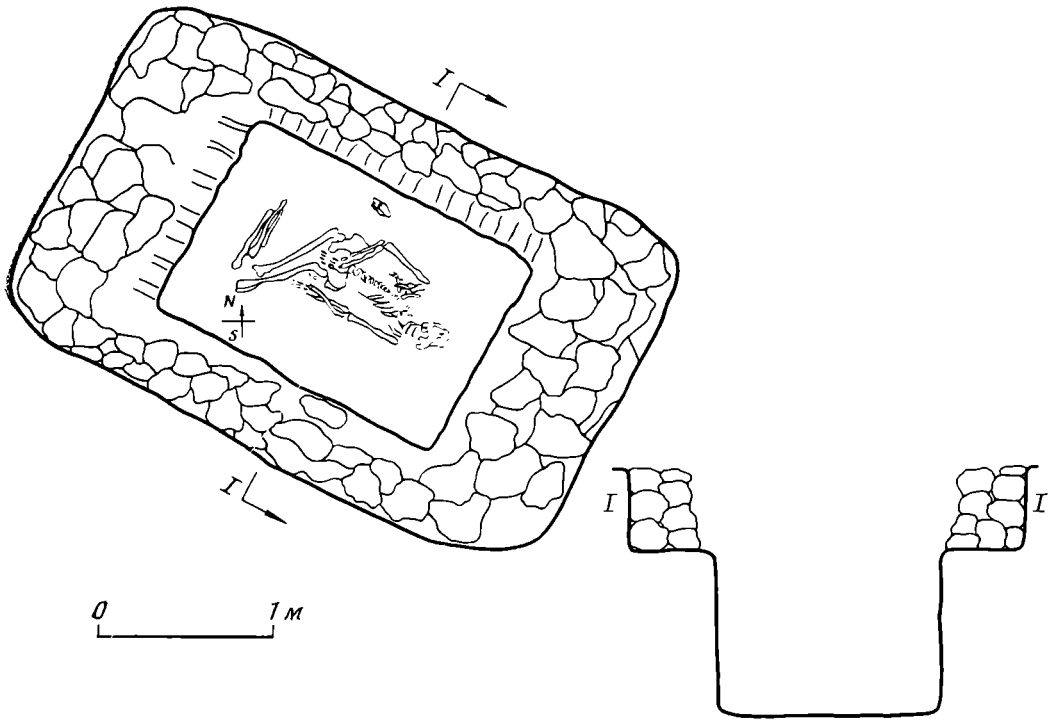


Рис. 6. План и разрез погр. 7 кург. 25 могильника «Три брата I»

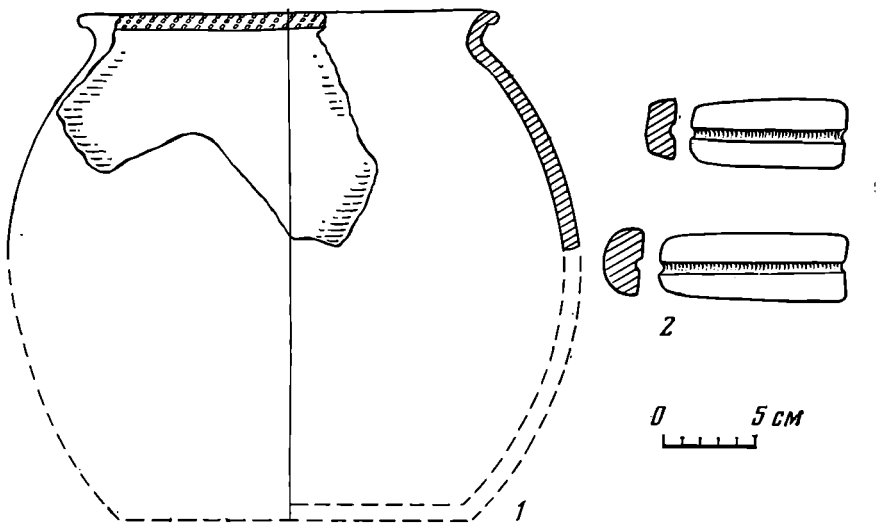


Рис. 7. Находки из погр. 7 кург. 25 могильника «Три брата I». *1* — жаровня из края сосуда; *2* — абразивный инструмент для обработки древок стрел

на ЮВВ. Руки, слегка согнутые в локтях, лежали ладонями вниз. На костях, у черепа и на дне могилы следы красной краски. Возле правой височной области находилась серебряная спиральная височная подвеска в 1,5 оборота с приставшими к ней волокнами грубой растительной ткани. Видимо, с этим погребением связана вторая значительная досыпка кургана, после чего он приобрел окончательные размеры. Остальные впускные в насыпь и материк погребения относятся к развитой фазе предкавказской культуры и более позднему времени (савроматское погребение 2).

Таким образом, в кург. 25 основное погр. 7 предшествует погр. 8 в небольшой яме с вытянутым положением костяка (II обрядова груп-

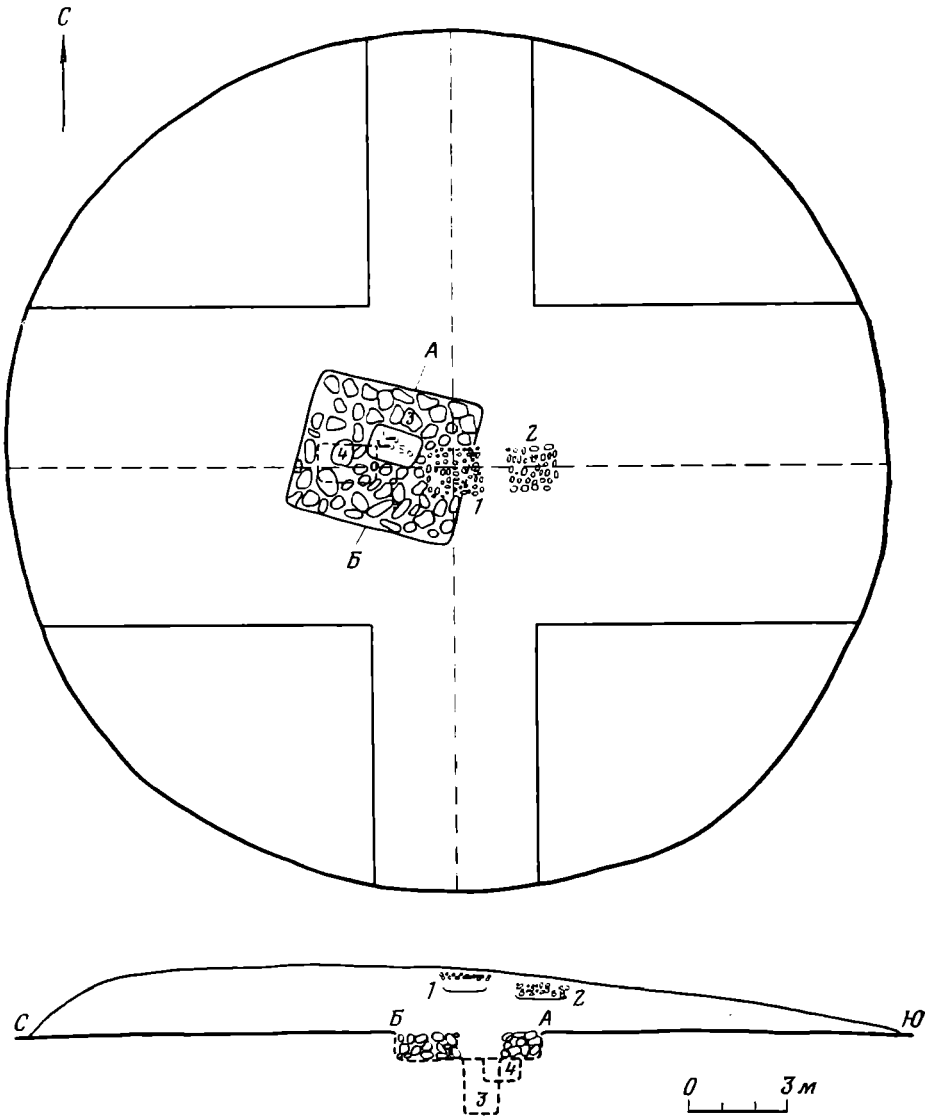


Рис. 8. План кург. 5 могильника Цаган-Эльсин (по П. С. Рыкову). 1—4 — погребения.

па) [3] и захоронением времени развитой фазы предкавказской культуры (V обрядовая группа).

Курган 5 могильника Цаган-Эльсин, исследованный П. С. Рыковым в 1937 г., также имеет большое значение для выяснения стратиграфического положения рассматриваемых погребений. Высота насыпи — 2, диаметр — 27 м. Курган исследован двумя крестовидно перекрещивающимися сквозными траншеями по линии З—В шириной 10 м и по линии С—Ю —5 м. В центре в насыпи и в материке обнаружены 4 погребения (рис. 8).

Погребение 1 — впускное, в насыпи. В центре под дерном обнаружена выложенная из одного-двух рядов камней квадратная площадка 1,65×1,65 м. Ниже под ней, на глубине 0,65 м, встречены лежащие в беспорядке кости взрослого человека.

[3] Для наименования обрядовых групп Калмыкии здесь и далее мы используем данные В. А. Сафронова: I группа — погребение в ямах на спине, скорченно, головой в основном на восток, II группа — погребение в ямах, вытянуто, головой на восток; III группа — погребение в катакомбах, на спине, скорченно, головой на восток; IV группа — погребение в катакомбах на спине, вытянуто, головой на восток; V группа — погребение в катакомбах на боку, скорченно, головой на юг; кисти между бедер [9].

Погребение 2 — впускное, в насыпи, на глубине 0,4 м от центрального репера обнаружена квадратная кладка (1,5×1,5 м) из двух-трех рядов песчаника. Под камнями на дне могилы лежал костяк взрослого человека на правом боку, скорченно, головой на север. Кисти рук перед лицом. Череп носит следы искусственной деформации. Вещей нет.

Погребение 3 — впускное. Обнаружено в материке в большой подквадратной могиле, ориентированной по линии СЗЗ—ЮВВ. Длина ямы — 5,3, ширина — 4,5, глубина от уровня погребенной почвы — 0,8 м. Ширина заплечиков с северой стороны — 1,3, с западной — 2,2, с южной — 1,8, с восточной — 1,6 м. Почти в центре заплечиков вырыта могила для погребенного, ориентированная длинной осью по линии СЗЗ—ЮВВ [4]; размеры ямы 1,60×1,10 и глубиной 2,65 м от уровня погребенной почвы. Стенки хорошо сглажены. На уровне заплечиков яма была перекрыта плоскими грубообработанными плитами из светлого песчаника, которые впоследствии слегка просели в засыпь могильной ямы. Под камнями кладки по краю могилы прослежены доски деревянного перекрытия, поверх которых лежали остатки циновки [5]. Из дневников П. С. Рыкова не ясно, где помещались каменные плиты — над или под деревянным перекрытием, так же как и направление досок, перекрывавших могилу. По аналогии с другими погребениями и судя по тому, что сгнившие доски провалились в могилу и находились непосредственно на костяке поперек ног, можно предположить следующий порядок расположения перекрытия в могиле (снизу вверх): деревянные доски, циновка, песчаниковые плиты. На дне ямы на подстилке из камыша обнаружен костяк мужчины [6] на спине, скорченно, головой на юго-восток. Руки слегка распростерты. На руках и кое-где над камнями следы красной краски. Вещей нет.

Погребение 4 — основное. Оно нарушено юго-западным углом могилы 3. Яма прямоугольная в плане, ориентирована длинной осью по линии З—В; размеры 1,7×1,15×1,45 м. Кости скелета мужчины оказались сгруженными к восточному краю могилы. Череп отсутствовал. Судя по нижней челюсти, погребенный был человеком преклонного возраста. Его кости отличались необыкновенной массивностью. В могиле было очень много краски, особенно обильно ею усыпаны остатки костяка. Около южной стены прослежены сгнивший вертикально стоявший деревянный клин длиной около 15 см с заточенным концом. Возле большой берцовой кости, лежавшей у восточного края ямы, две истлевшие веточки.

Итак, в кург. 5 могильника Цаган-Эльсин зарегистрирована прямая стратиграфия: ямное погр. 4 было нарушено захоронением 3 в большой яме с заплечиками, на основании которых возведена каменная кладка. В свою очередь, погр. 2 было перекрыто двумя захоронениями — 1 и 2 собственно предкавказской культуры. Следовательно, во всех указанных случаях погребения позднеямной культуры древнее рассматриваемых погребений в ямах с заплечиками с каменными кладками. Последние стратиграфически предшествуют по времени погребениям развитой фазы предкавказской культуры (V обрядовой группы).

Наряду с ямами с заплечиками, на которых сооружались каменные кладки, в Калмыкии встречена небольшая серия погребальных ям без заплечиков. Такие могилы перекрыты деревянным накатом, а по краям обрамлены каменными кладками.

1) Лола I, кург. 14, погр. 1. В кургане обнаружено два погребения. Основная могила 1 частично разрушена при рытье колодца катакомбы 2 развитой фазы предкавказской культуры. В основной могиле, обложенной по краям камнями, костяк лежал на спине, скорченно, головой на восток. На костях краска. Следовательно, здесь наблюдается прямая стратиграфия интересующих нас погребений с V обрядовой группой [12, с. 26, 27].

---

[4] В другом месте дневника П. С. Рыкова отмечается несколько иная ориентировка могильной ямы 3 — длинной осью по линии З—В.

[5] Как в кург. 25 (погр. 7) и кург. 9 (погр. 8) из урочища «Три брата I», кург. 6 (погр. 2) урочища Бичкин-Булук.

[6] Б. В. Фирштейн считает, что погр. 3 было женским [11, с. 137].

2) Лола I, кург. 15, погр. 1. В кургане обнаружено два погребения, из которых основное (1) по краям обложено каменной кладкой. Во впускном погребении у скелета был искусственно деформирован череп (V обрядовая группа). Здесь, как и в предыдущем кургане, сходная стратиграфическая ситуация [12, с. 27, 28].

3) Архаринский могильник, кург. 19, погр. 3. Это погребение основное, безынвентарное, помещено в могиле, обложенной по краям камнями. Оно нарушено погребением предкавказской культуры (V обрядовая группа) [13, с. 83].

4) Лола I, кург. 23, погр. 2. Могила обложена по краям камнями. На дне ее, на глубине 1,8 м, лежал костяк мужчины на спине, скорченно, головой на восток. На костях следы красной краски. У левого локтя стояла круглодонная миска новосвободненского типа с красноватой поверхностью. Выше, в засыпи этой же могилы, на глубине 0,45 м от уровня погребенной почвы, лежал костяк взрослого человека на спине, вытянуто, головой на запад. Череп лежал на левом виске. Кисть правой согнутой в локте руки — на тазовых костях; левая рука слегка отведена в сторону. На груди обнаружены две подвески из зубов оленя, а в северо-западном углу — плоскодонный сосуд, украшенный по плечикам нарезными треугольниками, обрамленными снаружи наколами, видимо, развитого этапа предкавказской культуры. Здесь четко наблюдается прямая стратиграфия. Основное погр. 2 предшествует II обрядовой группе [13, с. 45, 46].

5) ВМЛБ, 1965, II [7], кург. 13, погр. 10 — основное, по краю обложено камнем. Костяк лежал на спине, скорченно, головой на восток, колени влево. Около черепа с левой стороны бронзовая спиральная подвеска в 1,5 оборота. Костяк сверху и дно могилы покрыты органической подстилкой. Краска отсутствует. Над этим погребением сооружена первоначальная насыпь высотой 1,5, диаметром 25 м [14, с. 74]. Первое впускное захоронение — 9 яма с заплечиками (I обрядовая группа). Материковый выкид из нее лежал частично на первоначальной насыпи. Инвентарь: спиральная подвеска в 1,5 оборота из сурьмы, костяное кольцо и четырехгранное шило. Краски нет. Кроме того, в этот курган были впущены еще четыре безынвентарные могилы (5—8) I обрядовой группы без следов употребления ритуальной красной краски. Помимо этого, в курган было впущено погр. 4 (IV обрядовая группа) с обильным инвентарем (бронзовая ложка, костяная молоточкообразная булавка, две бронзовые бляхи с пуансонным орнаментом, 4 бронзовые посоховидные булавки, 10 круглых костяных подвесок с отверстиями диаметром 2,5—3 см у края, подвески из раковин диаметром 1—1,5 см, около 30 костяных колец, 9 тонких костяных трубочек, украшенных нарезными заштрихованными треугольниками и елочным узором, и 2 костяные трубочки со спиральной нарезкой). Остальные погребения V обрядовой группы и позже. Таким образом, основное погребение относится здесь к эпохе ямной культуры, так же как и четыре впускных захоронения I обрядовой группы. Погр. 11 является более поздним (14, с. 73—75).

6) ВМПБ I, И. В. Синицын, 1967, кург. 4, погр. 16 [8], основное [15]. Могила с парным погребением, обложена по краям каменной кладкой (I обрядовая группа). Вещей нет. Впускные погр. 12 и 13 также I обрядовой группы, а погр. 5 — II обрядовой группы. Основное погр. 16 относится к ямной культуре, впускное 5 — к архаринскому этапу.

7) ВМПБ I, В. И. Синицын, 1967, кург. 11, погр. 22, впускное (I обрядовая группа). Края ямы обложены камнем. На юго-восточном углу лежало плашмя деревянное колесо повозки. При сооружении могилы были разрушены три погр. 23 (основное), 24 и 25 I обрядовой группы. К впускным относится погр. 6 II обрядовой группы. Таким образом, погр. 22 I обрядовой группы разрушило три ямных погребения

---

[7] ВМЛБ II — здесь и далее Восточный Маныч левый берег II; ВМПБ I — Восточный Маныч правый берег I.

[8] Материалы хранятся в архиве ИА АН СССР (личный фонд И. В. Синицына, дневники, ф. 17).

в обычных могильных ямах. Следовательно, стратиграфически погр. 22 относится к поздним ямным захоронениям.

8) ВМПБ I, И. В. Синицын, 1967, кург. 19, погр. 9, основное, безынвентарное, I обрядовой группы. Края могилы обложены камнем. Впускные погр. 5—8 той же I обрядовой группы. В одном из них (7) обнаружены два кремневых наконечника стрел, напоминающих кремневые наконечники майкопской культуры. К впускным относятся и погр. 1—4 V обрядовой группы. Итак, в кург. 19 могилы с каменными обкладками датируются эпохой ямной культуры и, видимо, несколько старше новосвободненского этапа майкопской культуры.

9) Кермен-Толга, И. В. Синицын, 1970, кург. 2, погр. 2, основное, I обрядовая группа. Края могилы обложены камнем. На дне могилы вдоль северной и южной длинных стенок по три ямки от столбов, как и в близком по времени погр. 2 кург. 6 в урочище Бичкин-Булук. Время впускного погребения неясно.

Судя по приведенным данным, прямоугольные в плане могилы, огражденные по краям каменными кладками (I обрядовая группа), появляются в эпоху, несколько предшествующую новосвободненскому этапу майкопской культуры, и продолжают бытовать, видимо, беспрерывно до раннекатакомбных погребений. Отдельные захоронения с каменными обкладками доживают на территории современной Калмыкии до появления развитого этапа предкавказской культуры (V обрядовой группы) [9, с. 97 сл.]. Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений можно утверждать, что погребения в больших ямах с заплечиками, обложенными камнем, и захоронения в небольших ямах, края которых обложены каменными стенками, сосуществовали на определенном отрезке времени: от эпохи ямной и до начала развитого этапа предкавказской культуры. Это подтверждается архаическим в тех и других погребениях ритуалом погребения (I обрядовая группа) и такими общими чертами погребальных сооружений, как наличие ямок для столбов вдоль длинных стенок могил (Бичкин-Булук, кург. 6, погр. 2; Кермен-Толга, кург. 2, погр. 2) и нахождение по углам могил деревянных колес от повозок («Три брата I», кург. 9, погр. 8; ВМПБ I, И. В. Синицын, 1967, кург. 11, погр. 22)

Теперь обратимся к анализу погребального инвентаря, обнаруженного в больших ямах с каменными сооружениями на заплечиках. В этих захоронениях встречено небольшое количество керамики. Так, в засыпи кург. 25, погр. 7 (группа «Три брата I») обнаружена жаровня, изготовленная из верхней части края крупного сосуда, с отогнутым наружу краем и выпуклыми боками, плоскодонным (рис. 7, 1). Поверхность сосуда светло-коричневая с темными пятнами. Снаружи и внутри хорошо заметны следы сглаживания гребенчатым штампом. Край украшен косыми бороздками, нанесенными среднезубчатым чеканом. Черепок в изломе черный с включениями частиц песка и, вероятно, дресвы. Как хорошо известно, жаровни встречаются только в погребениях катакомбной культуры. Аналогичная по технике изготовления и форме керамика известна в памятниках II и IV групп: ВМЛБ III, 1966, кург. 28, погр. 7 (рис. 9, 2); Тачин-Царнг III, кург. 2, погр. 3, раскопки У. Э. Эрдниева, 1972 г. (рис. 9, *1*); ВМПБ, 1967, кург. 30, погр. 6, раскопки И. В. Синицына (рис. 10) и др. [15]. Иногда эта керамика орнаментируется по плечикам защипами.

Не менее важными являются находки сосудов из кург. 9 погр. 8 могильника «Три брата I» [10, с. 158, 159]. Здесь обнаружена наиболее ранняя для Калмыкии курильница на высокой цилиндрической подставке; ее корпус снаружи украшен косыми параллельными оттисками веревочки, пространство между которыми заполнено рядами скобочек — отпечатков свернутого полудужкой шнура. Подставка снаружи обрамлена восьмью рядами круговых оттисков тугого шнура. Днище, как и на полтавкинских сосудах, украшено крестовидно расположенными рядами веревочки и скобочками между ними [1, с. 154, рис. 20]. Близкая по форме курильница, но с внутренней перегородкой обнаружена А. Л. Нечитайло в курганном могильнике ст. Суворовской (кург. 1, погр. 9).

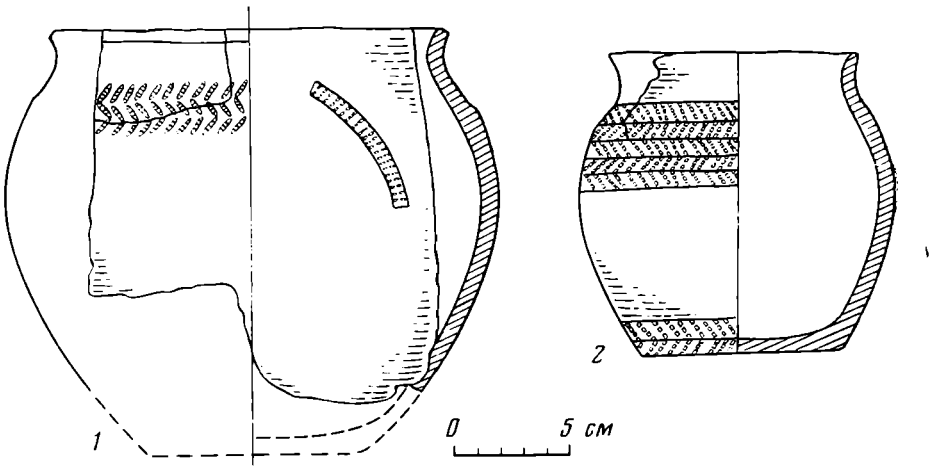


Рис. 9

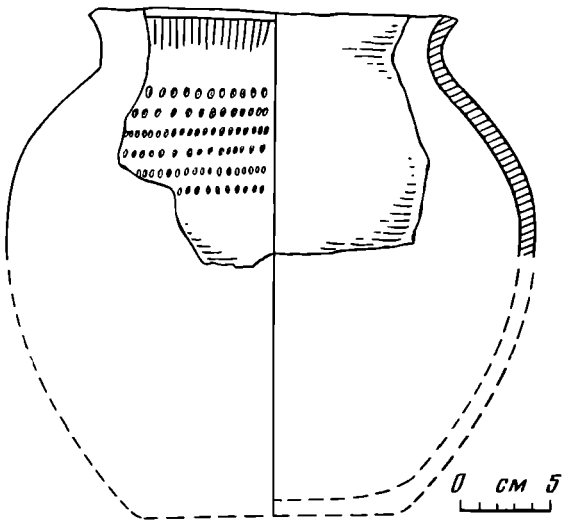


Рис. 10

Рис. 9. Находки из курганов. *1* — жаровня из погр. 3, кург. 2 могильника Тачин-Царнг III; *2* — жаровня и бока сосуда (ВМЛБ III, 1966, кург. 28, погр. 7, раскопки И. В. Синицына)

Рис. 10. Жаровня из края сосуда (ВМПБ I. 1967, кург. 30, погр. 6. раскопки И. В. Синицына)

Дно подставки здесь также украшено крестовидно расположенными рядами оттисков веревочки. Эта курильница найдена в катакомбе с костяком, положенным в вытянутом положении. А. Л. Нечитайло относит данные курильницы ко II типу и связывает их с предкавказской культурой [16, с. 150, рис. 4; 17, с. 8, 9, рис. 7, *1, 2*].

В том же погр. 8 встречен сосуд с округлыми боками и отогнутым наружу краем, украшенный сложными узорами: плечики и донце — четырьмя круговыми рядами оттисков веревочки, а поле между ними — треугольниками, заполненными чередующимися параллельными рядами оттисков веревочки и скобочек [1, с. 154, рис. 19]. Аналогичные сосуды встречены в могильнике «Три брата I» (кург. 4, погр. 6 и 10, кург. 6, погр. 1). Могила погр. 4 кург. 6 была окружена каменной кладкой; костяк лежал на спине, с отклонением на бок, скорченно, головой на юго-восток [18, с. 125, рис. 4; с. 127, рис. 5; с. 129, рис. 8]. Еще один аналогичный сосуд обнаружил И. В. Синицын при раскопках на Восточном Маныче (группа II 1966, кург. 54, погр. 2) с тем же архаичным ямным обрядом захоронения.

Важное значение для датировки и определения культурной принадлежности захоронений в ямах с заплечиками имеют находки бронзовых изделий. Так, в погр. 8 группы «Три брата I» обнаружен бронзовый нож [1, с. 154, рис. 18]. Как мы отмечали выше, стратиграфически погр. 8 предшествует памятникам развитой фазы предкавказской куль-

Таблица 1

Спектральный анализ бронзового топора из погр. 2, кург. 6 могильника Бичкин-Булук, %

Место проведения анализа	Cu	Sn	Ni	As	Ag	Mn	Fe	CO	P
Лаборатория спектрального анализа ИА АН СССР (Москва)	Основа		0,01	1,5	0,001	0,001		0,003 0,005	0,1
Лаборатория кафедры физики ХГУ	»	0,2	Сл.	1,0	Сл.	Сл.	0,1		

туры (V обрядовой группе). Аналогичные ножи встречены И. В. Синицыным в кург. 6 погр. 1 Элистинского могильника в катакомбной могиле, вход которой был заложен деревянным колесом [19, с. 71, с. 112, рис. 3] и в кенотафе Восточного Маныча (правый берег кург. 11, погр. 27, раскопки 1967 г.), где встречены две каменные булавы, бронзовый крюк, шило с упором, каменный пест и глиняная курильница. Для датировки важна находка подобного ножа в захоронении кург. 2 раннеполтавкинского времени у с. Утевки I [20, с. 30].

К раннеполтавкинской культуре относятся два погребения Саратовского Поволжья, где обнаружены костяные (?) булавки с веретенообразным стержнем, украшенным сложным геометрическим орнаментом [21, с. 49, рис. 8А]. Совершенно идентичные булавки встречаются в захоронениях II—IV обрядовых групп в Калмыкии [14, с. 34, 35, табл. 47, *1*, с. 80, табл. 9, *8*].

В станице Усть-Джегутинской (кург. 24, погр. 1) в погребении первого этапа северокавказской культуры встречена бронзовая молоточковидная булавка, какие часто встречаются с аналогичными костяными булавками [22, с. 64, рис. 60; с. 52, рис. 36, *а*, с. 51, рис. 34, *а*]. Данные радиокарбонного анализа погребения определяют время захоронения 2090±60 лет до н. э. Из того же могильника для первого этапа северокавказской культуры известны еще два определения по ^{14}C. Дата погр. 10, кург. 32, где найден топор кабардино-пятигорского типа, иногда встречающийся с поздними молоточковидными булавками, 2160±60 лет до н. э. Для погр. 2, кург. 33 установлена дата 1950±60 лет до н. э. [23, с. 3 сл.].

Таким образом, по данным радиокарбонных анализов и на основании датировок ранних фаз северокавказской и полтавкинской культур рассматриваемые погребения следует относить к концу III и первым двум столетиям II тыс. до н. э.

Важное значение для определения даты изучаемых погребений имеет находка в захоронении 2 кург. 6 могильника Бичкин-Булук бронзового топора. Топор отличается грацильностью формы. Достаточно указать, что стенки обуха не превышали толщину 2,5 мм, а вес его достигал всего 273 г. Поэтому прав Б. А. Шрамко, считающий данный топор боевым оружием [2, с. 202, 203]. Топор отливался в двухстворчатой форме. Литник его находится на брюшке. Металлографический анализ, проделанный харьковскими специалистами, показал сильную пористость металла, особенно в обушной части, где наблюдается надлом. Топор дважды подвергался спектральному анализу: в Москве и Харькове. Результаты анализов несколько расходятся [2, с. 202; 8, с. 29, рис. 36, анализ 485, с. 132] (табл. 1). В одном случае содержание мышьяка достигает 1,5, в другом 1%. Однако не вызывает сомнения, что топор изготовлен из мышьяковистой бронзы. Значительная примесь мышьяка указывает на кавказское происхождение топора из кург. 6 (погр. 2) могильника Бичкин-Булук [24, с. 100; 25, с. 18—20; 26, с. 133, 159].

К сожалению, топор не имеет близких аналогий и является уникальным. Отнесение его С. Н. Кореневским к группе 1, 5, а тем более сопоставление с массивными топорами баньябюкского типа [27, с. 27 сл.]

неудачно. Бичкин-булукский топор встречает две отдаленные аналогии, происходящие из случайных находок. Один топор, место находки которого неизвестно, находится в Сочинском музее, другой обнаружен на Северном Кавказе [9, с. 230, рис. 6, *5*, *6*].

Еще об одной более отдаленной аналогии можно судить по глиняной форме для отливки топоров, происходящей из стратифицированного поселения у станицы Даховской [28, с. 65, рис. 39, 40, 47; 29, с. 232—235, 256 сл., с. 253, рис. 128, *16*]. В. И. Марковин разделил культурные напластования этого поселения на два близких по времени хронологических горизонта: 1) нижний, мощностью 0,6—1,15 м, откуда была взята и проанализирована проба древесного угля по ^{14}C, давшая дату 2060±80 лет до н. э.; 2) поздний слой, мощностью до 0,6 м. Здесь обнаружена глиняная створка литейной формы для отливки вислообушного топора, близкого по форме, как правильно отметил В. И. Марковин, миниатюрному топору из дольмена, исследованного Н. Л. Камневым у ст. Абадзехской [29, с. 29, 260, 262; 30, с. 34, рис. 16].

Боевой топор из погр. 2 кург. 6 могильника Бичкин-Булук отличается от аналогичных отливаемых в литейной форме изделий Дегуакского поселения тем, что обушная часть его еще почти не выделена, в противоположность матрице для топоров из района Майкопа. Во всяком случае, данные радиокарбонного анализа по ^{14}C для горна из нижнего и тесно примыкавшего к нему по времени верхнего горизонта Дегуакского поселения совпадают с приведенными выше свидетельствами о времени комплексов с молоточковидными булавками с веретенообразными стержнями, украшенными геометрическими узорами и хронологически связанными с ними топорами кабардино-пятогорского типа.

Некоторое сходство с топором из кург. 6 Бичкин-Булук представляет топор из дольмена 5 селения Кюр-Дере, который вместе с другими находками относится, безусловно, к постновосвободненскому этапу майкопской культуры. Ж. Дейе датирует его рубежом III и II тыс. до н. э. [31, с. 1586, табл. XXVI, *4*]. Об этом свидетельствует и одинаковая веревочная змеевидная орнаментация на бронзовых молоточковидных булавках и втулке литого крюка дольмена 4, синхронного дольмену 5 [32, с. 292, табл. XXXII, *8*]. Любопытно, что вислообушные топоры дольмена 4 обнаруживают близость с аналогичными топорами из клада бронзовых вещей из селения Стубло на Волыни. В этом кладе наряду с топорами найдены украшения, датирующиеся ранним этапом унетицкой культуры [32, с. 248 сл.; 33, с. 135]. Э. М. Гогадзе [34, с. 100] относит трубчатообушные топоры из курганов Тетри-Цкаро к рубежу III—II — началу II тыс. до н. э. Морфологическая близость проявляется между топорами из кург. 6 Бичкин-Булук и клада Привольное, дата которого после передатировки А. А. Иессеном Майкопского кургана и курганов новосвободненского этапа требует заметного понижения до конца III — начала II тыс. до н. э. Близки топору из Калмыкии случайные находки с берегов Малки или Баксана [35, с. 1627, табл. XXVI, *3*], с. Коммунта [36, с. 225, рис. 129, *4*, табл. IV, 4], с. Корца [37, с. 39] и собрания К. И. Ольшевского [37, с. 39, рис. 8]. Сходные топоры происходят из ст. Апшеронской [35, рис. 7, 10], из селений Локшукай (Краснодарский музей, инв. № 3662), Меджрисхеви Горийского р-на ГССР [38, с. 17, рис. 16, *б*], Брдадзор Марнеульского р-на ГССР [39, рис. 2, *1*] и Араратской долины [40, с. 39, рис. 8, *а*]. Таким образом, по имеющимся данным, наш топор датируется самым концом III и, вероятно, первыми двумя веками II тыс. до н. э. Не менее важны находки в кург. 6 массивных спиральных височных подвесок в 1,5 оборота, подобные которым встречаются в памятниках катакомбной культуры Приднепровья и других территорий, а также раннего этапа северокавказской культуры [8, с. 129, рис. 36, № 552].

Для выявления культурной принадлежности ям с заплечиками, на основании которых выложены каменные стенки, большое значение имеет находка в погр. 7 кург. 25 пары абразивных инструментов из розового песчаника. Эти орудия встречаются только в погребениях катакомбной культуры и совершенно неизвестны в захоронениях ямной культуры.

Остальные вещественные находки из бронзы, камня, клыков кабана не дают представления ни о культурной принадлежности рассматриваемых памятников, ни об их времени.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

1. Погребения в больших ямах с заплечиками с каменными выкладками и часть захоронений в небольших ямах, обрамленных по краю такими же каменными сооружениями, занимали стратиграфическое положение между погребениями ямной культуры и памятниками развитого этапа предкавказской культуры.

2. Находки в них жаровен, изготовленных из крупных плоскодонных сосудов, а также сосудов, происходящих из кург. 9, погр. 8 урочища «Три брата I» (сосуд и курильница) позволяют выделить их в предшествующий этап предкавказской культуры.

3. Стратиграфическое положение и анализ вещественных находок дают возможность рассматриваемые погребения включить в один хронологический горизонт с захоронениями II, III и IV обрядовыми группами, по В. А. Сафронову.

4. Анализ стратиграфических данных и вещественных находок позволяют увязать отмеченные выше погребения с погребениями первых этапов северокавказской и полтавкинской культур и датировать их концом III тысячелетия до н. э.— 1800 гг. до н. э.

5. В это же время появляются первые катакомбы и погребения с деформированными черепами, бытуют костяные молоточковидные булавки с веретенообразным стержнем, украшенным геометрическим орнаментом (комбинациями заштрихованных треугольников, ромбов, зигзагообразных полос), бронзовые молоточковидные булавки, украшенные по стержню змейками и веревочным орнаментом, а также бронзовые посошковидные, украшенные шишечками. Этот хронологический горизонт характеризуется бронзовыми небольшими подвесками с ушками, орнаментированными концентрическими веревочными узорами вокруг небольшого отверстия, (медальонами) бронзовыми гвоздевидными булавками, отлитыми по восковой модели, с теми же змейками в верхней части стержня, бронзовые ложки с крючками или отверстиями на конце черешка специфической формы, бронзовые ножи, абразивные инструменты для обработки древок стрел, жаровни, изготовленные из крупных плоскодонных сосудов эсовидного профиля, украшенные рядами елочек, косых насечек, выполненных прямым или зубчатым чеканом. Впервые отмечается появление курильницы на монолитной кольцевидной подставке.

6. Появившись еще в эпоху ямной культуры (ВМПБ I, 1967, кург. 11, погр. 22), деревянные двух- и четырехколесные повозки начинают более широко входить в быт древнего населения Калмыкии. Еще большее распространение они получают в эпоху расцвета предкавказской культуры, начало которого относится к XVII в. до н. э.

7. Многие черты погребального обряда и материальной культуры этого горизонта уходят своими корнями далеко вглубь, в эпоху ямной культуры.

8. Погребения в больших ямах с заплечиками, принадлежали богатой родоплеменной верхушке общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья.— СА, 1948, т. X.
2. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе.— СА, 1965, № 4.
3. *Синицын И. В.* Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени.— Тр. Саратовского обл. музея краеведения, 1956, вып. 1.
4. *Rykov P.* Modèle de chariot en argile du kurgane no 9 de la localité dite «Les Trois Frères» en pays Kalmouk.— Litterarum societas Esthonica 1838—1938. V. II. Tartu, 1938.
5. *Иерусалимская А. А.* К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья (Предкавказский вариант катакомбной культуры). Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1958.
6. *Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР.— СА, 1958, № 1.

7. *Латынин Б. А.* К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы.— КСИИМК, 1957, вып. 70.
8. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
9. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Сообщение научного методического совета Министерства культуры СССР. М.: Знание, 1974.
10. *Цуцкин Е. В., Шилов В. П.* Исследования в группе Три брата I.— АО — 1980. М., 1981.
11. *Фиртейн Б. В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
12. *Синицын И. В.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году.— Тр. Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Вып. 1. Элиста, 1963.
13. *Синицын И. В.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.) — Тр. Калм. НИИЯЛИ и Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Вып. 2. Элиста, 1966.
14. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Саратов: Изд-во Сараг. ун-та, 1978.
15. *Эрдниев У. Э.* Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: Калмыцкий НИИ ист., филол. и экономики, 1982.
16. *Нечитайло А. Л.* Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской.— СА, 1970, № 2.
17. *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник. Киев: Наук. думка, 1979.
18. *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг.— СА, 1936, т. 1.
19. *Синицын И. В.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) — Тр. Калм. НИИЯЛИ и Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Вып. 3. Элиста, 1971.
20. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) — В кн.: Древняя история Поволжья (Научн. тр. Куйбышевского гос. пед. ин-та, т. 30). Куйбышев, 1979.
21. *Rau P.* Neue Funde aus Hockergräbern der Wolga deutschen Gebiets.— ESA, 1929, t. IV.
22. *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная принадлежность, атрибуция и датировка.— АСб. ГЭ, 1967, вып. 9.
23. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1979.
24. *Селимханов И. Р.* К исследованию металлических предметов из «неолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа.— СА, 1960, № 2.
25. *Тавадзе Ф., Сакварелидзе Т.* Бронза древней Грузии. Тбилиси, 1959.
26. *Селимханов И. Р.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.
27. *Кореневский С. Н.* Металлические орудия и оружие эпохи бронзы Восточной Европы (втульчатые топоры). Канд. дис. М.: 1975,— Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2155.
28. *Марковин В. И.* Дегуакско-Лаховское поселение дольменной культуры в Майкопском районе.— В кн.: Сборник трудов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977.
29. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
30. *Фелицын Е. Д.* Западно-кавказские дольмены.— МАК, 1904, т. IX.
31. *Deshayes J.* Les outils du bronze de Indus an Danube (IV—II millinarie). P., 1960.
32. *Куфтин Б. А.* Материалы по археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси: Техника да шрома, 1949.
33. *Antoniewicz W.* Der in Stublo in Wolhgnien aufgefundene Bronzeschatz.— ESA, 1929, t. IV.
34. *Гогадзе Э. М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
35. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, 1960, № 93.
36. *Данилевский В. В.* Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала.— ИГАИМК, 1935, вып. 110.
37. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23.
38. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941.
39. *Кобидзе Д. Л.* Новые находки медных орудий в Квемо-Картли, Дманисский и Мариеульский районы Грузинской ССР.— СА, 1958, № 1.
40. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

V. P. Shilov

MOUND 6 FROM THE BICHKIN-BULUK STOW AND THE PROBLEM OF CHRONOLOGY OF THE BEGINNING OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN KALMUKIA

Summary

Stratigraphical studies have led the author to conclude that burials of the nobility in large graves with smaller stone-lined chambers are intermediary between the later pit-grave burials and the burials of the proto-Caucasian culture. Material finds and C_{14} analysis permit to surmise that the burials were synchronous to the II, III, and IV ritual groups in Kalmukia (according to V. A. Safronov) and to date them to the early phases of the Poltavkino and the North Caucasian culture. This chronological horizon is characterised by later bone (?) hammer-headed pins with spindle-shaped stems, geometrically ornamented, bronze twisted stems with bulb heads used as pendants, bronze hammer-headed and staff-shaped pins and a number of other artifacts, flat-bottomed pottery with the S-shaped profile embellished with slant notches made with a fine-toothed embrossing die or a stamp. At this stage, which the author proposes to call the Arkhara stage, first catacomb graves appeared in Kalmukia. They were characterised by deformed skulls of those buried and by archaic burial rite typical of the earlier pit-grave culture.

КОЛОТУХИН В. А.

К ВОПРОСУ О ТАВРАХ И КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Кизил-кобинская культура была выделена Г. А. Бонч-Осмоловским в 1926 г. в результате разведочных раскопок предгорных могильников Крыма Карлы-Кая, Чуюнча и поселений Кизил-Коба, Альма 1 и 2. Исследователь датировал эти памятники эпохой поздней бронзы, предварительно связав их с ранними таврами [1, с. 93]. Однако в 1939 г. В. Н. Дьяков указал на преждевременность подобного соотнесения, подчеркнув, что кизил-кобинская керамика отражает более высокий уровень развития материальной культуры по сравнению с тем, какой был у тавров по свидетельству древних авторов [2, с. 80]. В последующие годы П. Н. Шульц, полемизируя с В. Н. Дьяконовым, дал следующее обоснование принадлежности памятников кизил-кобинской культуры ранним таврам: а) совпадение территории распространения кизил-кобинских поселений с территорией Таврики, засвидетельствованной античными писателями; б) тождество погребального обряда кизил-кобинцев с погребальным обрядом тавров античной эпохи; в) наличие генетической связи таврской керамики античной эпохи с кизил-кобинской посудой; г) последовательность развития культуры от кизил-кобинского времени до поздней античности [3, с. 241]. С аналогичных позиций рассматривали памятники предгорного и горного Крыма I тысячелетия до н. э. С. Ф. Стржелецкий [4], О. Д. Дашевская [5, с. 110; 6, с. 193], а также А. М. Лесков, обобщивший почти весь известный археологический материал по данной теме [7].

К иным выводам привел анализ того же материала Х. И. Крис, в работах которой тезис В. Н. Дьякова принял вид стройной концепции с реконструкциями исторического плана, вплоть до характера взаимоотношений двух выделенных ею этнических групп тавров и племен — носителей кизил-кобинской культуры [8, с. 156; 9; 10]. Классифицируя памятники предгорного и горного Крыма по территориальному признаку, Х. И. Крис дифференцирует их на две культурные группы: таврскую и кизил-кобинскую. Первая локализована на Южном берегу и в горных районах, вторая — в предгорьях [8, с. 160; 10, с. 36]. Поселения тавров исследовательнице неизвестны. Для могильников, представляющих собой группы каменных ящиков, Х. И. Крис отмечает характерные черты: 1) устойчивость конструкций: каждый ящик состоит из четырех боковых плит и пятой покровной; 2) устойчивость ориентации могил; 3) специфичность состава погребального инвентаря, отличающегося обилием бронзовых украшений, а также наличием предметов вооружения и конской сбруи; 4) отсутствие керамики [10, с. 34; 11, с. 24]. К кизил-кобинской культуре отнесены многочисленные поселения и могильники. Последние отличаются от таврских рядом особенностей: 1) отсутствуют монументальные гробницы (ящики часто сложены из составных плит, иногда неглубокие могилы имеют каменную обкладку стен); 2) ориентация могил неустойчива; 3) погребальный инвентарь беден, в его составе почти полностью отсутствуют изделия из металлов; 4) обязательно имеется керамика [8, с. 160; 10, с. 42; 11, с. 29]. Первоначально Х. И. Крис датировала все могильники VI—V вв. до н. э. В последней работе исследовательницы нижняя хронологическая дата таврских могильников перемещена в VII в. до н. э., а кизил-кобинских — к рубежу IX—VIII вв. до н. э. [10, с. 51]. При этом замечание о более ранней дате возникновения кизил-кобинских могильников сделано вскользь. Совершенно неясно, какие из погребальных памятников автор считает более ранними,

а какие синхронными «классическим» таврским каменным ящикам.

К выводу об обитании в предгорном и горном Крыму в раннем железном веке двух этнических групп пришел также А. А. Щепинский. В отличие от Х. И. Крис он относит к таврским памятникам не только каменные ящики горных районов и Южного берега, но и предгорные могильники Чуюнча, Карлы-Кая, поселения с неорнаментированной керамикой, в том числе Ашлама-Дере. В кизил-кобинскую группу памятников А. А. Щепинский включает поселения с керамикой, украшенной врезным геометрическим орнаментом, и подкурганные погребения с аналогичной посудой. По мнению исследователя, та и другая культура достигли своего наивысшего расцвета приблизительно в одно время, сохранив свои четко выраженные типы поселений, погребений и керамику. А. А. Щепинский связывает памятники кизил-кобинской культуры с поздними киммерийцами, продвинувшимися в Крым в VIII—VII вв. до н. э. [12, с. 30 сл.].

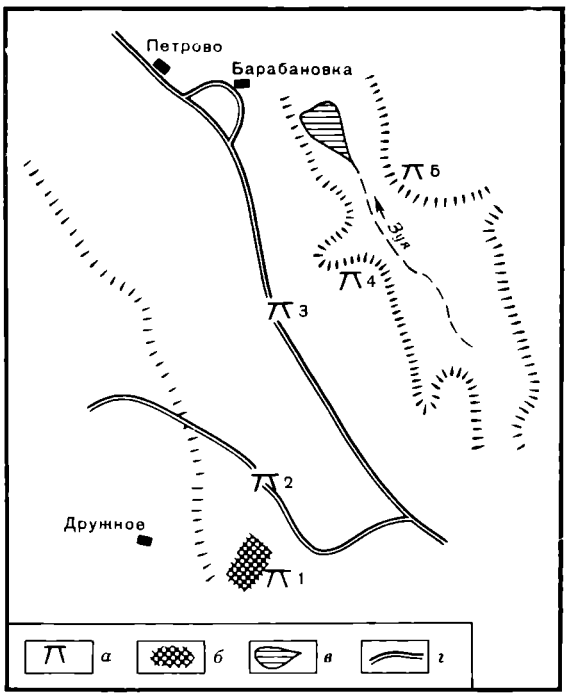


Рис. 1. Схематический план расположения предгорных могильников. *1* — Дружное 1; *2* — Дружное 2; *3* — Капак-Таш; *4* — Калы-Кая; *5* — Чуюнча; *а* — могильники; *б* — поселение Дружное 1; *в* — водохранилище; *г* — грунтовые дороги

Общим в работах Х. И. Крис и А. А. Щепинского является стремление обосновать тезис В. Н. Дьякова о двуэтничности населения предгорного и горного Крыма первой половины — середины I тысячелетия до н. э. Однако мнения исследователей существенно расходятся при дифференциации памятников: предгорные могильники, поселения типа Ашлама-Дере, подкурганные погребения с лепной орнаментированной керамикой получают различную культурную атрибуцию.

В свете настоящей дискуссии представляют интерес новые материалы, полученные в результате работ на трех предгорных могильниках: Дружное 1, Дружное 2 и Капак-Таш (рис. 1). Могильник Дружное 1 расположен на отроге Долгоруковской яйлы в 1 км к востоку от с. Дружное Симферопольского р-на и в 150—200 м к востоку от поселения Дружное 1 [13, с. 108]. Он включает две группы каменных ящиков: западную (группа 1) и восточную (группа 2). Плохое состояние могильника, а также повсеместный выход материковой скалы не позволяют даже приблизительно определить количество погребальных сооружений. В группе 1 могилы расположены двумя параллельными рядами. В восточном ряду их насчитывается не менее восьми, в западном — не менее пяти; некоторые из могил имеют ограды из некрупных камней и плит. Группа 2 находится в 80 м к востоку от первой. Здесь не менее 45 ящиков, расположенных без видимого порядка и выделяющихся по скоплениям некрупных камней. Следы оград на поверхности не прослеживаются. Исключение составляют восемь погребальных сооружений, сгруппированных преимущественно на северной окраине, которые отличаются от остальных невысокими (0, 2—0,4 м), но отчетливо выраженными насыпями, а также наличием подпрямоугольных или овальных в плане оград из крупных уплощенных камней. Три могилы находились в ограде со смежными стенками, ящики разрушены, на их месте — скопление расслоившихся сланцевых плит, среди которых в могилах 9 и 10 найдены две серьги из белого металла, раздавленный черноглиняный кубок с врезным гео-

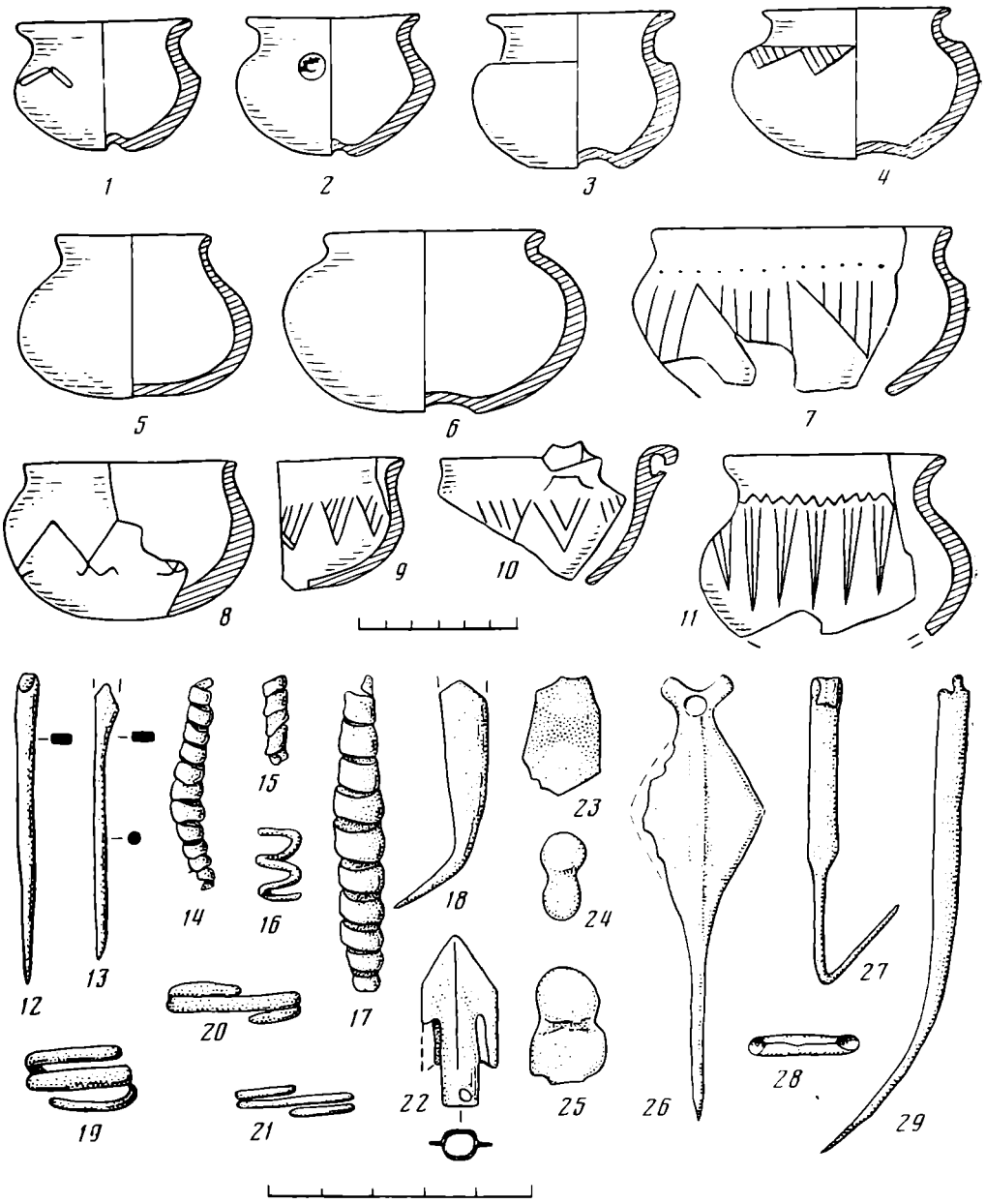


Рис. 2. Лепная керамика (*1—11*) и изделия из бронзы (*12—29*) из могильников Дружное 1 (*1—4, 12—22*), Капак-Таш (*7, 8*), Дружное 2 (*9—11*) и Таш-Джарган (*5, 6, 23—29*)

метрическим орнаментом, фрагментированная бронзовая булавка с раскованным щитком, биконическая спираль из бронзовой полоски, два перстня в два оборота (проволочный и из узкой полоски) и раковины каури (рис. 2, *4, 17—21*).

На могильнике Дружное 1 зачищено 19 полуразрушенных ящиков: 6 — в группе 1, 13 — в группе 2; один был сложен из известняковых плит, остальные — из сланцевых. Конструктивно ящики одинаковы: каждый состоит из четырех плит, установленных на ребро. При этом торцы поперечных плит заключены между продольными плитами; концы последних, как правило, выступают на 5—20 см. В одном случае (группа 1, могила 3) торцы продольных плит примыкали к поперечным. В могиле 2 (группа 2) длинная стенка ящика состояла из двух плит. Внутренние размеры ящиков от 0,6×0,45 м до 1,1×0,8 м. Три из зачищенных нами ориентированы по оси В—З, один — по оси СВВ—ЮЗЗ, остальные — по оси ЮВВ—СЗЗ. Сохранившаяся высота стенок до 0,4 м. Плиты установлены на материковую скалу, соответствовавшую древне-

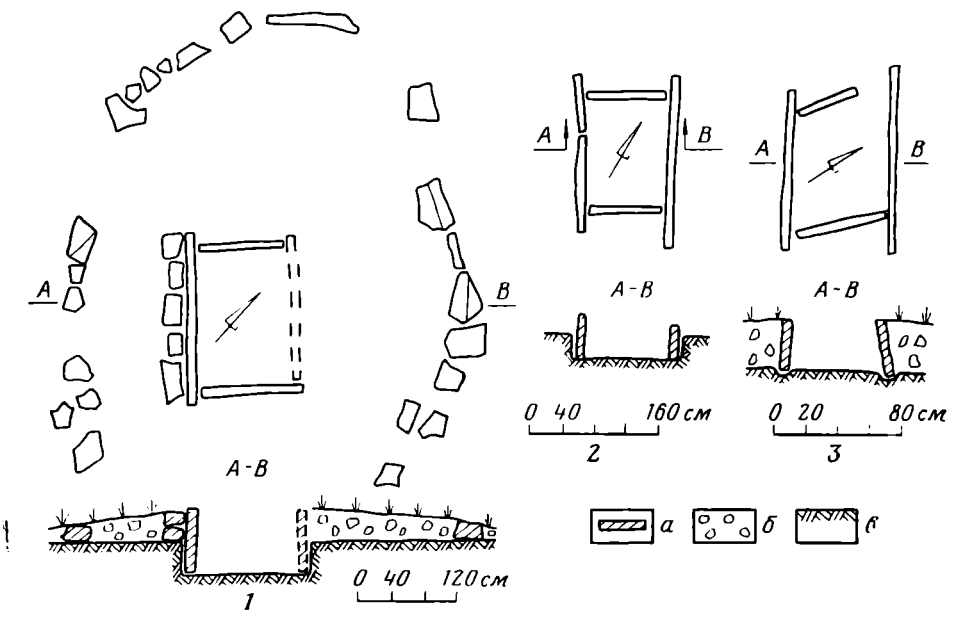


Рис. 3. Каменные ящики. *1* — могильник Дружное 2, могила 4; *2* — могильник Дружное 2, могила 16; *3* — могильник Дружное 1, группа 1, могила 1; *а* — каменная плита; *б* — забутовка из камня и щебня; *в* — материк

му горизонту, или на 5—15 см впущены в нее (рис. 3, *3*). С внешней стороны ящиков на высоту 0,2—0,3 м набросаны камни, образуя холмики диаметром 3—5 м. В настоящее время за счет образования гумусного слоя холмики снивелированы и выделяются по скоплениям камней и щебня. Небольшие размеры ящиков и незначительное количество найденных в них костей позволяют предполагать, что каждый из них содержал от одного до трех скелетов. Находки немногочисленны: в одной могиле найдены обломки грубого горшка с валиком и миски с рельефным орнаментом, в остальных — фрагменты кубковидных лепных сосудов, три из которых удалось склеить (рис. 2, *1—3*). Бронзовые изделия представлены обломками спиралей, двумя фрагментированными булавками с узкими раскованными щитками. При подчистке дна единственного ящика, сложенного из известняка (здесь выявлены следы недавних раскопок), был найден бронзовый двухлопастной наконечник стрелы килевидной формы с обломанным шипом (рис. 2, *12—16, 22*).

Могильник Дружное 2 находится в 2 км к северу от могильника Дружное 1. Он состоит из трех групп каменных ящиков: западной, восточной и южной. Западная группа включает один ряд ящиков, восточная — два параллельные ряда, в южной группе могилы расположены без видимого порядка. Все ящики заключены в ограды, иногда со смежными стенками. Ящики сложены из четырех сланцевых плит, установленных вертикально. Торцы поперечных плит заключены между продольными, концы последних выступают на 10—50 см. В двух случаях одна из продольных плит примыкала к поперечной. Могилы ориентированы по оси ЮВВ—СЗЗ. Все они неоднократно подвергались ограблению: из 17 исследованных могил 7 оказались разрушенными до основания. Состояние остальных различно. Внутренние размеры ящиков от 1,2×1,05 до 1,8×1,0 м. Высота стенок до 0,9 м. В местах, где древняя поверхность представляла скалу, в ней вырубались канавки глубиной 5—10 см, в которые вставлялись основания плит. В суглинке стенки ящиков впускались на половину или на 2/3 своей высоты (рис. 3, *1*, *2*). С внешней стороны стенки крепились крупными уплощенными камнями, уложенными на древний горизонт на высоту в один или два ряда — в зависимости от высоты выступающей части ящика. Камни оград устанавливались на древний горизонт или немного впускались в него. Пространство между оградой и плитами ящиков до уровня верхнего их среза

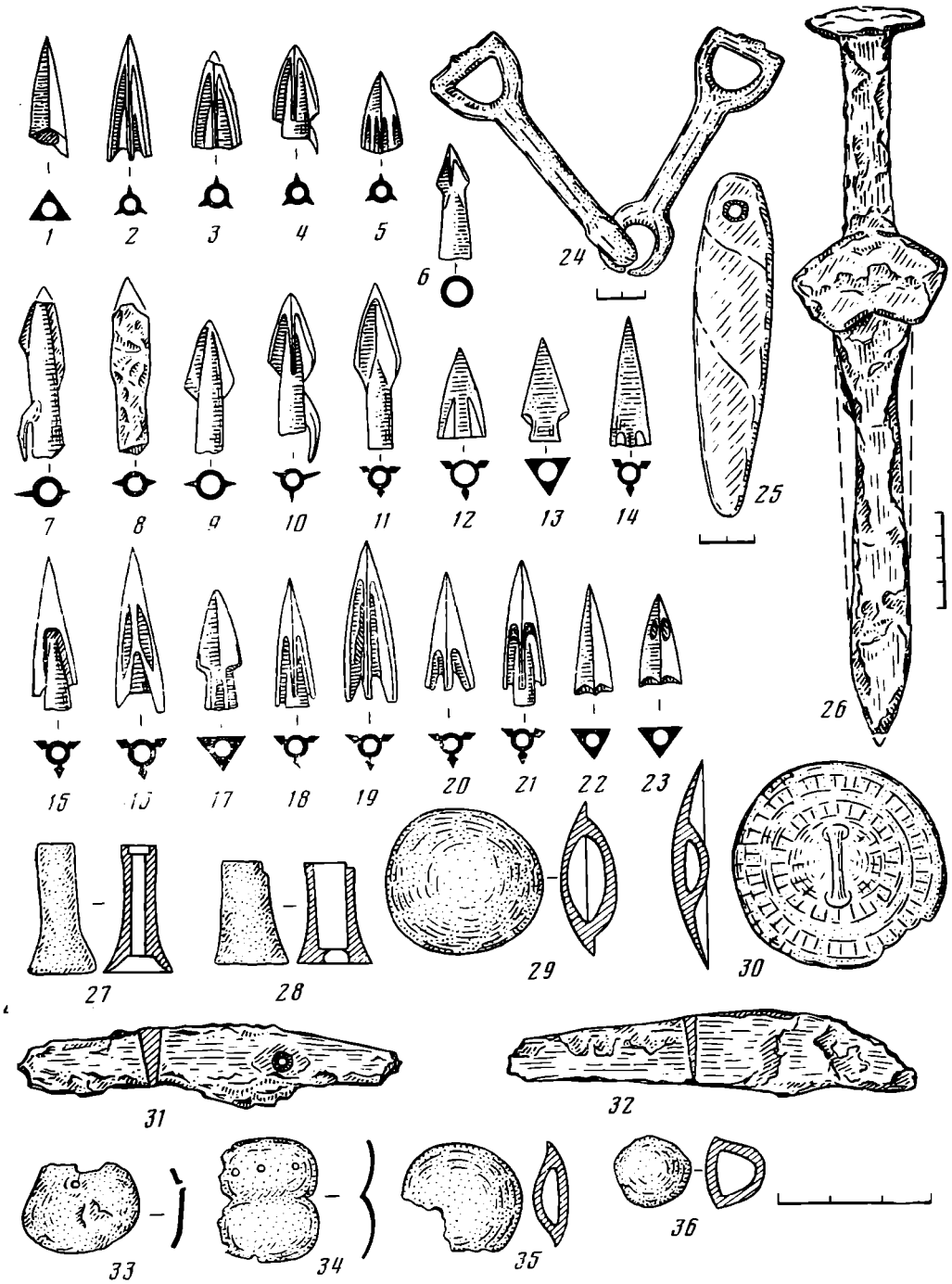


Рис. 4. Типы вещей из каменных ящиков могильника Капак-Таш (*1—5*, *33*, *34*) и Дружное 2 (*6—30*, *32*, *35*, *36*). *1—7*, *9—24*, *27—30*, *33—36* — бронза; *8*, *26*, *31*, *32* — железо; *25* — камень

забутовано камнями и щебнем. Обломки покровных плит сохранились на пяти могилах. В засыпи ящиков найдены обломки костей человеческих скелетов, в том числе черепов (до 20). Инвентарь, судя по сохранившимся вещам, был богат и разнообразен. Из предметов вооружения в 11 могилах найдены наконечники стрел (от 2 до 9 шт.; в могиле 4 их было 57 шт.), в одной — железный кинжал с брусковидным навершием и почковидным перекрестием. Оселки из мелкозернистого песчаника найдены в трех могилах. Железные изделия представлены обломками двух удил, двухлопастным наконечником стрелы, фрагментами серповидных ножей, круглых и пластинчатых браслетов, серьгой и перстнем. Обычными находками являются раковины каури и пастовые бусы. Наиболее многочисленны изделия из бронзы. Это удила со стремечковидными петлями,

Рис. 5. Типы бронзовых вещей из каменных ящиков могильника Капак-Таш (*1—12*) и Дружное 2 (*13—39*)

восьмерковидные, штампованные нашивные бляшки, а также литые с петлей на оборотной стороне очковидные подвески (4 шт.), различные типы браслетов (до 10 шт. в одной могиле), булавки с раскованным щитком, проволочные и пластинчатые перстни, трубчатые пронизи; несколькими типами представлены серьги: конические (из проволоки, узкой полоски или штампованного листа), проволочные с закрученным в спираль нижним концом, спиралевидные биконические, литые грибовидные и состоящие из двух полых конусов и стержня-основы (рис. 4, *6—30, 32, 35, 36*; рис. 5, *13—39*). Кроме того, найдена половина каменной булавы грушевидной формы. Из двух могил происходят невыразительные обломки чернолаковых сосудов, в трех ящиках встречены фрагменты лепных сосудов с врезным геометрическим орнаментом. Три ограды были расчищены полностью; на уровне древнего горизонта зафиксированы многочисленные обломки лепной орнаментированной керамики (рис. 2, *9—11*).

Могильник Капак-Таш расположен в 3 км к северо-востоку от могильника Дружное 2 и в 1 км к западу от могильника Карлы-Кая. Впервые он был обследован Г. А. Бонч-Осмоловским. А. М. Лесков включил Капак-Таш в одну культурно-хронологическую группу памятников с Черкес-Керменом [7, с. 67]. Могильник состоит из небольших курганов и каменных ящиков, расположенных двумя параллельными рядами; функционировал он с некоторыми перестройками в позднескифское и раннесредневековое время [14, с. 260]. Всего здесь насчитывается около 70 погребальных сооружений, из которых таврских каменных ящиков не менее 44. Конструкция ящиков аналогична дружненским, отличие состоит в том, что значительная их часть сложена из песчаника (что и обусловило их лучшую сохранность). В отдельных случаях боковые плоскости продольных плит в местах стыковки с поперечными плитами имеют следы подтески или слабо выраженные желобки. Внутренние размеры ящиков варьируют от 1,1×0,95 м до 1,6×1,1 м, 32 ящика ориентировано по оси СВВ—ЮЗЗ. 5 — по оси ЮВВ—СЗЗ, ориентировка остальных не установлена. Большинство ящиков заключено в подпрямоугольные или овальные в плане ограды. 7 ящиков, зачищенные нами, дали единичные находки, не взятые грабителями. Это железный серповидный нож, раковины каури и изделия из бронзы: браслет из круглого стержня, два детских браслета из подтреугольной в разрезе пластины, обломки спиралей, штампованные бляшки, конические спиралевидные серьги из проволоки, узкой полоски и из штампованного листа с пуансонным орнаментом, проволочная серьга с закрученным в спираль нижним концом, булавка с волнообразно изогнутой головкой, игла с ушком, а также наконечники стрел (рис. 4, *1—5*, *33*, *34*; рис. 5, *1—12*). Ряд вещей был найден за пределами ящиков, однако их идентичность мал-музским находкам не оставляет сомнений относительно их культурной принадлежности. Под слоем гумуса среди камней, составляющих заполнение оград (вскрыто 4), и на уровне древнего горизонта найдены многочисленные обломки лепных сосудов с врезным орнаментом (рис. 2, *7*, *8*). Шурфовка территории, занятой могильником, указала на отсутствие здесь культурного слоя.

Все три могильника подвергались не только разграблениям, но и разрушались с целью выборки камня, на что указывает отсутствие покровных плит, явные следы разборки оград, обломанные у самого основания стенки ящиков.

Могильник Дружное 1 нам представляется наиболее архаичным из всех обследованных. Для его датировки следует привлечь керамику, поскольку металлического инвентаря мало и он невыразителен. Кубковидные сосуды, фрагменты которых найдены в большинстве ящиков, имеют заглаженную поверхность и иногда рельефный орнамент; на тулове одного кубка нанесены лунковидные углубления. Ряд близких или тождественных керамических форм известен по материалам могильника Чуюнча [15, с. 106, рис. 1, *5*, *8*] и поселений первого (по классификации Х. И. Крис) этапа кизил-кобинской культуры, в том числе поселения Дружное 1, примыкающего к могильнику с запада [13, с. 111, рис. 7]. По-видимому, могильник составляет с последним единый комплекс и предварительно может быть отнесен, как и поселение, к предскифской эпохе [13, с. 117]. Этому не противоречит бронзовый двухлопастной наконечник стрелы, типологически близкий (хотя и не идентичный) наконечникам Малой Цимбалки и Высокой Могилы [16, с. 137, рис. 82, *4*, *8*].

Восемь погребальных сооружений, расположенных на северной окраине группы 2, отличающиеся от остальных монументальностью оград и отчетливо выраженными насыпями, являются наиболее поздними в данном могильнике. Предварительно они могут быть датированы временем скифской архаики, поскольку бронзовые спиралевидные перстни, найденные здесь, характерны для инвентаря могильника Дружное 2. Кроме того, строгий геометризм орнаментики кубка отличает его от посуды из могил групп 1 и 2, а на поселении сравнительно немногочисленные фрагменты керамики с аналогичным орнаментом встречались в

верхнем, гумированном слое зольника, а также среди подъемного материала.

Нижнюю дату могильника Дружное 2 определяют бронзовые удила и железный кинжал с брусковидным навершием и почковидным перекрестием. Тождественность вещей этого могильника (удила, наконечники стрел, специфический набор бронзовых украшений, бусы, раковины каури и др.) находкам из каменных ящиков Черкес-Кермена (гряды *А, В, С, Д*) и урочища Мал-Муз [7, с. 62, рис. 21, с. 68, рис. 22; 17, с. 153] дает основание предварительно датировать памятник в рамках VI—V вв. до н. э. Характер находок из Капак-Таша, прежде всего бронзовые украшения и наконечники стрел, указывает на его синхронность могильнику Дружное 2.

Предлагаемые здесь даты требуют уточнения. Однако в данном случае очевидным и важным представляется тот факт, что металлический инвентарь последних двух могильников, как и лепная орнаментированная посуда второго этапа кизил-кобинской культуры, не позволяют относить погребения могильников Дружное 2 и Капак-Таш к тому же времени, что и основную группу ящиков Дружного 1, хотя конструктивное сходство погребальных сооружений, некоторые общие типы украшений (бронзовые булавки и спирали, раковины каури) и кизил-кобинская керамика свидетельствуют о культурном единстве этих памятников.

Если могильник Дружное 1 как нельзя лучше соответствует тем критериям, которыми руководствуется Х. И. Крис при выделении предгорной, т. е. кизил-кобинской, группы могильников, то Дружное 2 и Капак-Таш не имеют принципиальных отличий от таврских могильников гор и Южного берега. Это касается как погребальных конструкций, так и инвентаря, который представлен теми же категориями и теми же типами вещей. Наблюдаются параллели и в распределении лепной керамики. В Дружном 2 и на Капак-Таше она найдена в трех могилах из 24, зачищенных нами; также в единичных случаях лепная керамика зафиксирована в каменных ящиках Байдарской долины, Ялты, Средней Лимены [7, с. 58, 77, 82] и у с. Камышлы [18, с. 163]. Кроме Дружного 2 и Капак-Таша, находки более или менее многочисленных обломков лепной посуды, в том числе с врезным орнаментом, отмечены в пределах оград преимущественно на уровне древнего горизонта в Уркусте, Черкес-Кермене [7, с. 70; 19, с. 75], а также в Карлы-Кае, т. е. на всех могильниках гор и предгорий, где раскопки не ограничивались зачисткой ящиков. Все это свидетельствует об ошибочности построений Х. И. Крис, принявшей отличия хронологического порядка между двумя группами памятников за культурные, и подтверждает точку зрения тех исследователей, которые рассматривали «примитивные» каменные ящики предгорий в качестве прототипов «классических» ящиков гор и Южного берега.

Относительная самостоятельность погребальных комплексов Дружного 1 (отражающих в целом доскифскую эпоху) и Дружного 2 (где предметы вооружения и конской сбруи представлены исключительно скифскими типами) указывает на наличие хронологического разрыва между этими могильниками, который, исходя из того, что нижней датой Дружного 2 является VI в. до н. э., может быть определен предварительно в рамках второй половины VII — рубежа VII—VI вв. до н. э. Этому времени должны соответствовать памятники переходного периода, в течение которого формируется тот специфический набор вещей, который мы фиксируем в могилах VI—V вв. до н. э.

К концу VII — началу VI вв. до н. э. А. М. Лесков относит могильники Чуюнча и Карлы-Кая, однако в качестве переходных рассматривает другие: гряду «*Е*» Черкес-Кермена, Отар-Алан и Таш-Джарган, датируя их самым началом VI в. до н. э. [7, с. 121]. Противоречивость этого пункта периодизации заключается в том, что она предполагает для начала VI в. до н. э. параллельное функционирование могильников ранней группы и переходного периода. Поскольку датировать памятники этой эпохи с точностью до одного-двух десятилетий не представляется возможным, то столь детальную хронологию трудно признать

убедительной. Также вызывает возражение ставшая традиционной синхронизация могильников Чуюнча и Карлы-Кая.

Г. А. Бонч-Осмоловский, исследовавший в Чуюнче 13 погребений, дает им следующую характеристику: «Короткие прямоугольные могилы выложены большими обломками известняка и обнесены на известном расстоянии оградой из таких же камней...» [15, с. 105]. Отсутствие указаний на абсолютные размеры оставляет некоторый простор для допущений, однако определение «короткие» представляется неприемлемым для могил Карлы-Кая, длина которых 1,8—1,9 м [15, с. 109]. Для сравнения напомним, что в горных районах преобладают ящики меньших размеров [10, с. 67 сл.]. Инвентарь Чуюнчинского могильника представлен двумя бронзовыми булавками, тремя каменными бусинами, кремневым отжимником и архаичной лепной посудой. Врезной орнамент имеют лишь два кубка: по плечикам одного проходит зигзаг в сочетании с налепом, у второго на тулове три группы вертикальных врезных линий по три линии в каждой группе [15, с. 106, рис. 1, *4, 6*] [1]. Сосуды с аналогичным орнаментом известны на поселениях первого этапа кизил-кобинской культуры Ашлама-Дере [10, табл. 46, *6*], Таш-Джарган 2 и Дружное 1, причем на последнем они надежно датируются доскифским временем псалием камышевахского типа [15, с. 112].

В Карлы-Кае из четырех могил, раскопанных Г. А. Бонч-Осмоловским, две (2 и 4) наряду с неорнаментированной дали орнаментированную лепную посуду, одна (могила 3) — бронзовую бляшку, датируемую концом VII — началом VI в. до н. э. [15, с. 112]. При контрольных раскопках в 1956 г. А. М. Лесковым здесь был исследован курган высотой 0,2 м, диаметром 5,5 м, являющийся скорее всего оградой, в пределах которой выявлены остатки трех каменных ящиков. Участок древней поверхности под вымосткой «кургана оказался усеян обломками лепной посуды», в числе которых были фрагменты с врезным геометрическим орнаментом [15, с. 110]. Отсутствие публикаций этой орнаментированной керамики не дает возможности сопоставить ее с другими материалами, однако ее многочисленность в Карлы-Кае и отсутствие в Чуюнче показательно само по себе и не оправдывает недифференцированного подхода к этим памятникам. Поскольку распространение врезного геометрического орнамента на кизил-кобинской посуде исследователи относят к VII в. до н. э. [15, с. 112; 10, с. 11], датировка Чуюнчинского могильника концом VII — началом VI в. или тем более VI—V вв. до н. э. [11, с. 29], когда геометрический орнамент на столовой посуде становится господствующим, представляется неверной. Характер инвентаря, и прежде всего керамический комплекс, указывают на его синхронность основной группе ящиков Дружного 1. В то же время мы не видим оснований для выделения Карлыкаинского могильника из числа переходных, к которым мы вслед за А. М. Лесковым считаем возможным отнести Отар-Алан и гряду «*Е*» Черкес-Кермена. По-видимому, в группу переходных можно включить также каменный ящик, зачищенный И. А. Барановым [2] в урочище Таш-Джарган под Симферополем: в ящике были найдены фрагменты кубка с врезным орнаментом, два серолощеных неорнаментированных кубка и изделия из бронзы: две булавки с узкими раскованными щитками, одна литая с ромбовидным щитком и двумя антенновидными выступами, три фрагметированные восьмерковидные бляшки и трубчатая пронизь (рис. 2, *5, 6, 23—29*). Литые булавки в таврских комплексах неизвестны, тогда как две другие аналогичны булавкам Чуюнчи, Карлы-Кая, Отар-Алана и гряды «*Е*» Черкес-Кермена, т. е. происходят из могильников раннего и переходного периодов. Булавки из комплексов VI—V вв. до н. э. отличаются от ранних тем, что имеют сильно раскованные щитки, украшенные часто пуансонным орнаментом [10, табл. 32, 33, 35, 36, 39]. Единственным исключением, известным нам,

[1] В монографии Х. И. Крис [10] в табл. 43 с подрисуночной подписью «Чуюнга» опубликованы материалы из других могильников. Аналогичные ошибки в табл. 42 и 45.

[2] Пользуюсь случаем выразить признательность И. А. Баранову за предоставленную возможность опубликовать это погребение.

является булавка из ящика 3 могильника Дружное 2, найденная с вещами VI—V вв. до н. э. (рис. 5, *18*). В то же время трубчатые пронизи и восьмерковидные бляшки, не являясь датирующими, наиболее характерны для таврских могил Крыма VI—V вв. до н. э. [10, табл. 32—41].

При наличии ряда дискуссионных моментов, касающихся прежде всего датировки отдельных комплексов, монокультурность предгорных и горных могильников VI—V вв. до н. э., состоящих из групп каменных ящиков, их генетическая связь с аналогичными памятниками предшествующей эпохи устанавливается с достаточной очевидностью. Наличие кизил-кобинской керамики в составе инвентаря могил, а также под слоем каменной забутовки, составляющей заполнение оград, указывает на связь керамики с погребальной обрядностью, т. е. на принадлежность таврам. Об этом же свидетельствует как синхронность каменных ящиков и поселений кизил-кобинской культуры, так и совпадение ареалов их распространения. Объяснение Х. И. Крис наличия лепной керамики в могильниках гор и Байдарской долины различными случайностями [9, с. 13] выглядит крайне неубедительно: орнаментированная лепная посуда известна на Южном берегу в слоях поселений мыса Тропцы и горы Кошка [20, с. 62], в пещерах Байдарской долины, под Судаком, в горных районах [7, с. 29, 44]; иная посуда, отличная от кизил-кобинской, на обозначенной территории не зафиксирована. Заслуживает внимания и тот факт, что древние авторы локализуют тавров в окрестностях Херсонеса Таврического. Остатки местной «варварской» культуры первой половины — середины I тысячелетия до н. э. представлены здесь исключительно кизил-кобинскими памятниками [21, с. 285; 22, с. 130; 23, с. 35]. Таким образом, попытка Х. И. Крис дифференцировать памятники раннего железного века предгорных и горных районов Крыма на две культурные группы не находит подтверждения в материалах археологических раскопок.

Письменные источники также не дают оснований для выделения в Крыму в VI—V вв. до н. э. какого-либо третьего этноса, кроме тавров и скифов. Несмотря на некоторые неясности (локализация города Каркинитиды и реки Гипакириса, которые разграничивали скифские и таврские земли, обитание тавров в Крымской степи и др.), в них с достаточной определенностью говорится о сопредельности скифских и таврских владений [24, с. 277; 25, с. 205]. Появление около рубежа нашей эры терминов «скифо-тавры» и «тавро-скифы», отражающее смещение или культурную нивелировку этих племен [26, с. 155], также свидетельствует об их непосредственном контакте и отсутствии «этнического буфера» между ними.

Классификацию памятников, разработанную Х. И. Крис, трудно признать удовлетворительной уже в силу фрагментарности привлеченного материала: из 66 могильников, учтенных в предгорном и горном Крыму [10, с. 8], в работах исследовательницы охарактеризовано с разной степенью полноты не более 16. Кладя в основу классификационной схемы ориентацию могил и конструктивные особенности погребальных сооружений (наличие или отсутствие оград), Х. И. Крис разделила могильники Южного берега и горных районов на три локальные группы: южнобережную, южнобайдарскую и северобайдарскую. Для южнобережной характерна ориентировка каменных ящиков по линии З—В и «полное отсутствие оград» [10, с. 35]. Отметим вслед за Х. И. Крис, что этим условиям не отвечает могильник на горе Малаба, в котором зафиксировано несколько групп каменных ящиков с различной ориентировкой могил и наличие оград, а также могильник на горе Кошка, где из 42 ящиков лишь 9 ориентировано по линии З—В [10, с. 67]. Неустойчива ориентировка костяков в могилах, исследованных В. Е. Данилевичем у Кекенеиза (ориентацию ящиков автор раскопок не указал) [27, с. 58]. Как пишет А. М. Лесков со ссылкой на П. Н. Шульца [7, с. 76], для одного из могильников у Гаспры характерна ориентировка могил по линии С—Ю. Аналогично ориентированы пять ящиков, раскопанных в 1886 г. В. Д. Смирновым у д. Токлук [7, с. 78].

О южнобайдарской группе, для которой, по Х. И. Крис, характерна ориентация могил линии С—Ю и отсутствие оград, мы можем судить по четырем могильникам: двум у с. Родниковое (бывш. Скеля) и двум у с. Ново-Бобровка (бывш. Бага). Два из них не вполне соответствуют классификационной схеме: каменные ящики в урочище Мал-Муз (у д. Бага) находились под курганной насыпью, а одна группа ящиков у д. Скеля имела прямоугольные ограды [10, с. 67 сл.].

Устойчивыми признаками северобайдарской группы Х. И. Крис считает наличие оград и ориентировку могил по оси СВ—ЮЗ. В последней работе эти положения обосновываются таблицами, в которых дается характеристика пяти, надо думать эталонных, могильников. Однако в трех из них (Уркуста 1, Уркуста 2 и Черкес-Кермен) ящики с подобной ориентацией не зафиксированы вообще; у д. Биюк-Янкой таких ящиков три из 12, на Экклези-Бурун — один из 56 [10, с. 69 сл.]. Не обязательно и наличие оград вокруг могил.

Таким образом, даже весьма ограниченный круг источников, использованных Х. И. Крис, не укладывается в рамки разработанной ею классификационной схемы. Устойчивость ориентации ящиков на всей территории их распространения относительна и не всегда выдержана даже в пределах одного могильника [10, с. 67 сл.]. Наличие оград вокруг могил зафиксировано в горах, предгорьях и на Южном берегу, хотя для последнего они менее характерны.

Неубедительно аргументирована и гипотеза А. А. Щепинского. Первый тезис этой гипотезы гласит, что племена тавров жили в Крыму с X—IX вв. до н. э., тогда как наиболее ранние памятники кизил-кобинской культуры принадлежат к VIII в. до н. э. [12, с. 32]. Обосновывается тезис ссылками на работы П. Н. Шульца, А. М. Лескова и Х. И. Крис. Поскольку А. А. Щепинский в отличие от названных авторов выделяет поселение Ашлама-Дере из числа кизил-кобинских и связывает его с таврами, то ссылки, призванные обосновать хронологический приоритет тавров, в действительности опровергают его. П. Н. Шульц и А. М. Лесков датировали Альминские поселения и Уч-Баш (которые по классификации А. А. Щепинского являются кизил-кобинскими) X—IX или IX—VIII вв. до н. э., Ашлама-Дере — VIII—VII вв. до н. э. [3, с. 243; 7, с. 118]. Характерно, что в приводимой автором сравнительной таблице таврской и кизил-кобинской керамики наблюдается та же картина. Раннетаврская керамика (IX в. до н. э.) представлена посудой двух кизил-кобинских поселений: Альма 1 (два кубка и жаровня) и Уч-Баш (крупный горшковидный сосуд) [12, с. 34].

Второй тезис: территория, занимаемая таврами, была ограничена Южным берегом, горными и предгорными районами, т. е. совпадала с ареалом распространения каменных ящиков; граница проходила по линии Севастополь—Симферополь—Белогорск—Феодосия (12, с. 32). Обоснование — ссылки на Геродота, Страбона и Плиния Старшего.

По Геродоту, западной границей «страны» тавров был город Каркинитида [24, с. 277], который одни исследователи локализуют возле современной Евпатории, другие — в устье р. Каланчак [28, с. 122]. Ни та ни другая локализация Каркинитиды не дает оснований ограничивать территорию собственно Таврики горными районами. В сочинениях Плиния и Страбона отражена этнокарта Крыма рубежа первых десятилетий нашей эры. Безоговорочно проецировать ее на середину I тысячелетия до н. э. не позволяет по крайней мере сообщение Страбона о том, что прежде «скифское племя тавров» занимало «большую часть (полуострова) до перешейка (Перекопского.— *В. К.*) и Каркинитского залива» [25, с. 205]. Таким образом, и второй тезис А. А. Щепинского не находит подтверждения в источниках, которыми он оперирует.

Отсутствие четких критериев при выделении археологических культур, несоответствия и прямые противоречия декларативной и аналитической частей гипотез Х. И. Крис, А. А. Щепинского обусловлены, на наш взгляд, самим характером памятников, отражающих единую линию культурного развития населения гор и предгорий в предскифское и раннескифское время. При современном состоянии источников более

обоснованной представляется гипотеза исследователей, рассматривающих кизил-кобинскую культуру в качестве раннего этапа культуры таврской. Основные ее положения подтверждаются новыми материалами.

Необходимо в то же время отметить, что вследствие слабой источниковедческой базы ряд проблем остается нерешенным. Не находит пока удовлетворительного объяснения появление в предскифское время и широкое распространение в VI—V вв. до н. э. погребальных сооружений в виде каменных ящиков, не имеющих прототипов в местной культуре эпохи поздней бронзы. Не ясно место и условия формирования специфического комплекса украшений, состоящего из вещей, характерных, с одной стороны, для раннескифских памятников северопричерноморской степи и лесостепи [29, табл. 14, *16—21*; табл. 16, *25*, *26*; табл. 17, *2*, *16*, *12*; табл. 18, *13*, *14*; табл. 27, *1—3*, *33*; табл. 28, *3*, *4*, *6*; табл. 30; табл. 38, *2*; табл. 39; табл. 40; табл. 44, *11*; табл. 50; табл. 51, *1—7*], с другой — для синхронных памятников Северного Кавказа [30, с. 285, 288, 469; 31, с. 84]. Во всяком случае, широкий круг аналогий свидетельствует, что сложение этого комплекса происходило в условиях тесных контактов с племенами сопредельных территорий, отражая то новое, что несла раннескифская эпоха. Несмотря на плохое состояние каменных ящиков, которые на протяжении многих столетий подвергались разграблению и разрушению, раскопки дают достаточно богатый набор предметов вооружения и конской сбруи новейших для своего времени типов. Последнее не подтверждает мнения об исключительной замкнутости, примитивизме и отсталости тавров по сравнению с другими племенами северопричерноморского региона [2, с. 81; 10, с. 54]. Ограниченность источников не позволяет в настоящее время дать однозначные ответы на целый ряд вопросов, этот же фактор требует большой осторожности при интерпретации тех или иных явлений и строгого разграничения выводов, построенных на конкретном, достоверном материале, и логических умозаключений, которые при известных обстоятельствах могут привести к искажению исторической картины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бонч-Осмоловский Г. А.* Доисторические культуры Крыма — Крым, 1926, № 2.
2. *Дьяков В. Н.* Древняя Таврика до римской оккупации.— ВДИ, 1939, № 3.
3. *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. *Стржелецкий С. Ф.* Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. канд. дис. М.: ИИМК, 1954.
5. *Дашевская О. Д.* Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. XXXIX.
6. *Дашевская О. Д.* Симферопольское раннетаврское поселение.— СА, 1958, № 3.
7. *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев: Наук. думка, 1965.
8. *Крис Х. И.* О таврах и кизил-кобинской культуре.— ВДИ, 1971, № 4.
9. *Крис Х. И.* Памятники юго-западного Крыма VIII—V вв. до н. э. (кизил-кобинская культура и тавры): Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
10. *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры.— САИ, 1981, вып. Д1-7.
11. *Крис Х. И.* Классификация таврских каменных ящиков.— КСИА, 1967, вып. 112.
12. *Щепинський А. О.* Населення південного берега Криму в епоху ранього заліза.— Археологія, 1977, № 21.
13. *Колотухин В. А.* Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму.— СА, 1982, № 1.
14. *Колотухин В. А.* Раскопки могильника на плато Капак-Таш.— АО — 1980. М.: 1981.
15. *Лесков А. М.* Раннетаврские могильники горного Крыма.— АСб. ГЭ, 1961, вып. 2.
16. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
17. *Репников Н. И.* Каменные ящики Байдарской долины.— ИАК, 1909, вып. 30.
18. ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
19. *Лесков А. М.* Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине.— КСИА АН УССР, 1960, вып. 10.
20. *Шульц П. Н.* Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7.
21. *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 г.— СА, 1947, т. IX.
22. *Тахтай А. К.* Археологические открытия в Херсонесе в 1942—1944 г.— КСИИМК, 1947, вып. XIV.
23. *Крис Х. И.* Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане.— КСИИМК, 1955, вып. 58.

24. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 2.
25. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 4.
26. *Соломоник Э. І.* Про значення термина «тавроскіфи».— АП, 1962, т. XI.
27. *Данилевич В. Е.* Заметки о древностях в окрестностях д. Кекенеиз Ялтинского уезда.— ИТУАК, 1907, № 40.
28. *Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкинитида.— ВДИ, 1970, № 2.
29. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, 1960, вып. Д4-5.
30. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
31. *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.).— КСИА, 1966, вып. 106.

V. A. Kolotukhin

ON THE TAURI AND THE KIZIL-KOBA CULTURE

Summary

The author discusses Kh. I. Kris' and A. A. Shchepinsky's hypotheses who differentiate the sites of the foothills and the Crimean mountains dated to the first half of the first millennium B. C. into two cultural groups—the Tauric and the Kizil-Koba and associate them with two different tribes. An analysis of their argumentation testifies that their main premises are not supported by sources. New materials obtained from the foothill burials Druzhnoe-1, Drushnoe-2 and Kapak-Tash (Figs. 1-5) show that the material culture of the foothills and the mountainous regions was uniform in the period under review. Today, when we have a broader range of sources at our disposal, a hypothesis assuming that the Kizil-Koba culture was an earlier stage of the Tauric culture seems more substantiated.

ШРАМКО Б. А., ЯНУШЕВИЧ З. В.

КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ СКИФИИ

Важную роль в хозяйстве многих племен лесостепной и степной Скифии играло возделывание зерновых культур, имевшее вековые традиции. Здесь, на юге Восточной Европы, земледелие было пашенным по крайней мере уже с эпохи бронзы, о чем свидетельствуют находки остатков древних деревянных рал в степной [1, с. 146—152; 2, с. 44—47] и лесостепной зонах [3, с. 142—146]. Вспашка ралом как основная форма обработки земли продолжала совершенствоваться и в раннем железном веке. Помимо уже известных данных [4, с. 73—90; 5, с. 84—100] об этом говорят и новые находки. Обломок рабочей части деревянного рукояточного рала был зафиксирован Е. Н. Черепановой и А. А. Щепинским в скифском кургане IV в. до н. э. на территории колхоза им. Н. К. Крупской в Нижнегорском р-не Крымской обл.[1] Фрагмент невелик, но достаточно характерен, чтобы сделать ориентировочную реконструкцию орудия (рис. 1, *1*). На Бельском городище в Полтавской обл. обнаружен комплекс глиняных скульптур рубежа VI—V вв. до н. э. В него входят модели ярма, дышла и кривогрядильного рала (рис. 1, *4*), которые дают наглядное представление о бычьей упряжке, применявшейся для обработки земли.

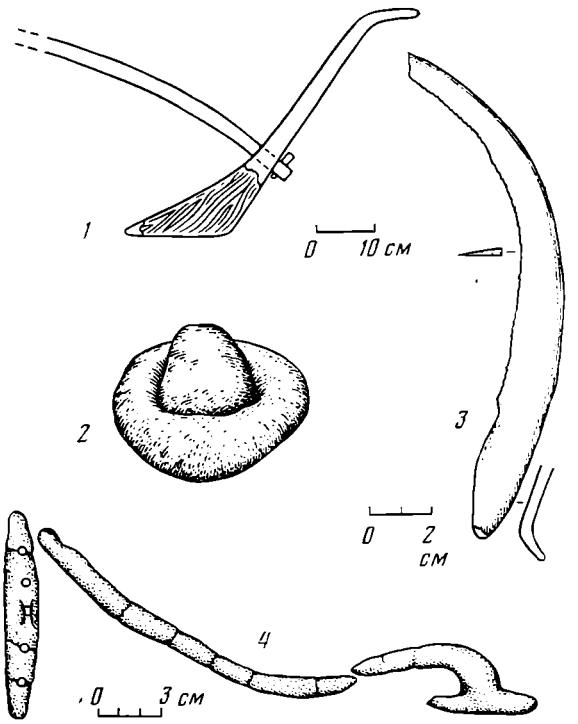


Рис. 1. Орудия земледельцев скифской эпохи. *1* — реконструкция остатков рала из скифского кургана IV в. до н. э. в Крыму; *2* — ступка с пестиком, глиняная модель (Восточное Бельское городище); *3* — железный серп из селища Малая Рублевка; *4* — глиняная модель бычьей упряжки (ярмо и дышло) с кривогрядильным ралом — рубеж VI—V вв. до н. э., Восточное Бельское городище

Именно развитое пашенное земледелие позволило племенам Скифии поставлять хлеб и другие продукты сельского хозяйства не только в греческие города Северного Причерноморья, но и в страны античного мира [6, с. 7—11]. Производство товарного зерна в значительной мере определялось и наличием определенных видов культурных растений, их правильным использованием в местных условиях. Вот почему вопрос о том, какие сельскохозяйственные культуры возделывало население юга Восточной Европы в раннем железном веке, приобретает для исследователя особое значение. К сожалению, источники по данной проблеме довольно скудны.

[1] Авторы благодарны Е. Н. Черепановой и А. А. Щепинскому за предоставленные материалы.

Наиболее полный перечень культурных растений Скифии приведен в «Истории» Геродота. В рассказе о каллипидах и алазонах автор отмечает, что эти племена сеяли и употребляли в пищу хлеб, лук, чеснок, чечевицу, просо (Her., IV, 17). Термин «хлеб» (σιτος) не уточнен. Можно лишь предполагать, что в данном случае подразумевается пшеница, которую греки предпочитали другим хлебным культурам. Земледелие каллипидов (эллино-скифов) и алазонов, живших вблизи Ольвии (торжища борисфенитов), развивалось, несомненно, под значительным влиянием греков и было своеобразным. Поэтому указанный перечень культурных растений нельзя безоговорочно распространять на хозяйство всех остальных племен Скифии, у которых в силу иных природных условий и в связи с иными этнографическими традициями состав возделываемых культур мог иметь определенные отличия. Однако в письменных источниках эта специфика почти не улавливается.

Говоря о живших в лесостепи скифах-пахарях, Геродот сообщает, что они сеют хлеб не для еды, а для продажи (Her., IV, 17). Термин «хлеб» и здесь не расшифрован, но, видимо, вновь речь идет о пшенице, которая являлась основой экспорта. Исследователи обычно обращают внимание на последнюю часть фразы Геродота как доказательство товарного производства хлеба у скифов-пахарей. Но не менее интересна и первая часть, где указывается, что скифы-пахари сеют хлеб не для еды (οὐχ ἐπὶ σιτήσι). Возможно, Геродот хотел этим сказать, что скифы-пахари при еде отдавали предпочтение не пшенице, которую продавали грекам, а какой-то иной зерновой культуре. В другом месте Геродот отмечает, что занимающиеся земледелием гелоны имеют сады и питаются хлебом (Her., IV, 109), и вновь не уточняет, о каком хлебе здесь идет речь. Представляет интерес упоминание Геродотом конопли (Her., IV, 74, 75). Теофраст (IX, 13, 2) говорит о сладком «скифском корне», произрастающем около Меотиды, но что это за корень, сказать трудно. Предположение о том, что это редька, не очень убедительно, так как в обычном состоянии редьку все же трудно назвать сладкой [7, с. 244]. Прочие сообщения античных авторов немного добавляют к перечисленным сведениям.

В связи со слабой изученностью состава возделываемых в Скифии сельскохозяйственных культур особое значение приобретают археологические находки. В Северном Причерноморье древние злаки впервые были выявлены в ходе раскопок в начале столетия. Так, в кургане 1 урочища Осняги около Бельска В. А. Городцов зафиксировал обуглившиеся зерна пшеницы [8, с. 128]; В. В. Хвойко отметил неопределенные обуглившиеся зерна, стебли и колосья у жертвенника на Пастырском и Матронинском городищах [9, с. 96, 99]. Десятилетия спустя последовали находки зерен пшеницы, ячменя, проса в Неаполе Скифском [10, с. 8, 14] и на Кубани [11, с. 175; 12, с. 8; 13, с. 262—264]. Определение вида того или иного злака, как правило, не проводилось. Конкретные указания на мягкую пшеницу, пленчатый ячмень и просо были даны лишь для кубанских находок.

С 1950-х годов благодаря масштабным раскопкам поселений постепенно начал накапливаться разнообразный палеоботанический материал о растениях, культивируемых местными племенами юга Восточной Европы. К сожалению, эти сообщения разбросаны по отдельным работам и нередко опубликованы в малодоступных изданиях [14, с. 194; 15, с. 69; 16, с. 65; 17, с. 199; 18, с. 97; 19, с. 187; 20, с. 52, 66; 21, с. 333; 22, с. 31; 23, с. 149; 24, с. 141; 25, с. 147; 26, с. 49; 27, с. 35; 28, с. 255; 29, с. 78; 30. с. 224; 31, с. 181; 32, с. 40; 33, с. 161; 34, с. 169; 35, с. 161—163; 36, с. 407; 37, с. 185; 38, с. 428; 39, с. 46]. Именно в это время в лесостепной Скифии впервые были обнаружены глиняные статуэтки с отпечатками зерен и глиняные модели зерен, игравшие важную роль в местных земледельческих культах. Глиняные статуэтки скифской эпохи со следами выгоревших зерен ячменя, пшеницы и проса пока известны лишь по находкам на Донецком (скифский слой), Бельском [38, с. 204] и Пастырском [37, с. 185] городищах. Культовые модели

зерен были впервые обнаружены при раскопках жертвенника V—IV вв. до н. э. на городище Караван [40, с. 178]. Однако дальнейшие исследования лесостепных памятников показали, что эти модели были распространены весьма широко: их зафиксировали на Бельском, Немировском [2], Люботинском, Марицком городищах, на селищах Пожарная Балка Полтавской обл., Шелковое у с. Малые Проходы, Мысовое I у с. Западенька Харьковской обл., в кург. 2 (1965 г.) могильника Скоробор возле Бельска [41, с. 204, 205; 42, с. 129; 43, с. 290; 44, с. 195]. Статуэтки и модели зерен, связанные с местными земледельческими культами, подтверждают глубокую древность существования земледельческих традиций у лесостепных племен; традиции эти уходят своими корнями в энеолит и бронзовый век [45, с. 64; 46, с. 285 сл.].

Имевшиеся в свое время данные о земледелии Скифии были обобщены в работах Б. А. Шрамко [47, с. 53—61; 48, с. 147—166]. Итоги палеоботанического изучения культурных растений юго-запада СССР подведены в монографии З. В. Янушевич [49]. Однако за последнее время накопились дополнительные источники, которые необходимо учитывать. Поэтому в настоящей работе дается попытка ввести в научный оборот новые палеоботанические материалы, обобщить и оценить известные сведения о культурных растениях, которые возделывало в раннем железном веке население степной и лесостепной Скифии.

Особенно богатый и разнообразный палеоботанический материал вот уже многие годы дает Бельское городище, представляющее собой остатки упоминаемого Геродотом древнего города Гелона [Her., IV, 108]. Здесь найдены обуглившиеся зерна, многочисленные отпечатки зерен и половы на керамике, глиняные статуэтки со следами выгоревших зерен, глиняные культовые модели зерен. В результате ряда исследований, проведенных с привлечением специалистов Всесоюзного института растениеводства [50, с. 78], выяснилось, что местное население в VII—III вв. до н. э. выращивало мягкую пшеницу (Triticum aestivum L.), близкую к ней карликовую пшеницу (Triticum compactum Host.), древнюю полбу-двузернянку, или эммер (Triticum dicoccum Schubl.), просо (Panicum miliaceum L.). Многорядный ячмень (Hordeum sativum L.) представлен голозерной и пленчатой формой. Были зафиксированы в небольшом количестве рожь (Secale cereale L.) и овес (Avena sativa L.). Из бобовых отмечены горох (Pisum sativum L.) и фасоль (Phaseolus aureus Piper.). О садоводстве свидетельствуют обуглившиеся зерна культурной яблони (Malus Mill.), которые в лесостепной полосе кроме Бельского городища найдены только на Люботинском городище в Харьковской обл. [48, с. 156]. Все это дополнялось в древности сбором диких растений: обнаружены обуглившиеся желуди дуба (Quercus L.) и орехи лещины (Corylus avellana L.). Часть образцов отпечатков и обуглившихся зерен не исследована. Не полностью охарактеризованы зафиксированные виды растений и вскрыта роль отдельных культур в местном хозяйстве. Поэтому в Ботанический сад АН МССР для палеоботанического изучения были переданы дополнительные материалы в виде обуглившихся зерен, фрагментов глиняных сосудов с растительными отпечатками, обломок культовой статуэтки. Кроме того, С. И. Берестнев, А. А. Моруженко, В. Е. Радзиевская передали нам для исследования находки, обнаруженные на ряде поселений в лесостепной Скифии, а И. В. Яценко — обуглившиеся зерна из скифских слоев поселения Чайка в Крыму [3]. Благодаря любезности И. В. Гущиной авторы получили возможность ознакомиться с хранящимися в ГИМе зернами из кург. 1 в урочище Осняги, которые до сих пор не были точно определены. Сведения о новых находках в Прикубанье были переданы нам Н. В. Анфимовым. Наконец, для сравнения были привлечены и некоторые материалы предскифского

[2] Сообщение М. И. Артамонова.

[3] Мы не останавливаемся здесь специально на земледелии античных колоний Северного Причерноморья, которому посвящены обобщающие работы В. Д. Блаватского [6], С. Ф. Стржелецкого [51], И. Т. Кругликовой [52]. Попутно заметим, что материалы по более северной, лесной зоне исследованы Ю. А. Красновым [53].

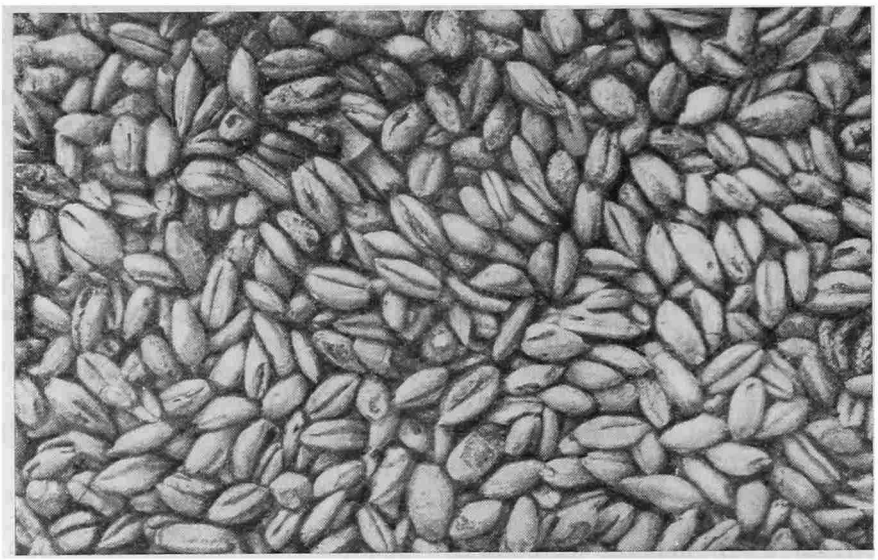


Рис. 2. Зерна из зольника 19, Западное Бельское городище

времени из раскопок С. И. Берестнева и Ю. В. Буйнова, относящиеся к срубной (XV — начало VII в. до н. э.) и бондарихинской (XII — начало VII в. до н. э.) культурам[4].

Остатки обугливщихся зерен. Наиболее информативны остатки подлинных обугливщихся зерен растений, сопровождающиеся иногда обломками колосков, чешуек, стеблей. В исследованной коллекции они представлены находками на нескольких поселениях в бассейне р. Ворсклы (Бельское и Коломакское городища, селище Малая Рублевка) и на крымском поселении Чайка.

Образец 1 Бельского городища. Обугливщиеся зерна (рис. 2) этого образца (№ 508/19-68) обнаружены в 1968 г. на глубине 1,2 м в яме 3 при раскопках зольника 19 на Западном укреплении Бельского городища. Яма 3 не зерновая, исследуемые зерна попали в ее углистую прослойку случайно; здесь же найдены обугливщиеся остатки лесного ореха (Corylus avellana L.). Зерна хорошо датируются второй половиной VII в. до н. э., так как в прослойке и в перекрывающем ее заполнении ямы встречена архаическая керамика раннего железного века, в том числе многочисленные фрагменты чернолощеной посуды (корчаги, ковши, миски), орнаментированные геометрическим орнаментом с инкрустацией белой пастой. Отсюда происходит и бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы асимметрично-ромбической формы [54, с. 52, рис. 2, *3*].

По видовому составу образец 1 не однороден. В массе он представляет собой смесь из двух видов: пшеницы двузернянки (Triticum dicoccum Schrank.) и пленчатого ячменя (Hordeum vulgare L.). Двузернянка преобладает (табл. 1). В качестве незначительной примеси в образце зафиксированы зерновки пшеницы типа спельты (Triticum spelta L.) и твердой пшеницы (Triticum durum Desf.), по десятку зерновок голозерного и бутылковидного ячменя, одно семя гороха (Pisum sp.).

Зерновки двузернянки мелкие и узкие. Индекс отношения длины зерновки к ее ширине (L/B) равен 2,29. Обратная величина (отношение ширины к длине), выраженная в процентах, составляет 43,6. Эти показатели (табл. 2) характерны для большинства зерновок двузернянки из археологических раскопок других памятников [49]. Вершина и основание зерновок заостренные, брюшная сторона немного вогнутая, а спина горбатая. Тело зерновок слегка асимметричное (рис. 3, *1*). Отмеченные

[4] Авторы выражают благодарность И. С. Берестневу, А. А. Моруженко, В. Е. Радзиевской, И. В. Яценко, И. В. Гущиной, Н. В. Анфимову, Ю. В. Буйнову за предоставленные материалы.

Таблица 1

Соотношение зерновок и семян растений в образце № 508/19-68 из ямы 3 зольника 19 Бельского городища

Вид и разновидность	Число неповрежденных зерновок, семян в образце, шт.	%
Пшеница-двузернянка	275	53,1
Ячмень пленчатый обычный	219	40,4
Ячмень пленчатый бутылковидный	10	1,92
Ячмень голозерный	10	1,92
Пшеница типа спельты	6	1,15
Пшеница типа твердой	1	0,19
Горох	1	0,19
Неопределенные	6	1,15

Таблица 2

Соотношение размеров обугленных зерновок

Место находки и образец	Средние размеры зерновок, мм			Индексы			
	длина L	ширина B	толщина T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
Бельское городище, образец 1							
Пшеница-двузернянка	5,55	2,42	2,04	2,29	43,6	36,7	84,8
Ячмень пленчатый бутылковидный	6,40	2,70	2,10	2,37	42,1	32,8	77,7
Ячмень пленчатый обычный	5,34	3,31	2,46	1,60	62,0	46,0	74,3
Ячмень голозерный	4,83	2,47	1,97	1,95	51,1	40,7	79,7
Бельское городище, образец 2							
Пшеница-двузернянка	5,50	2,40	2,00	2,29	43,6	36,3	83,3
Ячмень пленчатый бутылковидный	6,35	2,60	2,15	2,44	40,9	33,8	82,7
Ячмень пленчатый обычный	5,40	3,30	2,45	1,64	61,1	45,4	74,2
Коломакское городище							
Пшеница-двузернянка	5,90	2,84	2,50	2,07	48,1	42,3	88,0

морфологические признаки убеждают в том, что найденные зерновки принадлежат к виду пшеницы-двузернянки. Интересно, что некоторые зерновки найдены с сохранившимся на вершине опушением (рис. 3, *2*), а среди зерна обнаружены «вплочки» — остатки основания колосков, идентичные основаниям колосков современной двузернянки (рис. 3, *3*).

Зерновки, отнесенные нами к виду спельты, или собственно полбы (Triticum spelta L.), отличаются широкой вершиной и узким основанием (рис. 3, *4*), что весьма типично для этого вида пшеницы. Их количество в данном образце невелико. Местное возделывание этого вида злака, который относится к числу древнейших культур, известных еще на раннеземледельческих поселениях VI—V тыс. до н. э. [55, с. 287—299], хорошо подтверждается находками в кург. 1 урочища Осняги и на городище у с. Полковая Никитовка, о чем будет сказано ниже.

Зерновка, широкая у основания и более узкая у вершины, крупная, горбатая, имеет характерные признаки зерновок твердой пшеницы (Triticum durum Desf.) (рис. 3, *5*). Однако одиночность этой редкой находки не позволяет пока сделать какие-либо определенные выводы.

Доля пленчатого ячменя в исследуемой пробе составляет 42%. На теле его зерновок хорошо сохранились следы приросших цветочных чешуй. Некоторые зерновки целиком в чешуях, на других же имеются лишь обрывки их. По морфологии пленчатые зерновки неоднородны. Прежде всего, среди них встречается так называемый бутылковидный

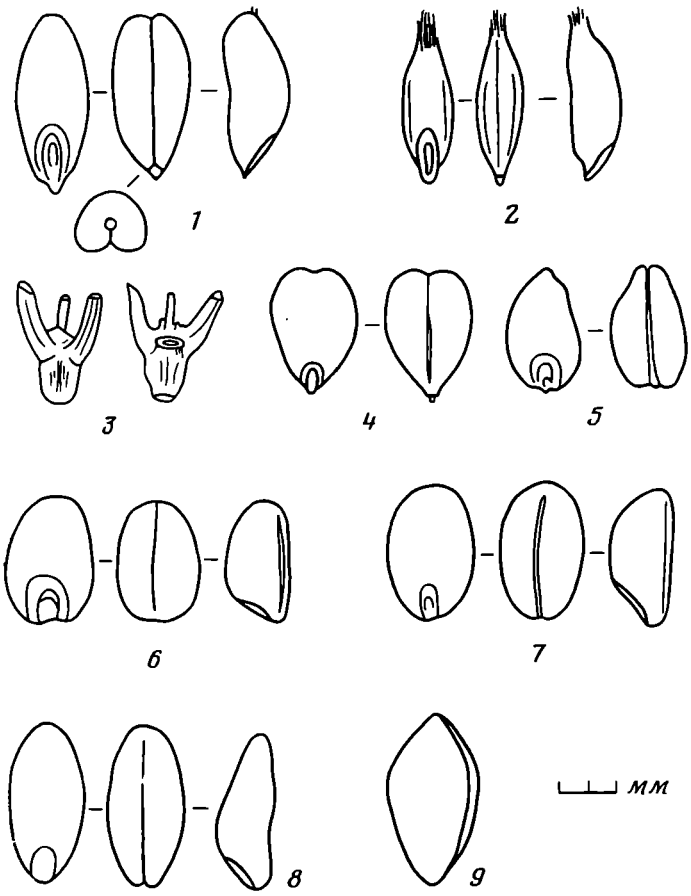


Рис. 3. Различные типы зерновых пшеницы. *1* — зерновка двузернянки, вид спинной, брюшной, боковой стороны и поперечный разрез зерновки; *2* — зерновка двузернянки с сохранившимся опушением на вершине; *3* — основания колосков двузернянки — «вилочки»; *4* — зерновка типа спельты, вид спинной и брюшной стороны; *5* — зерновка типа твердой пшеницы, вид спинной и брюшной стороны; *6*, *7* — зерновки Triticum aestivo-compactum, вид спинной, брюшной и боковой стороны; *8* — зерновка двузернянки, вид спинной, брюшной и боковой стороны; *9* — отпечаток зерновки однозернянки. *1—5* — Западное Бельское городище, яма 3; *6*, *7* — Западное Бельское городище, яма 1; *8* — Коломакское городище; *9* — селище Мысовое I

ячмень (Hordeum lagunculiforme Bacht.). Как установлено Ф. Х. Бахтеевым, этот вид является промежуточным звеном между дикорастущим и культурным ячменями и известен в целом ряде археологических находок с территории Ближнего Востока, Закавказья, Крыма [56]. Обнаружен он также на Украине и в Молдавии [49, с. 103—130]. Характерной особенностью ископаемого бутылковидного ячменя является наличие у основания зерновки плодоножки (рис. 4, *1*), которая обычно покрыта чешуей и обнаруживается лишь после удаления последней (рис. 4, *2*, *3*). Зерновки бутылковидные с сохранившимися чешуями отличаются от зерновок обычного ячменя удлиненным вытянутым основанием, большей длиной тела. В целом же зерновки бутылковидного ячменя более узкие, вытянутые (табл. 2). Кроме того, они почти всегда несут признаки асимметрии, так как такие зерновки, снабженные плодоножками, принадлежат крайним, боковым зерновкам в тройках колосков («триплетах»), сидящих на выступах колосового стержня этого вида ячменя. Следовательно, бутылковидный ячмень является многорядным (шестирядным).

Разновидности с аналогичным строением зерновок описаны Ф. Х. Бахтеевым и Е. М. Даревской [57] и для современного дикорастущего ячменя (Hordeum spontaneum C. Koch), произрастающего в естественных зарослях на территории Туркмении. У него боковые зерновки, в отличие от обычных двурядных форм того же вида, фертильны, но сохраняют

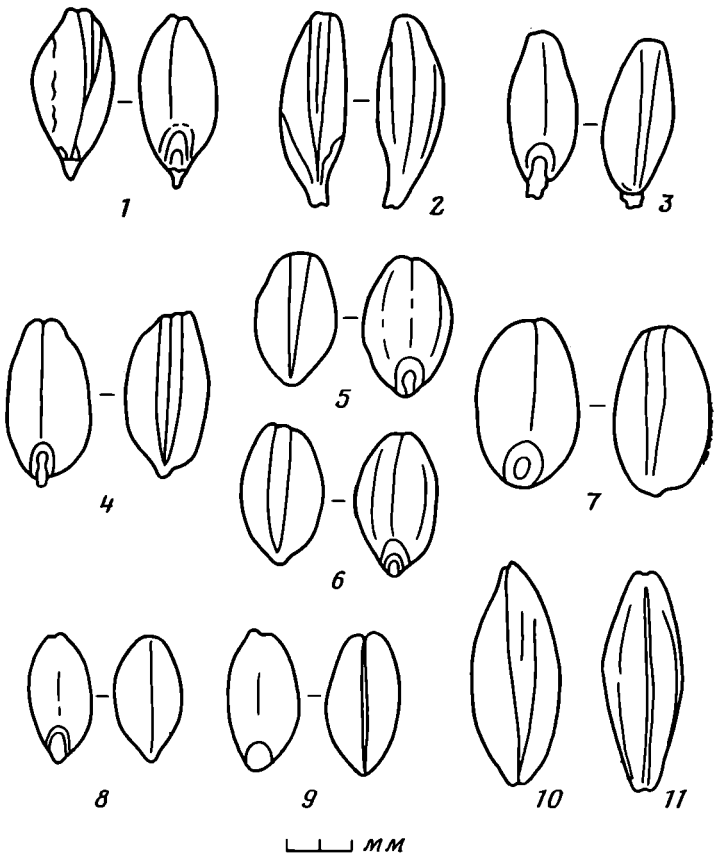


Рис. 4. Различные типы зерновок ячменя. *1* — зерновка бутылковидного ячменя, вид брюшной стороны; *2* — зерновка бутылковидного ячменя, вид брюшной стороны (основание скрыто чешуей) и спинки в чешуе; *3* — зерновка бутылковидного ячменя, вид спинной и брюшной стороны после снятия чешуй; *4—7* — различные типы зерновок пленчатого ячменя, вид спинной и брюшной стороны; *8, 9* — зерновки голозерного ячменя, вид спинной и брюшной стороны; *10, 11* — отпечатки зерновок пленчатого ячменя на керамике, вид брюшной и спинной сторон. 1—9 — Западное Бельское городище, яма 3; *10, 11* — селище Мысовое I

морфологические признаки стерильных боковых колосков, что выражается в наличии плодоножки.

В рассматриваемой пробе с Бельского городища число зерновок ячменя с хорошо сохранившимися плодоножками невелико. По-видимому, их было значительно больше, так как многие зерновки по форме тела и размерам очень напоминают зерновки бутылковидного ячменя, но плодоножки у них утеряны в результате обугливания и пересыпания. Идентифицировать такие зерновки не всегда удается. В данной находке обычные пленчатые (не бутылковидные) зерновки часто также несут следы асимметрии, что говорит о наличии в популяции и обычных форм многорядного ячменя с сидячими, без плодоножек краевыми колосками в триплетах. Кроме того, они значительно варьируют по длине и ширине. Встречаются зерновки удлиненные, овальные и укороченно-ромбовидные (рис. 4, *4—7*). Последнее говорит о том, что в популяции имеются различные по строению колоса формы многорядного ячменя: рыхлоколосые и плотноколосые. Голозерный ячмень, представленный здесь в виде единичной примеси, имеет более мелкие зерновки, чем пленчатый. Но и они в свою очередь варьируют по величине и форме. Встречаются зерновки более узкие и более широкие, укороченные и вытянутые. В целом же их можно считать удлиненно-овальными, а не округлыми (рис. 4, *8, 9*).

Единственная горошина мелкая, диаметр 3,1 мм. Возможно, она принадлежала полевому гороху — Pisum arvense L. Такого же размера горошины с Бельского городища, опубликованные ранее в статье Б. А. Шрамко [48, с. 156, рис. 8, *1*]. Семена сорных растений отсутствуют.

Таблица 3

Соотношение зерновок и семян растений в образце № 235/19-67 из ямы 1 зольника 19 Бельского городища

Вид и разновидность	Число неповрежденных зерновок, семян в образце, шт.	%
Пшеница-двузернянка	545	47,10
Ячмень пленчатый обычный	610	51,11
Ячмень пленчатый бутылковидный	11	0,93
Ячмень голозерный	1	0,08
Пшеница типа спельты	2	0,16
Пшеница типа мягкой и карликовой	2	0,16
Горох	2	0,16
Не определенные	5	0,40

Образец 2 Бельского городища происходит из ямы 1 зольника 19 Западного укрепления Бельского городища. Яма большая цилиндрическая, диаметром 2,5 м. Ее нижняя часть на глубине от 1,8 до 2,5 м имела заполнение, состоящее из земли, смешанной с древесным углем и золой. В этих прослойках на глубинах 1,8, 2,0 и 2,5 м собраны четыре образца обуглившихся зерен общим объемом около 600 $см^3$, обуглившиеся обломки колосков, соломы и несколько скорлупок лесных орехов. Яма 1 не зерновая, а представляет собой остатки круглого в плане овина с небольшим углублением в центральной части для разведения огня. Урожай хранился, очевидно, в виде еще не обмолоченных снопов. При установке и сушке снопов часть колосков с зернами обломалась, упала на дно овина и сохранилась здесь в обуглившемся виде. На огневой способ сушки указывают и найденные на дне ямы кусочки древесного угля.

Комплекс датируется многочисленными фрагментами архаической лепной керамики второй половины VII в. до н. э. Стратиграфически яма 1 несколько древнее ямы 3.

Часть обуглившихся зерен из верхних прослоек ямы 1 была исследована в 1968 г. комиссией ВИРа в составе М. М. Якубцинера, Р. Х. Макашевой, М. В. Лукьянова, В. Н. Лысова, Р. А. Удачина. В образце № 206/19-67 оказалось 10 зерен мягкой пшеницы (Triticum aestivum L.), 4 зерна пшеницы-полбы двузернянки (Triticum dicoccum Schubl.), зерноржи (Secale cereale L.), 45 зерен многорядного ячменя (Hordeum vulgare L.) пленчатой (33 зерна) и голозерной (12 зерен) форм. Пять семян было отнесено к бобовым. Таким образом, зерновки ячменя и мягкой пшеницы в этом образце преобладали.

Для данной работы был исследован образец № 235/19-67, взятый из самой нижней прослойки ямы 1 с глубины 2,5 м, который стратиграфически относится к самым древним в бельской коллекции. Основной фон в этом образце составляют зерновки двузернянки и пленчатого ячменя. Как видно из табл. 3, процентное содержание ячменя здесь несколько выше, чем в образце из ямы 3 того же зольника. По морфологии зерновки пшеницы и ячменя из ямы 1 однотипны зерновкам тех же видов из ямы 3. Зерновки пшеницы-двузернянки также относительно мелкие (табл. 2), а ячмень представляет пеструю популяцию по размерам и форме зерновок, аналогичную образцу № 508/19-68. В обоих образцах присутствуют зерновки со следами плодоножек (бутылковидные), а обычные зерновки делятся на удлиненно-овальные, овальные и укороченные ромбовидные.

Среди примесей отмечены две зерновки пшеницы-полбы типа спельты, две зерновки мягкой и карликовой пшеницы (Triticum aestivo-compactum Schiemman; рис. 3, *6*, *7*). Имеется одна зерновка голозерного ячменя и две дольки гороха со средним диаметром 3 мм — такого же мелкого, как и горошина из ямы 3. Обнаружены семена сорняков трех видов: щетинника (Setaria sp.) — 12 шт., гречихи вьюнковой (Polygonum convolvulus L.) — 1 шт., гречихи птичьей (Polygonum aviculare L.) — 1 шт. Количество сорных растений по отношению к числу семян основной куль-

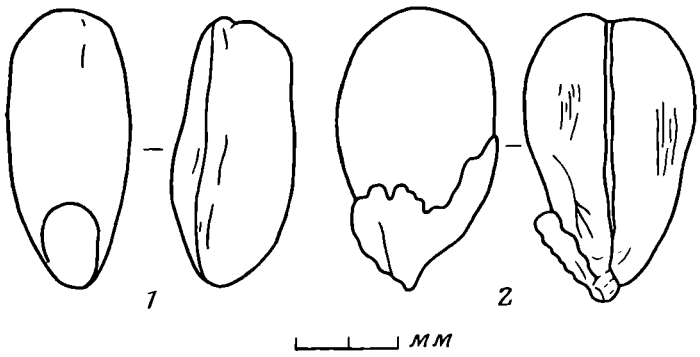


Рис. 5. Зерновки пшеницы из кург. 1 в урочище Осняги. Вид со спинной и брюшной стороны. *1* — тип двузернянки, *2* — тип спельты

туры незначительно, и найденное зерно следует считать практически чистым, незасоренным.

Курган 1 в урочище Осняги (VI в. до н. э.). В. А. Городцов отметил находку обугливших зерен пшеницы в кургане 1 урочища Осняги около Бельска [8, с. 128], однако до сих пор оставалось неизвестно, к каким видам или разновидностям относится эта пшеница. Дополнительное изучение зерен (рис. 5, *1*, *2*), хранящихся в коллекции ГИМ (№ 45443), показало, что зерновки из Оснягов принадлежат к двум видам пленчатой пшеницы (табл. 4). Один из них — пшеница-двузернянка (Triticum dicoccum Schrank.), для которой характерны ассиметричные слегка горбатые узкие зерновки с заостренной вершиной и основанием. Второй вид относится к пшенице типа спельты (Triticum spelta L.). На одной из ее зерновок сохранились обрывки наружной цветочной чешуи. Вершина зерновки широкая, а основание узкое. Эта находка подтверждает вывод о выращивании двузернянки и спельты местным населением бассейна р. Ворсклы.

Селище у с. Малая Рублевка. В 1979 г. на селище скифского времени у с. Малая Рублевка Полтавской обл., расположенном на берегу р. Мерлы (приток р. Ворсклы) и исследовавшемся В. Е. Радзиевской и С. И. Берестневым, в слое конца VI — начала V в. до н. э. вместе с типичной для этого времени керамикой были найдены обугливщиеся зерна и железный серп (рис. 1, *3*). Анализ показал, что в этом образце (рис. 6,7) основным компонентом является рожь (56 зерновок). Примесь других культур незначительна: три зерновки пленчатого ячменя, две зерновки пшеницы типа двузернянки и три неопределимых зерновки, без четких морфологических признаков. Зерновки ржи варьируют по

Таблица 4

Размеры зерновок из Оснягов и Малой Рублевки

Место находки и образец	Размеры, мм			Индексы			
	длина L	ширина B	толщина T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
Курган 1 в урочище Осняги							
Пшеница-двузернянка	5,0	2,0	2.0	2,50	40,0	40,0	100,0
Пшеница спельта	5,0	2,8	2.5	1,78	56,0	50,0	80,0
Селище у с. Малая Рублевка							
Рожь							
Среднее из всех промеров	6,20	2.40	2,40	2.58	38,7	38,7	100,0
Максимальные величины	8,00	3,00	3,00				
Минимальные величины	4,50	1,90	2.00				

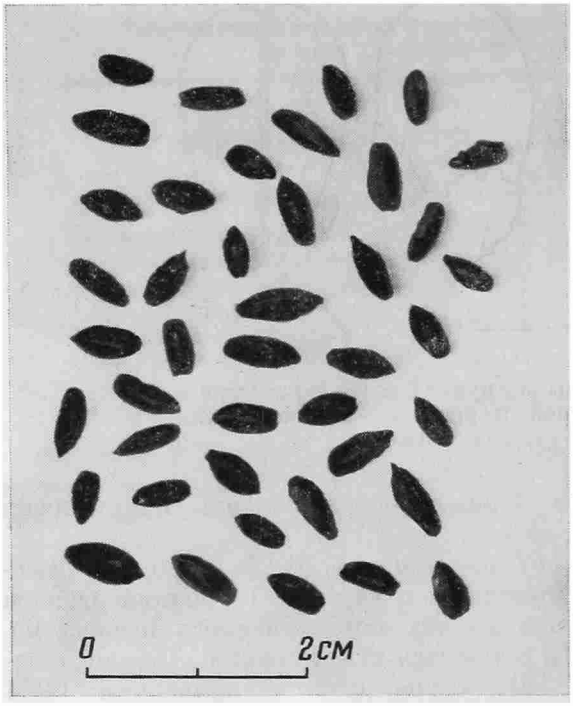


Рис. 6. Обуглившиеся зерна из Малой Рублевки

размерам (табл. 4), но преобладают крупные, характерные для культурной ржи (Secale cereale L.). Они крупнее зерновок ржи античных памятников Крыма и ближе к зерновкам из славянских средневековых памятников [49, с. 137—139]. Таким образом, находка в Малой Рублевке практически чистой ржи подтверждает высказанное ранее предположение [40, с. 178; 47, с. 54; 48, с. 155], что у лесостепных племен Восточной Европы рожь уже имелась в составе возделываемых культурных растений в раннескифское время, т. е. значительно раньше, чем в Крыму и на Нижнем Дону [51, с. 184]. Возможно, эта культура проникла в Скифию с востока.

Коломакское городище. В 1977 г. при раскопках В. Е. Радзиевской на Коломакском городище [58, с. 377] в яме 23 рубежа IV—III вв. до н. э. были найдены обуглившиеся зерна объемом 17 см³. Все зерновки принадлежат пшенице двузернянке. Они крупнее зерновок того же вида из Бельского городища (табл. 2), более выравненные по размерам и форме (рис. 3, *8*). Примесей других видов культурных растений и сорняков в этой пробе не обнаружено.

Отпечатки на керамике. При анализе данной группы палеоботанических материалов раннего железного века использовались фрагменты глиняных сосудов с городищ Бельское, Коломакское, Циркуны, Полковая Никитовка, селища Мысовое I у с. Западеньки, а также обломок культовой антропоморфной статуэтки с Бельского городища. Отпечатки изучались путем приготовления пластилиновых моделей, воспроизводящих размеры, форму, а иногда и характер поверхности (жилкование) органов растений. Затем делались зарисовки с помощью лупы и рисовального аппарата.

В большинстве случаев отпечатки на керамике принадлежат зерновкам или же чешуям злаков. Встречаются обломки стеблей злаков — соломинки, представляющие собой обычные отходы после обмолота (полова). Расположены отпечатки обычно на донышках сосудов, что объясня-

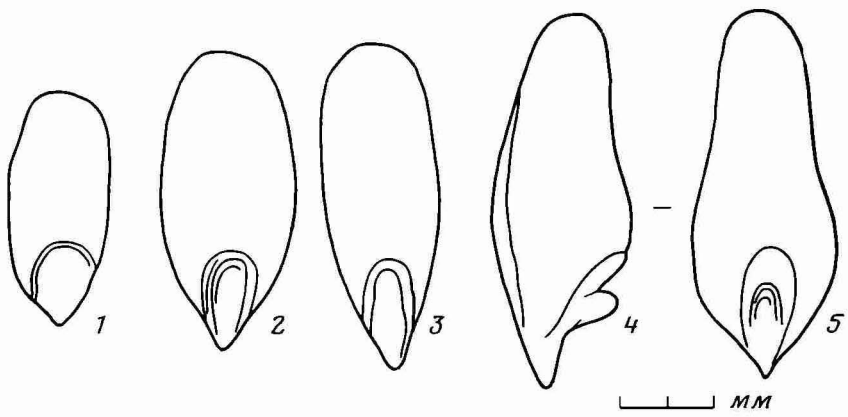


Рис. 7. Характерные зерновки ржи из Малой Рублевки (*1—5*)

Таблица 5

Видовой состав растений, определенных по отпечаткам на керамике

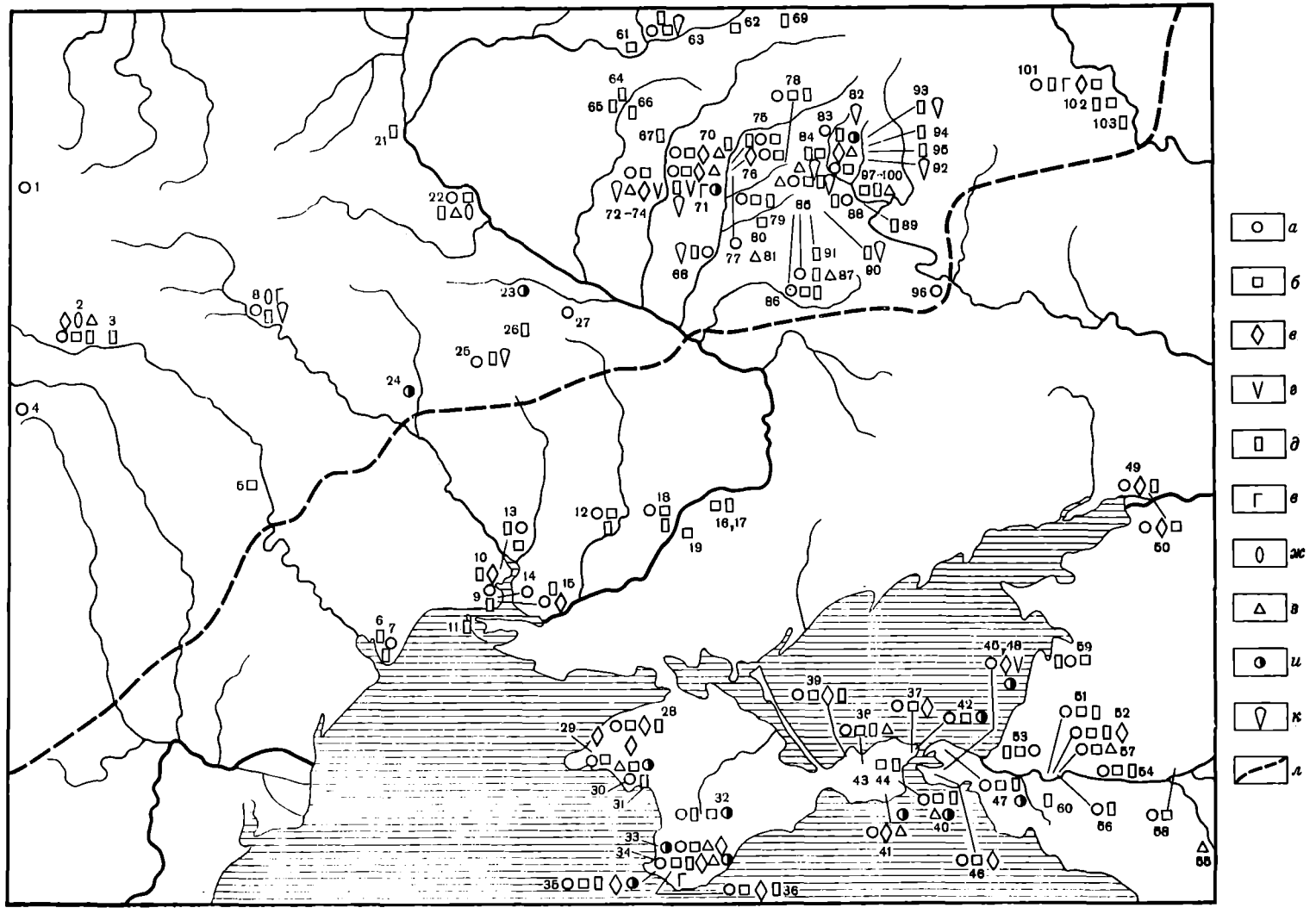
Поселение и дата фрагментов	Число фрагментов керамики	Просо обычное	Ячмень		Пшеница			Горох	Полова
			пленчатый	голозерный	пленчатая	голозерная	спельта		
Восточное Бельское городище, VI–IV вв. до н. э. Сосуды	15	11	3	1	1	–	–	1	5
Восточное Бельское городище, VI–V вв. до н. э. Статуэтка	1	1	1	–	–	–	–	–	–
Селище Мысовое I, V–IV вв. до н. э.	8	2	3	–	2	–	–	2	2
Коломакское городище, IV в. до н. э.	3	1	2	–	1	–	–	–	2
Городище Циркуны, IV в. до н. э.	1	–	–	–	–	–	–	1	–
Городище Полковая Никитовка, VI–V вв. до н. э.	33	10	3	–	2	–	1	1	7

ется технологией изготовления посуды. Сформованное изделие было легче отделить от подставки, если ее предварительно посыпать песком или половой. При изготовлении культовой керамики зерна добавлялись в глиняную массу намеренно, в ритуальных целях.

Чаще всего на керамике встречаются отпечатки зерновок и чешуй проса. Кроме того, обнаружены единичные отпечатки пленчатого и голозерного ячменя, пленчатой пшеницы, пшеницы типа спельты и гороха (табл. 5). Первое место по количеству отпечатков на керамике занимает обычное просо, зафиксированное на 25 фрагментах. Частично это объясняется технологией изготовления керамики, но вместе с тем картографирование известных материалов (рис. 8) показывает, что просо было действительно очень широко распространено. На Бельском городище найдено также обугленное просо [48, с. 156]. На селище Шелковое обнаружено донышко сосуда с сильно пригоревшей пшенной кашей [48, с. 157, рис. 9, *1*], аналогичная находка происходит с Семибратнего городища [13, с. 264].

Наиболее четкие отпечатки зерновок ячменя имеются на двух фрагментах керамики V–IV вв. до н. э. из селища Мысовое I в Харьковской обл. [59, с. 383]. На одном фрагменте (№ 77) зерновка отпечаталась брюшной стороной, а на другом (№ 118) — спинной. В обоих случаях зерновки удлиненные, крупные. Строение брюшной бороздки у первой зерновки присущее зерновкам пленчатого ячменя: брюшная бороздка расширяется к вершине. У второй зерновки хорошо заметны три продольных жилки (срединная и боковые), характерные для жилкования наружной цветочной чешуи зерновок пленчатого ячменя. Представленные на рис. 4, *10*, *11* зерновки могли принадлежать срединным зерновкам в триплетах многорядного ячменя или двурядному пленчатому ячменю, так как они имеют симметричное строение. Подробное строение ячменных зерновок отмечено на фрагментах керамики Бельского и Коломакского городищ.

Голозерный ячмень в отпечатках прослеживается только в одном случае — на фрагменте керамики (212/26-75) из Восточного Бельского городища. Зерновка на отпечатке овальная, с узкой брюшной бороздкой на всем ее протяжении, что и свидетельствует о принадлежности зерновки к разновидности голозерного ячменя.


а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л

Следы пленчатой пшеницы на отпечатках представлены зерновками и колосовыми остатками — «вилочками» и многочисленными чешуями. Зерновки по форме очень напоминают двузернянку. Они узкие, удлиненные, со слегка заостренными вершиной и основанием. Большинство отпечатков чешуй по морфологии также следует отнести к этому виду пшеницы. Но в одном случае, на фрагменте из селища Мысовое I (109/ПМ-75), зафиксирован очень четкий отпечаток (рис. 3, *9*) зерновки пшеницы-однозернянки (Triticum monococcum L.). Брюшная сторона у зерновки выпуклая и узкая. Высота зерновки значительно больше ее ширины, что весьма характерно для этого вида пшеницы. На этом же фрагменте керамики имеется и типичный для однозернянки отпечаток «вилочки», т. е. основания колоска пленчатой пшеницы. Он более узкий, чем у двузернянки. Имела ли однозернянка самостоятельное значение на данной территории, сказать трудно, так как находка единична. Она может быть и следствием засорения посевов двузернянки однозернянкой, что часто наблюдалось в недавнее время в Крыму [60, с. 515—524; 61, с. 136—139]. На городище у с. Полковая Никитовка [21, с. 332, 333] обнаружен четкий отпечаток колоска пшеницы-спельты. Голозерная пшеница в отпечатках пока не обнаружена, мало ее и среди остатков обуглившегося зерна.

Отпечатки, оставленные горохом на керамике, обычно круглые, средним диаметром около 5 мм, что характерно для пищевых сортов данной культуры. Но вдавления могли принадлежать и полевому гороху, поскольку при попадании в сырую глину горошины обычно быстро впитывают влагу, набухают, увеличиваясь в размере еще до начала обжига сосудов.

Перечисленные зерновые культуры, несомненно, возделывались в чистых, одновидовых посевах, поэтому на Коломакском городище была найдена исключительно пшеница-двузернянка, а на селище Малая Рублевка — практически чистая рожь. Смесь двузернянки и пленчатого яч-

---

Рис. 8. Археологические памятники Скифии с находками культурных растений. *1* — Рипнив; *2* — Иване Пусте; *3* — Залесье; *4* — Круглик, кург.; *5* — Солончены; *6* — Надлиманское городище (далее гор.); *7* — Николаевка; *8* — Немировское гор.; *9* — Ольвия; *10* — Широкая Балка; *11* — Березань; *12* — Афанасьевка; *13* — Козырское гор.; *14* — Петуховка I; *15* — Закисова Балка; *16* — Каменское гор.; *17* — Знаменское гор.; *18* — Гавриловское гор.; *19* — Большая Лепетиха, гор.; *20* — Булгаково, кург.; *21* — Хотовское гор.; *22* — Трахтемировское гор.; *23* — Гуляй Поле, кург.; *24* — Турьи, кург.; *25* — Пастырское гор.; *26* — Жаботин; *27* — Матронинское гор.; *28* — Маслины и Паиское I; *29* — Тарпанчи; *30* — Чайка, гор.; *31* — Беляус, гор.; *32* — Неаполь Скифский; *33* — Усть-Альминское гор., Скалистое, мог., Верхне-Садовое; *34* — Херсонес; *35* — Уч-Баш; *36* — Заветное (Алма-Кермен); *37* — Пантикапей; *38* — Заморское, мог.; *39* — Семеновка; *40* — Дпя-Тиритака; *41* — Киммерик; *42* — Мирмекий; *43* — Солдатская слободка; *44* — хут. Рассвет; *45* — Фанагория; *46* — Гермонасса; *47* — Батарейка I; *48* — Кепы; *49* — Танаис; *50* — Сухо-Чалтырское гор.; *51* — Елизаветинское гор.; *52* — Краснодарское гор.; *53* — Семибратнее гор.; *54* — Усть-Лабинское III гор.; *55* — Майкоп; *56* — Старокорсунское I гор.; *57* — Воронежское III гор.; *58* — Ладожское VII гор.; *59* — Чумяной Редант (у хут. Новонекрасовский); *60* — Октябрьское (Тахтамукайское) гор.; *61* — Сухая, гор.; *62* — Кузина Гора, гор.; *63* — Марица, гор.; *64* — Басовское гор.; *65* — Басовка, кург.; *66* — Великие Будки, кург.; *67* — Кнышевское гор.; *68* — Пожарная Балка; *69* — Ширяевское гор.; *70* — Бельское гор., Западное укрепление; *71* — Бельское гор., Восточное укрепление; *72* — Большое Бельское гор., уроч. Царина; *73* — Осняги, кург.; *74* — Скоробор, кург.; *75* — Хухры; *76* — Малая Рублевка; *77* — Лихачевка; *78* — Полковая Никитовка; *79* — Коломакское гор.; *80* — Горобцовка; *81* — Старые Валки; *82* — Люботинское гор.; *83* — Люботин, кург.; *84* — Караван, гор.; *85* — Шелковая; *86* — Мерефа (скифский слой); *87* — Островерховка; *88* — Коробовы Хутора, гор. (скифский слой); *89* — Большая Гомольша, гор.; *90* — Мысовое I (у с. Западеньки); *91* — городище у с. Городище; *92* — Донецкое гор. (скифский слой); *93* — Проходнянское (у с. Малые Проходы); *94* — Циркуны, гор. и селище Циркуны; *95* — Большая Даниловка (скифский слой); *96* — Северское гор. (у с. Меловое); *97* — Веселое, Великая Тополяха; *98* — Тымченки, «1-го Мая», Кущевое; *99* — Родной Край, Голубовка III; *100* — хут. Петровского, Луговое; *101* — Архангельское гор.; *102* — Кировское гор.; *103* — Волошинское гор. *а* — пшеница; *б* — ячмень; *в* — рожь; *г* — овес; *д* — просо; *е* — гречиха; *ж* — технические культуры; *з* — бобовые; *и* — садовые культуры; *к* — глиняные модели зерен и статуэтки с отпечатками зерен; *л* — граница степи

Таблица 6

Культурные растения из скифских и таврских памятников Крыма

Культура		Поселения и датировка						
		Уч-Баш, X—IX вв. до н. э.	Алма-Кермен, III в. до н. э.	Тарпанчи, III в. до н. э.	Неаполь Скифский, II до н. э.	Верхне-Садовое, II в. н. э.	Усть-Альминское, III в. до н. э.	Чайка II в. до н. э.— I в. н. э.
Пшеница	Triticum aestivo-compactum	***	***	***	***	***	***	*
	Triticum durum	***	*	—	*	*	***	*
	Triticum dicoccum	*	*	*	*	*	*	*
	Triticum monococcum	*	*	*	—	*	*	—
	Triticum spelta	*	—	—	*	*	—	—
Ячмень	Hordeum vulgare	***	***	***	—	***	***	*
	Hordeum vulgare var. nudum	*	—	*	—	*	—	*
	Hordeum lagunculiforme	*	—	*	—	*	*	—
Рожь	Secale spec.	—	***	—	*	*	***	*
Просо	Panicum miliaceum	—	***	—	—	—	—	—
Бобовые	Vicia ervilia	—	—	—	*	*	*	—
	Pisum sp.	*	—	—	—	*	*	—
	Lens culinaris	—	—	—	*	*	*	*
Виноград	Vitis sp.	*	—	***	—	*	*	*
Орех	Juglans regia	—	—	—	—	—	*	—
Груша	Pyrus sp.	—	—	—	—	—	*	—

Примечание. * — единичные находки, *** — массовые находки.

меня в образцах 1 и 2 с Бельского городища можно объяснить условиями попадания зерна в ямы, о чем мы писали выше. Двузернянка и ячмень выращивались раздельно: зерновки пшеницы-двузернянки с Бельского городища полностью обрушены (они очищены от чешуй), а у большинства зерновок ячменя остатки чешуй сохранились. Если бы эти виды злаков выращивались в смеси, то и обрушивание их зерновок производилось бы совместно.

Таким образом, результаты анализа обугленного зерна и отпечатков на керамике позволяют прийти к выводу, что основными возделываемыми растениями скифской эпохи в лесостепи были пшеница-двузернянка и пленчатый многорядный ячмень, в меньшей степени — мягкая и карликовая пшеница, рожь и просо. Возделывался также и горох, однако остается неясным, каков был удельный вес его посевов. Сопоставление с несколько более поздними скифскими памятниками Крыма показывает, что там основными зерновыми культурами была пшеница (типа мягкой и карликовой) и многорядный ячмень (табл. 6). Массовыми находками представлена также рожь, часто встречается пшеница двузернянка. На Усть-Альминском поселении много находок твердой пшеницы, которая на таврском поселении Уч-Баш зафиксирована уже для X—IX вв. до н. э. На ряде других скифских памятников Крыма она отмечена единичными экземплярами [62, с. 93—95]. Сводка остальных материалов дана на схеме (рис. 8).

Пшеница-двузернянка, которая являлась основным культурным растением у племен Скифии, требовала особой обработки. Колоски ее предварительно подсушивали, а затем зерновки освобождали от чешуй, обрушивая в ступах. Деревянные ступки не сохранились, но на святилище Бельского городища найдены их глиняные модели с пестиками (рис. 1, *2*). Зерно отвеивалось, а затем дробилось на зернотерках. Употреблялась двузернянка (полба) главным образом в виде каш. Пленчатый ячмень

Таблица 7

Видовой состав растений, определенных по отпечаткам на керамике срубной и бондарихинской культур

Поселение и культура	Число фрагментов	Просо обычное	Ячмень		Пшеница		Горох	Полова
			пленчатый	голозерный	пленчатая	голозерная		
Срубная культура								
Веселое I	3	–	1	–	–	–	–	–
Поляны I	1	–	–	–	–	–	–	1
Голубовка III	1	–	–	–	–	–	–	1
«1-го Мая»	2	1	2	–	1	–	–	1
Бондарихинская культура								
Луговое	1	1	1	–	–	–	–	–
Родной Край	4	1	1	–	–	1	–	–
Тимченки	7	2	4	–	1	1	–	3
Великая Тополяха	2	–	–	–	–	–	–	1
С. Циркуны	1	–	–	–	–	–	1	–
Кущевое	1	1	–	–	–	–	–	–

мог служить и пищевым, и фуражным продуктом. В первом случае его зерно также предварительно обрушивалось. Процесс этот еще более трудоемкий, чем обрушивание полб, так как цветочные чешуи у ячменя не только плотно прилегают к телу зерновки, но и частично прирастают к ней.

Распространение полбы-двузернянки у племен Скифии не является чем-то необычным. Палеоботанические исследования последних лет подтверждают предположение Н. И. Вавилова о том, что полба-двузернянка имела в прошлом на территории СССР сплошной и обширный ареал. Выяснилось, что она преобладала в посевах у неолитических и энеолитических племен в междуречье Днестра и Прута [49, с. 59], на среднетрипольских поселениях правобережной Украины [63, с. 59—66], а в 1978 г. ее нашли в погребении катакомбной культуры на территории Крыма [64]. Эту картину дополняют новые исследования отпечатков на керамике срубной и бондарихинской культур бронзового и начала железного века в бассейне Северского Донца (табл. 7). Оказалось, что и здесь в предскифскую эпоху, основными возделываемыми растениями были пленчатая пшеница (полба-двузернянка), пленчатый ячмень и просо. Таким образом, преемственность в развитии земледелия на территории Украины совершенно очевидна.

Широкое распространение полбы-двузернянки в прошлом связано с ее особыми биологическими и агрономическими свойствами. Растения обладают выносливостью, неприхотливостью, устойчивостью урожаев по годам, способны к длительному перестаиванию в зрелом виде на корню. При этом урожай не повреждается птицами, не подвергается болезням, не осыпается. Ценилась полба и за высокое качество зерна, в котором, по современным сведениям, содержание белка в 1,5 раза выше, чем у обычной мягкой пшеницы [65]. Агротехника полбы (посев, уборка урожая, хранение, обмолот) отлична от агротехники голозерных пшениц и требовала особых земледельческих навыков. И сейчас в узко ограниченных очагах, где сохранилось возделывание полбы, посев ее производят колосками, заделывают в почву не бороной, не плугом, а сохой. Урожай хранят в снопах или в виде необрушенных колосков, обсушивают постепенно, по мере надобности. Археологически это находит подтверждение в наличии на городищах лесостепной Скифии овинов, предназначенных для огневой сушки снопов [66, с. 90; 67, с. 425].

Судя по полученным данным, пленчатая пшеница (полба-двузернянка) и была хлебом местного населения. Для экспорта, упоминаемого Ге-

родотом, выращивалась голозерная пшеница (мягкая — карликовая), массовые находки которой зафиксированы на многих памятниках Крыма [49, с. 89—91]. Дальнейшие палеоботанические исследования помогут выявить и уточнить ее истинный ареал.

Остается пока не совсем ясной картина распространения у местных земледельческих племен Скифии гречихи. Она зафиксирована пока в небольшом количестве на памятниках VII—IV вв. до н. э. (Немировское, Бельское, Архангельское городища). Очевидно, нужны еще дополнительные данные.

Важен вопрос о влиянии греческих колоний Северного Причерноморья на развитие земледелия у местных племен. Еще недавно высказывалось мнение, что культура полбы-двузернянки была занесена на территорию Скифии греческими переселенцами из метрополии [52, с. 182, 187]. Однако это противоречит имеющимся материалам, показывающим, что двузернянка возделывалась местными племенами как основная культура с глубокой древности. Материалы раскопок Бельского и Люботинского городищ, селищ Иване-Пусте и Малая Рублевка позволяют уверенно говорить, что местные племена сеяли рожь еще в VII—V вв. до н. э., а следы культивирования ржи на античных поселениях Крыма встречены лишь в эллинистическое время. Таким образом, состав хлебных злаков, которые возделывались земледельцами Скифии, определился еще в доскифское время и явился результатом длительного развития местного земледелия на юге Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тыс. до н. э.— СА, 1973, № 3.
2. *Никитенко Н. Н.* О датировке балкинского рала.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
3. *Шрамко Б. А.* Найдавніші орні знаряддя на території України.— В кн.: Питання історії народів СРСР. Вып. 6. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1969.
4. *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе.— СА, 1961, № 1.
5. *Шрамко Б. А.* Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.— СА, 1964, № 4.
6. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
7. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, № 3.
8. *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г.— Тр. XIV АС. Т. III. М., 1911.
9. *Хвойко В. В.* Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность.— Тр. XII АС. Т. I. М., 1905.
10. *Маркевич А. И.* К столетию исследований на городище Неаполис у Симферополя.— ИТОИАЭ, 1929, т. III.
11. *Флаксбергер К. А.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю.— КСИИМК, 1940, вып. 8.
12. *Покровский М. В.* Городища и могильники Среднего Прикубанья.— Тр. Краснодарского пед. ин-та, 1937, т. VI, вып. 1.
13. *Анфимов Н. В.* Новые данные к истории Азиатского Боспора.— СА, 1941, т. VII.
14. *Артамонов М. И.* Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 р.— АП, 1952, т. IV.
15. *Москаленко А. Н.* Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской обл. в 1952—53 гг.— В кн.: Из истории Воронежской обл. Воронеж, 1954.
16. *Шрамко Б. А.* Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівки.— АП, 1956, т. VI.
17. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1962.
18. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья.— МИА, 1958, № 64.
19. Зерна та насіння рослин з поселення в с. Іване-Пусте.— Археологія, 1968, т. XXI.
20. *Пузикова А. И.* Поселения Среднего Дона.— МИА, 1969, № 151.
21. *Моруженко А. А.* Скифская экспедиция.— АО — 1971. М., 1972.
22. *Крушельницька Л. І.* Поселення висоцької культури.— Археологія, 1973, № 11.
23. *Ковпаненко Г. Т., Янушевич З. В.* Отпечатки злаков на керамике из Трахтемировского городища.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
24. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
25. *Анфимов Н. В.* Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья.— МИА, 1957, № 23.
26. *Анфимов Н. В.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.

27. *Славин Л. М.* Раскопки поселения первых веков н. э. на Ингульце в 1952 г.— КСИА УССР, 1955, вып. 4.
28. *Штительман Ф. М.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50.
29. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
30. *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64.
31. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
32. *Доманский Я. В.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э.— АСб. ГЭ, 1961, вып. 2.
33. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
34. *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев: Наук. думка, 1965.
35. *Яковенко Э. В., Янушевич З. В.* Определение отпечатков растений на лепной керамике Восточного Крыма.— АИУ — 1968. Киев, 1971.
36. *Яценко И. В., Попова Е. А.* Раскопки Чайкинского городища.— АО — 1977. М., 1978.
37. *Яковенко Е. В.* Пастирське городище скіфського часу.— Археологія, 1968. т. XXI.
38. *Яценко И. В., Попова Е. А.* Раскопки греческих и скифских слоев на городище у санатория «Чайка».— АО — 1978. М., 1979.
39. *Елагина Н. Г.* Нижнее Поднепровье в эпоху позднего скифского царства.— Вестн. МГУ, 1958, № 4.
40. *Шрамко Б. А.* Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке.— СА, 1957, № 1.
41. *Шрамко Б. А.* Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
42. *Шрамко Б. А.* Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли.— АИУ — 1969. Киев, 1972.
43. *Андриенко В. П.* Новые раскопки у с. Пожарная Балка.— АО — 1977. М., 1978.
44. *Пузикова А. И.* Городище Мерица — памятник лесостепных культур скифского времени в Посеймье.— СА, 1978, № 3.
45. *Березанська С. С.* Кераміка білогрудівської культури.— Археологія, 1964, т. XVI.
46. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
47. *Шрамко Б. А.* Господарство лісостепових племен на території України (VII—III ст. до н. е.).— УІЖ, 1971, № 1.
48. *Sramko B. A.* Der Ackerbau bei den Stammen Skythiens im 7—3 Jahrhundert v. u. Z.— Slovenska Archeologia, 1973, t. XXI, № 1.
49. *Янушевич З. В.* Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976.
50. *Шрамко Б. А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема.— СА, 1975, № 1.
51. *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь: Крымиздат, 1961.
52. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
53. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— МИА, 1971, № 174.
54. *Шрамко Б. А.* Исследования Бельского городища.— АИУ — 1968. Киев, 1971.
55. *Бахтеев Ф. Х., Янушевич З. В.* Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярымтепе I и Ярымтепе II в Северном Ираке.— В кн.: Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
56. *Бахтеев Ф. К.* К истории культуры ячменя в СССР.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1956, т. 2.
57. *Бахтеев Ф. Х., Даревская Е. М.* Hordeum langunculiforme и Hordeum spontaneum C. Koch из Туркменской ССР.— Ботан. журн., 1962, т. 57, № 12.
58. *Радзиевская В. Е.* Раскопки городища у с. Коломак.— АО — 1977. М., 1978.
59. *Радзиевская В. Е.* Новые поселения в бассейне Северского Донца.— АО — 1975. М., 1976.
60. *Дроздов Н. А.* Дикая и культурная однозернянка в Крыму.— Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1922/23, т. 13.
61. *Барулина Е. И.* О засорении посевов хлебов однозернянкой в Крыму.— Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1924, т. 14, вып. 1.
62. *Yanúševič Z. V.* Die Kulturpflanzen Skythiens.— Z. Archäologie, 1981, B. 15.
63. *Yanushevich Z. V.* Prehistoric Food Plants in the South-West of the Soviet Union.— Ber. Dtsch. Bot. Ges., 1978, B. 91.
64. *Янушевич З. В., Корпусова В. Н., Пашкевич Г. А.* Пшеница из захоронения катакомбной культуры.— Изв. АН МССР. Сер. биол. и хим. наук, 1981, № 5.
65. Пшеницы мира / Под ред. Брежнева Д. Д. М.— Л., 1976.
66. *Моруженко А. А.* До питання про господарські споруди скіфської епохи.— Вісн. ХДУ. Іст. сер. 1966, вип. 1, № 17.
67. *Шрамко Б. А.* Раскопки Гелона.— АО — 1978. М., 1979.

B. A. Shramko, Z. V. Yanushevich

SCYTHIAN AGRICULTURAL PLANTS

Summary

Ancient authors supply scant information on agricultural plants common among the population in the south of Eastern Europe in the 7th-3rd centuries B. C. so seeds, plants and seed traces on pottery and figurines found by archaeologists are a valuable addition to historical sources. The article carries, in a compressed shape, data on all available palaeobotanic material pertaining to Scythian agricultural plants, and provides a detailed information on new finds. The latter come, mainly, from the Scythian settlements and fortified settlements at the villages of Belsk, Kolomak, Malaya Rublevka in the Vorskla basin and from the Scythian levels of the Chaika settlement in the Crimea. It was established that the local population preferred chaffy emmer wheat, chaffy common barley, soft wheat, club and durum wheat, rye, naked barley, millet and pea. Other plants were less widespread. Emmer wheat and rye were cultivated even prior to the appearance of Greek colonists in the Northern Black Sea area.

САПРЫКИН С. Ю.

АСПУРГИАНЕ

Проблема аспургиан — одна из сложных и запутанных в истории Боспорского царства I в. до н. э. Недостаточно выяснено этническое происхождение, место аспургиан в социально-политической структуре Боспорского государства, что объясняется краткими и отрывочными сообщениями о них в источниках. Не ясна и этимология слова «аспургиане».

Самое первое упоминание об аспургианах мы находим у Страбона. Перечисляя племена азиатской половины Боспорского царства, географ говорит: «К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореты... К ним же относятся и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пространстве 500 стадиев. Царь Полемон хотел напасть на них под прикрытием дружбы, но его намерение не укрылось, он был встречен войском аспургиан, попался живым в плен и был убит» (Strabo, XI, 2, 11). В другом месте, рассказывая о Пифодориде, второй супруге Полемона I, Страбон поясняет: «...Пифодорида... наследовала власть, когда Полемон окончил свою жизнь среди так называемых аспургиан, принадлежавших к числу варварских племен около Синдики» (Strabo, XII, 3, 29). Сведения Страбона о том, что аспургиане — племя, повторяют Элий Геродиан и Стефан Византийский (Herodian, VII, 180, 2; Steph. Byz. s. v. Ἀσπουργιανοί). Эти авторы помещают аспургиан на азиатской стороне Керченского пролива, в районе Горгиппии и Фанагории, т. е. в окрестностях современного Таманского полуострова, городов Анапы и Новороссийска. Клавдий Птолемей (V, 8, 17), живший в середине II в. н. э., помещает аспургиан там же, при этом сильно искажая их название (Ἀστουρικανοί). Упоминаются аспургиане и в боспорских надписях первых веков нашей эры. В надписи III в. н. э. из Керчи (IosPE, т. II, № 29 = КБН, № 36) и Танаиса (IosPE, т. II, № 431 = = КБН, № 1248) засвидетельствована должность «начальника аспургиан», который одновременно являлся и хилиархом (Φάννης Σακλέως χειλιάρχης καὶ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν).

Археологические раскопки в бассейне р. Кубани на Таманском полуострове, в районе Анапы и Новороссийска, исследования Н. И. Сокольского, Н. А. Онайко, А. С. Башкирова, Ю. С. Крушкол, Ю. М. Десятчикова и др. доказали, что многие крепости Тамани и юго-восточных рубежей Боспора возникли как единое военно-стратегическое целое в I в. до н. э. и относились, вероятно, к аспургианам. Однако археологические находки, подчеркивающие смешанный характер населения укреплений, не дают прямого ответа на вопрос, кем являлись аспургиане. Их считают либо племенем меото-сарматского или иного происхождения [1, с. 316; 2, с. 329; 3, с. 103; 4, с. 112; 5, с. 206; 6, с. 107; 7, с. 268], либо военной дружиной [8, с. 10; 9; 10, с. 75; 11, с. 30], либо группой или партией политических сторонников Аспурга, имя которого легло в основу названия [12, с. 71; 13, с. 10—12; 14, с. 61—63; 15, с. 780]. Мы попытаемся показать, кто такие аспургиане, каково их место в социально-политической системе Боспора рубежа нашей эры, когда и при каких обстоятельствах выходят они на историческую арену и какова их роль в истории Боспорского государства.

Связь этимологии слова «аспургиане» с именем боспорского царя Аспурга, правившего с 13/14 г. по 38 г. н. э., большинство ученых счи-

тают бесспорной [2, с. 330; 14, с. 60; 15, с. 780; 16, с. 35] [1]. Период царствования Аспурга известен по монетам и надписям. Одна из надписей, оставленная начальником острова (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου) Менестратом, сыном Менестрата, говорит, что Аспург «происходил» от царя Асандроха (τὸν ἐκ Βασιλέως Ἀσανδρόχου) (IosPE II, № 36 = КБН, № 40). Это имя созвучно имени боспорского царя Асандра, захватившего в 47 г. до н. э. престол у Фарнака, сына Митридата VI Евпатора, и правившего до 17/16 гг. до н. э., когда он отдал престол супруге своей Динамии, дочери Фарнака, внучке Митридата Евпатора (Cass. Dio, LIV, 24, 4). Некоторые ученые полагали, что «Асандрох» — грецизация варварского имени [7; 8, с. 17; 12, с. 71; 17, с. 268], и потому отличали его от имени боспорского царя. При этом выдвигались предположения, что это Асандр был меото-сарматским царем, положившим начало новой, сарматской по происхождению, династии на Боспоре [7, с. 268; 17, с. 262; 18, с. 99—103; 19, с. 128—131]. Не отвергая в основе вышеприведенную гипотезу, другие исследователи справедливо отмечали, что «Асандрох» — варваризация греческого имени, и предполагали, что его носитель — некий боспорский властитель 8 г. до н. э.— 7 г. н. э. [4, с.117; 7, с. 268; 17; 19, с. 130; 20, с. 96] [2]. Однако мнение о том, что Асандр и Асандрох — одно лицо [1, с. 316; 2, с. 328, 329; 3, с. 103; 8, с. 17; 14, с. 62; 15, с. 780; 21, с. 182], а Аспург являлся сыном царя Асандра и Динамии [3], находит больше сторонников. Впрочем, их выводы не выходят за рамки чистых предположений.

В упомянутой выше надписи можно увидеть ряд любопытных деталей. В ней мы читаем: Βασιλέα μέγαν Ἀσποῦργον φιλορώμαιον τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου, φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμαιον, βασιλεύοντα παντὸς Βοσπόρου κ. λ. Эпитет φιλορώμαιος упоминается в двух строках подряд. В первом случае он согласуется с именем Аспурга в Acc. Sing., но без обычно сопутствующего φιλόκαισαρ; во втором случае поставлен после Ἀσάνδρου в Gen. Sing. уже в сочетании с φιλόκαισαρ и вновь в винительном падеже. Необычное написание эпитетов авторы «Корпуса боспорских надписей» объясняют ошибкой резчика либо не устоявшейся еще формулировкой царской титулатуры Аспурга. Подобное положение может быть отнесено за счет lapsus linguae, но надо исходить из конкретного факта. Φιλορώμαιος в первом случае может относиться к Аспургу, а вторичное его упоминание — к царю Асандр(ох)у. Как согласовать Ἀσάνδροχος в родительном падеже с его же титулатурой в винительном падеже? В. И. Горемыкина справедливо связала φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμαιον с Асандрохом, объяснив разночтения в падежах ошибкой резчика [19, с. 128—134]. Известно, что надпись поставлена «начальником острова», находившегося на территории аспургиан. Как показали раскопки Н. И. Сокольского, на Фанталовском полуострове, являвшемся в древности островом, отождествляемым с ἡ νῆσος греческих надписей, находились укрепления аспургиан и резиденция такого же «начальника» времени Асандра, имя которого сохранила надпись: Χρυσαλίσκου Τύχῃ βα(σι)λεὺς Ἀσάνδρος φιλο(ρώμαιος) [6, с. 40; 26, с. 26]. Ее орфография с ошибками в греческом языке (Βαλεὺς > βασιλεύς; Ἀσάνδρος > Ἄσανδρος), как и комплекс находок в так называемом «доме Хрисалиска», показывают, что начальник острова и его окружение не являлись греками. Н. И. Сокольский считает их аспургианами

---

[1] Е. С. Голубцова и И. И. Толстой [4, с. 112; 13, с. 12, 13] полагают, что этимология слова «аспургиане» не связана с именем Аспурга, царя Боспора.

[2] Бо́льшая часть исследователей видят в Асандрохе боспорского царя, но Б. Кисслинг и особенно Дж. Андерсон (последний опирается на мнение М. И. Ростовцева) [18, с. 103] считают его местным варварским династом.

[3] Так полагал вначале М. И. Ростовцев [8, 16—18], впоследствии от этого мнения отказавшийся [18, с. 101]. См., также В. Ф. Гайдукевич [1, с. 316, прим. 55; 2, с. 329], В. В. Латышев [3, с. 103], В. Н. Дьяков [10, с. 75], В. Д. Блаватский [9, с. 134; 22, с. 58], Э. Миннз [23, с. 594, прим. 1], А. фон Роден [24, с. 1739]. К этому, похоже, склоняется и Н. А. Фролова [25, с. 143]. Но В. А. Устинова-Латышева [14, с. 62] и А. Л. Бертье-Делагард [21, с. 182, 183] возражают против того, что матерью Аспурга была Динамия.

[6, с. 107; 26, с. 28]. В таком случае Менестрат, ὁ ἐπὶ τῆς νήσου при Аспурге, несмотря на греческое имя, также мог являться аспургианином полуварварского происхождения. А в поставленной им посвятительной надписи допустимы ошибки в греческом языке.

Необычно сочетание двух гласных в словах Ἀσάανδρος надписи Хрисалиска и Βοόσπορος надписи Менестрата. Очевидно, это характерно для говора населения азиатской части Боспорского царства. К. М. Колобова на примере надписей Танаиса, населенного по преимуществу представителями меото-сарматского этноса, отмечала как особенность языка часто встречающееся смешение падежей именительного, родительного и винительного [27, с. 426]. Она пишет: «В двуязычном сознании говорящего аборигена происходит смешение... категорий родительного и именительного падежей, с одной стороны, именительного и винительного падежей — с другой. Отсюда косвенно и смешение категорий также и родительного с винительным, находящее себе отражение в надписях, как появление формы родительного падежа вместо винительного и обратно» [27, с. 426]. Вот почему Ἀσανδρόχου и φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμαιον в надписи КБН, № 40 могут быть взаимосвязаны в результате смешения падежей, свойственного сарматскому языку. Аналогичным образом суффикс -ох в имени Асандрох может быть варваризацией, точнее иранизацией греческого личного имени Асандр. Имя это часто встречается в эллинском мире [4, с. 117; 28, с.86] и, в частности, на Боспоре среди жителей Нимфея (КБН, 913) [29, с. 17—22] [4]. Эпитет «друг римлян» применительно к Асандру встречается в других эпиграфических источниках (ср. КБН, № 30). В Ἄσανδρ — составной части Ἀσάνδρ(οχ)ος Л. Згуста видит грецизацию, вторую его часть (-охос) справедливо считает иранизацией [16, с. 364]. Таким образом, Асандрох — это не грецизация варварского, а варваризация греческого имени Асандр, что закономерно для надписи Менестрата. В нарративных и монументальных документах нередко встречаются родственные по происхождению иранские имена: Ἀσπούργος; Ἀσπαυροῦκις; Ἀσπωράκου; Ἀσπῶρις; Ἀσπώριγαν; Ἀσφώρουγος; Ἀσπαρούγ и т. д. Лингвисты предполагали, что в основе этих имен лежит армянское Aṣpurak. Вследствие этого Н. Я. Марр объяснял слово Ἀσπουργιανοί как двойник армянских и иранских терминов [11, с. 27, 30], а имя «Аспург» — как армянское Ишхан-ик, т. е. царь, князь. У него получалось, будто аспургиане — это княжеское войско Аспурга. Однако сейчас доказано, что в основе личных имен и возводимого к Аспургу слова «аспургиане» лежит иранское «aspa» — «конь» и производное от него «aspabara» — «конник, всадник» (древнеперсидское asabari, пехлеви asobar, новоперсидское aswar, suwar, сирийское aspūrakā) [16, с. 75—77; 30, с. 238—241; 31, с. 43—45]. Все перечисленные личные имена образованы прибавлением к иранской основе (Ἀσπούρ-, Ἀσπαυρ-, Ἀσπῶρ-, Ἀσπαρ-, Ἀσφώρ- и т. п.) иранского суффикса -γ, -υγ, -ουγ, -ουκ, -ακ, -ικ, -ιγ,-ουχ, которым близок и суффикс -ох, приставленный к греческой основе имени Ἀσάνδρ-ох-ος. Аналогичный суффикс засвидетельствован в имени Ἀκουσίλοχος, принадлежащем династу, предположительно отождествляемому с колхским царем Ака [32, с. 154 сл.].

Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Имя царя «Аспург» — иранское и стоит в одном ряду с именами Митридат, Фарнак, Махар и т. п. Оно может принадлежать представителю правившей на Боспоре династии, которая происходила из персидского дома Митридатидов, возводивших себя к Ахеменидам. Аспург являлся сыном боспорского царя Асандра, имя которого в надписи КБН, № 40 начертано на ираноязычный манер одним из главных должностных лиц дворцовой администрации, аспургианином полуварварского происхождения. И по-

---

[4] Ἄσανδρος этой надписи В. Шкорпил и М. И. Ростовцев считали царским именем, что, однако, спорно, так как никаких связей Асандра-царя с Нимфеем более не известно, в то же время его деятельность на азиатском Боспоре совершенно бесспорна (см. ниже).

тому несостоятельны попытки усматривать в Асандрохе и Аспурге мифических сарматских царей, стремившихся завладеть боспорским престолом.

Что до названия «аспургиане», то правы те, кто отрицал в нем этническое понятие [3, с. 103; 8, с. 17; 12, с. 71; 14, с. 61; 15, с. 780]. И. И. Толстой указывал, что οἱ Ἀσπουργιανοί — деноминативное, латинское по форме образование, означавшее «сторонников, последователей Аспурга», но «не боспорского царя, а какого-то другого Аспурга, может быть, основателя местного культового фиаса или полувоенного-полуразбойничьего объединения». Поскольку для образования прилагательных от личных имен в латинском и греческом языках используется суффикс -an (αν), если имя оканчивается на гласный звук, или -ian (ιαν), если окончанием служит согласный (например, Christus — Christiani; Caesar — Caesariani; Sulla — Sullanus; Φιμβρίας — Φιμβριανοί), то И. И. Толстой делал вывод, что οἱ Ἀσπουργιανοί производное от Aspurg-us и означает его сторонников [13, с. 11—13]. Однако еще Брандис заметил, что Nominativus к τῶν Ἀσπουργιανῶν надписей II—III вв. будет не οἱ Ἀσπουργιανοί, а τὰ Ἀσπουργιανά т. е. «место, замок, местность аспургиан», и не может быть обозначением этникона [15, с. 780]. На этом основании последующие исследователи видели в аспургианах не латинизированный этникон, а производное от топонима. Οἱ Ἀσπουργιανοί образовано, по их мнению, не от имени, а от прилагательного на ι-, в основе которого личное имя Ἀσπούργος > Ἀσπούργιος > Ἀσπουργιανοί (по типу Βόσπορος > Βοσπόριος > Βοσποριανοί). Таким образом, слово «аспургиане» в письменных и эпиграфических источниках первых веков нашей эры должно означать определенный район или территорию, населенную людьми, каким-то образом связанными с Аспургом, царем Боспорского государства, сыном Асандра и Динамии.

Какую же территорию Боспорского царства следует подвести под понятие «аспурговой» или «аспургиановой» и соотнести с деятельностью царя Аспурга? Ответить на вопрос позволяет царский рескрипт, обнаруженный в Горгиппии [33, с. 200; 34, с. 28]. В нем говорится о расположении горгиппийцев к Аспургу, их поддержке царя во время путешествия в Рим к императору Августу, за что государь определил «сообразно данным им распоряжениям» на будущее время правила родственного наследования оставить у них неизменяемыми, «согласно наследственному закону Евпатора» (κατὰ τὸν Εὐπάτορος ἀνγι[στ]ερτικὸν νόμον) Т. В. Блаватская отмечала, что Горгиппия составляла особый судебный и административно-территориальный округ, а в основе закона, даруемого царем, лежало право наследования по родству, куда входил круг ближайших кровных родных [34, с. 30—32]. Из рескрипта следует, что в Горгиппии существовал закон, введенный Митридатом VI, и в знак особого расположения к городу Аспург подтвердил право наследования в том виде, в каком им было записано. Из контекста надписи вытекает, что аналогичный закон мог существовать и в других городах, но из-за того, что они оказались «неблагорасположенными» к царю, такой закон у них подтвержден не был. Напротив, подтверждение «Евпаторова закона о наследовании» поощряло независимость полиса [34, с. 36].

Данный закон уместно сопоставить с законом о наследовании из Дура-Европос [35, с. 520—530; 36, с. 229—232]. Он восходит к эпохе эллинизма и может считаться частью первоначальной конституции полиса [35, с. 529; 36, с. 229]. Закон устанавливает право наследования при отсутствии у умершего гражданина прямых наследников: в этом случае имущество (главным образом земельные участки — клеры) должно перейти в собственность царя [36, с. 229, 230], тогда как близкие по содержанию законы классических полисов, и прежде всего Афин, устанавливают в подобных случаях переход недвижимости в руки гражданской общины [35, с. 529, 530]. Эллинистические и е законы о наследовании ограничивали полисную автаркию, являясь средством укрепления γῆ βασιλική, поскольку царю принадлежало верховное право собственности на землю.

Если вернуться к «Евпаторову закону», то бросается в глаза его логическая связь с законами Афин IV в. до н. э. Поскольку как высшее благо царь подтверждает закон, выгодный гражданам, следует полагать, что последний предусматривал передачу земли (ὁ κλῆρος) и другого имущества в руки прямых наследников, главным образом по мужской линии, а в случае отсутствия таковых — в собственность всей общины. Тем самым расширялись права автономии города-государства в составе эллинистической монархии. Отсюда следует, что Аспург во внутренней политике в одних случаях, подобно Митридату VI, подтверждал права автономии полисов, как это засвидетельствовано в Горгиппии, а в других, напротив, отходил от политики своего великого предшественника, ограничивая эти права. Таким образом, при Митридате VI и его преемниках на Боспоре земля находилась в собственности царя и четко подразделялась на χώρα βασιλική — царскую землю и χώρα πολιτική — полисную землю, разделенную на клеры. Существование полисных и городских земель при сохранении верховной собственности царя на землю — основная черта эллинистической монархии, свойственная царствам Птолемеев и Селевкидов, Пергаму, Вифинии, Понту и Каппадокии.

«Евпаторов закон» в Горгиппии и других крупнейших городах царства был введен и эффективно действовал в конце II — 90-х — 80-х годах I в. до н. э., когда горгиппийцы вместе с Пантикапеем и Фанагорией выпускали серию однотипных серебряных и медных монет [37, с. 186, 187; 38, с. 36]. Это подтверждало их права самоуправления и автономии вместе с ведущими полисами Понта и Пафлагонии, также бившими при Митридате свою монету. Никогда более, кроме как в означенный период, Горгиппия не выпускала монету с собственным именем(Γοργιππέων).

Деление на γῆ βασιλική и γῆ πολιτική подтверждается эпиграфическими документами Боспора первых веков нашей эры. Надписи об административно-территориальном делении государства сообщают сведения о главных должностных лицах — наместниках областей: Феодосии (ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας) (IosPE, т. II, № 29, 363 = КБН, № 36); царской области (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας) (IosPE, т. II, № 29, 363 = КБН, № 36, 1051) [5]; Горгиппии (ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας) (КБН, № 1115, 1134); острова (ср. IosPE, т. II, № 36, 254, 359 = КБН, № 40, 697, 982, 1000) и области аспургиан (см. выше). Этот перечень показывает, что территория Боспорского государства в I—II вв. н. э. делилась на землю, находившуюся в ведении полиса (город и сельскохозяйственная округа), и землю, не входившую в состав полиса (остров, область аспургиан и, вероятно, земли βασίλειαι без Пантикапея и принадлежащей ему территории). Должность «начальника острова» впервые засвидетельствована в I в. н. э., следовательно, означенные административно-территориальные округа существовали уже при Аспурге и, возможно, ранее [3, с. 125; 40, с. 116]. Деление хоры на царскую и городскую восходит ко временам Спартокидов (Diod. XX, 25) [39, с. 175; 41, с. 171—174]. Естественно, что и в митридатовское время территория Боспора подразделялась на царскую и полисную, хотя с уверенностью говорить о том, будто означенное административно-территориальное деление существовало ранее Аспурга, преждевременно. Но важно другое: области, управлявшиеся «начальниками острова и аспургиан», располагались на χώρα βασιλική, ибо они не подчинялись наместникам городов, имевших свою сельскую округу. Территория аспургиан находилась непосредственно под контролем царской власти.

---

[5] В. В. Латышев [3, с. 124, 125], В. Ф. Гайдукевич [1, с. 342] считали, что эта магистратура означала наместника европейского Боспора вместе со столицей Пантикапеем. В. Д. Блаватский [9, с. 217] полагал, что это наместник части государства, которая в титулатуре Спартокидов именовалась Боспором. С. А. Жебелев [39, с. 210, 211] убежден, что это «начальник царской резиденции в Пантикапее». И только А. И. Болтунова [40, с. 113—116] показала, что это лицо, управлявшее царскими землями, доходы с которых поступали в царскую казну; земли располагались в различных частях царства, особенно на азиатской его половине, в районе Горгиппии.

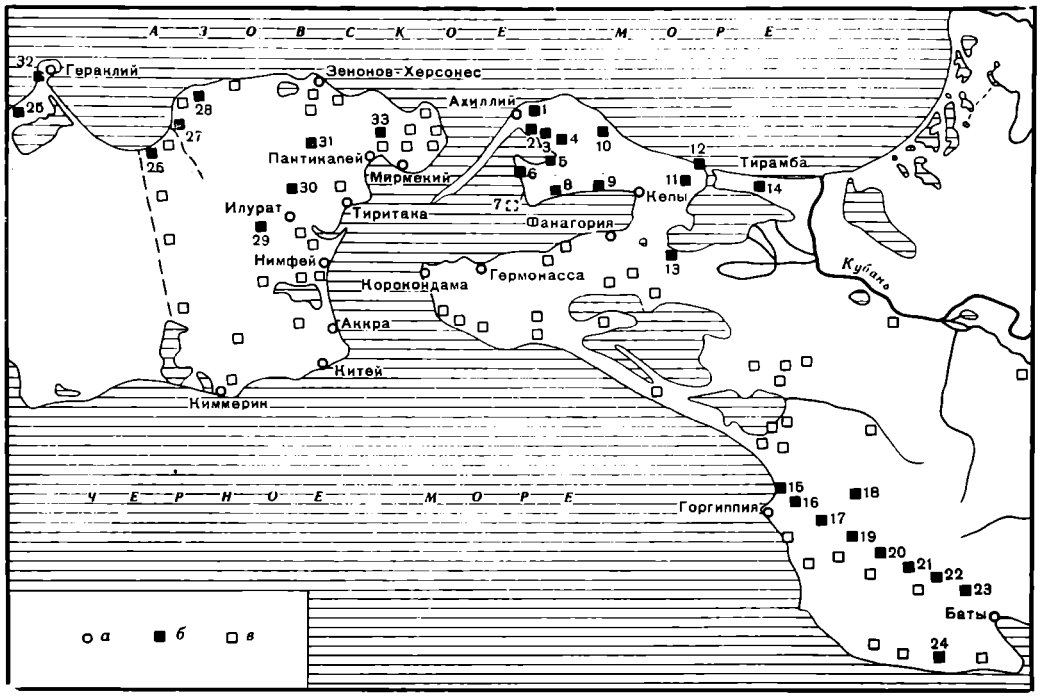


Рис. 1. Боспор Киммерийский и поселения на его хоре. *1* — Ильичевка; *2* — Батарейка I; *3* — Батарейка II; *4* — Красноармейское; *5* — Запорожское; *6* — Каменная Батарейка; *7* — предполагаемая крепость; *8* — Патрей; *9* — Татарская; *10* — Кучугуры; *11* — «За Родину»; *12* — Пересыпь; *13* — крепость у юго-западной оконечности Ахтанизовского лимана; *14* — Голубицкое; *15* — Джемете; *16* — Анапская; *17* — «Рассвет»; *18* — Натухаевская; *19* — Раевское городище; *20* — окрестности с. Владимировки; *21* — Владимировка; *22* — Цемдолинское; *23* — бывш. Цемесская роща; *24* — Широкая балка; *25* — Семеновка; *26* — Новоотрадное; *27* — Золотое; *28* — Золотое-Восточное; *29* — Михайловка; *30* — Тасуново; *31* — Андреевка-Северная; *32* — Мысовка; *33* — Темир-гора. *а* — города; *б* — укрепления и укрепленные усадьбы II—I вв. до н. э.— I в. н. э., упоминаемые в тексте; *в* — прочие поселения

Страбон говорит, что аспургиане обитали между Фанагорией и Горгиппией на пространстве в 500 стадий. Это должно соответствовать современному Таманскому полуострову, территории к югу от Ахтанизовского лимана, окрестностям восточнее современной Анапы, землям к северу и западу от Новороссийска. Их территория, очевидно, доходила до р. Кубань, поскольку на Кубанском правобережье и далее на востоке находились земли местных племен дандариев, сираков, меотов, аорсов и др. [42, с. 18—26; 43, с. 63—68], отчасти признававших суверенитет Боспора, но не подпадавших под его административно-территориальную систему; (боспорские властители, в частности Аспург, в своей титулатуре объявлялись царствующими над всем Боспором и Феодосией, а также отдельно над племенами восточной половины царства). Очевидно, земли племен лишь номинально входили в состав «царской» [39, с. 135, 173, 174]. Таким образом, области «начальника острова» и «аспургиан» расположены друг с другом по соседству («около Синдики», по выражению Страбона), так как общепризнано, что ἡ νῆσος — это северо-западная часть Таманского полуострова [6, с. 112; 26, с. 21; 44, с. 23].

Раскопки на Фонталовском полуострове, в окрестностях Новороссийска и Анапы подтверждают близость археологических памятников этих районов (рис. 1). Исследователи справедливо рассматривают их как принадлежащие «аспургианам» [6, с. 107; 26, с. 28, 29; 45, с. 79; 46, с. 21; 47, с. 173; 48, с. 334, 335]. Раскопки Н. И. Сокольского у пос. «За Родину» на Таманском полуострове ознаменовались открытием большого укрепления с валом и рвом. Данный памятник с 20-х годов II в. до н. э. по 14/13 гг. до н. э. являлся резиденцией некоего Хрисалиска, «наместника острова» (комплекс III, по Н. И. Сокольскому). В этот период укрепление состояло из перистильного двора, окаймленного длин-

ными стенами, и монументального прямоугольного в плане дома — резиденции наместника. Планировка дома (20,83 × 17,5 м) близка аналогичным постройкам Прикубанья, в частности Семибратнего городища. Весь уклад жизни обитателей дома, характер находок (местная керамика, обилие зернотерок, ритуальное захоронение в основании вала воина, совершенное по обряду меото-сарматских племен, предметы культа Великой Матери — Кибелы, курильницы сарматского типа и др.) указывают на тесную связь населения усадьбы с меото-сарматским миром. Это был центр укрепленного сельскохозяйственного района, каким в древности являлся Фонталовский полуостров [6, с. 89—108; 28, с. 21—30]. Расцвет усадьбы Хрисалиска датируется временем Митридата VI, Фарнака и Асандра. По мнению Н. И. Сокольского, Хрисалиск был сторонником Асандра и Аспурга, вследствие чего его резиденция погибла в пожаре во время карательной экспедиции царя Полемона I против аспургиан.

Примерно серединой I в. до н. э. датируется возникновение серии укреплений на Фонталовском полуострове, где их зафиксировано не менее 12: Ильичевка, Кучугуры, Пересыпь, Татарская, Патрей, Каменная батарейка, Запорожская, Красноармейское, Батарейка I и II, крепость на юго-западе оконечности острова. К ним можно добавить зафиксированные разведками городища Голубицкое I и II [44, с. 20, 21; 46; 49, с. 117; 50, с. 96]. Все они погибли в конце I—II в. н. э. Отличительной особенностью крепостей является сходная планировка, наличие почти возле каждой синхронного неукрепленного поселения. Все крепости прямоугольной формы, близкой к квадрату с довольно сильными укреплениями в виде вала, рва, оборонительных стен с башнями. Находки пифосов жерновов, лепной посуды, виноделен в крепостях и наличие рядом неукрепленных земледельческих поселений не оставляют сомнения, что обитатели крепостей занимались в основном сельским хозяйством, одновременно выполняя военно-оборонительные функции [6, с. 89, 113; 26, с. 21—30; 44, с. 19—23; 51, с. 128; 52, с. 183—190; 53, с. 112—114; 54, с. 88—90; 55, с. 204—217].

Неукрепленные поселения Таманского полуострова исследовались В. Д. Блаватским. Это поселения к востоку от хут. Яхнова, Десятый километр, Двенадцатый километр и др., где зафиксированы слои II в. до н. э.— III в. н. э. Наиболее интенсивная жизнь на них протекала в в I в. до н. э.— II в. н. э., что совпадает с расцветом крепостей. Неукрепленные поселения, небольшие по размерам, являлись земледельческо-скотоводческими [56, с. 92—95; 57, с. 119, 120].

Вскоре после разрушения «дома Хрисалиска» на его месте в начале I в. н. э. при царе Аспурге возникла крепость, аналогичная перечисленным выше и занявшая место в единой системе обороны острова [6, с. 109—113; 26, с. 21—30]. Это говорит о том, что деятельность крепостей получила дополнительный стимул в правление Аспурга. В систему обороны входили и валы. Один из них засвидетельствован у восточной оконечности Таманского залива [55, с. 221—226].

Южнее Фанагории, на берегу высохшего русла Кубани, у юго-западной оконечности Ахтанизовского лимана, находилась еще одна крепость. Время ее существования только I в. до н. э., о чем свидетельствуют фрагменты позднеэллинистической керамики [58, с. 87—89]. Ее возникновение и гибель надо, очевидно, связать с событиями, сыгравшими решающую роль в судьбе «дома Хрисалиска».

Далее к югу, у хут. «Рассвет» и Тарусино под Анапой, обнаружена прямоугольная укрепленная усадьба конца II в. до н. э.— I в. н. э. Находки оружия (кинжал, копье), терракотовой статуэтки воина говорят о том, что ее обитатели, вероятно, были связаны с военным делом не меньше, чем с сельским хозяйством. Выделяются также терракотовые фигурки богини, очевидно Афродиты Урании Апатуры [47, с. 133—158; 59, с. 213—219].

Близкие к вышеописанному сооружения исследуются у ст. Натухаевская и Анапская. Эти укрепления входили наряду с усадьбой у хут.

«Рассвет» в единую оборонительную систему, возникшую на рубеже нашей эры [60, с. 20; 61, с. 95; 62, с. 117].

Важное значение имеет открытие аналогичных крепостей около Новороссийска. Поселение Владимировка, прямоугольное в плане, возникло в конце II—I в. до н. э. и погибло в середине I в. н. э. в сильном пожаре. Среди находок 14 сероглиняных мисок с разнообразными знаками на донцах; один из них — царский с изображением герба Аспурга, что подтверждают монеты Аспурга с типом бородатого Ареса и тамга на кирпичах из Горгиппии [63, с. 135; 64, с. 97; 65, с. 54, 55; 66, с.100]. Обилие лепной керамики, обломок терракотовой фигурки, близкой обнаруженным на усадьбе у хут. «Рассвет» и в Анапе и связанной с культом Афродиты Апатуры, говорят о смешанном этническом характере обитателей, среди которых преобладали представители местных племен. Помимо исполнения военных обязанностей они занимались земледельческим трудом, очевидно хлебопашеством, о чем свидетельствуют расположенные вокруг здания зерновые ямы [63, с. 135; 64, с. 93—99; 67, с. 135; 68, с. 88—85].

Поселение Цемдолинское, прямоугольное, размером 150 × 100 м, включало большое каменное здание с двумя смежными помещениями и полукруглой башней. Особенно значительны его оборонительные стены. Эта усадьба-крепость существовала во II—I вв. до н. э. Как и на других аналогичных поселениях, здесь встречается много местной лепной керамики [62, с. 106—110; 69, с. 140].

Поселение Широкая балка известно тем, что в 1898 г. здесь в числе бронзовых вещей был найден бюст боспорской царицы Динамии, матери Аспурга. Раскопки зафиксировали остатки больших каменных помещений двух строительных периодов рубежа новой эры и I в. По предположению Н. А. Онайко, это большая усадьба. Как и поименованные выше, она погибла в пожаре. Среди керамики встречаются образцы, характерные для меото-сарматских городищ Прикубанья [48, с. 334; 70, с. 133—136; 71, с. 73—77].

В районе Новороссийска известны и другие сельские поселения II—I вв. до н. э. — I в. н. э., разнообразные по планировке и архитектуре: поселение на Малой Земле [70, с. 132, 133; 72, с. 94—96], Раевское городище и др. Раевское городище вошло в систему укреплений юго-восточной границы Боспора в IV в. до н. э. На рубеже нашей эры оно обносится каменной стеной, сюда проникают представители сарматских племен, занимавшиеся земледелием и ремеслом. Постройка оборонительной стены городища в конце II—I в. до н. э.— I в. н. э. стоит в одном ряду с возникновением укрепленных усадеб Владимировка, Цемдолинское, Широкая балка [68, с. 85; 70, с. 136; 73, с. 51—61; 74, с. 125 сл.].

Н. А. Онайко удачно сопоставляет эти звенья оборонительной системы юго-восточной окраины Боспора с аналогичными памятниками в окрестностях Анапы (Рассвет, Анапская, Натухаевская, Семибратнее городище) и Фонталовского полуострова. Все они расположены на царской земле, как в районе «острова», так и «области аспургиан», близки меото-сарматским поселениям к востоку от р. Кубань. На территории, прилегающей к царским землям Боспора и занятой местными племенами, также находились укрепления [42, с. 21—34; 75, с. 119—123, 150]. Об одном из них, Успе, главном городе сираков, говорит Тацит (Анн. XII, 15—18). Однако перечисленные крепости по характеру архитектуры ближе к укрепленным усадьбам IV—III вв. до н. э. Херсонесского государства, некоторых областей Балканской Греции (Арголиды, Аттики, Мегариды), островов Эгеиды, Карии, Ионии, Эолиды и т. п. [76, с. 9—14; 77, с. 123—129; 78, с. 176—179]. Они не исключение и для Боспора. На европейской его стороне земли, входившие в разряд «царской» (γῆ βασιλική), были покрыты сетью близких по архитектуре и назначению укреплений. Это городища Семеновка, Новоотрадное, Андреевка Северная, Михайловка, Золотое, Ивановка, Тасуново, Генеральское I. Эти поселения различаются по размерам. Некоторые (Андреевка Северная, Новоотрадное) прямо перекликаются с усадьбами-крепостями ази-

атского Боспора, другие (Семеновка, Ивановка, Тасуново) представляют собой большие укрепленные поселения городского типа, подобные Раевскому. Но всех их роднит с «поселениями аспургиан» то, что они выступают как центры небольшой территории, как убежища для сельскохозяйственного населения деревень, тяготеющих к ним. А более крупные поселения городского типа (Семеновка, Илурат, Тасуново, Раевское городище), вероятно, служат ядром еще большей округи, охватывающей укрепленные усадьбы помельче [44, с. 21; 73, с. 59—61; 79, с. 145—152][6]. Все они располагались на возвышенностях, контролировали дороги и подходы к городам Пантикапею, Фанагории, Кепам, Горгиппии, Батам и т. д.

Изучение некрополей и сельских поселений европейского и азиатского Боспора позволило выявить несколько последовательных этапов заселения хоры. В конце III—II в. до н. э. на Керченском полуострове возникает ряд укрепленных усадеб (Михайловка, Новоотрадное, Золотое, Мысовка, Семеновка и др.), а часть земледельческого скифского населения неукрепленных деревень перемещается на север полуострова в прибрежную часть. Об этом свидетельствуют раскопки некрополя у поселения Золотое, Восточное [83, с. 68, 69]. Укрепленные усадьбы возникают одновременно и на азиатской стороне Боспора (Семибратнее городище). Однако во второй половине II — первой половине I в. до н. э. на европейском Боспоре в результате внутренних и внешних причин — концентрации земли, социальной и имущественной дифференциации, движения скифов и сатархов, войн Диофанта и восстания Савмака, поборов Митридата VI — многие укрепления приходят в упадок, жизнь на них резко замирает. В середине — второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. на месте некоторых разрушенных старых усадеб и на новых местах появляются новые укрепления, связанные с деятельностью Асандра и Аспурга по усилению обороноспособности хоры (Тасуново, Фронтовое, Золотое, Новоотрадное, Темир-гора и т. д.). На одновременных с ними некрополях сельского населения (Семеновка, Новоотрадное, Золотое, Кыз-Аул и т. д.) обнаружены погребения, отличающиеся по обряду захоронения от могил VI—I вв. до н. э. [73, с. 159; 83, с. 69—74]. Это позволило сделать правильный вывод о смене населения в этом районе со второй половины I в. до н. э. в связи с тем, что боспорские цари в лице Асандра и Аспурга наделяли поселенцев землей на условиях несения сторожевой службы [83, с. 74; 84, с. 73] или оказывали помощь в укреплении поселений [73, с. 103].

На азиатском Боспоре картина распространения укреплений была несколько иной. Здесь в конце II — первой половине I в. до н. э. возводятся укрепления «на острове» (усадьба Хрисалиска) и в районе Горгиппии и Бат [62, с. 117, 118]. Такая система крепостей продолжала, вероятно, существовать в целом и при Асандре. Но он еще более усилил обороноспособность Фонталовского полуострова и прилегающих к нему земель, так как в годы его правления была, вероятно, выстроена система Таманских батареек. На месте разрушенных при Полемоне I усадеб уже Аспургом была создана новая система укреплений, хотя административно-территориальное деление восточной и юго-восточной частей царства в основных чертах оставалась, вероятно, прежним [6, с. 110 сл.; 26, с. 21 сл.; 62, с. 119; 83, с. 73]. Таким образом, строительная деятельность Аспурга и Асандра на царских землях европейского и азиатского Боспора совпадают по времени. Поэтому практика наделения поселенцев землей, введенная по образцу эллинистических государств Митридатом, Махаром и Фарнаком, могла быть в общих чертах продолжена царями династии Асандра — Аспурга. Вот почему военные поселенцы на царских

[6] Существование сельскохозяйственной округи с центром в виде большого поселения, нередко укрепленного, характерно для Херсонесского государства, Аттики, Ионии и других областей [77, с. 133—137; 80, с. 75—77; 81, с. 41—62]. Земля сарматского племени сираков, живших в Прикубанье, делилась на военно-административные округа, центрами которых могли быть укрепленные городища (например, Серака) [82, с. 15].

землях Боспора в азиатской его половине, не отличавшиеся в целом от аналогичных владельцев усадеб на Керченском полуострове, получили наименование «аспургиан», по имени человека, который особое внимание уделял укреплению юго-восточных рубежей царства. Административно-территориальное деление Боспора, начатое в конце II в. до н. э. и завершенное в I в. н. э., сохранялось в целом до III в. н. э. и напоминало устройство царских земель в Малой Азии в эпоху эллинизма.

Сельские поселения и усадьбы обозначались терминами: τείχη, φρούριον, ἐρυμάτιον, ἐπαύλεις, αὔλη, βᾶρις, χωρίον, κώμη, πύργος и его производными διπυργία (двубашенная), τετραπυργία (четырехбашенная) и др. [76, с. 9—11; 80, с. 75—77; 85, с. 3—5].

Близость прямоугольных в плане построек усадьбам, определяемым словом ὁ πύργος («дом — башня, укрепленная усадьба, крепость»), позволяет и их отнести к означенной категории сельских домов [7]. В таком случае Батарейки I и II можно обозначать, как τετραπυργίαι, поскольку они имели по четыре башни на углах [46; 52, с. 180; 53, с. 108—112]. Принимая во внимание совмещение обитателями крепостей военных и земледельческих функций, кажется возможным усматривать в укреплениях подобие военно-хозяйственных поселений типа катойкий. Это соответствует расположению их на χώρα βασιλική, прямому подчинению царю и имеет аналогии в эллинистических государствах Малой Азии.

В известной надписи Мнесимаха, в которой перечисляются владения, полученные от Антигона и отданные под залог храму Артемиды, говорится: «...есть в моем имении (οἴκου) нижеследующие селения (κῶμαι), а именно: селение Тобалмуры на Сардской равнине на холме Ил; к этому селению принадлежат и другие селения, а именно: Танду и Комбдилиция, подать с этих селений (вносится) в хилиархию Питея 50 золотых в год. Есть и клер в Кинарое вблизи Тобалмур, подать в год 3 золотых...» [86, с. 11—82, 526; 87, с. 33—35]. Как видим, в состав имения Мнесимаха входили деревни-комы, которым подчинялись более мелкие селения. Все они вносили определенную подать в царскую казну, которую собирал уполномоченный чиновник царя — хилиарх. В этой связи уместно вспомнить надпись КБН, № 36, где назван некий Фанн, сын Саклея, начальник аспургиан и хилиарх. Очевидно, он как «наместник аспургиан» (т. е. глава округа, включающего сельские крепости-усадьбы) также занимался сбором податей с поселенцев и земледельцев. Таким образом, налицо влияние практики военно-административной системы эллинистических государств.

Плутарх рассказывает в биографии Евмена, что тому для конфискации у крупных землевладельцев имений и усадеб (ἐπαύλεις καὶ τετραπυργίας), пришлось применить осадные и стенобитные машины (Plut. Eum., VIII). Это подтверждает, что в состав крупного земельного владения входили мощные укрепления— усадьбы, в том числе и четырехбашенные типа Таманских Батареек. Подобные тетрапиргии известны в Сирии, Фракии, Каппадокии, Киренаике [88; 89, с. 72, 73]. Как тут не вспомнить усадьбу «начальника острова» Хрисалиска, которому подчинялись укрепления Фонталовского полуострова? Очевидно, он, подобно хилиарху Фанну, «наместнику аспургиан», также собирал при Асандре подать с деревень, прилегавших к крепостям. Таким землевладельцем при Аспурге мог быть и Менестрат, о котором речь шла выше. По всей видимости, наместники округов принадлежали к крупным землевладельцам, получавшим от царя большие участки «царской земли» с находившимися на ней укреплениями и неукрепленными поселениями. Такое положение должно распространяться на всю территорию Боспора, подпадавшую под понятие царской, как о том свидетельствуют археологические исследования хоры. Таким образом, область, заселенная аспургианами, не являла собой чего-либо исключительного. Она была частью царской земли, на которой находились укрепленные усадьбы поселенцев

[7] Эти дома Я. Печирка схарактеризовал как «отдельно стоящие», не связанные с системой размежевания (клером).

и общины местных земледельцев, плативших подать начальнику округа (хилиарху).

Одни исследователи считали, что военно-хозяйственные поселения создавались из воинов, отслуживших срок, подобно римским ветеранам [90, с. 49; 91, с. 121, 122; 92, с. 61], другие же полагали, что военные колонии организовывались для того, чтобы в чрезвычайных обстоятельствах черпать оттуда силы для ведения военных действий [93, с. 79—83; 94, с. 24, 33; 95, с. 2, 3]. Последняя точка зрения представляется наиболее убедительной. Во всяком случае, катойки пользовались покровительством царской власти как военное сословие, во главе их стояли стратеги, а переселение нередко проводилось за счет царской казны [90, с. 49, 50; 96, с. 21; 97, с. 43]. Учитывая, что уклад жизни на военно-хозяйственных поселениях «острова» и «области аспургиан» имеет много общих черт с укладом жизни поселений прикубанских сарматских племен, следует думать, что поселенцы в этническом плане являлись смешанным греко-меото-сарматским населением. Среди них могли быть выходцы и из других племен, в частности потомки синдов и сатархи, которые со II в. до н. э. расселились на Северном Кавказе [98, с. 143]. На поселениях европейского Боспора ими, вероятно, являлись потомки киммерийцев или скифов, эллины и небольшое число пришлых меото-сармат [8] [83, с. 63—74; 99, с. 12; 100, с. 94].

Из произведений Страбона, Юстина, Аппиана, Диона Кассия, Плутарха известно, что Митридат активно вовлекал местные племена скифов, сарматов, меотов, бастарнов и др. в борьбу против Рима, заключая с ними договоры и вербуя их в войска. Этот процесс, заметный уже в 90—80-х годах I в. до н. э., усилился в ходе третьей войны с Римом (App. Mithr., 57; 69; 119; Justin XXXVIII, 3, 7; 3; Plut. Lucull, XVI и др.).

Очевидно, Митридат VI мог использовать часть варваров в качестве военных поселенцев на хоре, следуя традициям других эллинистических властителей, в частности пергамских Атталидов, которые активно привлекали местное население западных районов Малой Азии как военных и сельскохозяйственных колонистов [101, с. 385—388; 102, с. 666]. Эту политику продолжал Фарнак, вовлекший скифов и сармат в войны на Боспоре и Малой Азии (Strabo, XI, 5, 8; App. Mithr., 123). Страбон прямо указывает, что сираки и аорсы снабжали его войском. Есть сведения, что Асандр, Динамия, Аспург, Митридат III также нередко опирались на местные племена. Псевдо-Лукиан говорит даже, что Асандр при Фарнаке был этнархом (ἔθναρχος), т. е. предводителем племени или группы племен (Ps.-Luc. Macrob., 17). Однако близость территориально-административной системы Боспора на рубеже нашей эры к организации хоры малоазиатских эллинистических государств позволяет усматривать в титуле этнарха «начальника населения царских земель, племен и союзов деревень (κοινά)», которые в Каппадокии, Понте и Малой Армении объединялись словом ἔθνη [87, с. 31; 103, с. 648]. В таком случае понятно, почему Фарнак оставил его наместником на Боспоре во время похода в Малую Азию. А. Н. Зограф подметил, что первые медные монеты архонта Асандра чеканены вне пределов Пантикапея, очевидно, когда столица находилась в руках Фарнака или его дочери Динамии, не вступившей еще в брак с Асандром [37, с. 190]. Это означает, что Асандр мог продолжать опираться на земли азиатского Боспора, как было до разрыва с Фарнаком (47 г. до н. э.). Поскольку строительство многих укреплений на хоре связывают с деятельностью этого царя, можно думать, что он, подобно Митридату VI и Фарнаку, селил отдельных представителей местных племен на царской земле с целью использовать их в борьбе за овладение столицей и царским титулом. Подобную политику он проводил, очевидно, и по получении титула царя. Об этом свидетельствует

[8] Изучение некрополей и сельских поселений европейского Боспора конца II в. до н. э.— I в. н. э. показало смену не только архитектурных форм поселений, но и расположения могильников в I в. до н. э. Это, несомненно, отразило изменения на хоре в плане организации ее населения. Об этом подробнее см. [83, с. 69—72; 100, с. 84, 85].

деятельность его приближенного Хрисалиска. Аспург продолжил начатое. При нем на месте разрушенного Полемоном «дома Хрисалиска» возникла обычная крепость, вошедшая в систему обороны «острова» [6, с. 111; 26, с. 28—30]. С его именем связаны мероприятия по упрочению административно-территориального деления Боспора, завоевательные походы против соседних племен. Это требовало укрепить «царские владения», что можно было сделать, используя верных представителей как из местных племен, так и из эллинов. К тому же в первые годы правления Аспургу надо было доказывать свои права на престол самозванцу Скрибонию, Полемону I и другим претендентам. Для этого ему приходилось, очевидно, рассчитывать на население азиатской половины царства, с которым имел прочные связи его отец Асандр. Данные обстоятельства заставили укрепить хору, особенно «остров» и «область аспургиан», привлекая в качестве военных поселенцев-катойков сираков, аорсов, меотов, синдов и других варваров. Так можно объяснить грандиозную строительную деятельность Аспурга, в правление которого появилось много новых укреплений на европейском и азиатском Боспоре, а также близость материальной культуры обитателей крепостей восточных рубежей Боспора к культуре меото-сарматских племен Прикубанья. В свете вышеизложенного становится ясно, почему Страбон и следующие ему писатели характеризовали аспургиан как этническое понятие. Привлечение для охраны юго-восточных земель Боспора части варварских племен или одного племени создавало у современников впечатление, что на самом деле происходило переселение варваров с одного места на другое. Такое впечатление усиливалось в результате предоставления им определенной территории для поселения. В сознании древних, не бывавших на месте и не видевших всего своими глазами, данное обстоятельство могло отождествляться с захватом части страны.

Известно, что при описании северо-восточного побережья Черного моря Страбон использовал Артемидора (II в. до н. э.) и Гипсикрата из Амиса (II—I вв. до н. э.). Как отмечал М. И. Ростовцев, свидетельство об аспургианах не может относиться к Артемидору, поскольку это незнакомое ему понятие и не вошло в приводимый им список племенных названий. Сведения о них попали к географу из более позднего источника, что отражает, таким образом, их появление на исторической арене в послемитридатовское время [104, с. 17]. Поскольку Страбон окончил свой труд в первой половине I в. н. э., во время царствования на Боспоре Аспурга, то сведения об аспургианах должны были попасть к нему из современных ему источников и отразить происходившие там перемены. А это подтверждает, что аспургиане появились в период деятельности на Боспоре царей династии Асандра — Аспурга, а никак не ранее, что уменьшает вероятность рассматривать их как племя. Это были обычные военные колонисты, представители различных местных племен (сарматов, сатархов), занимавшиеся земледелием, ремеслом и военным делом. Жили они в крепостях и на усадьбах на царской земле и поддерживали Аспурга в борьбе с Полемоном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
2. *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1971.
3. *Латышев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства.— В кн.: ПОНТІКА. Спб., 1909.
4. *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
5. *Sullivan R. D.* Thracia in the Eastern Dynestic Network.— Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. B. II, 7, 1.B.— N. Y., 1979.
6. *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976.
7. *Anderson J. G.* The Eastern Frontier under August.— CAH, 1934, v. 10.
8. *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа.— Древности, 1914, т. XXV.
9. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
10. *Дьяков В. Н.* Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия.— ВДИ, 1940, № 3—4.
11. *Марр Н. Я.* Приложение II к статье М. И. Ростовцева — Древности, 1914, т. XXV.

12. *Каллистов Д. П.* Политика Августа в Северном Причерноморье.— ВДИ, 1940, № 2.
13. *Толстой И. И.* Из области боспорской ономастики.— ВДИ, 1955, № 1.
14. *Устинова В. О.* Аспург та аспургиани.— Вісн. ХДУ, історична сер., 1969, вип. X.
15. *Brandis.* Bosporos.— RE, 1897, B. III, H. I, Hbbd. V.
16. *Zgusta L.* Die personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.
17. *Kiessling B.* Gorgippia.—RE, 1912, Bd. VII, H. 2.
18. *Rostowtzeff M. I.* Queen Dynamis of Bosporus.— JHS, 1919, v. XXXIX.
19. *Горемыкина В. И.* Из истории Боспора Киммерийского I в. до н. э. и начала I в. н. э.— Уч. зап. Могилевск. пед. ин-та, 1955, вып. 11.
20. *Голубцова Е. С.* Внешнеполитическое положение Боспорского царства на рубеже н. э.— ВДИ, 1949, № 4.
21. *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, 1911, т. XXIX.
22. *Блаватский В. Д.* О Рескупоридe Первом.— СА, 1976, № 4.
23. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
24. *Rohden P.* Aspurgos.— RE, 1896, B. II.
25. *Фролова Н. А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре.— ВДИ, 1979, № 1.
26. *Сокольский Н. И.* Крепость аспургиан на Боспоре.— КСИА, 1975, вып. 143.
27. *Колобова К. М.* К вопросу о сарматском языке.— ИГАИМК, 1933, вып. 100.
28. *Каллистов Д. П.* Рец. на кн.: Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.: Изд-во АН СССР, 1951.— ВДИ, 1952, № 3.
29. *Шкорпил В. В., Ростовцев М. И.* Эпиграмма из Эль-Тегеня.— ИАК, 1910, вып. 37.
30. *Бешевлиев В.* Ирански елементи у първобългарите.— В кн.: Античное общество. М.: Наука, 1967.
31. *Harmatta J.* Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia. Budapest, 1952.
32. *Немировский А. И.* Понтийское царство и Колхида.— В кн.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1980.
33. *Блаватская Т. В.* Рескрипты царя Аспурга.— СА, 1965, № 2.
34. *Блаватская Т. В.* Аспург и Боспор.— СА, 1965, № 3.
35. *Haussoullier B.* Une loi grècque inédite sur les successions ab intestat.— Revue historique de droit française et étranger, 1923, v. 47.
36. *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.
37. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
38. *Голенко К. В.* Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э.— НЭ, 1960, т. II.
39. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
40. *Болтунова А. И.* Надпись под статуей из Горгиппии.— СА, 1958, т. XXVIII.
41. *Латышев В. В.* Заметки по географии северного и восточного побережий Черного моря.— В кн.: ПОНТИКА. Спб., 1909.
42. *Анфимов Н. В.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.
43. *Анфимов Н. В.* Племена Прикубанья в сарматское время.— СА, 1958, т. XXVIII.
44. *Сокольский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского п-ова в античную эпоху.— In: VIe Conférence Internationale d'étates classiques des pays socialistes. София, 1963.
45. *Десятчиков Ю. М.* Сарматы на Таманском п-ове.— СА, 1973, № 4.
46. *Толстиков В. П.* Фортификация античного Боспора: Автореф. канд. дис. М.: Изд-во МГУ, 1981.
47. *Крушкол Ю. С.* Древняя Синдика. М.: Просвещение, 1971.
48. *Онайко Н. А.* К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху.— Ziva Antika, 1975, God XXV, sv. 1—2.
49. *Десятчиков Ю. М.* Разведки Кучугурского отряда.— АО — 1977, М., 1978.
50. *Десятчиков Ю. М.* Раскопки городища Кучугуры.— АО — 1976. М., 1977.
51. *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище.— СА, 1966, № 4.
52. *Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хут. Батарейка I.— СА, 1963, № 1.
53. *Сокольский Н. И.* Крепость на поселении Батарейка II.— КСИА, 1967, вып. 109.
54. *Николаева Э. Я.* Поселение у д. Ильич.— КСИА, 1981, вып. 168.
55. *Кубланов М. М.* К истории азиатского Боспора.— СА, 1959, т. XXIX—XXX.
56. *Блаватский В. Д.* Третий год работ в Синдике.— КСИИМК, 1955, вып. 58.
57. *Блаватский В. Д.* Четвертый год раскопок в Синдике.— КСИИМК, 1957, вып. 70.
58. *Сокольский Н. И.* Новые памятники синдской скульптуры.— КСИА, 1965, вып. 100.
59. *Крушкол Ю. С.* Античное здание в районе Горгиппии.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
60. *Алексеева Е. М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии.— В кн.: Горгиппия. Краснодар: Кн. изд-во, 1980.
61. *Алексеева Е. М.* Анапская экспедиция.— АО — 1980. М., 1981.
62. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры.— ВДИ, 1982, № 2.
63. *Онайко Н. А.* Раскопки античного поселения у с. Владимировка.— АО — 1977.
64. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска.— КСИА, 1981, вып. 168.
65. *Фролова Н. А.* О времени правления Динамии.— СА, 1978, № 2.
66. *Цветаева Г. А.* Кирпичи с тамгой из Горгиппии.— КСИА, 1975, вып. 143.
67. *Онайко Н. А.* О работе Новороссийской экспедиции.— АО — 1971. М., 1972.

68. *Онайко Н. А.* Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971—1972 гг.— КСИА, 1975, вып. 143.
69. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Раскопки укрепленного здания на античном поселении Цемдолинское.— АО — 1978. М., 1979.
70. *Онайко Н. А.* Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика.— СА, 1970, № 1.
71. *Онайко Н. А.* Бронзовый бюст-гиря из раскопок античного поселения в Широкой балке.— КСИА, 1971, вып. 128.
72. *Онайко Н. А.* Новые данные о поселении на Малой Земле.— КСИА, 1973, вып. 133.
73. *Онайко Н. А.* Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг.— КСИИМК, 1959, вып. 77.
74. *Онайко Н. А.* О раскопках Раевского городища.— КСИА, 1965, вып. 103.
75. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Тр. НИИ при Сов. Мин. ЧИ АССР, т. VI. Грозный, 1963.
76. *Nowicka M.* Les maisons à tour dans le mond Grec. Warsawa, 1975.
77. *Pečirka J.* Homestead farms in Classical and Hellenistic Hellas.— In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
78. *Muller A.* Megarika.— BCH, 1983, v. 107.
79. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
80. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
81. *Сапрыкин С. Ю.* Присяга граждан Херсонеса о хоре города в свете новых исследований.— В кн.: Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982.
82. *Десятчиков Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1974.
83. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М.: Наука, 1981.
84. *Масленников А. А.* К истории населения хоры европейского Боспора в I в. до н. э.— СА, 1980, № 4.
85. *Наман Дж.* Типология греческих сельских усадеб классического и эллинистического времени. Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1979.
86. *Buckler W. H., Robinson D. M.* Greek Inscriptions from Sardes. I.— AJA, 1912, v. XVI.
87. *Ранович А. Б.* Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии.— ВДИ, 1947, № 2.
88. *Rostowtzeff M. I.* Notes on the Economic Policy of the Pergamen Kings.— In: Anatolian Studies presented to Sir. W. M. Ramsay. Manchester, 1923.
89. *Hunt D. W. S.* Feudal Survivals in Ionia.— JHS, 1947, v. LXVII.
90. *Kreissig H.* Wirtschaft und Gesselschaft im Seleukidenreich. B., 1978.
91. *Tscherikower V.* Die Hellenistischen Städtegründungen von Alexander der Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig, 1927.
92. *Lévêque P.* Le monde hellenistique. P., 1969.
93. *Bickerman E.* Institutions des Seleucides. P., 1938.
94. *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambridge, 1976.
95. *Oertel.* Katoikoi.— RE, 1921, B. XXI.
96. *Голубцова Е. С.* Сельская община Малой Азии. М.: Наука, 1972.
97. *Свенцицкая И. С.* Социально-экономические особенности эллинистических государств. М.: Просвещение, 1963.
98. *Десятчиков Ю. М.* Сатархи.— ВДИ, 1973, № 1.
99. *Корпусова В. Н.* Некрополи сельского населения европейского Боспора II в. до н. э.— IV в. н. э.: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1975.
100. *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. Киев: Наук. думка, 1983.
101. *Reinach A. J.* Les mercenaires et les colonies militaires de Pergam.— RA, 1908, v. XII, november — december.
102. *Launey M.* Recherches sur les armées héllenistiques, v. II. P., 1949—1950.
103. *Broughton T. R. S.* Roman Asia.— In: An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. Frank T. Baltimore, 1938.
104. *Ростовцев М. И.* Страбон как источник для истории Боспора.— В кн.: Сборник в честь В. Бузескула. Харьков, 1914.

S. Yu. Saprykin

THE ASPURGIANS

The Aspurgians are considered to be either a tribe, or a military unit, or a political party that supported Aspurgus, a Bosporan king. An analysis of written and epigraphic sources showed that they lived in the Asian part of Bosporus, mainly along its eastern and south-eastern borders. During the reign of Asander and Aspurgus these regions were considerably strengthened with fortified rural settlements established on royal lands at the turn of the 1st century A. D. peopled by local Meoto-Sarmatian tribes who were both landtillers and warriors. The kings of the Asander-Aspurgus dynasty created similar settlements over the entire territory of their kingdom imitating the policy of fortifying royal lands in the Hellenistic states of Asia Minor. It was probably started by Mithridat VI and his sons. The Aspurgians' fortresses and households closely resembled the military-economic settlements of the Katoikea type. They themselves can be regarded as military and landtilling settlers on royal lands.

МАКАРОВ Н. А.

ОРНАМЕНТИКА БЕЛОЗЕРСКОЙ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ X—XI вв.

Разнообразная и выразительная орнаментация лепной керамики Белозерья оказалась в центре внимания археологов сразу же после небольших раскопок, предпринятых П. А. Суховым на одном из средневековых поселений региона в 1939 г. [1, с. 96]. Аналогии некоторым из этих орнаментов в материалах роменско-боршевской культуры дали основание П. А. Сухову, а вслед за ним П. Н. Третьякову и Я. В. Станкевич признать лепную керамику Белозерья славянской [2, с. 47; 3, с. 70; 4, с. 236—238]. После проведенных в 1949—1965 гг. масштабных раскопок Белоозера Л. А. Голубева пришла к выводу о весской принадлежности основных типов лепной керамики из нижнего горизонта данного памятника. В пользу этого положения исследовательница привела следующие важнейшие аргументы: а) орнаменты Белоозера, за исключением простейших, чужды славянской лепной керамике; б) они генетически связаны с орнаментами позднекаргопольской культуры эпохи железа; в) аналогии им известны среди орнаментов лепной керамики синхронных финно-угорских памятников на территории от Прибалтики до Прикамья [5, с. 155—160]. Таким образом, вопрос об этнической принадлежности орнаментов лепной посуды Белоозера можно считать решенным. Однако круг проблем, связанных с белозерской орнаментикой, далеко не исчерпан. Учитывая, что орнаментированная керамика из нижнего слоя Белоозера придает значительное своеобразие материальной культуре белозерской веси, представляется важным установить территорию распространения в X—XI вв. набора этих орнаментов. Необходимо выяснить, следует ли считать его собственно белозерским, или общим для всех финно-угров севера Восточной Европы, или характерным только для веси, занимавшей, согласно Л. А. Голубевой, территорию от Приладожья до среднего течения Сухоны [5, с. 17—19].

Основой для написания настоящей статьи помимо коллекций керамики из раскопок Белоозера в 1949—1965 гг.[1] послужили материалы исследований других памятников, прежде всего представительная коллекция с поселения Крутик у д. Городище в верхнем течении Шексны [6, с. 42—48; 7, с. 9, 10][2]. Большая серия лепных сосудов происходит из курганов X—XII вв. на реках Колпи, Суде, Кабоже, Мологе [8, с. 120—140; 9, с. 62—67; 10, с. 41; 11, с. 36; 12, с. 34, 35; 13, с. 100—105; 14, с. 439—441; 15, с. 27, 28; 16, с. 13, 14; 17, с. 81—89][3]. Некоторые данные получены в результате разведок и небольших раскопок автора в различных пунктах Межозерья [18—20], использованы также материалы довоенных раскопок и случайных сборов (рис. 1)[4]. Всего в

[1] Коллекции керамики из раскопок Белоозера хранятся в ГИМ (опись № 1142, 1145, 1161, 2033, 2034, 2037), Череповецком краеведческом музее (колл. № 3475), Вологодском областном краеведческом музее (инв. № 4900) и Кирилло-Белозерском историко-художественном и архитектурном музее (инв. № 3686).

[2] Материалы раскопок Л. А. Голубевой хранятся в Череповецком краеведческом музее.

[3] Раскопки курганов производились Вологодской экспедицией ГИМ в 1959—1980 гг. и Вологодской экспедицией ИА АН СССР в 1955—1976 гг. Материалы хранятся в Череповецком краеведческом музее (колл. № 1835, 3572) и Вологодском областном краеведческом музее (колл. № 13440, 13538, 14221, 14948, 14953, 14959, 15962, 15628. 15629, 19773, 19774, 19799, 20124, 20152, 20346, 20347, 20920, 20922).

[4] В том числе керамика из Пестовских курганов и курганов на реках Суде и Кабоже, хранящаяся в МАЭ (колл. № 6012) и Устюженском краеведческом музее, керамика с поселения Луковец, хранящаяся в Череповецком краеведческом музее (колл. р-1737), и фрагменты сосудов, собранные в Белоозере и на р. Кеми (Белозерский краеведческий музей).

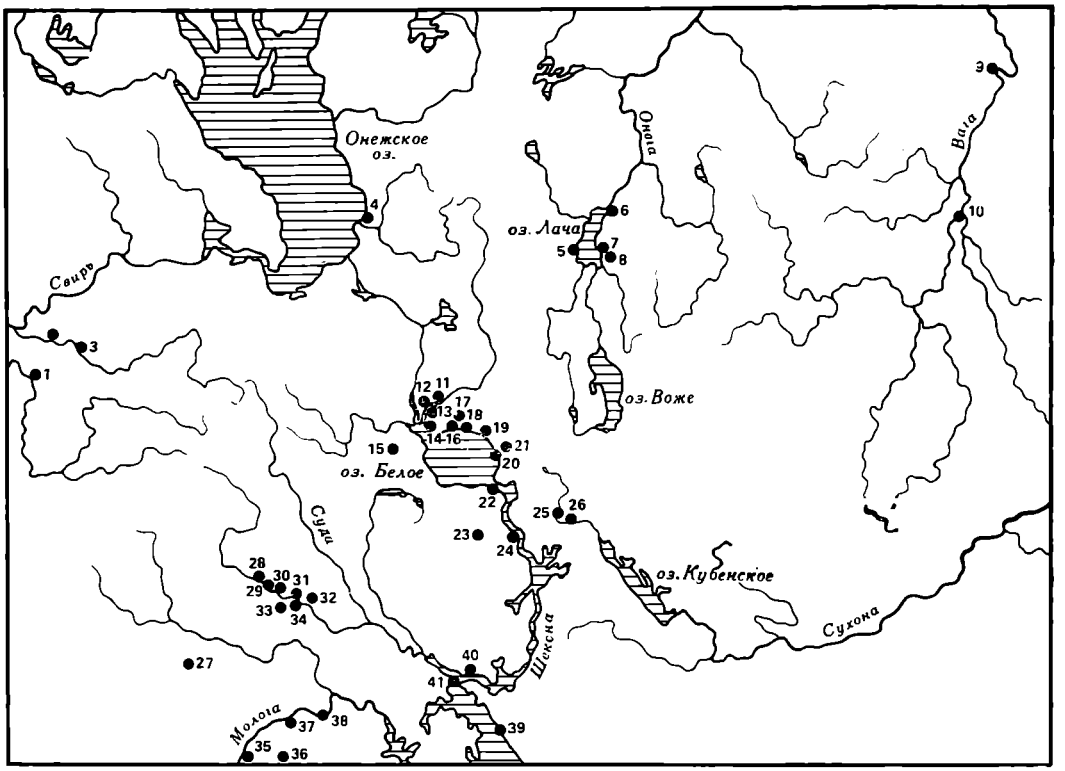


Рис. 1. Находки орнаментированной лепной керамики в Белозерье и сопредельных областях. *1* — Усть-Рыбежна; *2* — Акулова Гора; *3* — Нюбинчи; *4* — Муромское VIIа; *5* — Горка II; *6* — Кубенино; *7* — Малый Колокол; *8* — Попово; *9* — Корбола; *10* — Васильевское; *11* — Никольское I; *12* — Никольское VI; *13* — Никольское III; *14* — Новокемский II; *15* — Васютино; *16* — Монастырское; *17* — Троицкое I; *18* — Троицкое II; *19* — Старые Вашки; *20* — Ухтома I; *21* — Ухтома II; *22* — Белоозеро; *23* — Яковлево; *24* — Крутик; *25* — Нефедьево III; *26* — Нефедьево II; *27* — Кабожа; *28* — Новинки I; *29* — Новинки II; *30* — Новинки III; *31* — Ярцево; *32* — Бабаево; *33* — Дудино; *34* — Володино; *35* — Пестово; *36* — Крестцы; *37* — Куреваниха; *38* — Устюжна; *39* — Козьмодемьянское; *40* — Соборная Горка; *41* — Луковец

работе учтено около 900 образцов орнамента на целых сосудах и крупных фрагментах, достаточных для полной реконструкции композиций, и свыше 4000 мелких фрагментов орнаментированной керамики. Для сопоставления лепной керамики Белозерья с глиняной посудой других регионов были просмотрены коллекции из курганов юго-восточного Приладожья[5], Старой Ладоги[6], средневековых поселений Карелии[7], Ярославских могильников[8], Роданова и Кушманского городищ[9] и ряда других памятников.

Рассмотренные материалы относятся к концу IX—XI в., в меньшей степени к XII в. Условно их можно считать синхронными и сравнивать с керамикой, датирующейся тем же временем и происходящей с соседних территорий.

Большинство узоров оттиснуто штампами, которые оставляют на поверхности глины отдельные вдавления; последние являются простейшими элементами орнамента. Значительно реже узоры выполнены в технике резьбы или прочерчивания; в этом случае элементами орнамента оказываются отдельные насечки или прочерченные линии. Анализ орнаментов состоит из: 1) анализа элементов и 2) анализа композиций, ко-

---

[5] Материалы хранятся в ГИМ (опись № 137); Государственном Эрмитаже (ОИПК, колл. № 700, 881, 885), Государственном музее истории г. Ленинграда, Карельском государственном музее, Археологическом музее ИЯИЛ КФ АН СССР в Петрозаводске и Тихвинском краеведческом музее.

[6] Государственный Эрмитаж, ОИПК, колл. Л, ЛГ, ЛДГ.

[7] Коллекции хранятся в Археологическом музее ИЯИЛ КФ АН СССР в Петрозаводске.

[8] ГИМ, опись № 290, 1875, 1955; Ярославский краеведческий музей, инв. № 21677.

[9] ГИМ, опись № 1797, 1239.

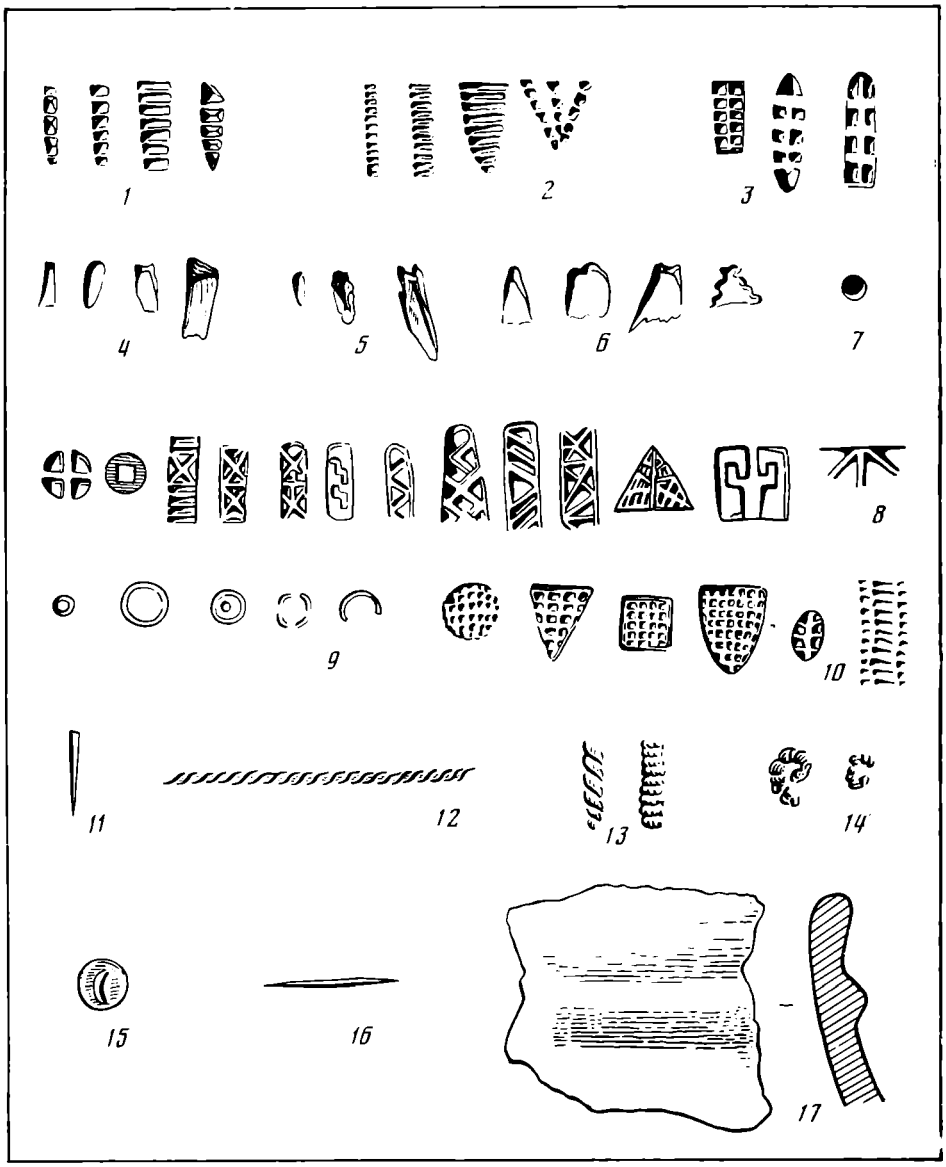


Рис. 2. Элементы орнамента на лепной керамике Белозерья. *1* — гребенчатый; *2* — мелкозубчатый; *3* — рамочный; *4* — вдавления с плоским дном; *5* — глубокие вдавления; *6* — треугольные плоские вдавления; *7* — ямочный; *8* — фигурный; *9* — кольцевидный; *10* — решетчатый; *11* — насечки; *12* — линейная веревочка; *13* — веревочка на палочке; *14* — веревочные петли; *15* — пальцевые вдавления; *16* — прочерченный; *17* — валик

торые эти элементы образуют, располагаясь в том или ином порядке на поверхности сосуда. Большинство археологов, изучающих средневековую керамику финно-угров, вслед за В. А. Городцовым, уделяют основное внимание анализу элементов орнамента [21, с. 65; 22, с. 196; 23, с. 288—291; 24, с. 62—67]. Обстоятельный разбор элементов орнамента лепной керамики Белоозера, произведенный Л. А. Голубевой [5, с. 151—154], дает нам возможность сосредоточиться на анализе орнаментальных композиций, ограничившись краткой характеристикой элементов.

Элементы орнамента. Вдавления, оставленные на поверхности сосуда, различаются по форме (контуру) и характеру поверхности орудия, которым они нанесены. На основании одного из этих признаков или их сочетания выделяются виды элементов. Как особые виды элементов выделяются прочерченная линия и лепной валик.

Гребенчатый орнамент, оттиснутый штампом с короткими зубцами (рис. 2, *1*), встречен на фрагментах сосудов, найденных в Белоозере, Васютине, Крутике, а также на лепной керамике из курганов и поселений по берегам Белого озера, на реках Шексне, Кеме, Колпи, Кабоже

и Порозовице. Немногочисленные образцы этого орнамента известны и за пределами Белозерья: на памятниках в бассейне оз. Лача и на Онежском озере, на р. Ваге [25, табл. 13; 26; табл. XVIII], в Ярославском Поволожье, Суздале [10], Старой Ладоге. Районом широкого распространения гребенчатых штампов был Камско-Вычегодский край [23, с. 288—291; 24, с. 62—67; 27, с. 55, рис. 22, с. 75, рис. 34; 28, с. 49—102].

Мелкозубчатый орнамент наносился штампом (скорее всего костяным) с короткими зубцами (длиной до 1,5 мм), плотно прилегающими друг к другу и оставляющими четкие, аккуратные отпечатки (рис. 2, *2*). Данный орнамент украшает керамику Крутика и Белоозера, сосуды из Тимеревских курганов, Кушманского и Роданова городищ.

Рамочный орнамент оттискивался штампом с зубцами и длинным продольным надрезом. Отпечатки этого штампа имеют удлиненную форму — прямоугольную или овальную (рис. 2, *3*). Рамочные штампы украшают керамику Крутика, Белоозера и Луковца. Л. А. Голубева указала аналогии этим орнаментам на лепной керамике бассейна Вычегды и Ветлужско-Вятского края [5, с. 158]. В последние годы в Вычегодском крае сделаны новые находки керамики с рамочным орнаментом [29, л. 110, рис. 117], однако серия образцов из Белоозера остается более представительной. На керамике из Ярославля [5, с. 158] рамочный штамп известен лишь на одном раннегончарном сосуде.

К числу «вдавлений с плоским дном» отнесены элементы орнамента, оттиснутые плоским штампом, неглубокие и имеющие, как правило, вытянутый контур (рис. 2, *4*). Они наносились гладко обрезанным торцом или боковой стороной плоской палочки. В последнем случае очертания вдавления бывают нечеткими. Кроме Крутика, Белоозера и Луковца вдавления с плоским дном встречены на керамике памятников Кемы, Колпи, Кабожи и Порозовицы. Образцы подобного орнамента происходят из Тимеревского могильника и Суздаля, но, за исключением одного, украшают лишь край венчика сосуда.

Глубокие вдавления представляют собой элемент орнамента, образованный сильным нажатием на сырую глину острым краем палочки или щепки. Обычно вдавления имеют вытянутый контур. Края вдавления часто бывают рваными (рис. 2, *5*). В Белозерье образцы этого орнамента встречены в материалах Крутика, Белоозера, Киснемского могильника, селища Монастырек и курганов Колпи. За пределами Белозерья они известны в материалах Ярославских могильников и Суздаля.

Треугольные плоские вдавления — элементы орнамента, близкие «вдавлениям с плоским дном». Вдавления наносились уголком или заостренным концом плоской палочки, скользящей вниз по поверхности сосуда. Иногда угол палочки скруглялся; в этом случае вдавление оказывалось полукруглым. Из-за скольжения палочки одна сторона вдавления обязательно смазана (рис. 2, *6*). Этот орнамент известен на керамике Крутика, Белоозера, Васютина, курганов Колпи и нижней Мологи. За пределами Белозерья образцы подобного орнамента встречены в Прикамье [22, с. 196, табл. XLVIII, *17—19*].

Ямочный орнамент представляет собой круглые глубокие вдавления с полукруглым или коническим дном (рис. 2, *7*). Образцы этого орнамента происходят из Крутика, Белоозера, Луковца, памятников нижней Мологи и Кемы. Многочисленные аналогии встречены в памятниках Камско-Вычегодского края [22, с. 196, табл. XLVIII, *16*, с. 197, табл. XLIX, *14*, *15*; 24, с. 64, табл. XI, *15*], а также в Эстонии [30, с. 76]. Отдельные образцы происходят из Тимерева.

Фигурные орнаменты оттискивались плоским деревянным или костяным штампом, на котором вырезались узоры в виде зигзагов, косых и прямых крестов и других фигур. Элементы могли иметь различный контур (рис. 2, *8*). В Белозерье образцы этого орнамента встречены лишь на Крутике, в Белоозере и в курганах по р. Кабоже. Фигурные штампы

[10] Здесь и в дальнейшем имеется в виду керамика из раскопок Владимиро-Суздальской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. Пользуюсь случаем выразить признательность М. В. Седовой, познакомившей меня с неопубликованными материалами.

имели широкое распространение на памятниках верхней Камы, Чепцы и Вычегды [22, с. 197, табл. XLIX, *11*, *12*; 24, с. 64, табл. II, *6—8*, *12*, *15*; 28, с. 188, табл. 7, *5*, с. 205, табл. 27, *24*; 29, л. 108, табл. 36, *1*; 31, с. 216, табл. XXXII, *12*; 32, табл. XXIX, 11*а*, *б*, *14а*, *26б*, *28а*; 33, табл. VII, *2*; 34, л. 385, рис. 297]. Однако лишь два варианта белозерских фигурных штампов находят здесь точные аналогии. Один из них известен и в Финляндии [35, с. 49].

Кольцевидные отпечатки (рис. 2, *9*) наносились на поверхность сосуда торцом трубчатой кости. Этот орнамент украшает керамику Крутика, Белоозера, Никольского городища на р. Кеме, курганов Колпи и средней Мологи. Единичные образцы отпечатков кольцевидного штампа встречены на керамике юго-восточного Приладожья, восточной Карелии, Корбольского могильника на р. Ваге, Тимеревских курганов и доярусного слоя Новгорода [36, с. 5, 8]. Л. А. Голубева отметила бытование этого орнамента в Камско-Вычегодском крае и Финляндии [5, с. 158—160]. Серия образцов кольцевидных вдавлений из Прикамья увеличилась в результате раскопок последних лет [29, л. 113, рис. 130, л. 129, рис. 188].

Поверхность решетчатого штампа была покрыта частыми перекрестными насечками. Форма штампа различная: круглая, квадратная, треугольная (рис. 2, *10*). Отпечатки решетчатых штампов встречены на керамике Крутика и Белоозера. Аналогии им известны лишь на сосудах из бассейна р. Чепцы, где эти элементы преобладают в орнаментике [23, с. 291; 24, с. 62—67; 32, с. 55; 37, с. 9; 38, с. 63, 64].

Короткие насечки (рис. 2, *11*) наносились на поверхность сосуда ножом или острой палочкой. Образцы подобного орнамента происходят из Крутика, Белоозера, Луковца и курганов на р. Колпи. За пределами Белозерья они встречены на керамике Прикамья [22, с. 197, табл. XLIX, *6*, *8*; 33, с. 105, табл. VII, *11*], где ими украшали венчик и тулово сосудов. Шесть образцов происходят из ярославских курганов, единичные образцы — из Старой Ладоги.

Оттиски веревочки (рис. 2, *12*), опоясывающие шейку сосуда, украшают керамику Крутика, Белоозера и Васютина. Один образец подобного орнамента происходит из курганов Приладожья, 18 — из курганов Ярославского Поволжья. Линейные оттиски веревочки характерны для орнаментации лепной керамики Камско-Вычегодского края [22, с. 195, табл. XLVII, *8—11*; 32, с. 134, табл. XXIX, *1а*; 33, с. 105, табл. VII, *1*] и Финляндии [35, с. 159, рис. 49; 39, с. 192, рис. 1, *13*, рис. 11, *177*, рис. 18, *289*; 40, табл. 19, *1*, табл. 40, *1*; 41, с. 88, 130, табл. 72, *651*, табл. 114, 1025, 1031].

Отпечатки веревочки, намотанной на палочку или на другую веревочку (рис. 2, *13*), встречены на посуде Крутика, Белоозера, поселений и курганов на реках Кеме, Колпи, Кабоже и Мологе. Образцы этого орнамента известны на многих памятниках: в Старой Ладоге, на Рюриковом городище [42, с. 96; 43, с. 79], на городище Княжая Гора в Новгородской области [44, рис. 20; 45, рис. 17, *8*], в Ярославских могильниках, на селищах верхней Мологи [46, рис. 30, *9*, *13*, *15*, *16*]. Однако число образцов, происходящих с каждого из этих памятников, невелико.

Отпечатки веревочных петель, имеющие формы овала или подковы (рис. 2, *14*), украшают посуду Крутика и Белоозера. Один образец этого орнамента происходит из курганной группы у д. Кабожа. Этот прием орнаментации широко употреблялся в Камско-Вычегодском крае [24, с. 64, табл. XI, *22*, *23*; 27, рис. 34; 31, с. 215, табл. XXXI, *1*; 33, с. 106, табл. VIII, *8*; 47, рис. 1; 48, с. 44; 49, рис. 2, *4*; 50, с. 44, рис. 1, *4*, *6*; 51, л. 55, рис. 45, *1*; 52, рис. 37, *2*]. Прикамское происхождение имеет, вероятно, и единственный образец этого орнамента, найденный в кургане на Ояти (Акулова Гора).

Неглубокие пальцевые вдавления (рис. 2, *15*) в отличие от большинства других элементов орнамента украшают посуду не только Крутика и Белоозера, но и многих памятников нижней Мологи и Колпи. Образцы этого орнамента нередки и на памятниках бассейна верхней Мологи

(Узмень, Бустрыгино [11], Белый Городок) [46, рис. 30; 53] и Мсты (Княжое село) [12]. Бассейн Мологи следует признать местом наибольшей концентрации этих орнаментов. Единичные образцы встречены в Старой Ладоге, на Рюриковом городище, городище Княжая Гора [44, рис. 21, 7] и в Приладожье (Усть-Рыбежна). В Михайловском могильнике под Ярославлем пальцевыми вдавлениями украшены пять сосудов.

Прочерченный орнамент представляет собой неглубокие бороздки, проведенные по сырой глине острым деревянным или металлическим предметом (рис. 2, *16*). Немногочисленные образцы его кроме Крутика и Белоозера известны на памятниках Колпи и Мологи. Единичные экземпляры происходят из Приладожья и Ярославского Поволжья. Прочерченный орнамент часто встречается на лепной посуде Эстонии и Финляндии [40, табл. 39; 41, табл. 1029; 54, с. 22, табл. VIII, IX]. Известны они и в Прикамье.

Валик, вытянутый из стенки сосуда или налепной (рис. 2, *17*), украшает керамику Крутика, Белоозера, поселений Монастырек и Васютино. Л. А. Голубева нашла аналогии этому орнаментальному приему на керамике Вычегды [5, с. 158] [13]. Известен он и на керамике родановской культуры [27, с. 59, рис. 34, 7]. Два образца керамики с валиками найдены в Ярославских курганах, еще два — на селищах IX—X вв. близ Суздаля и Ростова [14]. Серия образцов этого орнамента, происходящая из Белозерья, остается наиболее представительной.

Таблица 1

Соотношение различных элементов орнамента на лепной керамике Крутика и Белоозера, %

№ п. п.	Элемент орнамента	Крутик (3598)	Белоозеро (1246)
1	Гребенчатый	40,9	49,5
2	Мелкозубчатый	0,3	3,2
3	Рамочный	1,1	10,0
4	Вдавления с плоским дном	6,6	6,5
5	Глубокие вдавления	9,1	3,2
6	Треугольные плоские вдавления	7,7	6,0
7	Ямочный	1,1	1,3
8	Фигурный	1,2	0,3
9	Кольцевидный	0,7	3,9
10	Решетчатый	0,4	0,1
11	Насечки	16,1	7,6
12	Линейная веревочка	3,2	1,5
13	Веревочка на палочке	9,6	2,6
14	Веревочные петли	0,7	0,3
15	Пальцевые вдавления	0,1	1,3
16	Прочерченный	0,1	0,6
17	Рельефный валик	1,2	2,0

Примечание. При подсчетах за единицу принимался каждый орнаментированный черепок, а в случае, если удавалось установить принадлежность серии черепков к одному сосуду,— развал сосуда. В скобках указано общее число фрагментов орнаментированной керамики.

Оценивая процентное соотношение различных элементов в орнаментальных наборах, легко заметить, что на двух памятниках (Крутике и Белоозере), давших основную массу орнаментированной керамики, преобладает гребенчатый орнамент (табл. 1). На обоих памятниках довольно значительна доля вдавлений с плоским дном, глубоких вдавлений и

[11] Музей антропологии и этнографии АН СССР (г. Ленинград), колл. 1533.

[12] Государственный Эрмитаж, ОИПК, колл. № 852.

[13] Л. А. Голубева отметила и отдельные приладожские аналогии. Но, следуя Я. В. Станкевич, правильнее считать горизонтальный наплыв-ребро на чашевидном сосуде из кургана 4 у д. Новосельск не орнаментальным элементом, а технологической деталью [55, с. 234].

[14] С материалами из раскопок селища на Михайловской стороне Суздаля и селища Деболовское II под Ростовом меня любезно познакомили М. В. Седова и А. Е. Леонтьев.

треугольных плоских вдавлений. На Крутике существенная часть керамики орнаментирована насечками и отпечатками веревочки на палочке, а на Белоозере — отпечатками мелкозубчатых и рамочных штампов. Доля других элементов на обоих памятниках невелика.

Композиции. Переходя к систематизации орнаментальных композиций, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Как правило, узоры имеют четкое ярусное строение: отпечатки различных штампов образуют бордюры, опоясывающие сосуд; каждый элемент принадлежит определенному ярусу бордюра. Несмотря на небрежное исполнение орнаментов, этот порядок нарушается редко. Случаи, когда тот или иной элемент «выбивается» из своего яруса и заходит в смежный, немногочисленны. Высота яруса определяется длиной составляющих его элементов и может значительно варьироваться. Как отдельные ярусы мы будем рассматривать горизонтальные линии. В целом выделение типов орнаментальных композиций производится по числу и строению отдельных ярусов. Орнаменты, не имеющие ярусного строения, объединяются в отдельную группу. При выделении композиций учитывается не только характер сочетания элементов орнамента, но и контур элементов. Форма контура элемента оказывается в данном случае более важным признаком, чем видовая принадлежность элемента. Орнаменты, образованные элементами разных видов, имеющими одинаковый контур, при условии одинакового сочетания элементов должны быть отнесены к одной композиции. Например, зигзагообразные линии, образованные оттисками гребенчатых штампов, веревочки на палочке или насечками, принадлежат к одной и той же композиции, несмотря на различие элементов. Для изучения композиций пригодными оказались около 900 образцов орнамента на целых сосудах и крупных фрагментах.

Группа А объединяет орнаменты, украшающие лишь венчик сосуда — его торец или наружный край (рис. 3, *1—3*). Образцы происходят из Крутика, Белоозера и кургана у хут. Стан на р. Суде. Аналогии им находим в материалах Ярославских курганов (59 обр.), нижнем слое рязанско-окских могильниках [55, с. 172, рис. 10; 56, с. 84, рис. 14, Ярославля (2 обр. на раннегончарной керамике), древнемордовских и *3*, с. 85, рис. 15, *1*, с. 88, рис. 18, *2*, с. 90, рис. 20, *7*; 57, с. 156, рис. 33, *1—5*, с. 152, рис. 34, *1*, *4*, *5*]. Подобные орнаменты были знакомы и пермским финно-уграм (могильники Кичилькосьский, Кыпкинский, Весья-кар, Каневский, Важгортский [22, с. 195, табл. XLVII, *2*; 28, с. 186, табл. 5, *2—4*; 33, с. 106, табл. VIII, *12*, *19*; 48, с. 44; 58, с. 83, табл. III, *6*]. Однако здесь они сравнительно редки, так же как и на западе — в Старой Ладоге, на Рюриковом городище и на селищах верхней Мологи, где встречаются в крайне ограниченном количестве. Можно сделать предположение о более частом использовании этой группы орнаментов в конце I тысячелетия н. э. поволжскими финно-уграми.

Группа В объединяет узоры из одного или нескольких поясков, образованных чередованием простых элементов. Последние вступают в различные комбинации, не нарушая ярусного строения композиций. В подгруппу B_1 входят одноярусные орнаменты.

Тип I. Орнамент образован путем простого повторения элементов (рис. 3, *4—11*). Помимо Крутика и Белоозера подобные узоры встречены на памятниках, расположенных в бассейнах рек Колпи (10 обр.), нижней Мологи (8 обр.), Кабожи (7 обр.), в верхнем течении р. Шексны (5 обр.) и на Белом озере (1 обр.). Известны они и в районе Онежского озера и оз. Лача (2 обр.).

На территориях к западу и югу от Межозерья композиции типа I встречаются спорадически на разных памятниках: в Старой Ладоге [*4*, с. 240, рис. 8, *1*, *3*, *4*], Новгороде [36, с. 4—8], на Рюриковом городище, в бывшем Демянском уезде Новгородской губ.[15], на поселениях и в курганах, расположенных в бассейне р. верхней Мологи (Белый городок, Еськи, Бустрыгино, Узмень) [46, рис. 30, *4*, *13*; 53,

[15] Государственный Эрмитаж, ОИПК, колл. № 683.

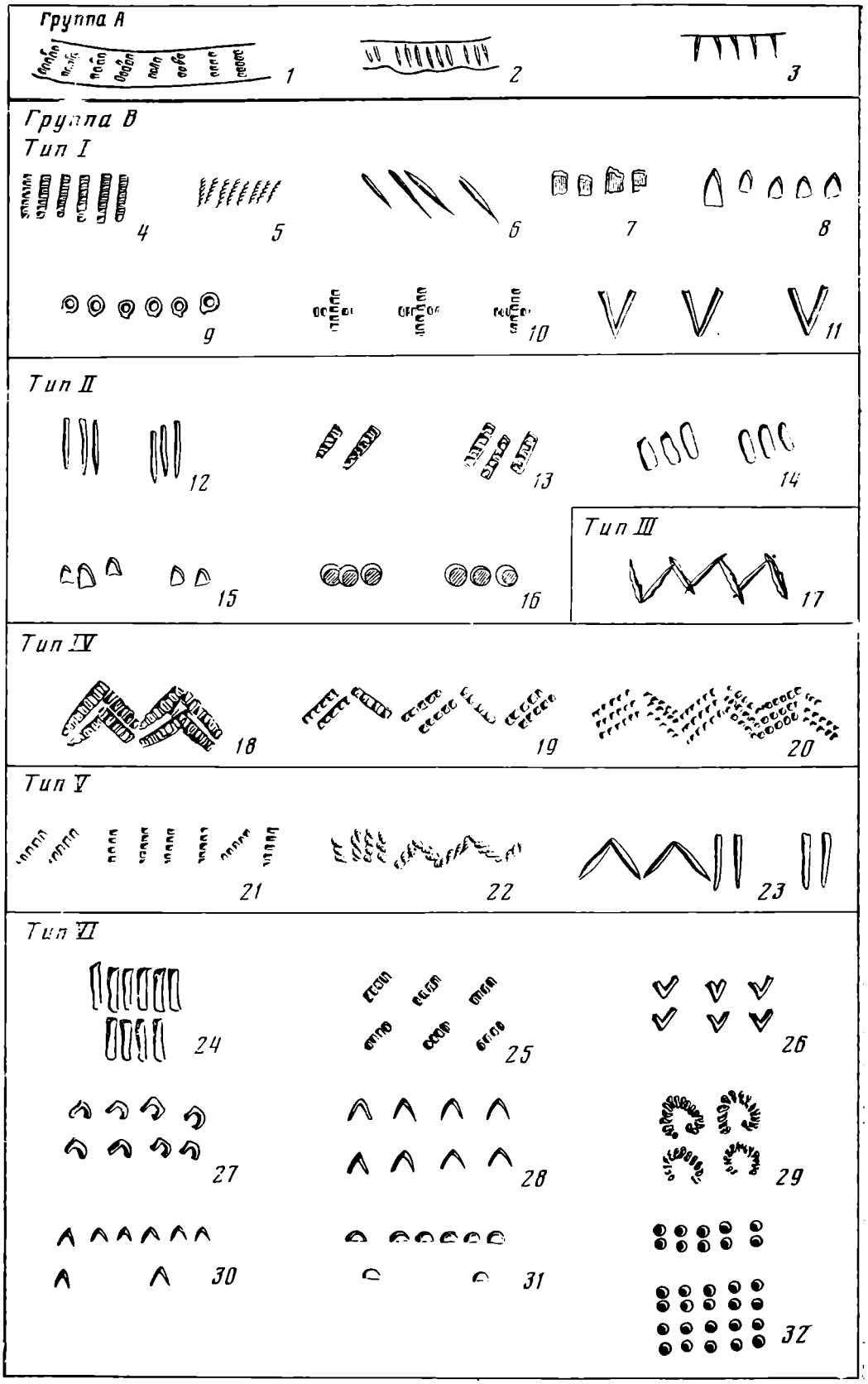


Рис. 3. Типы орнаментальных композиций на лепной керамике Белозерья

с. 96, рис. 2, *1*], в курганах Тверского и Ярославского Поволжья, Суздале и Ярославле (на раннегончарной керамике). С каждого отдельного памятника происходит не более 10 образцов орнаментов этого типа. Можно сделать вывод, что эти простейшие по своей структуре орнаменты были здесь известны, но гораздо реже употребляемые, чем в Белозерье. В Ветлужско-Вятском и Камско-Вычегодском районах орнаменты типа I были распространены довольно широко: они присутствуют на керамике Кочергинского и Дубовского могильников [51, л. 135, рис. 45, *1*; 59, рис. II, *13*], Кушманского городища, городища Сабанчи-кар [60, табл. 6, *6, 8*], могильника Мыдлань-шай [38, табл. XV, *1—3*], Роданова городища, хотя доля этих орнаментов в общем наборе невелика, гораздо меньше, чем в Белозерье.

Тип II. Орнаменты представляют собой одноярусные пояски, в которых несколько одинаковых элементов сгруппировано по 2, 3 или 4 и повторяется с определенным интервалом (рис. 3, *12—16*). Композиции данного типа встречены в Белоозере, Крутике, отмечены также среди керамики из курганов Кемы (1 обр.) и Колпи (4 обр.). За пределами Межозерья Л. А. Голубева указала аналогии этим орнаментам на сосудах из Ярославских курганов (2 обр.), Старой Ладоги (1 обр.), Васильевского городища на Ваге (1 обр.) и Кичилькосьского могильника (1 обр.) [5, с. 158]. К этому перечню можно добавить узоры на лепной керамике из Бежецких курганов [46, рис. 41] и Суздаля и на раннегончарной керамике Ярославля (по 1 обр.). Несмотря на свою простоту, орнаменты типа II редки за пределами Белозерья.

Тип III. Одинарная зигзагообразная линия. Элементы, образующие орнаменты этого типа, имеют вытянутый контур; все они представляют собой одну композицию, выполнявшуюся в различной технике (рис. 3, *17*). Орнаменты типа III широко распространены как в Белозерье, так и за его пределами. Они встречены на керамике Крутика, Белоозера, Луковца (9 обр.), Васютина (1 обр.), курганов бассейна Колпи (4 обр.), Кабожи (2 обр.), Суды и Кемы (по 1 обр.). За пределами Межозерья они известны, хотя и в небольшом количестве, в материалах Ярославских курганов, нижнего слоя Ярославля, памятников верхней Мологи (Узмень [46, рис. 30, *15*], Курово III) [16], Рюрикова городища [42, с. 96], городища Княжая Гора [45, рис. 17, *8*] и Старой Ладоги; еще дальше на западе — в смоленских длинных курганах [61, с. 184, рис. 4, *1, 8, 9*]. На каждом отдельном памятнике встречается однако не более 6—8 образцов орнаментов этого типа, а чаще 1—2. Данные орнаменты были знакомы и пермским финно-уграм, на что указывают материалы Роданова и Кушманского городищ, могильников Варни и Жигановского [28, с. 204, табл. 26, *12*, *32*, табл. XXIX, *20а*].

Тип IV. Одноярусные орнаменты в виде двойной или тройной зигзагообразной линии. Ширина орнаментальной полосы не превышает длины элемента, образующего зигзаг, что и заставляет относить эти орнаменты к одноярусным. Композиции выделены по особенностям сочетания элементов, которые во всех случаях имеют вытянутый контур (рис. 3, *18—20*). Аналогии немногочисленны. Назовем узор на сосуде из кургана в Грачках под Переяславлем, выполненный в технике прочерчивания [62, л. 32], и один из староладожских орнаментов, а также узоры на раннегончарной керамике из курганов у д. Коряково под Костромой [17] и из Ярославля. В Камско-Вычегодском районе орнаменты типа IV встречены на керамике поломской и ломоватовской культур [32, табл. XXIX, *20б*, *23а*, *6*; 48, с. 44, табл. 31, *4*].

Тип V. Одноярусный пояс, в котором чередование элементов нарушается или меняется (рис. 3, *21—23*). Примерно треть всех образцов дополнительно орнаментирована по торцу венчика. Кроме Белоозера, Крутика, Луковца и Яковлева один образец подобного орнамента происходит и з Тимерева и один — из Ярославля.

[16] С материалами из раскопок 1980 г. на поселении Курово III меня любезно познакомила И. В. Исланова.

[17] Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Е. Леонтьеву, познакомившему меня с неопубликованными материалами раскопок в Корякове.

Подгруппа B_2 объединяет двух- и трехъярусные орнаменты.

Тип VI. Двухъярусный пояс, образованный путем простого повторения элементов. Элементы в обоих ярусах одинаковы и стоят друг над другом, интервалы между ними в разных ярусах могут быть одинаковыми или различными (рис. 3, *24—32*). Композиции данного типа встречены в Белоозере, Крутике, отмечены 2 раза на сосудах из курганов на р. Колпи и 1 раз на р. Кабоже. Аналогии известны в Ветлужско-Вятском и Камско-Вычегодском районах в материалах Юмского, Веселовского [63, с. 183, рис. 75, *7*, *8*] и Выжумского могильников [64, л. 92, рис. 32, *1*], на позднеломоватовских памятниках [48, с. 44, табл. 31, *1*], в могильниках вымской культуры (Ветью) [29, с. 204, табл. 26, *4*]. Особо отметим тождественные орнаменты на сосудах чепецкой культуры [24, табл. XI, *15*, *16*; 32, табл. XXIX, *30а*; 38, табл. XV, *8—10*].

Тип VII. Двух- и трехъярусные орнаменты, образованные путем простого повторения элементов. В отличие от типа VI элементы в разных ярусах отличаются друг от друга (рис. 4, *1—4*). Композиции типа VII встречены лишь на керамике Крутика и Белоозера. Точную аналогию им представляет узор на одном из сосудов Корбольского могильника на р. Ваге. На финском востоке подобные композиции известны в материалах городищ Кушманского и Шудья-кар [49, рис. 2, *9*] и Агафоновского второго могильника [34, л. 385, рис. 289].

Тип VIII. Двух- и трехъярусные орнаменты, образованные повторением элементов с вытянутым контуром, поставленных с наклоном. Направление наклона в смежных ярусах различно, так что каждые два или три элемента, находящиеся в одном регистре, составляют фигуру в виде уголка или короткого зигзага (рис. 4, *5—7*). Кроме Крутика и Белоозера эти орнаменты встречены на городище Никольское в низовьях Кемы (1 обр.). Аналогии им многочисленны в Камско-Вычегодском крае — в памятниках поломской и чепецкой культур (Варни, Сабанчикар, Весья-кар) [32, табл. XXIX, *18б*; 38, с. 105, табл. VII, *4*; 60, табл. 6, *5*], на городище Шудья-кар [49, рис. 2, *8*]. Большая серия таких орнаментов встречена на сосудах вымской культуры в Кичилькосьском, Клянлышпастском, Петкойском и Вадьягском могильниках и на Карыбйывском городище [29, с. 185, табл. 3, *4*, с. 187, табл. 6, *3*, с. 188, табл. 7, *6*, с. 190, табл. 9, *1*, с. 202, табл. 23, *21*, с. 203, табл. 24, *2*]. На городищах Шудья-кар, Сабанчи-кар и Карыбйывском и поздневанвиздинском поселении Вис II [31, табл. XXXI, *13*] известны тождественные орнаменты. Единственная аналогия узорам типа VIII за пределами Прикамья происходит из Ярославля. На двух сосудах из Тимерева орнаменты типа VIII сочетаются с отпечатками горизонтальной веревочки на шейке сосуда. Такие же узоры известны в Прикамье.

Тип IX. Двухъярусный орнамент, образованный простым повторением элементов в каждом ярусе или повторением групп элементов, поставленных с интервалами. Элементы или группы элементов верхнего яруса стоят над интервалами между элементами или группами элементов нижнего яруса (рис. 4, *8—10*). Композиции типа IX встречены на керамике Крутика, Белоозера и курганов на р. Колпи (1 обр.). Аналогии известны в материалах поломской и чепецкой культур: узоры керамики могильников Варни и Мыдлань-шай [24, с. 64, табл. XI, *11*; 32, табл. XXIX, *26*; 38, табл. XV, *6*]. За пределами бассейна Чепцы один образец композиции типа IX происходит из Тимерева.

Тип X. Двухъярусный орнамент, образованный зигзагообразными линиями. По особенностям сочетания зигзагообразных линий выделены четыре композиции (рис. 4, *11—14*]. Образцы орнамента этого типа происходят из Крутика, Белоозера, поселения Васютино и у д. Козьмодемьянское на Шексне (2 экз.) [18]. Некоторые аналогии могут быть указаны в материалах чепецкой и ванвиздинской культур [27, с. 64, табл. XI, *17*; 65, табл. 83].

[18] Ярославский краеведческий музей, инв. № 7073, колл. № 29.

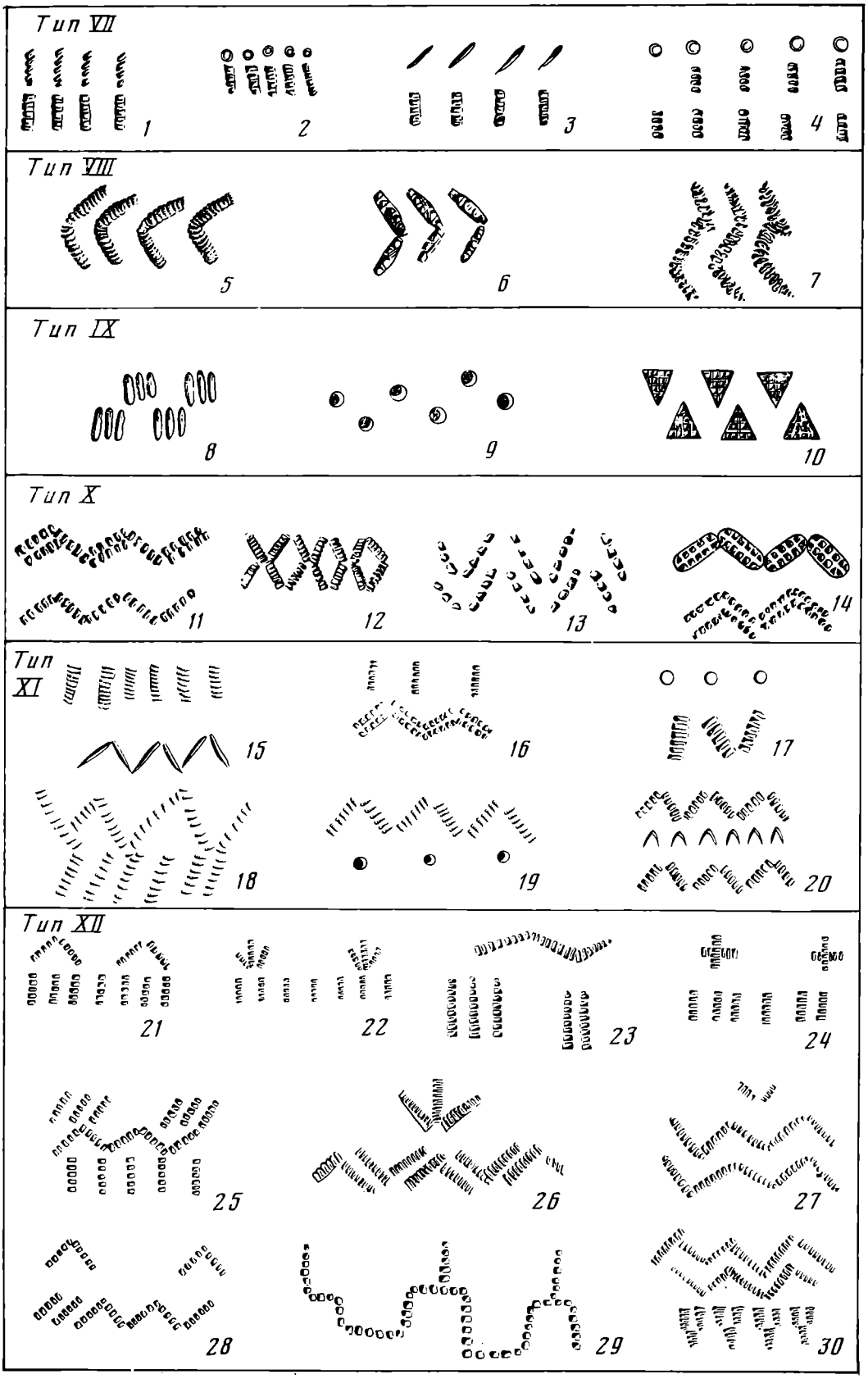


Рис. 4. Типы орнаментальных композиций на лепной керамике Белозерья

Тип XI. Двухъярусные орнаменты, образованные одной или двумя зигзагообразными линиями и одним или двумя поясками из повторяющихся элементов (рис. 4, *15—20*). Все образцы происходят из Крутика и Белоозера. Немногочисленные аналогии — в материалах поломской, чепецкой и ванвиздинской культур [24, с. 64, табл. XI, *19*; 31, с. 215, табл. XXXI, *7*; 32, табл. XXIX, *21а*].

Тип XII. Двух- и трехъярусные орнаменты, представляющие собой сочетание простых поясков и зигзагообразных линий с поясками из сгруппированных и расставленных с интервалами элементов или поясками, в которых нарушен порядок чередования элементов (рис. 4, *21—30*). Образцы орнаментов этого типа встречены только в материалах Крутика и Белоозера. Единственный известный нам образец, найденный вне пределов Белозерья, происходит с Кушманского городища в бассейне Чепцы.

Тип XIII. Орнаменты, образованные путем неупорядоченного повторения элементов, но имеющие при этом более или менее определенное ярусное строение. Горизонтальная основа яруса несколько сбивается, пояс может прерываться, расстояние между элементами в ярусе резко колеблется, а соотношение элементов в смежных ярусах лишено какой-либо закономерности (рис. 5, *1—6*). Орнаменты этого типа можно рассматривать как деградацию некоторых типов, входящих в подгруппу B_2. Места находок образцов: Крутик, Белоозеро, памятники на реках Колпи (2 шт.) и Кеме (1 шт.); один образец — из юго-восточного Приладожья.

Группа С объединяет орнаменты, образованные прямыми горизонтальными или волнистыми линиями. Каждая линия представляет собой отдельный ярус, являясь одновременно и простейшим элементом орнамента.

Тип XIV. Орнамент состоит из одинарной горизонтальной линии (рис. 5, *7*). Немногочисленные образцы его выполнены в технике прочерчивания и отпечатков линейной веревочки. Они происходят из Крутика, Белоозера и курганов по р. Колпи (единичная находка).

Тип XV. Орнамент образован несколькими горизонтальными линиями (от двух-трех до семи; рис. 5, *8, 9*). Композиции этого типа встречены в материалах Белоозера, Крутика, Васютина и курганов на р. Колпи (1 обр.). Немногочисленные аналогии орнаментам типов XIV и XV известны в Челмужах (1 обр.), на верхней Мологе (1 обр.) [46, рис. 13, 16] и в курганах Ярославского Поволжья (3 обр.). В Камско-Вычегодском крае подобные орнаменты представлены на керамике памятников ломоватовской, родановской, поломской и чепецкой культур, составляя незначительный процент в общей массе орнаментированной керамики и уступая более сложным узорам, в которых горизонтальные линии сочетаются с различными поясками. Иную картину мы наблюдаем в Финляндии, где орнаменты в виде горизонтальных линий, оттиснутых шнуром или прочерченных, доминируют [66, с. 39, 40]. Появление этих композиций в Белозерье во второй половине X в., возможно, связано с проникновением сюда элементов прибалтийско-финской культуры.

Тип XVI. Орнаменты образованы одной или несколькими волнистыми линиями. Все узоры являются прочерченными (рис. 5, *10, 11*). Немногочисленные образцы орнаментов этого типа происходят из Крутика, Белоозера и курганов на реках Колпи и Кабоже. Они представляют собой подражание волнистому орнаменту на круговой керамике.

Группа Д объединяет узоры, не обнаруживающие четкого ярусного строения. Составляющие их элементы образуют фигуры с вертикальной осью симметрии.

Тип XVII. Орнамент представляет собой фигуры с вертикальной осью симметрии, фигуры отделены друг от друга интервалами (рис. 5, *12—15*). Все образцы узоров этого типа происходят из Крутика и Белоозера. Наиболее простые узоры, образованные фигурами из трех элементов, имеют немногочисленные аналогии в материалах селища Белый Городок на Верхней Мологе и в горизонте E_1 Старой Ладоги. Аналогии более сложным узорам этого типа широко представлены в материалах Камско-Вычегодского района, в том числе на керамике родановской и

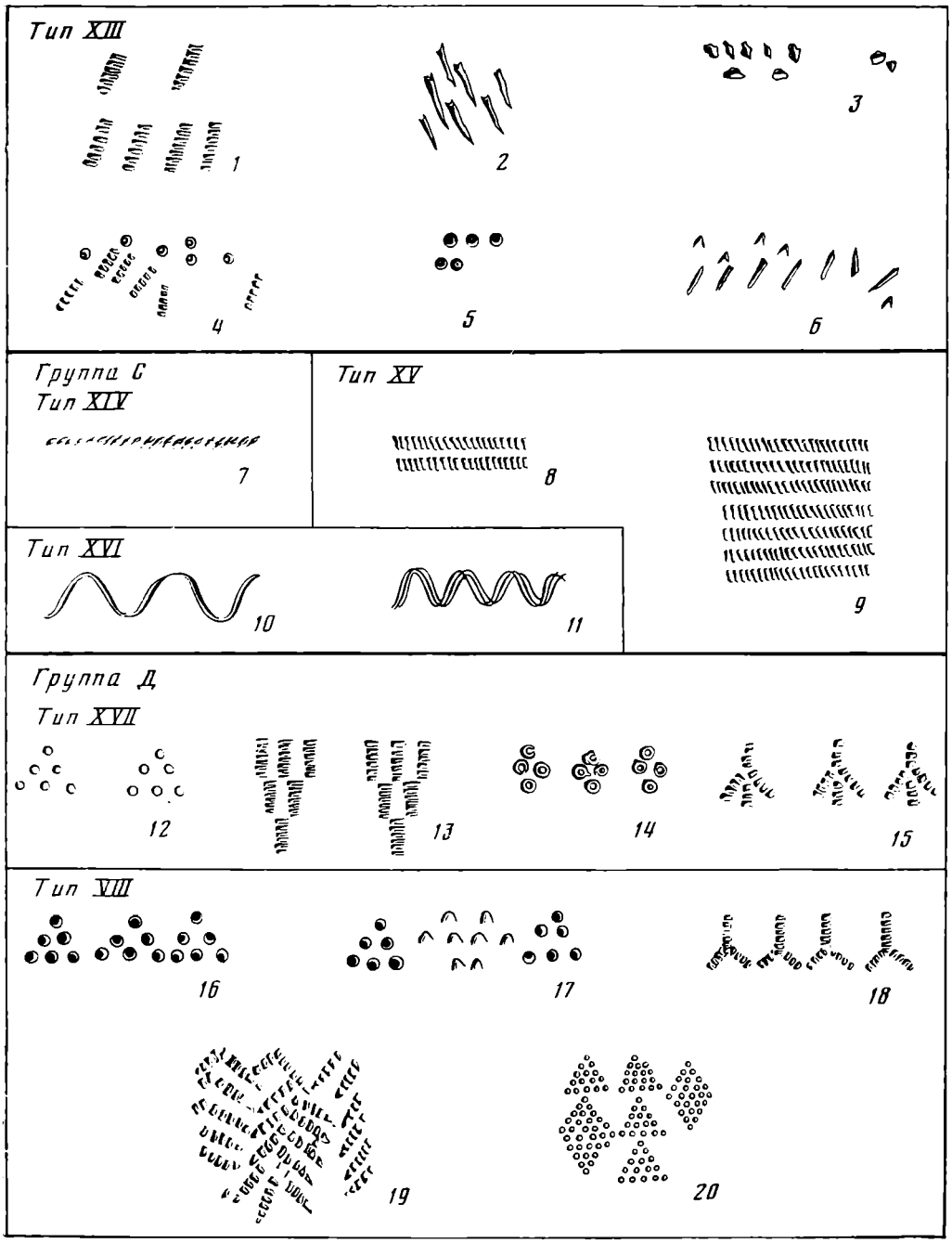


Рис. 5. Типы орнаментальных композиций на лепной керамике Белозерья

чепецкой культур [22, с. 195, табл. XLVII, *3*, *4*, с. 197, табл. XLIX, *13*, *14*; 24, с. 64, табл. XI, *24*, *25*] и сосудах вымской культуры [28, с. 188, табл. 7, *1*, *3*].

Тип XVIII. Орнамент образован фигурами с вертикальной осью симметрии, стоящими вплотную друг к другу (рис. 5, *16—20*). Образцы этих орнаментов происходят из Крутика и Белоозера. Аналогии им известны в материалах Камско-Вычегодского края, на керамике городища Шудья-кар и поселений ванвиздинской культуры [31, с. 216, табл. XXXII, *14*; 65, табл. 8, *12*; 67, л. 24, рис. 327, *26*, *27*].

Группа *E* включает композиции, образованные путем сочетания орнаментов групп *B*, *C*, *D*.

Тип XIX. Узоры образованы сочетанием линейных орнаментов группы *C* и поясков группы *B*. Как правило, горизонтальные линии составляют один или несколько верхних ярусов, реже поясковые орнаменты окаймляют горизонтальные линии сверху и снизу. В тех случаях, когда узор включает несколько горизонталей, они занимают смежные ярусы и не разделены поясковыми орнаментами. Выделение композиций производится по характеру сочетания линейных и поясковых орнаментов, по типам поясковых орнаментов и контурам элементов, участвующих в образовании узора (рис. 6, *1—13*). Образцы орнаментов типа XIX встречены лишь на керамике Крутика и Белоозера; они являются ведущими в Камско-Вычегодском районе и редко встречаются за его пределами. Серия подобных орнаментов из ярославских курганов насчитывает около 20 образцов, однако по крайней мере половина из них украшает круглодонные сосуды прикамского происхождения [68, с. 18—24]. Это же происхождение имеет фрагментированный сосуд из кургана у д. Акулова Гора в Приладожье. Аналогии этой композиции на востоке известны в материалах ломоватовской, родановской, поломской, чепецкой и ванвиздинской культур (городища Лаврятское, Шудья-кар, Весья-кар, Кушманское, Родановo) [22, с. 196, табл. XLVIII, *2*; 24, с. 64, табл. XXIX, *7*; 27, с. 55, рис. 34, *9*; 33; 48, с. 44, табл. 31, *6*; 49, рис. 2, *4*].

Тип XX. Узоры образованы сочетанием линейных орнаментов группы *C* и фигур группы *D*. Горизонтальные линии составляют смежные ярусы и не разделены фигурами с вертикальной осью симметрии (рис. 6, *14—17*). Все образцы орнаментов этого типа происходят из Крутика. Тип XX близок предшествующему; аналогии ему локализуются в том же Камско-Вычегодском районе.

Тип XXI. Узоры образованы сочетанием линейных орнаментов группы *C* или фигур группы *D*; горизонтальные линии окаймляют поясок или повторяющиеся фигуры с обеих сторон (рис. 6, *18—23*). Керамика, украшенная орнаментом данного типа, найдена на Крутике и Белоозере. Аналогии имеются лишь в Прикамье, в частности на керамике Дондыкарского и Роданова городищ [69, табл. 18].

Тип XXII. Узоры образованы сочетанием поясковых орнаментов подгруппы B_1 и фигур группы *D* (рис. 6, *24*, *25*). Композиции этого типа встречены на керамике Крутика и Белоозера. Композиция 2 имеет точную аналогию в материалах ванвиздинской культуры (Веслянское поселение) [65, л. 78, табл. 8, *14*, *15*].

Тип XXIII. Узор образован сочетанием пояскового орнамента группы *B* и линейно-волнистых орнаментов группы *C*, перечеркивающих поясок (рис. 6, *26*). Единственная композиция представляет собой зигзагообразную линию, оттиснутую веревочкой, намотанной на палочку; поверх линии прочерчено три горизонтали. Образец происходит из кургана на р. Кабоже. Композиции этого типа известны в Приладожье (Усть-Рыбежна). Они появились в результате смешения традиционных приемов орнаментации лепной керамики и орнаментации славянских гончарных сосудов.

Процентное соотношение разных типов орнаментальных композиций на керамике Крутика, Белоозера и курганов юго-западного Белозерья отражено на рис. 7. На всех памятниках доминируют простые композиции типа I, на втором и третьем месте могут находиться композиции

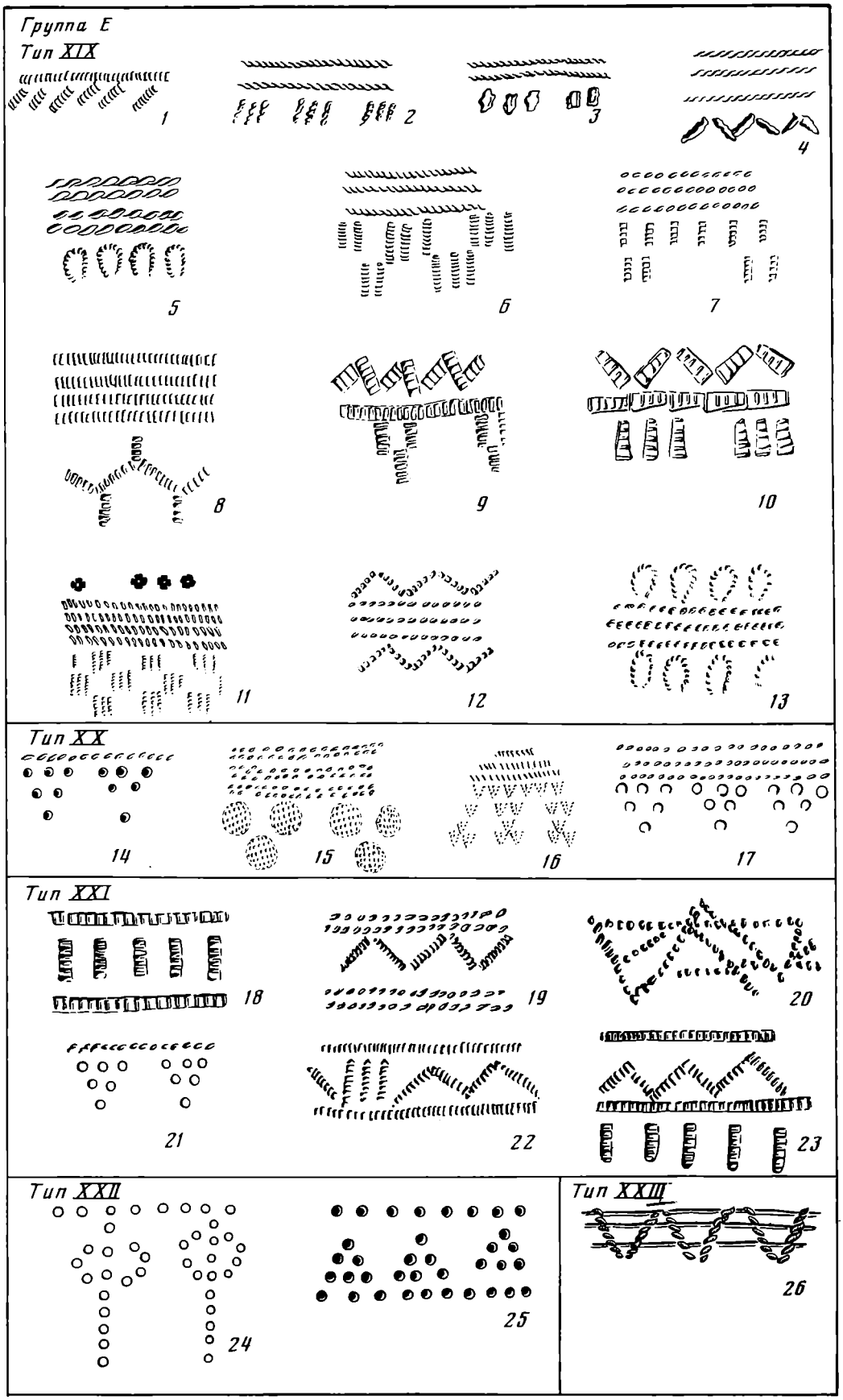


Рис. 6. Типы орнаментальных композиций на лепной керамике Белозерья

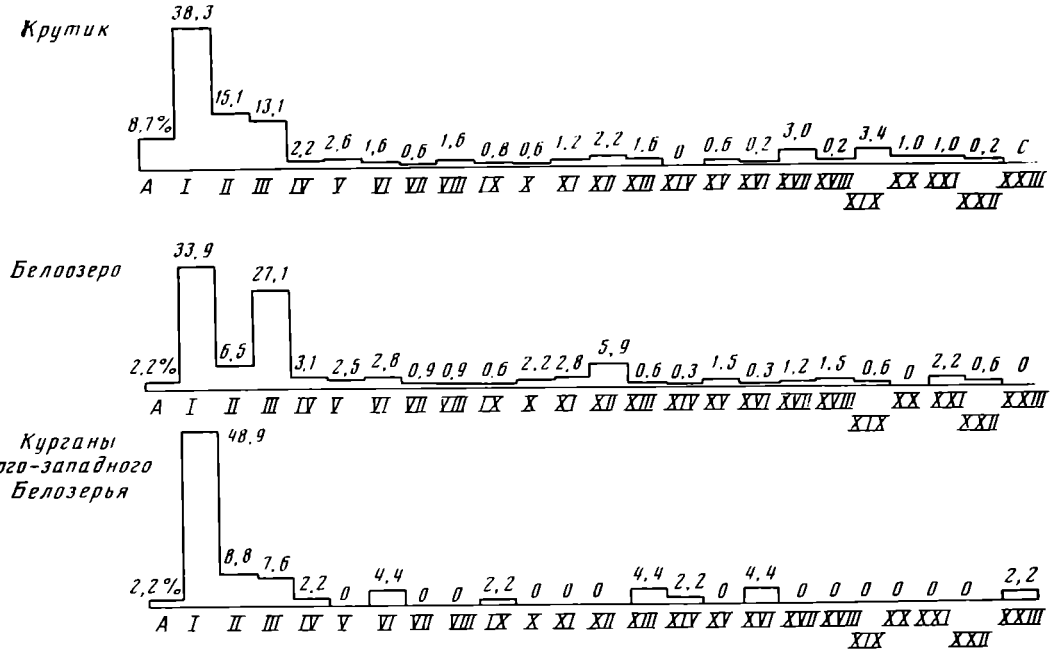


Рис. 7. Процентное соотношение различных типов орнаментальных композиций на лепной керамике с поселений Крутик, Белоозеро и курганов юго-западного Белозерья

типа II или III, также несложные. Композиции группы *А* встречаются на Крутике чаще, чем на других памятниках. Керамика Крутика и Белоозера демонстрирует большее разнообразие типов, чем керамика из курганов.

Попытаемся теперь ответить на вопросы, поставленные в начале работы. Первый из них касается географии распространения набора орнаментов типа нижнего горизонта Белоозера. Оказывается, этот набор нельзя считать характерным даже для всего Белозерья. Как следует из табл. 2, уже само соотношение орнаментированной и неорнаментированной керамики на различных памятниках Белозерья неодинаково: на Крутике и Белоозере процент орнаментированной керамики значительно выше, чем на памятниках Колпи, Суды, Кабожи и нижней Мологи. Гораздо богаче также и техника орнаментации лепной керамики шекснинских памятников по сравнению с судско-моложскими (табл. 3). На сосудах из юго-западного Белозерья отсутствуют отпечатки мелкозубчатых и рамочных штампов, решетчатых чеканов, линейной веревочки. Не встречено здесь и керамики, орнаментированной валиком. Лишь по одному разу зафиксированы отпечатки веревочных петель и фигурных штампов. Впечатление о более бедной орнаментации керамики юго-западного Белозерья усиливается, если мы обратимся к табл. 4, показывающей, что на сосудах Судско-Моложского района представлена лишь половина того набора композиций, который известен нам по памятникам Шексны. Это наиболее простые композиции; все они, кроме типов II, IV, VI и IX, принадлежат к числу общераспространенных в лесной полосе Восточной Европы. В целом орнаментика керамики юго-западного Белозерья занимает промежуточное положение между скудной орнаментикой более западных областей и нарядными узорами Шекснинского района.

Таблицы 1,3 и 4 показывают, что наборы орнаментов Белоозера и Крутика имеют значительное сходство. На обоих памятниках представлены элементы орнамента и узоры, которые редко встречаются на соседних территориях. Это отпечатки мелкозубчатых и рамочных штампов, треугольные плоские штампы, фигурные, кольцевидные и решетчатые чеканы, оттиски линейной веревочки и веревочных петель, налепной валик. Значительное своеобразие керамике обоих поселений придают орнаментальные композиции типов II, IV, VI – XII, XVII–XXII.

Таблица 2

Соотношение орнаментированной и неорнаментированной керамики на памятниках Белозерья и сопредельных областей, %

Характер орнамента	Крутик (1000)	Белоозеро (605)	Курганы на р. Суде (13)	Курганы на р. Колпи (73)	Курганы на р. Кабожке (41)	Памятники нижней Мологи (24)	Курганы юго-восточного Приладожья (45)	Ярославские курганы (328)	Памятники восточной Карелии (66)
Без орнамента	50,4	46,1	92,4	65,8	65,9	54,2	91,2	67,2	92,0
Орнамент только по венчику	4,3	1,1				8,3		21,3	3,2
Орнамент по тулову	45,3	52,8	7,6	34,2	34,1	37,5	8,8	11,5	4,8

Примечание. Число в скобках указывает общее количество сосудов.

Таблица 3

Распространение элементов орнамента на севере Восточной Европы

Археологические памятники и культуры	Элемент орнамента																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Крутик	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Белоозеро	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Курганы на р. Суде	+												+				
Курганы на р. Колпи	+			+	+	+	+		+		+		+		+	+	
Памятники нижней Мологи	+				+	+	+	+	+				+	+	+		
Памятники верхней Мологи	+															+	
Ярославские курганы	+	+		+	+		+		+		+	+	+		+	+	+
Курганы юго-восточного Приладожья									+			+		+	+	+	
Памятники восточной Карелии	+								+								
Памятники Приильменья									+						+		
Старая Ладога	+										+		+		+		
Вымская культура	+		+				+	+	+			+		+			+
Ванвиздинская культура	+						+	+				+		+			
Ломоватовская и родановская культуры	+	+			+		+	+	+			+	+	+	+	+	+
Поломская и чепецкая культуры	+	+					+	+	+	+		+	+	+			
Памятники Ветлужско-Вятского края	+		+		+							+					

Примечание. 1 — гребенчатый, 2 — мелкозубчатый, 3 — рамочный, 4 — вдавления с плоским дном, 5 — глубокие вдавления, 6 — треугольные плоские вдавления, 7 — ямочный, 8 — фигурный, 9 — кольцевидный, 10 — решетчатый, 11 — насечки, 12 — линейная веревочка, 13 — веревочка на палочке, 14 — веревочные петли, 15 — пальцевые вдавления, 16 — прочерченный, 17 — рельефный валик.

Материалы других памятников, расположенных в верхнем течении Шексны и ближайшей округе Белого озера, довольно фрагментарны, тем не менее есть основание считать, что эти памятники характеризуются близкой орнаментикой. С поселения Луковец, находившегося при впадении р. Суды в Шексну, происходит керамика, орнаментированная рамочным штампом с узорами типа IV. Немного ниже по течению Шексны располагалось с. Козьмодемьянское, в окрестностях которого также были найдены фрагменты керамики с аналогичным орнаментом [19]. На р. Мег-

[19] Подъемный материал собран в 1907 г. В. А. Трефолевым и хранится в Ярославском краеведческом музее (инв. № 7073).

Таблица 4

Распространение орнаментальных композиций групп *A — E* (типов I–XXIII) на севере Восточной Европы

Археологические памятники и культуры	*A*	*B*													*C*			*D*		*E*				
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII
Крутик	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Белоозеро	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Курганы на р. Суде		+																						
Курганы на р. Колпи		+	+	+						+						+	+							
Памятники нижней Мологи		+		+		+											+							+
Памятники верхней Мологи	+	+		+												+		+						
Ярославские курганы	+	+	+	+	+	+			+	+						+			+					
Курганы юго-восточного Приладожья																	+		+					+
Памятники восточной Карелии				+											+	+								
Памятники Приильменья	+	+		+																				
Старая Ладога	+	+	+	+														+						
Вымская культура	+	+	+	+			+		+									+						
Ванвиздинская культура									+		+	+							+	+	+		+	+
Ломоватовская и родановская культуры	+	+		+	+		+	+								+		+	+	+	+	+		
Поломская и чепецкая культуры	+	+		+	+		+	+	+	+	+	+	+			+		+		+	+	+		
Памятники Ветлужско-Вятского края	+	+					+																	

ре, впадающей в Белое озеро с юго-запада, находится поселение Васютино, на котором собраны черепки с налепным валиком, оттисками плоского треугольного штампа и линейной веревочки (узоры типов X и XV). Керамика с налепным валиком и глубокими вдавлениями обнаружена на селище Монастырек на северном берегу Белого озера. Вся эта орнаментика не является широко распространенной. Она специфична для Белоозера, Крутика и, как мы видим, для ряда других памятников, ареал которых — верхнее течение Шексны и ближайшие окрестности Белого озера. К данному ареалу относится и территория, прилегающая к Белому озеру с северо-запада. Здесь, на памятниках в низовьях р. Кемы, найдены сосуды с узорами типов II и III, фрагменты с оттисками широкого гребенчатого штампа, веревочки на палочке и кольцевидного чекана.

Попытаемся найти наборы орнаментов, сходные с шекснинскими, за пределами Белозерья. Из области наших поисков следует сразу же исключить юго-восточное Приладожье — территорию, хорошо изученную археологически и давшую большую серию лепных сосудов; более 90% их не орнаментировано (табл. 3). Лепная керамика средневековых памятников восточной Карелии, ставших объектом археологического исследования в последние десятилетия, также почти полностью лишена орнаментов [70, с. 101; 71, с. 155]. Исключение составляют сосуды из Челмужских курганов с узорами типов VI и XIV. Лишь единичные фрагменты орнаментированной лепной керамики найдены в Старой Ладоге, на средневековых поселениях и в курганах Приильменья, Помостья и бассейна верхней Мологи. Полностью лишена орнаментов лепная керамика Углицкого Поволжья [20]. В Ярославских курганах, напротив, найдено значительное число орнаментированных сосудов (табл. 2). Но в отличие от шекснинской керамики почти две трети фрагментов ярославской посуды украшено лишь по краю венчика. На сосудах, орнаментированных по тулову, отсутствуют знакомые нам по Белоозеру отпечатки рамочного и решетчатого штампов, плоские треугольные вдавливания, оттиски фигурного чекана и веревочных петель (табл. 3). Валиковый орнамент, оттиски кольцевидных и мелкозубчатых штампов встречены лишь на единичных сосудах. Преобладают наиболее простые узоры; композиции типов VI, VII, X—XII, XVII, XVIII не представлены. Появление на лепной посуде Ярославских могильников сложных орнаментов типа XIX связано, как мы пытались доказать, с притоком населения из Прикамья [68]. Значительное сходство с белозерскими обнаруживают орнаменты нескольких лепных горшков из бассейна Ваги. Сосуды украшены гребенчатым и кольцевидным штампами, узоры относятся к типам II, VII и XIX. Первые два типа редко встречаются за пределами Белозерья.

Довольно существенная близость наблюдается между шекснинской и камско-вычегодской орнаментикой. Она выражается прежде всего в большом удельном весе орнаментированной керамики на памятниках обоих регионов. Лишь в финно-угорских культурах Камско-Вычегодского края известны керамические комплексы, в которых орнаментировано более 50% всех лепных сосудов. Здесь известны аналогии как почти всем элементам белозерских орнаментов (включая редкие), так и большинству типов композиций. Особо отметим широкое распространение оттисков мелкозубчатых, решетчатых, фигурных и кольцевидных штампов, отпечатков линейной веревочки и веревочных петель. Укажем на еще одну особенность, сближающую белозерские и камско-вычегодские орнаменты. Это многоярусность композиции, стремление покрыть штампованным орнаментом всю верхнюю половину сосуда. Данная тенденция выражена в белозерской орнаментике слабее, чем в камско-вычегодской, и совершенно не наблюдается в орнаментике более западных областей, где штампованные орнаменты образуют узкую полоску на плечике сосуда.

---

[20] Материалы раскопок М. В. Фехнер в 1955—1960 гг. ГИМ, опись № 1767, 1768, 1773, 1794, 1778, 1782, 1816.

Сравнение орнаментики шекснинских памятников с орнаментикой соседних территорий позволяет дополнить представление о географии распространения некоторых узоров. Типы I и III могут быть охарактеризованы как широко распространенные, встречающиеся в культурах разной этнической принадлежности. Близкую характеристику им дает и Л. А. Голубева [5, с. 156]. С другой стороны, выделяется группа орнаментов, характерная в основном для Камско-Вычегодского края и представленная в Белозерье небольшой серией композиций (типы XIX—XXII). В Прикамье эти орнаменты преобладают, их непрерывное бытование прослеживается здесь начиная с I тысячелетия до н. э. [22, с. 195, 196; 27, с. 55, 56]. Появление данных композиций в Белозерье объясняется притоком сюда некоторого количества переселенцев из Камско-Вычегодского края и в меньшей степени — культурными контактами.

Имеется и другая группа орнаментов, аналогии которой отмечены в Камско-Вычегодском крае (типы VI—XII, XVII, XVIII). С предыдущей группой их сближает нарядность, большая ширина орнаментированной полосы и определенная сложность построения узоров. Но у пермских финно-угров удельный вес этих орнаментов невелик, в то время как на Шексне доля их составляет 12—20%. Не исключая возможности заимствования некоторых узоров (особенно типов XVII, XVIII), мы рассматриваем эту группу как своеобразную переработку пермско-финской орнаментики, придавшую неповторимый колорит керамике Белозерья. В результате сходных процессов орнаменты этих типов появились и в других районах севера: в Заонежье (Челмужи) и на Ваге (Корбола). Отмечая общие черты между орнаментами Белого озера и Шексны, с одной стороны, и Камско-Вычегодского края — с другой, мы не должны упускать из вида и некоторые принципиальные различия. Во-первых, в Белозерье две трети орнаментированной керамики украшено самыми простыми узорами типов I—III, а в Прикамье преобладают сложные композиции. Во-вторых, выходя за рамки нашей темы, укажем, что подавляющая часть белозерской посуды плоскодонная, а керамика Камско-Вычегодского края имеет плавный переход от стенок к днищу, обычно округлому.

Орнаментальный комплекс керамики Белого озера и Шексны сложился на основе контактов западнофинского и поволжско-финского населения, изготовлявшего в конце I тысячелетия н. э. неорнаментированную или бедно орнаментированную посуду, и пермской группы финно-угров, имевших традицию богато украшать керамику. Эти контакты были обусловлены географическим положением Белозерья, возможно, особой активностью местного населения и проявились в различных сторонах материальной культуры, впитавшей в себя прибалтийско-финские и пермско-финские компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сухов П. А.* Славянское городище в Южном Белозерье IX—X вв.— МИА, 1941, № 6.
2. *Третьяков П. Н.* Северные восточнославянские племена.— МИА. 1941, № 6.
3. *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.— МИА, 1941, № 6.
4. *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги.— СА, 1951, т. XV.
5. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973.
6. *Golubeva L. A.* The White Lake Area and The Volga Water-way.— Fenno-Ugri et Slavi. 1978. Helsinki, 1980.
7. *Голубева Л. А., Макаров Н. А.* Работы Белозерской экспедиции.— АО-1980. М., 1981.
8. *Тухтина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
9. *Тухтина Н. В.* Новый памятник веси на реке Суде.— Ежегодник ГИМ, 1965—1966 гг. М., 1970.
10. *Тухтина Н. В.* Работы Вологодской экспедиции.— АО-1977. М., 1978.
11. *Тухтина Н. В.* Работы Вологодской экспедиции.— АО-1979. М., 1980.
12. *Тухтина Н. В.* Работы Вологодской экспедиции.— АО-1980. М., 1981.
13. *Никитин А. В.* Городище и могильник у д. Крестцы.— КСИА, 1974, вып. 139.
14. *Никитин А. В.* Археологические исследования в Вологодской области.— В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973.

15. *Никитин А. В.* Вологодская и Каргопольская экспедиции.— АО-1974. М., 1975.
16. *Гуслистов Н. В., Никитин А. В.* Вологодская экспедиция.— АО-1975. М., 1976.
17. *Гуслистов Н. В.* Курганы и жальник у деревень Тимошкино и Ярцево Вологодской области.— КСИА, 1981, вып. 166.
18. *Ошибкина С. В., Макаров Н. А.* Отчет о работах Северной экспедиции в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7451.
19. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках в Архангельской и Вологодской областях в 1980 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 7956.
20. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках и раскопках в Вологодской области в 1981 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4061.
21. *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика.— Тр. XI АС. Т. I. М., 1901.
22. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, № 28.
23. *Семенов В. А.* Из истории удмуртского народного орнамента.— Вопросы финно-угорского языкознания (Ижевск), 1967, вып. IV.
24. *Иванова М. Г.* Хозяйство северных удмуртов в конце IX — начале XII в. н. э.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
25. *Куратов А. А.* Археологические памятники Архангельской области. Архангельск, 1978.
26. *Овсянников О. В.* Отчет о работе Северо-Двинского отряда в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6529а.
27. *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X—XIV вв.— МИА, 1951, № 22.
28. *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.
29. *Савельева Э. А., Истомина Т. В.* Отчет Вымского отряда Северо-двинской экспедиции Сыктывкарского гос. университета за 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7486.
30. *Tonisson E.* Linnamäld ja Maali. Tallin, 1966.
31. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
32. *Семенов В. А.* Варнинский могильник.— В кн.: Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.
33. *Генинг В. А.* Могильник чепецкой культуры у д. Весья-кар.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
34. *Голдина Р. Д.* Отчет об исследованиях Камско-Вятской экспедиции летом 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5199.
35. *Cleve N.* Skeletgravfälten pa Kjuloholm i Kjulo. V. I.— SMYA, 1943, v. XLIV.
36. *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода.— КСИА, 1976, вып. 146.
37. *Семенов В. А.* К истории развития удмуртского народного орнамента по данным археологии.— В кн.: «Проблемы изучения народного искусства». Науч. конф. (Краткие тез. докл.). Л., 1972.
38. *Генинг В. Ф.* Мыдлань-шай — удмуртский могильник VIII—IX вв.— ВАУ, 1962, вып. 3.
39. *Cleve N.* Skeletgravfälten pa Kjuloholm i Kjulo. V. II.— SMYA, 1978, v. XLIV, 2.
40. *Kivikoski E.* Kvarnbaken. Helsinki, 1963.
41. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
42. *Носов Е. Н.* Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом.— В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
43. *Орлов С. Н.* Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом.— КСИА, 1973, вып. 135.
44. *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в 1976 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6153а.
45. *Орлов С. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Демянском районе Новгородской области на городище Княжая Гора в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7166а.
46. *Леонтьев А. Е.* Отчет о работах Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5987б.
47. *Оборин В. А.* Некоторые проблемы изучения радановской культуры.— Уч. зап. Молотов. ун-та (Пермь), 1956, т. XI, вып. 3.
48. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе.— ВАУ, 1970, вып. 9.
49. *Кананин В. А.* Исследование городища Шудья-кар в верховьях Камы.— КСИА, 1980, вып. 160.
50. *Голдина Р. Д.* К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
51. *Архипов Г. А.* Отчет о раскопках Дубовского могильника летом 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7791.
52. *Оборин В. А.* Памятники родановской культуры у с. Таборы.— КСИИМК, 1956, вып. 65.
53. *Портнягин П. Г., Харитонов Г. В.* Раскопки селища Белый городок на Средней Мологе.— КСИА, 1977, вып. 148.
54. *Selirand J.* Eestalaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioddil. Tallin, 1974.
55. *Жиганов М. Ф.* К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э.— СА, 1961, № 4.
56. *Вихляев В. П.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.
57. *Кравченко Т. А.* Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.

58. *Семенов В. А.* Кыпкинский могильник X—XII вв.— В кн.: Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск, 1979.
59. *Талицкий М. В.* Кочергинский могильник.— МИА, 1940, № 1.
60. *Матвеев С. Г.* Городище Сабанчи-кар.— Тр. Науч. о-ва по изучению Вотского края (Ижевск), 1928, вып. IV.
61. *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у д. Слобода Глушица.— В кн.: *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
62. *Горюнова Е. И.* Отчет о работе Верхневолжского отряда Волжской экспедиции в 1960 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2101а.
63. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1973.
64. *Архипов Г. А.* Отчет Первого марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4560.
65. *Савельева Э. А., Малышев Н. П.* Отчет об археологических исследованиях Северодвинской экспедиции в 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р-1. № 5859.
66. *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche keramik in Schweden. Stockholm, 1955.
67. *Голдина Р. Д.* Отчет об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции летом 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5577, т. II.
68. *Макаров Н. А.* Чашевидные сосуды средневековых памятников Верхневолжско-Шекснинского района.— КСИА, 1983, вып. 175.
69. *Смирнов А. П.* Донды-Карское городище.— Тр. Науч. о-ва по изучению Вотского края (Ижевск), 1928, вып. IV.
70. *Песонен П. Э.* Памятники раннего средневековья на Муромском озере.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972.
71. *Косменко М. Г.* Двухслойное поселение в устье р. Суны.— В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.

N. A. Makarov

ORNAMENTS ON 10th-11th-CENTURY MODELLED POTTERY FROM LAKE BELOYE

Summary

The article systematises the ornaments found on 10th-11th-century pottery from Lake Beloye which were mostly stamped ones. Twenty-three types of ornamental compositions have been singled out according to the distribution of individual patterns (I-XXIII). Types I and III are most frequently met with in the vicinity of Lake Beloye. Compositions of types XIX—XXII originated in the Kama region. Compositions of types VI-XII and XVII, XVIII are local variations of Permian-Ugric patterns. It is precisely they that rendered special originality to the pottery from Lake Beloye. It must be indicated that on the whole the pattern range on the modelled pottery found on the sites in the upper reaches of the Sheksna River and Lake Beloye environs differ greatly from that found in other regions of the North-East of Europe. It is a result of contacts between the west finnish population and the Finns living in the Volga area which made in the late first millennium non-or poorly ornamented pottery and the Permian group of the Ugro-Finns who made lavishly embellished pottery.

НЕДОШИВИНА Н. Г., ФЕХНЕР М. В.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТИМЕРЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Материал могильников, расположенных в радиусе 10—12 км от Ярославля, является основным и исключительным по своей значимости источником, раскрывающим социальный и этнический состав обитателей Верхнего Поволжья эпохи раннего средневековья, их хозяйство и религиозные воззрения. На основании этого источника в известной мере можно судить и о времени сложения феодальных отношений на данной территории.

Наиболее хорошо сохранившимся, ярким памятником, оставленным местным населением, является курганное кладбище из 485 насыпей площадью в 4,5 га близ д. Большое Тимерево на правом берегу р. Сечки — притока Которосли. Некоторые курганы повреждены или полностью разрушены любительскими раскопками, кладоискательскими ямами и проложенным в 1940-х годах через территорию могильника скотопрогоном. Первоначально могильник занимал большую площадь и насчитывал большее число могил. По архивным данным известно, что на поле, примыкающем с юго-востока к курганному массиву, еще в начале XX в. стояли курганы [1]. Отдельные предметы погребального инвентаря из этих уничтоженных распашкой насыпей сохранились в земле и были найдены в 1973 и 1976 гг. экспедицией ЛГУ [2, с. 127—129].

Изучение Тимеревского некрополя началось с 70-х годов XIX в. Здесь производили небольшие раскопки выборочным порядком А. И. Кельсиев и И. Аспелин, члены VII Всероссийского археологического съезда в Ярославле И. А. Тихомиров, И. С. Абрамов. Более крупного масштаба археологические работы проведены Я. В. Станкевич в 1938—1939 гг., раскопавшей 26 курганов [3, с. 82—84]. В 1959—1962 гг. раскопки могильника близ Тимерева продолжены совместной экспедицией ГИМ, ИА АН СССР и Ярославского музея-заповедника, результаты которой опубликованы в 1963 г. [4]. В 1974 г. ГИМ возобновил работы в Тимереве, и в течение пяти полевых сезонов памятник был полностью доследован[1] (рис. 1). В 96 вскрытых за эти годы курганах в Тимереве обнаружены деревянные погребальные камеры, значительное число захоронений с предметами вооружения, украшениями, монетами и предметами культа. Вновь найденный материал дает возможность уточнить хронологические рамки существования некрополя и пересмотреть некоторые вопросы социально-экономической и этнической истории Ярославского Поволжья, отраженные в публикации 1963 г., что и побудило вновь обратиться к этой теме.

Нами проведен анализ погребальных обрядов и инвентаря, в основу которого положен весь найденный в данном некрополе материал, в том числе и ранее изданный, а также материал из двух захоронений, обнаруженных И. В. Дубовым.

Из сохранившихся курганов в 404 (83,5%) обнаружены остатки захоронений, 30 (6%) оказались пустыми, 45 насыпей (9,5%) были ранее раскопаны, но отчетные данные по ним не сохранились; в число последних входят и наиболее крупные курганные насыпи в центральной части кладбища. В шести курганах (1%) отсутствовали человеческие костные остатки и прослеживался лишь тонкий зольно-угольный слой, несколько обгорелых плах, обломки керамики, единичные предметы украшения и

[1] Большинство исследованных нами курганов были ранее копаны или частично разрушены.

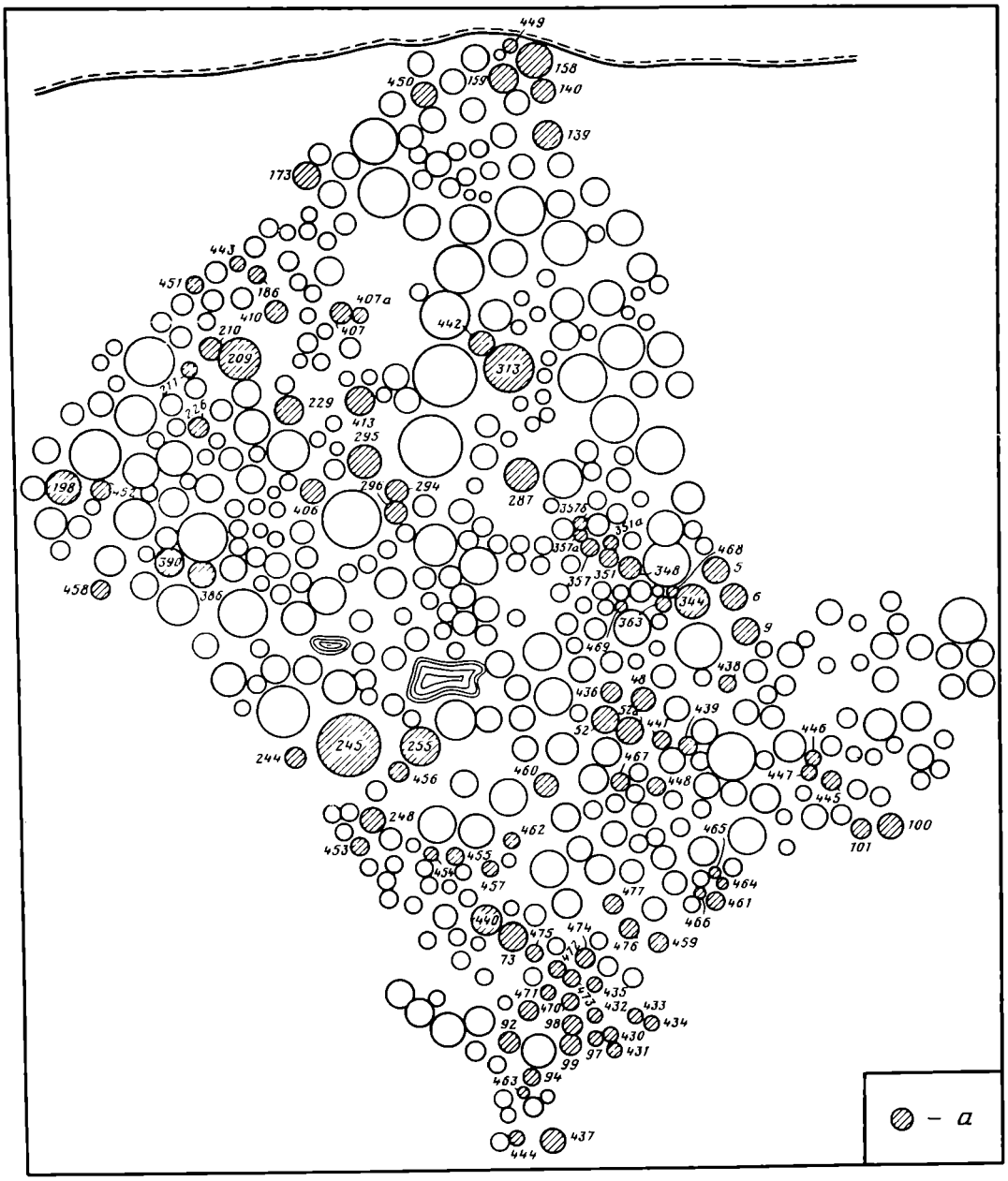


Рис. 1. Курганный могильник близ д. Большое Тимерево. *а* — курганы, раскопанные в 1974—1978 гг.

кости жертвенных животных. Такие погребальные насыпи отнесены нами к числу кенотафов (кург. 211, 320, 444, 456, 465, 469). За вычетом пустых курганов, кенотафов и курганов, обстоятельства раскопок которых неизвестны, мы располагаем материалом по 464 погребениям, которые вошли в статистическую обработку: из них 71% представляют остатки кремаций и 29% — ингумаций.

Курганы, как правило, содержали по одному захоронению, однако встречаются и 2—4 погребения под одной насыпью. В 19 курганах встречены погребения, совершенные как по обряду кремации, так и ингумации. В двух случаях они являлись одновременными (кург. 73, 237). Два раза отмечены также остатки трупосожжения, захороненные в верхней части курганов, насыпанных над ингумированными покойниками (кург. 69, 98). В остальных же курганах трупоположения являлись вводными погребениями, только частично нарушившими первичные захоронения — трупосожжения, а в 6 курганах их даже не затронувших (кург. 72, 79, 94, 95, 236, 300). Это, очевидно, свидетельствует о том, что на вершине курганов ставились какие-то опознавательные знаки.

По костным остаткам и погребальному инвентарю среди исследованных курганов можно выделить 93 мужских захоронения, 79 женских, 39 детских и 34 парных, т. е. совместных захоронений мужчин и женщин или взрослого с ребенком. Половую принадлежность и возраст погребенных в остальных 219 погребениях определить не удалось [2].

Для воссоздания этнокультурной характеристики могильника особого внимания заслуживает рассмотрение погребальной обрядности, присущей Тимеревским курганам.

В Тимереве, как и в других некрополях Восточной Европы и Фенноскандии VIII—X вв., в археологическом отношении достаточно полно исследованных, по которым поэтому и возможны обобщения [3], встречаются две разновидности кремации: сожжения, произведенные на месте насыпки курганов, и сожжения, совершенные на стороне, с переносом затем праха в курганные насыпи. Последние встречаются в могильниках всегда в меньшем числе, чем курганы с сожжениями на месте [4, с. 12]. Например, в Тимереве они составляют 31% от общего числа всех курганов с сожжениями. Вопрос о том, чем вызваны эти различия в погребальной обрядности, до сих пор является дискуссионным.

И. И. Ляпушкин, известный исследователь славянских древностей Восточной Европы, опираясь на материал не полностью исследованных курганных памятников лесной и лесостепной зон РСФСР, затрудняется в определении количественного соотношения этих двух видов кремации. Однако полагая, что в трупосожжениях на стороне превалирует лепная керамика, в отличие от курганов с трупосожжениями на месте, где керамика, как правило, сделана на гончарном круге, он приходит к заключению, что «курганы с трупосожжением на стороне в массе своей хронологически предшествуют курганам, в которых трупосожжения совершены на месте» [5, с. 112]. К такому же выводу о хронологическом несовпадении этих двух видов кремации пришел И. В. Дубов в ряде своих работ, посвященных ярославским памятникам [2, с. 131, сноска 37]. Анализируя погребальный обряд из Тимерева, он отмечает, что к IX в., т. е. к начальной стадии существования могильника, относятся курганы с трупосожжениями на стороне, общими признаками которых являются небольшие размеры насыпей, наличие лепной керамики, костей жертвенных животных и каменных конструкций на материке или в насыпи. Эти курганы, представляя собой древнейшее ядро некрополя, проходят с юга на север узкой полосой через всю территорию могильника. Замена трупосожжений на стороне сожжениями на месте происходит, по мнению исследователя, в первой половине X в.; в середине того же столетия, в пору расцвета могильника, курганы содержат исключительно сожжения на месте. К этому времени увеличиваются размеры насыпей, захоронения сопровождает богатый погребальный инвентарь [2, с. 132, 133, 135, 138, 140, 141]. Проверим положения И. В. Дубова на конкретном материале из Тимерева.

Из 464 захоронений 225 совершены по обряду кремации на месте и 103 вне кургана. Картирование этих погребений показало, что курганы обеих групп топографически не обособлены, они встречаются на всей территории кладбища и по своему внешнему облику неразличимы (рис. 2). Сравнивая размеры полностью сохранившихся курганов обеих групп, мы убеждаемся, что большой разницы между ними нет. Среди курганов с трупосожжениями на месте, как и с трупосожжениями на стороне, имеются насыпи высотой от 0,2 до 0,7 м при диаметре 2—4 м и отдельные насыпи, достигающие 1,6—2,0 м высоты и диаметра 11—20 м. Высота же большинства курганов (68%) с кремациями на месте колеблется от 0,35 до 1,15 м при диаметре 5—8 м, а высота 60% курганов с кремациями на стороне при таком же диаметре равняется 0,4—1,4 м (рис. 3).

[2] Костный материал из раскопок 1939 г. определен В. Карачаевским, из раскопок 1959—1962 гг.— Е. Г. Андреевой и М. М. Герасимовым, из раскопок 1974—1978 гг.— Е. Г. Андреевой.

[3] Могильники Вышневолоцкие, Петровский, Михайловский, Шестовицкий, Гнездовский; некрополи Киева, Пскова, Бирки, Аландских островов и Готланда.

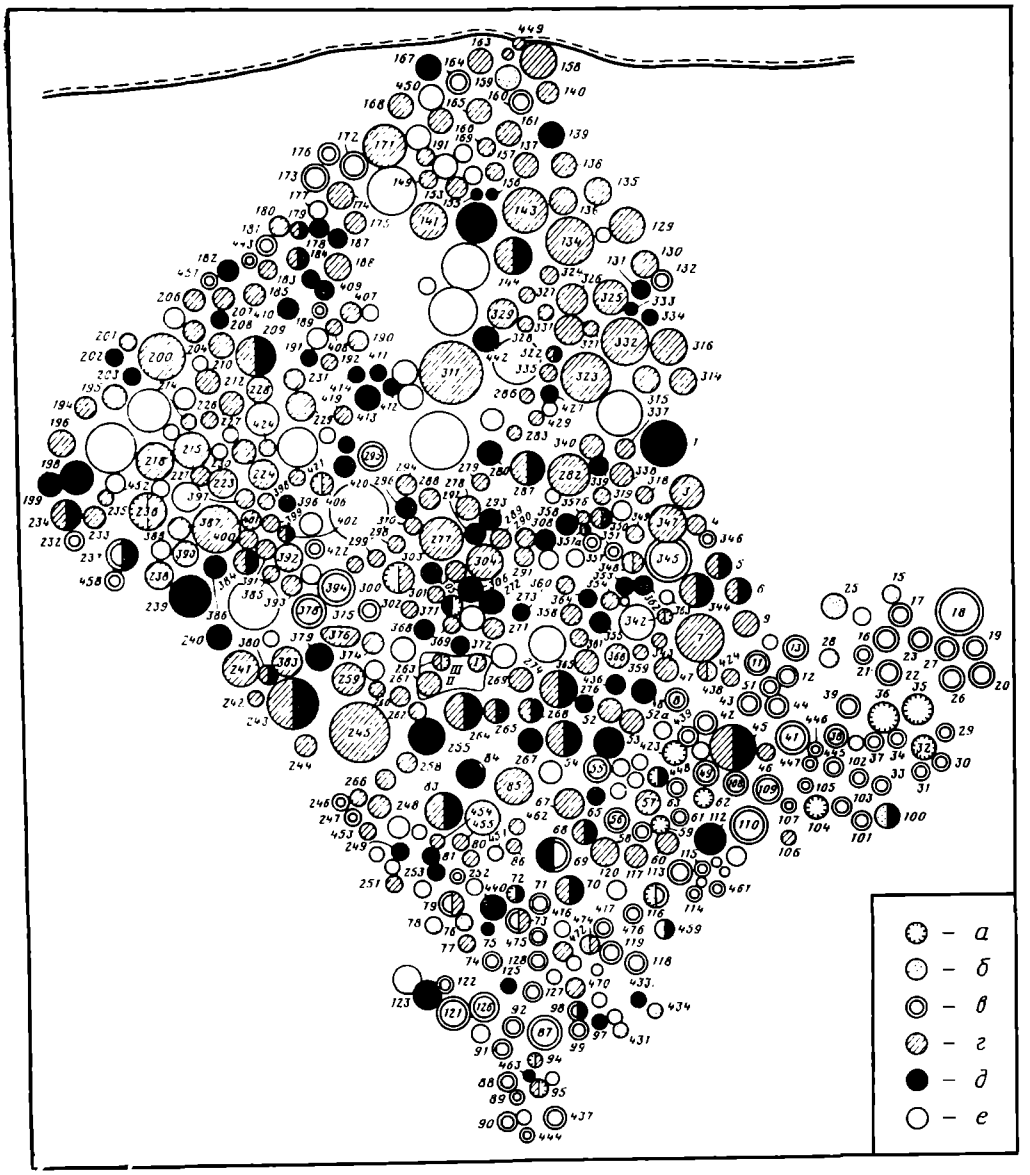


Рис. 2. Погребальный обряд Тимеревского могильника. *а* — трупоположение в насыпи; *б* — трупоположение в яме; *в* — трупоположение на материке; *г* — кремация на месте; *д* — кремация на стороне; *е* — данных нет

Детальное изучение материалов этих двух групп показало, что погребальный инвентарь их идентичен. Он состоит из одинаковых по форме глиняных сосудов, бронзовых украшений, железных и костяных поделок, глиняных бобровых лап и не связан с половозрастными и этническими различиями. Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство керамики приходится на долю лепной; иногда она является единственной находкой при сожжении. Ее зафиксировали при 155 сожжениях на месте и в 64 сожжениях на стороне. Круговая керамика встречена лишь в 3 сожжениях на месте и в 6 кремациях на стороне, притом в некоторых погребениях совместно с лепной. Таким образом, тезис И. И. Ляпушкина и И. В. Дубова, что для трупосожжений на стороне типичной является лепная керамика, а для трупосожжений на месте — гончарная, не находит подтверждения на материалах Тимеревского могильника.

В курганах с трупосожжениями на стороне погребальный инвентарь обычно беднее, чем в курганах с сожжениями на месте. Это объясняется, видимо, тем, что сильно пострадавший от огня инвентарь не всегда полностью переносился в сосуды, где сохранялись останки умершего до помещения их в насыпь кургана. Однако встречаются курганы с сожжениями на стороне и со значительным погребальным инвентарем: брон-

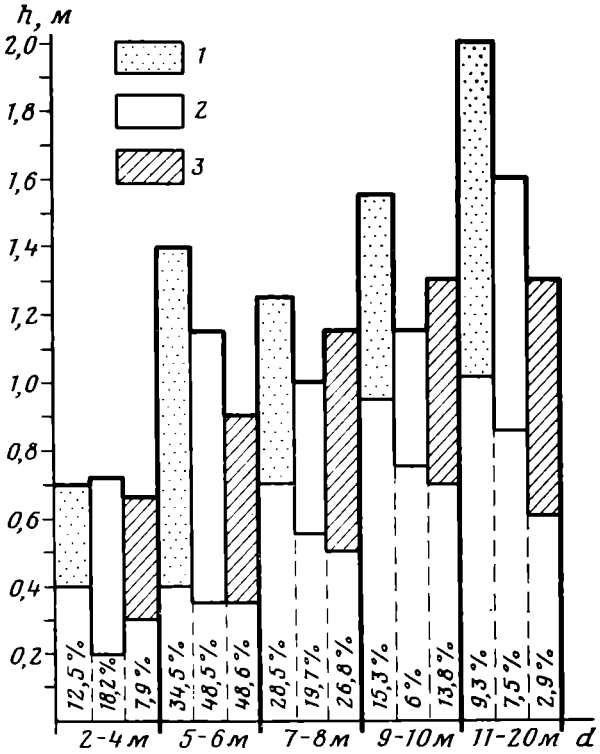


Рис. 3. Размеры курганных насыпей Тимеревского могильника, *1* — кремация на стороне; *2* — кремация на месте; *3* — ингумация

зовыми фибулами, поясными бляшками, фрагментами шкатулок и др. (кург. 53, 144, 265, 368). Среди сожжений обеих групп имеются также безынвентарные захоронения. Они составляют около 30% сожжений на стороне и 15% сожжений на месте, из чего следует, что применение этих обрядов не связано с имущественными и социальными различиями.

Сходство между данными видами кремации проявляется и в таких деталях погребальной обрядности, как в способах размещения человеческих останков в курганной насыпи (рис. 4). В курганах с трупосожжениями на месте кости чаще всего лежат на погребальном костре в нетронутом виде (36%) или собраны в груды, которые оставлялись на кострище (23%); иногда кости выносились в верхнюю часть насыпи (15%), реже — в материковую яму под кострищем (5%). В некоторых погребениях жженные кости собраны на кострище в груды и частично вынесены в насыпь (7%) или находились в урнах, которые стояли на кострище (8%), или в материковой яме (1%). Те же разновидности в размещении кальцинированных костей в курганах прослеживаются и в трупосожжениях на стороне (рис. 5). В большинстве случаев кости лежат грудой в верхней части насыпи (41%), на материке (24%) или в неглубокой грунтовой яме (17%). Процент захоронения в урнах здесь выше, чем в трупосожжениях на месте, что является вполне естественным. Такое же разнообразие в характере размещения человеческих останков в курганах представлено и в других памятниках древней Руси, а также в Дании, Скандинавии и Прибалтике, что указывает на широкое распространение этого явления среди разных племен и народов [4, с. 12]. Однако выявить причины, вызвавшие эти различия в способах размещения останков покойников в курганах, на археологическом материале пока не удается.

Примерно половина всех курганов с сожжениями содержала кальцинированные кости жертвенных животных, что являлось одной из характерных особенностей погребений. В обеих группах при всех вариантах в способах захоронения человеческих костей в курганах чаще всего представлены: кости лошади (в 54 кремациях на месте и в 10 на сторо-

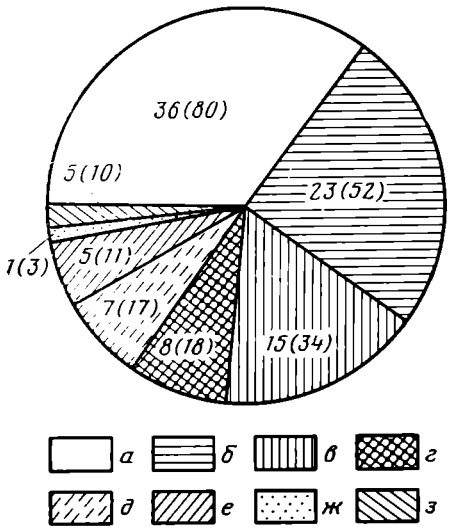


Рис. 4

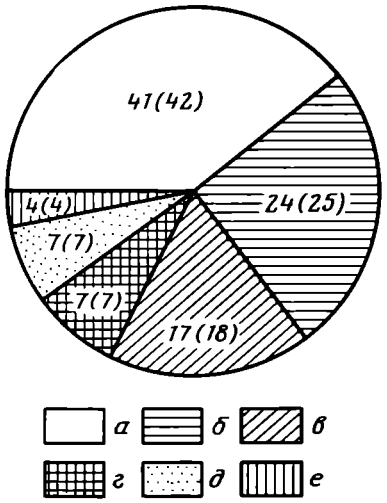


Рис. 5

Рис. 4. Захоронения человеческих останков в курганах с трупосожжением на месте (225 захоронений; цифры перед скобками — проценты, в скобках — количество захоронений). *а* — кости на кострище в нетронутом виде; *б* — кости на кострище собраны в груды; *в* — часть костей с кострища вынесена в насыпь; *г* — кости на кострище собраны в урны; *д* — кости на кострище собраны частично в груды, частично вынесены в насыпь; *е* — часть костей захоронена в яме под кострищем; *ж* — часть костей в яме под кострищем в урне; *з* — следы сожжений на материке

Рис. 5. Захоронения человеческих останков в курганах с трупосожжениями на стороне (103 захоронения; цифры перед скобками — проценты, в скобках — количество захоронений). *а* — кости грудой в насыпи; *б* — кости грудой на материке; *в* — кости грудой в грунтовой яме; *г* — кости в урнах на материке; *д* — кости в урнах в грунтовой яме; *е* — кости в урнах в насыпи

не), собаки (в 50 кремациях на месте и в 6 на стороне), крупного рогатого скота (в 35 кремациях на месте и в 7 на стороне) и свиньи (в 9 кремациях на месте и в 3 на стороне). Кости домашней птицы во всех курганах были нежженными и лежали отдельными скоплениями (рис. 6).

Наконец, сходство между рассматриваемыми группами погребений наблюдается и в наличии в курганах камней и каменных конструкций (в 24 сожжениях на месте и в 20 на стороне), имевших, по всей видимости, ритуальное значение (табл. 1). Так, например, в 11 курганах камни различных размеров окружали кольцом кострище или груду кальцинированных костей — остатки трупосожжения на стороне. В ряде погребений урны с человеческими костями были обложены камнями, стояли на каменных плитах или были накрыты плоскими камнями, прикрывали груды костей на кострищах и в насыпях. В ряде случаев после сожжения покойников погребальный костер забрасывался камнями, как об этом свидетельствует бессистемное скопление необожженных камней на кострищах. Некоторые исследователи считают, что камни в погребениях следует рассматривать как магическое средство, охраняющее живущих от злых чар покойника [6, с. 32].

Заслуживает внимания и тот факт, что в 25 курганах Тимерева находились остатки двух трупосожжений, из которых одно было совершено на месте, а другое вне кургана. Вероятно, здесь погребены члены одной семьи. В 19 случаях остатки этих двух видов кремации были захоронены в насыпи одновременно, а в шести — остатки сожжения на стороне оказались вводными в курганы с сожжениями на месте.

Исходя из вышеизложенного, трудно согласиться с распространенным в археологической литературе необоснованным утверждением, противоречащим фактическому материалу, о хронологическом несовпадении этих двух видов кремации, из которых трупосожжение на стороне предшест-

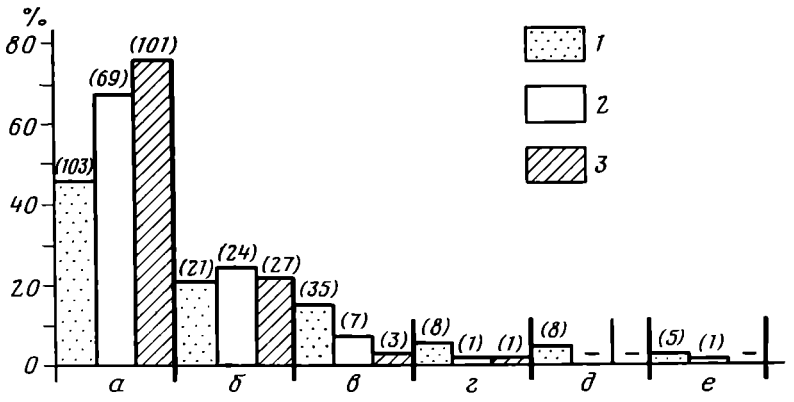


Рис. 6. Наличие костей животных в погребениях Тимеревского могильника (цифры в скобках — количество захоронений). *1* — кремация на месте; *2* — кремация на стороне; *3* — ингумация: *а* — без костей животных; *б* — с одним видом животных; *в* — с двумя видами; *г* — с 3—4 видами; *д* — с 5—7 видами; *е* — с неопределенными видами

вовало сожжению, совершенному на месте сооружения кургана. Нельзя также согласиться и с точкой зрения некоторых исследователей, что в Восточной и Западной Европе конца I — начала II тыс. н. э. эти две формы трупосожжения связаны с этническими различиями [7, с. 52]. Анализ курганного материала Тимерева, показавший существование двух видов кремации, привел к заключению, что их применение, как неоднократно нами отмечалось ранее, зависело от климатических и сезонных условий. Вполне естественно, что в зимнее время сооружение земляных

Таблица 1

Наличие камней в погребениях Тимеревского могильника

Разновидности использования камней при захоронении	Кремация на месте		Кремация на стороне	
	№ курганов	количество	№ курганов	количество
I. Расположение в виде круга или полукруга				
а) на материке или в насыпи вокруг погребения	209, 393, 348 (погр. 1)	3	53, 144, 267, 272, 362, 371, 396, 436	8
б) вокруг материковой ямы с костями			142	1
в) вокруг урны с костями	282, 398	2	202, 368, 380	3
II. Камни над остатками захоронения				
а) прикрывают урну с костями	261, 337	2	273	1
б) прикрывают материковую яму с костями	243	1	53, 442	2
в) прикрывают груду с костями на материке или в насыпи	137, 138, 265, 304, 325	5		
III. Остатки жженых костей на каменной плите	315, 327	2	123, 239, 264 303, 371, 396	6
IV. Камни по краям кострища	141, 294	2		
V. Камни беспорядочно разбросаны на кострище	6, 200, 238, 264, 406	5		
VI. Большой камень или каменная плита в центре кострища	212, 228, 261	3		

насыпей над погребениями представляло большие трудности, и останки покойников, умерших зимой, сохраняли до весны, когда их переносили на кладбище. К такому же выводу пришла шведская исследовательница Анна Грэслунд в работе, посвященной погребальным обрядам Бирки. Она приводит интересный факт, что еще в XIX в. во многих областях Швеции выкапывалась ранней осенью, обычно вблизи церкви, большая общая могила, куда временно, до весны, помещались гробы с покойниками, умершими в течение зимы. Длина этой могилы ежегодно определялась, исходя из количества покойников предыдущей зимы. С наступлением теплой погоды гробы с покойниками переносились на кладбище [8, с. 61, 75]. Надо также иметь в виду, что процентное соотношение курганов с трупосожжениями на месте и на стороне зависело, несомненно, еще и от того, что наибольшее число летальных случаев падает обыкновенно на весенне-осенний периоды, т. е. на время, когда сооружение земляной насыпи над погребальным костром оказывалось возможным. Этим и объясняется, что кремации на месте во всех средневековых могильниках преобладают над кремациями на стороне.

Обратимся теперь к 132 курганам Тимеревского кладбища, содержавших захоронения по обряду трупоположения, которые составляют 29% от общего числа всех погребений могильника. Размеры их различны, однако преобладают курганы диаметром 5—8 м при высоте в среднем 0,4—1 м. Трупоположения Тимеревского могильника делятся на три группы: погребения на материке, в могильной яме и в насыпи кургана.

К первой группе относятся 103 захоронения, причем если в 50 насыпях сохранились костяки погребенных, то в 53 курганах кости не обнаружены. Однако наличие на материке вещей (сосудов, ножей, гвоздей от гроба и т. д.) позволяет отнести и эти насыпи к погребениям на горизонте.

Трупоположения на материке являются, как правило, единственными захоронениями в кургане. Исключение составляют 8 насыпей, в которых, кроме основного захоронения на горизонте, найдены в 6 случаях (кург. 69, 73, 79, 98, 237, 448) остатки сожжений, а в 2 (кург. 116, 263) — вводные трупоположения в насыпи.

Во второй группе отмечено 17 погребений. Это одиночные и единственные захоронения в курганах, лишь в 5 случаях (кург. 100, 348, 424, 459, 474) они являются вводными в курганы с сожжениями.

Могильные ямы имеют различные размеры: длина их колеблется от 1,6 до 3 м, ширина — от 0,75 до 2 м. Чаще всего встречаются ямы длиной 2,5—2,7 м при ширине 1—1,5 м. Глубина ям в среднем равнялась 0,2—0,4 м; только в пяти погребениях (кург. 25, 348, 452, 457, 459) она доходила до 0,5—0,7 м.

Особого внимания заслуживают кург. 100 и 459, под насыпями которых открыты необычные по своим размерам могильные ямы[4]. Обнаруженный в них материал отличается богатством и разнообразием. Видимо, покойники, захороненные здесь, принадлежали к социальной верхушке общества.

Среди ямных погребений следует отметить кург. 348, в котором была похоронена женщина в сидячем положении (ориентировка — головой на запад). Этот обряд достаточно широко встречается в погребальных памятниках древней Руси, известен он и в скандинавских странах [9, с. 174, 175; 10, с. 188, 200, 208, 352]. Инвентарь данного захоронения характерен для норманских древностей.

К третьей группе (погребения в насыпи) относится 20 захоронений в 17 курганах. Из них 7 находилось, по-видимому, на небольшой подсыпке (15—20 см), а 13 являлись вводными в ранее сооруженные курганы с сожжениями (кург. 72, 94, 95, 236, 300, 363, 371, 448) и трупоположениями (кург. 116, 263). В одном из них обнаружены расчлененные костяки.

Ориентировка погребенных в курганах с трупоположениями может быть определена только в 67 случаях. Из них 36 костяков обращены го-

[4] В кург. 100 — яма 5,2×3,75×0,3 м; в кург. 459 — яма 3,75×3,3×0,75 м.

ловой на запад и 19 — на юго-запад. Шесть погребенных лежали по линии З—В, однако топография этих захоронений (они находятся там, где сосредоточена основная масса погребений с западной ориентировкой) позволяет предположить, что и они были обращены головой на запад. В остальных 6 курганах костяки обращены головами на север, северо-запад, восток, юго-восток, вытянуты по линии СЗ—ЮВ и С—Ю. Следует подчеркнуть, что все погребенные в ямах были обращены головой на запад или юго-запад, а в одном — на северо-запад. Единичные случаи отклонения от западной и близкой к ней ориентировке встречены только в трупоположениях на горизонте в юго-восточной части могильника. Заметим, что все они по деталям обряда и по инвентарю не отличаются от основной массы захоронений с западной или юго-западной ориентировкой.

Возникает вопрос, не следует ли отнести погребения с западной и юго-западной ориентировками к разным этническим группам. Однако ни детали обряда, ни набор инвентаря, общий для обеих групп, не дает оснований для таких предположений.

Интересно, что в 58 курганах с трупосожжениями второй половины X в. также удается определить положение покойника на погребальном костре, судя по ориентировке кострищ и по расположению на зольно-угольном слое человеческих костей и погребального инвентаря. В 24 случаях они были ориентированы с севера на юг, в 15 — с северо-запада на юго-восток, в 2 — с северо-востока на юго-запад и в 17 — с запада на восток.

Кострища с З—В ориентировкой в отличие от кострищ других ориентировок, которые встречаются в разных частях могильника, различаются и по топографии. Из 17 курганов с кострищами подобной ориентировки 9 расположены в восточной части кладбища (кург. 130, 134, 136, 137, 143, 286, 318, 321, 323), 6 — в центральной части (кург. 277, 289, 305, 360, 401, 402) и только 2 находятся на юго-западной границе могильника (кург. 251, 254). Следует отметить тот факт, что в 50% этих захоронений не прослежен ритуал жертвоприношения животных, типичный для финно-угров.

Остановимся еще на некоторых деталях погребальной обрядности, которые встречаются как в курганах с сожжениями, так и при трупоположениях, свидетельствуя о преемственной связи этих видов захоронений. Так, кости животных обнаружены в 31 погребении по обряду трупоположения [5], причем в 27 из них находилось по одному виду животных, в трех — по два и в одном — три вида. Нежженые кости животных встречаются преимущественно в насыпях курганов (24 случая), в двух захоронениях они лежали в сосуде около костяка и в пяти случаях рядом с сосудом в ногах погребенных, кости крупного рогатого скота — в 15 погребениях, лошади — в 15 погребениях, кости свиньи — в трех и барана — в одном захоронении.

Камни и каменные конструкции, игравшие заметную роль в погребениях с трупосожжениями Тимеревского могильника, встречаются и при трупоположениях. Скопления камней находились в насыпи (кург. 444), отдельные камни лежали около костяков (кург. 445, 447) или поверх него (кург. 72), около ног (кург. 263) или у черепа умерших (кург. 17, 237); камнем был накрыт сосуд, стоящий рядом с покойным (кург. 118). Таким образом, почти все детали погребальной обрядности, связанные с положением камней, которые встречены в трупосожжениях, повторяются и в курганах с трупоположениями.

Пережитком обряда трупосожжения является наличие в курганах угля и угольных прослоек, что чаще всего отмечается в погребениях на горизонте (в 16 случаях костяки лежали на угольном слое, в двух — мелкие куски угля обнаружены в насыпях курганов). В ямных захоронениях уголь встречен два раза: в кург. 78 вокруг костяка и под ним

[5] Погребения на материке с костями животных составляют 21,3% от общего количества захоронений на горизонте, ямные с костями — 29%, а захоронения в насыпи — 22%.

обнаружены крупные куски угля, а в кург. 177 над могильной ямой после ее засыпки был разложен большой костер. При захоронениях в насыпи только в одном случае (кург. 263) около черепа покойника находились крупные куски угля и горелая плашка.

По всей видимости, покойников в Тимереве хоронили в гробах, о наличии последних можно судить лишь по находкам гвоздей, обнаруженных в 11 погребениях (6 — на материке: кург, 19, 98, 102, 109, 115, 164; 3 — ямах: кург. 25, 28, 159; 2 — в насыпи: кург. 35, 104). Дерево в курганах сохраняется плохо. Только в четырех случаях прослежены остатки деревянной колоды (кург. 76, 79, 80, 87).

Картирование курганов с трупоположениями показало, что основная их масса расположена в юго-восточной части могильника, на его краю, причем восточная часть этого массива занята только ими, а в южной части они располагаются вперемешку с сожжениями. Небольшие скопления курганов с обрядом трупоположения отмечены в северной и западной частях кладбища и две группы курганов с ингумациями — в центральной его части.

Погребальный инвентарь курганов дает возможность в ряде случаев установить с известной долей вероятности с точностью до полувека даты отдельных захоронений. В Тимереве удалось выделить 218 таких захоронений (111 трупосожжений на месте, 38 — на стороне и 69 ингумаций), относящихся к различным периодам существования могильника. Картирование этих погребений показало, что расчленить могильник на отдельные составные его хронологические части не представляется возможным (рис. 7). Курганы наиболее раннего периода существования могильника, т. е. IX — первой половины X в., не проходят полосой через всю территорию некрополя, вопреки утверждению И. В. Дубова. Из 24 курганов (30 захоронений), которые по находкам отдельных видов бронзовых фибул, ланцетовидных стрел, различных форм каменных бус и монет могут быть отнесены к этому времени, только 8 (10 захоронений) сконцентрированы в южной части могильника, остальные же находятся в разных частях его обширной территории в окружении погребений более позднего времени. Следует особо отметить, что даже среди древнейших курганов рубежа IX—X вв. наряду с трупосожжениями на стороне зафиксированы два случая сожжений на месте (кург. 95, 470).

79 курганов (92 захоронения) относятся ко второй половине X в. Примечательно, что на этот отрезок времени падает большинство трупосожжений, рассеянных по всему полю кладбища: 62% сожжений на месте и 47,5% сожжений на стороне. Известная закономерность в размещении остальных 77 курганов (96 погребений) наблюдается лишь в конце X в. и в начале XI в., т. е. в последний период существования памятника, когда обряд кремации постепенно сменяется ингумацией. Любопытно, что в двух курганах XI в. обнаружены костяки, захороненные одновременно с остатками трупосожжения на стороне (кург. 69, 98).

Наиболее ранним среди трупоположений на материке следует считать кург. 394, в котором найден комплект из скорлупообразной и трилистной фибул второй четверти — середины X в. Второй половиной X в. надо, по-видимому, датировать кург. 237 с дирхемом первой половины этого столетия. Часть погребений по находкам в них боевых топоров, весов для малых взвешиваний и других вещей может быть отнесена к концу X — началу XI в. (кург. 19, 107, 109, 164, 422, 458). Некоторые трупоположения на материке относятся к XI в. (кург. 31, 104, 119, 417, 473): в них найдены дирхемы конца X в., пластинчатый перстень с завязанными концами, боевые топоры XI в.

Среди ямных захоронений наиболее ранним является сидячее погребение в кург. 348, которое может быть датировано первой половиной X в. (скорлупообразные фибулы типа 51В, гребень с бронзовой накладкой). К 70—80-м годам X в. относится кург. 100 [11]. Ряд насыпей следует отнести к концу X — началу XI в. (кург. 450, 457, 459). В составе инвентаря этих захоронений имеются крест «скандинавского» типа, боевой топор X—XI вв., крест, вырезанный из дирхема конца X в., брас-

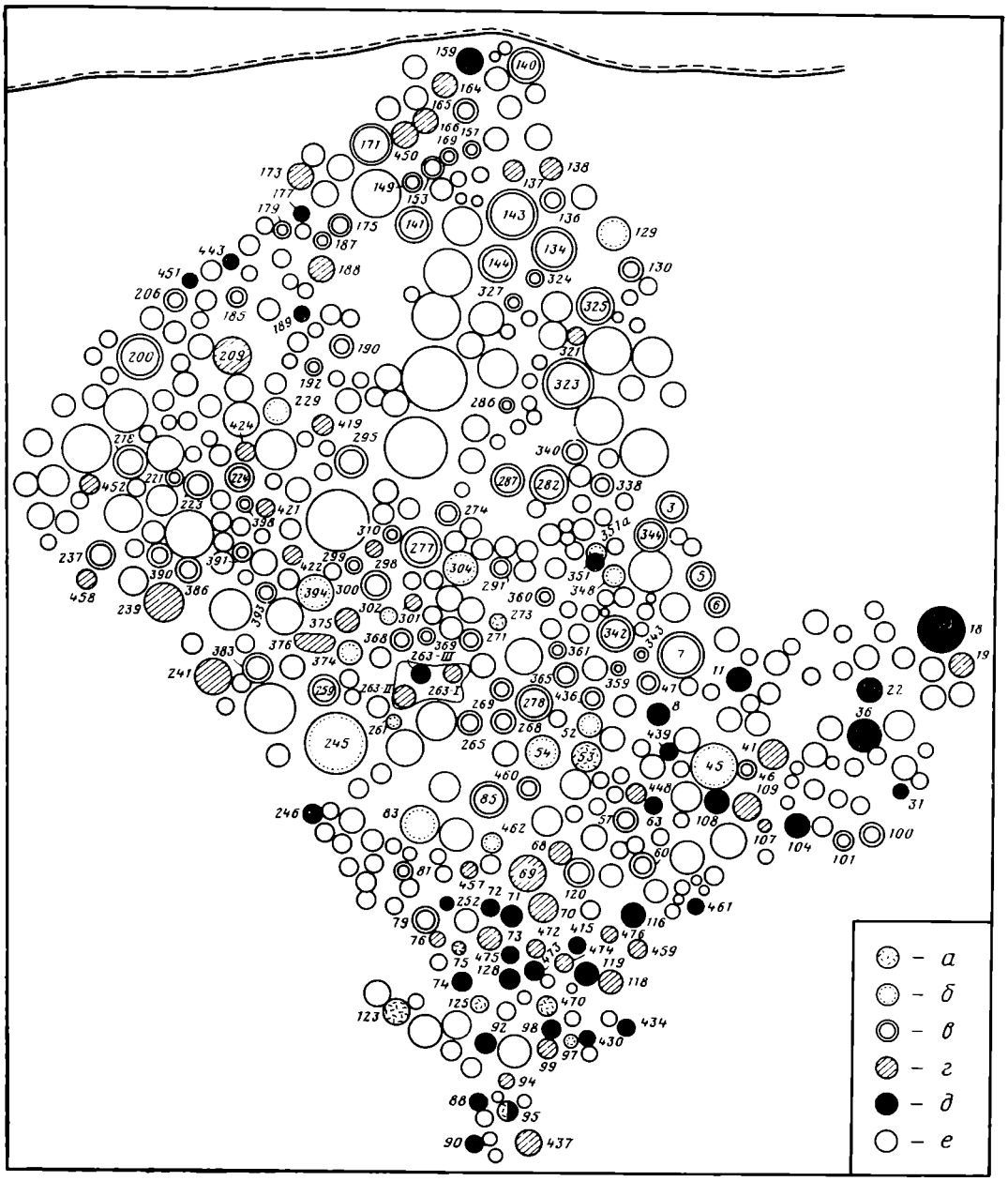


Рис. 7. Хронологическое размещение курганов в могильнике. *а* — конец IX — начало X в.; *б* — первая половина X в.; *в* — вторая половина X в.; *г* — конец X — начало XI в.; *д* — XI в.; *е* — данных нет

лет и перстень с завязанными концами. Однако большая часть трупоположений в ямах относится к первой половине XI в. Погребения в насыпи, по-видимому, имеют ту же дату.

Таким образом, трупоположения на горизонте и в ямах появились одновременно в середине X в. Однако преобладающее количество погребений на горизонте может быть датировано более ранним временем, чем ямные захоронения, основная масса которых относится к началу XI в. Последние, по-видимому, получили распространение в связи с появлением христианства.

В заключение следует остановиться на камерных захоронениях второй половины X в., впервые обнаруженных в Тимереве при раскопках последних лет. Особого внимания заслуживает кург. 100 с парным захоронением (трупоположение) в деревянной камере. Следы ее в виде древесного тлена частично прослежены на стенках и дне могильной ямы размером 5,20×3,75 м, углубленной в материк на 0,3 м. Сравнительно хорошо сохранилась лишь крыша сруба — пять обгорелых плах, на которых лежала восковая свеча неправильной четырехгранной формы с

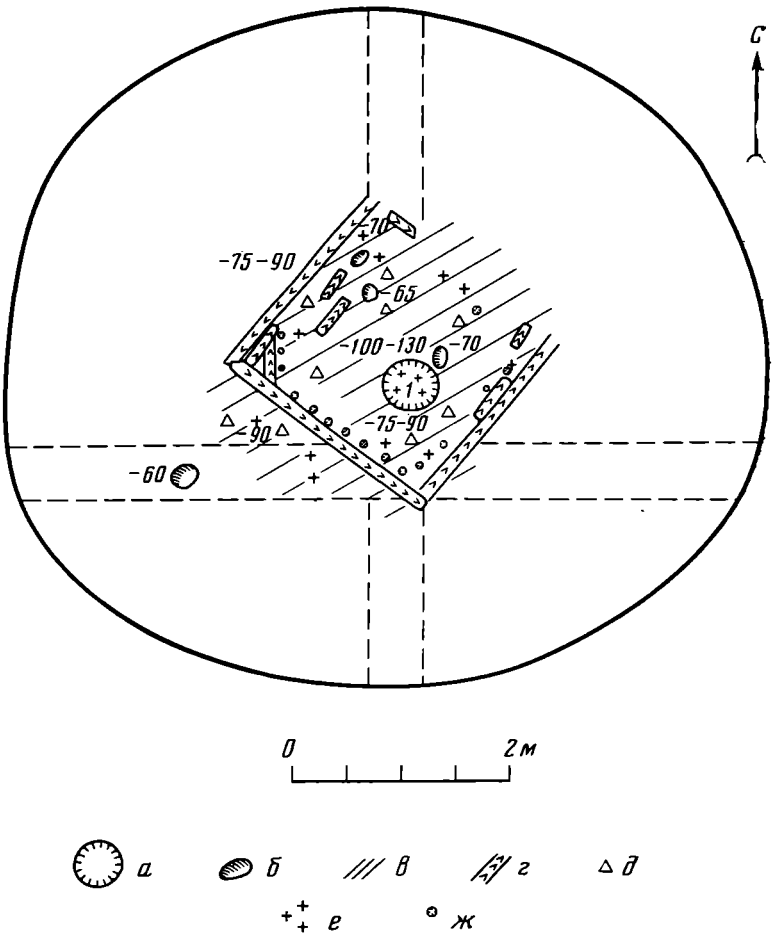


Рис. 8. Курган 413. План. *1* — горшок; *а* — яма; *б* — камни; *в* — кострище; *г* — обугленные плахи; *д* — керамика; *е* — кальцинированные кости; *ж* — следы от колышков

обгорелым верхним краем. Эта уникальная находка аналогична восковым свечам, обнаруженным в Дании на крышах погребальных камер в двух курганах X в. близ Маммен и Иеллинге, отличающихся богатым инвентарем. Свечи, видимо, зажигали во время церемонии захоронения, а затем оставляли их на месте в связи с приписываемой воску охранной магической силы. Использование воска при захоронениях известно в эпоху викингов в Дании и Норвегии. В Швеции этот обычай не прослежен [6, с. 8, 32; 12, с. 222, 223; 13, с. 40; 14, с. 106, 107, 119, 120]. Как и датские курганы, погребение в кург. 100 выделяется своим разнообразным и богатым инвентарем, состоящим из предметов вооружения, снаряжения верховых лошадей, из женских украшений, стеклянной игральной шашки, весов, гирек и монет (961—976 гг.). Находки дают основание отнести кург. 100 к числу дружинных захоронений.

Погребальное камерное сооружение площадью в 4,5 м^2 обнаружено и в кург. 413 (рис. 8). От прямоугольного в плане сруба сохранились три стенки[6] из бревен 15—20 см толщины, слабо обожженных, уложенных на тонком слое глины в один венец. Внутри сруба прослежен зольно-углистый слой 2—3 см толщины с фрагментами лепной керамики, птичьими костями, под которым находилась яма, углубленная в материк на 30 см. В ней стояла урна с кальцинированными костями молодого по возрасту человека, кремированного вне кургана.

По устройству могил, отличающихся от обычных курганов с трупосожжениями, выделяются еще 6 курганов (85, 141, 277, 287, 344, 460). В них находились кострища, четко ограниченные определенным образом

[6] Четвертая стенка разрушена проведенными здесь ранее раскопками.

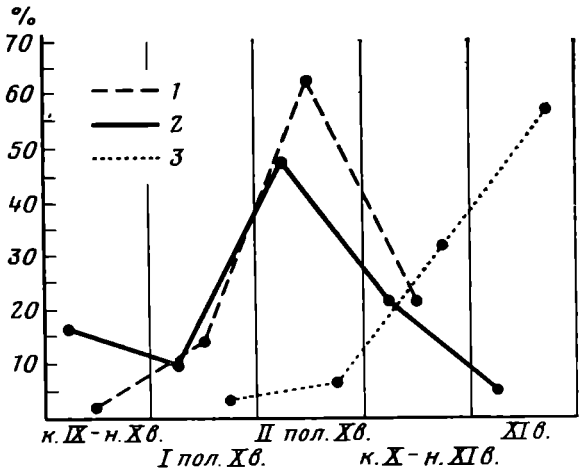


Рис. 9. Хронологическое распределение датированных захоронений Тимеревского могильника. *1* — кремация на месте (из расчета 111 захоронений); *2* — кремация на стороне (из расчета 38 захоронений); *3* — ингумация (из расчета 69 захоронений)

ориентированными обожженными массивными плахами до 2 м длиной, за пределами которых зольно-угольный слой не прослеживается. Видимо, как и в кург. 413, это остатки срубов, где произведена кремация. Погребение 344 было мужским, 460 — детским, остальные четыре кургана содержали парные погребения. Площадь кострищ в них достигала 14—35 м^2, а толщина угольного слоя — 15—35 см. Согласно найденному в них погребальному инвентарю из предметов вооружения, бронзовых фибул различных типов, поясных наборов, железных деталей деревянных шкатулок, весов, гирек, оковки игральной доски и стеклянных шашек, эти погребения также можно отнести к дружинным.

Подводя итоги исследования погребальных обрядов Тимеревского могильника, мы приходим к следующим выводам.

1. Основным погребальным обрядом является кремация, которая по различию самого обряда распадается на две группы: сожжения на месте насыпки курганов и сожжения на стороне, вне места захоронения. В течение всего X в. указанные разновидности кремации сосуществуют и не составляют какие-либо локальные группы внутри могильника. Все детали погребального ритуала: характер сооружения курганов и погребального инвентаря, способы захоронения в курганах кальцинированных человеческих костей, жертвоприношения животных — присущи в равной степени как сожжениям на месте, так и на стороне. Применение этих двух видов кремации и их количественное соотношение непосредственно зависело, видимо, от времен года, когда производились погребения. Ингумация покойников прослеживается с середины X в. и, постепенно сменяя кремацию, становится господствующим обрядом захоронения в XI в. (рис. 9). Смена трупосожжений трупоположениями связана, на наш взгляд, с христианизацией населения. Об этом, в частности, свидетельствуют находки крестов-тельников в некоторых трупоположениях конца X — начала XI в.

2. На материалах могильника четко прослеживается в рассматриваемое время имущественная и социальная неоднородность населения Ярославского Поволжья. 30% курганов являются безынвентарными или содержащими одну лишь керамику. Более 50% курганов с инвентарем, состоящим из отдельных металлических и керамических изделий, являются, видимо, захоронениями рядовых общинников. 13% курганов с богатым и разнообразным инвентарем принадлежат феодализирующейся знати. Они отличаются от всей массы погребений не только характером инвентаря, но и размерами погребальных костров, наличием большого количества жертвенных животных и, что особенно важно отметить, за-

хороненнями в деревянных камерах, связанными с дружинным элементом.

3. Население, оставившее Тимеревский памятник, было разноэтничным. Судя по отдельным деталям захоронений: меридиональной ориентировке умерших, расчленению трупов в отдельных случаях, обряду жертвоприношения домашних животных, а также по находкам глиняных бобровых лап, колец и костяных копоушек, характерных для коренного населения Ярославского Поволжья, финский субстрат в могильнике превалирует. Следует подчеркнуть, что эти черты ярче всего проявляются в курганах с трупосожжениями, так как в христианизированных трупоположениях этнические различия нивелируются. Освоение территории Ярославского Поволжья славянами началось, видимо, во второй половине X в. Это угадывается по ряду кострищ, ориентированных по линии З—В, что можно связать со славянским этносом. Курганы с кострищами западно-восточной ориентировки топографически обособлены от курганов с кострищами других ориентировок, разбросанных по всей территории могильника. По устройству погребальных сооружений выделяется еще одна группа курганов с каменными конструкциями под земляными насыпями. Бросается в глаза сходство этих курганов с погребальными памятниками Аландских островов, где, согласно Э. Кивикоски, во второй половине I тыс. н. э. сложилась своеобразная фенно-скандинавская культура. Наиболее ранние скандинавские захоронения относятся к концу IX или к рубежу IX—X вв., основная же масса их датируется X в., скорее всего второй его половиной. Они совершены по обряду кремации, за исключением восьми курганов, насыпанных над ингумированными покойниками во второй четверти X—XI в. Этот обряд был известен в Швеции уже в первой половине X в.

4. Скандинавские параллели Тимерева обычно связываются со Средней Швецией. Между тем в рассматриваемое время существовали также тесные контакты Ярославского Поволжья с Аландскими островами и намечались связи с Данией и южной Норвегией.

5. Тимеревское курганное кладбище функционировало с конца IX до начала XI в., т. е. в течение 130—150 лет. Погребения конца IX — первой половины X в. немногочисленны, основная масса курганов воздвигнута во второй половине этого века. Именно на этот отрезок времени, видимо, падает наибольший приток населения в данный район. Исходя из формулы подсчета населения по погребальным памятникам средневековья (количество курганов, помноженное на среднюю продолжительность жизни человека — для Северной Европы этого времени она исчисляется в 30—40 лет — и разделенное на время существования могильника), численность населения данного района, хоронившего на Тимеревском кладбище, предположительно составляла 113—130 человек. Для сравнения приведем следующие сведения: население Бирки того же времени составляло 500—600 человек, а Хайтхабу, крупнейшего центра международной торговли,— 1000 человек [8, с. 82, 83].

Возникает вопрос, являлся ли Тимеревский памятник кладбищем одного поселка с населением около 130 человек или же здесь находился административный центр сельской округи, место сбора и концентрации дани, вследствие чего могильник был общим кладбищем для нескольких деревень? Решение, видимо, возможно только в результате тщательного изучения состава погребального инвентаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тихомиров И. А.* Отчет о раскопках курганных кладбищ под деревней Большое Тимерево и Гончарово 1900 г.— Архив ЛОИА АН СССР. Ф-1, 1900 г., № 82.
2. *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
3. *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв.— МИА, 1941, № 6.
4. *Фехнер М. В.* Тимеревский могильник.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.

5. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152.
6. *Grieg S.* Gravpladsene i Lille Guldkronen og paa Berg.— Oldtiden, X, 1. Kristiania, 1923.
7. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
8. *Graslund An.-S.* The Burial Gustones. A study of the graves on Bjorko.— In: Birka IV. Stockholm, 1980.
9. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М.: Наука, 1982.
10. *Arbman H.* Birka. T. 1. Uppsala, 1943.
11. *Фехнер М. В., Янина С. А.* Весы с арабской надписью из Тимерева.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
12. *Schetelig H.* Vestlandske graver fra Jernalderen. Bergen, 1912.
13. *Lindqvist S.* Uppsala och Jelling. Sonderdruck aus Vegle amts hisoriake samfunds. Festskift, 1955.
14. *Brøndsted J.* Danish Inhumation graves of the Wiking Age. A survey.— Acta Archaeologica. V. VII. København, 1936.

N. G. Nedoshivina, M. V. Fekhner

THE BURIAL RITE OF THE TIMEREVO BURIAL GROUND

Summary

The mound burial at the Bolshoe Timerevo village, Yaroslavl Region, comprising 464 burials was investigated between 1974 and 1978. The main burial rite in the late 9th and 10th centuries was cremation performed both on the mounds and outside them. These two forms were synchronous and were not topographically separated in the burial ground. In the late 10th-early 11th centuries cremation gave way to inhumation. It was probably caused by the Christianisation of the population of the Volga region near Yaroslavl.

ЮШКО А. А.

О ПРЕДЕЛАХ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА ИВАНА КАЛИТЫ

Вопрос о границах Московского княжества Ивана Калиты сводится к надежности локализации порубежных населенных пунктов, которые упомянуты в духовном завещании князя.

В настоящее время нет устоявшегося мнения о времени написания двух вариантов этого документа (подробнее см. работу Л. В. Черепнина [1, с. 13—16]). Одни исследователи считают, что это две разновременные грамоты. А. В. Орешников [2, с. 121], а вслед за ним В. А. Кучкин [3, с. 177] датируют документы 1336 и 1339 гг., А. Е. Пресняков [4, с. 163] и М. К. Любавский [5, с. 41, прим. 1] — 1339 и 1340 гг. Другие историки полагают, что это два варианта одной и той же грамоты, составленной в 1339 г. (по Л. В. Черепнину [1, с. 16]) или в 1327 г. (по А. А. Зимину [6, с. 249]). Датировка А. А. Зимина навряд ли может быть признана убедительной, поскольку указанная в обеих вариантах грамот «княгиня с меньшими детьми», как сейчас доказано,— вторая жена Ивана Калиты, княгиня Ульяна, с которой он венчался в 1332 г. [3, с. 176; 7, с. 46, 47]. Остаются две возможные даты — 1336 и 1339 гг. Именно тогда Иван Калита ездил в Орду, именно с этой поездкой связано составление духовной [3, с. 177].

После сличения текстов двух документов убеждаемся, что разница между ними не только в том, что во второй грамоте упоминается волость Середокоротна, отсутствующая в первой [3, с. 176; 8, с. 9]. Прослеживаются некоторые территориальные изменения. Так, «обрастает» волостями Можайск. Заметим, что процесс сложения волостей вокруг московских городов — показатель хронологического порядка. На протяжении XIV—XV вв. все 13 московских городов, известных нам по «Списку русских городов дальних и ближних», постепенно «окружаются» волостями. Например, Звенигород, поименованный в духовной Ивана Калиты, в духовной Ивана Ивановича (1358 г.), показан уже «со всеми волостьми» [8, с. 15], так же как и Руза — в духовной Юрия Дмитриевича (1433 г.) [8, с. 73], Серпухов — в докончании вел. кн. Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (1390 г.) [8, с. 38] и т. д. Видимо, требовалось определенное время, чтобы вокруг города сформировались волости. Кроме того, вторая духовная грамота Калиты в отличие от первой содержит ряд территориальных приращений за пределами Московского княжества: села в Новгороде, Владимире, на Масе, у Юрьева, на Костроме [8, с. 10]. Их приобретение путем купли и обмена тоже, очевидно, требовало известного промежутка времени. В силу всего вышеизложенного, думается, надо согласиться с теми исследователями, которые относят составление первой духовной грамоты к 1336 г., а второй — к 1339 г.

Вопросы географической номенклатуры духовных грамот Калиты вот уже почти 200 лет привлекают внимание историков. Еще у Н. М. Карамзина находим отдельные наблюдения над местоположением пунктов, упомянутых в тексте завещания Калиты [9, прим. 326]. С. М. Соловьевым была предпринята попытка отождествить волости и села духовной Ивана Даниловича с существовавшими в XIX столетии населенными пунктами [10, с. 456, 670, 671 — прим.]. К сведениям документа прибегали составители историко-географических словарей [11]. Специально географии духовных грамот посвящена работа В. Н. Дебольского [12]. Привлекая в качестве источников опубликованные писцовые книги

70—90-х годов XVI в., разъезжие грамоты 1504 г., используя топонимию, исследователь картографировал многие волости и значительную часть сел. Немало ценных сведений о местоположении пунктов, упомянутых в духовной, имеется в работе М. К. Любавского [5], но существенный недостаток книги — отсутствие в большинстве случаев обоснований локализации тех или иных пунктов. Картографированию станов и волостей Московской Руси по данным неизданных писцовых и переписных книг первой половины XVII в. посвящена работа Ю. В. Готье [13].

Как видим, источники, привлекаемые исследователями для решения проблемы, значительно отстоят по времени от духовной Калиты. Вместе с тем оказались непривлеченными актовые документы конца XIV—XV в., хотя на основе их изучения удается наметить пределы волостей путем картографирования сел и деревень, означенных на территории той или иной волости. При локализации сел и волостных центров на основе сведений топонимии неоценимую помощь оказывают археологические обследования, которые ранее с этой целью не проводились. Полезную информацию содержат также карты Генерального межевания 70-х годов XVIII в.

Современное состояние источников в абсолютном большинстве случаев позволяет наметить лишь общие очертания территорий волостей, а не их конкретные границы. Тем не менее это единственный путь для выяснения вопроса о пределах Московского княжества Ивана Калиты. Картографирование волостей несколько облегчается тем обстоятельством, что, как уже отмечалось историками, более 70% названий древних московских волостей происходит от гидронимов [3, с. 182]. Кроме того, анализ некоторых отдельных случаев свидетельствует, что в качестве древних границ часто служили естественные водные преграды: течения рек и ручьев.

В задачу работы не входит картографирование всех 96 географических пунктов, упомянутых в духовном завещании, ибо это слишком широкая тема, имеющая свои проблемы. Мы коснемся лишь локализации тех территориальных единиц, которые расположены на порубежных участках Московского княжества 30-х годов XIV в. Причем следует учитывать, что некоторые окраинные волости, согласно духовным и договорным грамотам середины и конца XIV в., были включены в это время в состав Московского княжества. Их необходимо исключать из пределов княжества 30-х годов.

Исторически сложившимся и долго существовавшим южным рубежом Московского княжества служило течение р. Оки. Впервые граница по Оке указана в «докончальной» грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. рязанским Олегом Ивановичем (1382 г.) [8, с. 29]. Однако из того же документа мы узнаем, что имелись и отклонения от этого рубежа. Так, на московской стороне Оки ранее был ряд пунктов, принадлежавших Рязани, которые, согласно грамоте, отходят к Москве: «почен Новый городок», Лужа, Верея, Боровск [8, с. 29]. Перечисленные города находятся в бассейне р. Протвы: Верея, Боровск, Лужа (ныне Малоярославец) — в верховье, Новый Городок — в устье реки, которое было за Москвой и в 1358 г. [8, с. 15]. Все эти земли были уже за пределами границ княжества Ивана Калиты.

Как следует из «докончальной» 1382 г., часть московских владений до момента заключения грамоты располагалась на рязанской стороне, за Окой. Это Лопастна, уезд Мстиславль, Жадене городище, Жадомль, Дубок, Бродниц «с месты» [8, с. 29]. Отметим, что единственным среди перечисленных пунктов, фигурирующим в духовной Ивана Калиты и расположенным в прибрежной части Оки, является Лопастна [8, с. 7, 9].

Дискуссионность вопроса о местоположении Лопастны в значительной мере снимается привлечением археологических свидетельств, позволяющих отождествить данный пункт с городищем у д. Макаровка, на правом берегу Оки, против устья р. Лопасни [14, с. 282—284]. Основная же территория волости располагалась, видимо, на левом берегу Оки, по течению р. Лопасни (рис. 1).

Итак, можно констатировать, что южная граница княжества Ивана Калиты переходила на правый берег Оки против устья р. Лопасни, включая древний волостной центр Лопастну, известную по письменным источникам еще с XII в.

Снова обращаясь к «докончальной» грамоте 1382 г., отметим то обстоятельство, что в ней на московской стороне Оки помимо Нового Городка, Лужи, Вереи и Боровска показаны и «иные места Рязанские» [8, с. 29]. Анализ духовных грамот Ивана Ивановича (1358 г.) и Дмитрия Ивановича (1389 г.) показывает, что этими «Рязанскими местами» являются территории, расположенные по левобережью р. Каширки — Кошира[1] и с. Малино, присоединенные к Москве в период княжения Ивана Ивановича [8, с. 15], и стан «Комарев з берегом», присоединенный в княжение Дмитрия Ивановича [8 с. 33]. По-видимому, и в период княжения Ивана Данпловича Калиты земли эти в состав Московского княжества не входили.

Село Малино сохранилось до наших дней. Оно располагается восточнее верхнего течения р. Каширки, на территории современного Ступинского района. Волость же Кошира XIV в. располагалась, очевидно, по течению р. Каширы, гранича с севера с волостью Канев [8, с. 7, 9]. Надежную границу между этими волостями для XIV в. определить затруднительно, однако следует иметь в виду, что в конце XV в., согласно актам, среднее течение р. Каширки с селами Екиматово [15, № 527 и 528, с. 405, 406], Торусинское [16, № 36, с. 59 и прим.— с. 486, 487], с. Митрополье с д. Селифонтовой [16, № 42, с. 62, 63] принадлежало волости Канев. Местоположение Комарева определяется В. Н. Дебольским на основании Писцовой книги 1577—1578 гг. по р. Оке у нижней Каширки, близ Канева и Малинской волости [12, с. 163]. Таким образом, место волости Кошира и Комарева следует, видимо, определять по нижнему течению р. Каширки и ее левобережью, на котором располагалось и с. Малино. Земли эти в период составления духовной Калиты принадлежали Рязани и не входили в состав Московского княжества.

От устья р. Каширки граница княжества 30-х годов XIV в. шла по Оке вверх до устья р. Нары, переходя на правый берег лишь против устья р. Лопасни, о чем речь шла выше. От устья Нары граница поднималась вверх по этой реке. Здесь размещался удел князя Андрея.

Течением р. Серпейки, впадающей слева в низовье Нары, определяется местоположение волости Серпохов. Ее центром был г. Серпухов, располагающийся в устье р. Серпейки. Как известно, датой основания города принято считать 1374 г., когда князь Владимир Андреевич «заложил град Серпохов в своей отчине и повеле в едином дубу срубити его» [17, с. 129]. Но город существовал, безусловно, и до возведения дубовых стен, о чем свидетельствуют земляные укрепления (вал и ров) с северо-западной части городища [18—20]. Территория волости примыкала к городу с севера и востока. Известен акт 1463 г., указывающий на с. Халдеевское на р. Каменке в Серпухове [21, № 377, с. 374]. Река Каменка — правый приток р. Речмы, впадающей в Оку ниже устья р. Нары. С р. Нарой в уделе князя Андрея связаны волость Нарунижьское, с. Нарское [8, с. 7, 9].

Севернее Серпохова, по течению впадающей слева в р. Нару р. Теминки [22, с. 97], располагалась волость Темна. В. Н. Дебольский отождествил центр этой волости с с. Спас Темный на среднем левобережье р. Нары, выше устья р. Теминки [12, с. 152]. Село существует и поныне. Проведенные нами археологические обследования выявили здесь большое поселение XIV в. площадью около 3,3 га и мощностью слоя 0,5 м, раскинувшееся на высокой надпойменной террасе между двумя впадающими в Нару ручьями [23].

Выше Теменского стана, по левобережью р. Нары, В. Н. Дебольский помещает присоединенную при Дмитрии Донском [8, с. 34] волость Гремичи [12, с. 165]. Однако надежных оснований для локализации

[1] Здесь и далее в названии пунктов дана транскрипция источника.

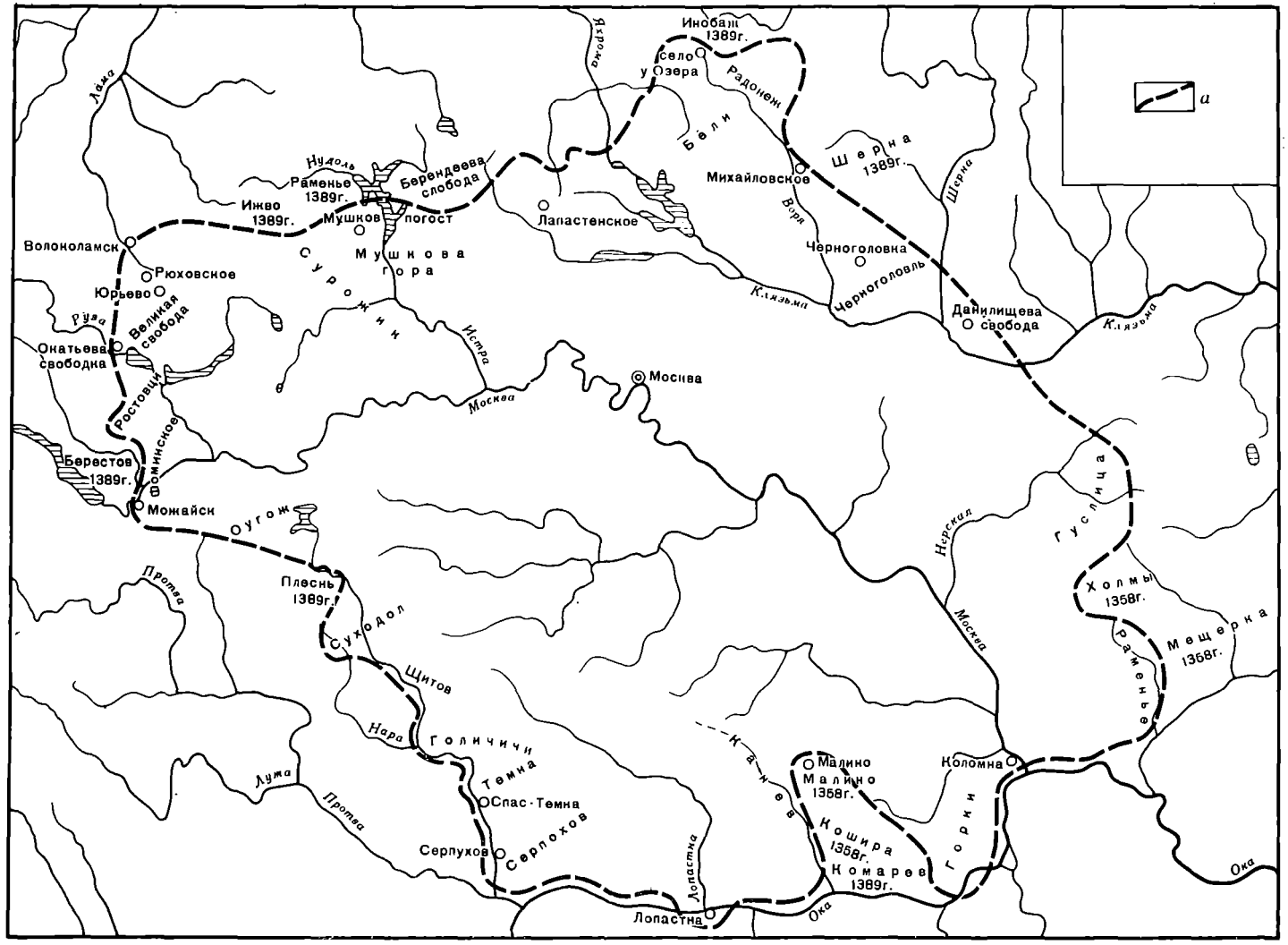


Рис. 1. Территория Московского княжества 30-х годов XIV в. *а* — приблизительная граница княжества

здесь этой волости нет. В писцовых книгах она отсутствует. Основанием для локализации В. Н. Дебольскому служило местоположение с. Гремячева [12, с. 165]. Действительно, такое село имеется на ближнем левобережье р. Нары, выше устья Теминки. Но древность села и местоположение волости не удается подтвердить никакими другими источниками. Отметим, что С. Б. Веселовский локализовал волость Гремичи совсем в другом месте — к югу от Вереи [24, с. 221]. Поэтому думается, что граница княжества здесь шла по р. Наре, как это подтверждает местоположение большинства других волостей 30-х годов XIV в.

Выше по Наре располагалась волость Голичичи. М. К. Любавский помещает волость по обоим берегам р. Нары [5, с. 42]. Однако Уставная губная московская запись (1456—1461 гг.) указывает волость «Голичици по Нару» [16, № 12, с. 27]. В XVII в. волость располагалась также по р. Наре [13, с. 372]. Надо думать, что древняя волость Голичичи размещалась по левому берегу р. Нары, севернее Темны.

За Голичичами, выше по Наре, лежала волость Щитов. В. Н. Дебольский полагает, что волость располагалась вокруг современного с. Щитово, вблизи истоков р. Мочи [12, с. 153]. Некоторые уточнения относительно местоположения волости содержит духовная князя Владимира Андреевича (1401—1402 гг.), где показан «рубеж Щытову» между двумя сыновьями князя [8, с. 46]. Граница начинается «от городка от Щытова по Наре вверх». Видимо, это какое-то неизвестное на Наре городище, а не населенный пункт Щитово в верховьях Мочи. Затем граница шла «по Кремичне вверх». Река Кремиченная (Кременка) — левый приток р. Нары, впадающий в Нару южнее Наро-Фоминска [22, с. 96]. Далее рубеж выходил к верховьям Мочи. Видимо, здесь, вокруг бассейна р. Кремичны, по левому берегу р. Нары следует локализовать волость Щитов.

Далее к северу граница Московского княжества связана с локализацией волости Суходол в уделе князя Ивана, сына Калиты. В. Н. Дебольский, исходя из данных разъезжей 1504 г., помещает волость в бассейне р. Иневки — левого притока р. Нары [12, с. 148], М. К. Любавский — «по правой стороне Нары и левой Протвы, к северу от Боровска» [5, с. 34]. Суходольский стан XVII в. размещался «по линии Московско-Киевской ж.д. от ст. Нары-Фоминской до ст. Болобаново» [13, с. 372]. Актовый материал XV—XVII вв. подтверждает, что Суходольская волость этого времени распространялась на междуречье Протвы и Нары. В жалованной грамоте вел. кн. Василия Васильевича (1456—1462 гг.) есть указание на с. Климятинское с д. Столыпинской в Суходольской волости [16, № 49, с. 74]. И. А. Голубцов предлагает отождествить указанное в акте с. Климятинское с известным в современной топонимии с. Климкиным, в 9 км от Боровска [16, с. 487]. Это отождествление подтверждается другим актом — выпиской из жалованной грамоты царя Бориса Федоровича Годунова (1601 г.), где указано суходольское с. Климетино и ряд близлежащих сел — Каменское на р. Наре, Михайловское, Еремино и др. [16, № 51, с. 77]. Указанные села действительно имеются вблизи современной д. Климкино, в междуречье Протвы и Нары. Таким образом, место древней волости Суходол — междуречье рек Протвы и Нары, а также частично левый берег р. Нары, в бассейне р. Иневки.

Севернее волости Суходол, по правому берегу р. Нары, шли земли, включенные в Московское княжество лишь при Дмитрии Донском. Это территория волости Плеснь [8, с. 33]. В. Н. Дебольский, видимо, верно локализует волость по течению р. Плесенки, где до сих пор существует с. Плесенское [12, с. 164; 22, с. 97], так что севернее Суходола граница княжества 30-х годов XIV в. снова возвращалась к течению р. Нары.

Еще далее к северу от Суходола и Плесня размещалась волость Оугожь [8, с. 7, 9]. В. Н. Дебольский помещает волость, исходя из данных Писцовой книги Рузского уезда, в верхнем течении р. Нары [12, с. 149], М. К. Любавский — по верховьям Нары и ее притоку — Тарусе [5, с 34]. Стан XVII в. помещался там же [13, с. 18]. Разъезжая 1504 г. подтверждает, что Угожская волость размещалась по р. Тарусе и верховьям р. Нары [8, с. 396, 405, 406].

Крайним западным пунктом Московского княжества времени Ивана Калиты был г. Можайск, отданный старшему сыну Семену [8, с. 7, 9]. Севернее Можайска граница огибала низовья р. Исконы, где помещалась волость Берестов, присоединенная при Дмитрии Донском [8, с. 34]. Волость локализована В. Н. Дебольским вокруг с. Берестово [12, с. 165], расположенного на левом берегу Исконы.

Восточнее размещалась волость Фоминское в уделе князя Ивана [8, с. 7, 9]. М. К. Любавский помещает ее к югу от Рузской волости [5, с. 34]. Стан XVII в. размещался «к югу от г. Рузы до древней можайской границы и р. Москвы» [13, с. 47]. Единственный источник для локализации волости — разъезжая 1504 г., где указана южная граница Фоминской волости. Граница между можайскими станами и волостями и Фоминской рузской волостью шла, согласно разъезжей грамоте, от «деревни Брюхова Олексинского села» к с. Юрикову [8, с. 397]. Села Алексино и Юриково (Юрково) расположены на правом берегу р. Москвы, несколько севернее шоссе на Можайск. Далее граница выходила к Можайской дороге и поворачивала к Вышгородской дороге (Вышгород на Протве) [8, с. 397]. Таким образом, в начале XVI в. территория Фоминской волости распространялась и на правобережье р. Москвы.

К северо-западу от Фоминской волости размещалась волость Ростовци, территория которой оставалась неизменной вплоть до второй половины XVIII в. В. Н. Дебольский, основываясь на данных Разъезжей 1504 г., помещает волость на р. Педне — правом притоке р. Рузы [12, с. 150], М. К. Любавский [5, с. 34] и Ю. В. Готье [13, с. 47] — там же. Вновь обратившись к разъезжей грамоте 1504 г., убеждаемся, что границы волости можно несколько уточнить для начала XVI в. Из документа следует, что на каком-то участке граница Ростовицкой волости шла по течению р. Пожины (Пожни), на левом берегу которой располагалась ростовицкая д. Баламутцева [8, с. 399]. Местоположение деревни установить, к сожалению, не удается. Пожня — левый приток р. Москвы, впадающий в нее выше устья р. Рузы [22, с. 103]. Часть границы проходила по р. Педне, причем территория волости располагалась по правому берегу этой реки. Река Педня — правый приток Рузы [22, с. 105]. Обратившись к картам Генерального межевания, убеждаемся, что территория Ростовицкой волости 70-х годов XVIII в. была ограничена с запада течением р. Педни и примыкала к правобережью р. Рузы, напротив устья р. Озерны [25]. То, что Ростовицкая волость доходила до течения р. Рузы, следует из жалованной данной грамоты волоцкого князя Бориса Васильевича Саввино-Сторожевского монастыря игумену Евсевию (1470 г.) [16, № 57, с. 89]. Локализация Ростовицкой волости по р. Растовке (Ростовке) — левому притоку р. Нары, предложенная В. А. Кучкиным [3, с. 182], не выглядит убедительной, поскольку волость оказывается слишком удаленной от той территории, которую она занимала в последующее время.

С запада к Ростовицкой волости примыкала волость Боян [12, с. 164, 165], присоединенная к Москве при Дмитрии Донском [8, с. 34].

Далее в уделе князя Ивана указана Окатьева свободка. Образование ее С. Б. Веселовский связывает с именем Окатия — основателя боярского рода Окатьевичей времени Ивана Калиты [24, с. 231]. Топонимов с названием Акатово на территории Рузского района имеется два: д. Акатово — в 19 км от г. Рузы, выше по течению реки [24, с. 231; 26, № 5102], и одноименная деревня — в 1 км южнее г. Рузы [24, с. 231]. Первая находилась на территории Рузской волости, входившей в удел князя Ивана, поэтому Окатьеву свободку следует отождествлять с д. Акатовой, расположенной к северу от Рузы, что подтверждает и археологическое обследование пункта: здесь выявлено поселение с материалом XIV в. [23].

С северо-востока к Окатьевой свободке, примыкала Великая, или, по грамотам XVII в., Юрьева свобода [8, с. 7, 9]. В. Н. Дебольский определяет ее местоположение на основании жалованной несудимой грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю 1622 г. по левому берегу среднего течения р. Рузы [12, с. 148]. М. К. Любавский помещает слободу там же

[5, с. 14], связывая ее возникновение с деятельностью князя Юрия Даниловича [13, с. 34]. В XVII в. волость располагалась там же, выше устья р. Озерны [13, с. 47]. Согласно картам Генерального межевания, «стан, называемый Юрьева слобода», размещался по левобережью р. Рузы, выше устья р. Озерны. Северной границей стана являлось верхнее течение р. Ламы, восточной — течение р. Городенки, притока Озерны [25]. Актовый материал XVI в. содержит большой перечень сел и деревень, располагавшихся на территории Великой Юрьевой слободы. Картографирование тех из них, которые сохранились в современной топонимии, позволяет нам представить территорию этой волости в XVI в. По актам известны следующие населенные пункты: д. Волчково [26, № 5204], Князищево и Шилово [26, № 5221] — по акту 1506 г. [27, № 35, с. 37]; д. Хохлово — по акту 1515 г. [27, № 64, с. 65]; сельцо Юрищево — по акту 1553—1554 гг. [27, № 246, с. 248]; с. Судниково [26, № 5186], сельцо Патокино, д. Козлово [26, № 5217], Окулово [26, № 5159], деревни Кукариново, Давыдково [26, № 5375], Гришино, Дроздово [26, № 5206], Прожергино, Синцово, Костино, Частохино, селище Глинково [26, № 5249], деревни Дурнецово, Карабузино [26, № 5164] — по акту 1555 г. [27, № 255, с. 259, 260]; деревни Еремкино, Лопатино, Середняя Еримейки, Поратово, Сотниково, Иванино [26, № 5087] — по акту 1569 г. [27, № 377, с. 377, 378]. Картографирование сохранившейся части этих пунктов показывает, что территория Великой слободы в XVI в. занимала междуречье рек Озерны и Рузы и доходила на севере до верховьев р. Ламы, на востоке — почти до Тростянского озера, на юго-востоке она граничила с Замошской слободой. В северной части волости известен топоним с названием Юрьево [26, № 1773], вероятно указывающий на центр волости.

Одним из окраинных северо-западных пунктов Московского княжества 30-х годов XIV в. являлось с. Рюховское, расположенное в уделе князя Ивана [8, с. 7, 9]. Оно верно локализовано В. Н. Дебольским в южной части Волоколамского уезда, близ уездного города [12, с. 150]. Археологические обследования выявили в южной части современного села селище XIV в. площадью ок. 11,4 га при мощности слоя до 0,5 м. Собрано большое количество обломков керамики, 75% которой представлено фрагментами красноглиняной посуды XIV в. [28].

В 10 км к северу от с. Рюховское находится г. Волоколамск. Духовные и договорные грамоты свидетельствуют о принадлежности города к Московскому княжеству лишь начиная с 1390 г. Однако летописные источники говорят о том, что Волок Ламский находился в смесном владении Москвы и Новгорода уже в первой трети XIV в., когда московские посадники, владевшие половиной города, пытались сгонять новгородских с их половины [29, с. 108, 109]. Таким образом, границу Московского княжества на крайнем северо-западе следует вести через Волоколамск.

Далее пограничные владения проходят по территории удела княгини Ульяны с малыми детьми. Здесь размещалась волость Сурожик [8, с. 8, 10]. В. Н. Дебольский, не совсем точно используя данные писцовых книг, помещает ее по левому берегу р. Молодильни — притоку Малой Истры [12, с. 154]. М. К. Любавский, более точно придерживаясь данных писцовых книг, размещает волость по течению р. Истры, по ее притоку Малой Истре и притокам последней: Маглуше и Молодильне [5, с. 34].

Попытаемся ретроспективно проанализировать данные источников в отношении волости Сурожик. Писцовая книга 1584—1586 гг. помещает Сурожикский стан на следующей территории. Западная граница стана проходила по течению р. Молодильни; на ее левом берегу находились села Троицкое, Рубцово [30, с. 101, 108] (рис. 2). На северо-западе граница проходила через с. Петровское (треть села Петровского) в верховьях р. Магощи (Маглуши) [20, с. 107] и шла по течению этой реки. В пределы стана попадала основная часть течения р. Истрицы (Малой Истры) [30, с. 97, 99]. На востоке в стан включался ряд пунктов по нижнему

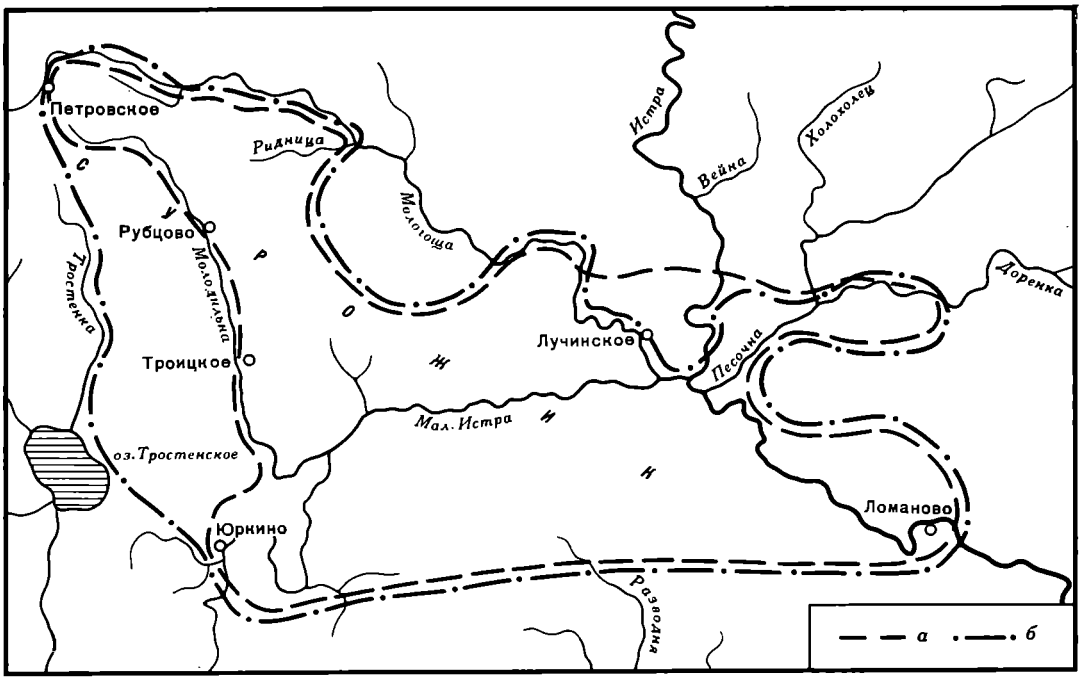


Рис. 2. Территория волости Сурожик. *а* — граница Сурожского стана по писцовым книгам XVI в.; *б* — граница Сурожикской волости по разъезжей грамоте 1504 г.

течению р. Песочны и ее притоку р. Доренке [30, с. 106, 109, 110], а также часть среднего течения р. Большой Истры до пустоши Ломаново [30, с. 116].

Разъезжая грамота 1504 г. дает возможность проследить некоторые изменения против границ конца XVI в. Южная граница, по-видимому, оставалась такой же — она начиналась у р. Истры от указанной в писцовых книгах д. Ломаново [8, с. 382] и шла также к р. Малой Истрице с включением с. Юркино на ее правобережье [8, с. 385; 32]. Причем, согласно Разъезжей, в территорию Сурожикской волости входило также верхнее течение р. Разводни, притока Дубешни [8, с. 383]. Западная же граница существенно меняется. Волость начала XVI в. доходила до Тростянского озера и частично шла по р. Тростне, гранича с Тростянской волостью [8, с. 385], затем выходила к р. Молодильне и шла вверх, до истоков р. Мологощи (Маглуши). Крайним северо-западным пунктом остается по-прежнему с. Петровское, но волость включала не треть, как в писцовых книгах, а половину этого села [8, с. 386]. На севере Сурожика образуется Лучинская волость, включающая с. Лучинское с прилегающими деревнями [8, с. 387, рис. 2] в междуречье низовьев рек Маглуши и Истры.

Наконец, актовый материал 60-х — 70-х годов XV в. позволяет проследить некоторые пункты, расположенные на территории волости того времени. Сохранилась купчая князя Дмитрия Холмского на с. Петровское с путошами «в Сурожице» (1463—1472 гг.) [15, № 381, с. 278]. Указанное село — это тот северо-западный угловой пункт волости, который отмечен в писцовых книгах и в Разъезжей 1504 г. Некоторые акты середины и второй половины XVI в. называют ряд пунктов на территории Сурожского стана [27, № 114, с. 107, 108; № 233, с. 236, 237; № 302, с. 320; № 325, с. 343; № 326, с. 343; № 435, с. 491]. Учитывая все эти данные, надо признать, что территория древней волости Сурожик распространялась от верховьев р. Молодильни и частично Тростянского озера на западе до течения р. Доренки и р. Истры на востоке, верховьев р. Маглуши на севере и верховьев р. Разводни на юге.

С востока к Сурожику примыкала волость Мушкова гора. В. Н. Дебольский помещает ее, исходя из сведений разъезжей 1504 г., на среднем течении р. Истры [12, с. 154], М. К. Любавский — на верхнем тече-

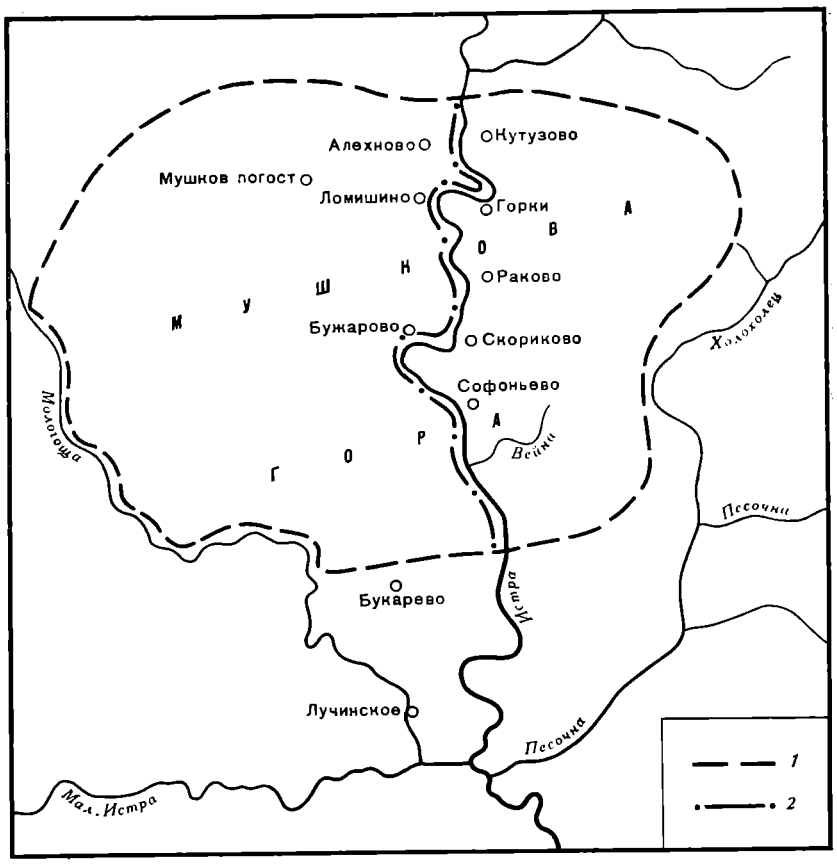


Рис. 3. Территория волости Мушкова Гора. *а* — граница волости; *б* — раздел волости при Дмитрии Донском

нии этой реки [5, с. 33], Ю. В. Готье указывает на имеющийся топоним — Мушков погост [13, с. 17, 18].

Попытаемся проанализировать данные письменных источников об этой волости. Она неоднократно упоминается в духовных и договорных грамотах последующих московских князей [8, с. 34, 37, 70, 74 и др.], но характерно, что она упомянута то как дмитровская волость (тогда она названа Мушковой горой), то как «Мушковы горы треть» (в таком случае она названа в составе московских волостей) [8, с. 70 и др.]. Раздел произошел, как свидетельствуют источники, при Дмитрии Донском [8, с. 37], вслед за включением г. Дмитрова с волостями в состав московских владений. Граница дмитровских и московских волостей, проходящая через Мушкову гору, сохранялась, видимо, неизменной вплоть до 1504 г., когда по разъезжей 1504 г. мы получаем возможность проследить ее довольно точно. Разъезд земель шел по р. Истре. В «дмитровской волости Мушковой» указаны правобережные на р. Истре села Бужарово, Ломишинское, деревни Федора Олехнова [8, с. 387] (рис. 3). На левом берегу Истры указаны пункты «московской волости трети Мушковой»: деревни Софоньево, Скориково, сельцо Раково, деревни Бориса Кутузова. Все эти населенные пункты можно проследить и на современных картах.

На восток территория Мушковой горы, согласно разъезжей 1504 г., кончалась где-то, не доходя течения р. Холохольни (Холохолец), притока Песочны. Во всяком случае, верховье р. Холохольни было уже рубежом Горетова стана и Радомля [8, с. 389]. Сотная грамота с Дмитровских книг 1538 г. указывает ряд пунктов на территории дмитровской части Мушковой волости. Среди них фигурирует сельцо Олехново (Алехново), д. Микулино (на среднем течении р. Истры, южнее Бужарово) [27, № 148, с. 143]. Таким образом, территория волости Мушкова гора занимала среднее течение р. Истры от границы с Сурожиком на западе до течения р. Холохольни на востоке (рис. 3). Центром волости было с. Мушково, позже Мушков погост. Село постепенно запустело,

в 80-е годы XIX в. оно насчитывало всего 3 двора [32, с. 85]. Сейчас его нет совсем, о его местоположении помнят лишь старожилы. Археологические обследования этого пункта выявили поселение с культурным слоем XIV—XX вв. [23].

С севера волость Мушкова гора граничила с волостями Ижво, Раменкой и Берендеевой слободой, присоединенными при Дмитрии Донском [8, с. 34]. В. Н. Дебольский локализует волость Ижво, по данным разъезжей 1504 г., у рек Мологощи (Маглуши) и Нудоля [12, с. 167], Берендееву слободу, по разъезжей 1504 г.,— на р. Истре, в районе сел Рождествено, Нечаево, Лысцово и др. [12, с. 166], Раменку — между Ижво и Берендеевой слободой [12, с. 167]. Все эти локализации подтверждают правильность местоположения Мушковой горы.

Далее к востоку окраинными пунктами Московского княжества были территории сел Лопастенского и Озерецкого с тянущими к ним деревнями. При локализации с. Лопастенского следует обратить внимание на то обстоятельство, что в духовной Ивана Калиты фигурирует волость Лопастна в уделе князя Андрея [8, с. 7, 9] и с. Лопастенское в уделе княгини [8, с. 8, 10], из чего следует, что с. Лопастенское не связано ни с Лопастенской волостью, ни с р. Лопасней, по которой эта волость расположена. Обратившись к данным Г. П. Смолицкой, убеждаемся, что в бассейне р. Оки есть р. Большая Лопасть [22, с. 290] — это участок р. Мещерихи, соединяющий оз. Долгое и оз. Круглое. Местные жители называют реку Лопастной. Также она называлась и в древности [8, с. 48]. Сплошное археологическое обследование этой небольшой речки позволило выявить единственное крупное селище площадью ок. 7,5 га с материалом XIV в. Памятник расположен на левом берегу реки, недалеко от устья — на территории д. Рыбаки. Селище может быть отождествлено с селом Лопастенским духовной Калиты, действительно расположенным в уделе княгини. Археологические исследования выявили в округе несколько небольших селищ. Видимо, это деревни, которые тянули к селу [33].

В 4 км к северо-востоку от озер Долгого и Круглого расположено оз. Нерское. Близ южного его берега стоит крупное современное с. Озерецкое. Археологические обследования его территории установили значительную площадь распространения культурного слоя XIV в.— ок. 16,1 га с мощностью слоя 0,2—0,7 м. Обнаружены постройки XIV в., а также большое кладбище в северной части села — с валунными надгробиями [33].

Однако помимо этого с. Озерецкого в пределах удела княгини в современной топонимии имеется еще одно с. Озерецкое, расположенное близ озера с одноименным названием (по актам оно названо Белым или Галичским), в самых верховьях р. Вори, у шоссе Дмитров—Хотьково. Археологические обследования здесь также выявили наличие культурного слоя XIV в., правда значительно меньшей площади — всего ок. 0,75 га [34]. Это село многократно упоминается в письменных источниках начиная с 1433 г. (духовная Василия Васильевича Галицкого) [15, № 108, с. 86 и др.]. Причем в источниках имеются сведения о двух селах Озерецких — Старом и Новом, что впервые засвидетельствовано духовной грамотой вел. кн. Ивана Васильевича (1504 г.) [8, с. 358]. Логично предположить, что «селом у озера» духовной Калиты является село Озерецкое Старое. Но какое из этих двух сел надо признать «Старым»? [2] Ответить на вопрос помогают сведения духовной грамоты царя Ивана Васильевича IV (1572 г.), где указаны «тянущие» к селу Озерецкому Новому существующие поныне пункты — с. Новый Раст, Кузяево [8, с. 442, 443; 24]. Они расположены к северу от с. Озерецкого, у оз. Нерского. Таким образом, «село у озера» духовной Калиты — это село в верховьях Вори, которое и являлось крайним северным пунктом московских владений 30-х годов XIV в.

[2] Видимо, разница в их возрасте незначительна, ибо красная московская керамика, имеющая, к сожалению, довольно широкую дату, присутствует на обоих селищах.

На окраинных землях княжества от района оз. Нерского до бассейна р. Вори духовная Калиты не фиксирует никаких волостей. Поэтому для проведения здесь границы возможно лишь привлечение разъезжей 1504 г., отделяющей на данной территории дмитровские волости от московских.

Севернее с. Озерецкого Нового разъезд шел, пересекая Озерецкую дорогу (очевидно, современное Рогачевское шоссе, на котором стоит с. Озерецкое), к р. Волгуше (левый приток Яхромы) против с. Никольского [8, с. 391], сохранившегося до наших дней. Затем граница шла вниз по Волгуше, примерно до линии упоминаемых в разъезжей и сохранившихся сел Гульнево, Хорошилово [8, с. 391; 24]. Далее разъезд шел к юго-востоку, к верховьям р. Каменки [8, с. 392] — левого притока р. Черная грязь в районе сохранившихся до наших дней деревень Трутнево, Кузяево [8, с. 392; 24]. Затем граница пересекала Дмитровскую дорогу в окрестностях с. Хлябово [8, с. 392; 24] и шла через территорию древней вотчины боярского рода Вельяминовых — между сохранившимися селами Протасово и Ивановское [8, с. 392; 24]. Далее, оставляя слева с. Морозово и с. Сурмино [8, с. 393; 24], граница шла на северо-восток к притоку Яхромы — р. Подмашь, впадающей в Яхрому близ с. Хлибы (Хлыбы) [8, с. 393; 24]. Участок разъезда шел по Яхроме вверх до сохранившегося с. Ярыково (Яриково) [8, с. 393; 24] близ резкого поворота реки к западу. И отсюда, все также направляясь к северо-востоку, граница выходила к «Галитцкому озерку», называвшемуся так по имени его владельца 30-х годов XV в.— князя Василия Васильевича Галицкого [15, № 108, с. 86]. За р. Ворей, которая верхним своим течением проходит через озеро [31], лежит с. Озерецкое (Озерское — по разъезжей) [8, с. 393]. Конечно, эта граница начала XVI в. лишь приблизительно может отражать границу 30-х годов XIV в., ибо их разделяет период более чем в 160 лет.

В пределах того же приграничного участка Московского княжества размещалась одна из его северо-восточных волостей — Бели. М. К. Любавский помещает волость между Вязью (притоком Учи) и Талицей (притоком Вори) [13, с. 33]. Писцовые книги XVI в. отмечают территорию волости совместно с Радонежем значительно севернее — в междуречье верховьев Вязи и р. Пажи, притока Вори[3] [31], следовательно, волость Бели надо помещать, пользуясь методом исключения, к западу от Радонежа — в междуречье Вори и Вязи.

Крайней северо-восточной волостью княжества была волость Радонежское. Писцовые книги XVI в. мало дают для локализации волости, поскольку Радонежский стан показан то совместно с Корзеневым, то совместно с Белями [30, с. 233—252]. Более ценным источником является обширный актовый материал, в основном Троице-Сергиева монастыря. По актам конца XIV — начала XVI в., в волости Радонеж указано около 35 пунктов, из которых 20 удается картографировать с помощью современной топонимии и примечаний С. Б. Веселовского к изданным актам[4] (рис. 4). В результате выясняется, что территория волости Радонеж конца XIV — начала XVI в. располагалась в междуречье р. Вори и ее притока Торгоши, причем восточная граница по Торгоше шла до ее верховьев (пункт Зубачево). В одном из актов начала XV в. указан ряд пограничных с Радонежем, но расположенных уже в Переяславском уезде пунктов по левому берегу Торгоши: пуст. Фаустовская, Романовская земля и др. [15, № 33, с. 43, 44]. О последней сохранился еще один акт 1425 г., где определенно сказано, что граница идет «по воду» р. Торгоши [15, № 45, с. 50]. Западной границей волости служило верхнее течение р. Вори. Ни одного пункта Радонежской волости на правом

---

[3] Пользуемся случаем выразить благодарность сотрудникам сектора исторической географии Института истории СССР АН СССР за возможность ознакомиться с неопубликованными картами, составленными на основании писцовых книг XVI в.

[4] Перечень пунктов на карте заимствован из нескольких актов [15, № 1, с. 26; № 6, с. 29; № 7, с. 29; № 15, с. 33; № 52, с. 54; № 77, с. 67; № 99, с. 80; № 152, с. 114; № 175, с. 127; № 178, с. 129; № 204, с. 145; № 232, с. 164; № 256, с. 185; № 267, с. 133, 134; № 277, с. 198; № 302, с. 219, № 304, с. 286, № 410, с. 300, № 424, с. 313].

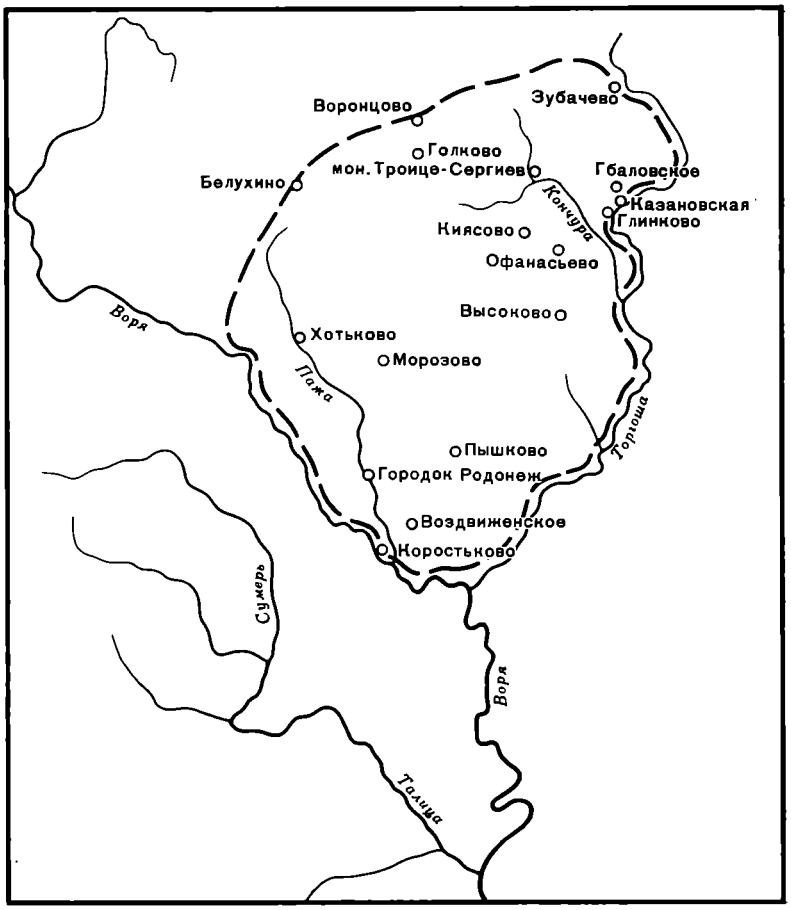


Рис. 4. Территория волости Радонежское с указанием пунктов, известных по актам XIV—XV вв.

ее берегу актами не показано. Ниже впадения Торгоши Радонежу XV в., согласно одному из актов, подложность которого доказана, принадлежал ряд пунктов по обоим берегам р. Вори: «приселок Борково с мельницею на Воре» [15, № 1, с. 26], сельцо Муромцево на Плаксе и приселок Путилово [15, № 1, с. 26; 26, № 2240]. Только подлогом акта в XVI в.[5] можно объяснить тот факт, что в нем перепутаны административные границы волостей. В подлинном акте 1462—1466 гг. вышеуказанные села Борково, Путилово и Муромцево показаны в волости Воре [15, с. 218. 307].

Центром волости был городок Радонеж на р. Паже, притоке Вори. Археологические обследования его позволили установить, что центр этот представлял собой комплекс, состоящий из городища и селища, причем культурный слой XIV в. выявлен только на селище [35, с. 122, 123].

На севере Радонежа, по левому берегу притока Дубны — р. Вели, размещались земли волости Инобаш (Инобаж), присоединенные к Москве только при Дмитрии Донском [8, с. 34; 12, с. 167].

Южнее устья р. Торгоши граница шла, видимо, по левобережью р. Вори с включением с. Михайловского [8, с. 8, 10]. М. К. Любавский помещает это село на р. Пехорке, притоке р. Москвы [5, с. 34]. Но это село, видимо, позднего происхождения. Сведений о нем нет ни в писцовых книгах, ни в актах, в то время как Михайловское на Воре известно по актам Троице-Сергиева монастыря начиная с 60-х годов XV в. [15, № 291, с. 207, № 305, с. 217, № 649, с. 569]. Археологические обследования села С. З. Черновым выявили на его территории селище XIV в. площадью ок. 1 га [36].

Далее граница шла в юго-восточном направлении западнее течения р. Дубенки, ибо в ее бассейне и в бассейне р. Шеренки — притоков Шер-

[5] Все указанные пожалования монастырю были сделаны будто бы Дмитрием Донским.

ны, размещалась волость Шерна [12, с. 168], присоединенная к Москве лишь при Дмитрии Донском [8, с. 34].

Южнее устья Дубенки, в междуречье низовьев Шерны и Клязьмы, размещалась волость духовной Калиты Черноголовль, получившая свое название по речке Черноголовке, притоку Клязьмы [12, с. 155]. Центром волости был населенный пункт Черноголовка, располагавшийся на одноименной реке. Волость занимала это место вплоть до XVII в. [13, с. 34].

К юго-востоку от Черноголовля, на левобережье р. Клязьмы, на берегу Данилищева озера может быть локализована Данилищева «свободка» духовной Калиты. Здесь, на территории погоста Рождества Христова Данилищева и прилегающей к нему территории, археологическими обследованиями зафиксировано распространение культурного слоя XIV в. [33].

Далее граница княжества спускалась к верховьям р. Нерской, где располагалась волость Гуслица [8, с. 8, 9]. Она локализуется в бассейне р. Гуслицы, притока Нерской, где и помещает ее В. Н. Дебольский [12, с. 155]. Сохранилась разъезжая конца XV — начала XVI в. А. Ф. Наумова, которая помещает волость между владимирскими волостями Сенгом и Шатуром и коломенскими — Высоким, Холмом и Устьмеркой [37, № 217, с. 191], причем территория волости включала все течение р. Десны — левого притока Гуслицы. На восток волость распространялась до верховьев р. Волны — правого притока Нерской, на севере границей волости служило течение р. Нерской.

Самой юго-восточной волостью удела княгини была волость Раменье [8, с. 8, 9]. М. К. Любавский ошибочно помещает волость к юго-западу от Селны [5, с. 34]. Последовательность перечисления волостей духовной — Вохна, Дейково Раменье, Селна, Гуслица, Раменье — с севера на юг — заставляет отождествить волость Раменье с одноименной волостью времени писцовых книг XVI в., располагавшейся на левом берегу р. Оки, к северо-востоку от Коломны. Волость включала большую территорию по течению реки Шеленки и правых притоков р. Цны. Древняя волость получила свое название по р. Раменке — правому притоку р. Покровки, впадающей в Цну. Волость Раменье не распространялась на течение р. Цны, поскольку здесь располагалась волость Мещерка у Коломны, присоединенная к Москве только при Иване Ивановиче (1358 г.) [8, с. 15; 12, с. 159].

Также не было московским в 30-е годы XIV в. верховье рек Гуслицы, Семиславки и Медведки, так как там локализуется территория волости Холмы, присоединенная к Москве при Иване Ивановиче [8, с. 15; 12, с. 159].

Завершив локализацию волостей Московского княжества 30-х годов XIV в., мы вновь вернулись к Оке, оконтурив территорию площадью ок. 21300 км². Это ядро будущего Русского централизованного государства было чуть меньше половины такой страны XIV в., как Чехия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике.— Тр. Московского нумизматического общества. Т. III. Вып. 1. М., 1903.
3. *Кучкин В. А.* Из истории средневековой топонимии Поочья (названия древних московских волостей).— В кн.: Ономастика Поволжья. Саранск, 1976.
4. *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пгр., 1918.
5. *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.
6. *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот XIV—XV вв.— Проблемы источниковедения, 1958, вып. VI.
7. Рогожский летописец.— ПСРЛ, 1965, т. 15, вып. 1.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
9. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. Спб., 1851.
10. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3—4. М.: Наука, 1960.
11. *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX—XIV вв.). М., 1865.

12. *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты князей XIV—XV веков как историко-географический источник.— ЗРАО, 1901, т. XII, вып. I, II, кн. 5.
13. *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.
14. *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
15. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
16. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. III. М.: Наука, 1964.
17. Симеоновская летопись.— ПСРЛ, 1913, т. XVIII.
18. *Воронков Н. Н.* Отчет об археологических разведках на территории Серпуховского района Московской области в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3232.
19. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет об обследовании состояния археологических памятников в Московской области в 1961 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2250.
20. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет об обследовании состояния археологических памятников на территории Московской области в 1974 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5596.
21. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
22. *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М.: Наука, 1976.
23. *Юшко А. А.* Отчет о работе в Московской и Смоленской областях в 1972 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5077, 5077а.
24. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.
25. ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 116, л. № 237.
26. Списки населенных мест Российской империи. Т. XXIV. Спб., 1862.
27. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
28. *Юшко А. А.* Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1978 г. Ч. I, II.— Архив ИА АН СССР, р-1, N 7991, 7991а.
29. *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI—XV веках.— Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961.
30. Писцовые книги Московского государства. Ч. I. СПб., 1872.
31. Архив АН СССР, ф. 620 (С. Б. Веселовского). Московский и Серпуховской уезды в XVI—XVII вв. по писцовым книгам. Карта
32. *Копьев Я.* О селах Рождествене, что на р. Истре, Пятницком-Берендееве и Мушкине, состоявших в Звенигородском у. Московской губернии до 70-х годов XVIII столетия.— ЧОИДР, 1897, кн. 3.
33. *Юшко А. А.* Отчет о работах в Московской области в 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, N9081.
34. *Юшко А. А.* Отчет о работе Звенигородского отряда в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, д. 6249, 6249А.
35. *Юшко А. А., Чернов С. З.* Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.).— СА. 1980, № 2.
36. *Чернов С. З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Ворп в 1977 г. Ч. IV.— Архив ИА АН СССР, р-1, N 6695.
37. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

A. A. Yushko

ON THE BORDERS OF THE MOSCOW PRINCIPALITY OF IVAN KALITA

Summary

This question can be reduced to that of the localisation of border-line settlements mentioned in Ivan Kalita's wills. Its first variant is dated to 1336, the second—to 1339. Sources of the 15th and 18th centuries (deeds, cadasters, maps of the General Land-Surveying) and also toponimic data supported by archaeological finds permit to localise border-line villages and regions. In the 1330s the Moscow Principality stretched from the Nara River and Mozhaisk and Volokolamsk in the west to the upper reaches of the Nerskaya in the east, and from the Oka in the south to the upper reaches of the Yakhroma and Vorya in the north. Its size was about 21,300 sq. km, that is slightly less that one-third of Czechia in her 14th-century boundaries.

АРТЕМЬЕВ А. Р.

СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ИЗБОРСКОЙ КРЕПОСТИ

Вопросы стратиграфии и хронологии Изборской крепости почти не обсуждались в археологической литературе, так как исследования в ней до последнего времени носили разведочный характер и давали противоречивые результаты. Первые разведочные раскопки в крепости по заданию Русского Военно-Исторического общества провел в 1910 г. Н. И. Репников [1]. На основании материала, добытого из пяти шурфов [2, л. 203] размерами 4×4 аршина каждый, т. е. ок. 8,1 м², он «пришел к заключению, что на месте каменной крепости до ее построения, т. е. до первой половины XIV в., никакого более древнего поселения не существовало», о чем он и доложил обществу в сообщении «Археологическая разведка в Изборске» [3, с. XVI]. Чисто служебное значение имели раскопки, проведенные летом 1911 г. при обмерах крепости под общим руководством К. К. Романова. Они были произведены в четырех местах: В. Н. Талепоровским и А. Я. Белобородовым внутри тайника с внешней восточной стороны крепости и у Колокольной башни, против тайника, с ее внутренней стороны, а также Н. М. Печенкиным с внешней западной стороны крепости, у башни Талавская и у башни Вышка [3, с. XII; 4]. Эти исследования завершились кратким докладом К. К. Романова в основном лишь о работе, проведенной по обмерам [2]. Три разведочных шурфа Г. П. Гроздилова, заложенных им в 1953 г. вблизи северной стены крепости, позволили, по его мнению, установить наличие на территории крепости слоя XII в. [5, с. 39; 6, с. 66—68]. В 1964 г. по заданию Псковских реставрационных мастерских четыре маленьких шурфа заложил у крепостных стен В. Д. Белецкий [1]. В одном из них была найдена миска «гарцского» типа, датируемая XI в. [7, с. 106—108]. В 1970 г. по заданию тех же мастерских небольшой шурф с внешней стороны наружной стены Никольского захаба заложил М. А. Миролюбов [2]. Шурфы, расположение которых обозначено в отчетах, показаны на рис. 1.

Стационарные исследования Изборской крепости были начаты экспедицией Института археологии АН СССР и Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника под руководством В. В. Седова в 1978 г. За три полевых сезона вскрыта площадь в 561 м² в северо-западной части крепости, у башни Луковка (рис. 1) [3]. Уже после разведочной траншеи 1977 г. стало ясно, что памятник многослойный, поэтому в дальнейшем раскопки его производились по слоям, получившим буквенные обозначения от *А* до *Г*, и пластам по 0,2 м. Буквой *А* обозначен дерновый слой, а буквой *Б* — слой позднего строительного мусора и осыпь стены. Естественно, что слой *Б* постепенно утоньшается по мере отдаления от стен и в 10—12 м от них исчезает совсем, отсутствует он и на центральной площадке крепости. Времени функционирования крепости соответствуют слои *В* и *Г*. Детальный анализ полевой документации позволил подразделить их еще более дробно: слой *В* — на отдельные прослойки от $В_1$ до $В_{10}$, а слой *Г* — от $Г_1$ до $Г_3$. Поскольку исследования производились

[1] Приносим благодарность В. Д. Белецкому за предоставленные сведения.

[2] Благодарим М. А. Миролюбова за любезно предоставленные сведения.

[3] Для получения необходимых данных были использованы в основном материалы раскопов *А* и *Б*, а также частично *Г*, потому что они были заложены на склоне центральной площадки крепости, где сохранность слоя наилучшая, и почти не использовались материалы раскопа *В* на центральной площадке, где слой сравнительно тонок и сильно перемешан.

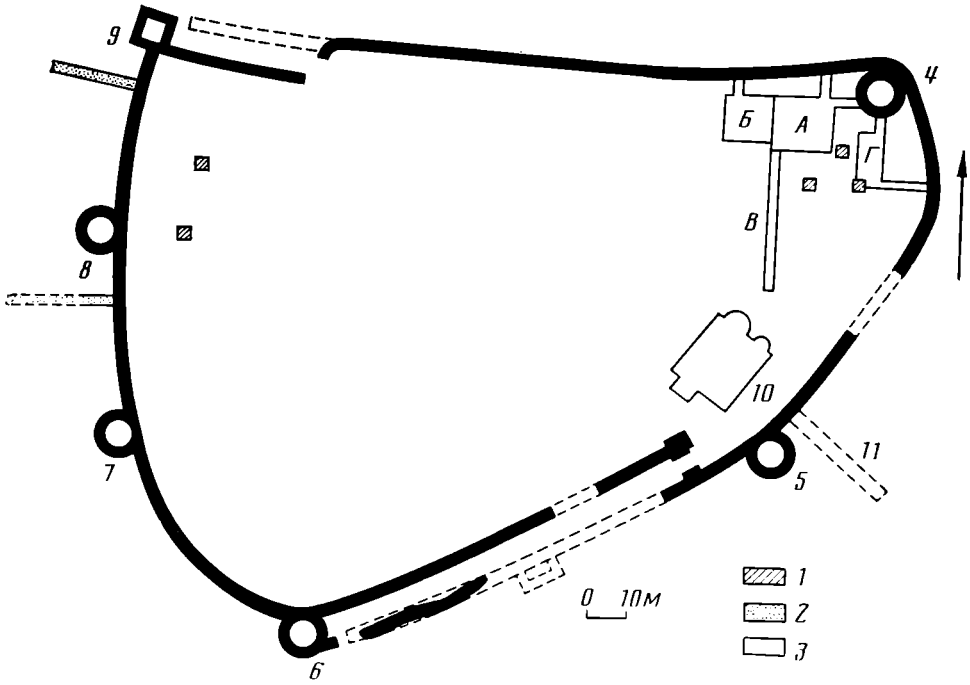


Рис. 1. План Изборской крепости и раскопов в ней. *1* — шурфы Н. И. Репникова (1910 г.); *2* — траншеи К. К. Романова (1911 г.); *3* — раскопы (*А*, *Б*, *Г*) и траншея (*В*) 1977—1980 гг.; *4* — башня Луковка; *5* — башня Колокольная; *6* — башня Темнушка; *7* — башня Рябиновка; *8* — башня Вышка; *9* — башня Талавская; *10* — Никольский собор; *11* — потайный ход

на склоне центральной площадки территории крепости, разница в уровне залегания древней дневной поверхности достигала местами 2 м [8, рис. 35]. Мощность культурных напластований, т. е. слоев *В* и *Г*, колебалась на разных участках от 0,05 до 1,4 м [8, рис. 40].

Охарактеризуем прослойки снизу вверх — от $Г_3$ до $В_1$. Слой $Г_3$ — это слой погребенной почвы из желтой глины с примесью серой земли, плавно переходящий в желтую материковую глину, ниже которой находится материковая скала[4]. Мощность этого слоя определить достаточно сложно[5], однако обычно он не превышает 0,2 м. Слой $Г_3$ чаще всего перемешан с вышележащим слоем $Г_2$, который, по-видимому, просто втоптан в него. Слой $Г_2$ — это тонкая (0,01—0,05 м) прослойка пожарища из мелких угольков и обугленного зерна. Стратиграфически они надежно подразделяются лишь в непосредственной близости (5—6 м) от стен и башни, где фиксируется и слой $Г_1$ — слой присыпки пожарища материковой глиной [8, рис. 39, 40; 9, рис. 46].

Поскольку находки, особенно датируемые, происходят из горизонтов, где слои $Г_3$—$Г_1$ перемешаны, охарактеризуем их вместе. Это втульчатый пирамидальный квадратного сечения арбалетный наконечник стрелы с укороченными гранями (рис. 2, *2*). А. Н. Кирпичников полагает, что такие наконечники появляются не позже XIV в. и характерны для XV в. [10, с. 71, рис. 30, VI]. Однако три таких наконечника с Киевщины (тип 3, по А. Ф. Медведеву) датируются XIII—XV вв. [11, с. 94], а наконечник с Изборского городища — XII—XIII вв. [12, с. 70]. Таким образом, хронологические рамки их достаточно широки — XII—XV вв. Еще один арбалетный болт (рис. 2, *1*) с обтекаемо-ромбическим пером, ромбовидным в сечении (близок к типу 8-2, по А. Ф. Медведеву), также датируется XII—XV вв. [13, с. 101, 102, рис. 36, III]. Кроме того, най-

[4] Этот слой отсутствует лишь на центральной площадке крепости, где слой *В* лежит прямо на материковой скале, но и там его можно проследить в ямах [9, рис. 47].

[5] Для страховки он обычно снимается на бо́льшую, чем нужно, глубину, поэтому профили стенок раскопов и нивелировочные планы, как правило, не отражают его реальной нижней границы.

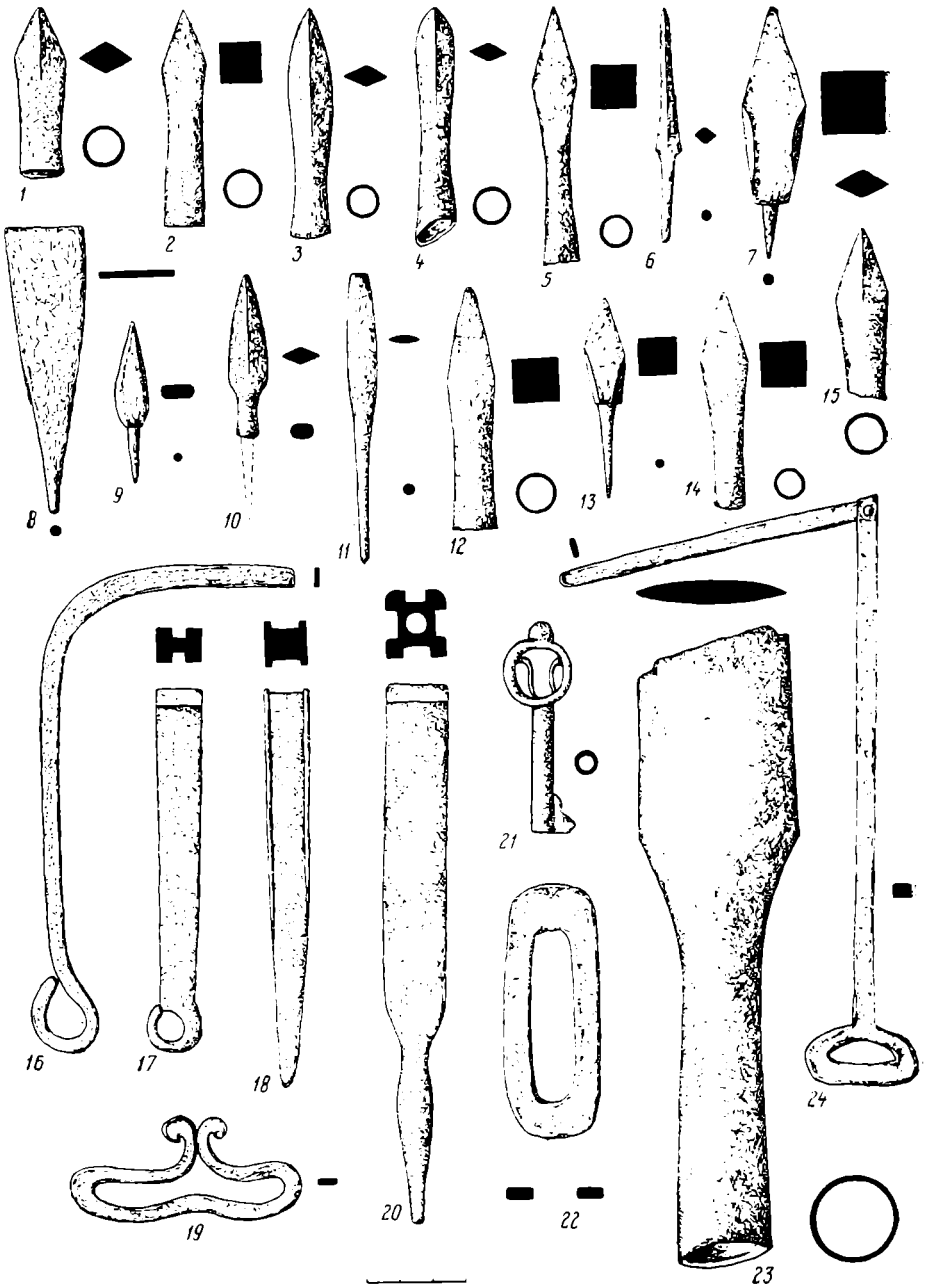


Рис. 2. Предметы из раскопок Изборской крепости. *1—24* — железо

дены: два ледоходных шипа X—XVI вв. [14, с. 247, 248; 15, с. 80—83], обломки замка, два дверных пробоя, нож, обломки бронзовой проволоки и несколько неопределимых железных и бронзовых предметов. Очевидно, что вещевой материал не дает даже более или менее узких дат прослоек $Г_3$—$Г_1$, однако мы имеем верхнюю дату — 1330 г., так как слой строительства крепости ($В_{10}$) залегает выше. Прослойку пожарища ($Г_2$) можно предположительно датировать 1269 г., когда Изборск был взят и сожжен [16, с. 653, 654], или 1298 г., когда немцы напали на Псков [17, с. 4] и по крайней мере посад Изборска, по-видимому, был снова разорен. При этом предпочтение следует отдать более поздней дате, потому что за 30-летний период между этими пожарами сгоревшие постройки наверняка были бы восстановлены и мы имели бы два слоя пожарища или один, но более мощный, между тем собственно культурный слой выше прослойки $Г_2$ отсутствует вплоть до слоя $В_{10}$.

Слой $В_{10}$ представляет собой отложения строительного мусора из камней различной величины, щебня и серой земли, зафиксирован в непо-

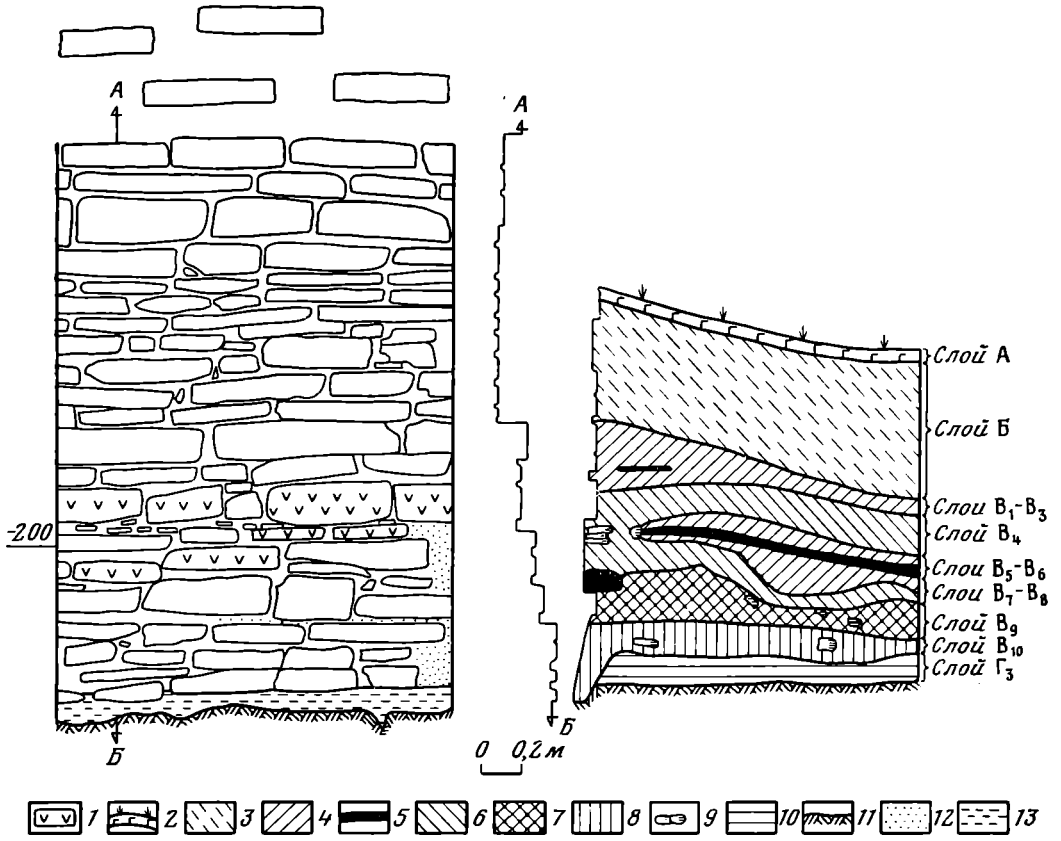


Рис. 3. Кладка крепостной стены в кв. 99. Рельеф стены. Профиль восточной стенки кв. 99, примыкающий к стене. *1* — нижние плиты кладки со следами подтески; *2* — дерн; *3* — слой позднего строительного мусора из светло-серой земли с примесью извести, щебня и камней; *4* — серая земля с включениями щебня; *5* — пожарище; *6* — строительный мусор из щебня и камней с включениями извести; *7* — слой пожарища с включениями извести, камней и щебня; *8* — серая земля с камнями и щебнем; *9* — камни; *10* — желто-серая глина с мелким щебнем; *11* — материк; *12* — известь; *13* — материковая глина (слои $Г_2$ и $Г_1$ на данном участке профиля отсутствуют)

средственной близости от стены и башни и примыкает к ним [8, рис. 39, 40; 9, рис. 46; 18, рис. 35]. В стене этому слою соответствует сухая[6] кладка из известняковых плит без следов подтески (рис. 3), положенная на плотную материковую глину[7], под которой на глубине 0,1—0,2 м лежит скала. Находок, достоверно происходящих из слоя $В_{10}$, за исключением керамики, нижняя дата которой уходит в XII в., нет, поэтому находки, происхождение которых из слоя $В_{10}$ вероятно, разбираются нами вместе с находками из слоя $В_9$. В Псковских летописях о переносе Изборска с Труворова городища на Жеравью гору и сооружении там каменной крепости сообщается под двумя датами: под 1303 г. [17, с. 14, 17] и под 1330 г. [19, с. 23, 92], вследствие чего Н. М. Карамзин, Е. Болховитинов и Н. Окулич-Казарин полагали, что Изборск переносили дважды [20, прим. 278; 21, с. 11; 22, с. 5, 6], а П. А. Раппопорт, В. В. Косточкин, Г. П. Гроздилов и В. В. Седов считают, что город был перенесен в 1303 г., а в 1330 г. лишь укреплен каменными стенами [6, с. 66; 23, с. 164; 24, с. 125, 126; 25, с. 67]. Между тем анализ летописных известий приводит к иным выводам. Мы не знаем ни одного списка Псковских летописей, в котором бы сообщалось о переносе города как под 1303, так и под 1330 г., что уже наводит на мысль об однократном

[6] Раствор, зафиксированный на отдельных участках кладок башни и стены, по-видимому, был затерт туда при более поздних строительных работах.

[7] В основании башни Луковка с южной ее стороны прослежена вымостка из булыжных камней размерами 0,1×0,1×0,15 м, углубленная на 0,2 м в материковую глину [18, рис. 35]. Возможно, таким образом выровнен материк, имеющий здесь значительный наклон в северо-восточном направлении.

акте переноса. О переносе города в 1303 г. сообщается в Архивском 1 и Тихановском списках, которые, по мнению А. Н. Насонова, можно рассматривать как одну Псковскую летопись в разных редакциях, причем отличия между ними сводятся главным образом к тому, что в Архивском 1 имеется ряд сокращений [26, с. X, XI]. В сообщении Тихановского списка о переносе города и построении крепости в 1303 г., так же как в Синодальном и Строевском списках, отметивших это событие под 1330 г., фигурирует князь Александр[8]. Как известно, он бежал из Твери в Псков после восстания против татар в 1327 г. и, следовательно, никак не мог присутствовать при переносе Изборска в 1303 г., а другого князя Александра в это время в Пскове не было. Таким образом, несомненно, что перенос Изборска, равно как и возведение каменных стен на Жеравьей Горе, был осуществлен в 1330 г., а дата, содержавшаяся в протографе Архивского 1 и Тихановского списков, по-видимому, ошибочна.

В целом характер кладки и плановой структуры крепости явно восходит к ее предшественнице на Труворовом городище [27, с. 3, 4]. Остается только неясным, остатки каких сооружений в 0,2 км северо-западнее крепости в 1330 г. принял за «следы древних стен и башен 1303 г.» Е. Болховитинов [21, с. 11], посетивший Изборск летом 1816 г. [28, с. 5].

B_9 — слой пожара, произошедшего в крепости в одно из первых десятилетий ее функционирования, вперемешку с серой землей и щебнем. В Псковских летописях нет сообщений о случайном пожаре в крепости в этот период, а они достаточно пунктуально освещают события, связанные с Изборском; поэтому, видимо, следует связать его с одной из осад города, которых в этом столетии было три — в 1341 г. [17, с. 19], 1349 г. [17, с. 20; 19, с. 26, 98, 99] и 1369 г. [19, с. 28, 104], и, вероятнее всего, все же с последней, наиболее тяжелой, сведения о которой есть даже в общерусских летописях [29, с. 42].

В слое B_9 зафиксирован строительный горизонт, включающий девять построек, одновременно погибших в огне[9]. Прослеженные остатки построек размерами в среднем 4,5×3 м имели фундамент, сложенный насухо из небольших, 0,15×0,1×0,05 м, известняковых плит в два-три яруса, или подкладки под угол сруба тоже из известняковых плит, но более крупные — 0,4×0,3×0,2 м, и печь-каменку в одном из углов [30, с. 24, 25].

В слоях B_{10}—B_9 найдено: четыре ключа типа В-I и два — типа В-II (по Б. А. Колчину) (рис. 2, *17*), датируемых в Новгороде соответственно второй половиной XII — первой третью XV и XIII — первой третью XV в. [14, с. 82, рис. 70], и один замок типа В-II; два наконечника арбалетных стрел (рис. 2, *12*, *13*) типов 4 и 15 (по А. Ф. Медведеву), имеющих даты XIII—XIV и XII—XIV вв. [11, с. 94, 95]; наконечник охотничьего копья — плоский, удлиненно-треугольный в плане, с согнутым на конце черешком, хронологические рамки его XI — начало XV в. [31, тип 4]; наконечник рогатины (рис. 2, *23*) с широким длинным пером, ясно выраженными плечиками и массивной втулкой (сходен с типом IV-А, по А. Н. Кирпичникову), такие копья появляются в XII в. и употребляются до конца средневековья [32, с. 12—15]; пластины от панцирного доспеха XIV — начала XVI в. [10, с. 37, рис. 11, *2*; 33, с. 119—134]; калачевидное кресало (рис. 2, *19*), датируемое в Новгороде X—XII вв. [14, с. 98—100, рис. 85]; подковообразная бронзовая фибула с гвоздевидными концами и насечкой, подражающей витью (рис. 4, *9*), такие фибулы встречены в Новгороде в слоях конца X — конца XIV в. [34, с. 86, 88], на территории древних эстов они датируются XIII—XIV вв. [35, табл. XXXV, *2*]; трехпроволочный витой браслет с петлями на концах (дата, по М. В. Седовой, первая четверть XI — 80—90-е годы XIV в.) [34, с. 94, 96]; два пряслица — каменное и шиферное, последнее (рис. 4, *11*) датируется

[8] В Архивском 2-м списке не упоминается ни о князе, ни о постройке стен, а отмечен лишь факт переноса.

[9] Дерево в культурном слое Изборской крепости, так же как и на городище, сохраняется лишь в обугленном состоянии.

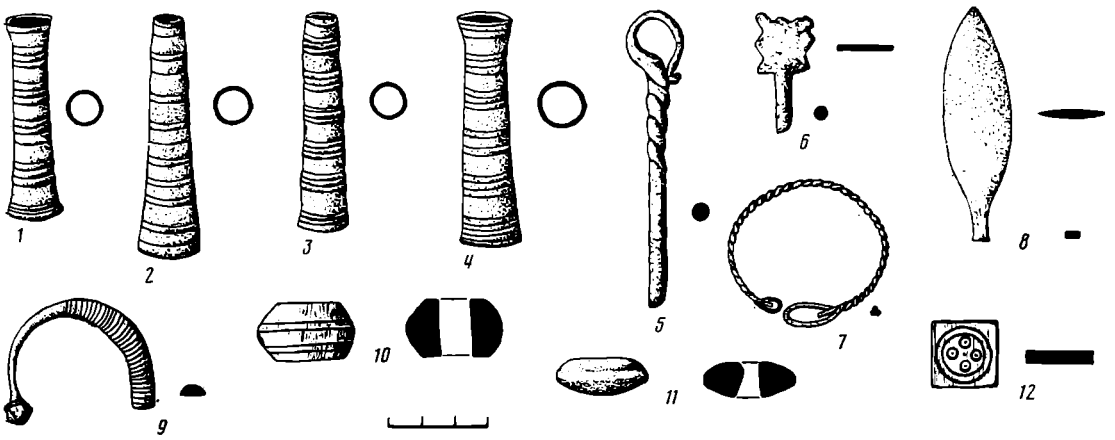


Рис. 4. Предметы из раскопок Изборской крепости. *1—4, 7—9* — бронза; *5, 6* — железо; *10, 12* — кость; *11* — шифер

временем не ранее второй половины XIII в. [36, с. 220—223]; три подковки типа 2 (по Б. А. Колчину), использовавшихся в XIV—XV вв. [14, с. 108—110]. Кроме того, встречены: два ледоходных шипа, шесть дверных пробоев, 18 ножей различного назначения, топор, два бронзовых игольника (рис. 4, *1*, *2*), жернов, обломок литейной формы, удила, несколько точильных камней, скоба, два каменных грузила и обломок сошника.

Слой B_8 содержит строительный мусор из извести, щебня и камней различной величины, зафиксирован в непосредственной близости от стены и башни и примыкает к ним, имеет толщину в среднем до 0,2 м. Вокруг башни этот слой имеет в плане полукруглые очертания и исчезает в 10 м от нее, здесь его мощность достигает 0,5 м [8, рис. 39, 40; 9, рис. 46; 18, рис. 35]. Большая мощность слоя у башни объясняется тем, что камень, привезенный для ее ремонта (надстройки), обтесывался на месте, о чем свидетельствует большое количество щебня и мелких камней со следами сколов. Судя по стратиграфии, слой B_8 можно отнести к последней четверти XIV — началу XV в.

B_7 — слой серой земли с включениями щебня, фиксируется во всех раскопах и имеет толщину до 0,3 м. Поскольку слой B_8 подразделяется на слои B_9 и B_7 лишь в непосредственной близости от стен и башни, вещевые находки во избежание ошибок характеризуются нами вместе. Сюда входят: три ключа типа Д и один типа Ж (по Б. А. Колчину) (рис. 2, *18*, *21*), а также ключ-отмычка (рис. 2, *16*), датируемые соответственно второй половиной XIV — первой половиной XV, концом XIV—XVI и X—XIV вв. [14, с. 82, 84, рис. 70, с. 86], семь наконечников стрел: шиловидный ромбического сечения с упором (рис. 2, *6*) (тип 94, по А. Ф. Медведеву), до сих пор в слоях позднее первой половины XIII в. этот тип не встречался [11, с. 84]; срезень в виде расширяющейся к острию лопаточки без упора для древка (рис. 2, *8*) — это самый поздний экземпляр[10], известный на нашей территории (тип 58, по А. Ф. Медведеву); костяной остролистный с упором для древка (рис. 2, *9*), подражание железным наконечникам типа 61 (по А. Ф. Медведеву), датируется X—XIV вв. [11, с. 73, 88]; два лавролистных ромбического сечения арбалетных наконечника (рис. 2, *3, 4*) типа 8 (по А. Ф. Медведеву), бытовавших в XII—XV вв. [11, с. 94, 95]; еще два арбалетных наконечника типов 4 и 15 (по А. Ф. Медведеву) имеют даты XIII—XIV (рис. 2, *5*) и XII—XIV вв. (рис. 2, *7*); трехпроволочный витой браслет с петлями на концах (рис. 4, *7*), датируемый первой четвертью XI — 80—90-ми годами XIV в.; овальное кресало (рис. 2, *22*), бытовавшее в Новгороде в XIII — конце XV в. [14, с. 101, рис. 85]. Кроме того, встречены: три подковки для сапог типа 2 (по Б. А. Кол-

[10] В Новгороде они не выходят за пределы XI в. [11, с. 71]; срезень из Тиверского городка относится его исследовательницей к X — началу XII в. [37, с. 60, табл. 5, 7], в Польше они доживают до первой четверти XV в. [38, № 206].

чину) — XIV—XV вв., три ножа, каменная формочка для литья пуговиц, каменное пряслице, обломок серпа, бронзовое кольцо, дверной пробой, две пластинки с заклепками и конец кнутовища.

К самому слою B_7 относятся: три замка типа Е и ключ типа В-II (по Б. А. Колчину), датируемые соответственно второй половиной XV—XVI в. [14, с. 84, рис. 70] и XIII — первой третью XV в., а также ключ-отмычка (рис. 2, *24*) — XIV в. [14, с. 86]; килевидный сплющенный наконечник стрелы (рис. 2, *10*) типа 81 (по А. Ф. Медведеву) — X—XIV вв. [11, с. 80], булавка-спица для ручных прялок (рис. 4, *5*), основная масса их датируется в Новгороде XIV в. [14, с. 105, 106], но они встречаются и среди древностей XVI—XVII вв. [39, с. 41, табл. 5, *5*]. Еще одна булавка, с фигурной головкой (рис. 4, *6*), твердой даты не имеет. Помимо того найдены: три подковки XIV—XVI вв. типа 2 (по Б. А. Колчину); костяная накладка с орнаментом типа плетенки; железная пластинка с заклепками; бронзовый игольник (рис. 4, *3*); несколько ножей и бронзовая пряжка-бляха для ремня с изображением дерущихся барса и льва.

Слой B_6 представляет собой остатки пожарища толщиной ок. 0,1 м, содержащие обугленное зерно и древесину. В нем зафиксирован второй горизонт построек, одновременно погибших в огне, правда, значительно хуже сохранившихся. Окунтурить удалось лишь три из них [30, с. 24, 25]. Хотя было их, несомненно, больше, так как прослойка обугленного зерна, мелких углей, фрагментов плах и бревен зафиксирована практически по всему слою [8, рис. 27, 28; 9, рис. 46]. В целом по конструкции они ничем не отличаются от построек первого горизонта. Исходя из стратиграфических наблюдений [8, рис. 39, 40; 9, рис. 46; 18, рис. 35; 40, рис. 23], слой B_6 можно отождествить с известным по летописи пожаром 1513 г.: «Того же лета погоре Изборск весь на Егорьев день... во обедню, апреля в 23 день» [17, с. 97].

Находки слоя B_6 ввиду его сравнительно небольшой толщины (0,05 м) на основной части открытой площади достоверно не выделены и разбираются нами как относящиеся к слоям B_7—B_5. Это листовидный наконечник стрелы X—XIV вв. (рис. 2, *11*) типа 61 (по А. Ф. Медведеву); ключ типа В-II (по Б. А. Колчину), датируемый XIII — первой третью XV в.; два ключа-отмычки X—XIV вв.; пять подковок для сапог типа 2 и одна типа 1 (по Б. А. Колчину), имеющих в Новгороде даты: XIV—XVI вв.— первые и XV в.— вторые [14, с. 108, 110]; встречены также железные и бронзовые пряжки, бронзовый игольник (рис. 4, *4*) и около десятка ножей.

B_5 — слой земли серого цвета со щебнем, толщиной местами до 0,1 м. По-видимому, это присыпка пожарища [8, рис. 39; 9, рис. 46; 18, рис. 35; 40, рис. 23].

Слой B_4 — строительный мусор, включающий известь и камни различной величины. Возле стены он достигает толщины 0,2 м, а около башни, где он состоит исключительно из извести, не превышает 0,1 м. В некоторых местах он лежит на слое B_6 [8, рис. 36; 18, рис. 35], что позволяет датировать его тем же временем или чуть позднее.

B_3 — слой серой земли с включениями щебня. В нем открыты основания двух построек третьего горизонта. От одной сохранились фундамент из крупных известковых плит и валунов по углам, положенный на глиняную подушку толщиной до 0,1 м, и пол тоже из крупных плит, положенных прямо на землю в один ярус. В северо-западном углу постройки открыто основание печи из глины и камней. Размеры постройки 7×7 м. От фундамента второй постройки сохранилась лишь одна стенка [8, с. 42—44, рис. 36]. Возможно, что эти постройки упоминаются среди перечисленных в писцовых книгах 1585—1587 г. [41, с. 295—297].

Слой B_2 — остатки пожарища из мелких углей толщиной местами до 0,5 м. Зафиксирован в профиле на разных участках вскрытой площади; сплошного слоя нигде не сохранилось [9, рис. 46; 18, рис. 35]. Судя по стратиграфии, он может быть отнесен к первой половине XVII в. B_1 — слой серой земли с включениями щебня, как правило, перемещен

с нижележащим, и определить его мощность поэтому сложно, но вблизи стен, где сохранился слой B_2, его толщина достигает 0,2 м.

Находки слоев $B_5 - B_1$ содержат: наконечник арбалетной стрелы XIII—XIV вв. (рис. 2, *14*); обломок двухстороннего цельного гребня XI—XV вв. [42, с. 102, 103]; бронзовый нож[11] для линования пергамента с обломанной рукоятью (рис. 4, *8*); копейку Ивана IV; пять подковок для сапог типа 2 (по Б. А. Колчину); ледоходный шип; четыре дверных пробоя; 15 ножей различного назначения; три глиняных грузила; светец; удила; две дужки от ведер; две иглы; костяное пряслице (рис. 4, *10*); костяную находку с циркульным орнаментом (рис. 4, *12*), несколько железных и бронзовых предметов неясного назначения.

Весь представленный материал и наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

1. В конце XIII, а не в XII в., как утверждал Г. П. Гроздилов, отдельные усадьбы посада Изборска с центром на Труворовом городище, по-видимому, достигли вскрытого нами участка мыса Жеравьей горы (слой $Г_3 - Г_1$). Правда, косвенно в пользу этого наблюдения свидетельствует находка миски «гарцского» типа, но она датируется все же временем не позднее XI в. [7]. Основная же масса находок, имевшихся в распоряжении Г. П. Гроздилова, не дает права на датировку нижнего слоя на Жеравьей Горе XII в. Два ключа относятся к типу Д (по Б. А. Колчину), т. е. датируются второй половиной XIV — первой половиной XV в. Наконечник арбалетной стрелы относится к типу 3 стрел (по А. Ф. Медведеву), датировка которых определена в пределах XII—XV вв. Двусторонний цельный гребень датируется широко — XI—XV вв. Не имеют узкой даты также шиферное пряслице, железные удила и серп.

2. В строительстве северной стены прослеживаются три, а не два этапа, как полагали В. В. Косточкин и Г. Я. Мокеев[12]. Первый из них выделял этап 1303—1330 гг. (по его хронологии) как время существования деревянных стен и одной каменной башни Луковка [24, с. 139—141, рис. 18, *а*], чему противоречат и летописные, и археологические данные. Второй, исходя из разного количества слоев кладки стены — северо-восточной (2) и юго-западной (3) — и считая общий объем работ по одновременному возведению всей крепостной стены из камня для того времени непосильным, полагает, что северо-восточная часть стены была первоначально деревянной [45, с. 78, 79]. Это предположение также вызывает серьезные возражения, так как нет ничего удивительного в том, что стена с напольной, наиболее уязвимой стороны крепости утолщалась 2 раза. Что касается последовательности сооружения каменных стен крепости, то все возрастающая военная роль Изборска и незагруженность, судя по летописям псковичей, строительством в эти годы не оставляют сомнений в единовременности их возведения. Противоречат мнению Г. Я. Мокеева также летописные и археологические источники.

Первый этап одновременного строительства стены и башни относится к 1330 г. (слой B_{10}), причем башня первоначально не находилась внутри крепости, а оказалось там на втором или третьем этапе[13] (точнее покажут дальнейшие исследования).

---

[11] Три таких ножа найдены в Пскове; один из них опубликован Г. П. Гроздиловым [43, рис. 48, *13*], два других происходят из слоев XVI—XVII вв. раскопа на Первомайской улице (благодарим В. И. Кильдюшевского за указанную аналогию); еще один аналогичный нож найден при раскопках монастыря францисканцев XV—XVI вв. в Вильянди [44, табл. XXVI, *1*].

[12] Ошибка В. В. Косточкина и Г. Я. Мокеева в том, что они учитывали лишь количество слоев кладки северной стены, оставив без внимания тот факт, что строительные работы могут быть связаны не только с утолщением стен, но и с увеличением их высоты.

[13] Неоднократные утверждения В. В. Косточкина о том, что башня Луковка изначально находилась внутри крепости и являлась подобием западноевропейского донжона [24, с. 139—141; 42, с. 98—100], необоснованны, так как на приводимых им планах [24, рис. 18; 42, рис. на с. 99] ясно видно, что более ранним является внутренний, а не внешний слой кладки: шов от внешней, приложенной кладки налицо [24, рис. 11, *17*].

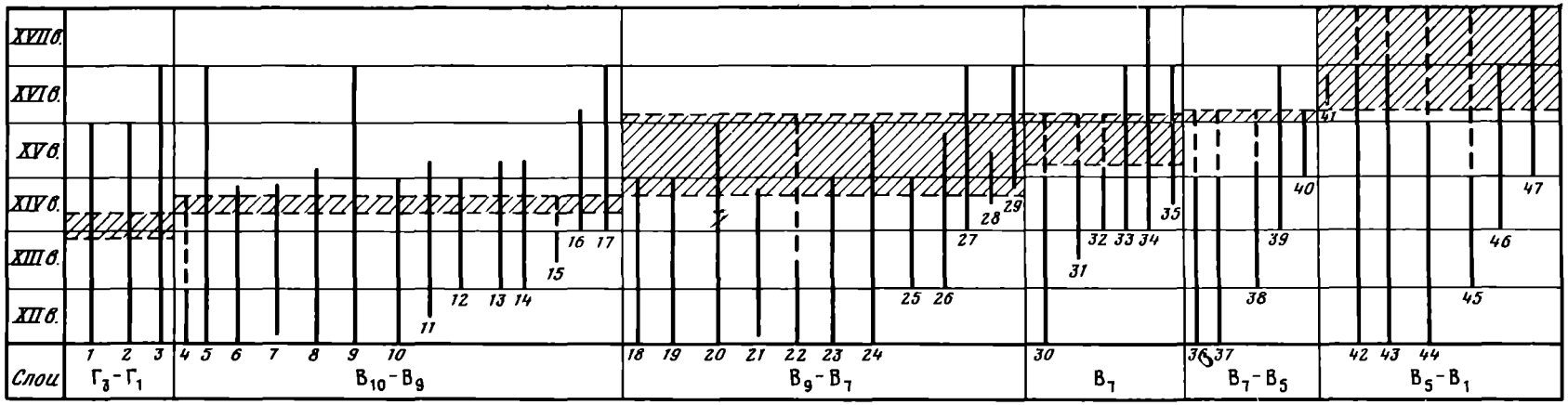


Рис. 5. Распределение датируемых вещей по слоям. *1* — наконечник стрелы арбалетной, тип 3; *2* — наконечник стрелы арбалетной, тип 8, *2*; *3* — шип ледоходный; *4* — кресало калачевидное; *5* — шип ледоходный; *6* — фибула подковообразная с гвоздевидными концами; *7* — браслет трехпроволочный с петлями на концах; *8* — наконечник копья охотничьего, тип 4; *9* — наконечник копья боевого, тип IVA; *10* — наконечник стрелы арбалетной, тип. 15; *11* — ключ, тип В-1; *12* — наконечник стрелы арбалетной, тип 4; *13* — ключ, тип В-II; *14* — замок, тип В-II; *15* — пряслице шиферное; *16* — пластины от доспеха; *17* — подковка, тип 2; *18* — ключ-отмычка; *19* — наконечник стрелы костяной, тип 61; *20* — наконечник стрелы, тип 58; *21* — браслет трехпроволочный с петлями на концах; *22* — наконечник стрелы, тип 94; *23* — наконечник стрелы арбалетной, тип 15; *24* — наконечник стрелы арбалетной, тип 8; *25* — наконечник стрелы арбалетной, тип 4; *26* — кресало овальное; *27* — подковка, тип 2; *28* — ключ, тип Д; *29* — ключ, тип Ж; *30* — наконечник стрелы, тип 81; *31* — ключ, тип В-II; *32* — ключ-отмычка; *33* — подковка, тип 2; *34* — булавка-спица; *35* — замок, тип Е; *36* — ключ-отмычка; *37* — наконечник стрелы, тип 61; *38* — ключ, тип В-II; *39* — подковка, тип 2; *40* — подковка, тип 1; *41* — копейка Ивана IV; *42* — шип ледоходный; *43* — гребень костяной цельный двусторонний; *44* — наконечник стрелы арбалетной, тип 8, *2*; *45* — наконечник стрелы арбалетной, тип 4; *46* — подковка, тип 2; *47* — нож для линования пергамента

Второй этап, также связанный со стеной и башней, относится к последней четверти XIV — началу XV в. (слой B_8).

Третий строительный этап северной стены крепости (слой B_4) относится к 1513 г. или последующим годам. Башня на этом этапе, судя по стратиграфии, подверглась лишь незначительному ремонту. Последний этап строительства всей крепости связан с сооружением захабов, которые описываются в писцовых книгах 1585—1586 гг. как «новые приделки» [46, с. 411]. Археологически они еще не исследовались. П. А. Раппопорт совершенно прав, полагая, что «новыми» в конце XVI в. могли называться лишь стены, выстроенные не ранее середины этого столетия [23, с. 183]. Предположение В. В. Косточкина о том, что они построены немного позднее середины XV в. [24], слабо обосновано, так как одних свидетельств о том, что в других крепостях захабы появляются еще в XIV в., явно не достаточно. Наиболее вероятной датой сооружения захабов, по-видимому, являются 60—70-е годы XVI в.

Сохранились ли в крепости стены 1330 г., на чем настаивал В. В. Косточкин [24, с. 133, рис. 18, *б*], или нет, как утверждал П. А. Раппопорт [23, с. 181—183] [14], точно сказать нельзя, так как определить, не перекладывалась ли наземная часть стены, достаточно сложно. Несомненно, однако, что в основе северной стены-крепости и башни Луковка лежит кладка 1330 г.

3. Три горизонта построек, выделенных нами, фиксируют плотную, типично городскую застройку крепости по крайней мере до 80-х годов XVI в. Население, чьи дома погибли от пожара слоев B_9 и B_6, было в значительной степени военизировано, хотя несомненно, что часть найденных арбалетных болтов принадлежала нападавшим. Что касается мирных занятий населения, то существенных свидетельств ремесленной деятельности на территории крепости мы почти не имеем, хотя обитатели построек второго горизонта (слой B_6) в значительной степени больше их предшественников связаны с сельским хозяйством (в крепости хранится большое количество зерна). Постройки третьего горизонта (слой B_3), названные в описях «осадными дворами» [41, с. 295], судя по всему, постоянных жителей не имели.

4. Распределение вещей по слоям, за исключением некоторых верхних границ дат, не противоречит общепринятой хронологии (см. рис. 5).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Репников Н. И.* Отчет об археологической разведке в Изборске.— Архив Артиллерийского исторического музея. Дела Военно-исторического общества. оп. 95/2, № 137.
2. *Романов К. К.* Изборск (черновик доклада).— Архив ЛОИА АН СССР. ф. 29. д. 40.
3. Записки разряда Военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества. Т. 11. Спб., 1912.
4. *Талепоровский В. Н.* Отчет о работе в Изборске в 1911 г.— Архив Артиллерийского исторического музея. Дела Военно-исторического общества, оп. 95/2, № 50, д. 288.
5. *Гроздилов Г. П.* Археологические работы в Изборске в 1953 г.— СГЭ. 1954, вып. VI.
6. *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники старого Изборска.— Асб. ГЭ, 1965, вып. 7.
7. *Белецкий С. В.* Миска с налепным валиком из Старого Изборска.— КСИА, 1975, вып. 144.
8. *Седов В. В.* Отчет о раскопках Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7257.
9. *Седов В. В.* Отчет о раскопках Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7400, 7400а.
10. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л.: Наука. 1976.
11. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
12. *Артемьев А. Р.* Наконечники стрел из раскопок Изборска.— КСИА. 1978. вып. 155.
13. *Кирпичников А. Н.* Крюк для натягивания самострела 1200—1240 гг.— КСИА, 1971, вып. 125.
14. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65.
15. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси (X—XIII вв.) — САИ, 1973, вып. Е1-36.

[14] С этим мнением согласились и его рецензенты [47, с. 404].

16. Scriptores rerum Livonicarum. B. I. Riga — Leipzig, 1853.
17. Псковские летописи. Вып. 1. М.— Л.: Наука, 1941.
18. *Седов В. В.* Отчет о раскопках в Изборске в 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7782, 7782[а].
19. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. I. Спб., 1882.
20. Псковские летописи. Вып. 11. М.— Л.: Наука, 1955.
21. *Болховитинов Е.* Летопись древнего славено-русского княжеского города Изборска. Спб., 1825.
22. *Окулич-Казарин Н.* Летописная история Изборска.— Тр. ПАО. 1916, вып. 12.
23. *Раппопорт П. А.* Изборск. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси.— МИА, 1952, № 31.
24. *Косточкин В. В.* Строительная биография крепости Изборска.— СА, 1959, № 1.
25. *Седов В. В.* Раскопки в Изборске в 1971—1972 гг.— КСИА, 1975, вып. 144.
26. *Насонов А. Н.* О списках псковских летописей.— В кн.: Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л.: Наука, 1941.
27. *Седов В. В.* Раскопки крепости Изборска на Жеравьей горе. Крепость на Изборском городище.— В кн.: Крепостное зодчество Псковской земли и ее соседей. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 650-летию Изборской крепости. Изборск, 1980.
28. Переписка митрополита Евгения с государственным канцлером графом Румянцевым и с некоторыми другими современниками. Воронеж, 1868.
29. *Михельсон Т. Н.* Изборск. Псков, 1958.
30. *Артемьев А. Р.* Результаты археологического изучения Изборской крепости XIV—XVI вв.— В кн.: Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1983.
31. *Артемьев А. Р.* Копья из раскопок в Изборске.— КСИА, 1982, вып. 171.
32. *Кирпичиков А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
33. *Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси.— СА, 1959, № 2.
34. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
35. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise periodil (11—13. sajand). Tallinn, 1974.
36. *Розенфельдт Р. Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц.— СА, 1964, № 4.
37. *Кочуркина С. И.* Археологические памятники Корелы. Л.: Наука, 1981.
38. Broń średniowieczna z ziem polskich. Katalog: Państwowe muzeum archeologiczne w Warszawie. Lódź, 1978.
39. *Никитин А. В.* Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв.— САИ. Вып. Е1-34. М., 1971.
40. *Седов В. В.* Отчет об археологических работах в Изборске в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6772.
41. Сб. МАМЮ, 1913, т. V.
42. *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, 1962, вып. 4.
43. *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова.— АСб. ГЭ, 1962, вып. 4.
44. *Селиранд Ю.* Об археологических раскопках на территории монастыря францисканцев в Вильянди.— Изв. АН ЭстССР. Сер. общественные науки, 1981, вып. 30.
45. *Мокеев Г.* Древнерусские крепости комбинированного типа.— В кн.: Проблемы теории и истории архитектуры. Сборник материалов научно-исследовательского института теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. М.: Стройиздат, 1973.
46. Сб. МАМЮ, 1914, т. VI.
47. *Брунов Н. И., Максимов П. Н., Чиняков А. Г.* Рец. на кн.: Древнерусские города. Т. II: Крепостные сооружения древней Руси (МИА, 1952, № 31).— СА, 1954, т. XX.

A. R. Artemyev

THE STRATIGRAPHY AND CHRONOLOGY OF IZBORSK FORTRESS

Summary

Izborsk's urban centre was shifted from the Truvor fortified settlement to the Zheravya Mount in 1330 (the B_{10} layer), where a stone fortress was built. This place had been habitable since the end of the 13th century ($Г_3$-$Г_1$ layers). The northern wall and the Lukovka tower were twice raised and repaired: in the last quarter of the 14th century and early 15th century (the B_8 layer) and in the early 16th century (the B_4 layer). In the 1560s-1570s parallel walls and the seventh tower were added. Three building horizons discovered in the fortress show a dense, typically urban, construction pattern which existed till the end of the 16th century. The population which suffered from the fires registered in the B_9 (1369) and B_6 (1513) layers was mainly militarised. There are no significant traces of handicrafts on the fortress's territory. It must be indicated, however, that the population of the second horizon (the B_6 layer) was closer associated with agriculture than their predecessors. Constructions of the third horizon (the B_3 layer) had no permanent dwellers and were used solely for defence.

Публикации

БАРТА Ю.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЛОВАКИИ

Количество палеолитических стоянок и местонахождений, исследованных в Словакии до 1945 г., было незначительным по сравнению с памятниками более поздних эпох. Отсутствие палеолитических местонахождений в Северной Словакии объяснялось суровостью климата в ближайшей перигляциальной зоне и большой геоморфологической расчлененностью Западных Карпат. Мало было стратифицированных памятников, некоторыми исследователями не признавалось существование среднего и нижнего палеолита [1, 2].

После освобождения Чехословакии современные методы исследования палеолита были применены не только в Чехословакии и Моравии, а и в Словакии. Полученные конкретные данные позволили внести поправки в периодизацию Г. Мортилье, в частности термин солютре был заменен селетом [3]. Принята хронологическая система В. Зоргеля и Ф. Цейнера [4], а в 1961 г.— Й. Куклы и В. Ложека [5]. С 1968 г. используются геохронологические термины В. Загвийна и Р. Пэпэ [6], хотя параллелизация педокомплексов, установленных в лёссовых и других разрезах Словакии, требует дальнейшей конкретизации.

Интенсивно проводящиеся с 1953 г. разведки в отдельных областях Словакии коренным образом изменили картину первоначального заселения территории. Результатам этих работ и связанной с ними проблематике и посвящена предлагаемая статья (рис. 1).

Первая индустрия с чопперами и чоппингами, скреблами выпуклыми и угловатыми, остриями обнаружена в 1976 г. О. Чепан, внештатным сотрудником Института археологии Словацкой Академии наук, на высоких и средних террасах р. Дунай, в юго-западных отрогах Малых Карпат, в окрестностях г. Братиславы. Галечные орудия перечисленных выше типов встречаются в европейских памятниках гюнц-миндельского интергляциала и в меньших количествах продолжают существовать вплоть до среднего палеолита. Часть местонахождений, расположенных на террасах, была затронута солифлюкцией, и часть изделий оказывается, таким образом, во вторичном залегании.

Аналогичные по стратиграфическим условиям памятники и типы орудий открыты австрийскими геологами и археологами в окрестностях Вены, последние отнесли их к так называемой гейдельбергской культуре, создателями которой они считали Homo eretus erectus [7].

Местонахождения галечных орудий из окрестностей Братиславы (Двинска-Нова-Вес, Девин и Карлова-Вес) по существу находятся в начальной стадии исследования, и поэтому окончательно не определена их культурная принадлежность и хронология. Сами орудия еще не изучены типологически. Некоторые из них, особенно собранные на самой высокой террасе р. Дунай в пункте Карлова-Вес, имеют характерную эоловую патину тех же типов, что и венские находки, но они могут быть близки и клектонской культуре, представленной в Чехии, так называемому «богемиену», датированному миндель-рисским межледниковьем [8]. Название этой культуры еще не принято однозначно ни чеш-

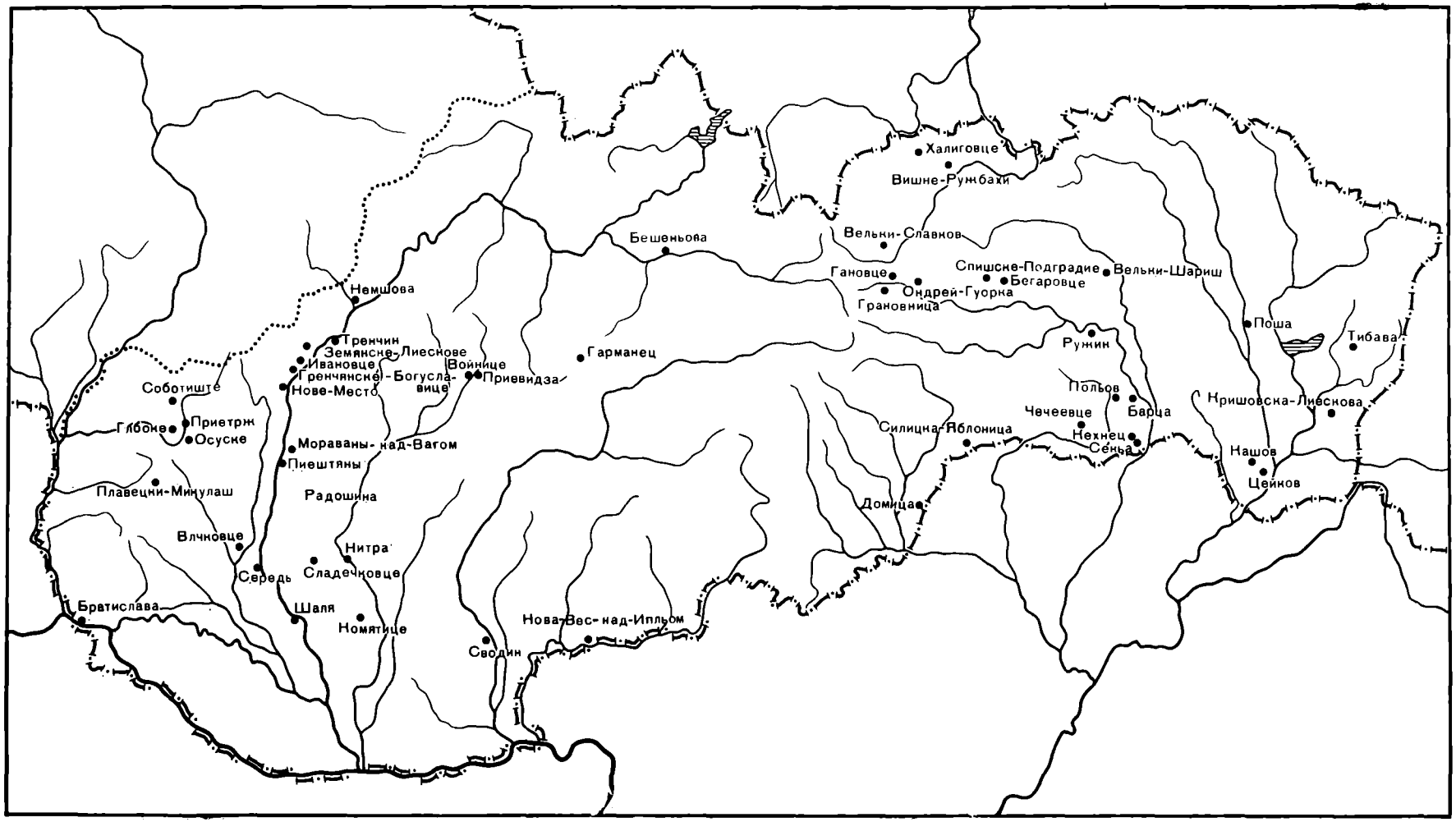


Рис. 1. Палеолитические памятники в Словакии

скими, ни иностранными исследователями. Значение ее в том, что галечные орудия, обнаруженные в окрестностях Братиславы, служат толчком для проведения дальнейших разведок в других областях, расположенных в пределах Западных Карпат.

Проведенные в 1961—1963 гг. исследования глиняного карьера в г. Нове-Место-над-Вагом-Мнешице подтвердили существование нижнего палеолита в Словакии. В этом классическом западнословацком лёссовом разрезе, находящемся в южных отрогах Белых Карпат, встречено пять ископаемых почв с пятью палеолитическими слоями. Й. Кукла [5] отнес их к четырем педокомплексам. В самой нижней ископаемой почве, датируемой гольштейнским межледниковьем, встречены немногочисленные клектонские изделия [9—12]. Одновременными, хотя пока культурно неопределимыми, являются нехарактерные артефакты из радиолярита, найденные вместе с очагами в каменоломне Горбек в г. Вишне-Ружбахи [13—15], травертины которого И. Василковский (1979 г.) отнес к гольштейнскому межледниковью.

Интересные материалы характеризуют мустьерскую культуру в Словакии. Создателями ее были Homo sapiens neandertalendes с формой переходного неандертальца. Кости обнаружены в щебне р. Ваг, у с. Шалье, как и в Гановце. Это наиболее правдоподобно кости женщин [16]. В карьере в г. Нове-Место-над-Вагом-Мнешице представлены изделия, относящиеся к двум фазам мустье [5, 17]. В верхней ископаемой почве педокомплекса IV найдены типологические маловыразительные орудия. В культурном слое, расположенном выше ископаемой почвы и датированном эемским межледниковьем, обнаружены типично мустьерские орудия. К этому же периоду относится и нуклеус из радиолярита мустьерского облика, найденный в глиняном карьере в г. Пьештяна-Банка. На поверхности почвы эемского межледниковья в пещере Чертова-Пец обнаружены немногочисленные, но характерные мустьерские артефакты, свидетельствующие о самом раннем заселении словацких пещер.

К поздней фазе мустье можно отнести немногочисленные изделия, найденные в базальной части лёссового покрова вюрма 1 в глиняном карьере на местонахождении Дудваг-Влчковце [9—12, 18]. Изделия, датированные рубежом вюрма 1 и моерсгофтом, обнаружены в травертине пещеры Бойнице-Препоштска Яскине. В качестве сырья для изготовления орудия здесь использовали помимо кремня жильный кварц и андезитовые туффиты. Это богатое среднепалеолитическое пещерное поселение в Чехословакии, относящееся к леваллуа — мустье [17, 19—21] и подтверждающее юго-восточные влияния. Большое количество изделий свидетельствует о длительном заселении пещеры, с которым связаны, очевидно, немногочисленные находки из лёссовых местонахождений Бойнице 1 и Приевидза [9—12]. В глиняном карьере с. Комьятице найдены изделия, типологически близкие к находкам из Бойнице 1 [22].

Интересные работы проведены по датированию травертинов плейстоцена в Горнонитрянском, Липтовском, Попрадском и Горнадском бассейнах. Здесь на травертиновых покровах и куполах очень часто и в многократных перекрываниях обнаружены памятники микромустье карпатской фации [14, 15], названные некоторыми исследователями [23] таубахиеном. Особо важно местонахождение у с. Градок-при-Гановце, в третьем слое микромустье которого найден отпечаток черепа донеандертальской женщины. Третий слой датирован серединой эемского интергляциала. Четвертый мустьерский слой расположен в основании вюрма 1 [16]. Палеонтологические и в основном палеоботанические исследования травертиновых разрезов в с. Гановце в 1955—1958 гг. позволили судить о климате и флоре, начиная со времени рисского оледенения, затем эемского межледниковья и вплоть до начала вюрмского оледенения. Датировка этого разреза является основой для датировки и других эемских травертинов Северо-Восточной Словакии.

Положение пяти мустьерских слоев, относящихся к эемскому межледниковью, было зафиксировано в разрезе травертинового купола на

местонахождении Ондрей-Гуорка, восточнее с. Гановце. В с. Бегаровце в травертиновом куполе Соботиско в долине р. Горнад найдено два слоя микромустье, также датируемых эемским межледниковьем. Одновременными и близкими по культурной принадлежности к вышеуказанному памятнику являются травертиновые местонахождения Грановница у подножья Нижних Татр и Липтов у с. Бешенева [9—12, 15, 19—21].

В 1964—1968 гг. систематические исследования, посвященные генезису травертинов, проведены на стоянке Бойнице 3-Градне. На стоянке обнаружено 11 слоев микромустье, относящихся к завершающей фазе эема и началу вюрма 1, без стратиграфических пробелов [9—12, 15, 19—21]. Бойнице 3-Градне является одним из классических памятников этой фазы среднего палеолита, свидетельствующим о цикличности заселения окрестностей минерального источника. Важное значение стоянки Бойнице 3 в пределах Западной Европы не только в том, что она многослойная (в Эрингсфорсе, например, насчитывалось 10 культурных слоев), но и в ее географическом положении в западной части Северной Словакии, которое позволяет рассматривать эту стоянку как связующее звено между аналогичными местонахождениями Северной Словакии и Венгрии [9—21].

Таким образом, исследование словацких травертинов эемского времени позволило более детально датировать мустье в рамках Центральной Европы. Новые памятники, открытые во время разведок в области Миявского холмогорья — Глбоке, Осуске, Приетрж, Соботиште, нуждаются в более точных хронологическом и культурном определениях. В комплексах этих местонахождений встречаются характерные элементы шарантьена, а также микока [9—12].

В Восточной Словакии, на стоянках Польов и Кехнец, найдены ручные мустьерские рубила небольших размеров вместе с ашельскими элементами, к сожалению, не в стратиграфических условиях [13, 22, 24].

В 1949 г. в лёссах и пещерах главным образом Западной Словакии открыта древнейшая верхнепалеолитическая селетская культура. Эта культура развивалась в период интерстадиала хенгело, своей материальной культурой и стратиграфическим положением она отличалась от западноевропейского солютре. Эта автохтонная центральноевропейская культура развивалась на основе мустьерской традиции. Анализ селета показал, что он представляет собой одно самостоятельное целое, т. е. самостоятельную культуру с мустьерскими и ориньякскими элементами, причем по стратиграфическим условиям селетские памятники параллельны верхнему и среднему ориньяку Восточной Словакии [3].

Наибольшее количество более выразительных памятников с листовидными остриями сконцентрировано в Западной Словакии, где, например, в области Поволжья центральное место занимает стоянка Ивановце. Недавно к этой группе была отнесена и, возможно, более древняя стоянка Тренчин-Замаровце со скреблами типа продник. Трудно было определить стратиграфическое положение этого памятника, ибо орудия были переданы рабочими кирпичного завода без указаний места находок. К селетским памятникам в Подунайском холмогорье относятся стоянки Дудвар-Влчковце [18] и Ново-Место-над-Вагом-Мнешице [9—12, 17, 22], исследованные в 1956—1958 гг. На обеих стоянках представлены классические многослойные разрезы, нарушенные частично солифлюкцией, и находки листовидных острий, датируемых межледниковьем хенгело. К селетским следует отнести и артефакты из радиолярита, встреченные на местонахождениях Тренчин 4 [22] и Земянске-Лиескове. В тех же стратиграфических условиях немногочисленные селетские изделия найдены в пещере Чертова-Пец у с. Родашина. Слой с селетскими находками из пещеры Чертова-Пец датирован по ^{14}C 38320±2480 (Jrn 2438), это одна из первых абсолютных датировок начала верхнего палеолита в Карпатском бассейне [9—12, 19—22].

Многолетние систематические исследования (1943, 1946, 1963 гг.) стоянки Мораване-над-Вагом-Длга, расположенной недалеко от пещеры Чертова-Пец, не позволяют однозначно решить вопрос о геолого-страти-

графическом положении мастерской по изготовлению селетских листовидных острий в форме тополиного листа (рис. 2), сделанных из радиолярита и названных остриями типа мораване. Эта стоянка занимает первое место среди европейских памятников по количеству острий типа мораване, здесь их найдено свыше 200.

К среднеселетским памятникам Поважья наряду с Дудваг-Вячковце и Радошине мы относим и Мораване-над-Вагом-Длга. Окончательное решение датировки Кораване-Длга способствовало бы определению продолжительности периода селета в Словакии. Предполагают, что селет Западной Словакии постепенно слился со следующим за ним технически более прогрессивным граветтом.

Единичные листовидные острия с плоской ретушью, обнаруженные на стоянках Спишске-Подградие Тибава, Поша и Вельки-Шариш, датированные интерстадиалом хенгело, позволили внести поправку в гипотезу Ф. Прошека [3] о заселении Восточной Словакии. Помимо селетского влияния, действующего непосредственно в центральной ориньякской области, о чем свидетельствуют отдельные артефакты с плоской ретушью, обнаруженные в Кошице-Барца 2 и Кехнец, прямую экспансию селета можно тоже предполагать в северной части Восточной Словакии. Нельзя исключить при этом контакт бассейнов рек Попрад, Торыса и Горнад с Краковской областью, где также встречается селет, а именно в подвергнутом солифлюкции горизонте стоянки Звержинец под Краковом [25]. О проникновении типичного, так называемого буковогорского селета из Венгрии в Юго-Восточную Словакию свидетельствуют находки единичных острий в пещере Демица-при-Кечове и в с. Чечеевце [9—12].

Одним из самых молодых стратифицированных селетских памятников можно считать пещеру Дзерава-скала у с. Плавецки-Микулаш. Слой этого памятника относится к вюрму 2. Особенностью этой пещерной стоянки является присутствие в ее культурном слое, затронутом криотурбацией, помимо изделий, изготовленных из кварца и радиолярита, коллекции костяных острий так называемого младечского типа, служивших вместе с листовидными каменными остриями метательным оружием при охоте на пещерных медведей [3].

Одновременно с селетом в Западной Словакии, в Восточной Словакии в Кошицкой котловине и в предгорье Вигерлата встречаются памятники ориньякской культуры. Ранние ориньякские памятники сосредоточены главным образом в Кошицкой котловине, возникшей в период интерстадиала хенгело; их индустрия относится к древнейшим индустриям ориньякской культуры в Европе. Стоянки этой группы Кошице-Барца 2 и Сеня 1 приурочены к речным террасам. Хронология этих памятников установлена не на основе стратиграфии, а в общих чертах, на основе находок угольков более теплолюбивых растений [26].

Геохронологические данные отсутствуют и на многих памятниках, расположенных в Южнословацкой низменности, особенно в области Поипля, в пещерах Горна-Туфна при Гарманце в Центральной Словакии и в пещере Вельке-Ружанска-Яскине в Восточной Словакии, в которых обнаружены палеолитические очаги с разломанными и обожженными эпифизами пещерного медведя, но без каменных орудий. Видимо, можно сделать предположение о сезонном заселении этих пещер охотниками на медведей в раннюю фазу верхнего палеолита [27, 28].

Хорошо известна в Словакии граветтская культура. Несмотря на большое количество граветтских памятников в Словакии, пока трудно ответить на вопрос о возникновении граветта. В Западной Словакии, характеризующейся большой концентрацией граветтских памятников, пока нет ориньякских стратифицированных стоянок. Только в пещере Дзерава-Скала в период вюрма 2 наблюдается угасание селета. Слабая стратифицированность памятников Восточной Словакии не позволяет убедительно датировать верхний и нижний палеолит, выделенные на основе типологии. Подоснову формирования своеобразного круга восточнословацкой граветтской культуры с индустрией из обсидиана можно найти в горнопотисской группе позднего ориньяка.

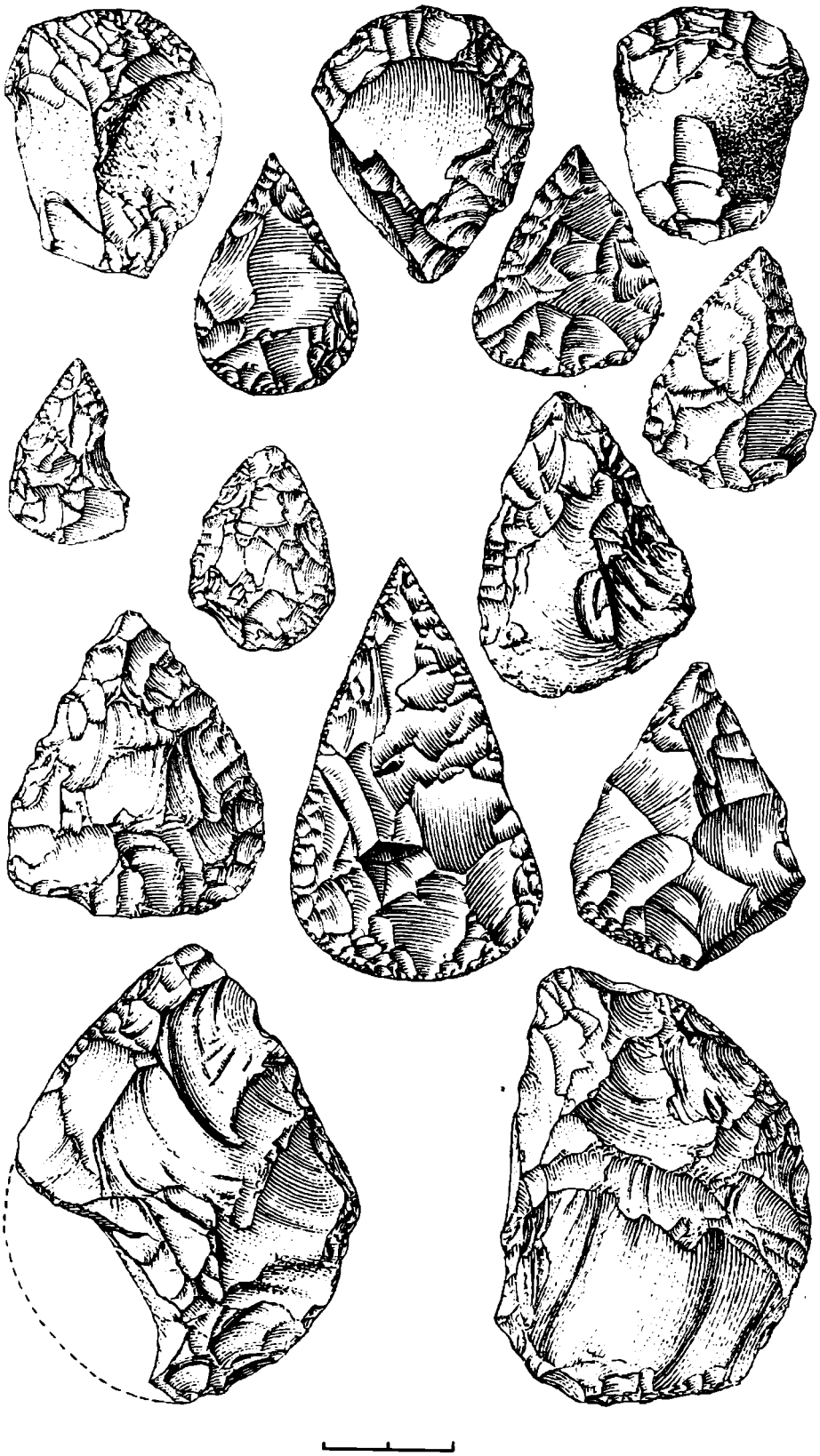


Рис. 2. Мораваны-над-Вагом — Длга, изделия селетской культуры

В Западной Словакии пока нет культуры, которую можно было бы считать переходной к граветту. Здесь трудно установить автохтонное развитие граветта, вместе с тем можно проследить элементы, свидетельствующие о восточноевропейских импульсах. Определенные проявления местных традиций наблюдаются в смещенных индустриях, в которых сырьем для изготовления орудий служили радиолярит и лимнокварцит в Западной и обсидиан в Восточной Словакии. Такого рода памятники обнаружены в Поважье, но с очень скудной индустрией — это Дудваг, Влчковце, Нове-Место-над-Вагом-Мнешице, Тренчин-Замаровце, Сладечковце, Сводин, в области Земплинских гор — Цейков, существовавшие в период межледниковья денекамп тюрсак. Их можно считать раннеграветтскими. Стоянка Немшова датирована по ^{14}C — 28 540±1345 (Brn 2470) [22].

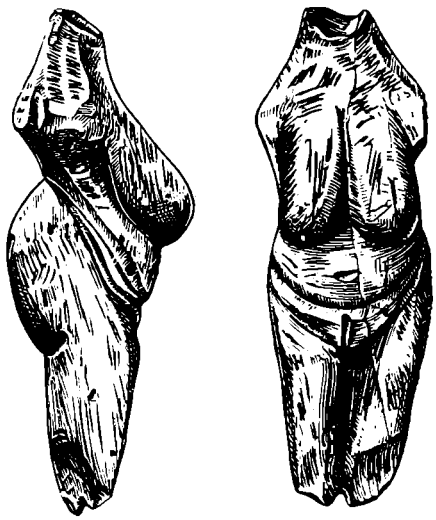


Рис. 3. Мораваны-над-Вагом — Подковица, Венера из бивня мамонта.

Граветтская индустрия на узких пластинках в Словакии относится к вюрму 3. В качестве сырья здесь использовали местный радиолярит, лимнокварцит и импортный балтийский кремень. Одним из самых известных памятников этой граветтской индустрии является стоянка в г. Мораваны-над-Вагом, в которой помимо временных жилищ встречены произведения искусства в виде женской пластинки — Венеры из стоянки Подковица (рис. 3) [29, 30]. Эта Венера вместе с наконечником с выемкой так называемого костенковского типа (рис. 4) свидетельствует о связи Мораван с Восточной Европой. К моравапским памятникам относятся Лопата (рис. 5), Новине, Жаковске, геологически датированные вюрмом 3, однако различаются эти памятники использованием сырья, в частности кремня. Много граветтских стоянок открыто в окрестностях г. Пьештяни, окруженном теплыми источниками, благодаря которым вода в р. Ваг не замерзала.

Разведки в средней части Понитрья, исследование стоянки Нитра 1-Чермань в 1965—1969 гг. позволили датировать последнюю по ^{14}C. Для культурного слоя в основании вюрма 3 получена дата 22 860±400 (Grn 2449). В Нитре 1-Чермань имеются находки (рис. 6), позволяющие говорить о связях с Восточной Европой.

Многие позднеграветтские памятники Подунайского и Миявского холмогорья и бассейна р. Ваг свидетельствуют о густой заселенности Западной Словакии. В 1981 г. проведены исследования позднеграветтской стоянки Тренчянске-Богусловице (рис. 7), расположенной в отложениях вюрма 3, в которой найдены листовидные острия, что доказывает их существование вплоть до верхнего вюрма, при сохранении всех изделий, характерных для граветтской культуры. Кроме того, на этом памятнике обнаружены просверленные амулеты из камня.

Восточная Словакия занимает одно из первых мест по количеству верхнепалеолитических памятников, несмотря на незначительное число стратифицированных стоянок. Известные поселения у с. Кашов [31, 32] и Гановце [16], залегающие в литологических отложениях, относящихся к начальной фазе вюрма 3, дали развитую граветтскую индустрию. В стоянке Кашов в качестве сырья использовали закарпатский кремень, а в конце вюрма 3 — обсидиан. Этот факт позволяет высказать мнение о том, что в начале вюрма 3 население проникло на данную территорию с северо-востока, из-за Карпат. Группы населения граветтской культуры, израсходовав закарпатский кремень, переключились на изготовление орудий из местного обсидиана. В конце палеолита носители этой культуры проникли в Западную Словакию [29, 30, 33]. Следует отметить, что

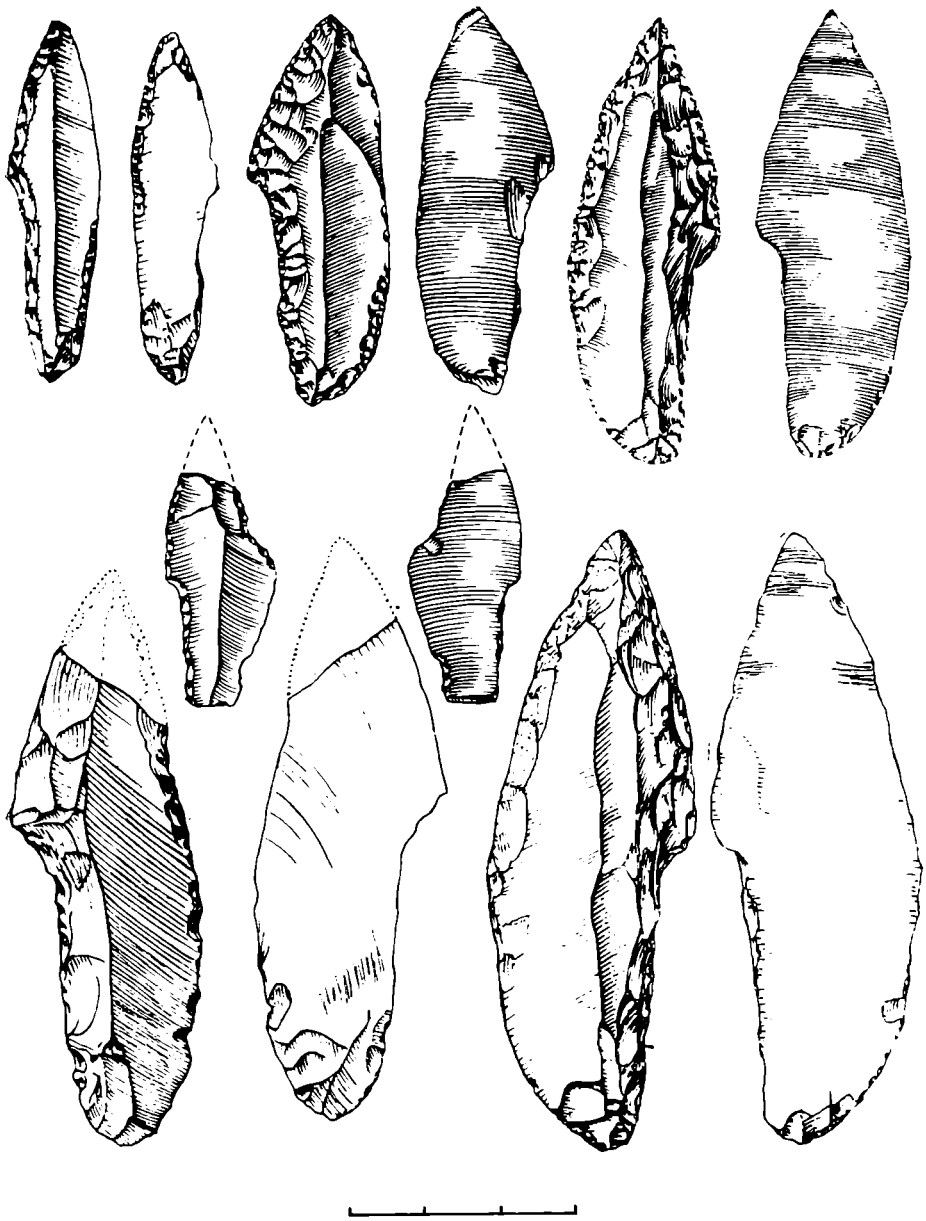


Рис. 4. Мораваны-над-Вагом — Подковица, костенковские наконечники

восточнословацкий граветт с орудиями из обсидиана отличается от восточноевропейского граветта тем, что в нем отсутствуют наконечники с выемкой так называемого костенковского типа. Вместе с тем каменное изображение («идол») сердцевидной формы со следами окраски из Цейкова имеет ближайшие аналогии в Костенках 1 [13]. Граветтские памятники Земплинских гор с богатыми коллекциями указывают на существование нескольких вариантов восточнословацкого граветта на протяжении длительного времени, о чем свидетельствуют культурные слои на стоянке Цейков, находящиеся в отложениях от интерстадиала денекамп — тюрсак до вюрма 3. В напластованиях, датируемых вюрмом 3, залегают несколько восточнословацких стоянок, среди них своеобразное поселение Кашов 1 с богатой индустрией из обсидиана.

Со стратиграфической точки зрения важным является нахождение граветтских памятников на вюрмских плейстоценовых песчанных дюнах, перекрытых лёссом самого позднего вюрма. К этим памятникам относится в основном Крушовска-Лиескове, где на дюне, в подошве энеолитического слоя, вскрыт более толстый песчаный поздневюрмский слой, а затем следовал слой глинистого песка, относящийся к интерстадиалу

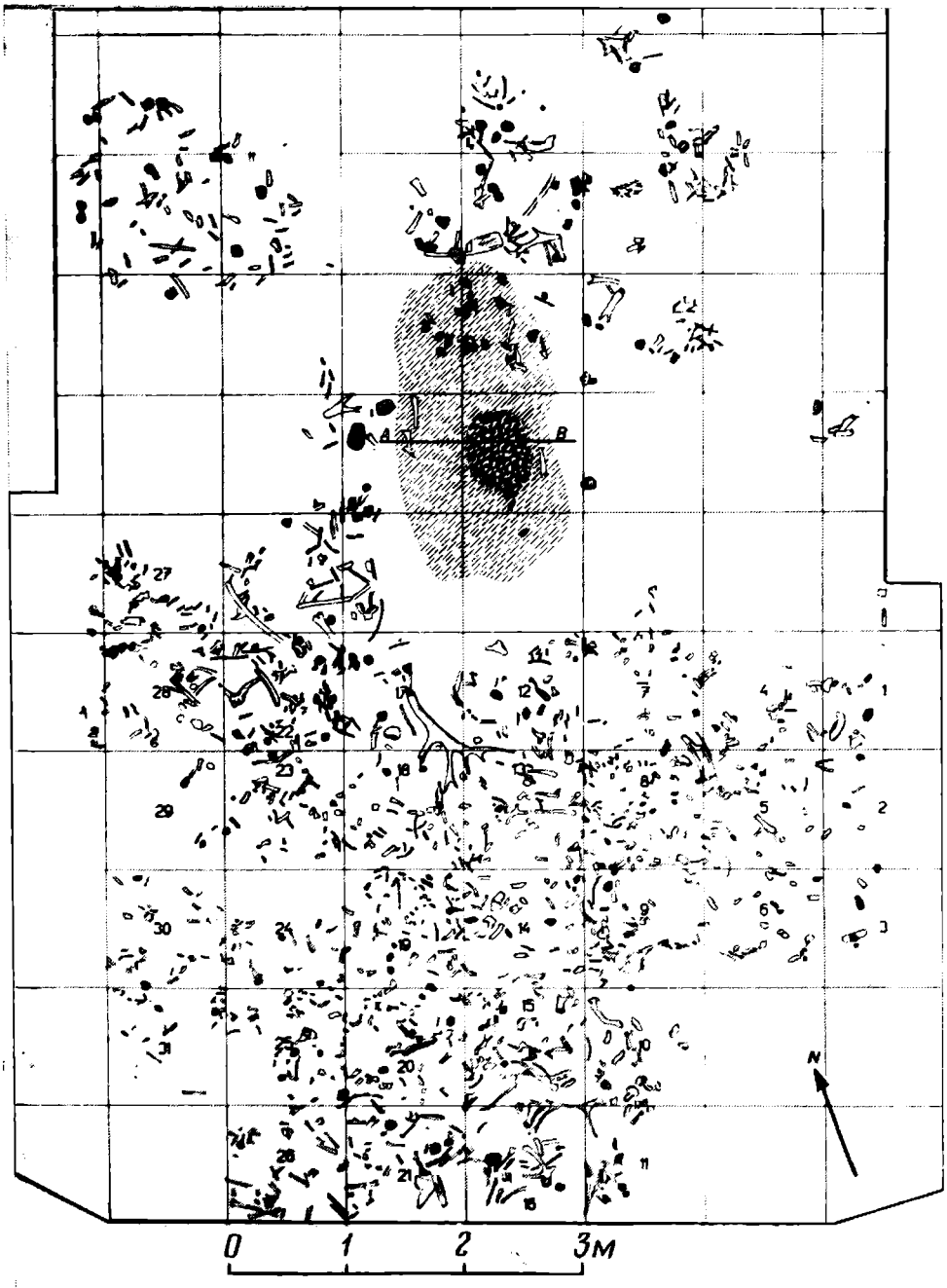


Рис. 5. Мораваны-над-Вагом — Лопата, план селищного объекта

денекамп — тюрсак с единичными находками граветтского облика. Помимо плейстоценовой песчаной дюны, перекрытой лёссом, находим новое доказательство плейстоценовых в Цейкове 3 — отложения на дюнах в Восточной Словакии, о чем свидетельствуют и обнаруженные здесь верхнепалеолитические изделия [34]. У г. Середь исследована песчаная дюна [35], датируемая вюрмом. В 1969 г. Е. Венцл передатировал дюны в Словакии завершающей фазой плейстоцена — дриасом, а залегающие в них культурные слои он отнес к эпипалеолиту.

Восточнословацкий граветт имеет две даты по ^{14}C, полученные для одного и того же вюрмского межледникового слоя (тюрсак) Цейкова 1 в двух лабораториях Кельна — 19 600±340 ВС и Берлине — 19 755± ±240 ВС.

Мадлен, существовавший одновременно с эпиграветтом, не установлен достоверно в Словакии, так как немногочисленные и мало характерные

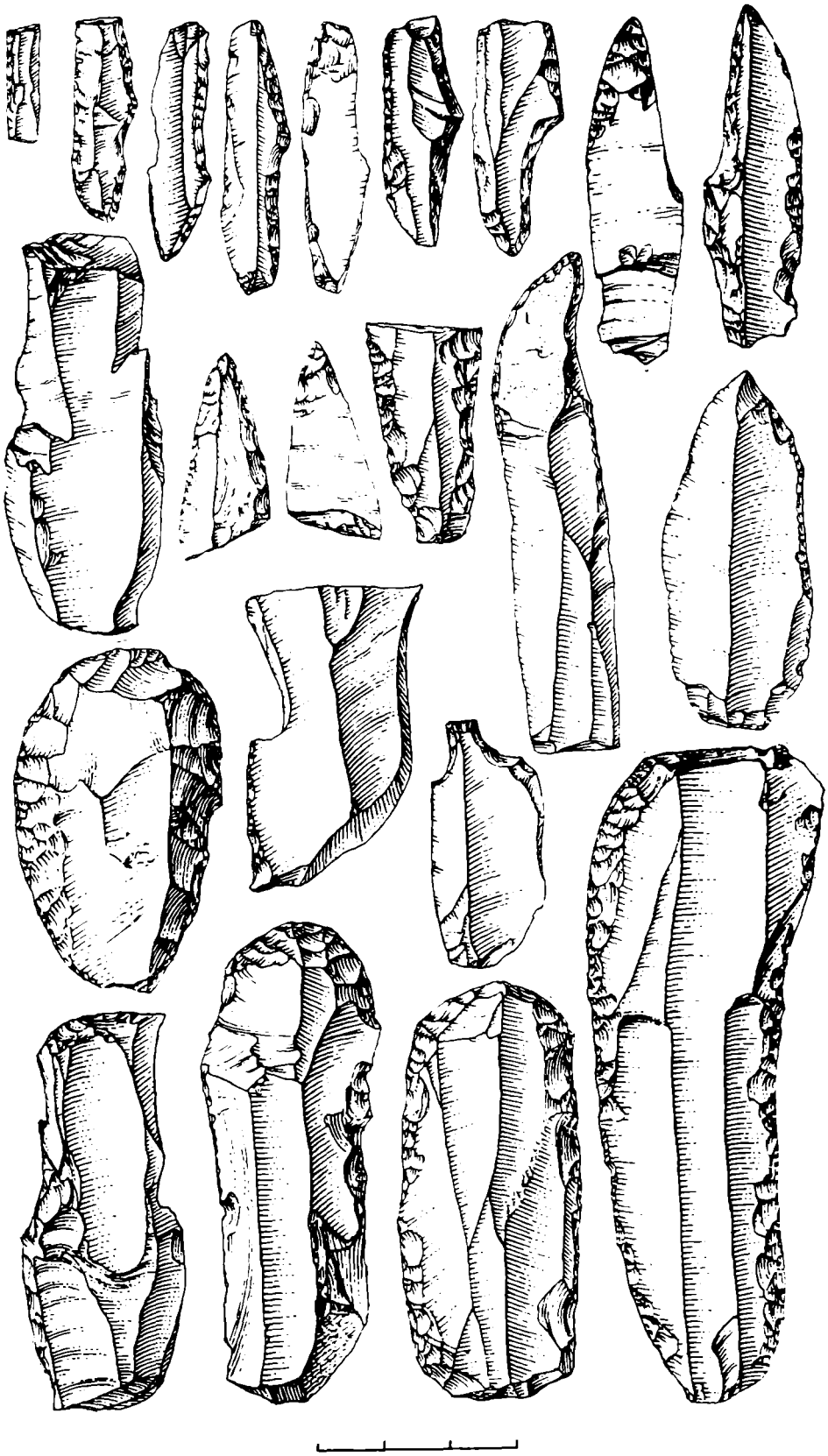


Рис. 6. Нитра 1 — Чермань, орудия культуры граветт

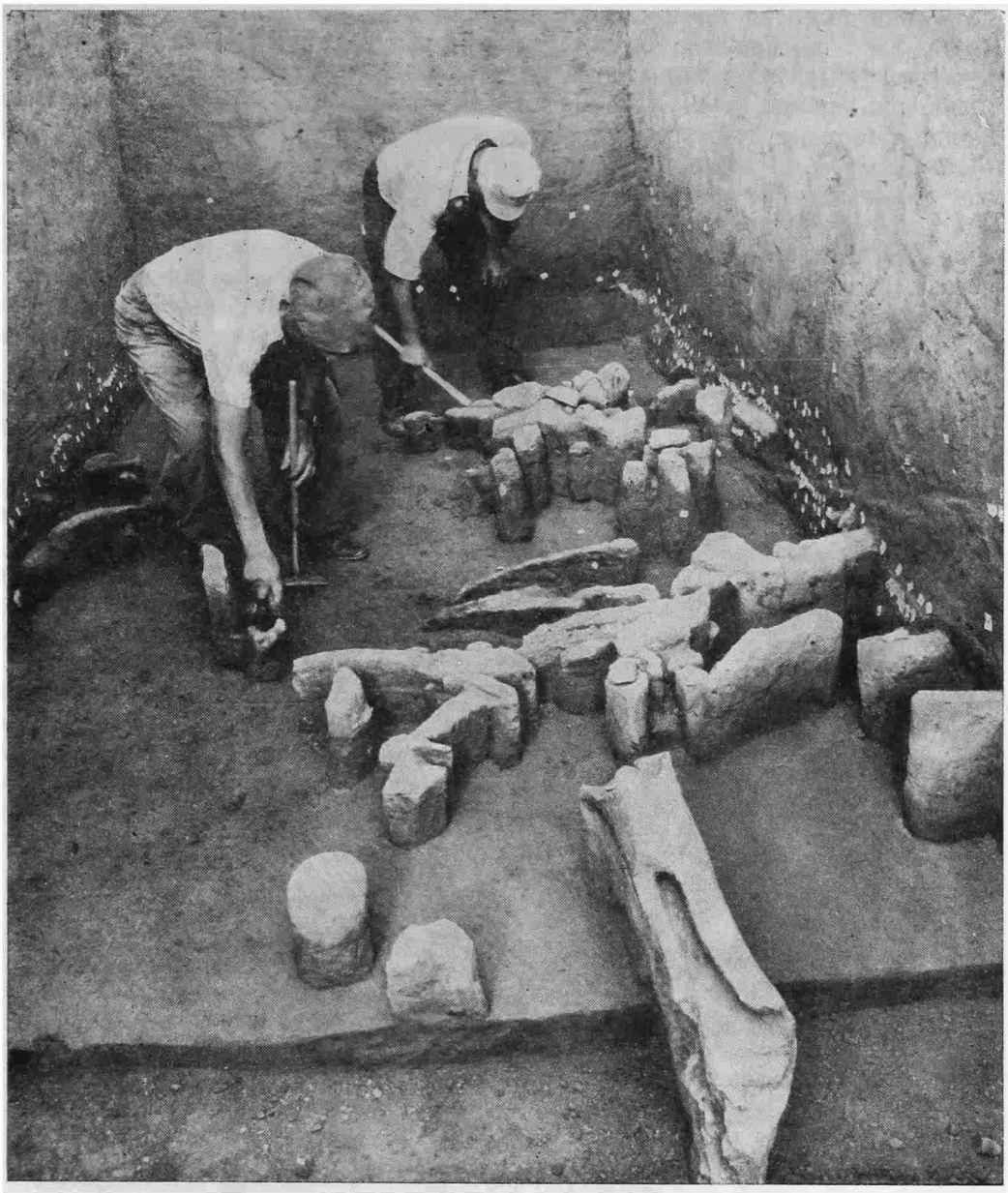


Рис. 7. Тренчянске-Богуславице, средний граветтский слой в траншее 24

артефакты из лёсса вюрма 3, найденные в пещере Дзерава-скала вблизи г. Плавецки-Микулаш [36], не могут быть определены однозначно. Большой интерес в связи с этим представляют находки костяного острия вместе с индустрией пластинок, обнаруженные на поверхности дна пещеры Аксамитка около г. Галиговце во время любительских разведок в 1874 г.; они считаются первыми спелеологическими исследованиями на территории тогдашней Венгрии. После дополнительного анализа эти изделия отнесены к ориньяку.

На левом берегу р. Дунаец, недалеко от пещеры Аксамитка, в с. Нижне-Шмаровце, польские археологи открыли позднемадленскую стоянку периода беллинга[1]. Это позволяет высказать предположение, что мадленские охотники на северных оленей проникали на соседние со Словакией территории, следовательно, они могли побывать и в пещере Аксамитка [37, 38]. Отнесение стоянки у с. Галиговце к мадлену подтверждается, с одной стороны, нахождением острия из рога северного оленя, с другой — тем, что эти находки обнаружены почти на поверхности в задней части пещеры Аксамитка. Это единственный стратифицированный

[1] Р. Вальде-Новак, Я. Рыдлевски, 1980 г.— личное сообщение.

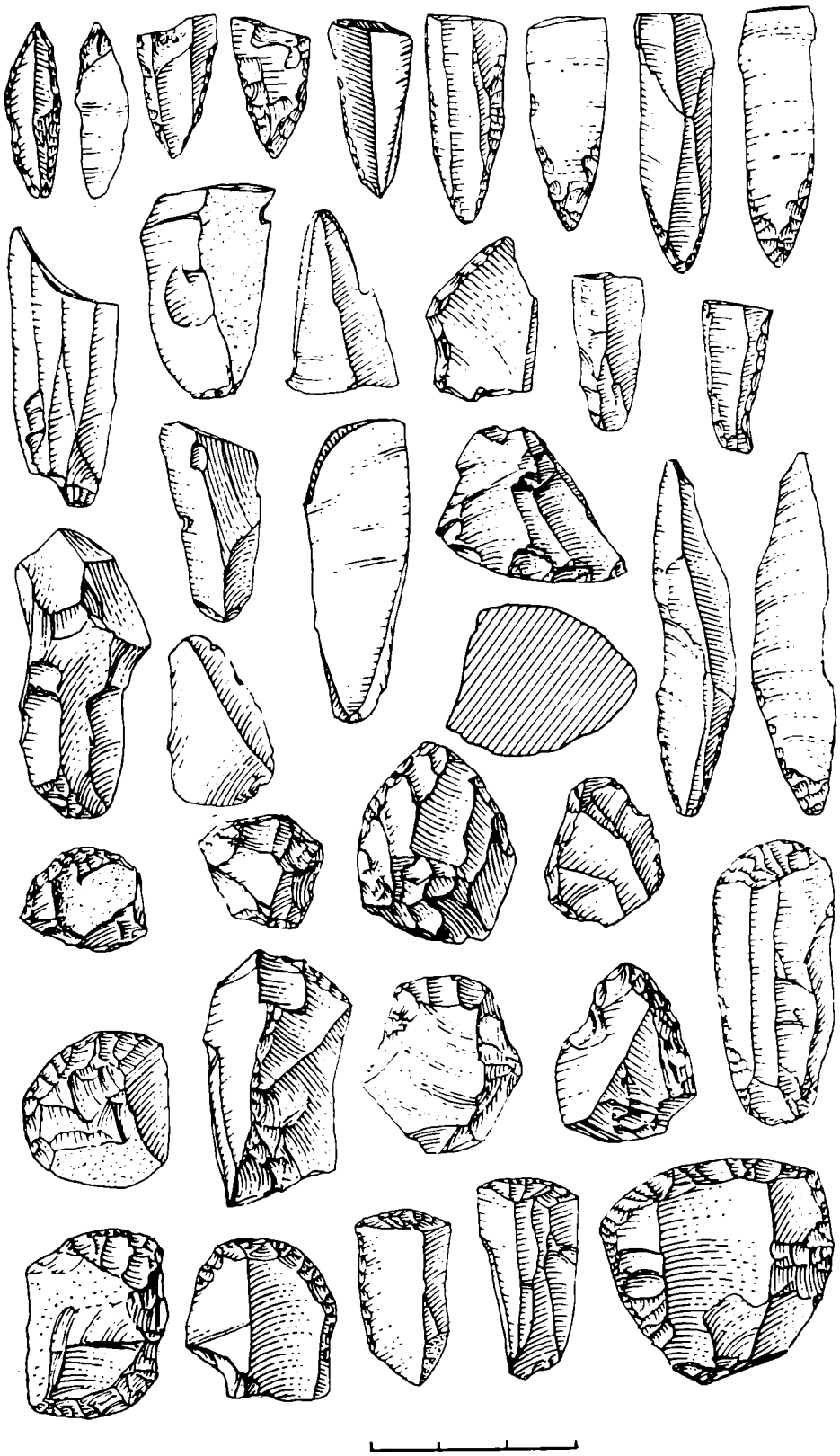


Рис. 8. Вельки-Славков – Бурих, орудия культуры швидри

памятник. Если допустить, что находки из польской стоянки являются ранними, то условия находок в с. Галиговце легче объяснимы.

При существенном качественном и количественном росте изученности палеолита в Словакии довольно слабо исследован здесь конец палеолита. Так, на стоянке Нитра 3, расположенной на границе голоценовой почвы и лёссового покрова вюрма 3, инвентарь, изготовленный из кремня и обсидиана, типологически указывает на угасание граветта, а поэтому его можно отнести к эпиграветту, хронологически нельзя определить точнее. Видимо, к этому же времени относится коллекция из стоянки Вес-над-Иплем, изделия которой изготовлены из кремния и обсидиана и залегают в основании голоценовой почвы [39]. К этому же времени относят и находки из окрестностей с. Ратновце.

Существенным вкладом в решение проблематики финального палеолита является установление существования свидерской культуры в с. Вельки-Славков в городище Бурих (рис. 8), южное подножье Высоких Татр. На этом памятнике, отнесенном к дриасу 3, открыта кратковременная стоянка средней фазы развития свидерской культуры, впервые исследованной в Словакии [37, 38].

Около с. Силицка-Яблоница в пещерном карнизе найдено несколько самых поздних эпипалеолитических изделий из обсидиана, датируемых пребореалом, они являются единственным доказательством заселения пещер Словакии в эпипалеолите [39].

Уровень исследования словацкого палеолита за последнее десятилетие заметно возрос. В настоящее время известно более 200 стоянок и местонахождений. Систематические разведки и раскопки позволили заполнить лакуны в изучении среднего и верхнего палеолита. Спорадическими пока являются сведения, касающиеся нижнего палеолита, хотя его существование на территории Западных Карпат доказано.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Absolon K., Skutil J., Stehlik A.* Bericht der tschechoslowakischen Subbkommission der «The International Commission for the Study of the Fessil Man». Brno, 1933.
2. *Babor J. F.* Postavenie Slovenska v staršej dobe kamennej.— Kultúra, 3, Trnava, 1931.
3. *Prošek F.* Szeletien na Slovensku.— Slov. Archeol., 1953, № 1.
4. *Ložek V., Prošek F.* Stratigrafické otázky Československého paleolitu.— Památky archeologické. 1954, № 45.
5. *Kukla J., Ložek V., Bárta J.* Das Lössprofil von Nové Mesto im Waagtal.— Eiszeitalter und Gegenwart, 1961, № 12.
6. *Zagwijn W., Paepe R.* Die Stratigraphie der weichselzeitlichen Ablagerungen der Niederlande und Belgiens.— Eiszeitalter und Gegenwart, 1968, № 19.
7. *Mohru H., Mottl M.* Funde von Steingeräten aus altpleistozänen Schottern in Raume von Wien.— Eiszeitalter und Gegenwart, 1956, № 7.
8. *Zebera K.* Die ällesten Zeugen der menschlichen Arbeit in Böhmen (II. Band Bohémien). Pr., 1969.
9. *Bárta J.* Paleolit a mezolit.— Slov. Archeol., 1980, № 28.
10. *Bárta J.* Stredopaleolitiské nálezy na Mariánskom vŕšku v Prievidzi.— Horná Nitra, 1980, № 9.
11. *Bárta J.* Významné paleolitické lokality na strednom a západnom Slovensku. Nitra, 1980.
12. *Bárta J.* Wielki S'awkow – pierwsza osada kultury świderskiej na S'owacji.— Acta Archeol. Carpathica, 1980, t. 20.
13. *Bánesz L.* Staršia doba kamenná.— In: Pravek východného Slovenska. Mala monografia východného Slovenska. T. 8. Košice, 1968.
14. *Bárta J.* Sídliská pračloveka na slovenských travertínoch.— Nové Obzory. 16. Košcie, 1974.
15. *Bárta J.* Die slowakischen Travertine und ihre mittelpaläolithischen Industrie.— Proceedings VI Internat. Congr. Speleology. VI. Sub-section Ea: Paleolithic Man in the Karst. Olomouc (ČSSR), 1977.
16. *Vlček E.* Neandertaler der Tschechoclowakei. Pr., 1969.
17. *Bárta J.* Stratigraphische Übersicht der Paläolithischen Funde in der Westslawakei.— Quartär, 1967, 18.
18. *Bárta J.* Vlčkovce — sprasový profil a jeho paleolitické industrie.— Slov. Archeol., 1962, № 10.
19. *Bárta J.* Pravek Bojníc od staršej doby kamennej po dobu slovanskú. Bratislava, 1972.
20. *Bárta J.* Jaskyňa Čertova pec pri Radošine.— Krásy Slov. 1972, 10.

21. *Bárta J.* Die mittlere Steinzeit in der Slowakei.— Acta praehist. et archeol., 1972, B. 3.
22. *Bárta J.* Slovensko v staršej a strednej dobe kamennej. Bratislava, 1965.
23. *Valoch K.* Les Paléolithiques inférieur et moyen en Europen Centrale.— Actes VIII Congr. Internat. Siences Préhistoriques et Protohistoriques. T. I. Beograd, 1971.
24. *Klíma B.*, 1954: První pěstní klin ze Slovenska.— Arch. Rozhl., 1954, 6.
25. *Kozłowski J. K., Kozłowski S.* Epoka kamienia na zemiach polskich. Warszawa, 1977.
26. *Bánesz L.* Barca bei Košice — paläolithische Fundstelle. Bratislava, 1968.
27. *Bárta J.* Archeologické kritéria pre stratigrafiu slovenského kvartéru.— Geologické práce, 1963, 64.
28. *Barta J.* Paläolithische Höhlenbesiedlung im karpatischen Teil der Tschechoslowakie.— Archeol. Vestnik, 13—16. Ljubljana, 1963.
29. *Bárta J.* Zur Problematik der gravettezeitlichen Besiedlung der Slowakei.— Slov. Archeol., 1970, № 18.
30. *Bárta J.* Paleolitická plastika Venuše z Moravian nad Váhom.— Výtvarný Život., 1970, 15.
31. *Bánesz L.* Zlomok hlinenej plastiky z paleolitickej stanice v Kašove.— Archeol. Rozhl., 1961, 13.
32. *Bánesz L.* Gravettské súvrstvia s obsidiánovou a pazúrikovou industriou v Kašove a Cejkove.— Archeol. Rozhl., 1969, 21.
33. *Bárta J., Bánesz L.* Výskum staršej a strednej doby kamennej na Slovensku.— Slov. Archeol., 1971, № 19.
34. *Bánesz L.* Štiepaná industria z prieskumu východného Slovenska v roku 1976.— In: Archeologické výskumy a nálezy na Slovensku v roku 1976. Nitra, 1977.
35. *Bárta J.* Pleistocénne piesočné duny pri Seredi a ich paleolitické a mezolitické osídlenie.— Slov. Archeol., 1957, № 5.
36. *Prošek F.* Výskum jeskuně Dzeravé skaly v Malých Karpatech.— Archeol. Rozhl., 1951, 3.
37. *Bárta J.* Najstaršie osídlenie slovenských jackýň.— Krásy Slovenska, 1981, 58.
38. *Bárta J.* Das Mesolithikum des nordwestlichen Teils des Karpatenbeckens.— Veröffentlichungen Museums Ur- und Frühgeschichte Potsdam. 1981, B. 14/15.
39. *Bárta J.* Staršia a stredná doba kamenná.— In: Slovensko Dejiny 2. Bratislava, 1978.

J. Barta

PALAEOLITHIC SITES IN SLOVAKIA

Summary

The author offers a brief survey of the Palaeolithic sites in Slovakia. He shows where pebble tools were found and describes Mousterian, Szeletian, Aurignacian, Gravettian and Swidry sites. Magdalenian sites are unknown in Slovakia. The majority of the sites were discovered recently. Main attention is paid to the discussion of materials that came from well-stratified sites.

РЫНДИНА Н. В., ЯХОНТОВА Л. К.

ДРЕВНЕЙШЕЕ МЕДНОЕ ИЗДЕЛИЕ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Свидетельства развития металлургии у раннеземледельческих племен Северной Месопотамии еще недавно были крайне ограничены. Древнейшими медными изделиями считались находки позднехалафского периода, датируемые не ранее середины V тысячелетия до н. э. [1, с. 1260, табл. 3; 2, с. 9]. В их весьма скудный набор входило несколько подвесок и обломков булавок из 6-го слоя Арпачии [3, с. 103, 104; 4, с. 166], единственная медная бусина из 12-го слоя Чагар-Базара [5, с. 26, 27]. Столь же редкими находками был представлен металл раннего этапа следующей по времени убейдской культуры. С коллекцией раннеубейдских изделий связаны долото и колечко из 17-го слоя Тепе-Гавры [2, с. 9; 6, с. 213, табл. XCVIII, *5*, *6*], плоский клиновидный топор из убейдского комплекса Арпачии [3, с. 104, табл. XI]. Эти предметы А. Тоблер расценивал как случайные, привнесенные извне и потому относящиеся еще к неолиту. Халколит Месопотамии он начинал лишь с позднеубейдских напластований Тепе-Гавры (слои 13—7-й), датируемых первой половиной IV тысячелетия до н. э. и дающих уже регулярные и все нарастающие примеры использования металла [6, с. 211—213].

Представления о позднем возникновении металлургии в Северной Месопотамии были впервые поколеблены в 1965 г. в связи с открытием металла в самаррском поселении Телль-эс-Савван [7, с. 22]. Несколько медных бусин, небольшой ножичек и кусочки обработанной меди были открыты в погребениях 1-го слоя и на полу построек 2-го слоя памятника [8, с. 2; 9, с. 59]. Их предполагаемая дата, подтвержденная одним радиоуглеродным определением,— середина VI тысячелетия до н. э. [4, с. 151].

Значительно более определенные и многообразные данные для характеристики месопотамского металла VI—V тысячелетий до н. э. были получены в 70-х годах благодаря работам советской археологической экспедиции АН СССР на севере Ирака. 12 полевых сезонов (1969—1980 гг.), проведенных советскими археологами в Синджарской долине Ирака, позволили собрать целую коллекцию медных изделий и образцов медной руды при изучении поселений трех раннеземледельческих культур Северной Месопотамии — Телль-Сотто, хассунской и халафской. Эти материалы существенно дополнили наблюдения, сделанные в Телль-эс-Савване, и с полной очевидностью показали, что металл не был нововведением позднехалафского периода, как считалось ранее [10, с. 307—315].

Регулярность применения металла в раннехалафскую эпоху установлена раскопками поселения Ярым-Тепе II. В нижних горизонтах (7—9-й) памятника, датируемых первой половиной V тысячелетия до н. э., медная руда встречена 10, медные изделия — 3 раза. В числе последних округлая бусина, овально-вытянутая подвеска, печать-подвеска треугольной формы [10, с. 312]. Надежные свидетельства использования металла в хассунское и дохассунское время (VI тысячелетие до н. э.) получены в двух других раскопанных большими площадями памятниках — Ярым-Тепе I и Телль-Сотто. Культурный слой поселения Ярым-Тепе I, охватывающий весь период существования хассунской культуры, разделен авторами раскопок на 12 строительных горизонтов и датирован второй половиной VI тысячелетия до н. э. [10, с. 18—28, 153, 154]. Металл при вскрытии слоя зафиксирован 27 раз. Основная часть находок представ-

лена образцами окисленной медной руды, встреченными во всех нижних горизонтах памятника начиная с 5-го. В трех горизонтах (7, 10 и 11-м) наряду с рудой найдены медные изделия: трубчатая пронизка, часть медного колечка из полукруглого в сечении дрота, круглопроволочное колечко-подвеска. В непотревоженном слое 12-го горизонта обнаружен, кроме того, массивный свинцовый круглопроволочный браслет с бутонообразными расширениями на концах [10, с. 310, 311].

Культурный слой поселения Телль-Сотто расчленен на четыре горизонта. Из них верхние три содержат хассунские материалы. Нижний, 4-й, близкий по характеру находок к комплексу Умм-Дабагийи, связан с самостоятельной дохассунской культурой Телль-Сотто[1]. Хассунская трубчатая подвеска, согнутая из тонкого медного листа, засвидетельствована в материалах 3-го горизонта. Две округлые медные бусины открыты в напластованиях 4-го горизонта. Они входили в состав ожерелья, сопровождавшего погребение младенца [10, с. 310]. Предлагаемая авторами раскопок дата этого погребения — первая половина VI тысячелетия до н. э. Таким образом, находки в Телль-Сотто и Ярым-Тепе I позволили говорить о знакомстве месопотамского населения с металлом и навыками его обработки на протяжении всего VI тысячелетия до н. э.

Активное накопление данных по истории древнейшей металлургии шло на протяжении двух последних десятилетий и в сопредельных с Месопотамией районах Ближнего Востока, весьма близких ей по темпу исторического развития. Раскопки памятников докерамического неолита Анатолии, Восточного Средиземноморья, подгорной зоны Загроса показали, что истоки металлургических знаний восходят здесь к еще более раннему времени, связанному с концом VIII—VII тысячелетием до н. э. [8, с. 154; 12, с. 76, 77]. На этом фоне кажущееся запаздывание месопотамских достижений VI тысячелетия до н. э. вызывало справедливое недоумение исследователей, заставляло ожидать и здесь появления соответствующих по древности находок из металла [4, с. 166; 10, с. 308; 12, с. 77].

Подсказанное научным предвидением открытие было сделано в 1979 г. в процессе раскопок поселения докерамического неолита Телль-Магзалия. Исследование советскими археологами этого замечательного памятника, расположенного на границе предгорий Джебел Синджара и долины, впервые позволило составить представление не только о начальных этапах развития производящего хозяйства на севере Месопотамии, но и о начальных шагах становления металлургии. Культурные отложения Телль-Магзалии дали науке древнейшую медную находку Северной Месопотамии — шило, хорошо вписавшееся в коллекцию наиболее ранних медных изделий Ближнего Востока (рис. 1).

Телль-Магзалия — искусственный холм высотой более 8 м, площадью ок. 1 га, целиком сложенный культурными остатками. Они накапливались непрерывно и достаточно быстро: предварительное сравнение археологического материала с вершины и с основания жилого холма не дало явных, заметных различий в культуре [13, с. 108]. Общая толща его отложений была разделена советскими археологами на 15 строительных горизонтов. Медное шило лежало на уровне 3-го от вершины холма горизонта, на глубине 236 см, непосредственно под основанием глинобитной стены постройки № 19 в кв. Л-8 [13, с. 110]. К сожалению, радиоуглеродных дат для Телль-Магзалии пока нет. Но материал памятника проявляет большое сходство с поселениями докерамического неолита, раскопанными на западных склонах Загроса (докерамическое Джармо, Шимшара), в юго-восточной части Анатолии (Чайеню-Тепеси), в Сирии (Мюрейбит, Букра). На основании этих ближайших аналогий поселение

[1] Мнение Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева о необходимости выделения особого комплекса культуры Телль-Сотто — Умм-Дабагийи оспаривается Н. О. Бадером, который относит памятники типа нижнего горизонта Телль-Сотто к раннему этапу развития хассунской культуры — протохассуне. Но для нас в данном случае важна не их культурная атрибуция, а их генетическая и хронологическая связь с Хассуной, признаваемая всеми исследователями [10, с. 12, 145; 11, с. 111].

уверенно датируется авторами раскопок VII тысячелетием до н. э. [13, с. 112; 14, с. 130, 131].

Огромная научная ценность шила из Телль-Магзалии определяется не только его древностью, но и рядом интереснейших историко-металлургических вопросов, которые могут быть поставлены в связи с его изучением. Какие приемы получения и обработки металла стоят у истоков месопотамских металлургических знаний? Как эти приемы эволюционировали во времени? Какие общие закономерности развития древнейшей металлургии Ближнего Востока они отражают?

Уникальная находка Телль-Магзалии прошла всестороннее металлографическое исследование в лаборатории структурного анализа при кафедре археологии исторического факультета МГУ [2]. Потребовавшиеся дополнительно спектральные и рентгеноспектральные анализы были проведены в лабораториях геологического факультета МГУ, Всесоюзного института минерального сырья и Государственного научно-исследовательского института сплавов и обработки цветных металлов (Гипроцветметобработка).

Предварительный поверхностный осмотр изделия позволил уточнить особенности его формы. Шило имело вид подквадратного в сечении стержня, один конец которого был плоско обрублен, а другой заострен проковкой, а возможно, и специальной заточкой. Угол «заточки» рабочего окончания составил не более 30° (рис. 1). Общая длина шила — 38, толщина — 5×5 мм.

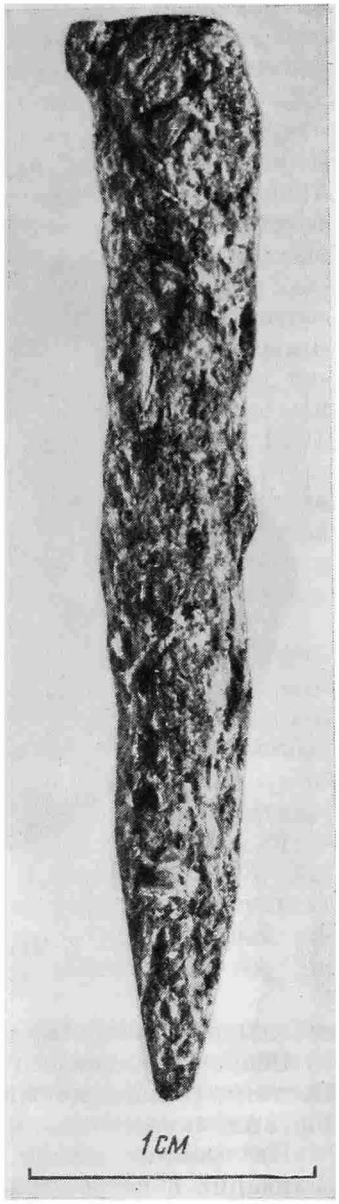


Рис. 1. Шило из Телль-Магзалии

Невзирая на хороший внешний вид орудия, следовало прежде всего установить, в какой степени его металл поврежден окислением. Поперечный срез изделия был заплавлен в органическое соединение — полистерол, тщательно заполирован и исследован макроструктурно с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9. При увеличении в 23 раза удалось проследить три последовательно сменяющие друг друга, разные по степени плотности и окрашенности слоя коррозии, которые окружают сохранившееся в сердцевине нетронутое металлическое ядро (рис. 2). Два наружных слоя связаны с зоной полной коррозионной минерализации металла и один внутренний — с зоной частичной минерализации.

Наружный слой продуктов полной минерализации (рис. 2, *1*) отличается рыхлым строением и состоит из минералов зеленого и голубовато-зеленого цвета. Рентгеноспектральный анализ на микроанализаторе «Сатевах» [3] позволил установить, что основной частью этого слоя являются минералы: атакамит $Cu_2Cl(OH)_3$ с содержанием 72% CuO и нантокит CuCl (Cu≈60%) с примесью Zn (≈0,1%). Кроме хлоридов в наружном слое почвенной коррозии содержатся и другие минералы: это высокогидратированные фазы типа лимонита, содержащие до 2% Zn и до 10—20% Cu, холькозин Cu_2S (Cu≈74%) с примесью Zn (0,1—0,2%) и Sn (0,1%),

[2] Пользуюсь случаем поблагодарить Н. О. Бадера за предоставленную возможность подвергнуть уникальное орудие из Телль-Магзалии химико-технологическому изучению.

[3] Анализ проведен во Всесоюзном институте минерального сырья, аналитик Н. И. Чистякова.

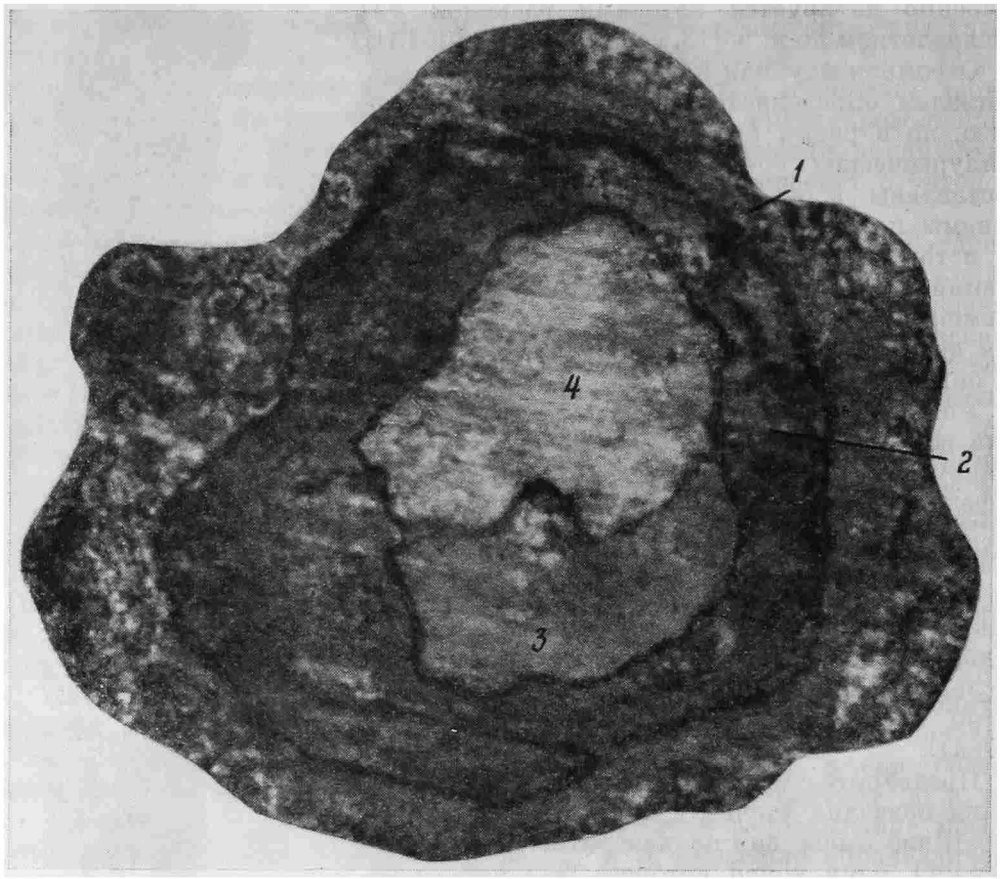


Рис. 2. Макроструктура поперечного среза шила (ув. 23)

небольшое количество брошантита $Cu_4SO_4(OH)_6$.

Основу следующего слоя (рис. 2, *2*) составляет минерал куприт Cu_2O. Местами темно-красный куприт прерывается трещинами и округлыми полостями, заполненными зеленоватым атакамитом.

На границе между описанными слоями полной коррозионной минерализации и нетронутым металлическим ядром расположена зона частичной минерализации металла (рис. 2, *3*). Она имеет смешанный характер и состоит из сложного переплетения некоррозированных остатков металла с продуктами коррозии, имеющими черно-красную окраску и скрытокристаллическое строение. Продукты коррозии представляют здесь смесь нескольких аморфных веществ, содержащих окись-закись меди и хлориды этого элемента.

Особый интерес для дальнейшего изучения по составу и структуре представлял не затронутый окислением металл, находившийся в сердцевине шила (рис. 2, *4*). Для определения химического состава металла была подготовлена стружка, высверленная из сердцевины стальным сверлом. Предварительно сердцевина была тщательно очищена от всех поверхностных слоев коррозии. С целью усреднения стружки, уменьшения ее возможной неоднородности она высверливалась из восьми различных мест образца, а затем смешивалась в корундовой ступке. Полученная таким образом средняя проба была подвергнута количественному спектральному анализу[4]. По его результатам, шило изготовлено из меди, примеси которой представлены в следующем наборе и концентрации: Sn — 0,09%; Pb — 0,01; Zn — 0,08; Ag — 0,2; Fe — 0,02; Bi — 0,0001; Ni — 0,001%.

[4] Анализ проведен в лаборатории «Гипроцветметобработка», аналитик Л. Г. Емельянов.

При работе над данными усредненного состава металла обратило на себя внимание повышенное содержание в нем серебра. Дело в том, что серебро часто ассоциируется с самородной медью, образуя в ней рассеянные зерна или скопления, заполняющие трещины и пустоты [15, с. 255, 256; 16, с. 258]. Особенно характерны самостоятельные выделения серебра для так называемой первичной самородной меди, связанной с эндогенными (глубинными) процессами образования медных месторождений [16, с. 252, 255; 17, с. 26, 27]. В ряде случаев такая медь образует богатые поверхностные выходы. Ярким примером этого являются медные месторождения Анарекского рудного поля Центрального Ирана — Талмесси и др., в которых ведущую роль в первичной минерализации играет самородная медь [18]. Сложность и неравномерность состава самородков Талмесси, их загрязненность сопутствующими примесями, частое присутствие в них вкраплений серебра установлены многими как химическими, так и металлографическими исследованиями [1, с. 1260, табл. IV; 18, с. 40; 19, с. 240, табл. 1].

Итак, повышенная концентрация серебра в металле шила позволила предположить возможную связь его сырья с первичной самородной медью. Критически проанализировать это предположение предстояло с помощью более детального исследования различных участков его металлической сердцевины с точки зрения состава и структуры.

Форму и характер распределения различных включений удалось уточнить на основе данных рентгенофазового анализа[5]. Он обнаружил интересную зональность в строении металлической сердцевины шила, которая в поперечном сечении имела членение на две четко обозначенные области. Внешняя область, узкая и плотная по строению металла, отличалась более высоким отражением и заметной загрязненностью состава; внутренняя область, широкая и рыхлая, имела низкий показатель отражения и более чистый состав. Наружная область содержала 0,15% Zn, 0,14% Sn и ок. 0,05% Fe. Внутренняя дала отрицательный результат при проверке на присутствие указанных элементов. Отрицательный результат был получен и при изучении обеих зон сечения на As, Sb, Pb, Bi, S и кислород.

Особенно важные сведения удалось получить при исследовании металла на серебро. Его наличие установлено только в центральной части внутренней зоны, где оно образует каплевидные выделения размером до 0,3 мк., вытянутые вдоль оси шила (рис. 3, *1*). Местами выделения чистого серебра сменяются каплевидными включениями медно-серебряного интерметаллида, содержащего до 60% Cu и до 40% Ag (рис. 3, *2*).

Сразу следует оговорить, что порог чувствительности рентгеноспектрального анализа значительно ниже, чем количественного спектрального: он выявляет присутствие элемента в пробе только при содержании его в количествах, превышающих 0,02—0,03%. Поэтому естественно расхождение его результатов с приведенными выше результатами усредненного состава металла, в том числе по Pb, Bi и Ni. Но причины расхождения кроются не только в этом. В наибольшей степени они определяются неравномерностью состава изученной меди. По данным С. Смита, специально исследовавшего с этой точки зрения первичную самородную медь из разных источников, вариации ее состава и структуры даже в едином по происхождению куске проявляют себя очень существенно [19, с. 237]. Представляется, что установленное зональное своеобразие в составе и строении металла шила наиболее естественно связывать с исходной неоднородностью самородка, использованного при его изготовлении. Самородный характер изученной меди в еще более четкой форме можно подтвердить двумя другими рентгеноспектральными наблюдениями: присутствием вкраплений серебра и отсутствием в ее составе кислорода. Как известно, кислород никогда в самородной меди не фиксируется, и это служит надежным индикатором распознания ее генетической природы [20, с. 14; 21, с. 21; 22, с. 1].

[5] Анализ проведен в рентгеноспектральной лаборатории геологического факультета МГУ Г. П. Кудрявцевой.

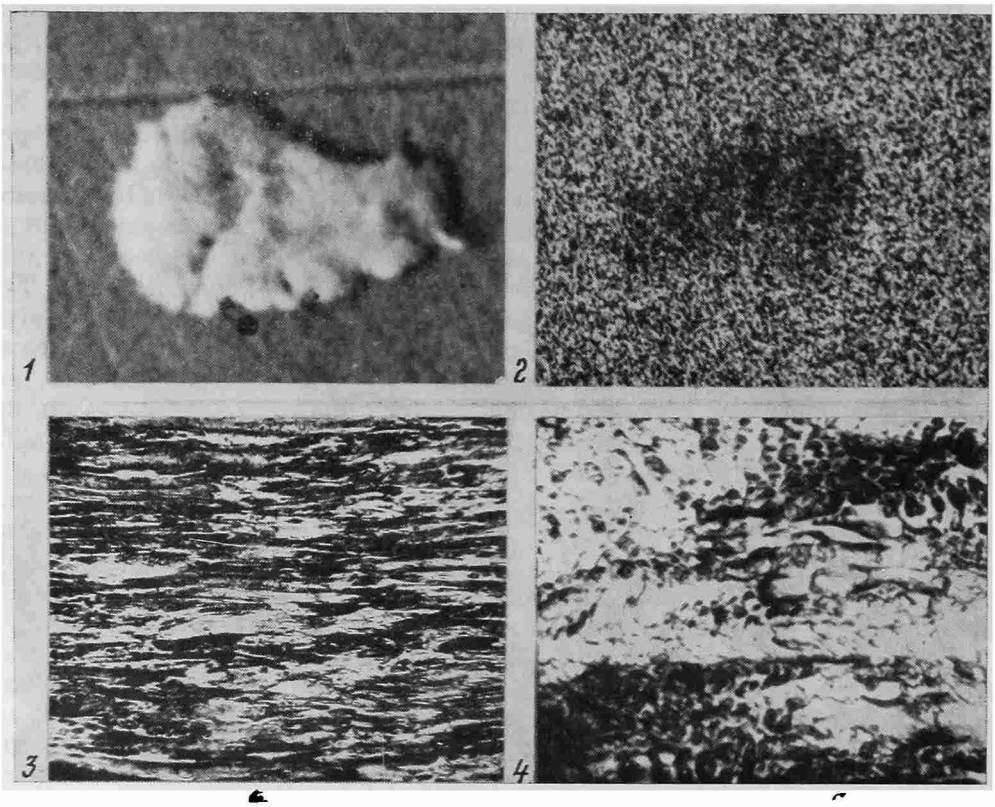


Рис. 3. Фотографии микроструктуры медной сердцевины шила. *1, 2* — электронно-микроскопическое изображение (ув. 10 000); *3, 4* — металлографическое изображение (*3* — ув. 130, *4* — ув. 400)

Какой формующей обработке был подвергнут самородок при изготовлении шила? Выяснить это помог микроструктурный анализ на металлографическом микроскопе МИМ-7. Необходимый для анализа шлиф был получен подполировкой продольного среза его металлической сердцевины. Попеременное травление шлифа в смеси перекиси водорода с аммиаком и в соляно-кислом растворе хлорного железа выявило волокнистую структуру, типичную для интенсивной холодной ковки меди (рис. 3, *3, 4*). Характер волокнистого строения кристаллов позволил заключить, что степень обжатия металла при ковке составляла не менее 80—90%. На это указывали и высокие показатели его микротвердости (106 кг/мм²).

Тщательное исследование шлифа при увеличениях порядка 800—1000 раз не позволило обнаружить никаких видимых включений, в том числе и ожидаемых включений серебра. Это легко объясняется разрешающими возможностями металлографического микроскопа, способного улавливать примеси, размер которых превышает 0,5 мк. Величина же изученных образований серебра составляла всего 0,3 мк.

С технологической точки зрения чрезвычайно важен факт отсутствия на шлифе включений закиси меди, установленный ранее рентгенофазовым исследованием, так как появление в меди кислорода сопутствует ее любому нагреву [20, с. 17; 23, с. 43]. Отсутствие кислорода исключает возможность переплавки металла шила и его отжига. Таким образом, шило было получено одной холодной ковкой куска самородной меди, форма которого существенно отличалась от готового изделия и потому потребовала сильной и длительной кузнечной обработки.

Остается поставить вопрос о возможных источниках получения самородка, послужившего сырьем для изготовления шила из Телль-Магзалия. Крайняя скудость геологических сведений о геохимических и структурных особенностях ближневосточной самородной меди пока не позволяет решить этот вопрос окончательно. Можно высказать лишь предварительные соображения, которые потребуют дополнительной проверки после целенаправленного изучения самородного металла Ближнего Востока.

Кажется наиболее вероятным предположить, что самородок из Телль-Магзалия связан по происхождению с медными выходами Анарекского рудного поля в Центральном Иране. Так, с Талмесси его роднят отмеченная неравномерность строения, наличие обособленных включений серебра, присутствие чрезвычайно редких в самородной меди примесей цинка [19, с. 237, 240, табл. 1]. Общий набор выявленных элементов — примесей также не выходит за пределы усредненной характеристики самородков Талмесси, известной в литературе [18, с. 40].

Вероятность использования в древности месторождений Анарекского рудного поля подтверждается и результатами современных геологических обследований. Здесь, в месторождении Талмесси, обнаружен рудный столб, содержащий до 500 кг первичной самородной меди. Общая площадь оруденения с преобладанием самородков даже в настоящее время достигает ок. 100 м² [24, с. 49, 50]. В Талмесси зафиксированы следы древних разработок, приуроченные к особенно богатым поверхностным выходам природной меди и окисленной медной руды [25, с. 149].

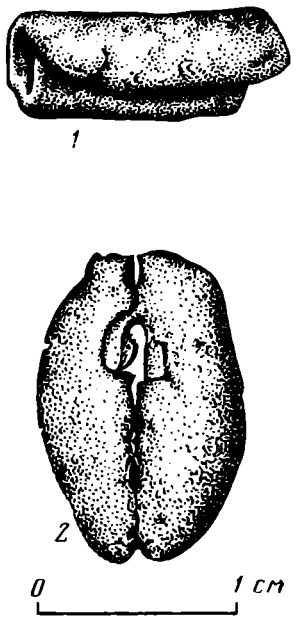


Рис. 4. Украшения VII тысячелетия до н. э. из памятников докерамического неолита. *1* — пронизка из Али Кош; *2* — бусина из Телль-Рамад

Итак, результаты аналитического изучения шила из Телль-Магзалия позволяют заключить, что у истоков месопотамской металлургии стоит кузнечная обработка самородного металла. Как согласуется это наблюдение с тем, что известно о зарождении металлургических знаний в других районах Ближнего Востока? Можно ли считать, что ковка самородной меди составляет необходимый, естественно-исторически и технически обусловленный этап развития древнейшей металлургии в целом? Ответ на этот вопрос потребует краткого обзора данных, полученных при изучении других металлических находок VII тысячелетия до н. э. ближневосточной зоны.

К числу интересующих нас древнейших медных изделий Ближнего Востока принадлежит трубчатая пронизка из Али Кош, многослойного поселения докерамического неолита, раскопанного американской экспедицией на юго-западной оконечности Иранского плато (рис. 4, *1*). Слой, из которого происходит пронизка, датирован радиоуглеродным методом серединой VII тысячелетия до н. э. [26, с. 42, 399; 27, с. 427, 428]. Украшение изучено металлографически профессором металлургии С. Смитом в лаборатории Массачусетского технологического института. По его данным, пронизка получена путем изгибания пластины, раскованной из самородка, обогащенного вкраплениями серебра. Происхождение исходного самородного сырья С. Смит уверенно связывает с месторождением Талмесси (рис. 5) [19, с. 237].

Близка по времени к пронизке из Али Кош овальная медная подвеска из Телль-Рамад — поселения, изученного французской археологической экспедицией, неподалеку от Дамаска в Сирии (рис. 4, *2*). Культурный слой, в котором она найдена, относится ко второй половине VII тысячелетия до н. э. [28, с. 27]. Подвеска исследована А. Франс Ланором и А. Контансоном в Лаборатории археологии металлов в г. Джарвиле (Франция). Микроскопический анализ обнаружил в металле очень крупные полиэдрические кристаллы и двойники, типичные для самородной меди. По справедливому заключению французских ученых, для изготовления подвески был использован маленький медный самородок, не подвергавшийся никакой особой формующей обработке. К нему отнеслись как к разновидности камня и не подправили даже ковкой, которая оставила бы свои следы в строении металла. Его просто просверлили кремневым сверлом, чтобы получить отверстие для подвешивания [29,

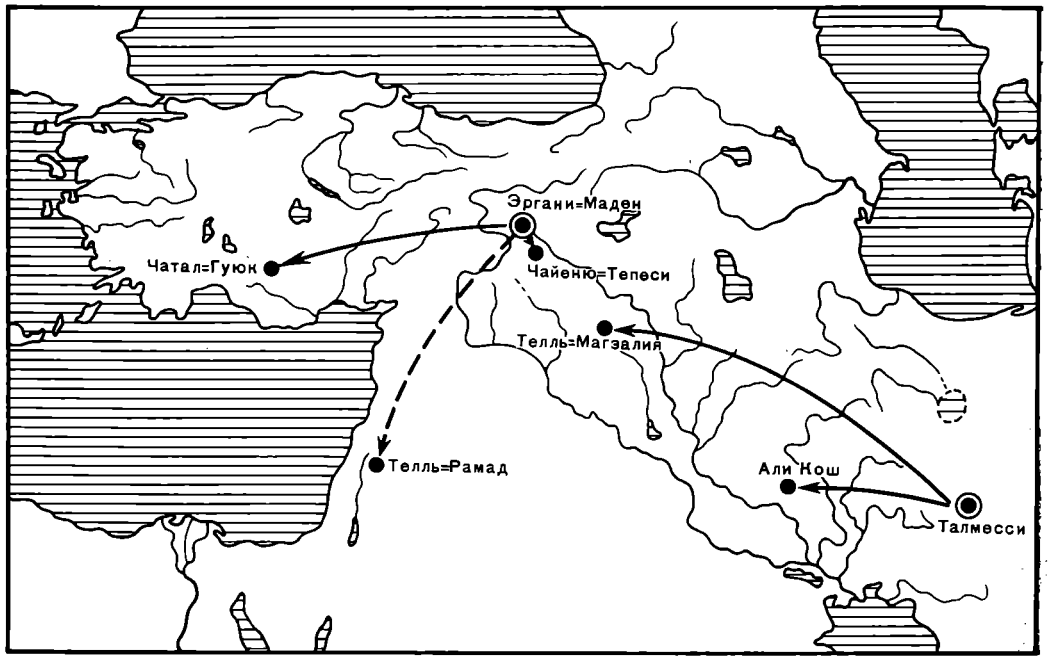


Рис. 5. Распространение самородной меди на Ближнем Востоке в VII тысячелетии до н. э.

с. 111—115]. Микрохимический анализ показал высокую чистоту его меди. Это помешало решить окончательно вопрос об источнике ее получения. Авторы исследования лишь предполагают возможную связь самородка с месторождением Эргани Маден (рис. 5), расположенным в верховьях Тигра и имеющим следы древних разработок [29, с. 115; 30, с. 339].

Важные сведения о древнейшем применении металла поступили в распоряжение археологов после раскопок анатолийских поселений докерамического неолита — Чатал-Гуюк и Чайеню-Тепеси (рис. 5). В коллекции уникальных находок Чатал-Гуюка, добытой английской экспедицией во главе с Д. Меллартом в долине р. Конья, находилась целая серия бус и трубчатых пронизок, датируемых по радиоуглероду рубежом VII и VI тысячелетий до н. э. [31, с. 22, 209, 212, 217, 218]. Д. Мелларт полагает, что все эти предметы изготовлены ковкой из самородной меди упомянутого турецкого месторождения Эргани [31]. Но, к сожалению, это лишь гипотеза, не проверенная с помощью специальных исследований, хотя и весьма вероятная. Во всяком случае геохимическая характеристика изученных спектрально кусков малахита, найденных в Чатал-Гуюке, весьма близка к составу окисленных руд предполагаемого источника [32, с. 109].

Всего в 20 км от Эргани Маден находится другое поселение — Чайеню-Тепеси, раскопанное американско-турецкой археологической экспедицией. Обломки медного шила и трех медных булавок обнаружены в самых ранних горизонтах памятника и надежно датированы концом VIII — началом VII тысячелетия до н. э. [33, с. 131]. В публикациях, посвященных этим интереснейшим находкам, авторы раскопок Р. Брейдвуд и Г. Чамбелл отмечают, ссылаясь на авторитет специалистов, что и шило, и булавки откованы из самородной меди Эргани Маден [34, с. 37; 35, с. 570].

Очевидно, перечисленные медные находки являются не только хронологическими, но и историко-техническими аналогами шила из Телль-Магзалия. Все они демонстрируют неизвестную ранее, хотя теоретически и предполагаемую, стадию кузнечной обработки самородной меди, которая знаменует зарождение древнейшей металлургии Ближнего Востока. Первые изделия из самородков в виде мелких бусин, пронизок, булавок, шильев найдены в поселениях докерамического неолита, датированных

концом VIII—VII тысячелетием до н. э. (рис. 5). Обитатели этих поселений не знали керамики, но уже сделали первые шаги по пути овладения земледелием и скотоводством. Культура их, в целом связанная с каменным веком, совершенно неожиданно обнаружила первые опыты в обработке металла. Это открытие изменило традиционный взгляд на время становления металлургических знаний на Ближнем Востоке, в том числе и в Месопотамии. Стало ясно, что его следует относить не к V, а по крайней мере к VII тысячелетию до н. э.

Зона, в пределах которой зародилось знакомство с самородным металлом, охватывает значительный район Ближнего Востока — от Анатолии и Восточного Средиземноморья на западе до Иранского Хузистана на востоке. Месопотамское поселение Телль-Магзалия находится в центральной части этой зоны (рис. 5). Как можно судить по расположению других металлоносных памятников, их территориальная разобщенность выражена весьма отчетливо. Это позволяет предположить, что освоение самородной меди началось почти одновременно в разных, сильно удаленных друг от друга центрах. Таким образом, новый фактический материал как будто подтверждает возможность полицентрического, многоочагового возникновения металлургических знаний в достаточно широкой области, но в условиях постоянных связей и контактов между самостоятельными очагами. Представить себе механизм развития этих контактов просто: они основывались на продвижении сырьевого самородного металла из различных источников, прежде всего из Эргани Маден и Талмесси. Самородная медь, как и обсидиан, находилась в сфере активного торгового обмена, разрушавшего неолитическую замкнутость первобытных коллективов Ближнего Востока.

Результаты аналитического исследования шила из Телль-Магзалии и других древнейших находок ближневосточной зоны убеждают в том, что техника формовки самородного металла в VII тысячелетии до н. э. включала только приемы его холодной кузнечной обработки: свободную ковку, плющение, изгиб, обрезку, сверление, обточку и, видимо, полировку. В наборе этих приемов особо выделяются обточка и сверление, которые были освоены в процессе камнеобработки и лишь приспособлены к меди. Свободная ковка, близкая по характеру нанесения удара к оббивке, предполагает уже знакомство с ее новыми, неизвестными в камне пластическими свойствами. Осознание металла как принципиально нового материала, отличного от камня, особенно отчетливо выступает в использовании таких операций, как плющение, изгибание и обрезка. Самородок, освоенный человеком сначала как разновидность мягкого камня, очень скоро в его сознании приобретает специфические свойства, выделяющие его среди прочих природных материалов. Представляется поэтому, что проблему происхождения металлургии нельзя отделить от проблемы происхождения металла как материала. Зачатки металлургических знаний формируются задолго до открытия плавления и литья и уходят своими корнями в кузнечный этап обработки самородной меди.

Как ни сложен и противоречив процесс развития древнейшей металлургии, как ни растянут он во времени и пространстве, как ни подвержен случайностям, течение этого процесса исторически закономерно и технически обусловлено. Именно поэтому мы вправе ожидать открытия еще одного пласта в ближневосточном материале, пласта, связанного с горячей ковкой и литьем самородного металла. Аналитически проверенные данные, говорящие об их освоении вслед за холодной обработкой самородков, пока отсутствуют. Но этот пробел, безусловно, будет восполнен дальнейшим изучением находок VII—VI тысячелетий до н. э., и прежде всего находок из Северной Месопотамии, из четко стратифицированных памятников культур Телль-Сотто и Хассуны. К сожалению, пока изделия дохассунского и хассунского времени исследованы только с помощью качественного спектрального анализа [10, с. 314, 315], характер которого не позволяет установить уровень местных навыков получения и обработки металла. Раскрыть их подлинную эволюцию в VI тысячелетии до н. э. поможет накопление результатов новых исследова-

ний. Факты, которыми мы располагаем сегодня, позволяют говорить о расцвете месопотамской металлургии в IV тысячелетии до н. э. В это время уже известны и высокотемпературная плавка меди в горнах с искусственным дутьем, и литье в сложные формы, и специальное упрочнение металла ковкой [36, с. 19—21]. Но подъем в развитии местных металлургических достижений венчает долгий и сложный путь производственных поисков, у истоков которых стоит использование самородной меди. Медное шило из Телль-Магзалия с должной достоверностью документирует этот вывод.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wertime T. A.* Man's First Encounters with Metallurgy.— Science, 1964, v. 146, № 3649.
2. *Tylecote R. F.* A History of Metallurgy. L., 1976.
3. *Mallowan M. E. L., Rose J. C.* Excavations at Tell Arpachiyah, 1933.— Iraq. 1935, v. II.
4. *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. L., 1975.
5. *Mallowan M. E. L.* Excavations at Tell Chagar Bazar and the Archaeological Survey of the Khabur region.— Iraq., 1936, v. III.
6. *Tobler A. J.* Excavations at Tepe Gawra. V. II. Philadelphia, 1950.
7. *El Wailly F., Abu es-Soof E.* Excavations at Tell es-Sawan.— Sumer, 1965, v. XXI.
8. *El Wailly F.* Foreword.— Sumer, 1964, v. XX.
9. *Al-A'dami K. A.* Excavations at Tell es-Sawan.— Sumer, 1968, v. XXIV.
10. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
11. *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.) — СА, 1975, № 4.
12. *Рындина Н. В.* К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи.— Вестн. МГУ. Сер. истор., 1978, № 6.
13. *Мунчаев Р. М., Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии.— Вестн. АН СССР, 1979, № 2.
14. *Бадер Н. О.* Телль Магзалия — рапненеолитический памятник на севере Ирака.— СА, 1979, № 2.
15. *Liversidge A.* On the Crystalline Structure of Some Silver and Copper Nuggets.— J. Proc. Royal Soc. New South Wales, 1900, v. XXXIV.
16. *Вернадский В. И.* Избранные сочинения. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
17. Минералы. Справочник. Т. 1. Самородные элементы/Под ред. Чухрова Ф. В. М.: Наука, 1960.
18. *Barian D., Hügner H.* Copper Deposits in Iran.— Geolog. Surv. Iran. Reports, 1969, № 13.
19. *Smith C. S.* Metallographic Study of Early Artifacts made from Native Copper.— Actes du XI Congrès International d'Histoire des Sciences. V. VI. Wroclaw — Varsovie — Cracovie, 1968.
20. *Bergsøe P.* The Gilding Process and the Metallurgy of Copper and Lead among Pre-Columbian Indians. Copenhagen, 1938.
21. *Voce E.* Notes on some Analyses of Native Copper and Ancient Artifacts.— Man, 1948, v. 48.
22. *Thompson F. C.* The Early Metallurgy of Copper and Bronze.— Man, 1958, v. 58.
23. *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
24. Минеральные ресурсы зарубежных стран. Минеральные ресурсы Ирана и Афганистана. Вып. 15. М., 1949.
25. *Lamberg-Karlovsky C. C.* Archaeology and Metallurgical Technology in Prehistoric Afganistan, India and Pakistan.— Amer. Anthropolog., 1967, v. 69, № 2.
26. *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan. Iran. Ann. Arbor, 1969.
27. *Smith C. S.* Analysis of the Copper Bead from Ali Kosh.— Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan. Iran. Ann. Arbor. 1969.
28. *Contenson H., de.* Quatrième et Cinquième, campagnes à Tell Ramad, 1967—1968. Rapport preliminaire.— Ann. Amer. School Oriental Res., 1969, № XIX.
29. *France-Lanord A., Contenson H., de.* Une pendeloque en cuivre natif de Ramad.— Palêorient, 1973, v. 1.
30. *Birgi S. E.* Notes on the Influence of the Ergani Copper Mine on the Development of the Metal Industry in the Ancient Near East.— J. Kleinasiatische Forschung, 1950, № 1.
31. *Mellaart J.* Catal Huyuk. A Neolithic Town in Anatolia. L., 1967.
32. *Neuninger H., Pittioni R., Siegl W.* Frühkeramikzeitliche Kupfergewinnung in Anatolien.— Archaeolog. Austriaca, 1964. H. 35.
33. *Cambel H., Braidwood R.* An early Farming Village in Turkey.— In: Readings from Scientific American. Avenues to Antiquity. San Francisco, 1976.
34. Braidwood R. The Early Village in Southeastern Asia.— J. Near East. Studies. 1973, v. 32, № 1—2.

35. *Braidwood R., Cambel H., Lowrence B., Redman C. L., Stewart R. B.* Beginnings of Village-Farming Communities in Southeastern Turkey.— Proc. Nat. Acad. Sci. USA, 1974, v. 71, № 2.
36. *Moorey P. R. S.* Metallurgy in Mesopotamia.— Iraq, 1982, v. XLIV, № 1.

N. V. Ryndina, L. K. Yakhontova

THE EARLIEST COPPER ARTIFACT FROM MESOPOTAMIA

Summary

Until quite recently the reliable evidences of the use of metal in northern Mesopotamia were dated from the fifth-sixth millennia B. C. and were connected with the sites of the Halaf, Hassuna and pre-Hassuna cultures of the Tell Sotto type. The 1979 diggings by Soviet archaeologists of the pre-ceramic Neolithic site of Tell Magzallia in the foothills of Jebel Sinjar made Mesopotamian metallurgy older by a millennium. The earlier copper artifact—an awl of the seventh millennium B. C. was found there. Metallographic, spectroscopical and X-ray spectroscopical investigations permitted a conclusion that it was cold-forged from native copper dressed with silver, zink, tin, lead, iron, bismuth and nickel. Its composition indicates that it came most probably from the copper outcrops of the Anarak ore field in Iran (Talmessi and other places).

The Tell Magzallia find is close to the earliest copper artifacts from the Middle East found in Ali Kosh, Tell Ramad, Çuyönü-Tepesi and Çatal Hüyük both chronologically and technologically. Their analyses show that metalworking in the Middle East originated and developed during the late eighth and seventh millennia B. C. as forging of native copper, its main sources being at that time the deposits of central Iran (Talmessi) and eastern Turkey (Ergani Maden).

ДУБОВСКАЯ О. Р.

ПОГРЕБЕНИЕ ЛУЧНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

В 1980 г. был исследован курган [1] у г. Зимогорья Славяносербского р-на Ворошиловградской обл. Курган высотой 2,30, диаметром 35 м содержал 12 погребений, большинство из которых принадлежало эпохе ранней и средней бронзы. Из впускных погребений наибольшее внимание привлекает погребение 5, относящееся к раннему железному веку.

Погребение 5 обнаружено в 7,3 м от центра к северу, на глубине 3,0 м. Согласно данным стратиграфии, досыпка насыпи кургана при впуске погребения не производилась.

Яма в форме сегмента с округленными углами, длиной 1,9, шириной 1,15 м ориентирована по оси запад — восток с небольшим отклонением. Возможно, могильное сооружение первоначально представляло собой яму с подбоем, входная шахта которой в насыпи не сохранилась. На дне на подстилке беловато-коричневого тлена лежал костяк взрослого человека на левом боку, скорченно, головой на восток (рис. 1, *1*). Левая рука вытянута перпендикулярно туловищу, кисть согнута, правая рука согнута в локте, кисть на уровне груди. На локтевом сгибе левой руки и на кисти правой лежали лук и колчан со стрелами (рис. 2,3). У левого предплечья стоял сосуд. В восточном углу могилы находились деревянная чаша и деревянное блюдо с частью туши крупного животного: крестец, ребра и часть позвоночника. У черепа на толстом (до 3—4 см толщиной) тлене коричневого цвета с беспорядочной волокнистостью лежала бронзовая спиральная подвеска, у левого плеча, рядом с колчаном (горитом?),— бронзовая восьмерковидная бляшка. На крестце погребенного находилось кремневое изделие. У колен на желтом тлене — кости ноги барана в сочленении с частью таза (рис. 1, *1*).

Сосуд-корчага имеет цилиндрическое горло, уступчиком переходящее в раздутое в средней части тулово и небольшое выступающее дно. На плечиках — четыре конических налепа, расположенных попарно. Поверхность темно-серая, подлощена, в глине примесь мелких зерен кварца, слюды. Высота сосуда 24 см, высота горла 5,5, диаметр венчика 11, диаметр наибольший 26, диаметр дна 11 см (рис. 1, *2*).

Деревянное блюдо, овальное в плане, имеет выгнутое дно и невысокие бортики. Длина около 40 см, ширина 20, высота 3, толщина стенок 0,5 см (рис. 1, *3*) У деревянной чаши округлые бока, диаметр 18 см (рис. 1, *3*).

Височная подвеска в два оборота сделана из бронзовой проволоки толщиной 0,3 см, полуовальной в сечении. Диаметр завитка 1,8 см (рис. 1, *5*).

Бронзовая бляшка с парными выпуклостями и перемычкой между ними изготовлена с помощью штампа. Длина 2,4, ширина 1,2 см (рис. 1, *6*).

Лук состоял из двух продольных полос дерева (при расчистке древко расслаивалось надвое), обмотанных тонкой растительной пленкой белого цвета с различимой слоистостью (берестой?). В сечении древко прямоугольное, 1,0×0,8 см, толщина по всей длине одинакова. Общая длина лука 93 см (рис. 3, *1*).

---

[1] Курган 2 исследован А. М. Смирновым как внеплановый объект, подвергавшийся разрушению. Пользуясь случаем, благодарю А. М. Смирнова, предоставившего в мое распоряжение неопубликованные материалы своих раскопок.

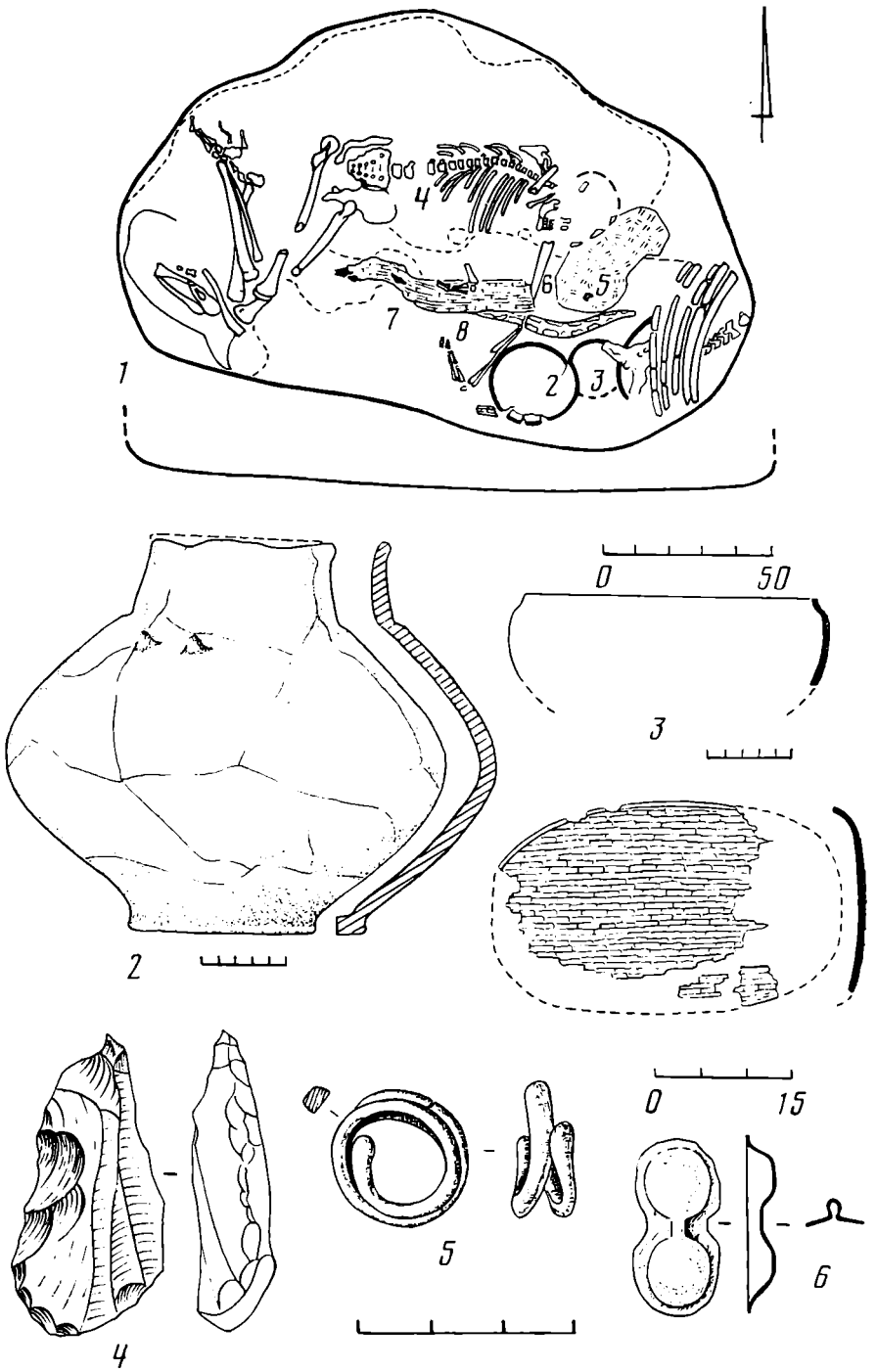


Рис. 1. Погр. 5 кург. 2 у г. Зимогорья. *1* — общий вид погребения; *2* — глиняный сосуд; *3* — деревянные сосуды (чаша и блюдо); *4* — кремневое изделие; *5* — бронзовая подвеска; *6* — бронзовая бляшка 7, 8 — лук и стрелы в колчане (горите?)

Колчан или горит сохранился плохо. Он представлял собой деревянный футляр, полуовальный в сечении, сложной конфигурации, в нижнем отделе повторяющей форму лука. Это единственное, что дает возможность трактовать изделие как горит, поскольку плохая сохранность не позволила проследить, находился ли лук внутри футляра или вне его. Длина около 55 см, сохранившаяся ширина 10, но, очевидно, он был шире (судя по сечению) — около 17, толщина внутренней емкости 2, толщина стенок 0,5 см (рис. 3, *4*).

Колчанный набор содержал пять бронзовых и три костяных наконечника стрел. Бронзовые наконечники — длиной от 2,6 до 4,4 см (рис. 2, *1—5*), все двухлопастные, с короткой выступающей втулкой. Лопасти —

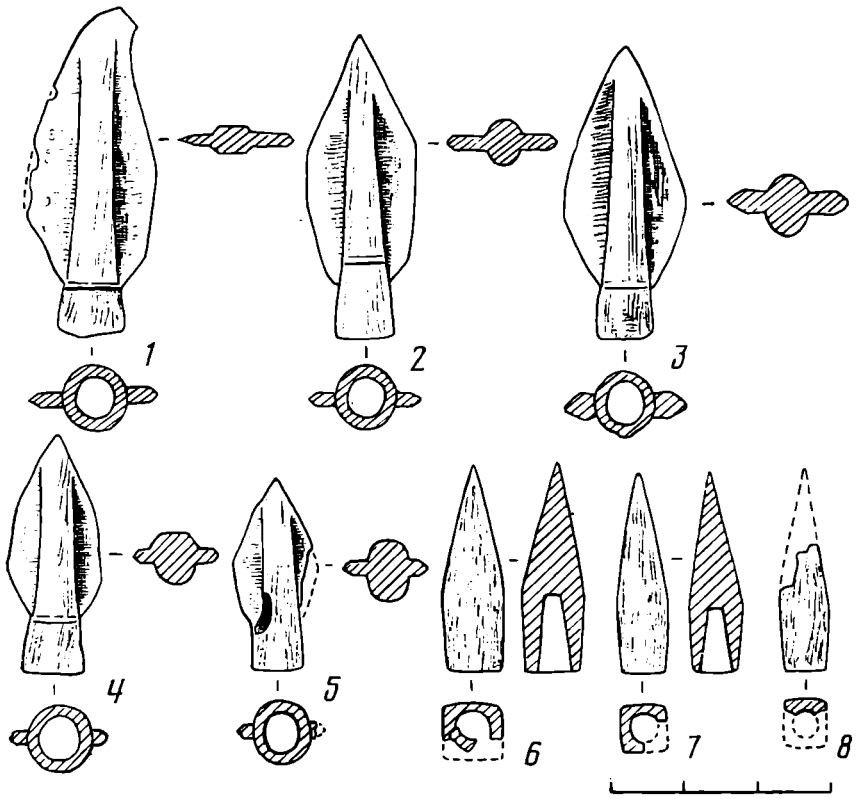


Рис. 2. Колчанный набор из погр. 5 кург. 2 у г. Зимогорья. *1—5* — бронзовые наконечники стрел; *6—8* — костяные наконечники стрел

асимметрично-ромбические со смягченным углом слома пера и трапециевидные, на втулке четырех наконечников — поперечный рельефный поясок. У самого большого наконечника одна лопасть расширена к острию (рис. 2, *1*). Этот же наконечник имеет уплощенную, прямоугольную в сечении нервюру, в то время как у других нервюра в сечении овальная. Во втулке у него, как и у наименьшего наконечника, имеется отверстие.

Костяные наконечники — четырехгранные, квадратные в сечении, с прямым основанием. Длина 2,7 (2 экз.) и 2,9 см, ширина соответственно 0,7 и 0,8 см (рис. 2, *6—8*).

Кремневое орудие имеет следы корки на ударной площадке и множество выщерблин на двух противолежащих гранях. Длина 4,2, ширина 2,0 см (рис. 1, *4*).

Скорченное трупоположение, восточная ориентировка, характерная позиция рук, наличие напутственной пищи в виде костей животных свидетельствуют о несомненной принадлежности данного погребения к кругу памятников черногоровского типа [1, с. 199—201; 2, с. 130].

Корчаги с коническими налепами на плечах, в основании цилиндрического горла, хорошо известны в черногоровских погребениях Нижнего Поднепровья — Петрово-Свистуново [1, с. 169, 56, рис. 26], Соколово 2/1 [3, табл. 1, рис. 10]; Приазовья — Аккермень 11/6 [1, с. 26, рис. 2]; Поволжья — Бережновка [1, с. 36, рис. 10], Кривая Лука-II 1/7 [4, с. 15, рис. 60]. Погребение новочеркасского типа, содержавшее корчагу с налепами под горлом, происходит из Подонья [1, с. 169, 27, 28, рис. 3].

Типологически данные сосуды ближе всего стоят к корчагам черняхесского типа и корчажкам из белозерских погребений [5, с. 137], что свидетельствует об их местных корнях, в отличие от корчаг с налепами в нижней части тулова, характерных для фракийских культур Карпато-Дунайского бассейна [1, с. 169].

Что касается формы и параметров, то ближайшей аналогией корчаге из Зимогорья могут служить два сосуда из погребений черногоровской

группы. Сосуд из Нижнего Подонья (рис. 4, *1*) чуть меньших размеров, но таких же пропорций, с подлощенной поверхностью оранжевого цвета с темными пятнами имеет в глине примесь слюдяных включений [6, с. 58, табл. XXII, *6*]; второй сосуд обнаружен в разрушенном погребении у с. Кременевка в Приазовье. Поверхность охристая с темными пятнами, в глине примесь песка[2]. Венчик обломан, но совпадающие размеры горизонтальных параметров предполагают и одинаковые параметры по вертикали, что дает полную идентификацию сосудов (рис. 4, *2*).

Деревянные сосуды достоверно известны в восьми погребениях черногоровской группы. В семи из них находились сосуды полусферической (чаши) или кубковидной формы: Высокая Могила, погр. 5 [7, с. 153]; Веселая Долина в Приазовье [8, с. 227—229]; Соколово 3/4 [3, с. 71]; Новоалександровка 3/2 [9, с. 323]; Ширванка, Новая Одесса 2/1; Калиновка Николаевской обл. [1, с. 47, 68]. В последнем кроме кубка из дерева находилось деревянное блюдо с костями животных, как в зимогорском погребении. Еще одно деревянное блюдо найдено в Нижнем Подонье — Веселовская группа 2/4 [10, с. 32].

Бронзовые восьмерковидные бляшки широко представлены на поселениях Чернолесья и лесостепной Молдавии [1, с. 94, рис. 57, 61, 62; 11, с. 173, рис. 105, 106]. В погребениях черногоровского типа они встречены кроме Зимогорья трижды: Князево Харьковской обл. [1, с. 68], Соколово 3/4 [3, с. 71] и Шахаевская-II 6/4 [2, с. 130] в Подонье. В погребениях новочеркасского типа они неизвестны вообще.

В рассматриваемом погребении бляшка, возможно, связана с горитом (в качестве украшения или застежки).

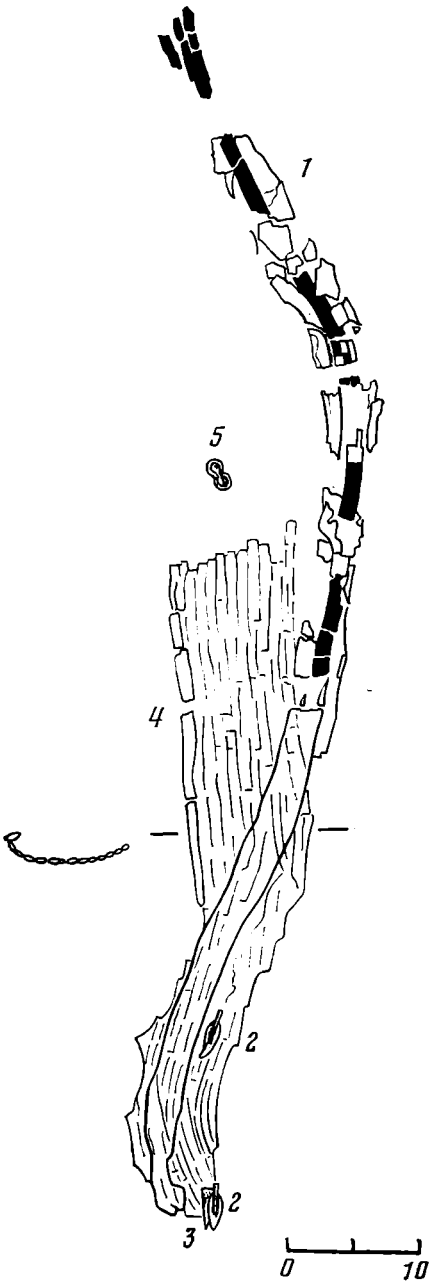


Рис. 3. Лук и наконечники стрел в колчане (горите?). *1* — лук; *2* — бронзовые наконечники стрел; *3* — костяной наконечник стрелы; *4* — сохранившаяся часть колчана (горита?), план и разрез; *5* — бронзовая бляшка

Височные подвески (или серьги?) в один-два оборота достоверно известны в девяти погребениях черногоровской группы: Высокая Могила, погр. 5 [7, с. 154, рис. 7]; Соколово 2/1 и 3/4 [3, с. 71]; Кривая Лука-V 5/9 [4, с. 54]; Новоалександровка 3/2 [9, с. 323]; Веселовская группа 2/4 [10, с. 32]; Шахаевская-I 7/5; Шахаевская-II 6/4; Крепинский-II 28/3 [12]. Во всех перечисленных погребениях подвеска (серьга?) была найдена в одном экземпляре, как и в Зимогорье. В единственном погребении черногоровского типа, где она встречена в паре,— Львово Херсонской обл. [1, с. 50, 52, рис. 22] — скелет принадлежал, как установлено, женщине. Интересно, что подобная львовской золотая серьга из Высокой Могилы найдена в единичном экземпляре в явно мужском (по составу инвентаря) погребении.

[2] Раскопки С. Н. Братченко. Донецкая новостроечная экспедиция 1977 г.

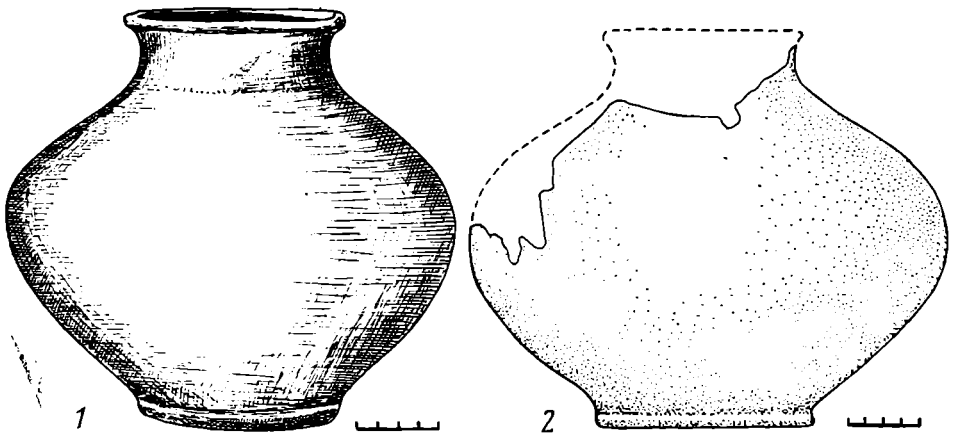


Рис. 4. Сосуды из Нижнего Подонья и Приазовья. *1* — Ясырев-I, кург. 9, погр. 27 (раскопки М. Г. Мошковой, Э. А. Федоровой-Давыдовой, 1970 г.); *2* — погр. 3 кург. 2 у с. Кременевки (раскопки С. Н. Братченко, 1977 г.)

Аналогичная ситуация наблюдается и в протомеотском могильнике у с. Николаевского, датированном VIII — первой половиной VII в. до н. э. Там найдено два погребения с подвесками. В погр. 17 обнаружены бронзовая спиральная подвеска в единичном экземпляре и железное копье, что дало возможность автору отнести погребение к мужским [13, с. 109]. В погр. 5, отнесенном к женским, найдены булавки, иглы, бусы и две однотипные серебряные подвески в виде двух плоских цилиндриков с желобчатой поверхностью, соединенных петлей[3] [13, с. 106].

Среди погребений новочеркасского типа серьги-подвески в одном экземпляре неизвестны, а парные однотипные серьги из погребений в Новопетровке Николаевской обл. [1, с. 68] могут трактоваться и как белозерские [1, с. 69].

В связи со всем сказанным можно вспомнить неоднократно отмечаемую исследователями особенность, характерную для племен ранних кочевников VII—V вв. до н. э.: мужчины-воины носили одну серьгу, женщины — две [15, с. 132; 16, с. 82; 17, с. 48—50]. Если же в мужском погребении и находилось две серьги, то они были разнотипны [17, с. 50—51]. Возможно, находки единичных подвесок в перечисленных выше погребениях — свидетельство того, что данный обычай существовал уже в VIII в. до н. э. и был связан прежде всего с населением, оставившим памятники черногоровского типа.

Бронзовые наконечники стрел из Зимогорья близки к наконечникам из колчанных наборов Малой Цимбалки [18, с. 144, рис. 102], Высокой Могилы [7, с. 154, рис. 7] и Аржана [1, с. 138, рис. 83] наличием короткой втулки, часто с рельефным пояском в основании пера. В то же время асимметрично-ромбическая (рис. 2, *3*, *5*) и трапециевидная (рис. 2, *1*, *2*, *4*) формы пера, овальная и прямоугольная, а не ромбическая, как в большинстве наконечников указанных наборов, нервюра, валик по краям лопастей, предполагающий в дальнейшем проковывание (рис. 2, *1*), не позволяют полностью отождествлять зимогорские наконечники с наконечниками малоцимбальского типа [19, с. 42, 43].

Костяные наконечники стрел, квадратные в сечении, известны в колчанных наборах из Малой Цимбалки, Соколова [3, с. 155, рис. 9], Васильевки Донецкой обл. [1, с. 36, рис. 10] и других памятников, датирующихся IX—VII вв. до н. э. [1, с. 134].

Остатки лука, найденного впервые в погребении черногоровского типа, позволяют отнести его к сложным [20, 21]. В пользу этого свидетельствуют такие детали, как использование двух деревянных пластин

[3] Возможно, фрагментами такой подвески являются золотой цилиндрик с желобчатой поверхностью, найденный в погребении черногоровского типа Балабинского могильника в Подонье [14, с. 147], а также «большая пронизь, свернутая из листового золота», входившая в комплекс из Малой Цимбалки [1, с. 51].

для древка, обматывание их корой, конфигурация, для которой характерны асимметричность плеч и слегка загнутые наружу концы. В луке из Зимогорья можно узнать форму скифского лука, хорошо известного по памятникам изобразительного искусства и описаниям древних авторов [22, с. 7, 8, 19]. В то же время отметим, что размеры зимогорского лука дают возможность назвать его длинным в отличие от более распространенных у поздних скифов коротких луков [22, с. 21].

В целом анализ инвентаря погребения у г. Зимогорья подтверждает его принадлежность к памятникам типа Аржан—Черногоровка.

По А. И. Тереножкину, черногоровская ступень датируется IX — первой половиной VIII в. до н. э. [1, с. 208]; Аржан, по М. П. Грязнову,— VIII—VII вв. до н. э. [23, с. 15]. Синхронный черногоровским памятникам протомеотский могильник с. Николаевского, по Н. В. Анфимову, относится к VIII — первой половине VII в. до н. э. [13, с. 119]. Бронзовые наконечники стрел малоцимбальского типа, характерные для аржано-черногоровских памятников, дают «узкую» [24, с. 28—32] дату — VIII в. до н. э. [19, с. 41].

Взаимоналожение упомянутых датировок приводит к тому, что наиболее вероятная дата публикуемого комплекса — первая половина VIII в. до н. э.

Что касается этнокультурной принадлежности зимогорского погребения, то мы разделяем точку зрения М. П. Грязнова, считающего памятники типа Аржан—Черногоровка раннескифскими [23, с. 17].

Близость материальной культуры последних к скифским памятникам VI в. до н. э. неоднократно отмечалась в литературе [25, с. 129; 26, с. 91; 27, с. 101; 28, с. 107, 108]. Новым подтверждением этому служит находка лука скифского типа в комплексе VIII в. н. э., что делает тем более правомерным выделение «начального этапа скифской культуры» [23, с. 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
2. *Шарафутдинова Э. С., Дубовская О. Р.* Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье.— В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюз. симпоз. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982.
3. *Ромашко В. А.* Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречье — В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.) Днепропетровск: Изд-во Днепропетров. ун-та, 1978.
4. *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.— В кн.: Древности Астраханского края. М.: Наука, 1977.
5. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
6. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 г.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 1. М.: Наука, 1974.
7. *Бидзиля В. Н., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой Могилы.— СА, 1974, № 1.
8. *Татаринов С. И.* Раннескифское погребение из Приазовья.— СА, 1982, № 1.
9. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г.— Тр. XIII АС. Т. 1. М., 1905.
10. *Федорова-Давыдова Э. А., Горбенко А. А.* Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М.: Наука, 1974.
11. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Наук. думка, 1961.
12. *Воронина Р. Ф.* Отчет второго Манычского отряда Донской экспедиции о раскопках Крепинского могильника II в 1973 г. Архив ИА АН СССР. р-1, № 5642.
13. *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского.— СМАА, 1961, т. II.
14. *Узянов А. А.* Нижнесальские курганы.— АО — 1975. М., 1976.
15. *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
16. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1973.
17. *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука. 1979.
18. *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М.: Изд-во МГУ, 1977.

19. *Клочко В. И.* Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н. э.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.: Наук. думка, 1979.
20. *Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии.— СА, 1966, № 4.
21. *Хазанов А. М.* Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху.— В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966.
22. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
23. *Грязнов М. И.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан.— КСИА, 1978, вып. 154.
24. *Щукин М. Б.* Об «узких» и «широких» датировках.— В кн.: Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978.
25. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии М.: Изд-во АН СССР, 1954.
26. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
27. *Дубовская О. Р.* К вопросу о роли позднесрубного этнокультурного компонента в сложении памятников раннего железного века Северного Причерноморья.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Донецк, 1979.
28. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.

O. R. Dubovskaya

A BURIAL OF AN ARCHER

Summary

The author discusses a newly discovered burial of the Early Iron Age found near Zimogorye, Voroshilovgrad District. Fragments of a complex bow made of two wooden planks connected by birch bark with asymmetric shoulders typical of Scythian bows were found for the first time in an early Iron Age burial. The position of the buried and burial furniture clearly indicate that the burial belongs to the Arzhan-Chernogorovka type while the Scythian bow supports M. P. Gryaznov's identification of the early stage of the Scythian culture dated between the 8th and 7th centuries B. C.

ПАТРУШЕВ В. С.

ШЕЙНЫЕ ГРИВНЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ ВОЛГО-КАМЬЯ

К числу труднообъяснимых явлений конца эпохи бронзы и начала раннего железа относится распространение шейных гривен на значительной территории от Средиземноморья до Урала и далее. Не вдаваясь в историю происхождения данного вида украшений в целом, автор предлагает рассмотреть довольно большую группу гривен из памятников Волго-Камья.

До настоящего времени из районов Средней Волги и Прикамья были опубликованы всего 16 находок. Беглая характеристика гривен из Прикамья и Пустоморквашинского могильника на Средней Волге была дана А. В. Збруевой [1, с. 76, 82] и А. М. Тальгреном [2]. Небольшая группа находок (12 экз.) из ранних раскопок Акозинского могильника на Правобережье Волги классифицирована А. Х. Халиковым [3, с. 58, 59].

В данной работе автор впервые привлекает гривны из Старшего Ахмыловского [1], новых раскопок Акозинского [2] и Пустоморквашинского [3] могильников, а также большей частью не опубликованные материалы Ананьинского могильника из фондов Национального музея Финляндии (НМФ) [4], Музея антропологии Московского государственного университета (МА МГУ, кол. опись 134, 135), Государственного Исторического музея (ГИМ, кол. опись 48958).

В предлагаемой вниманию читателей работе автор учитывает имеющиеся в советской археологической литературе классификации гривен — от синхронных находок до изделий средневековой Руси [3, с. 58, 59; 4, с. 66—71; 5, с. 41—48; 6, с. 55—87]. В ряде случаев мы сочли необходимым несколько видоизменить предложенные схемы. Причиной тому является, либо значительное отличие материала [4], либо его малочисленность [3], либо отсутствие единого принципа в выделении отделов и типов [5]. Последнее относится к скифским гривнам [5], наиболее близким по датировке и форме после кавказских аналогий [7, табл. II, *1*; XXXIII, *2—4*; XLIV, *7*, *8*; 8, рис. 40, *5*; 9, рис. 7; 10, табл. III, *5*; XXIII, *1*; 11, рис. 107, *14—19*], к сожалению не нашедших полной типологической характеристики. При выделении отделов В. Г. Петренко за основу брала или форму дрота в сечении (I отдел — четырехгранный дрот, III отдел — круглый), или характер оформления поверхности дрота (II отдел — крученый дрот, круглый и четырехгранный, V отдел — из стержня, обвитого проволокой, VI — отдел — ложновитой экземпляр) или же руководствовалась другими параметрами (отделы IV, VII, VIII). Еще больший разнобой можно проследить при выделении типов. Положительным в типологической системе А. Г. Петренко является весьма полное отражение материала: все нюансы форм ею выделены в отдельные типы. Хотя тип предполагает определенную совокупность предметов, объединенных общим признаком, в данном случае дробная типология наряду с обоснованной четкой датировкой комплексов помогает полнее представить общую картину развития форм. Но и здесь есть слабая сторона, сама типология не отражает их развития.

[1] Раскопки В. С. Патрушева и А. Х. Халикова в 1962—1977 гг.

[2] Раскопки автора.

[3] Раскопки В. С. Патрушева и А. Х. Халикова в 1975—1976, 1979 гг.

[4] По зарисовкам А. Х. Халикова. Пользуясь случаем, выражаем сердечную благодарность А. Х. Халикову за предоставленные материалы.

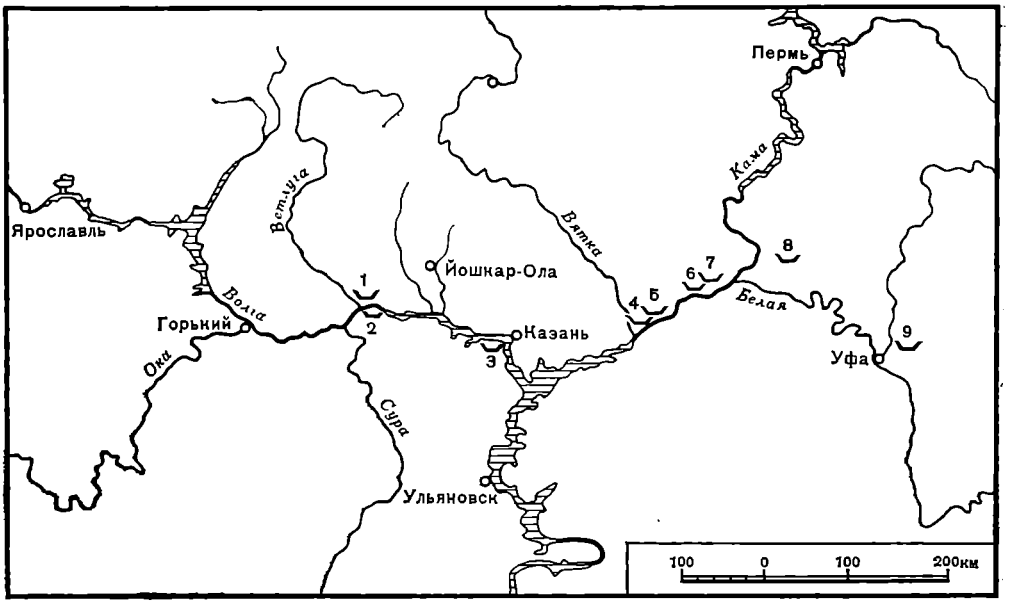


Рис. 1. Карта ананьинских могильников с находками гривен. *1* — Старший Ахмыловский; *2* — Акозинский; *3* — Пустоморкашинский; *4* — Котловский; *5* — Ананьинский; *6* — Зуевский; *7* — Рёлка; *8* — Таш-Елгинский; *9* — Уфимский

В настоящее время группа гривен из Волго-Камья для начальной стадии эпохи раннего железа самая многочисленная на территории нашей страны (рис. 1; Приложение, табл. 1). Они изготовлены из бронзовых (129), железных (7) или серебряных (3) [5] дротов или тонкой проволоки (132) и, реже, пластин (7). Их форма кольцеобразная или приближается к овалу. За исключением пяти экземпляров, ширина больше высоты. Концы гривен, кроме четырех изделий с заходящими друг за друга концами, разомкнуты и отстоят друг от друга на 3—16 см. Диаметры по внешним контурам колеблются от 9,4 до 23 см. В могилах они обычно располагались по одному в области шеи погребенного.

По форме основной кольцеобразной части гривен выделены три отдела: I — из круглого в сечении дрота или проволоки, II — из четырехгранного в сечении дрота, III — из пластины (рис. 2—4). По оформлению концов они подразделяются на типы и подтипы. При этом типы объединяют наиболее общие формы, указывающие на способ ношения (А — с кольцевым завершением или свернутым в петлю; Б — с загнутыми концами; В — с прямыми концами), а подтипы указывают на детали в оформлении концов (1 — с суженными; 2 — с расплющенными; 3 — с обрубленными). Виды характеризуют оформление поверхности: а — гладкая; б — орнаментированная; в — крученая или ложновитая. О последних заметим, что среди изделий из круглого дрота как крученые, так и ложновитые по внешнему виду совершенно идентичны и без металлографического анализа они не отличимы друг от друга. А среди украшений из четырехгранного дрота нет ложновитого оформления и есть лишь крученые экземпляры. Находки с узорами из имитации навитых проволочек и резных линий, отдаленно напоминающие ложновитые узоры (рис. 5, *11, 15*; рис. 6, *2, 3*), включены в число орнаментированных, так как значительно отличаются от ложновитых не только по внешнему виду, но и по технологическим приемам.

---

[5] Из-за отсутствия результатов анализов металла серебряные изделия выделены условно. При анализе они могут оказаться изготовленными из сплава металлов с большим содержанием олова (так называемая «белая бронза») или же свинца (к сожалению, С. В. Кузьминых, проанализировавший металл гривен Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников, не представил их результаты авторам полевых исследований).

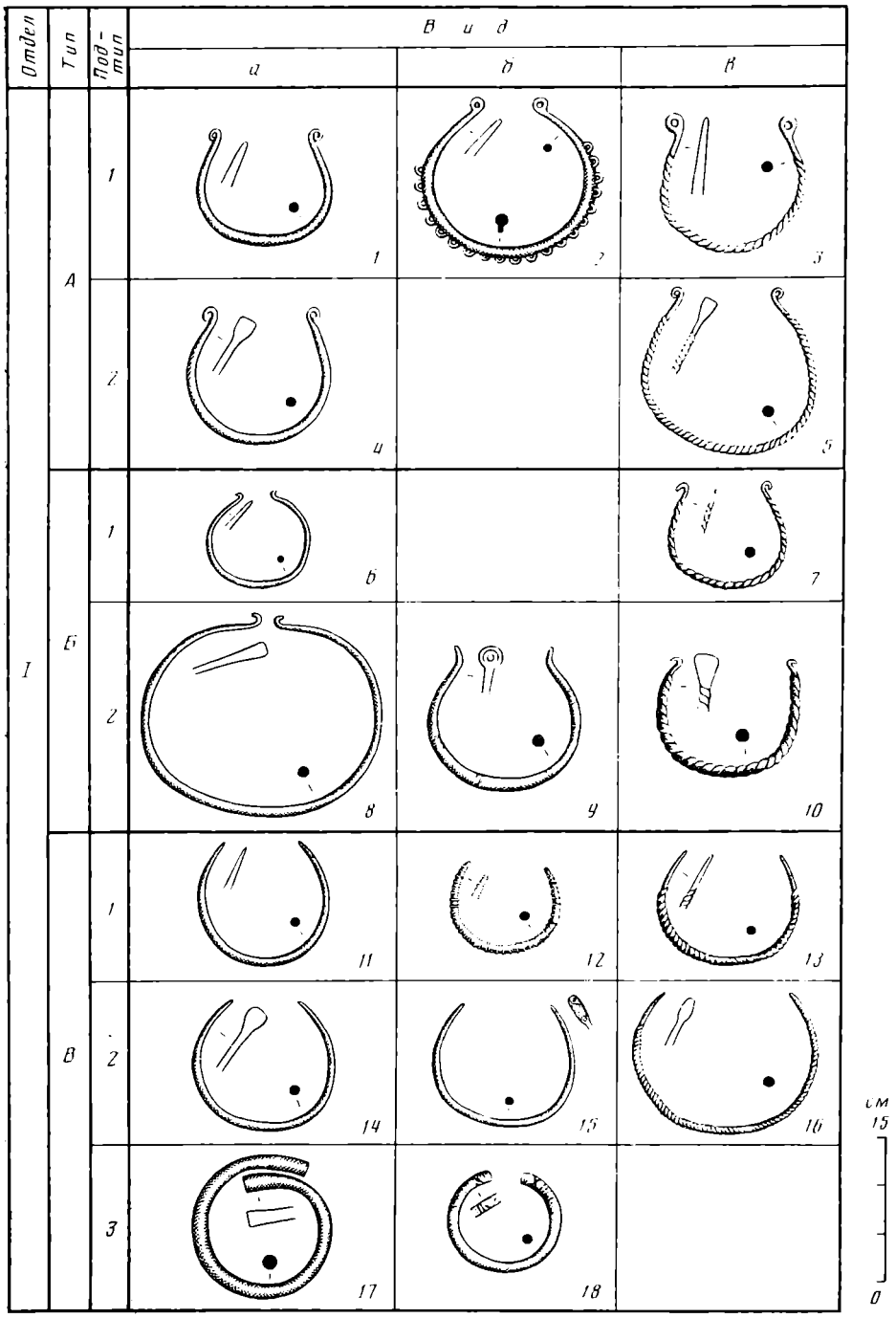


Рис. 2. Бронзовые шейные гривны Волго-Камья. Отдел I. Старший Ахмыловский могильник. *1* — отдельная находка в кн. III/6 раскопа 1966 г.; погребения: *2* — 913; *3* — 150; *4* — 531; *6* — 972; *7* — 159; *8* — 553; *9* — 419; *10* — 160; *11* — 648; *12* — 126; *13* — 355 — № 2; *14* — 362; *16* — 4; Акозинский могильник: *5* — погр. 62; *15* — погр. 74; Уфимский могильник: *17* — погр. 23; *18* — Зуевский могильник

Отмеченные признаки являются основными в характеристике подобных украшений. Второстепенные различия в деталях форм, материале, орнаментации отмечены как разновидности и варианты (рис. 5, 6). К ним отнесена и такая черта, как толщина изделия в средней части и у концов. Укажем характерную закономерность: одинаковую толщину имеют все изделия из круглой проволоки, четырехгранного дрота, пластины и единичные экземпляры из круглого дрота с прямыми и в одном случае с загнутыми концами.

В Волго-Камье всего известно 139 экз. гривен (Приложение, табл. 1). Кроме одного, все изделия происходят из могильников (рис. 1). Наиболее многочисленна группа украшений из Старшего Ахмыловского

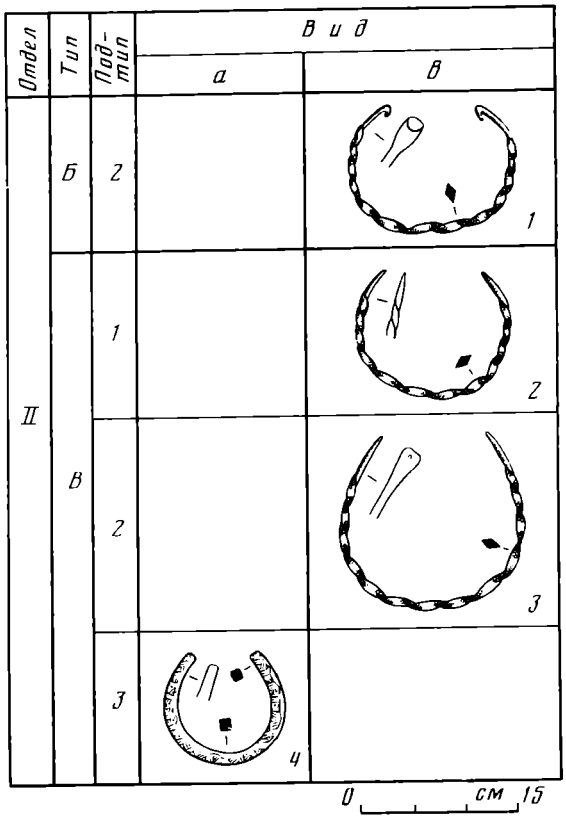


Рис. 3. Шейные гривны Волго-Камья. Отдел II. Старший Ахмыловский могильник, погребения: *1* — 798; *2* — отдельная находка в кв. Е/05 раскопа 1965 г.; *3* — 314; *4* — 819. *1—3* — бронза, *4* — железо

(83 экз.) [6], а также из Акозинского (21) [7] и Ананьинского (15) [8] могильников. Находки из остальных памятников единичны: 5 из Уфимского [9], 4 — из Пустоморквашинского [10], 5 — из Зуевского [1, с. 82; табл. XVII, *16, 17*], 2 — из Котловского [1, с. 82], 2 — из Таш-Елгинского [12, рис. 171, *2*, 173, *1*], 1 — из Релка [1, с. 82; 2, рис. 46]. Один экземпляр из с. Пустобаево Елабужского р-на в Татарии поступил от Ф. Д. Нефедова в Музей антропологии Московского государственного университета (колл. опись 134/6).

Ниже дается классификация гривен. Характеристика отдельных гривен (диаметр, материал), условия их нахождения, сопровождающие комплексы вещей, а также дата каждого комплекса погребений указаны особо (Приложение, табл. 2) [11].

Отдел I включает гривны из круглого дрота и проволоки (116 экз.; рис. 2). Первые, за редким исключением, в средней части имеют утолщение и постепенно суживаются к концам. Диаметр дрота в сечении

[6] Материалы хранятся в кабинете археологии Марийского государственного университета.

[7] Материалы раскопок 1971—1972 гг. хранятся в кабинете археологии Марийского гос. университета, а находки из раскопок 1950-х годов — в Марийском научно-краеведческом республиканском музее.

[8] Хранятся в НМФ (колл. № 1400, 5381) и МА МГУ (колл. опись 135); они частично опубликованы [2, рис. 36, 43].

[9] Фонды ГИМ, № 48958.

[10] Одна находка до 1927 г. опубликована [2, рис. 48]. Остальные хранятся в кабинете археологии Марийского гос. университета.

[11] В таблице даты комплексов погребений для Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников даны по книге автора настоящей статьи [13] и работе А. Х. Халикова [3, с. 65—91]. У отдельных находок из квадратов указаны даты функционирования всего могильника. При датировке прикамских материалов использованы работы А. В. Збруевой, А. М. Тальгрена, А. Х. Халикова [1—3, 14]. Объем настоящей работы не позволяет включить в нее датирование комплексов всех погребений, где обнаружены гривны.

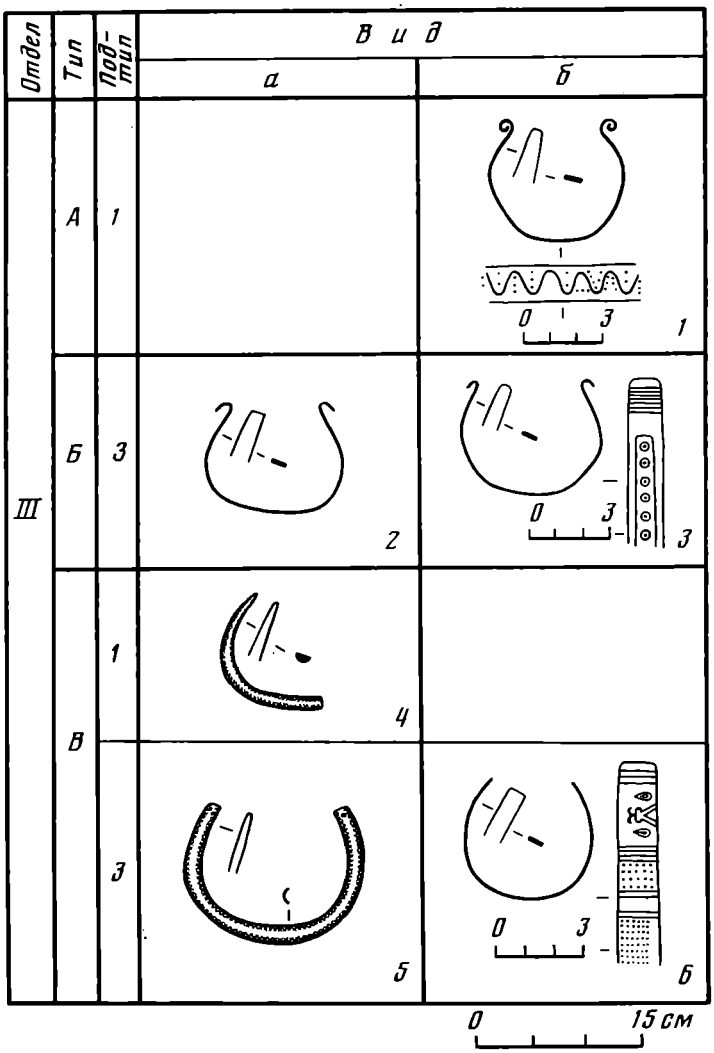


Рис. 4. Шейные гривны Волго-Камья. Отдел III. Старший Ахмыловский могильник, погребения: *1* — 357; *2* — 200; *3* — 215; *4* — 633; *6* — 209; Ананьинский могильник: *5* — НМФ-1400. *1—6* — бронза

составляет 0,4—1,2 см. Украшения из проволоки одинаковой толщины (0,13—0,2 см) по всей длине.

По форме концов и соответственно характеру крепления и способу ношения изделия первого отдела подразделяются на три типа.

Тип А — украшения с кольцевым сомкнутым завершением концов или, реже, концы свернуты в виде петель, обращенных наружу или иногда внутрь (32 экз.). В процессе раскопок Старшего Ахмыловского могильника в ряде случаев удалось проследить тлен из кожаного ремешка, пропущенного в петли на концах (погр. 346, 531 и др.). Очевидно, кольца и петли на концах несли определенную практическую роль при ношении гривен.

По оформлению концов они делятся на два подтипа.

Подтип 1 — изделия с суженными концами (19 экз.), подразделяющиеся по оформлению поверхности на три вида.

Вид а — гривны с гладкой поверхностью (Старшее Ахмылово — погр. 346, 357 — № 1, 622, кв. III/6 раскопа 1966 г.[12]; Акозино — погр. 39, кв. III/1 раскопа 1958 г., кв. А/2 и Б/3 раскопа 1971 г.). Находки в раскопе 1971 г. Акозинского могильника изготовлены из железа. Остальные бронзовые экземпляры из крупного дрота отличаются друг от друга только размерами и в незначительной мере толщи-

[12] Данная гривна опубликована [15, с. 96].

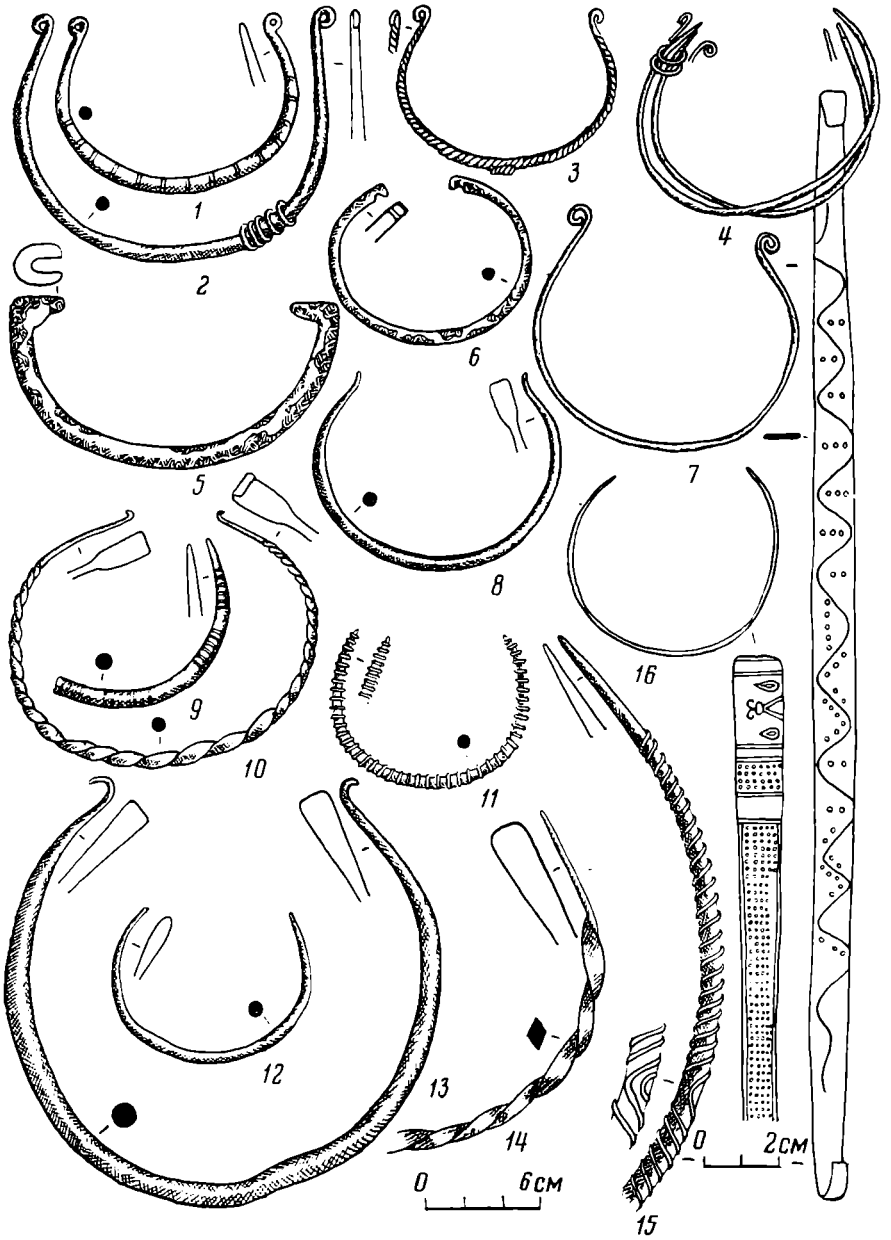


Рис. 5. Гривны Старшего Ахмыловского могильника, погребения: *1* — 146; *2* — 346; *3* — 204; *4* — 622; *5* — 523; *6* — 781; *7* — 357; *8* — 497; *9* — 656; *10* — 780; *11* — 126; *12* — 725; *13* — кв. 0/16 раскопа 1966 г.; *14* — 280 (деталь); *15* — 900 (деталь); *16* — 209. *1—4*, *7—11*, *13—16* — бронза; *5*, *6* — железо; *12* — серебро

ной дрота. Как отдельная разновидность данного вида выделяются три изделия из проволоки (погр. 622, Старшее Ахмылово,— рис. 5, *4*; Таш-Елга — погр. 3 раскопа 1968 г.). В погр. 622 две гривны вместе соединены кольцами и составляют единое шейное украшение. В отличие от других подобных изделий концевые петли оформлены в виде спиралей и повернуты в стороны. Второй конец одной из гривен отломлен, а у другой, судя по приостренности, отсутствовал уже в древности. Близкая форма изделия известна из материалов комаровской культуры эпохи бронзы в Прикарпатье [16, рис. 49, *3*, с. 183 и сл.]. Подобный же экземпляр с одним спиральным и другим приостренным концами, но в сильно деформированном виде обнаружен на памятнике высоцкой культуры (Золочив, VIII—VII вв. до н. э. [17, с. 230—240, рис. 1, *24*]). В западной Подолии (Раков Кут) известна и форма гривны из круглого дрота данного вида [18, рис. 68, *31*, с. 240—248].

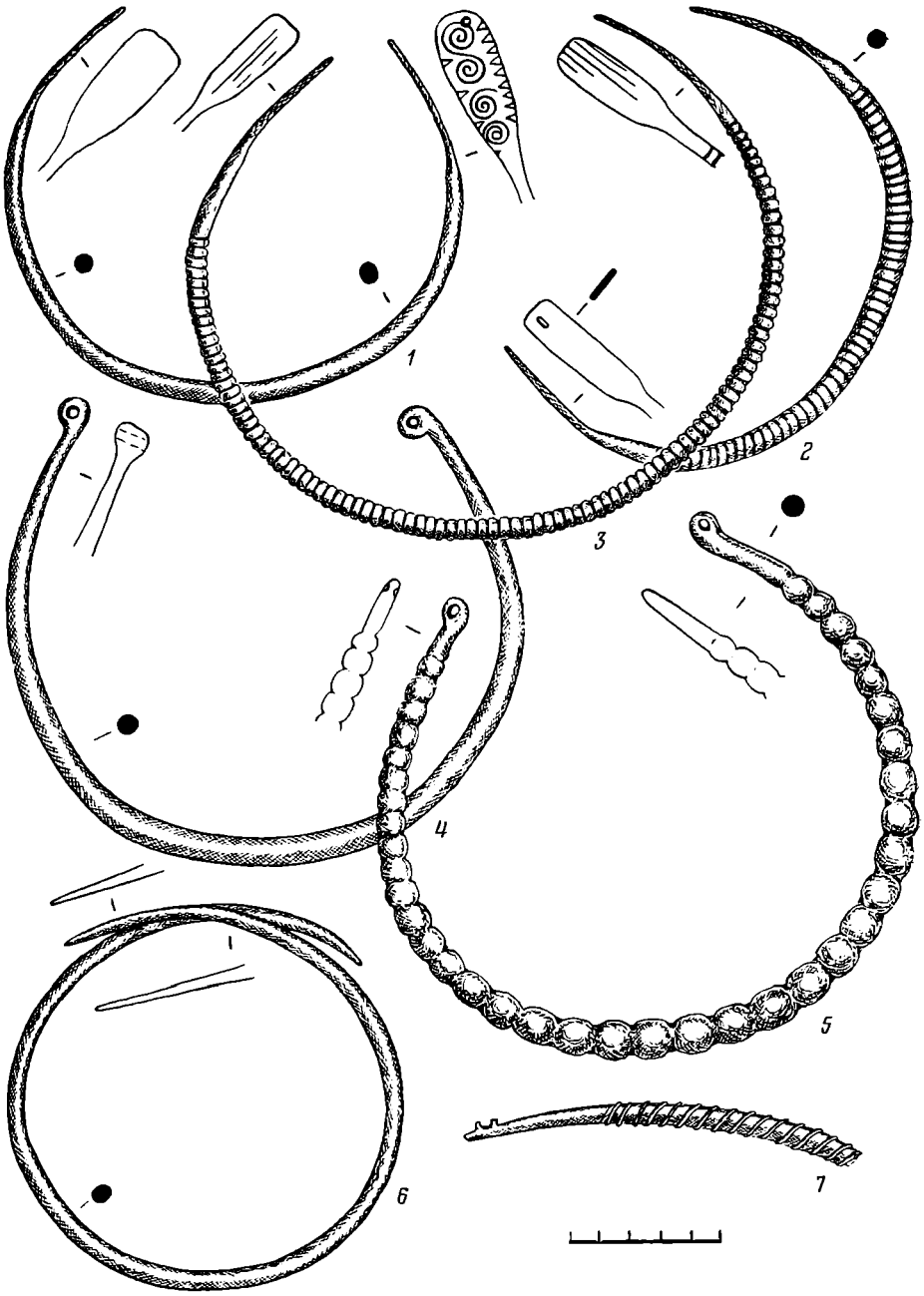


Рис. 6. Гривны Акозинского (погребения: *1* — 74; *2* — 83; *3* — 98; *4* — 79); Пустоморквашинского (*5* — отдельная находка в кв. Г/9 раскопа 1976 г.); Уфимского (*6* — погр. 22); Ананьинского (*7* — НМФ-5381/27) могильников

Кроме юго-западных районов близкие средневолжские гривны происходят из памятников кобанской культуры Северного Кавказа (Кобань, Балта [7, табл. XXXIX, *10*, LXV, *19*, с. 56—57]).

Вид б включает орнаментированные гривны. По характеру украшений на их поверхностях могут быть выделены три разновидности: 1) содержат узоры из резных, попарно расположенных поперечных линий (Старшее Ахмылово — погр. 146; рис. 5, *1*), 2) орнамент состоит из рядов выпуклин, имитирующих соединенные шаровидные бусины (П. Морквашн — кв. Г/9 раскопа 1976 г.; рис. 6, *5*), 3) на внешней поверхности имеют расположенные близко друг от друга кольца. Варианты этой разновидности — бронзовое изделие со многими проволочными кольцами (Старшее Ахмылово — погр. 913) и железный экземпляр с тремя кольцами (Акозино — погр. 44 [3, табл. XI, *8*]). Изделия данного вида для других территорий не характерны. Можно лишь отметить близ-

кое пустоморквашинскому (рис. 6, *5*) шейное украшение на изображении головы Афины на серьгах из Куль-Обского кургана в Крыму [19, табл. VII, с. 74].

Вид в — крученые или ложновитые гривны (Старшее Ахмылово — погр. 150, 204; Ананьино — 4 экз.[13]). На поверхности одной из гривен из Старшего Ахмыловского могильника имеется припаянный кусок металла (рис. 5, *3*). Аналогии из других районов не известны. Комплексы Старшего Ахмыловского могильника датируются концом VIII—VII в. до н. э.

Подтип 2 представлен гривнами с расплющенными концами (13 экз.). Из них 12 относятся к виду а (Старшее Ахмылово — погр. 531, 532, 540, отдельная находка в кв. И/07 раскопа 1965 г.; Акозино — погр. 51, 78, 79, 93; Ананьино — 3 экз.; Пустые Моркваши — погр. 42). Все они довольно сходны друг с другом. Лишь у одного украшения из Акозинского могильника концевые кольца свернуты наружу и внутрь (рис. 6, *4*). Изделия данного вида находят аналогии за пределами Волго-Камья. В частности, они известны в лужицкой и высоцкой культурах [5, с. 42]. Аналогичное украшение, найденное в погр. 1А у с. Раковкат, А. И. Мелюкова по бронзовой булавке датировала концом VII — началом VI в. до н. э. [20, рис. 8, *18*, с. 43]. Ряд исследователей подобные изделия считают заимствованными скифами у населения высоцкой и лужицкой культур [5, с. 42; 20, с. 45; 21, с. 66; 22, с. 23, 24; 23].

Такие же украшения встречены на кавказских памятниках кобанского типа (Кобанский могильник — 4 экз. [7, табл. XXX, *3*; XXXIX, *10*], Балта [7, табл. LXV, *19*], Кумбулта [7, табл. LXXXIII, *9*], Березовский могильник [24, табл. XXXIII, *4*], Верхняя Рутха [24, табл. XLIV, *7, 8*]. Их дата близка ко времени функционирования могильников Волго-Камья, где обнаружены гривны данного вида (Приложение, табл. 2). Вместе с тем такие же экземпляры из Тлийского могильника Б. В. Теховым датированы временем не позже конца XI в. до н. э. [11, рис. 107, *16*, с. 150].

Одно изделие второго подтипа относится к виду в (Акозино — погр. 62 [3, табл. XI, *3*]). Такие гривны известны в южных районах [11, рис. 107, *17, 18*; 24, табл. II, *1*; 25, рис. 36, с. 236—238]. Изображения подобных изделий встречаются вплоть до центров древневосточных культур [26, с. 34, 35]. Реже украшения близких форм происходят из скифских памятников [5, табл. 29, *2*]. Они также характерны для западноевропейских областей, где встречены на памятниках от эпохи бронзы до начала железного века [22, табл. XVII, XXVI; 27, табл. 85, Д-4, 6; 28, табл. XV, *3*; 29, табл. IV, *24*, V, *14*, XI, *15*].

Тип Б — включает гривны с загнутыми концами (19 экз.). Типологически они близки к рассмотренной группе находок и продолжают их развитие.

Подтип 1 (8 экз.) данного типа подразделяется на два вида: а — украшения с гладкой поверхностью (Старшее Ахмылово — погр. 584, 745, 972; Котловский — погр. 2, 14); два из них из тонкой проволоки (погр. 584, 745 Старшего Ахмылова); в — крученые или ложновитые изделия (Старшее Ахмылово — погр. 159; Ананьино[14]; Пустые Моркваши[15]). Аналогичная гривна известна в древностях Северной Европы [30, с. 100, 101]. Другое украшение данного подтипа, но вида б, отсутствующего в Волго-Камье, происходит из комплекса Гуадиху VIII—VI вв. до н. э. [10, табл. III, *5*].

Подтип 2 представлен 11 находками. Среди них выделяются три вида. Вид а — с гладкой поверхностью (Старшее Ахмылово — погр. 351, 497, 523, 553, кв. О/6 раскопа 1966 г.). Как отдельные разновидности данного вида следует отметить гривну со слабо отогнутыми концами (рис. 5, *8*) и массивный железный экземпляр с загнутыми внутрь и

[13] НМФ — 1400/370, 372, 373, 374.
[14] НМФ — 1400/371.
[15] Из ранних находок; опубликована А. М. Тальгреном [2, рис. 48].

имеющими прорези концами (рис. 5, *5*). Одна находка изготовлена из дрота одинаковой по всей длине толщины (рис. 2). За пределами Волго-Камья подобные изделия редки [11, рис. 107, *15*].

Единственная гривна вида б украшена поперечными резными линиями, расположенными на некотором расстоянии друг от друга (Старшее Ахмылово — погр. 419). Округлые расплющенные концы имеют отверстия, что сближает ее с изделиями типа А.

Вид в объединяет крученые или ложновитые украшения (Старшее Ахмылово — погр. 160, 211, 355 — № 1, 780, кв. Ч/6 раскопа 1966 г.). Один экземпляр выделяется массивностью и одинаковой по всей длине толщиной (рис. 2, *10*). Такие массивные изделия, но с утолщением в средней части, имеются в лужицкой культуре [31, рис. 64, *1*]. Концы у них дополнительно украшены геометрическими узорами. Последние аналогичны кавказским находкам [24, табл. III, *2*].

Тип В — гривны с прямыми концами (59 экз.), за редким исключением не имеющими приспособлений для крепления. Предполагать, что их носили концами вперед, как показано, например, на изображении мужчины на крышке урны из Кампана [32, рис. 101—103], у нас нет оснований. Положение гривен с прямыми концами в погребениях Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников ничем не отличается от положения других форм. Некоторые экземпляры могли крепиться с помощью ремешка, пропущенного в отверстия на расплющенных концах. Однако таких гривен очень мало. Приостренные же концы, особенно с гладкой поверхностью, практически не могли привязываться. Остается предположить, что они в одних случаях держались за счет близости концов, а в других, видимо, каким-то образом прикреплялись к вороту одежды.

Изделия *типа В* подразделяются на три подтипа. *Подтип 1* включает украшения трех видов, различающихся по оформлению поверхности (35 экз.).

Вид а — гривны с гладкой поверхностью (Старшее Ахмылово — погр. 164, 384, 426, 428, 534, 552, 600, 648, 676, 700, 770, 868, 946, 1000, кв. Г/2 раскопа 1962 г., подъемный материал 1963 г., кв. И/06 раскопа 1965 г., кв. Д/5, У/8 и комплекс дома мертвых № 1 раскопа 1966 г.; Ананьино — 2 экз.[16]; Таш-Елга — погр. 2 раскопа 1968 г. [12, рис. 171, *2*]; Уфимский — погр. 19, 22). Один экземпляр изготовлен из железа, один — из серебра или белой бронзы (Приложение, табл. 2). Для изделий данного вида обычны разомкнутые концы (первая разновидность; находки из Уфимского могильника — рис. 6, *6*).

Гривны первой разновидности встречены в кобанских комплексах (Кобанский [5, табл. XXXIII, *4*], Березовский [24, табл. XXXIII, *2*] и Тлийский [11, рис. 107, *24*] могильники). Они близки также к некоторым экземплярам скифских гривен со слегка округленными концами; в средней части они также расширяются [5, табл. 30, *4*]. Вместе с украшениями с обрубленными концами они датируются концом VI—V в. до н. э. Гривна второй разновидности также встречена на Кавказе (Луговой могильник) в комплексе VI—V вв. до н. э. [33, табл. XXII, *1*, с. 49].

Вид б представлен всего несколькими экземплярами (Старшее Ахмылово — погр. 126, 656, 900; Ананьино[17]). Один из них украшен поперечными рельефными валиками, имитирующими проволочные кольца (рис. 5, *11*). На другом — близкий узор, но нанесенный в виде спирали. На некотором расстоянии от концов узоры из «проволочек» идут в противоположных направлениях (рис. 5, *15*). Близкая орнаментация содержится на фрагменте гривны из Ананьинского могильника (рис. 6, *7*). На конце у данного изделия, кроме того, есть небольшие выступы. На половинке еще одной гривны нанесены резные поперечные линии, расположенные группами (рис. 5, *9*). Такое же изделие, но диаметром менее 7 см (браслет), известно из Поднепровья; оно найдено в комплексе

[16] НМФ — 1400.
[17] НМФ — 5381/27.

V—III вв. до н. э. [34, табл. 14, *7*, с. 29]. Аналогии таким узорам известны на кобанских изделиях VI—V вв. до н. э. [33, табл. XXIV, *1*, с. 49]. Орнамент в виде навитой проволоки по спирали в противоположных направлениях содержится на гривне лужицкой культуры периода гальштат Д (VI в. до н. э. [30, с. 344]).

К виду в относятся всего три гривны с ложновитым оформлением стержня (Старшее Ахмылово — погр. 355 — № 2, кв. Д/3 раскопа 1963 г.; Акозино — погр. 71). Близкое изделие с заходящими друг за друга концами происходит из Кобанского могильника [7, табл. XXXIV, *4*].

Подтип 2 включает гривны с расплющенными концами (19 экз.). Одни из них с гладкой поверхностью (вид а; Старшее Ахмылово — погр. 361, 663, 725, подъемный материал 1966 г., кв. П/8 раскопа 2 1969 г.; Пустые Моркваши — погр. 38; Релка — погр. 4; Зуевский — погр. 76, 157). Фрагмент гривны в погр. 663 Старшего Ахмыловского могильника использовался в качестве подвески в составе ожерелья. Подобные формы украшений для других территорий нашей страны не характерны. Ее в основном следует считать средневолжской формой. Близкое изделие известно на Кавказе (Чми), но его концы заходят друг за друга [7, табл. LVIII, *1*].

Пять изделий по поверхности орнаментированы (вид б). Иногда они содержат резные линии в средней части дрота (Акозино — погр. 37, 83; рис. 6, *2* [3, табл. XI, *4*]) или же дополнительно украшены резными линиями их концы (Акозино — погр. 98; рис. 6, *3*) и припаянными колечками основная часть дрота, а концы — спиральными узорами (Акозино — погр. 74; рис. 6, *1*). Все указанные находки довольно оригинальны и составляют своеобразие Акозинского могильника. А. Х. Халиков отмечает близость их орнаментации к узорам на гальштатских предметах [3, с. 58]. Орнамент из резных линий характерен также для скифских изделий [5, табл. 32, 33, 45 и др.; 35, рис. 5, *20* и др.]. По сопровождающим комплексам акозинские экземпляры датируются концом VII—VI в. до н. э. (Приложение, табл. 2).

Пять гривен данного подтипа крученые или ложновитые (вид в; Старшее Ахмылово — погр. 4, 433, 569, кв. Л/5 раскопа 1 1969 г., подъемный материал из раскопа 2 1969 г.). Они в основном датируются VI в. до н. э. (Приложение, табл. 2) и встречены только на Старшем Ахмыловском могильнике.

В *типе В* появляется новая форма гривен, выделенная в третий подтип. Это изделия с обрубленными концами (7 экз.).

Вид а — с гладкой поверхностью. Выделяются две разновидности: 1) с разомкнутыми концами (Старшее Ахмылово — погр. 781, 873; Ананьино [2, рис. 43, *11*]; два последних экземпляра на концах с внутренней поверхности имеют небольшие прорези — рис. 5, *6* [18]); 2) с заходящими друг за друга утолщенными концами (Уфимский могильник — погр. 1, 13, 23). Обе разновидности широко представлены на синхронных скифских памятниках [5, табл. 36, 37]. Реже они встречались в кавказских древностях [7, табл. XXXIII, *10*, XXXIV (номер рисунка не указан), LIX, *1*, LXV, *21*]. В данном случае скифское влияние как в Волго-Камье, так и на Кавказе не вызывает сомнений.

К виду б относится одна находка из Зуевского могильника с разомкнутыми обрубленными концами, украшенными резными поперечными линиями и крестовидными узорами [2, рис. 43, *12*]. Близкая орнаментация на гривне с заходящими друг за друга концами была известна у скифов [5, табл. 32, *5*].

Четыре фрагмента гривен из круглого дрота (отдел I) не включены в классификацию (Старшее Ахмылово — погр. 226а, кв. Ж/15 раскопа 1963 г., подъемный материал с площади раскопа 1 1969 г., Акозино — кв. Б/2 раскопа 1971 г.).

Отдел II представлен гривнами из четырехгранного в сечении дрота (16 экз.; рис. 3). При их изготовлении использовался дрот квадратной

[18] НМФ — 1400/377.

в сечении формы. За исключением одного изделия, все они крученые. После кручения дрот приобретал ромбические в сечении очертания (рис. 5, *14*). В данный отдел входят гривны двух последних типов. Отсутствуют изделия с кольцевым завершением концов.

Три экземпляра *типа Б* относятся к виду в второго подтипа (Старшее Ахмылово — погр. 252, 798; Акозино — погр. 23). Концы их загнуты и обращены или во внешнюю сторону (погр. 252), или внутрь (погр. 798). Подобное изделие известно среди находок из Красномаяцкого могильника. Но его концы имеют ромбические очертания [10, табл. VII, *25*] [19]. Как разновидность данного вида можно выделить украшение с сомкнутыми под углом концами (Акозино — погр. 23 [3, табл. XI]).

Тип В включает 13 экз. Один из них отнесен к виду в первого подтипа: он имеет сужающиеся приостренные концы (Старшее Ахмылово — отдельная находка из кв. Е/05 раскопа 1965 г.). Такая форма из других мест мне не известна. Девять изделий вида в имеют расплющенные концы (Старшее Ахмылово — погр. 280, 314, кв. 3/01 раскопа 1965 г.; Акозино — погр. 66 [3, табл. XI, *2*]; Ананьино — 2 экз. [20]; Зуево — погр. 94, 168 [1, табл. IV, *18*, с. 76] и Пустобаево [21]). Аналогичное украшение происходит из Кобанского могильника [7, табл. XXXIX, *12*].

Всего одна гривна относится к виду а третьего подтипа (Старшее Ахмылово — погр. 819). Она изготовлена из гладкого четырехгранного дрота одинаковой по всей длине толщины и имеет тупые обрубленные концы со сглаженными гранями. Близкое сходство с ней имеет находка из скифского кург. 179 Тенетинковского могильника «А» конца VII — начала VI в. до н. э. [5, табл. 28, *2*, с. 42].

Отдел III включает пластинчатые гривны из довольно тонкой (0,14—0,25 см) бронзовой пластины шириной от 0,6 до 1,4 см (7 экз.; рис. 4). Среди них также выделено три типа.

К *типу А* относится всего одна гривна вида б первого подтипа (Старшее Ахмылово — погр. 357—№ 2; рис. 5, *7*). В средней части ширина пластины 1,1 см, к концам плавно сужается. По внешней поверхности нанесена резная волнистая линия и мелкие круглые оттиски чекана.

Три гривны имеют загнутые концы (*тип Б*). Концы обеих прямые, обрубленные и затем слабо округленные. Две с гладкой поверхностью (вид а третьего подтипа; Старшее Ахмылово — погр. 200, 506). Одно изделие вида б орнаментировано узором из поперечных линий и прямоугольника с вписанными в него одним рядом мелких ямок, обрамленных кружочками (Старшее Ахмылово — погр. 215). Подобное изделие с другими узорами происходит из Тлийского могильника [11, рис. 107, *19*].

К *типу В* относятся три гривны. Одна с суженным концом (другой конец отсутствует) и с гладкой поверхностью (Старшее Ахмылово — погр. 633). Она изготовлена из сегментовидной в сечении пластины. Две других третьего подтипа. Гривна из Ананьинского могильника [22], изготовленная из выпукло-вогнутой в сечении пластины, в отличие от других изделий отдела III, к груди была повернута широкой стороной (рис. 4, *5*).

Одно украшение вида б третьего подтипа содержит узоры из узких поперечных валиков, мелких выпуклин и изображение деталей священного дерева (Старшее Ахмылово — погр. 209; рис. 5, *16*). Последние близки к орнаментальным мотивам на некоторых скифских и закавказских, а также урартских и ассирийских памятниках [36, рис. 57—59, с. 88—90; 37].

---

[19] Исследователь данную гривну вместе с другими называет проволочной, но на рисунке видны очень характерные для таких изделий перекрученные грани.

[20] МА МГУ — 135/92; НМФ — 1400/375.

[21] МА МГУ — 134/6.

[22] НМФ — 1400/377.

Годы
0
10
Дома (б. б. до н. э.)
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Условные обозначения:
а
б
в
г
д

В целом изделия отдела III характерны в основном для средневолжского Старшего Ахмыловского могильника, где они встречены в комплексах VII—VI вв. до н. э. Однако, учитывая распространение новых форм не только среди гривен, но и среди других типов украшений в конце VII—VI в. до н. э., этим же временем следует ограничить время бытования гривен данного отдела (Приложение, табл. 2).

Таким образом, наиболее ранними являются гривны из круглого гладкого и ложновитого дрота с кольцевым завершением. По южным аналогиям и сопровождающим комплексам они в основном датируются концом VIII—VII в. до н. э. (рис. 7). Для более ранней датировки нет оснований. Хорошо датируемые сопровождающие комплексы (кельты, наконечники стрел и копий, бронзовые удила и др.; Старшее Ахмылово — погр. 133, 215, 314, 428, 553, 743 и др.; Акозино — погр. 51, 83, 98 и т. д. [3, с. 34 и сл.; 13; 14, с. 108 и сл.] не позволяют удревнить даже самые ранние формы гривен. Поэтому мы не можем согласиться с удревнением их дат Б. В. Теховым до второй половины X в. до н. э. [11, рис. 107, *14—19*, с. 150—152]. Здесь нет возможности подробно остановиться на датировке комплексов, но отметим, что общая линия развития гривен в Волго-Камье в основном соответствует нашей классификации (Приложение, табл. 2; рис. 2—4, 7). Во второй половине VII в. до н. э. «кавказские» формы из гладкого и ложновитого круглого дрота с кольцевым завершением в какой-то период сосуществуют с изделиями, имеющими загнутые концы. Гривны с прямыми концами более поздние. Изменяется и характер орнаментации: постепенно вместо господствующих ложновитых узоров становится популярным орнамент из их имитаций в виде резных линий по спирали, навитой проволоки, а затем и простых рельефных колец. Приблизительно на рубеже VII—VI вв. до н. э. появляются крученые гривны из четырехгранного дрота и некоторые формы пластинчатых изделий. Постепенно меняются и способы ношения гривен: в одних случаях в кольца продевали ремешок и с его помощью гривна подвешивалась к шее, в других — загнутые концы сцепляли друг с другом, в третьих — обходились без концевых приспособлений для крепления и украшения держались за счет близости концов или, возможно, пришивались к вороту.

Рис. 7. Сравнительная хронология основных форм гривен Старшего Ахмыловского могильника (*а*) и северокавказских (*б*), скифских (*в*), ананьинских, прикамских (*г*) и других (*д*) памятников. Для погребений Старшего Ахмыловского могильника указаны «узкие» даты комплексов погребений по М. Б. Щукину [48]. При наличии различных дат в скобках даны номера других погребений (очередность изображения дат соответствует описанию). *1* — погр. 346 (357); Хелчуа, Тли, погр. 210 [11, рис. 107, 16; с. 150]; Верещагинский холм 2 (Эшера) [54, рис. 1, *59*, с. 209]; Кобань, Балта [7, табл. XXXIX, *9*, LXV, *19*, с. 56, 57; 24, табл. на с. 136а; 49, с. 65]; Анухва Армянская [50, рис. 5, *2*]; Раков Кут [18, рис. 68, *31*, с. 240—248]; *2* — погр. 913; Верхняя Рутка, погр. 18 [24, рис. 32, с. 236—238]; Кобань [7, табл. XXX, *3*, XXXIX, *10*, LXXXIII, *9*; 49, с. 65]; Березовский могильник, Анухва Армянская [24, табл. XXXIII, *4*, с. 209; 50, рис. 5, *3*]; Джварге [51, рис. 2, *37*, с. 205]; с. Раковкат, погр. 1А [20, рис. 8, *18*, с. 43]; *3* — погр. 150 (204); Тли, погр. 72, 95 [11, рис. 107, *17*, *18*, с. 150]; Там же, погр. 85 [52, рис. 4, 8, с. 58]; там же [51, рис. 3, *13*, с. 205]; Березовский могильник и Чечмы [24, табл. III, *2*, XXXIII, *3*]; Нижнечегемский могильник [53, рис. 27, *7*, с. 89]; Белореченский могильник [53, рис. 22, *4*, с. 106]; могильник «Закуты» у с. Советское [25, рис. 36, с. 242]; Луговое (высоцкая культура) [17, рис. 1, *39*, с. 230—240]; *4* — погр. 497 (523); Тли, погр. 51 [11, рис. 107, *15*, с. 150]; *5* — погр. 159; Поднепровье [54, табл. 1, *55*]; Северная Европа (по Монтелиусу) [30, рис. 36 на с. 101, с. 100—102]; *6* — погр. 160 (355); с. Раковкат, кург. II [5, табл. 29, *2*, с. 42]; лужицкая культура [31, рис. 64, *1*]; *7* — погр. 648 (164); Тли, погр. 24 [11, рис. 107, *14*, с. 150]; Кобанский могильник [7, табл. XXXIII, *4*, XLIX, без номера; 49, с. 65]; Березовский могильник [24, табл. XXXIII, *2*, табл. на с. 136а]; *8* — погр. 900 (656, 126); лужицкая культура [30, с. 344]; *9* — погр. 355; Кобань [7, табл. XXXIV, *4*; 49, с. 75]; *10* — погр. 361 (663); Чмы [7, табл. LVIII, *1*]; Зуевский могильник [1, табл. XVII, *17*, с. 76]; *11* — погр. 781; Кобань [7, табл. XXXIV, без номера; 49, с. 65]; *12* — погр. 314 (280); Кобань [7, табл. XXXIX, *12*; 49, с. 65]; Острая Томаковская могила [5, табл. 29, *5*, с. 42]; Зуевский могильник [1, табл. IV, *18*, с. 76]; *13* — погр. 819 (873); Тенетинковский могильник А, кург. 179 [5, табл. 28, *2*, с. 42]; *14* — погр. 357; Тли, погр. 72 [11, рис. 107, *19*, с. 150]; *15* — погр. 200; Верхняя Рутха, погр. 18 [24, рис. 32, с. 236]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Количество гривен из памятников Волго-Камья

Отдел		I — 116 экз.																			II — 16 экз.				III — 7 экз.						Всего
Тип		А					Б					В									Б	В			А	Б		В				
Подтип		1			2		1		2			1			2			3		Не опр.	2	1	2	3	1	3		1	3			
Вид		а	б	в	а	б	а	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б		в	в	в	а	б	а	б	а	а	б	
Памятники	СА	4	2	2	4		3	1	5	1	5	21	3	2	5		5	2		3	2	1	3	3	1	2	1	1		1	83
	Ак	4	1		4	1						2		1		5				1	1		1								21
	А			4	3			1				2	1					1					2						1		15
	ПМ		1		1			1							1																4
	ТЕ	1										1																			2
	К						2																								2
	З														2				1				2								5
	Р														1																1
	У											2						3													5
	П																						1								1
Всего		9	4	6	12	1	5	3	5	1	5	28	4	3	9	5	5	6	1	4	3	1	9	3	1	2	1	1	1	1	139

Примечание. СА — Старший Ахмылов ский, Ак — Акозинский, А — Ананьинский, ПМ — Пустоморкващинский, ТЕ — Таш-Елгинский, К — Котловский, З — Зуевский, Р — Релка, У — Уфимский могильники, П — Пустобаево.

Таблица 2

Характеристика гривен из памятников Волго-Камья

Вид	Могильник и номер погребения (квадрат раскопа)	Диаметр гривен. см	Материал	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Пол погребенного	Сопровождающий инвентарь	Дата погребения (вв. до н. э.)
				Отдел I				
				Тип А, подтип 1				
а	СА-346	18,2	б	ч, дм		п	Височная спираль	Кон. VIII–VII
	СА-357 (№ 1)	17,2	б	к, дм	З	ж	Нож, шило, височное кольцо, налобный венчик, сосуд, огниво	VII – первая пол. VI
	СА-622	12,5	б	о	С	ж	Нож, шило	Кон. VIII–VI
	СА-III/6-66	13,5	б					Кон. VIII–VI
	Ак-39	15,8	б	о	ЮВ	м	Кельт	VII
	Ак-III/1-58	Фрагмент	б					VIII–VI
	Ак-А/2-71	»	ж					VII–VI
	Ак-Б/3-71	14	ж					VII–VI
	ТЕ-3-68	13,4	б	о	СЗ		Налобный венчик	VI
								VII
б	СА-146	14,6	б	о	С	ж		
	СА-913	17,4	б	о	З	ж	Налобный венчик	VII
	Ак-44	18	ж	о	Ю	м	Кельт	VII
	ПМ-Г/9-76	17,5	б					VII–VI
в	СА-150	14,6	б	ч		ж	Нож, височное кольцо, венчик	VIII–VII
	СА-204	13	б	ч		ж	Нож, шило, налобный венчик	VII
	А-НМФ 1400/370		б					
	А-НМФ 1400/374		б					

Продолжение

Вид	Могильник и номер погребения (квадрат раскопа)	Диаметр гривен, см	Материал	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Пол погребенного	Сопровождающий инвентарь	Дата погребения (вв. до н. э.)
				Подтип 2				
а	СА-531	13,6	б	о	ЮЗ	ж	Оселок	Кон. VIII–VII
	СА-532	Фрагмент	б	о	СВ	ж		Кон. VIII–VII
	СА-540	13	б	о	З	ж	Нож, шило	VII
	СА-И/07-65	Фрагмент	б					Кон. VIII–VI
	Ак-51	16	б	о	СЗ	м	Оселок, удила, псалии	Перв. пол. VII
	Ак-78	13,9	б	ч		ж	Височная спираль, бляха, налобный венчик	VII – перв. пол. VI
	Ак-79	14,3	б	ч		ж	Височная спираль, венчик	VII
	Ак-93	15	б	ч	Ю	ж	Височная спираль, бляха, налобный венчик, зеркало	Втор. пол. VII – перв. пол. VI
	А-С	15,6	б	ч		м	Наконечник стрелы, бляхи	Кон. VI – нач. V
	А-18		б	о		м	Кинжал, наконечник, стрелы	Кон. VI – нач. V
	А-НМФ-1400		б					
	ПМ-42	18,2	б	к		м	Кельт, наконечник, стрелы, нож, оселок, удила, псалии, сосуд, височное кольцо, венчик, ожерелье	VII – перв. пол. VI
б	Ак-2	18	б	о	ЮЗ	ж	Кельт, нож, венчик, бляха, ожерелье, браслет	Втор. пол. VII–VI
				Тип Б, подтип 1				
а	СА-584	13,3	б	о дм	З	ж	Булавка	Втор. пол. VII–VI
	СА-745	11	б	о	ЗЮЗ	ж	Пряслице, булавка	Втор. пол. VII
	СА-972	11	б	о	З	ж	Зеркало	Втор. пол. VII–VI
	К-2	16,1	б	о				V–IV
	К-14		б					IV–III
в	СА-159	12	б	ч		ж	Налобная бляха	Кон. VII – нач. VI
	А-НМФ 1400/371	10,2	б					
	ПМ – под. мат.	14,6	б					VII–VI

Продолжение

Вид	Могильник и номер погребения (квадрат раскопа)	Диаметр гривен, см	Материал	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Пол погребенного	Сопровождающий инвентарь	Дата погребения (вв. до н. э.)
				Подтип 2				
а	СА-351	20	б	ч		ж		Кон. VIII–VII
	СА-497	14	б	о	ЮЮЗ	ж	Оселок	VII–VI
	СА-523	19	ж	ч		ж	Налобная бляха, венчик, оселок	Втор. пол. VII–VI
	СА-553	20,8	б	о, дм	СЗ	м	Нож, кельт, наконечник стрелы	Втор. пол. VII–VI
	СА-0/6-66	Фрагмент	б					Кон. VIII–VI
б	СА-419	15,6	б	о, дм	З	ж	Височное кольцо, венчик	VII
в	СА-160	16	б	ч		ж		Втор. пол. VII–VI
	СА-211	13,6	б	ч		ж		Кон. VIII – втор. пол. VII
	СА-355 (№ 1)	16	б	ч		ж	Височное кольцо, венчик	Втор. пол. VII – перв. пол. VI
	СА-780	17,6	б	о	З	м	Нож, кельт, наконечник стрелы и копья, оселок	Втор. пол. VII – кон. VI
	СА-Ч/6-66	17	б					Кон. VIII–VI
				Тип В, подтип 1				
а	СА164	15,8	б	ч		ж	Бляха, височная спираль	Кон. VII–VI
	СА-384	14	б	ч, дм		ж	Налобный венчик	Кон. VII
	СА-426		б	о	ЮВ	ж	» »	VI
	СА-428	13,3	б	о	ЗЮЗ	ж	Нож, шило, бляха	Кон. VII–VI
	СА-543	14	б	о	З	м	Нож, шило, кельт	Кон. VII–VI
	СА-552	15,4	б	о	ЮЗ	м	Нож	VI
	СА-600	14	б	о	ЮЗ	ж	Нож, шило	Кон. VII–VI
	СА-648	13,6	б	о	С	м	Нож, кельт	VI
	СА-676	13,2	б	о	З	н	Сосуд, огниво	Кон. VII–VI
	СА-700	12	с	к	З	ж	Бляха	Кон. VII–VI
	СА-743	14,6	б	о	З	м	Нож, кельт	VI
	СА-770	11,5	б	ч		ж		Кон. VII–VI
	СА-868	9,4	б	ч		ж	Шило, налобная бляха	Кон. VII–VI
	СА-946	18,6	б	кн		н	Нож	Кон. VII–VI
	СА-1000	18,8	б	о	З	ж	Нож, шило, височное кольцо	Втор. пол. VII

Продолжение

Вид	Могильник и номер погребения (квадрат раскопа)	Диаметр гривен, см	Материал	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Пол погребенного	Сопровождающий инвентарь	Дата погребения (вв. до н. э.)
	СА-Г/2-62	Фрагмент	б					
	СА-пм 63	11,5	б					
	СА-И/06-65	11	б					
	СА-Д/5-66	14,5	б					
	СА-П/8-66	11,5	б					
	СА-ком. дм 1-66	13	б					
	Ак-Е/6-56	14,8	б					
	Ак-Е/8-56	Фрагмент	б					
	А-НМФ-1400	13,2	б					
	А-НМФ-1400		б					
	ТЕ-2-68	13	б	о	ЗСЗ	ж		VI–V
	У-19	14,8	б	о		ж	Нож, височная спираль, крючок	IV–III
	У-22	12,3	б			ж	Височная спираль, крючок	IV–III
б	СА-126	11,1	б	о		м	Наконечник копья, кельт, оселок	Втор. пол. VII – перв. пол. VI
	СА-656	12,5	б	в		ж	Ожерелье	Кон. VII – нач. VI
	СА-900	20,6	б	о	З	м	Нож, кельт, оселок, наконечники стрел и копья	VI
	А-НМФ 5381/27	Фрагмент	б					
в	СА-355 (№ 2)	14	б	ч		ж	Височное кольцо, налобный венчик	Втор. пол. VII – перв. пол. VI
	СА-Д/3-63	13,5	б					
	Ак-71	11,2	б	о	ЗСЗ	м	Наконечник, копья, нож	VII–VI
					Подтип 2			
а	СА-361	12,4	б	ч		ж	Нож, височное кольцо, браслет, налобный венчик	Кон. VII – перв. пол. VI
	СА-663	Фрагмент	б	ч		ж	Шило, налобный венчик, ожерелье	VI
	СА-725	11,4	с	о	ЮЗ	ж		Кон. VII–VI
	СА-пм 66	19	б					
	СА-Ц/8-2-69	Фрагмент	б					

Продолжение

Вид	Могильник и номер погребения (квадрат раскопа)	Диаметр гривен, см	Материал	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Пол погребенного	Сопровождающий инвентарь	Дата погребения (вв. до н. э.)
	ПМ-38	13,2	б				Налобный венчик, ожерелье	VI–V
	Р-4		б			ж		V–IV
	З-76		б	о		ж		V–IV
	З-157		б	о		ж		V–IV
б	Ак-12	15,6	б	о	Ю	ж	Нож, налобный венчик, ожерелье	VI
	Ак-37	17	б	о	ЮЮЗ	ж	Нож, шило, налобная бляха, ожерелье, сост. нагрудные	Кон. VII–VI
	АК-74	13,8	б	о	ЗСЗ	м	Накопечник, копья, нож	VI
	Ак-83	12,4	б	к	ЮЗ	м	Кельт, наконечник стрелы, нож, удила	Кон. VII – нач. VI
	Ак-98	16,3	б	о	ЗЮЗ	м	Височная спираль, венчик, навершие, Наконечник, стрелы, кинжал, удила, псалии, бляха	Перв. пол. VI
в	СА-4	18,2	б	в		м	Нож, кельт, височные спираль и кольцо	Втор. пол. VII–VI
	СА-433	Фрагмент	б	в		м	Нож, кельт, оселок	VI
	СА-569	22,5	б	о	Ю	м	Нож, кельт, наконечник стрелы	VI
	СА-Л/5-1-69	Фрагмент	б					
	СА-пм-2-69	»	б					
				Подтип 3				
а	СА-781	11,8	ж	ч		ж		Кон. VII–VI
	СА-873	14,6	ж	ч		ж	Нож	VI
	А-НМФ 1400/376		б					
	У-1		б			ж		IV–III
	У-13	15,5	б	о		ж		IV–III
	У-23	15	б	о			Наконечник, стрелы, височная спираль	IV–III
б	3							

Продолжение

Вид	Могильник и номер погребения (квадрат раскопа)	Диаметр гривен, см	Материал	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Пол погребенного	Сопровождающий инвентарь	Дата погребения (вв. до н. э.)
				Неопределенные I отдела				
	СА-226а	Фрагмент	б					VII
	СА-Л/15-63	»	б					
	СА-пм-1-69	»	б					
	Ак-Б/2-71	»	б					
				Отдел II				
				Тип Б, подтип 2				
в	СА-252	21,5	б	о	С	ж	Нож, шило, налобный венчик, булавка, сосуд	Кон. VII–VI
	СА-798	16,5	б	о	С	ж	Нож, налобная бляха, булавка	VI
	Ак-23	16	б	о	Ю	ж	Нож, шило	VI–V
				Тип В, подтип 1				
в	СА-Е/05-65	14,8	б					
				Подтип 2				
в	СА-280	23	б	ч		ж		VI
	СА-314	18,5	б	к	ЗЮЗ	м	Кельт, наконечник копья, височное кольцо, налобный венчик, ожерелье	Кон. VII – перв. пол. VI
	СА-кв.3/-01-65	14,8	б					
	Ак-66	17,2	б	о	ЮЗ	ж	Нож, налобный венчик, бляха	VI–V
	З-94	18,5	б	о		м	Нож, кельт, наконечники копья и стрел,	IV
	З-168		б	о		и		VI–V
				Подтип 3				
а	СА-781	11,8	ж	ч		ж		Кон. VII–VI
	СА-819	12,6	ж	о	СЗ	ж	Нож, шило	Нач. VI
	СА-873	14,6	ж	ч		ж	Нож	VI

Окончание таблицы

Вид	Могильник и номер погребения (квадрат раскопа)	Диаметр гривен, см	Материал	Погребальный обряд	Ориентация костяка головой	Пол погребенного	Сопровождающий инвентарь	Дата погребения (вв. до н. э.)
				Отдел III				
				Тип А, подтип 1				
б	СА-357 (№ 2)	17,2	б	о, дм	З	ж	Нож, шило, височное кольцо, налобный венчик, ожерелье, сосуд	Кон. VII – перв. пол. VI
				Тип Б, подтип 3				
а	СА-200	15	б	ч		ж	Налобные венчик и бляха	Кон. VII–VI
	СА-506	?	б	о	СЗ	м	Оселок	Кон. VII–VI
б	СА-215	12.6	б	о	С	м	Нож, кельт	Кон. VII–VI
				Тип В, подтип 1				
а	СА-633	13	б	о	З	п	Нож, налобные венчик, бляха	Кон. VII–VI
				Подтип 3				
а	А-НМФ 1400/377	16.2	б					
б	СА-209	12	б	ч		ж		Кон. VII–VI

Примечание. Принятые в таблице сокращения. Могильники: СА — Старший Ахмыловский, З — Зуевский, У — Уфимский, К — Котловский, ТЕ — Таш-Елгинский, Р — Рёлка, П — Пустобаевская находка. Материал: б — бронза, ж — железо, с — серебро. Погребения: о — одиночное, к — коллективное, ч — частичное, в — вещевое, кн — кенотаф, дм — «дом мертвых». Пол погребенных: ж — женский, м — мужской, н — неопределенный.

Ряд исследователей гривны относят к характерным мужским украшениям [11, с. 150—152], другие считают их мужскими и женскими [24, с. 206; 31, с. 157]. В Волго-Камье они встречены как в мужских, так и в женских захоронениях (Приложение, табл. 2) [23].

На памятниках Поволжья подобное явление характерно и для ранних форм гривен, а в Прикамье, где гривны появляются лишь в конце VI—V в. до н. э., они переходят в женский костюм лишь в IV—III вв. до н. э. [1, с. 76, 77].

Подобные резкие этнографические различия еще раз подтверждают необходимость выделения особой культуры населения VIII—VI вв. до н. э. в Среднем Поволжье, названной автором ахмыловской [13] [24]. Своеобразие поволжских захоронений с гривнами подтверждают и наличие значительного числа костяков, ориентированных головой на запад, помещение погребенных в сложные погребальные сооружения («дома мертвых»), а также их сопровождение височными пластинчатыми кольцами и сложными налобными венчиками. Особенности памятников, оставленных населением ахмыловской культуры, неоднократно подчеркивались нами в предыдущих публикациях [45—47 и др.] [25].

Наиболее вероятным исходным центром происхождения гривен следует, очевидно, считать Кавказ. В пользу этого свидетельствуют многочисленные находки металлических изделий других форм — бронзовых булавок, блях, двукольчатых удил, биметаллических кинжалов, а также приемы орнаментации украшений спиральными, пуансонными, резными узорами и техникой чеканки [13, 15]. Следует полагать, что население Среднего Поволжья, использовав за основу те или иные основные привозные формы, последующие изделия изготавливало на месте. Об этом говорят многие местные элементы в деталях гривен (в оформлении концов, орнаментаций в виде навитой проволоки или припаянных колец, использовании сегментовидного в сечении дрота для изготовления гривны и др.; рис. 2—4), а также их значительное количество. На территории нашей страны волго-камская группа гривен самая многочисленная.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.
2. *Tallgren A. M.* L'époque ditte d'Ananino dans la Russie orientale.— SMYA, 1919, t. XXXI.
3. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения марийского края в эпоху железа.— Тр. Мар. АЭ. Т. II. Йошкар-Ола, 1962.
4. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
5. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, 1978, вып. Д4-5.
6. *Фехнер М. В.* Шейные гривны.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
7. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, вып. VIII.
8. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941.
9. *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды.— МИА, 1951, № 23.
10. *Трапш М. М.* Древний Сухуми.— Труды в 4-х т. Т. 2. Сухуми: Алашара, 1969.
11. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.

[23] Пол погребенных ввиду почти полного отсутствия антропологического материала в большинстве случаев определялся по характерным для мужских и женских захоронений вещевым комплексам.

[24] Ахмыловская культура нами выделена на основании детального анализа всей совокупности археологического материала, всех единовременных вещевых комплексов и элементов погребального обряда Старшего Ахмыловского, Акозинского могильников, а также целого ряда поселений [13]. В определении самой археологической культуры и характера этнической общности мы следовали за большинством советских археологов и этнографов [38—43 и др.]. Вызывает удивление попытка С. В. Кузьминых выделить на основании привлечения только одной группы изделий (кельтов) отдельной «акозинской» культуры, в результате чего единовременные, стратиграфически связанные между собой погребения Старшего Ахмыловского могильника оказались разделенными на две части и отнесены к разным культурам [44].

[25] Первоначально Старший Ахмыловский и Акозинский могильники в связи с яркими отличительными чертами были отнесены к особому (западноволжскому) варианту ананьинской культуры [45].

12. *Пшеничнюк А. Х.* Научный отчет о результатах археологических исследований за 1968 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3749.
13. *Патрушев В. С.* Марийский край в VII—VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984.
14. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
15. *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Ахмыловский археологический комплекс.— АО — 1966. М., 1967.
16. *Свешніков І. К.* Племена комарівської культури.— В кн.: Стародавне населення Прикарпаття і Волині. Київ: Наук. думка, 1974.
17. *Крушельницька Л. І.* Племена висоцької культури.— В кн.: Стародавне населення Прикарпаття і Волині. Київ: Наук. думка, 1974.
18. *Крушельницька Л. І.* Лісостепові землеробські племена скіфського часу на західному Поділлі.— В кн.: Стародавне населення Прикарпаття і Волині. Київ: Наук. думка, 1974.
19. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
20. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья.— МИА, 1958, № 64.
21. *Манцевич А. П.* Золотой венец из кургана на р. Калитве.— ИБАИ, 1959, кн. XXII.
22. *Sulimirski T.* Kultura wysocka. Krakow, 1931.
23. *Sylimirski T.* Skutowie na zachodniem Podolu. Lwow, 1936.
24. *Крупнов Е. И.* Древняя история Сєверного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
25. *Крупнов Е. И.* Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году.— Уч. зап. Кабардинского НИИ. Т. V. Нальчик, 1949.
26. *Müller A.* The Seven Wonders of the World. N. Y., 1966.
27. *Müller-Karpe H.* Beitrage zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. B., 1959.
28. *Plesl E.* Luzicka kultura v severozapadnich Čechach. Pr., 1961.
29. *Kaszewski L.* Kultura vuźecka w Polsce środkowej.— In: Prace i materialu muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodsi. Seria archeologiczna, № 22, Lodz, 1975.
30. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974.
31. *Граков Б. Н.* Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977.
32. *Чубова А. П.* Этрусское искусство. М.: Изобраз. искусство, 1972.
33. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант.— САИ, 1977, вып. В2-5.
34. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья.—САИ, 1977, вып. Д1-33.
35. *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.— МИА, 1961, № 96.
36. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур. Т. 1. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1950.
37. *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Вып. 1. Тбилиси: Техника да шрома, 1949.
38. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2.
39. *Клейн Л. С.* Проблема определения археологической культуры.— СА, 1970, № 2.
40. *Бочкарев В. С.* К вопросу о системе основных археологических понятий.— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука. 1975.
41. *Марков Г. Е.* Проблемы сравнительной археологической и этнографической типологии культуры.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979.
42. *Козлов В. И.* О классификации этнических общностей (состояние вопроса).— В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.
43. *Бромлей Ю. В.* Этническая общность и эндогамия.— В кн.: Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР. Л., 1969.
44. *Кузьминых С. В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н. э.). Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР. 1977.
45. *Патрушев В. С.* Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.): Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1971.
46. *Патрушев В. С.* Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья.— СА, 1975, № 3.
47. *Патрушев В. С.* Этнические особенности населения марийского края в VIII—VI вв. до н. э.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.
48. *Щукин М. Б.* Об «узких» и «широких» датировках.— В кн.: Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978.
49. *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка. 1975.
50. *Доманский Я. В.* Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии.— Тр. ГЭ, 1979, т. XX.
51. *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1972.
52. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980.
53. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972.
54. *Либеров П. Д.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

V. S. Patrushev

EARLY IRON AGE PECTORALS FROM THE VOLGA-KAMA BASIN

Summary

It is the first ever overall classification of the Early Iron Age pectorals found in the Akhmylovo sites in the Volga basin and the Ananyino sites in the Kama basin (Fig. 1; Appendix Table 1). All in all 139 pectorals are known todate.

According to the section of the central ring-shaped part three groups have been singled out: I—pectorals made out of wire round in section (Fig. 2); II—pectorals made out of wire rectangular in section (Fig. 3); III—pectorals in the form of a plate (Fig. 4). The shapes of their ends and the fashion they were worn divide the pectorals into three types: A—with rounded or loop-shaped ends; B—with curved ends; C—with straight ends. They can be further subdivided according to the manner their ends were treated: the 1st sub-type—pointed or narrow ends; the 2nd sub-type—flattened ends; the 3rd sub-type—chopped-off ends. The surface treatment differentiated the pectorals into kinds: a—with smooth surface; b—with ornamented surface; c—with twisted or sham twisted surface. Differences in materials the pectorals were made from, in shape and ornamentation details which are of secondary importance are shown, as variants, in Figs. 5-6. Table 1 in the Appendix shows how many pectorals of each type and kind were found in each particular site. Table 2 in the Appendix defines the material the pectorals were made from and their sizes, indicates where they were found and corelates them with different burial rites, burial furniture and dates of burial complexes.

The following scheme can be deduced from Caucasian and Scythian analogies and dates of material complexes: artifacts of Group I, type A prevailed between the late 8th and the 7th centuries B. C.; starting with the second half of the 7th century they coexisted with pectorals of type B. In the late 7th-early 6th centuries B. C. both types were replaced with pectorals of type C, and also with artifacts of Groups II and III. Pectorals with chopped-off ends appeared in the 6th century B. C. (Table 2, Fig. 7). The distribution pattern of the pectorals in the Volga and Kama basins testifies to the isolated development of ethnic groups of the lower Volga and the Kama basin. All pectorals found in the region originated in the Caucasus.

ГАБУЕВ Т. А.

АЛАНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ IV В. Н. Э. В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В 1982 г. археологической экспедицией Северо-Осетинского государственного университета были раскопаны пять подкурганных катакомбных погребений[1]. Могильник расположен на правом берегу р. Терек, в 2,7 км к юго-западу от станицы Виноградная Моздокского района СО АССР и состоит из большого количества едва заметных насыпей, разбросанных по всему пахотному полю. Погребения были обнаружены во время мелиоративных работ. Поскольку к началу раскопок насыпи были снесены до уровня материковой глины, т. е. пахотный и почвенный слои были сняты на глубину 1—1,2 м, высоту и состав насыпи курганов установить не удалось. Нами было исследовано пять катакомб, расположенных в разных местах курганного могильника (катакомбы 1 и 2 находятся на расстоянии 50 м друг от друга, а катакомба 5 — в 750 м от них).

Четыре исследованные катакомбы выявлены в результате обвала сводов камер под тяжестью техники. Катакомба 5 была обнаружена при прокладке траншеи. Траншея срезала верхнюю часть входной ямы, и свод камеры оказался непотревоженным.

Все катакомбы вырыты в плотной материковой глине желтого цвета. Входные ямы сверху заполнены землей серо-черного цвета, ближе ко дну серо-черное заполнение сменяется желтым материковым.

Входные ямы катакомб имели неправильную прямоугольную форму (табл. 1) и были вытянуты с востока на запад (№ 1—4), лишь входная яма катакомбы 5 ориентирована по линии СВВ—ЮЗЗ. Стены входной ямы катакомбы 1 вертикальные, в остальных случаях они наклонные: в катакомбах 2, 3, 5 ямы расширяются ко дну, а в катакомбе 4 яма сужается. Для спуска в камеру во входных ямах были вырыты

Таблица 1

Размеры катакомб, м *

№ катакомб	Входная яма					Камера			Дромос		
	длина		ширина		глубина	длина	ширина	высота	длина	ширина	высота
			в	г							
1	а	3,05	0.35	0.77	2,57	2,50	1,80	1.55	0,28	0,56	0,50
	б	3,17	0,30	0,77							
2	а	3,10	0.60	0,80	2,19	2,42	1,93	1,75	0,25	0,60	0,65
	б	3,15	0,70	1,08							
3	а	2,50	0.27	0.50	2,37	2,0	1,32	2,07	0,37	0,55	0,58
	б	2,70	0,30	0,90							
4	а	3,10	0,70	1,10	1,68	2,0	1,0	1,12	0,35	0,48	0,64
	б	2,65	0,46	1,0							
5	а	2,52	0,55	0,65	3,00	2,50	1,80	1,90	0,30	0,50	0,60
	б	–	–	0,80							

* а — размеры по верхнему краю входной ямы; б — размеры по дну входной ямы; в — ширина у входа в камеру; г — ширина у противоположной от входа стены.

[1] Выражаем искреннюю благодарность начальнику отряда В. И. Ростунову за предоставление права публикации раскопанного материала.

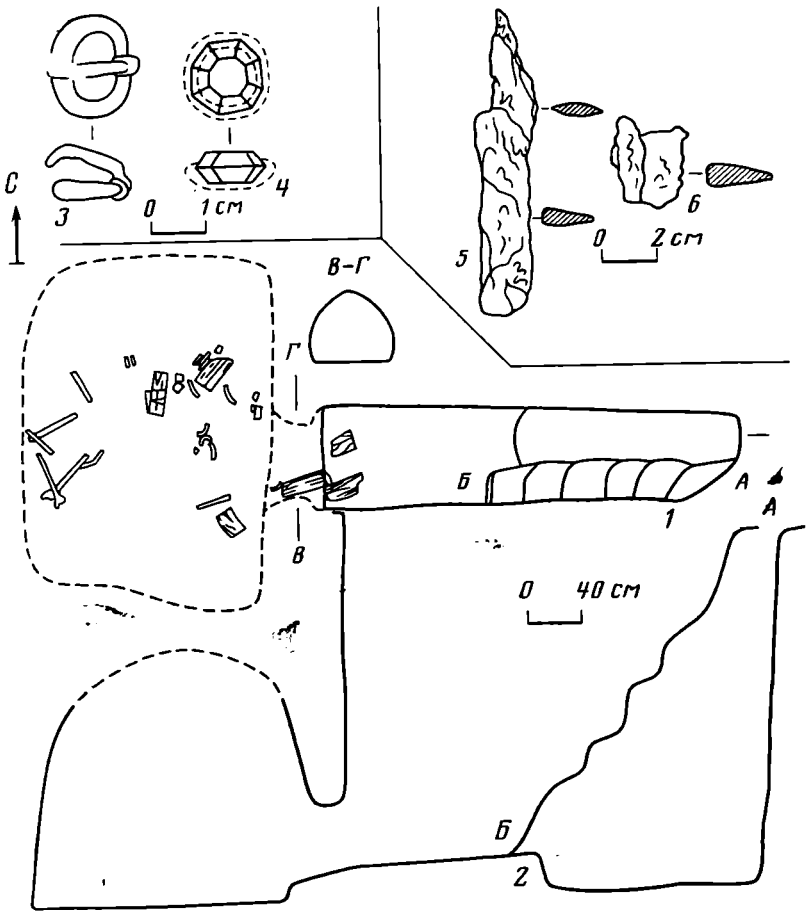


Рис. 1. Катакомба 1: план (*1*), профиль (*2*) и находки (*3—6*)

ступеньки, которые обычно устраивались вдоль продольной южной стены (№ 1—4; рис. 1, *1, 2*; 2, *1, 2*; 3, *1, 2*). Во всех катакомбах ступени имеют хорошую сохранность, лишь в катакомбе 2 сохранились только контуры четырех ступеней. Количество ступеней было различным: четыре (№ 2, 4), пять (№ 1, 3) и шесть (№ 5).

На дне входной ямы катакомбы 1 (рис. 1, *1*) между северной стеной и ступеньками было сделано углубление прямоугольной формы (неизвестного назначения). Длина его 1,65, ширина 0,3—0,4, глубина 0,25 м.

Входные ямы катакомб расширяются к западному концу, где имелся дромос — вход в камеру. Дромосы имели полукруглое (№ 1), округлое (№ 2) и полуовальное (№ 3—5) сечения (рис. 1, *В, Г*; 2, *В, Г*; 3, *В, Г*; 4 *В, Г*; 5, *А, Б*). Вход в камеру закрывался либо каменной плитой (№ 5; рис. 5, *3*), либо массивными деревянными плахами (№ 1; рис. 1, *1*). Возможно, для этой же цели служили обломанный жернов (№ 3, рис. 3, *10*) и плоский булыжник, обнаруженные во входной камере катакомбы 3. В катакомбах 2 и 4 плах или плит, закрывавших входные отверстия, найдено не было.

Пол входных ям понижается в сторону камеры, в камерах он почти горизонтальный. При переходе в камеру во всех катакомбах имеется ступень высотой от 0,10 до 0,38 м. Камеры прямоугольной формы были ориентированы с севера на юг (в катакомбе 3 по линии ССЗ-ЮЮВ), и лишь в катакомбе 5 камера ориентирована по линии СЗ-ЮВ.

Таким образом, камеры расположены перпендикулярно или почти перпендикулярно к длинной оси входной ямы. В катакомбах 3, 5 своды камер стрельчатые (рис. 3, *2*; 5, *2*), в катакомбе 4 свод цилиндрический (рис. 4, *2*), а в катакомбе 2 камера имела наклонные стенки и плоский горизональный потолок шириной 0,36 м (рис. 2, *2*). Свод катакомбы 1 поврежден сильнее остальных, и его форму установить невозможно.

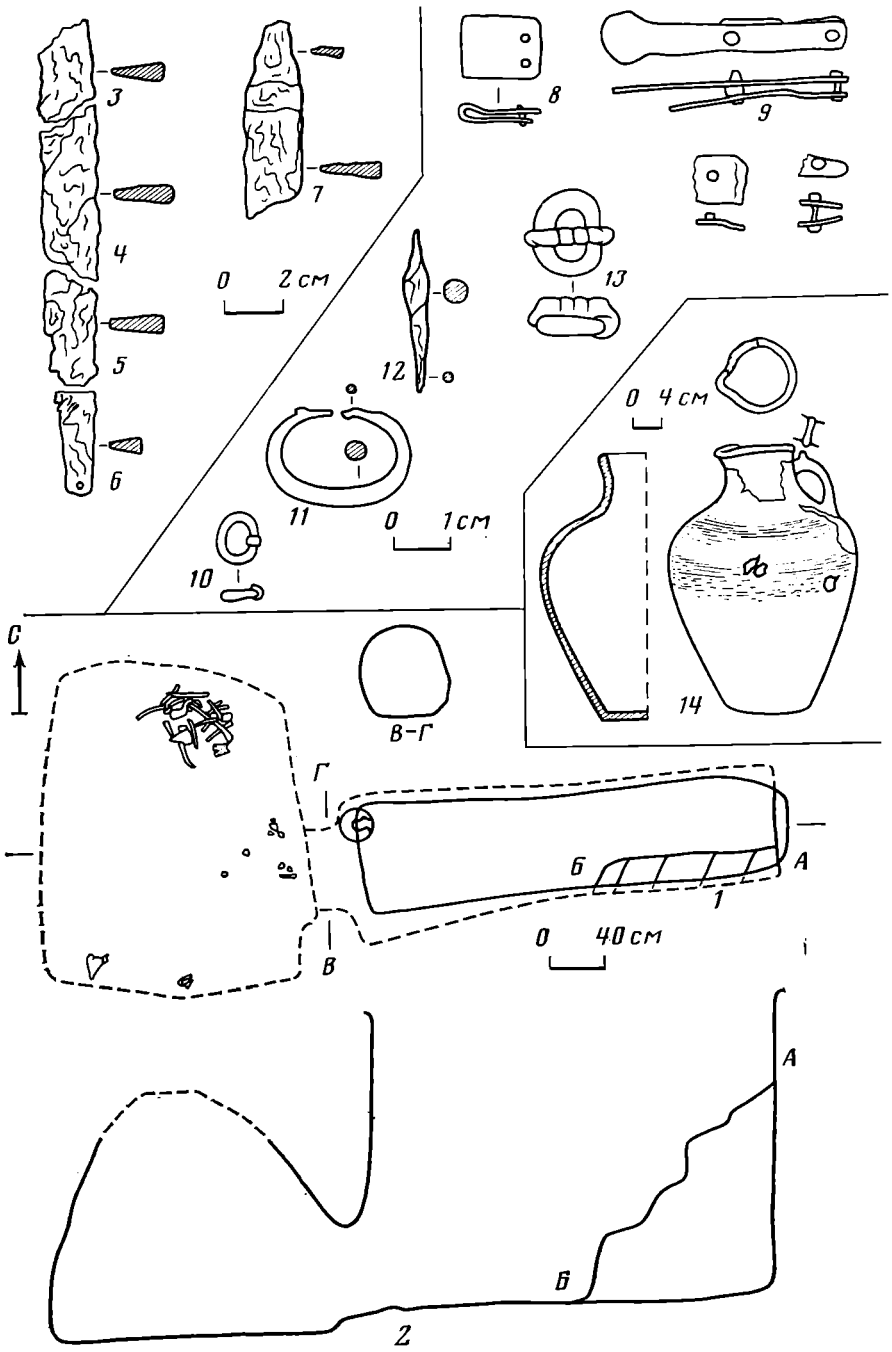


Рис. 2. Катакомба 2: план (*1*), профиль (*2*) и находки (*3—14*)

В трех камерах (катакомбы 1, 2, 5) дно было покрыто слоем золы и углей, толщиной от 0,02 до 0,20 м. В катакомбе 3 угольки и зола встречались в камере вперемежку с костями и в засыпке входной ямы. На полу камер (катакомбы 1, 3, 4) кое-где прослежен тлен серо-белого цвета от камышовой подстилки. В катакомбе 3 серо-белый тлен обнаружен за западной стене входной ямы, между юго-западным углом и краем входного отверстия. Кроме того, тлен коричневого цвета был зафиксирован в катакомбе 4 на дне камеры и во входной яме под миской, стоявшей в юго-восточном ее углу.

Все катакомбы ограблены. Ограбление производилось через входную яму. Катакомбы содержали по одному костяку. Положение и ориентировку костяков установить невозможно, поскольку разрозненные кости погребенных были беспорядочно разбросаны по всей камере. Исключение составляет катакомба 3, где положение потревоженных костей и черепа указывает на южную ориентировку погребенного (рис. 3, *1*).

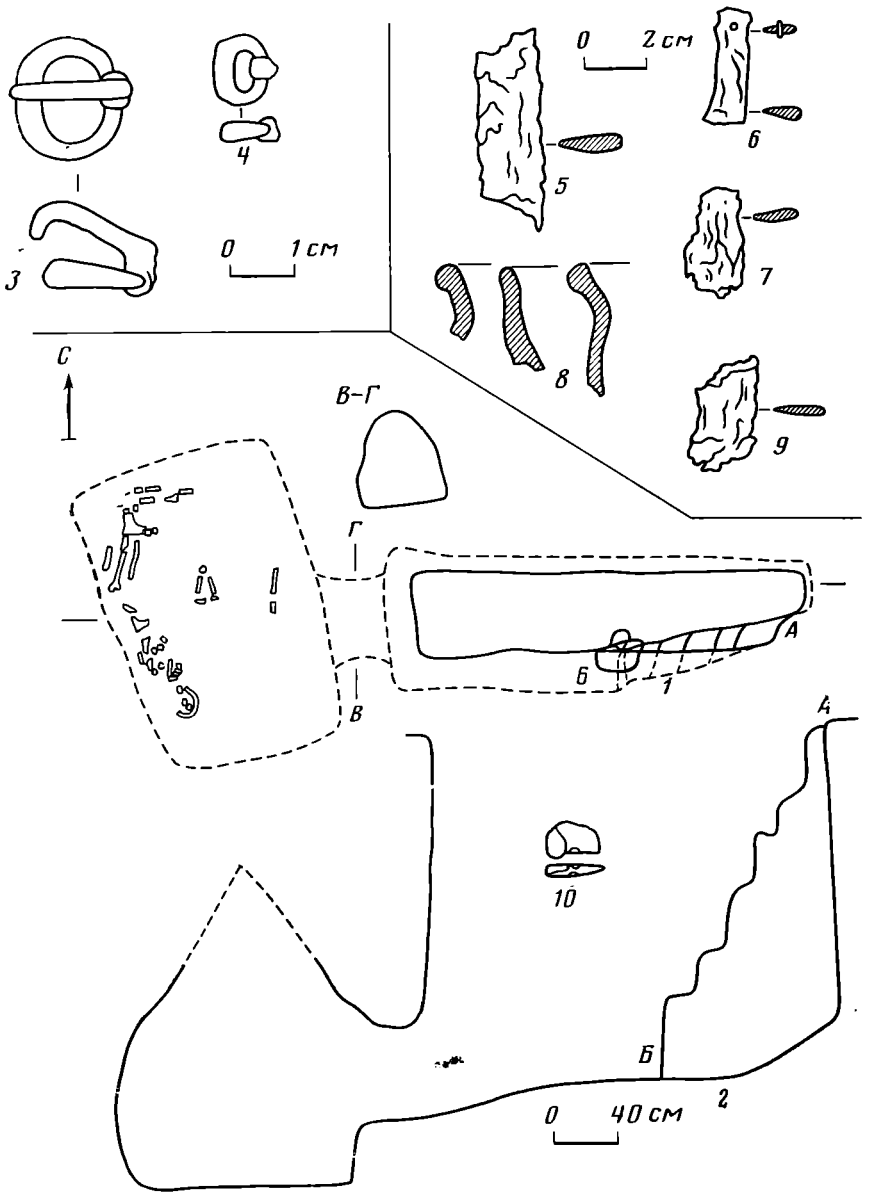


Рис. 3. Катакомба 3: план (*1*), профиль (*2*) и находки (*3—10*)

Сохранившийся в катакомбах инвентарь довольно немногочисленный. Из керамики до нас дошло пять сосудов: две миски, два кувшина и обломок горшочка. Обе миски (рис. 4, *8*; 5, *4*) однотипные, имеют загнутый внутрь край, который отделен от тулова ребром. Миски гончарные, сделаны из серой глины и имеют лощеную поверхность. Миска из катакомбы 5 фрагментирована. В катакомбе 2 был найден гончарный кувшин (рис. 2, *14*) с расширяющимся кверху туловом, узким дном и высоким цилиндрическим горлом с небольшим сливом. Кувшин сероглиняный, без следов лощения, имеет довольно большие размеры (высота 37,8 см). Он был найден в северо-западном углу входной ямы, у входа в камеру, а фрагмент горла с ручкой лежал в камере у южной стены. Второй кувшин (рис. 4, *7*) был найден в камере катакомбы 4, он имеет округлое тулово и горло в виде небольшого раструба. На широкой части тулова крепится петлевидная ручка с налепом в верхней части. Кувшин черноглиняный, сделан на гончарном круге, лощеный. Во входной яме катакомбы 3 были найдены фрагменты лепного горшочка, красноватого цвета, со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *8*).

В катакомбах 1—3 было найдено шесть бронзовых пряжек (рис. 1, *3*; 2, *10*, *11*, *13*; 3, *3*, *4*). Все пряжки однотипные, различаются в основном размерами. Пряжки овально-рамчатые, сделаны из круглого в

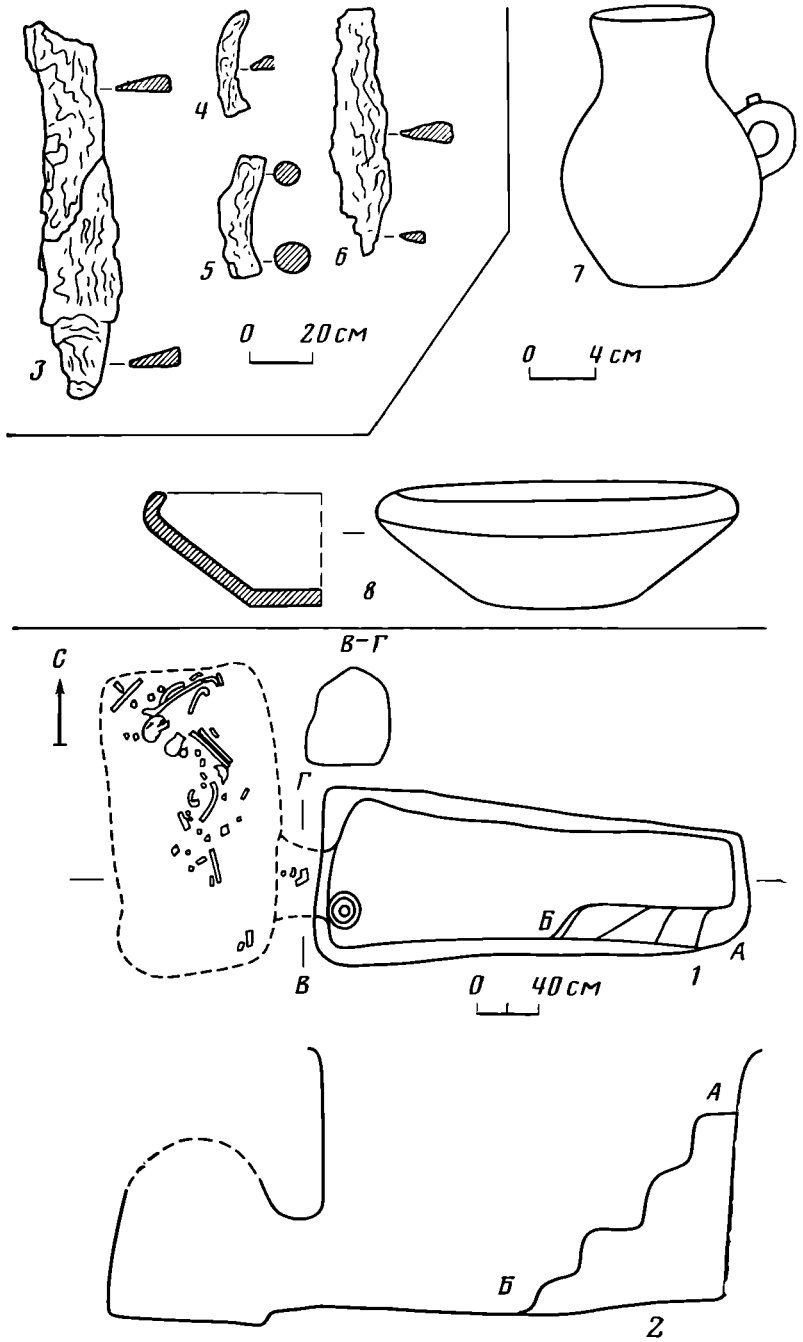


Рис. 4. Катакомба 4: план (*1*), профиль (*2*) и находки (*3—8*)

сечении прута, расширяющегося в передней части. Язычки короткие, почти не выступают за передний край пряжек. У основании язычков имеется выступ. У двух самых маленьких пряжек язычок не сохранился (рис. 2, *10*). Перечисленные признаки позволяют отнести эти пряжки к IV в. н. э. [1, с. 102].

В камере катакомбы 1 была найдена круглая бляшка в бронзовой оправе с восемнадцатигранной плоской вставкой из красноватого стекла (рис. 1, *4*).

В камере катакомбы 2 обнаружены две бронзовые обоймицы. Одна (рис. 2, *9*), возможно поясная, состояла из двух узких бронзовых пластин с овальным расширением на одном конце, скрепленных заклепками. Вторая обоймица (рис. 2, *8*) сделана из листовой бронзы, согнута пополам и скреплена двумя заклепками, в месте изгиба образуя петлю.

Кроме того, в катакомбах было найдено большое количество железных предметов, значительная часть которых являлась фрагментами но-

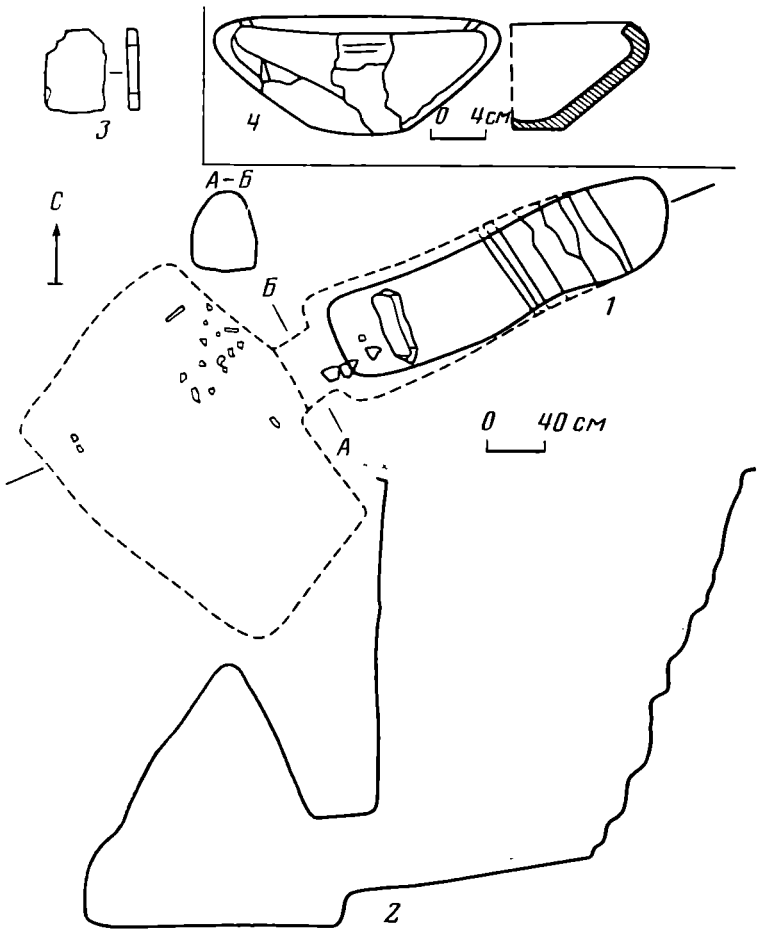


Рис. 5. Катакомба 5: план (*1*), профиль (*2*) и находки (*3*, *4*)

жей. В центре камеры катакомбы 2 обнаружен сильно коррозированный железный черешковый наконечник стрелы (рис. 2, *12*). Из-за коррозии сохранилась только сердцевина наконечника. На черешке видны следы дерева. Длина наконечника 6 см.

Малое количество сохранившегося инвентаря затрудняет точную датировку раскопанных погребений. В данном случае датирующими являются только пряжки, которые позволяют отнести погр. 1—3 к IV в. н. э. Благодаря сходству конструкций погребальных сооружений и погребального обряда во всех раскопанных катакомбах можно установить ту же дату и для погр. 4 и 5.

Наиболее близкими аналогиями описываемым погребениям являются катакомбы у с. Братское в ЧИ АССР, раскопанные в 1963 г. Р. М. Мунчаевым [2] и катакомбы у хут. Октябрьского в Моздокском районе СО АССР, раскопанные в 1971 г. М. П. Абрамовой [3]. Катакомбы у с. Братское Р. М. Мунчаев датирует II—III в. н. э. [2, с. 183], а А. К. Амброз, уточняя эту дату, относит их к III в. н. э. [1, с. 100]. М. П. Абрамова, датируя погребения у хут. Октябрьского IV в. н. э., относит их и погребения у с. Братское к одному могильнику (территориально две эти курганные группы смыкаются); она считает, что они оставлены одной группой населения, жившей на этой территории в III—IV вв. н. э. [3, с. 22]. Катакомбы у ст. Виноградная кроме территориальной и хронологической близости обнаруживают и близость в конструкции погребальных сооружений и погребального обряда с катакомбами у с. Братское и хут. Октябрьского. Погребения трех этих могильников подкурганные, каждый курган содержал по одному катакомбному погребению. Входные ямы катакомб прямоугольной формы были ориентированы по линии восток—запад. Камеры соединялись с

помощью входного отверстия — дромоса. Прямоугольные в плане камеры были ориентированы с севера на юг (иногда с небольшими отклонениями). Для спуска в камеру в большинстве случаев (3 из 5 у с. Братское, 4 из 6 у хут. Октябрьского и 5 из 6 у ст. Виноградная) устанавливались ступенчатые лестницы, примыкавшие к продольным стенам входной ямы. Все погребения у с. Братское и пять катакомб у хут. Октябрьского, как и описываемые погребения, содержали индивидуальные захоронения. В катакомбах всех трех могильников при переходе в камеру имелась ступень, и только в кург. 2 у с. Братское дно входной ямы переходило в дно камеры, плавно понижаясь. Кроме того, керамический материал курганов у ст. Виноградная имеет некоторые аналогии среди керамики из курганов у с. Братское и хут. Октябрьского. Так, миски с загнутым внутрь краем, которые распространяются на Северном Кавказе с первых веков нашей эры и широко бытуют в раннесредневековое время, встречаются во всех трех могильниках, а кувшин из катакомбы 2 у ст. Виноградная имеет некоторое сходство с кувшином из кург. 4 у с. Братское [2, с. 187, рис. 7].

Таким образом, можно считать, что могильники у с. Братское, хут. Октябрьского и ст. Виноградная составляют группу памятников, оставленных одной группой населения, обитавшей в моздокских степях в III—IV вв. н. э.

Большинство исследователей связывают появление катакомбных погребений на Северном Кавказе с аланами [4—7 и др.]. Долгое время появление алан на Северном Кавказе ученые относили к I в. н. э., когда появляются первые упоминания этнонима алан в письменных источниках; этим же временем датировались известные здесь ранние катакомбные погребения. Однако раскопки могильников Нижний Джулат [8] и Чегем II[9] в Кабардино-Балкарии показали, что наиболее ранняя группа северовкавказских катакомб относится ко II в. до н. э. К настоящему времени в Центральном Предкавказье раскопано большое количество катакомбных погребений II в. до н. э.— III в. н. э. (Нижний Джулат, Чегем II, Подкумок, Клин-Яр, Алхасте и др.). Все катакомбы Центрального Предкавказья этого периода обнаружены в грунтовых могильниках. С середины III в. н. э. существование грунтовых катакомбных могильников почти полностью прекращается. В это время в степной зоне центральных районов Северного Кавказа широко распространяются подкурганные катакомбные могильники. Такие могильники открыты у хут. Октябрьского и с. Братское на правобережье Терека. К этой же группе относится и могильник у ст. Виноградная, расположенный примерно в 30 км к западу от них.

Кроме того, подкурганные катакомбы раскопаны около г. Грозного в обширном Алхан-Калинском могильнике (II—IV вв. н. э.), также расположенном на правом берегу Терека, но в значительно более восточных районах [7, с. 72—74; 10, с. 7].

Подкурганные катакомбные погребения в центральных районах Северного Кавказа были распространены вплоть до гуннского нашествия. Наиболее поздним памятником (V в. н. э.) является могильник у с. Брут, расположенный в предгорной зоне Северной Осетии [3, с. 231].

С чем можно связывать появление подкурганного погребального обряда у алан в предгуннский период, не совсем понятно. Малое количество раскопанных подкурганных катакомб и их ограбленность не позволяют пока дать ответ на этот вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.
2. *Мунчаев Р. М.* Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии.— СА, 1965, № 2.
3. *Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии.— СА, 1975, № 1.
4. *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья.— КСИИМК, 1952, вып. XLVI.

5. *Нечаева Л. Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1961.
6. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
7. *Виноградов В. В.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.— Тр. ЧИНИИ, 1963, вып. VI.
8. *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972.
9. *Керефов Б. М.* К этнической истории племен Центральной части Северного Кавказа в сарматское время.— VII Крупновские чтения (тез. докладов). Нальчик, 1978.
10. *Нечаева Л. Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИИМК АН СССР, 1956.

T. A. Gabuyev

ALAN BURIALS OF THE 4th CENTURY A. D. IN NORTHERN OSSETIA

Summary

In 1982. five mound catacomb burials at the village of Vinogradnaya, near Mozdok, were studied. All of them were robbed in antiquity. Archaeologists studied the design of the burial constructions and the extant burial furniture (pottery, bronze buckles, plates, iron knives and so on). Similar earlier burials were found at the village of Bratskoye in the Checheno-Ingush ASSR and at the village of Oktyabrsky near Mozdok. They are dated to the 3rd-4th centuries A. D. According to the majority of scholars the catacomb burial tradition had been brought to the Northern Caucasus by the Alans.

РАСПОПОВА В. И.

СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ С РОСПИСЬЮ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

В 1961 г. при раскопках объекта VII городища древнего Пенджикента были найдены фрагменты стеклянных сосудов с росписью. На них тогда же обратил внимание А. М. Беленицкий, который в отчете о работах на городище Пенджикента в 1961 г. писал: «Впервые здесь найдены фрагменты полихромных стеклянных сосудов, которые следует датировать более ранним временем, чем массовые находки верхнего горизонта» [1, с. 57]. Стеклянные сосуды с росписью из археологических раскопок раннесредневековых памятников в странах Среднего и Ближнего Востока очень редки, а на территории Средней Азии это пока единственная находка. В Пенджикенте обнаружены фрагменты от трех сосудов (рис. 1, 2). В двух случаях это верхние части чаш с почти вертикальными стенками, третий фрагмент представляет собой стенку, видимо, такого же сосуда. Чаши изготовлены техникой свободного дутья. Одна из них имела диаметр 11 см (рис. 1, *1*; 2, *1, 4*). Стекло — прекрасной сохранности, не патинизировано, прозрачное, почти бесцветное, чуть голубоватого оттенка, с небольшим количеством мелких пузырьков, тонкое (1—2 мм); у венчика — закраина, отогнутая внутрь сосуда. Орнамент нанесен мягкой кисточкой люстром желтовато-коричневого цвета. Интенсивность цвета того или иного участка рисунка зависит от количества краски. На краю венчика — небольшой кружок; ниже, под ним,— трехчастный лист, вписанный в промежуток между двумя дугами, нанесенными широкими мазками. Под венчиком сосуда на уровне верха листа шла горизонтальная полоска. Дополнительный цветовой эффект создавался тем, что сосуд расписывался как изнутри, так и снаружи. Изнутри нарисованы кружок, лист, дуги (рис. 2, *4*). Эти основные пятна были обогащены чуть голубоватым слоем стекла, сквозь которое они видны. Край широких дуг, нанесенных изнутри, обведен снаружи узенькой полоской люстра. Горизонтальная линия под венчиком также нанесена снаружи (рис. 2, *1*).

Другая чаша меньше диаметром, чем первая (около 9 см) (рис. 1, *2*; 2, *2, 5*). К ней относится несколько фрагментов, которые слегка патинизированы. Стекло такое же, как у предыдущей чаши, декор также очень похож. С внутренней стороны у края венчика — кружок, снаружи под венчиком идет горизонтальная полоска. Под этой полоской — подковообразные дуги, нарисованные широким мазком кисти по внутренней стороне чаши. С наружной стороны их контур обведен по краю. Дуги прерываются, не замкнув окружность, следующей горизонтальной полоской, проведенной снаружи. Под верхней горизонтальной полоской, над тем местом, где смыкаются дуги, след, видимо, от трехчастного листа. Внутри дуг — шестилепестковая розетка, нанесенная изнутри, хотя при этом отдельные лепестки обведены и снаружи. От нижней горизонтальной полоски под центрами дуг расходятся под острым углом полосы, нанесенные широким мазком изнутри и оконтуренные снаружи. Краска более желтоватая, чем на предыдущем сосуде, но это может быть связано с патинизацией стекла.

От третьего сосуда сохранился лишь фрагмент стенки (рис. 1, *3*; 2, *3, 6*). Стекло и способ нанесения орнамента такие же, как у предыдущих сосудов. Краска идентична краске первой чаши. Снаружи сосуда имеется горизонтальная полоска, выше которой шли, видимо, подковообразные дуги, как у предыдущей чаши. Они нанесены широкими мазками изнутри

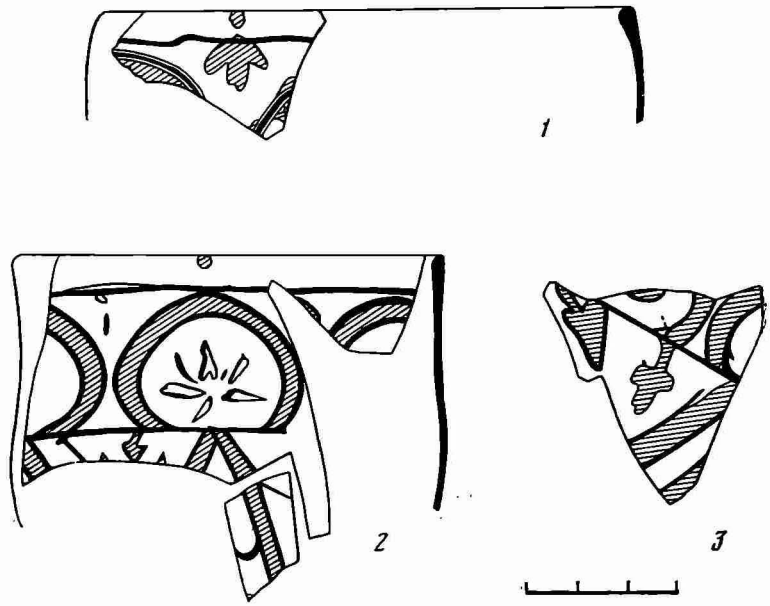


Рис. 1. Пенджикент. Стеклянные сосуды с росписью

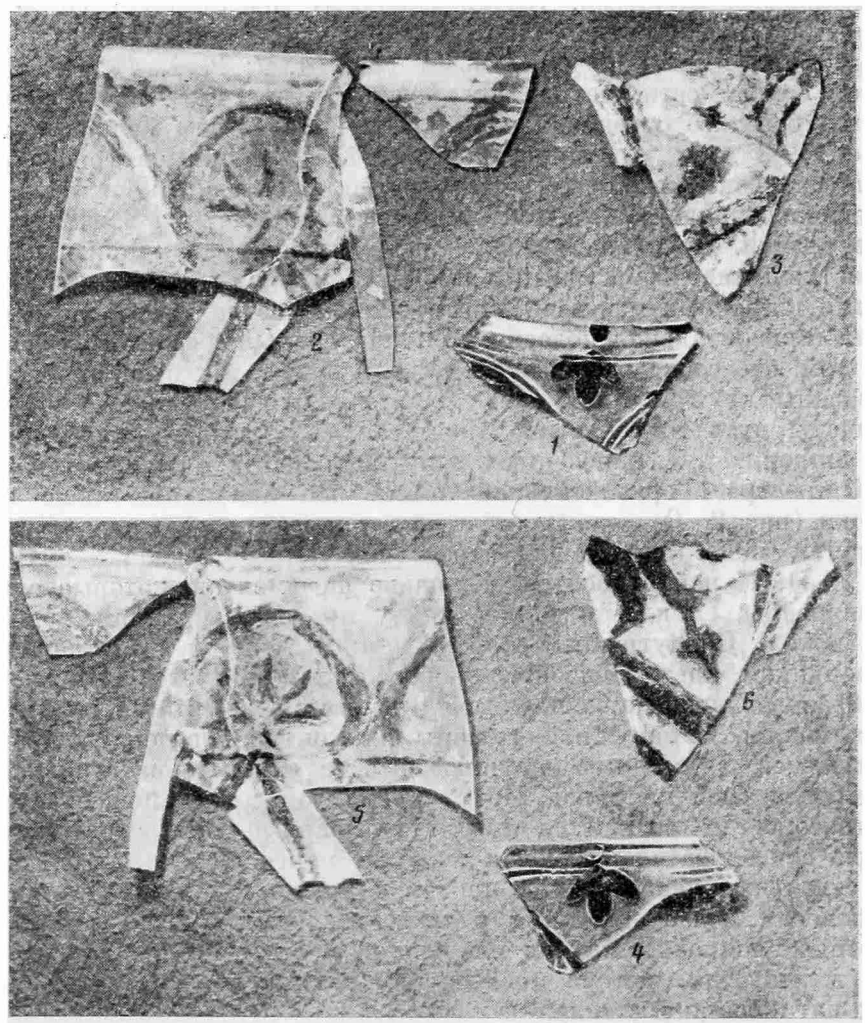


Рис. 2. Пенджикент. Стеклянные сосуды с росписью. *1—3* — вид с наружной стороны; *4—6* — вид с внутренней стороны сосудов

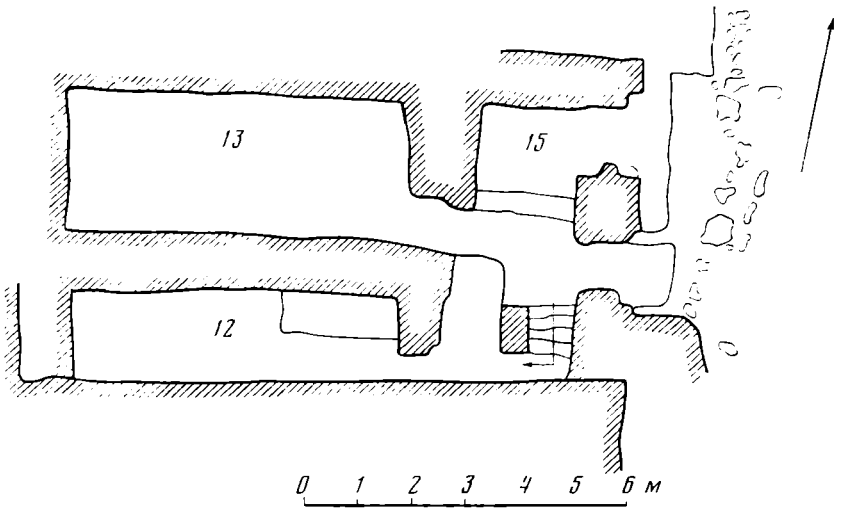


Рис. 3. Пенджикент. Объект VII. План жилища, из которого происходят сосуды

и оконтурены узенькими полосками краски снаружи. От конца одной из дуг под горизонтальной полоской отходит вниз черенок трехчастного листа, с обеих сторон которого идут, сходясь под листом, широкие прямые линии, нанесенные изнутри и оконтуренные по краю снаружи. В одной из дуг след от розетки (?). Стекло, краска, характер нанесения декора, его элементы всех фрагментов идентичны. Создается впечатление, что все три сосуда расписаны в одной мастерской.

Перейдем теперь к условиям находки. Фрагменты сосудов были обнаружены все вместе в завале помещения 15 объекта VII, на глубине 1,40 м от дневной поверхности. Помещение 15 занимало северо-восточной угол небольшого жилища, состоящего из двух сводчатых помещений (№ 12 и 13), расположенных параллельно, и вестибюля с лестницей перед ними (рис. 3). Через вестибюль попадали в дом с улицы. Между вестибюлем и помещением 15 была дверь, о чем свидетельствует наличие гнезда от бруса порога. Помещение 15 имело также самостоятельный выход на улицу. Размеры его невелики — чуть больше 3,5 м². Оно было скорее всего лавочкой. Следует отметить, что это — редчайший случай в Пенджикенте, когда лавочка или мастерская имеет проход в жилище. Жилище принадлежало ремесленнику или мелкому торговцу. Оно очень похоже на ранее исследованные дома рядовых горожан Пенджикента [2, с. 244—264; 3, с. 169—182]. Размеры его следующие: площадь, занятая под жилище,— около 70, полезная площадь помещений первого этажа — 38 м². В жилище были еще и помещения верхнего этажа, в которые попадали по лестнице. Обломки сосудов найдены на глубине 1,40 м от дневной поверхности, т. е. примерно на 1—1,5 м выше пола помещения. Можно думать, что в лавке была ниша или полка, где хранились чаши и откуда они упали. Не исключена возможность их попадания в слой при разрушении второго этажа, где они также могли находиться. Кроме сосудов с росписью в помещении 15 на полу были найдены фрагмент верха баночки из прозрачного бесцветного стекла и фрагмент дна сосуда из голубого прозрачного стекла, изготовленного техникой «тпхого» дутья в узорчатую форму (мелкие круги).

Вполне вероятно, что в этом скромном доме проживал мелкий торговец, который торговал в лавочке, выходящей на широкую улицу, причем одним из его товаров были стеклянные сосуды. В исследуемом доме не зафиксировано никаких следов ремесленного производства. Следовательно, найденные здесь сосуды из стекла изготовлены где-то в другом месте. Как показывает изучение мастерских, связанных с ремеслами, от которых остаются остатки оборудования, фиксируемые при раскопках (плавильни, кузницы, бронзолитейни, хлебопекарни), в раннесредневековом согдийском городе ремеслинник и торговец обычно сочетались в одном

лице [4, с. 54]. В Пенджикенте раскопана стеклодельная мастерская [5, с. 163—166]. Она находилась в пригороде. Дом, при котором она была, датируется временем не ранее конца VII вв.— не позже середины VIII в. [5, с. 165]. Продукция этой мастерской реализовалась скорее всего в городе. Мастер мог арендовать лавочку на торговой улице или на базаре. Было бы заманчиво предположить, что продукция стеклодельной мастерской продавалась в лавочке, расположенной в помещении 15 объекта VII. Но в данном случае в лавке торговал владелец дома в городе, так как лавочка связана проходом с жилищем. Кроме того, сосуды из стекла с росписью, найденные в этой лавочке, как мы попытаемся показать, не пенджикентского производства, а привозные.

Приведем теперь нумизматические и стратиграфические данные, позволяющие датировать слой, из которого происходят фрагменты сосудов. Прежде всего рассмотрим монеты. Здесь следует оговорить, что на согдийских монетах имеется лишь имя правителя, их выпустившего, но нет даты. Даты для большинства монет установлены О. И. Смирновой на основании отождествления правителей, имена которых имеются на монетах, с правителями, известными по письменным источникам [6, с. 10—43]. Даты некоторых монет уточнены в результате изучения условий их находок на городищах Согда [7]. В результате установлены следующие даты монет, о которых пойдет речь: Вархуман — вторая половина VII в.; Бидйан (Бильге) — рубеж VII—VIII вв.; Рамчитак — не позже рубежа VII—VIII вв.; самитанские монеты — конец VII — начало VIII в.; пенджикентская царица — первая четверть VII в.; Тургар — 738—750 (?) гг.

На полу жилища, в состав которого входит помещение 15, найдены следующие монеты: в помещении 12 — Бидйан (Бильге) (2 экз.), монета с погрудным изображением правителя [8, с. 100, № 40, табл. II]; на полу пандуса — монета Бидйана (Бильге); на полу у входа на лестницу — самитанская монета; на суфе помещения 15 — Вархумана, Бидйана (Бильге), Рамчитака. Таким образом, на полах помещений нет ни одной монеты позже начала VIII в.

Рассмотрим теперь нумизматический материал, происходящий из завалов помещений. В помещении 12, в завале в 1,5 м над полом, найдена монета пенджикентской царицы, в завале в 2,3 м от поверхности — монеты Бидйана (Бильге) и пенджикентской царицы, на глубине 1,8 м от поверхности — монета Тургара II типа. В завале помещения 13 обнаружена лишь монета пенджикентской царицы. Из завала помещения 15, с глубины 1,4 м от поверхности, т. е. с той же глубины, что и фрагменты стеклянных сосудов, происходят монеты Бидйана (Бильге) (2 экз.), пенджикентской царицы (4 экз.), согдийская неопределенная с квадратным отверстием. В завале помещения 15 на глубине 0,5 м от пола найдена монета Вархумана. Суммируя все данные, можно сказать, что нумизматический материал, за исключением одной монеты Тургара, укладывается в рамки конца VII — первой четверти VIII в.

К югу от жилища, в котором найдены фрагменты стеклянных сосудов, расположен самый крупный дом квартала. На полу большого парадного зала этого дома-дворца найдена монета Тургара. Дом претерпел пожар, относящийся к 722 г., после него он был восстановлен в середине VIII в. почти с былым великолепием. Полы помещений 12, 13, 15 находятся на 2,5 м ниже верхних полов помещений дома-дворца. При восстановлении соседних домов квартала в середине VIII в. развалины жилища с лавочкой не расчищались. При раскопках в 1961 г. участки свода помещения 12 стояли in situ. Это обстоятельство не позволяет исключить возможности попадания фрагментов сосудов в развалины помещения 15 из соседнего дома, который был восстановлен в середине VIII в.

Последнее предположение вполне вероятно. В отчете А. М. Беленицкого о раскопках этого жилища отмечается следующее: «Среди находок обращают на себя внимание кости животных, в том числе и черепа собак, коровы, обычно редко встречающиеся на городище» [1, с. 57]. На основании этих находок А. М. Беленицкий высказал предположение, что «помещениями нижнего горизонта пользовались и жители здания верхнего

горизонта, для которых они служили подвалами» [1, с. 57]. Вероятно, развалины этих помещений были использованы в качестве места свалки.

Таким образом, из всего сказанного выше следует, что: 1) стеклянные сосуды с росписью могли попасть в завал помещения 15 при разрушении дома из ниши (или с полки) лавочки или со второго этажа (в этом случае их следует датировать не позднее первой четверти VIII в.), 2) они были выброшены на свалку, образовавшуюся в развалинах жилища в 40—50-е годы VIII в. Более поздних материалов на этом участке городища обнаружено не было.

Найденные в Пенджикенте сосуды имеют немалое историко-культурное значение. Традиция расписывания стеклянных сосудов восходит к античности. Такие сосуды были известны и в Средней Азии. Недавно опубликованы фрагменты позднеантичного расписного стекла, найденные в храмовом комплексе на городище Топрак-кала и относящиеся к IV—V вв. [9, с. 117—119, рис. 58]. В начале средневековья стекло с росписью производили в Египте и Сирии. Раннесредневековое стекло отличается от античного по технике росписи и орнаментам.

Чаши с росписью, найденные в Пенджикенте, хорошо вписываются в круг стекол, производившихся в Египте и Сирии. Решить вопрос, из какого центра были импортированы сосуды, могут помочь технологические особенности их изготовления. На пенджикентских сосудах краска плотно соединена со стеклом, что достигнуто обжигом сосуда после расписывания. При такой технике употребляли эмаль или люстр. Известный исследователь средневековой керамики Востока Р. Хобсон дает следующее описание люстра: «Люстр образуется расписыванием глазурованной поверхности пигментом, содержащим соли металлов (меди, серебра и, может быть, других металлов), которые при обжиге при низкой температуре в специальных горнах оставляли тонкую пленку металла на глазури. Если пленка была достаточно тонкой, то свет проникал сквозь нее и люстр давал радужный отблеск» [10, с. 3, прим. 2]. Это — описание люстра на керамике, но в принципе нет большой разницы между расписыванием глазурованной керамики и стекла.

Оттенки росписи и способ ее нанесения на сосудах из Пенджикента дают основания предположить, что они расписаны люстром. Результаты спектрального анализа этих сосудов, который провел В. А. Галибин, показали, что в состав краски, которой расписаны сосуды, входили соли серебра. На стеклах, происходящих из археологических раскопок, трудно различить люстровый блеск. Прав был основоположник изучения средневекового восточного стеклоделия К. Ламм, говоря что трудно провести границу между люстром и лишенной особого блеска краской, поскольку блеск нередко теряется со временем из-за состояния предмета. Поэтому К. Ламм считает, что лучше не употреблять термин «псевдолюстр», а писать «люстр» даже тогда, когда нет специфического блеска [11, с. 20, 21].

Исследователи предполагают, что люстр был изобретен египетскими стеклоделами, возможно, еще в IV в. н. э. [11]. Росписи эмалями процветали уже в Римском Египте. Стекла с росписью люстром эпохи раннего средневековья, происходящего с территории Египта, довольно много, но все оно, за одним исключением, не имеет надежных археологических привязок. Даты обычно даются на основании стилистического анализа. Следует отметить, что в раннем египетском материале нет двух идентичных сосудов; каждый из них уникален. Ряд фрагментов сосудов с росписью, похожих на пенджикентские, опубликован К. Ламмом [11, табл. VI, VII, *1*, *5*, *6*, табл. X, *4*; 12, табл. A, *2*; B, *11*; табл. 37, *1*]. На основании стилистического анализа они датированы в пределах VI—VIII вв.

Для нас очень важно наблюдение К. Ламма, что на египетских сосудах в большинстве случаев основные узоры писались на внутренней стороне, тогда как на внешней стороне имела место линейная проработка рисунка [11, с. 21]. На сосудах из Пенджикента орнамент также нанесен по внутренней стороне, а по внешней лишь подчеркнут тонкими линиями.

Единственный сосуд с люстровой росписью, найденный в Египте при научных раскопках в закрытом археологическом комплексе, происходит из Фустата [13, с. 191—195]. Это чаша открытой формы (диаметром 13,5, высотой 9 см), которая, возможно, имела ножку. Розетка на дне и средний регистр орнамента нанесены изнутри сосуда, тогда как фриз из девятилопастных пальметок среди побега и пояс с надписью нанесены снаружи. Судя по цветной фотографии, опубликованной в статье Т. Скэнлона, стекло этого сосуда чуть голубоватое, прозрачное, люстр — рыжевато-коричневого цвета. Сосуд датируется по имени наместника Египта Абд ас-Самада бен Алп, названного в надписи на сосуде. Он правил в 772/3 г. (155 г. х.) [13, с. 195]. С находкой этого сосуда вопрос об египетском происхождении люстровой росписи по стеклу получил новое подтверждение. Попутно заметим, что Хайят Салам-Либих — исследовательница стекла, найденного при раскопках Каср ал-Хайр Восточного в Сирии, объявляет точку зрения К. Ламма устаревшей и опровергнутой новыми сирийскими находками [14, с. 14, 220, прим. 30]. Однако в Сирии пока не найдено достоверно датированных VIII в. стекол с росписью люстром. В Ракке, основанной Мансуром в 772 г. и ставшей резиденцией Харун ал-Рашида в 796 г., как отмечает Х. Салам-Либих, были обнаружены материалы, доказывающие, что с IX в. здесь был важнейший центр производства стекла [14, с. 138]. Люстровое стекло из Каср ал-Хайр, происходящее из бани, построенной в VIII в., найдено в стратиграфически не вполне ясных условиях и датируется исследовательницей на основании аналогий из Ракки IX в. [14, с. 138, 140]. В аббасидское время такие сосуды делали и в Дамаске. В Ракке найдена люстровая чаша с надписью, свидетельствующей, что она изготовлена в Дамаске [14, с. 140].

Таким образом, сосуды из Пенджикента — самые ранние из найденных при раскопках, так как они происходят из слоя не позднее середины VIII в. Возможна их более ранняя дата.

Наиболее близкую аналогию пенджикентской чаше, украшенной трилистником, мы находим в Двине. Стекло и здесь, и там прозрачное, чуть голубоватое, похоже прорисованы трилистники [15, верхний ряд на табл. № 34, 53].

Встает вопрос: где были изготовлены сосуды, найденные в Пенджикенте? Ответить на него однозначно — трудно. Сейчас у нас имеются лишь материалы, указывающие на близость пенджикентских находок к египетскому стеклу. Вероятно, они были привезены из Египта.

Стекло хорошего качества в эпоху раннего средневековья очень ценилось на Востоке [1]. Прекрасные образцы стеклянной посуды VIII в. сохранились в Японии, в императорской сокровищнице Шосоине. В танском Китае не умели делать сосуды из тонкого прозрачного стекла. Такое стекло, попадавшее в Китай, вызывало восхищение. Так, крупный фармаколог VIII в. Чэнь Цанци свидетельствует: «Оно является драгоценностью западных стран и сродни яшме и другим камням. Оно рождается внутри земли, а некоторые говорят, что оно есть вода, преобразившаяся за тысячу лет; но трудно поверить, что это так» [17, с. 312].

В числе подношений к танскому двору были стеклянные предметы: в 643 г. царь Рума прислал красное и зеленое стекло, каменную зелень (малахит) и «сущность металла», в 675 г. из Ферганы — боли (тонкое дутое стекло) цвета индиго, в 730 и 741 гг. из Тохаристана — сердолик и боли (розовое и синее), в 761 г. вновь из Ферганы — боли цвета индиго [17, с. 579—583].

Из этого следует, что в VII—VIII вв. стекло возили на довольно большие расстояния. Издалека могли попасть в Пенджикент и эти красивые чаши из стекла очень хорошего качества. О существовании торговых связей Согда с Византией и Египтом известно как по письменным источникам, так и по археологическим материалам.

---

[1] О. Г. Большаков приводит свидетельство Абу-л-Фазл Бейхаки, что в начале XI в. в Нишапуре багдадский стакан стоил динар [16, с. 285].

А. А. Иерусалимской установлено, что среди тканей, найденных на горе Муг, есть шелковый фрагмент из Антинои [18, 19, с. 119—126]. На росписях Балалык-тепе (конец VI — начало VII в.) изображены египетские и византийские ткани [20, рис. 21, *3*]. На росписях Афрасиаба (третья четверть VII в.) представлены три вида тканей, известных по находкам в Антиное [20, с. 38]. На росписях Варахши и Пенджикента также представлены ткани византийско-египетского круга.

С караванами из Египта могли прибывать не только товары, но и мастера. Однако сама уникальность находки делает маловероятным такое предположение.

В результате всего вышеизложенного наиболее вероятным представляется, что сосуды происходят из лавки, где в первой четверти VIII в. торговали заморскими редкостями, столь ценимыми в аристократической среде согдийского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беленицкий А. М.* Работы Пенджикентского отряда в 1961 г.— АРТ, вып. IX, 1961. Душанбе, 1964.
2. *Зеймаль Е. В.* Раскопки на объекте XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.).— МИА, 1964, № 124.
3. *Распопова В. И.* Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента.— СА, 1969, № 1.
4. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
5. *Большаков О. Г., Негматов Н. Н.* Раскопки в пригороде древнего Пенджикента.— МИА, 1958, № 66.
6. *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища древнего Пенджикента. М.: Наука, 1963.
7. *Беленицкий А. М., Распопова В. И.* К вопросу об уточнении датировок согдийских монет.— КСИА, 1981, вып. 167.
8. *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981.
9. *Трудновская С. А.* Предметы вооружения и быта. Украшения.— ТХАЭЭ, 1981, т. XII.
10. *Hobson R. L.* British Museum. A Guide to the Islamic Pottery of the Near East. L., 1932.
11. *Lamm C. J.* Oriental glass of mediaeval date found in Sweden and the early history of lustre-painting. Stockholm, 1941.
12. *Lamm C. J.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus Nahen Osten. B. I, II. B., 1929, 1930.
13. *Scanlon G. T.* Fustst and the Islamic Art of Egypt.— Archaeology, 1968, June, v. 21, № 3.
14. *Salam-Liebich H.* Glass.— In: *Grabar O., Holod R., Knustad J., Trousdale W.* City in the desert. Qasr al-Hayr East. Cambridge, Massachusetts, 1978.
15. *Джанполадян Р. М.* Средневековое стекло Двина IX—XIII вв. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974.
16. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
17. *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981.
18. *Иерусалимская А. А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ (К выставке «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа и Средней Азии»). Л.: Гос. Эрмитаж, 1972.
19. *Иерусалимская А. А.* К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом.— НАА, 1967, № 3.
20. *Иерусалимская А. А.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде.— В кн.: Средняя Азия и Иран. Л.: Аврора, 1972.

V. I. Raspopova

GLASS PAINTED VESSELS FROM PENDJIKENT

Summary

In 1961, diggings of a dwelling consisting of a hall with a staircase, two vaulted chambers and a small shop connected by corridors with the living part and the street yielded fragments of three glass vessels found in the ruins of the shop. The slightly bluish glass is transparent. The yellowish-brown lustre covering the inner surface of the vessels forms an ornament which is marked with contour lines on the outer surface. They are dated to not later than the 8th century, the earlier date is not excluded. The

Pendjikent vessels are very close to those imported from Egypt. In general, the existence of trade ties between Sogdiana and Byzantium and Egypt is testified to by both written and archaeological sources. The vessels were, most probably, brought to the small shop in Pendjikent from Egypt in the first half of the 8th century, among other overseas rarities highly valued by the Sogdianian aristocracy.

ГАЛИБИН В. А.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛА ФРАГМЕНТОВ РАСПИСНЫХ СОСУДОВ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

Фрагменты сосудов были подвергнуты количественному спектральному анализу. Были сделаны анализы чистого стекла и с включением слоя, окрашенного «люстром», чтобы выяснить характер красителя. При рассматривании скола стекла при увеличении видно, что краситель проникает в стекло на некоторую глубину, образуя светло-коричневый оттенок. Очевидно, чтобы закрепить нанесенный на поверхность стекла рисунок, сосуд нагревали. Составы всех трех фрагментов оказались практически идентичными (интервал содержаний в %):

SiO_2 – основа	Fe_2O_3 – 0,6–0,85
Na_2O – 9–12	MnO – 0,025–0,04
K_2O – 1,8–2,2	TiO_2 – 0,11–0,18
CaO – 14–18	PbO – 0,004–0,015
MgO – 0,4–0,45	CuO – 0,005–0,015
Al_2O_3 – 3,0–3,5	SnO_2 – 0,003–0,0045

В пробах с окрашенным слоем анализ показал присутствие серебра (0,1–0,5%). Известно, что металлическое серебро в коллоидном состоянии придает стеклу коричневый цвет.

Идентичность состава фрагментов сосудов свидетельствует о том, что они изготовлены скорее всего в одной мастерской. По химическому типу стекла – Si–Na(K)–Ca – видно, что сырьем для его варки послужила смесь песка, золы и извести. Отсутствие данных для сравнения не позволяет определить центр его производства. Сравнение с составом стекла бесцветных сосудов, найденных в Пенджикенте в других комплексах того же времени, показывает их явное различие. В последних содержание магния в 10 раз больше. Кроме того, в них в качестве обесцвечивателя используется марганец (0,5–2%). В этих же фрагментах марганец содержится только как примесь к сырью.

ГАВРИЛОВ С. А.

БОРИСОГЛЕБСКИЙ КРЕСТ 1467 г.

Намогильный крест из белого камня был найден в 1840 г. при ремонте Алексеевского придела собора Бориса и Глеба Борисоглебского монастыря в г. Дмитрове под жертвенником придела. Тогда же он был вставлен в стену собора, справа от западного портала. Впервые памятник обратил на себя внимание специалистов в конце XIX в. Первым описание креста опубликовал Н. Н. Былов [1, с. 6], но неверно интерпретировал дату как 1388 г. Ошибка, вероятно, возникла из-за того, что крест с 1840 г. был несколько раз побелен, и недостаточно хорошо была видна надпись [1]. Между буквами «≠S», «Ч» и «О», прочтенной как «Б», Былов поставил «ω» и «S» как недостающие, и вся надпись приняла вид:

«В ЛѢТО≠SωЧS [6896] ЕЕ ПОСТАВЛЕНЪ БЫСТЬ КРЕСТЪ НА БЛАГОВѢЩЕНІЕ И СТЫИ БЦ МЦѦ МАРТА КЕ НИ».

О композиции Троицы Былов прямо пишет, что она находится на верху креста — в натуре это было видно.

И. А. Шляпкин [2, с. 16, 17] в 1906 г. предложил уточнить датировку: «SЦОЕ» (6975 г.) и впервые опубликовал рисунок [2] с фотографии креста.

Изучавший памятник в натуре М. Н. Тихомиров [6, с. 48] также читал дату «≠SЦОЕ», но, привязав создание креста к определенному историческому событию (год смерти Василия II — 1462—6970 г.), «Е» отделил от даты как падежное окончание. Надпись приведена М. Н. Тихомировым более точно:

«В ЛѢТО 6970-е ПОСТАВЛЕНЪ БЫСТЬ КРЕСТЪ НА БЛ(А)ГОВѢЩЕНІЕ И С(ВЯ)ТЫІА Б(ОГОРОДІ)ЦА М(ЪСЯ)ЦА МАРТА НИ».

А. И. Некрасов [7, с. 125, 126] и М. А. Ильин [8, с. 274], видевшие крест в 20-е годы, согласились с мнением М. Н. Тихомирова.

В 1927 г. архитектором Н. Д. Виноградовым был сделан фотоснимок [3] креста (рис. 1). Таким его можно было видеть до 1930 г. До того года монастырь был занят краеведческим музеем и крест был доступен для изучения.

При обследовании памятника [4] в 1980 г. оказалось, что прямо в крест уткнулась поздняя перегородка. Сам крест едва определялся под штукатуркой (был оштукатурен одновременно с перегородкой) междустрочны-

[1] Вероятно, Н. Н. Былов делал описание с чужих слов.

[2] Автотипия [2, табл. VIII] с рисунком по фотографии А. С. Смирнова. Рисунок оказался неточен и взел в заблуждение исследователей, лишенных возможности обратиться к первоисточнику. Т. В. Николаева [3, с. 24, 81, 82] неверно относит памятник к поклонным; правильно датирует его 1467 г., но надпись над правым избранным святым ошибочно читает как ГРИГОРЕЙ, Троицу в круге к композиции креста относит лишь предположительно. Г. В. Попов [4, с. 31—40] связывает создание креста с княжением в Дмитрове Василия Ярославича, датирует крест 1447 г. и называет его памятным. В правом святом на нижней перекладине он также видит Григория. Г. К. Вагнер [5, с. 165—167] относит крест к середине 60-х годов XV в. и верно предполагает в завершении креста прогнутые кровельки, как на кресте дьяка Бородатого. Правый мученик назван Григорием.

[3] Фототека Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева. Инв. № 46771. Негатив был обнаружен в 1980 г. архитектором В. В. Кавельмахером. Пользуясь случаем, приношу ему благодарность за предоставленное сведение.

[4] Обследование памятника, снятие штукатурки, перенос в Дмитровский музей, удаление загрязнений и поздних побелок, склеивание отколотых кусков выполнено автором статьи.

Рис. 1. Крест 1467 г. Фотография Н. Д. Виноградова, 1927 г.

ми западающими полосами псторической надписи и неровностями штукатурки в местах фигур. При удалении штукатурки стало видно, что памятник сильно поврежден (рис. 2). Просверлены три отверстия, тело Христа сколото, сбиты все лики. В целях предохранения от дальнейших утрат крест в феврале 1982 г. перенесен в Дмитровский краеведческий музей. После переноса креста и удаления побелок[5] стало возможно более точное описание креста (рис. 3–6).

[5] Бортик креста и камень вокруг медальона был покрашен по побелкам одновременно с поздней масляной живописью на рубеже XX в. Сверху было еще несколько слоев побелок. Последняя побелка сделана была по штукатурке. В 1980 г. крест был установлен так, что бортик креста и лицевая плоскость «голбца» совпали с плоскостью стены. Крест был закреплен на деревянных клиньях, шов затерт и не был заметен.

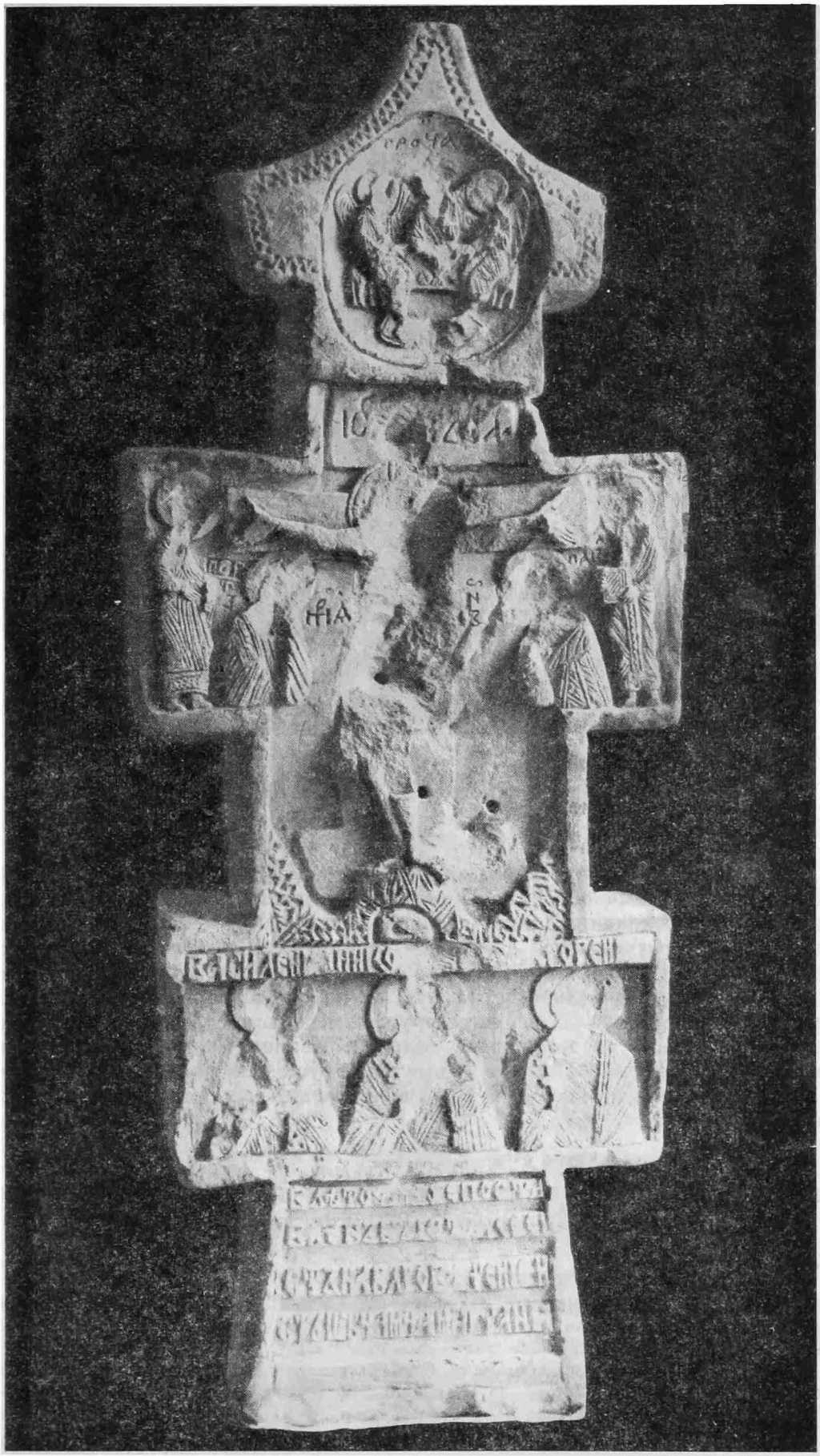


Рис. 2. Крест намогильный из Дмитровского Борисоглебского собора 1467 г. В расчищенном виде

Рис. 3. Крест 1467 г. Фрагмент (Троица)

Крест намогильный, белокаменный 86,5×34×14 см, восьмиконечный. Три верхних конца объединены вместе прогнутой кровелькой. Большая и нижняя перекладины незначительно расширяются к концам. Нижний конец креста расширяется к основанию заметно. Крест имеет одну лицевую сторону с рельефной резьбой. Рельеф в высоту достигает двух сантиметров. Резьба довольно четко делится на три яруса, соответствующих перекладинам креста. В верхнем ярусе — медальон с Троицей [6]. В среднем — распятие с предстоящими: Марией, Иваном и апостолами в полный рост — Петром и Павлом. В нижнем ярусе — избранные святые: Василий, Никола и Георгий. Все изображения имеют сопутствующие надписи:

«ТРО(І)ЦА; ІСХЬЦРЬСЛА [7]; ПЕТРЪ; МРѧ; ІВАН [8]; ПАВЕЛЪ [9]; ВАСИЛЕИ; НИКОЛА [10]; ЕГОРЕИ».

---

[6] В связи со значительными утратами (сбиты все лики, сколото тело Христа, повреждены надписи) при описании памятника автор дополнительно пользовался фотоснимком Н. Д. Виноградова.

[7] В надписи над Распятием верх букв был утрачен при установке креста в стену или раньше. Низ букв «Х, Ь, Ц» срублен после 1930 г.

[8] В слове «ІВАН» утрачена «Л».

[9] В слове «ПАВЕЛЪ» резчик, вероятно, сначала вырезал «Л» ниже четырех первых букв, но затем вырезал сверху и над ней сохранилась еще одна резная черта от «Ъ».

[10] Утрачены последние две буквы.

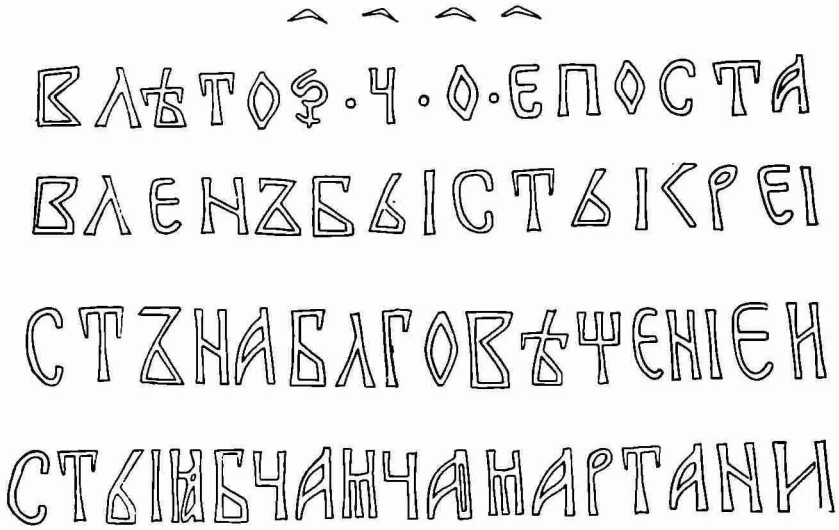


Рис. 4. Надпись на кресте 1467 г., фото и прорись

На нижнем конце креста историческая надпись:

«В ЛѢТО ҂ѕ҃·ц҃·о҃·е҃[11] ПОСТА|ВЛЕНЪ БЫСТЬ КРЕІ|СТЪ[12] НА БЛАГОВѢЩЕНІЕ И|СТЫѦ БЦА МЦА МАРТА НИ[13]».

---

[11] Над каждой буквой даты стоят титлы, выполненные резьбой вглубь на бортике между исторической надписью и избранными святыми, а между буквами были вырезаны рельефные точки. Точка между «О» и «Е» не сохранилась, но поверхность в этом месте разрушена и оставлен для нее интервал. Следовательно, дата читается как 6975 (1467 г.).

[12] После «Е» ошибочно вырезана «І».

[13] Вероятно, слово недописано.

Рис. 5. Окончание надписи на боковой стороне креста 1467 г., фото и прорись

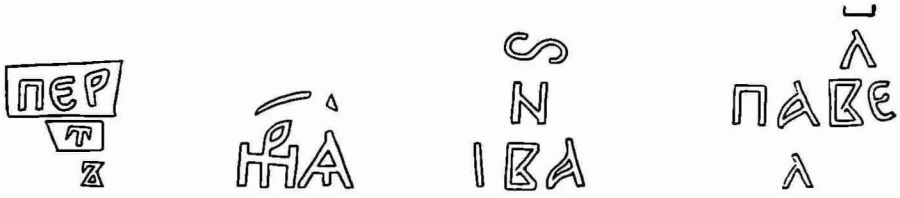


Рис. 6. Надпись на кресте 1467 г. (прорись)

На правом торце нижней перекладины окончание надписи:

«НА ПАНТѢЛЕЕ[14] НАД ВОЩЕСНИКОМЪ[15]».

Обороном[16] выполнены историческая надпись на лицевой стороне, имена избранных святых на нижней перекладине и четыре первых буквы в слове

«ПЕТРЪ».

Твердый знак в этом слове и все остальные надписи на лицевой стороне и надпись на боковой стороне выполнены резьбой вглубь[17]. «Летопись» на лицевой стороне написана на четырех строках. Ниже осталась чистой пятая заготовка строки. Вокруг всего креста по лицевой стороне обходит бортик шириной 1,5—2 см. Начинается и заканчивается он у медальона с Троицей. По краю прогнутой кровельки голбца и верхней перекладинки пущена ленточка бегунца из трехгранно-выемчатой резьбы, концы которой замыкаются на медальоне с Троицей. Верхняя часть с Троицей отколота была еще до установки креста в стену собора в 1840 г. и, судя по загрязнению[18], какое-то время находилась отдельно от остальной части креста. После того как крест был вынут из стены, место скола было очищено и осколки точно подошли друг к другу[19].

Пропорциональная схема креста построена на метрическом модуле, равном $^1/_6$ высоты креста. Простым делением высоты на шесть равных частей получены точки всех основных вертикальных членений. Нижняя часть указала место нижнего конца. Вторая — место нижней перекладины. Третья — пояс. Четвертая — место большой перекладины. Пятая — поперечную ось медальона. Зная, что большая и нижняя перекладины должны иметь разные размеры, мастер опускает бортик большой перекладины ниже разметочной линии. Пропорции большой и нижней перекладины одинаковы: длина каждой равна удвоенной габаритной ширине. Боковые плоскости шеи идут от круга с Троицей. Это движение подхвачено нижним концом креста, что делает крест более устойчивым зрительно. Весь ствол высечен как бы идущим от Троицы. Боковые плоскости нижнего конца направлены точно на вершину голбца. От схемы, сходной по построению с архитектурной схемой, мастер отступал как зодчий — по необходимости, где прибавляя, где убавляя. Схема дала лишь примерное место расположения деталей. Характер каждой детали и произведения в целом дала рука мастера. Плечи перекладины слегка вздернулись, шея получила естественный наклон боковых плоскостей, а угол между плечом перекладины и наклонной плоскостью шеи остался прямым.

Медальон с Троицей на борисоглебском кресте имеет фон вогнутой формы. Несомненно, мастер использовал форму резного панагийного медальона [9, с. 219, 221, 222]. Подобно панагийному, медальон креста обрамляется канавкой. Сходно компактное расположение ангелов, разделка их одеяний, жесты. Медальон креста, подчиняясь форме голбца, несколько деформирован. Кровельки голбца неожиданно приобрели смысловое значение, превратив камень в дом, вернее в домик Авраама. Характер Троицы замкнут, так как четко очерченный круг — очень сильная фигура. Он отчуждает заключенный в него сюжет от общей композиции креста, принуждает зрителя вглядеться в Троицу, сосредоточиться на ней одной и какое-то время разглядывать только ее. Этому же отчуждению способствует вогнутая форма фона, не встречаемая нигде больше в ком-

---

[14] «Н» вынесено над строкой.

[15] На кресте Бородатого, на боковой стороне нижней перекладины, вырезано в две строки «КРѢТЪ ЛѢТА».

[16] Концы стоек большинства букв расширены. Подобное расширение наблюдается у многочисленных чеканных предметов того времени в их гравированных надписях.

[17] Эти буквы меньше подвергались разрушению, поэтому хорошо видно очень уверенную руку мастера.

[18] Обратная сторона фрагмента креста с Троицей имеет черный налет, в то время как остальной крест ниже трещины чистый.

[19] Крест после очистки склеен клеем ПВА-М.

позиции креста. Мягкая тень почти полностью скрывает фон, создавая таинственную обстановку происходящего. Фигуры выступают из обволакивающей их тени. Но эта замкнутость, ощущаемая почти физически, не разрушает композицию всего креста. Композиционно Троица решена как часть целого. Общая линия нимбов предстоящих у Распятия и повторяющая ее линия верха одежд предстоящих, в которую включается верх препоясания Христа, повторяет движение вокруг Троицы. Мы смотрим на Троицу, но краем глаза видим эту дугу; смотрим на Распятие, но центростремительность композиции возвращает нас к кругу с Троицей. Характер одинакового светотеневого решения фигур объединяет ярусы. Все три ангела в руках держат короткие жезлы или свитки, но ангелы на образце, вероятно, держали посохи, на которые опирались их руки. Посохи при резьбе могли быть случайно сколоты или срезаны [20].

Распятие занимает средний ярус. Крест Распятия шестиконечный, с прямо положенными перекладинами, показан условно. Пропорции тела Христа естественны для коренастой фигуры живого человека. Ноги, согнутые в коленях, уперлись в землю. Складки препоясания рисунком выявляют изгибы тела. Голова упала на правое плечо. Волосы на голове имеют пробор посредине, зачесаны гладко. Борода довольно пышная, глаза закрыты. Крест на нимбе — тонкий. Распятие сдвинуто с оси и оказалось под левым ангелом Троицы. Резьба горок превращается в орнамент, особенно левой (гора сплошь покрыта трехгранно-выемчатой резьбой). В горе Голгофе изображена голова Адама [21], обращенная лицом вниз. Апостолы Петр и Павел вырезаны в полный рост. Одежда украшена полосами орнамента, у Петра — плетенкой по подолу; у Павла — поребриком по подолу и полосой с витой веревочкой по полю. Павел держит Евангелие. У Петра в руках, вероятно, ключи. Исследователи отмечали большеголовость фигур Петра и Павла, но, может быть, их головы до 1840 г. уже были утрачены и кое-как долеплены гипсом после установки в стену. На снимке Н. Д. Виноградова и на рисунке И. А. Шляпкина лики апостолов малоразборчивы. Одежда Петра сплошь покрыта параллельными линиями вдоль тела. Ткань на Марии — полосатая из сдвоенных параллельных разной глубины линий. Полосы на одежде Павла спаренные, одной глубины. У Ивана — сдвоенные, идущие в двух направлениях. Линии, соединяющие боковые плоскости нижнего конца в Распятии с верхним концом голбца, ограничивают поле, в которое попадает только Христос. Ближайшие к нему Мария и Иван застыли в полупоклоне. Оси их фигур идут от Троицы. Мария подперла голову левой рукой, а Иван симметрично ей — правой. Складки на рукавах более глубокие, идущие по направлению к препоясанию Христа. Сделано это, вероятно, для того, чтобы зрительно сократить больший промежуток между Христом и предстоящими, чем между предстоящими и апостолами. В построении композиции мастер шел от общего к частному, поэтому совмещение апостолов в полный рост, с поясными предстоящими явилось следствием общего решения плоскости креста. В решении отдельных образов художник дает индивидуальные характеристики. Мужественному лицу Ивана противопоставлено миловидное лицо Марии. Кудри на голове Ивана уложены в три ряда; прямой нос, большой подбородок. Курносое лицо Марии имеет овальную форму; рост небольшой, брови подняты. Крайние горки уходят по направлению к Павлу и Петру, т. е. в линии земли также отразилось движение вокруг Троицы.

Нижний ярус заполнен избранными святыми: святителями Василием Великим, Николой и великомучеником Георгием. Одеяния, как и на предстоящих, покрыты линиями различно. Различны лица святых. Изображены они примерно в одинаковых позах, но средний по возрасту Никола широкоплеч, а благообразный Василий узок в плечах. С опущенной головой изображен великомученик; сутулится, несмотря на свою молодость. У безбородого Георгия узко посаженные печальные глаза и

[20] На кресте Бородатого копье левого воина и губка на тросте правого воина изображены резьбой вглубь, вероятно, по той же причине [3, с. 166].

[21] Череп изображен как голова — с носом, губами.

пышные волосы, лоб без залысин. Еще совсем детский кулачок Георгия держит тяжелый шестиконечный крест. Никола, как и Василий, в благословлении сложил свою правую руку. На левой руке они держат Евангелие. Взгляд Николы из-под сошедшихся на переносье бровей суров. Но в лице его нет жестокости. На скуластом лице борода лопатой. Лоб Николы высок, сужается кверху. Лоб Василия, наоборот, широк. Брови не видны. Голова клином переходит в длинную бороду. Нос как бы стиснут пухлыми щеками.

Наиболее близкий аналог — крест Стефана Бородатого [22], но тот еще не подчинен столь строгой схеме. Даже пропорции большой и нижней перекладины у него несколько различны. Если габаритная длина верхней равна удвоенной габаритной ширине, то длина нижней равна удвоенной ширине без бортика. Обе перекладины увеличены за счет размеров промежуточных звеньев. Высота крестов собственно распятий равна $^1/_3$ высоты камня, ширина их $^3/_4$ высоты. Фигуры на борисоглебском кресте занимают значительно бо́льшую площадь камня, но им не тесно. Это та «теснота», которая позволяет составить общую композицию. Медальон борисоглебского креста, его расположение относительно большой перекладины и модульность сближают памятник с крестом из д. Лахмокурье, Вологодской обл. На лахмокурском кресте расширение концов тоже заметно. Нижний конец не расширяется, но низ креста утрачен...

Говоря об аналогах борисоглебского креста, следует обратить внимание также на произведения мелкой пластики, например наперсные кресты. Резьба наперсных крестов четко делится на ярусы. Как правило, используются те же композиции: Троица, Распятие и избранные святые. Каждый ярус ограничен перегородкой — бортиком, будто помещен в киот. О том, что белокаменные кресты и наперсные могли изготовляться по одним и тем же образцам, красноречиво говорит крест 1503 [23] г. из г. Тутаева, Ярославской обл. и наперсные кресты из собрания Загорского музея [9, с. 302, 303]. Аналоги четырехконечны. В середине вырезан семиконечный крест. На средокрестии венок, сплетенный из колечек. Оборонная надпись: црь славы; кресту твоему поклоняемся владыко и святое воскресение твое славим. На тутаевском — та же надпись, вырезан десятиконечный крест с венком на средокрестии, весь покрытый резьбой, имитирующей скань, увеличенную пропорционально размерам креста. Борисоглебскому кресту аналогичны наперсные кресты [24] из собрания Загорского музея [9, с. 291, 294].

По какой-то причине надпись на лицевой стороне не была окончена, хотя ниже осталась пятая заготовка строки чистой. Почему окончание надписи нанесено не на нижний конец, а на торец нижней перекладины? Окончание надписи вынесено на правый торец нижней перекладины потому, что боковая сторона нижнего конца закрывается нижней перекладиной, если смотреть на боковую сторону нижнего конца сверху. Крест был намогильный, о чем свидетельствует надпись на боковой стороне, поэтому он должен быть установлен с помощью шипа в горизонтально лежащей на земле каменной плите. Однако на нижнем торце нижнего конца нет никаких признаков шипа, как, например, у ростовского креста Стефана Бородатого [3, с. 166]. Вероятно, еще в заготовке не учли способ крепления и не сделали шипа, Но уже при вырезании надписи нижнюю строку оставили чистой, не дописав начатого слова «НИ». В качестве шипа мог быть использован нижний конец до нижней вырезанной строки [25]. Расположив окончание так далеко от основной надписи, резчик не стал вырезать все окончание, а только передал суть: над Пантелеем над вощесником. Кто же такой Пантелей вощесник? В слова-

[22] Высота без шипа — 85, ширина — 37,5, толщина — 10,5 см; обмер В. Хохлова.

[23] В дате, по-видимому, произошла ошибка: между «≠S» и «М» стоят две буквы «IA», а не «К» (7011, а не 7020) [3, с. 169].

[24] Кресты отнесены к XVI в., но, вероятно, образцы, от которых они произошли, существовали уже в XV в.

[25] От нижнего торца до нижней вырезанной строки более 5 см, и этого вполне достаточно для крепления в пазу горизонтальной плиты на известковом растворе. Благодарю архитектора Н. Н. Свешникова за подсказанное решение.

ре древнерусского языка нет такого слова, однако есть близкие: вощник, вощеник, вощечник, означавшие человека, занимавшегося обработкой воска и его торговлей [10, с. 78, 79].

Крест был найден под жертвенником придела, а туда он попал, вероятно, в середине XVII в. при строительстве придела. В кладку Алексеевского придела при его строительстве заложили несколько фрагментов намогильных белокаменных плит с орнаментальной резьбой. Предположительно плиты датируются XVI в. Они были употреблены, как и крест, вторично при строительстве придела в XVII в., а первоначально находились на захоронениях здесь же, рядом с церковью.

Как отмечали исследователи [3, с. 94], намогильные кресты на Руси встречаются очень редко и ставятся они по случаю насильственной смерти. Вощесник Пантелей принадлежал к основному населению торгового города, которым был Дмитров, а люди, занимавшиеся торговлей, во все времена подвергались угрозе грабежа и внезапной смерти без отпущения грехов.

Произведение по характеру отличается от креста дьяка Бородатого, но художественно и технически не уступает ему. Сходство этих крестов дает основание приписывать их если не одному резчику, то резчикам одного круга.

Возможно, это круг троицкого резчика Амвросия. Кстати, орнамент на бортике ростовского креста сходен с орнаментом на дискосе, вышедшем из троицкой мастерской в середине XV в. [3, с. 155]. Высокие художественные достоинства обоих крестов и в целом искусное техническое исполнение, а вместе с ними неоправданные для опытного мастера сколы наводят на мысль, что резчики привыкли работать с более пластичными материалами, чем известняк. Мелкая проработка деталей характерна для произведений мелкой пластики. Хрупкий белый камень и большие размеры требовали обобщения формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Былов Н.* Дмитровский Борисоглебский монастырь. Краткий исторический очерк. М., 1888.
2. *Шляпкин И. А.* Древние русские кресты. Т. I. Кресты новгородские до XV в., неподвижные и не церковной службы. Спб., 1906.
3. *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М.: Наука, 1971.
4. *Попов Г. В.* Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв. М.: Наука, 1973.
5. *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV вв. М.: Искусство, 1980.
6. *Тихомиров М. Н.* Город Дмитров. От основания до половины XIX в.— Тр. Музея Дмитровского края. Вып. II. Дмитров, 1925.
7. *Некрасов А. И.* Города Московской губернии. М., 1928.
8. *Ильин М. А.* Подмосковье. М.: Искусство, 1966.
9. *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960.
10. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 3. М.: Наука, 1976.

S. A. Gavrilov

THE 1467 CROSS FOUND IN THE BORIS AND GLEB MONASTERY

Summary

N. Bylov's publication of 1888 initiated the study of the cross. Starting with 1930 its study was mainly based on a drawing in I. A. Shlyapkin's book published in 1906. No photographs of the cross were ever published. All questions put by the previous researchers were answered after a detailed examination of the cross. It was established that the eight-point cross covered with a gable roof was erected in 1467 on Pantelei's grave. The right side of the lower cross-beam carries an image of Great Martyr Georgi. The cross, most probably, was fixed with lime mortar in a groove made in a horizontally placed slab. Initially it was found in the graveyard adjoining the monastery cathedral. The fact that it closely resembles the cross on the grave of the scribe Borodaty and numerous 15th-century objects of minor plastics manufactured in the Troitsa shop leads to a surmise that both crosses were made by an artisan close to Amvrosi.

Заметки

МАТВЕЕВА Н. П.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ ИЗ РАСКОПОК У АНДРЕЕВСКОГО ОЗЕРА

Памятники на побережье Андреевского озера в окрестностях Тюмени дали немало интересных материалов эпохи неолита и ранней бронзы Западной Сибири. Мы остановимся на происходящей из этих памятников мелкой антропоморфной пластике. В настоящее время известно три скульптурки: две происходят из жилищ, третья — из культурного слоя межжилищного пространства. Все три предмета датируются началом II тысячелетия до н. э. [1, с. 11, 12; 2, с. 53].

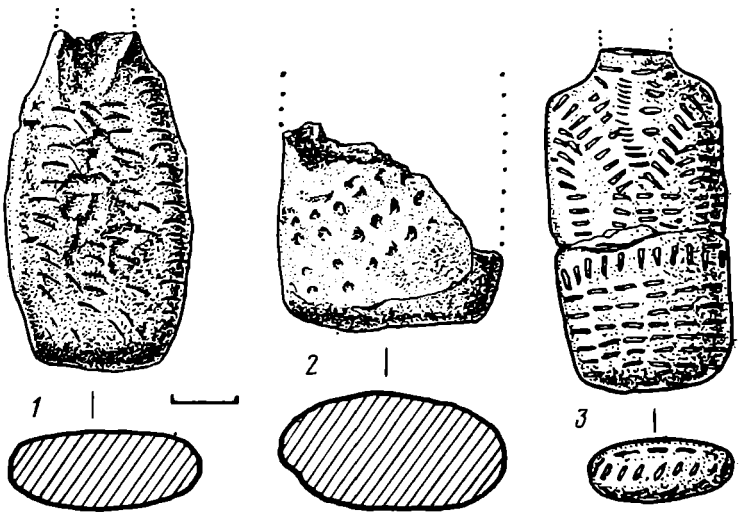


Рис. 1. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера. (*3* — по В. Д. Викторовой)

Скульптурки выполнены из обожженной глины и представляют собой схематичные изображения человеческой фигуры.

1. Размеры статуэтки 5,6×2,9, толщина — 1,4 см (рис. 1, *1*). Она плавно сужается книзу, переход от плеч к шее выражен слабо, ноги не выделены, голова отбита. Имеются следы ударов и выкрошенность на передней плоскости. В глиняном тесте примесь песка и шамота. Поверхность фигурки спереди покрыта вертикальными рядами насечек и закопчена, с боков и снизу видны отпечатки формовавших ее пальцев.

2. Обломок нижней части фигурки (рис. 1, *2*), украшенной оттисками гребенчатого штампа. Эта фигурка была несколько больше предыдущей (ширина 3,2, толщина 1,8 см) и орнаментирована по всей поверхности, за исключением нижней плоскости. Заметны следы закопченности.

3. Фигурка имеет подпрямоугольные очертания туловища с хорошо моделированными плечами и шеей, голова отбита (рис. 1, *3*). Поверхность

покрыта рядами насечек и отпечатков короткого гребенчатого штампа (происходит из раскопок В. Д. Викторовой).

Все три фигурки принадлежат к одному типу: близки по размерам, отличаются схематичной передачей формы тела, ноги и руки не выделены, показан только переход от плеч к шее. Во всех случаях голова не сохранилась. Поверхность скульптурок покрывалась рядами насечек или отпечатков короткого гребенчатого штампа, что создает впечатление фактуры одежды. Наиболее подробно костюм изображен на третьей фигурке. Кроме ритмичных вертикальных рядов, образующих фон, почти посредине изделия располагается горизонтальная линия, изображающая скорее всего пояс, а две наклонные, сходящиеся под углом на груди линии означают, по-видимому, ворот, вырез или какую-то отделку платья.

К этому же типу антропоморфной пластики принадлежит статуэтка с уральской стоянки Березовый Мыс, опубликованная В. М. Раушенбах [3, с. 67]. Эта скульптурка имеет аналогичную форму, сходные орнамент и размеры. Вместе с тем фигурка с Березового Мыса, несомненно, изображает женщину. Женскими, по-видимому, следует считать и андреевские скульптурки, хотя признаки пола у них отсутствуют.

Типологически описываемые статуэтки, как уже отмечалось [3, с. 68], сопоставимы с палеолитической антропоморфной пластикой, одной из категорий которой являются схематичные изображения человека, иногда с передачей только туловища и головы, покрытые рядами ямок или насечек. С другой стороны, как и многие палеолитические скульптуры, в том числе реалистические изображения женщин, найденные на поселениях сериями, намеренно разбитыми у очагов [4, с. 106], наши фигурки обнаружены также в жилищах и разбитыми. Это позволяет предположить, что они служили для передачи женского образа в магических обрядах. Вполне правомерно предположение В. М. Раушенбах о сохранении в эпоху ранней бронзы пережитков культа матери-прародительницы и хозяйки домашнего очага [3, с. 68]. Многие черты этого культа бытовали у народов Сибири до этнографической современности [5, с. 134; 6, с. 10, 22, 47; 7, с. 70; 8, с. 480]. Предположительно можно отнести андреевские фигурки к предметам культа матери-прародительницы и хозяйки домашнего очага, существовавшего у племен Западной Сибири, видимо, и в бронзовом веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалева В. Т.* Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1979.
2. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
3. *Раушенбах В. М.* Женская статуэтка со стоянки Березовый Мыс.— МИА, 1965, № 130.
4. *Абрамова З. А.* Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.—Л.: Наука, 1966.
5. *Иванов С. В.* К семантике изображений на старинных бурятских онгонах.— МАЭ, 1957, т. XVII.
6. *Иванов С. В.* Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.: Наука, 1979.
7. *Богораз-Тан В. Г.* Чукчи. Ч. II. Л., 1939.
8. *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

ШАРОВСКАЯ Т. А.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЕСЕЛАЯ РОЩА

В экспериментально-трасологической лаборатории ЛОИА АН СССР проведено изучение 12 каменных предметов, найденных при раскопках могильника Веселая Роща[1]. Одиннадцать предметов происходят из погребений катакомбной культуры, один — из ямного погребения.

[1] Раскопки могильника Веселая Роща проводились в 1976 г. Александровским отрядом Ставропольской экспедиции ИА АН СССР. Могильник расположен на правой надпойменной террасе левого берега р. Томузловки, датируется эпохой бронзы [1, с. 88].

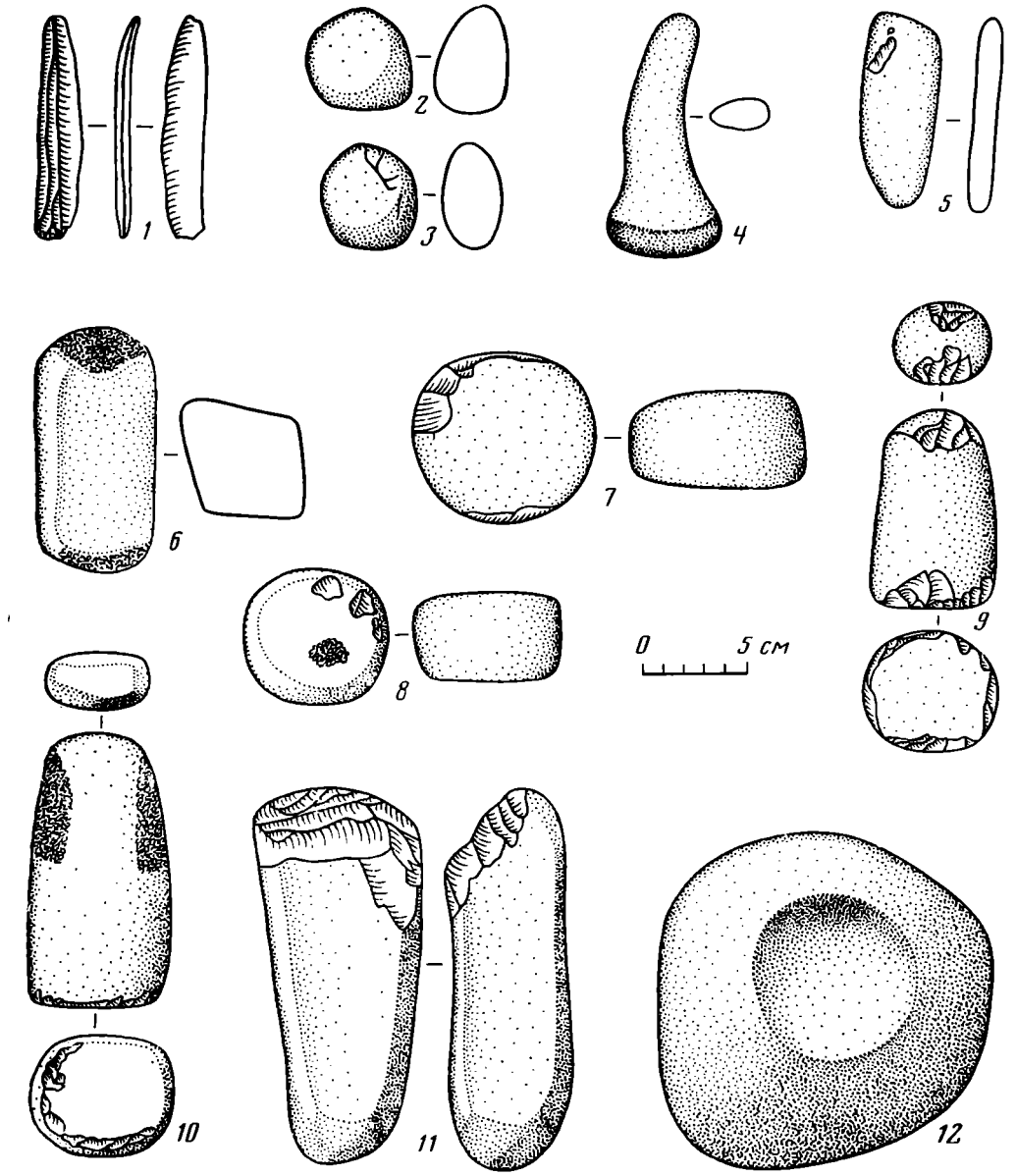


Рис. 1. Каменные орудия могильника Веселая Роща. *1*, *4*, *5*, *7—9*, *11* — группа II; *2*, *3*, *6*, *10*, *12* — группа III

1. Кремневая призматическая пластина (гр. II, кург. 15, погр. 1, *ямное*) размерами 11,0×2,1×0,6 см (рис. 1, *1*). Следов вторичной обработки нет. На обоих лезвиях прослеживаются редкие мельчайшие фасетки-выщербинки — результат срабатывания края. При исследовании под микроскопом на поверхности орудия выявлены линейные признаки в виде глубоких четких рисок, идущих параллельно лезвию. На рабочей плоскости выделяются отдельные участки, где сохранились следы иного плана. Это аналогичные линии, но расположенные перпендикулярно кромке или слегка по диагонали. Совокупность выявленных признаков дает основание считать, что рассматриваемое орудие выполняло две функции — строгального ножа и пилки по дереву. Причем первая функция была вторичной, таким образом строгальный нож был изготовлен на старой изношенной пилке по дереву.

Набор каменных предметов, относящихся к катакомбной культуре, содержит самые разнообразные изделия, которые могут быть охарактеризованы следующим образом.

2, 3. Гальки естественного происхождения, округлых очертаний, эллипсовидные в поперечном сечении (гр. III, кург. 16, погр. 5), размера-

ми 4,5×3,5 и 5,0×3,0 см (рис. 1, *2*, *3*). Поверхность имеет характерную зеркальную заполировку и группирующиеся в виде участков с параллельными нитеобразными линиями следы. Обе гальки использовались в качестве лощил для выглаживания и уплотнения выделанных шкур и кожи.

4. Галька овальной формы плоского сечения (гр. II, кург. 2, погр. 9), размерами 9,2×3,6×0,8 см (рис 1, *5*). Поверхность сильно залощена. Под микроскопом прослеживается сеть перекрещивающихся мелких и глубоких линий удлиненных пропорций. Признаки износа свидетельствуют об использовании рассматриваемого изделия в качестве шпателя для выглаживания и выравнивания стенок сырых сосудов, заделывания и уплотнения швов.

5. Миниатюрный каменный топорик вислообушной формы (гр. II, кург. 7, погр. 1), размерами 11,8×5,5×1,3 см (рис. 1, *4*). Он имеет вытянутое асимметричное лезвие и узкий обушок со скругленным торцом. При изготовлении орудия применялась техника пикетажа и шлифовка. Следы износа концентрируются не по всему лезвию, а лишь на участке, прилегающем к внутреннему асимметричному углу рабочего края. По обеим сторонам наблюдаются многочисленные линейные следы, расположенные по диагонали к кромке. Последняя не имеет признаков деформации, характерных для работы по дереву. Характер следов износа и их специфическое расположение позволяют видеть в данном предмете боевой топорик, использовавшийся в качестве оружия.

6. Предмет подклиновидной формы, вытянутых пропорций (гр. II, кург. 2, погр. 9), трапециевидный в сечении, с хорошо сохранившейся галечной поверхностью, размерами 10,0×7,0×5,5 см (рис. 1, *11*). Орудие имеет расширенное лезвие, оформленное с обеих сторон грубыми ступенчатыми сколами, некоторые из которых образовались в процессе работы орудием. Кромка лезвия разбита. Характер выявленных следов позволяет интерпретировать орудие как кирку, использованную для обкапывания и извлечения твердой породы.

Особую группу составляют изделия, связанные с обработкой руды и изготовлением металлических предметов.

7. Брускообразное четырехугольное в сечении орудие вытянутых пропорций (гр. III, кург. 15, погр. 2) размерами 11,5×5,0×5,0 см (рис. 1, *6*), изготовленное при помощи пикетажной и абразивной техники. Следы использования прослежены на торцах орудия. Обе рабочие поверхности затерты и испещрены выбоинками и короткими неравномерными рисками, что типично для пестов, использовавшихся при дроблении и растирании руды.

8. Орудие конусовидной формы, слегка асимметричное, вытянутых пропорций, в поперечном сечении округлых очертаний (гр. II, кург. 1, погр. 2), размерами 9,5×5,5 см (рис. 1, *9*). Верхний зауженный торец полусферической формы с обеих сторон уплощен крупными вертикальными сколами. Поверхность торца затерта и испещрена выбоинками и линейными следами износа, идентичными вышеописанным. Орудие выполняло функции песта для дробления и растирания руды. Нижний торец изделия оформлен грубыми сколами. Поверхность его как бы пришлифована. Заметна залощенность, переходящая в интенсивный металлический блеск. На заполированном участке видны тонкие вытянутые параллельные линии, образующие строгую направленность. Подобные следы характерны для орудий, использовавшихся в качестве гладилок-выпрямителей для раскатки листового металла. Такие орудия типичны для набора металлообрабатывающих инструментов, встречающихся в памятниках майкопской культуры и впервые выделенных по материалам могильника Клады [2, с. 88—94].

9. Предмет цилиндрической формы, вытянутых пропорций, округлый в разрезе, слегка уплощенный сбоку (гр. II, кург. 2, погр. 8), размерами 12,5×5,5 см (рис. 1, *10*). Орудие изготовлено с помощью пикетажной и абразивной техники. Верхний конец слегка заужен, по обеим его сторонам заметны уплощенные шероховатые участки, образованные путем специально нанесенных многочисленных выбоинок. Рабочими поверхностями

изделия служили верхний и нижний торцы. Первый из них затерт и испещрен следами износа в виде выбоинок, рисок, царапин, сохраняет участки сильной затертости. Второй имеет по боковому краю неравномерные грубые сколы. Центральная часть представляет собой как бы пришлифованную площадку, поверхность которой сильно заполирована, приобрела металлический блеск. На ней видны под микроскопом тонкие, вытянутые параллельные линии. На основании следов износа исследуемый предмет является полифункциональным, использовавшимся в качестве песта для растирания и дробления руды и гладилки-выпрямителя для раскатки металлической фольги.

10. Уплощенное, округлое в плане изделие усеченно-цилиндрической формы (гр. II, кург. 13, погр. 7), размерами 8,8×5,5 см (рис. 1, *7*). Поверхность обработана пикетажной и абразивной техникой. Имеет две рабочие поверхности: первая, расположенная на верхней площадке, характеризуется скоплением неглубоких, неравномерных выбоинок в центре, что говорит об использовании орудия в качестве наковаленки; вторая занимает нижнюю площадку изделия, она заполирована до металлического блеска, покрыта тонкими, удлиненных пропорций линейными следами, параллельными между собой, что характеризует подставки для раскатки металлической фольги. Таким образом, орудие полифункционально.

11. Уплощенное, округлое в плане изделие усеченно-цилиндрической формы (гр. II, кург. 13, погр. 7), размерами 6,5×3,2 см (рис. 1, *8*). Орудие изготовлено с применением пикетажной и шлифовальной техники, имеет две рабочие площадки. Следы износа аналогичны следам сработанности на предмете *10*, что позволяет отнести изделие к полифункциональным орудиям.

12. Уплощенная крупная галька поддисковидной формы, миндалевидного сечения (гр. III, кург. 15, погр. 9), размерами 16,0×6,5 см (рис. 1, *12*). Поверхность орудия отшлифована на абразиве. На верхней плоскости выбито круглое углубление диаметром 7,5, глубиной 1,2 см. Поверхность углубления сильно заглажена и заполирована. На боковых стенках заметны нитеобразные риски, направленные перпендикулярно краям углубления. Анализ следов износа позволяет видеть в данном предмете матрицу для изготовления из металлической фольги украшений полусферической формы. Подобная матрица была обнаружена в Батуринском могильнике (круг 10, погр. 1), катакомбного времени [2, с. 88—94].

Несмотря на небольшое количество предметов (всего 12 предметов), коллекция разнообразна по составу и представлена набором орудий, оружия, подставками-наковаленками. Поражает совершенство техники изготовления изделий, выполненных в лучшей манере пикетажного и абразивного оформления, требующего целого набора специально подобранных инструментов (молоточки, отбойники, разнообразные по форме и размерам абразивы). Перечисленные предметы фиксируют существование у носителей предкавказского варианта катакомбной культуры самых различных производств (обработка кож и керамики, металлургия, металлообработка, горное дело — дробление и растирание руды, изготовление листового металла, ювелирное дело).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бианки А. М., Бочкарев В. С., Державин В. Л., Самоторкин Н. И., Тихонов Б. Г.* Раскопки курганного могильника Веселая Роща I.— АО — 1976. М., 1977.
2. *Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А.* Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской.— В кн.: Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983.

МИХАЙЛОВ Б. Д.

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ

В 1974 и 1978 гг. вблизи сел Константиновка и Надеждино (Мелитопольский и Приазовский р-ны Запорожской обл.) были раскопаны два кургана эпохи бронзы.

Курган «Высокая могила» (высота — 7, диаметр — 42×44 м) входил в группу из семи курганов и находился на правой террасе левого берега р. Сага (приток р. Молочной). Насыпь кургана состояла из тройной подсыпки однородного песковато-черноземного грунта, которая в шести местах имела следы грабительских «мин», прокопанных сквозь толщу холма в глубь материкового грунта. В центре первичной насыпи (диаметр — 16×24 м) был сооружен ров (ширина — 1,1, глубина — 0,70—0,80 м). В кургане исследовано шесть погребений — четыре ямных и два катакомбных (рис. 1).

Погребение 1 (катакомбное) находилось в северной части кургана и было впущено в материковый грунт, прорезав первичную насыпь. Оно ориентировано по линии ЗВ. Могильная яма подпрямоугольной формы (длина — 0,6, ширина — 0,5 м) имела в южной стенке небольшой подбой. На дне находился фрагмент детского черепа и кости мелкого животного (заяц?). Рядом стояли два лепных сосуда. Первый сосуд — плоскодонный, с выпуклыми боками и слегка отогнутым наружу венчиком (высота — 11, ширина — 9,5 см). Под венчиком он украшен двойным круговым рядом веревочных оттисков. Поле орнаментировано косыми насечками. На тулове сосуда орнамент веревочными отпечатками в виде тройной ломаной линии (рис. 2, *4*). Второй сосуд — плоскодонный, с округлыми и крутыми плечиками, с вытянутым туловом, прямым высоким горлом. На тулове с трех сторон расположено по три узких ушка (рис. 2, *3*).

Погребение 2 (ямное, кенотаф) впущено в первичную насыпь кургана (в пределы ровика) и ориентировано по линии ЗВ (длина — 1,6, ширина — 0,70 м). Могильная яма прямоугольной формы, с рваными стенками, округлыми углами. У северной стенки лежал небольшой кусок красной охры.

Погребение 3 (древнеямное, основное), расположено в центре первоначальной насыпи. Восточная часть могильной ямы по очертаниям напоминает антропоморфные стелы (?). Она сооружена на уровне материкового грунта, ориентирована по линии ЗВ. В придонной части могильная яма имела подпрямоугольные очертания (рис. 3). Вблизи могилы, с северо-восточной стороны, на погребенной почве лежала антропоморфная стела (высота — 1,18, ширина — 0,60 м). Голова, лицо и плечи проработаны техникой точечного оббива, которые носят более поздние следы обработки (рис. 4). На правой стороне фигуры по вертикали имеется 11 параллельных линейных бороздок с древним глубоким загаром. На левой стороне, на уровне пояса, прошлифованы еще две короткие линии-бороздки. Все изображения, как и скульптура, кроме головы, лица и плечей, имеют плотный и глубокий загар. Вокруг фигуры красной охрой нанесен широкий пояс (ширина — 10—12 см). Голова также окрашена охрой красного цвета.

В яме (длина — 3,2, ширина — 1,55 м) у южной стенки лежал на деревянной подстилке костяк взрослого человека с сильно подогнутыми в коленях ногами, на левом боку, головой к востоку, лицом к югу. Руки были положены впереди на уровне таза. Костяк обильно покрыт красной охрой. На уровне спины лежали листовидный медный нож (рис. 2, *1*) с небольшим черенком для рукояти (длина — 4,7, ширина — 1,7 см) и красная охра, у таза находился точильный камень — плитка зеленого цвета (длина — 14,5, ширина — 7,3, толщина — 2,2 см).

Погребение 4 (ямное) расположено в юго-восточной части и впущено в первичную насыпь кургана (в пределы ровика) по линии СВ—ЮЗ. В могильной яме (длина — 1,85, ширина — 1,05 м) лежал на спине костяк взрослого человека с подогнутыми ногами, которые упали в левую сто-

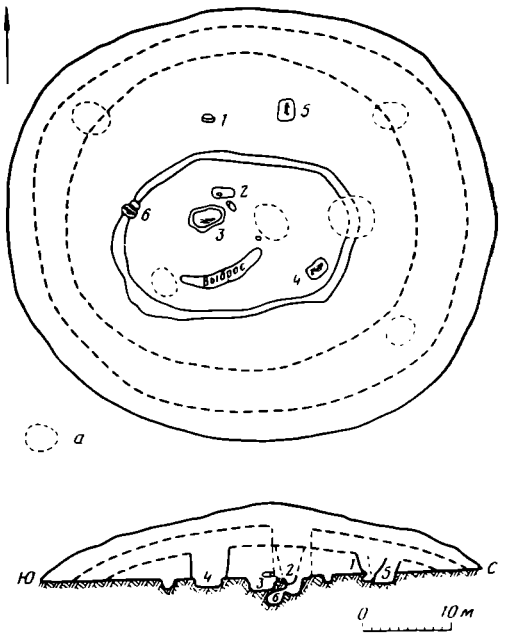


Рис. 1. Курган «Высокая могила». План и схема соотношения погребений. *а* — грабительские «мины»

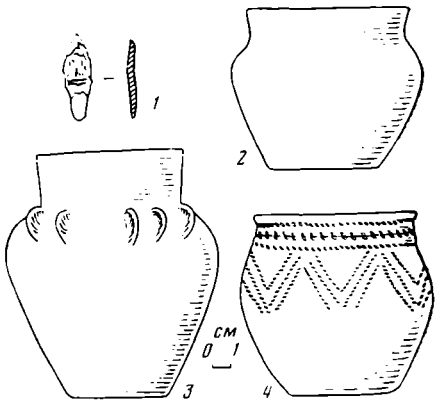


Рис. 2. Курган «Высокая могила». Инвентарь погр. 1(*3*, *4*), 3(*1*) и 5(*2*)

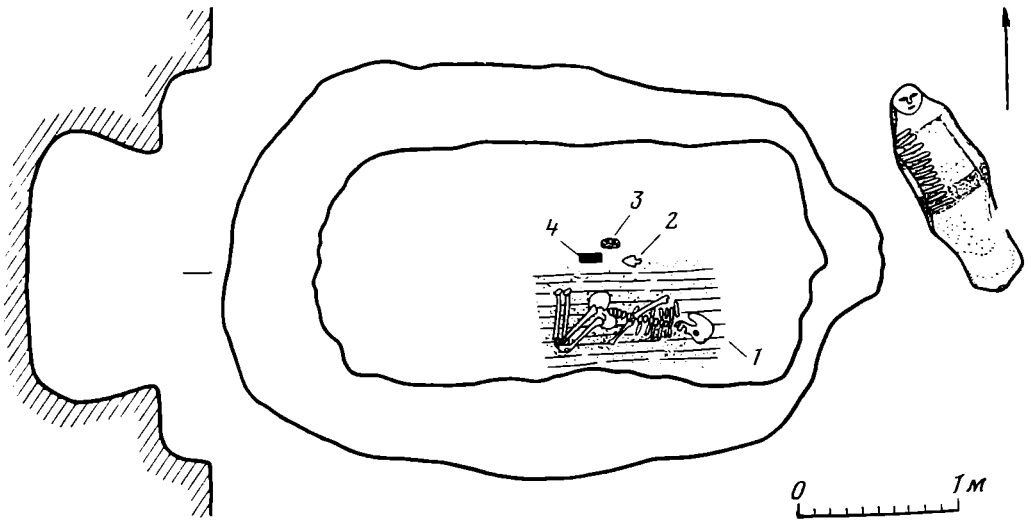


Рис. *3*. Курган «Высокая могила». Погр. 3. *1* — деревянная подстилка; *2* — нож; *3* — кусок охры; *4* — точильный камень

рону, головой на СВ, лицом к западу. Левая рука была согнута в локте, правая вытянута вдоль туловища и кистью положена на колено. Инвентаря нет.

Погребение 5 (позднеямное) впущено за пределами ровика в восточной стороне первичного кургана. Могила ориентирована по линии СЮ (длина — 1,60, ширина — 1,2 м). На дне могилы лежал на спине костяк взрослого человека головой на север, ноги сильно скорчены, руки вытянуты вдоль туловища. Инвентаря нет.

Погребение 6 (катакомбное) расположено в западной части кургана. Колодец дромоса прорезал древний ровик. Размеры дромоса — 1×1,2 м. В ЮЗ стенке находился вход в камеру-катакомбу, ориентированную по линии СВ—ЮЗ (длина — 1,8, ширина — 1,2 м). В могиле лежал костяк взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на ЮВ. Руки вытянуты вперед и положены на колени. У головы стоял лепной сосуд

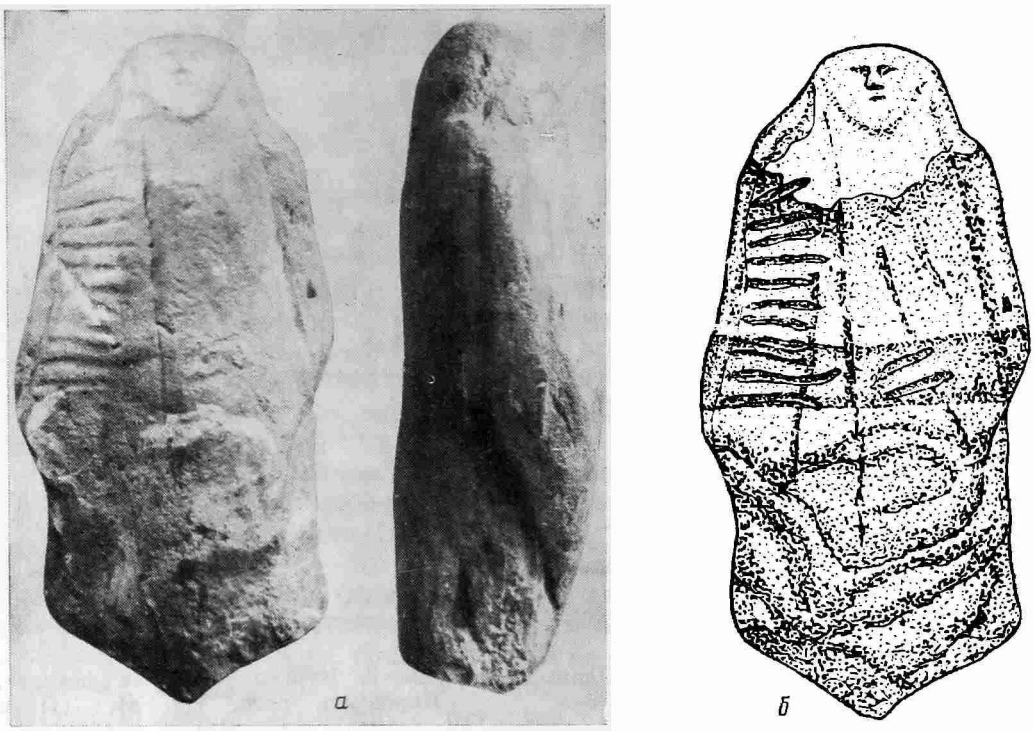


Рис. 4. Стела из погр. 3 в кургане «Высокая могила». *а* — фото; *б* — прорисовка

(рис. 2, *2*) с округлыми боками, плоским дном и прямым, отогнутым наружу небольшим венчиком (высота — 10, ширина — 6,4 см).

Второй курган находился к СЗ от с. Надеждино, в 2 км от Молочного лимана — залива Азовского моря. Насыпь правильной окружности состояла из однородного серо-черного грунта (высота — 0,60, диаметр — 18 м). У края кургана под насыпью был прослежен ровик (глубина — 0,40, ширина — 0,50 м). В центре кургана находилось единственное основное древнеямное погребение, ориентированное по линии СВВ—ЮЗЗ (рис. 5). В могильной яме подпрямоугольной формы (длина — 1,4, ширина — 0,90, глубина от дневной поверхности — 0,80 м) костяка не оказалось, сохранились лишь две расчлененные берцовые кости взрослого человека.

Погребение было перекрыто (рис. 6) тремя массивными песчанниковыми плитами, взятыми, видимо, из хорошо известного памятника — Каменной Могилы. Две из этих плит — антропоморфные стелы, лежавшие головой на север, лицом к земле. Первая представляет собой большую массивную плиту (рис. 7) в виде широкого постамента и большого выступа-головы (высота — 1,55, ширина — 1,0 м). На лицевой стороне под углом 45° к основанию расположены широкие шлифованные борозды-полисуары (ширина — 10—12 см), известные на Каменной Могиле [1, с. 96].

Вторая стела — изготовлена из небольшой массивной плиты (высота — 0,76, ширина — 0,60, толщина — 0,34 м), плечи покатые, с незначительным выступом головой (рис. 8). Лицевая сторона покрыта глубоким темно-коричневым загаром с прожилками оксидов железа. В центре стелы нанесены семь вертикальных бороздок, четыре из которых (нижние) соединены между собой двумя перпендикулярными линиями.

Исследованные погребения типичны для эпохи ямной культуры степей Северного Причерноморья. Исключение представляет погр. 3 из кургана «Высокая могила», где могильная яма имела конфигурацию антропоморфных стел, напоминающих погр. 9 в кург. 5 у с. Новофилипповка вблизи Каменной Могилы [2, с. 38, рис. 17] и некоторые погребения Старосельских курганов в Херсонской области [3, с. 48—65, рис. 1, 2].

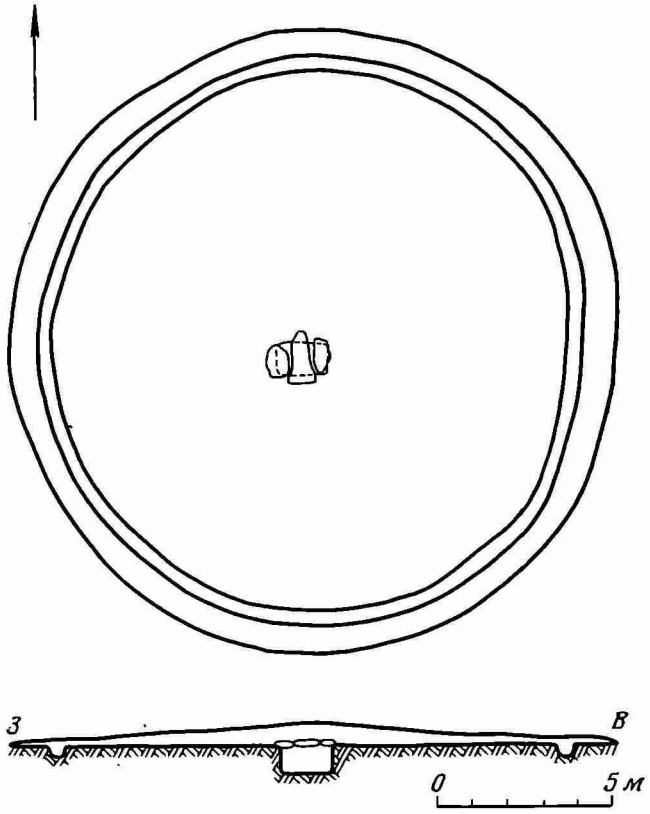


Рис. 5. Курган у с. Надеждино. План и схема профиля

Рис. 7. Стела 2 из погребения в кургане у с. Надеждино

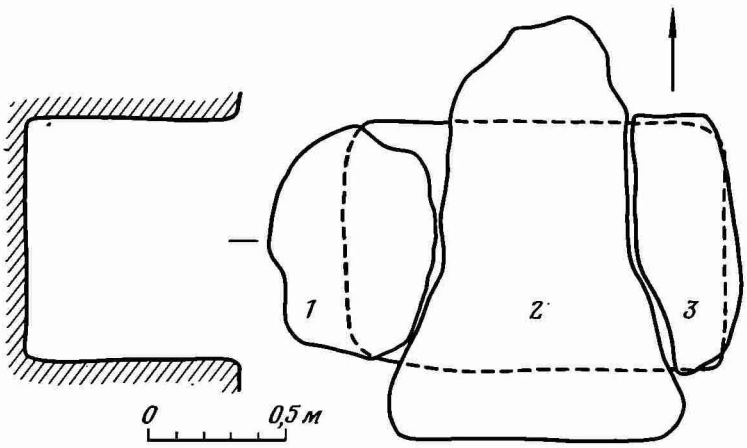


Рис. 6. Курган у с. Надеждино. План и профиль погребения.
1—3 — плиты перекрытия

Медный нож характерен для ямного времени. Катакомбные погребения «Высокой Могилы» совершены в могилах с подбоем (погр. 1), в которых найдены сосуды, типичные для североприазовского локального варианта катакомбной культуры [4, с. 54, 55, рис. 8, *4*]. Исключение представляет плоскодонный сосуд с округлыми и крутыми плечиками, вытянутым туловом и высоким горлом (рис. 2, *3*), который не находит себе аналогий. Присутствие полисуаров на стеле из кургана вблизи с. Надеждино, которые в верхней части несут на себе следы излома, свидетельствуют о появлении их на плите еще до изготовления древней скульптуры, что подтверждает высказанное ранее мнение о доямном происхождении полисуаров на Каменной Могиле [5, с. 255—257].

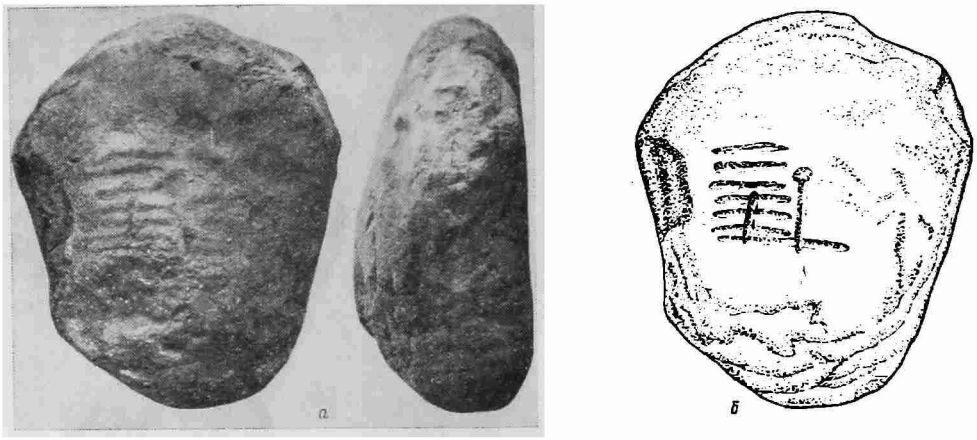


Рис. 8. Стела 1 из погребения в кургане у с. Надеждино. *а* — фото; *б* — прорисовка

Особый интерес представляют антропоморфные стелы, выполненные из песчаника Каменной Могилы. Наиболее древними являются стелы 1 и 2 из кургана вблизи с. Надеждино. На одной из них имеются рисунки-бороздки с плотным и глубоким загаром (рис. 8), что свидетельствует о раннем их происхождении. Подтверждением служит стела из древнеямного погр. 3 «Высокой могилы» (рис. 4), имеющая на лицевой стороне аналогичные линейные рисунки-бороздки с загаром и более поздние следы обработки верхней части фигуры (плечи, лицо, голова).

По-видимому, древние скульпторы ямного времени использовали для изготовления антропоморфных стел старые скульптуры, на которых уже находились рисунки-бороздки, явно относящиеся, как и стелы, к доямному времени (энеолит?). Аналогичные рисунки-бороздки известны в большом количестве среди петроглифов Каменной Могилы [1, с. 36—39, рис. 17, 18], и их следует, на наш взгляд, также датировать доямным временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рудинский М. Я.* Кам"яна Могила. Київ: Изд-во АН УССР, 1961.
2. *Вязьмітіна М. І.* Курган біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккерменъ».— АП, 1960, т. VIII.
3. *Шилов Ю. О.* Перший та четвертий Старосільські кургани.— Археологія, 1977, вип. 22.
4. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры.— Тр. ГИМ, 1955, вып. 24.
5. *Михайлов Б. Д.* Ямное погребение с полисуаром на Мелитопольщине.— СА, 1976, № 1.

НОВИЦКИЙ Е. Ю.

ДЕРЕВЯННАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИЗ ЯМНОГО ПОГРЕБЕНИЯ У СЕЛА ХОЛМСКОЕ

При раскопках курганного могильника у с. Холмское (Арцизский р-н, Одесская обл.) в погр. 7 кург. 1 были обнаружены остатки деревянного погребального «ложа». В процессе полевых исследований (включавших частичную консервацию дерева [1]) удалось выполнить его реконструкцию.

[1] Консервация деревянных конструкций осуществлялась с применением полибутилметакрилата (ПБМА) на ацетоне и ксилоле. Сохранность дерева плохая. В процессе расчистки от земли оно быстро высыхало и разрушалось. Поэтому фрагменты ложа до расчистки предварительно пропитывались слабым раствором ПБМА. После высыхания землю выбирали и удаляли. Очищенные фрагменты деревянной конструкции вновь пропитывались более концентрированным раствором ПБМА.

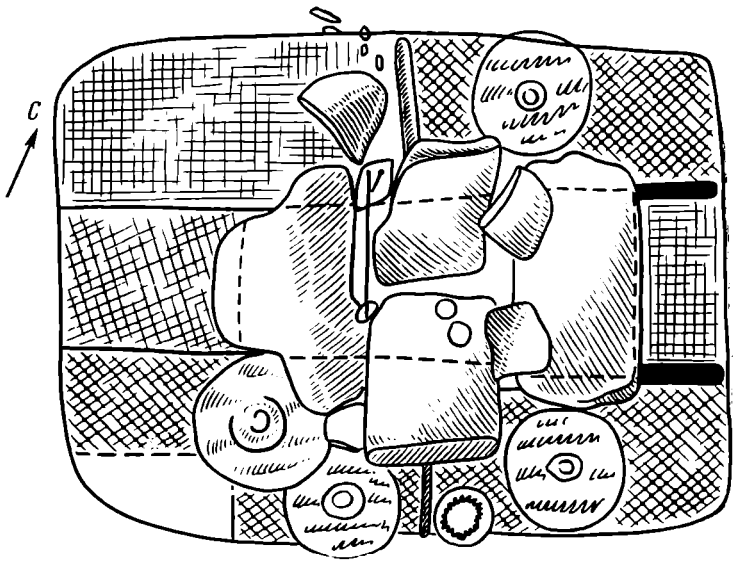


Рис. 1. Каменный заклад погребальной камеры из погр. 7 кург. 1 у с. Холмское

Погребение (рис. 1) в кург. 1 отличалось очень сложным погребальным ритуалом [1, с. 38—41]. Погребальную камеру перекрывал заклад из трех больших плит, нескольких маленьких плиток и камней. В качестве одной из плит заклада (юго-западной) использована антропоморфная стела. Северо-восточная плита имеет широкий боковой подработанный выступ [2], что в целом придает всему закладу антропоморфный вид. Возле плит лежали четыре колеса и изделие из кожи с резным рельефным орнаментом [3, с. 51—53]. Под закладом могила была закрыта циновками, уложенными на плахи.

Погребенный лежал на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги согнуты в коленях и завалились вправо. Под головой обнаружен кусок мела, в ногах — угольки от сгоревших веток. Костяк лежал поверх остатков деревянного погребального ложа (рис. 2, *1*). По обеим сторонам от погребенного на дне могилы лежали по два черных шнура, оставивших четкие отпечатки.

При расчистке и консервации дерева удалось выявить основные узлы крепления ложа, составлявшие три пары, условно обозначенные А, Б, В (рис. 3, *1—3*). Из каждой пары один узел консервировался, а другой разбирался, что позволило выяснить их конструкцию. В ней использовался набор разнообразных шпонок, нагелей (рис. 3, *2*, *4*) и реек различных сечений. В узле А имеется пять шпонок, в узле Б — три, в узле В — четыре. Узел В почти аналогичен узлу Б, но включает в себя одну поперечную перекладину (сечение этого узла на рис. 3, *2*.) Первоначально деревянная конструкция, на которой лежал погребенный, была принята за носилки. Это мнение и попало в первые публикации [1, с. 41; 2, с. 51]. Основу конструкции «ложа» составляла прямоугольная деревянная рама с двумя косыми и двумя прямыми поперечинами (рис. 2, *1*). Каркас рамы состоял из двух планок, соединенных для жесткости специальными шпонками (рис. 3, *4*). Параллельно планкам, находившимся в засыпке могилы, на дне ее стояли прямоугольные в сечении массивные планки. Из них торчали обломки больших фигурных шпонок — в местах предполагаемого соединения с поперечинами (рис. 2, *2*). Тот факт, что положение массивных планок было зафиксировано просыпавшимся под плиты грунтом, позволяет восстановить действительное положение продольных

[2] В 1980 г. у с. Белолесье Татарбунарского р-на Одесской обл. в погр. 11 кург. 3 был найден похожий заклад из трех плит. Плита — головной выступ — лежала над головой умершего как и в публикуемом погребении [2].

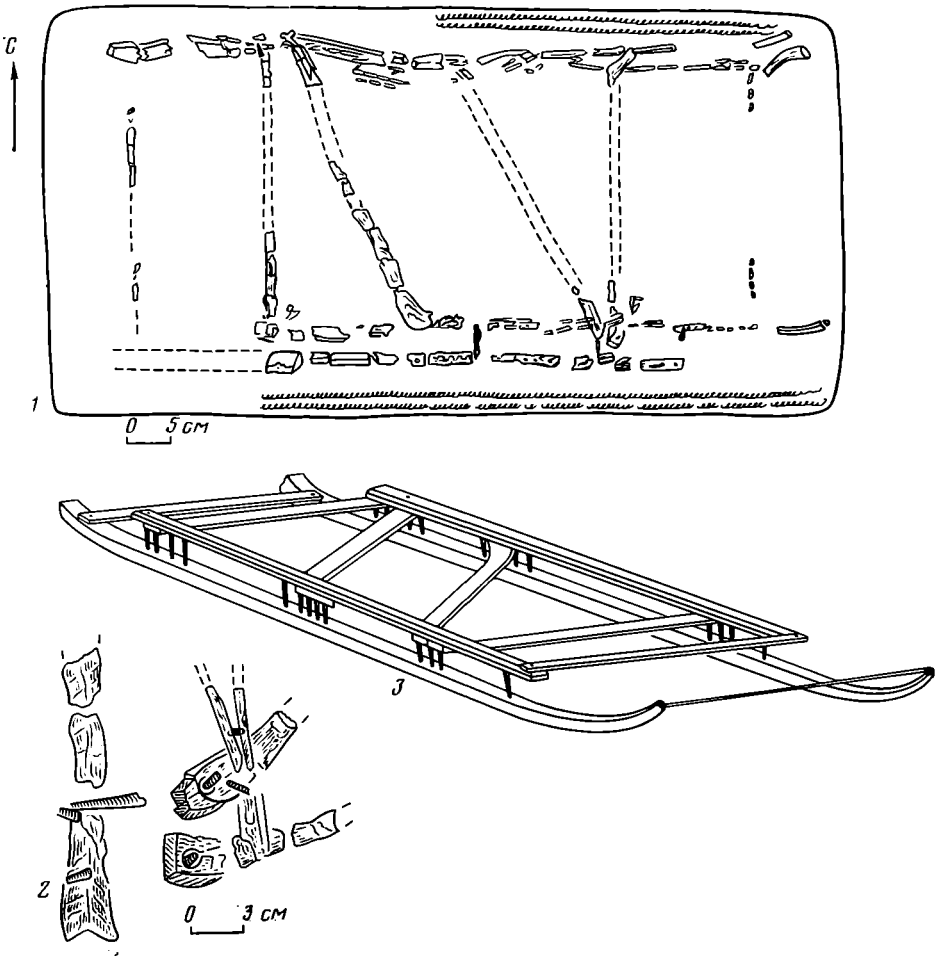


Рис. 2. Погребальные сани из погр. 7 кург. 1 у с. Холмское. *1* — план деревянных конструкций; *2* — разлом узла Б; *3* — реконструкция саней

планок рамы и их связь с узлами поперечин и массивными боковинами (рис. 3, *1—3*). Сдвоенные планки верхней рамы и поперечины одевались на фигурную шпонку, вставленную в полоз (массивную планку). С обеих сторон весь узел фиксировался нагелями (рис. 3, *2*). Отмечено также, что массивные планки в изголовье погребенного более толстые, чем в ногах, но менее изогнуты. Нижняя сторона массивных боковин слегка прикруглена. Реконструкция, проведенная на основании сделанных наблюдений, позволяет рассматривать погребальное «ложе», как сани (рис. 2, *3*). Размеры их (в м): длина 1,8, ширина — 0,8, высота — 0,14. Прогиб поперечных планок, образовавшийся в результате обугливания дерева, усиливался по мере просыпания грунта в могилу. Когда сломались несущие большие шпонки, соединяющие полозья и раму, поперечины легли на дно могилы, а узлы соединений остались на засыпке. Это создало эффект корытцеобразных в сечении носилок.

Аналогии исследованному деревянному сооружению нам не известны. Конструкция из планок различного сечения, использовавшаяся в качестве носилок, обнаружена в погр. 8 кург. 8 Семеновского могильника [4, с. 55]. И форма (рис. 3, *5*) и узлы креплений в ней (рис. 3, *6*) совершенно иные.

Сани как принадлежность погребального обряда были предметом исследования Д. Н. Анучина. Он подчеркивал, что сани являются атрибутом погребального обряда знати и служителей культа [5, с. 100]. Подтверждением этому может служить каменный заклад со стелой над погребенным. В Северо-Западном Причерноморье погребений с плитами и стелами очень мало (по нашим подсчетам — 3,2%). Если же учесть, что

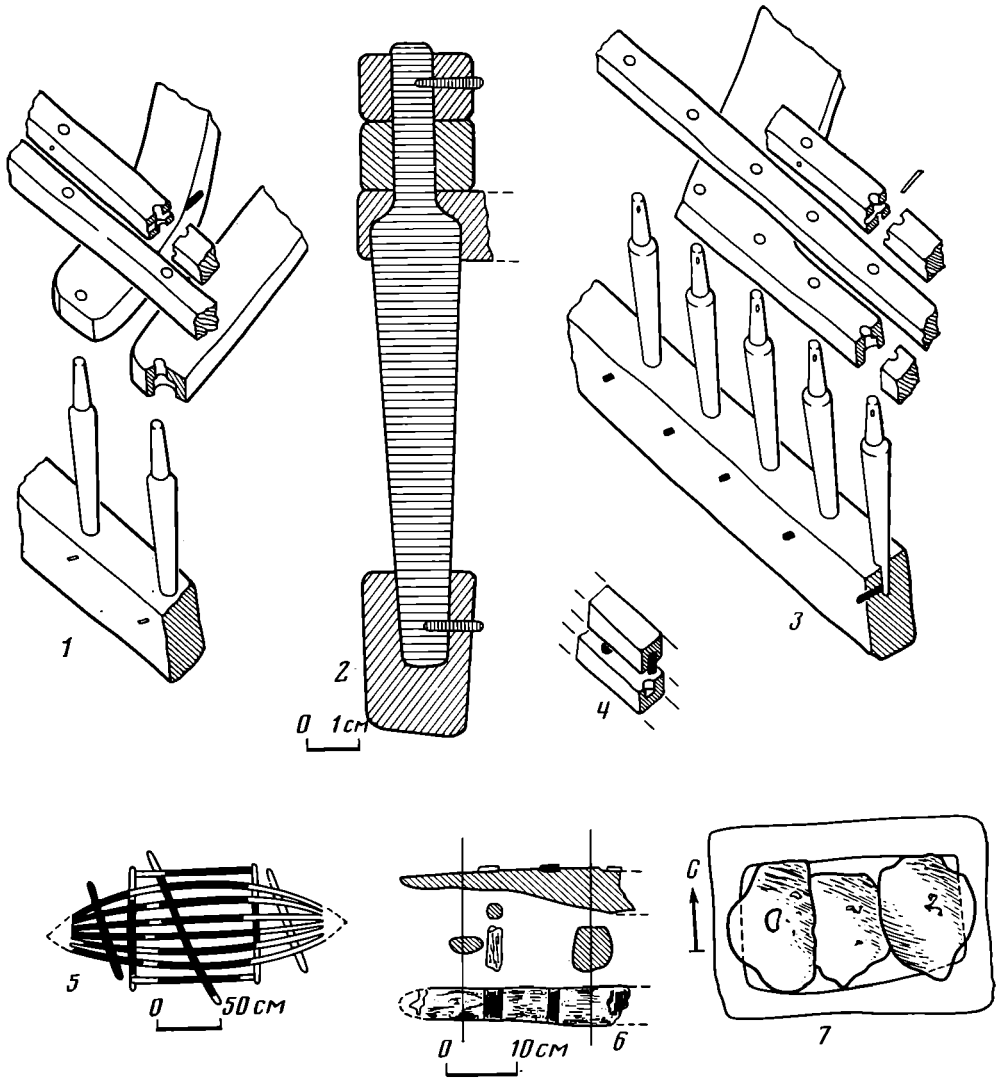


Рис. 3. Конструктивные детали погребальных саней (*1—4*) и некоторые погребальные конструкции из других захоронений (*5—7*). *1* — узел Б, *2* — сечение узла В; *3* — узел А; *4* — соединение планок шпонками; *5*, *6* — деревянные конструкции в погр. 8 кург. 8 Семеновского могильника (*5* — план; *6* — узлы креплений конструкции), по Л. В. Субботину; *7* — каменный заклад погр. 3, кург. 11 Белолесского могильника, по Л. В. Субботину и С. А. Дворянинову

погр. 7 (впускное в курган энеолитического времени) является основным и центральным среди ямных погребений кургана, и помнить о сложном погребальном ритуале и значительном количестве найденных здесь предметов, почти не встречающихся в других ямных курганах, то можно предполагать особый социальный статус погребенного. Решение вопроса оставим до новых находок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гудкова А. В., Черняков И. Т.* Ямные погребения с колесами у с. Холмское.— В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
2. *Субботин Л. В., Дворянинов С. А.* Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1980 г.— Архив ИА АН УССР, № 9876, 9877.
3. *Гудкова А. В., Новицкий Е. Ю.* Изделие из кожи с орнаментом из ямного погребения 7 кургана у с. Холмское.— В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.: Наук. думка, 1981.
4. *Субботин Л. В.* Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры устья Днестра (по данным раскопок Семеновской экспедиции).— В кн.: Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев: Наук. думка, 1980.
5. *Анучин Д. Н.* Сани, ладьи и кони как принадлежности погребального обряда.— Древности, 1890, т. 14.

ГАВРИЛОВ А. В., ШКАРБАН А. С.

СКИФСКИЙ КУРГАН У СЕЛА КРЫЛОВКА В КРЫМУ

В 1982 г. Северо-Крымская экспедиция Института археологии АН УССР проводила раскопки курганов у с. Крыловка (Первомайский р-н, Крымская обл.). Курганная группа находится в 2 км к югу от села. В ней насчитывается 16 насыпей, растянувшихся на 5,5 км прерывистой цепочкой по слабо выделяющемуся водоразделу (с ВСВ на ЗЮЗ). Самым высоким в западной части могильника был курган 18. Результаты раскопок этого кургана публикуются в настоящей заметке.

В плане курган 18 имел округлую форму (диаметр 36, высота 2,5 м). Северный склон насыпи крутой, остальные пологие. Вершина кургана уплощена, в центре заметны следы оплывшей ямы (диаметр 1,5 м). На поверхности насыпи зафиксированы многочисленные известняковые камни. Полы кургана распахивались. При раскопках за условный центр кургана была принята самая высокая точка насыпи, смещенная на 2 м к северо-западу относительно геометрического центра. От этой же точки производился и отсчет глубин.

Насыпь сооружена в один прием и обнесена крепидой из известняковых плит. В плане крепида овальная, слегка вытянута с востока на запад (рис. 1). Ее размеры (в м): площадь — 19,5×17, ширина кладки — 1,5—2, высота — до 1. В западной поле кургана в кладке крепиды и под ней обнаружены фрагменты античных амфор (остатки тризны?): ножка амфоры типа Солоха II (рис. 2, *11*) V—III вв. до н. э. [1, табл. XIX, *35*]; фрагмент венчика гераклейской амфоры (рис. 2, *9*) IV—III вв. до н. э. [1, табл. XXII, тип II]; мелкие обломки венчиков гераклейских, фасосских и хиосских амфор (рис. 2, *10, 12, 13*; определение О. А. Махневой и В. А. Кутайсова). В насыпи над погребением 2 найдены ножка гераклейской амфоры (рис. 2, *8*) IV в. до н. э. [1, табл. XXII, тип II, *43*] и фрагмент железного ножа (рис. 2, *6*). В западной поле кургана обнаружены фрагменты сероглиняной амфоры конца II — начала I в. до н. э. [1, табл. XXVI, тип 61а—62в].

Под насыпью кургана открыты два погребения. Основным было погребение 2, совершенное в каменном ящике. Позднее в насыпь было впущено погребение 1. Основное погребение было дважды ограблено еще в древности. Первый раз грабители проникли в ящик через пролом в восточной стенке. В грабительском лазе обнаружены большое количество тлена камни и дробленые кости человеческого скелета от разрушенного погребения. Во второй раз грабители проникли в ящик, разбив восточную плиту перекрытия.

Впускное **погребение 1** открыто на глубине 222 см (рис. 3). Могильное сооружение представляло собой прямоугольный ящик, сложенный из известняковых плит. Внешние размеры сооружения — 2,4×2, внутренние — 1,7×1,1 м. Оно ориентировано с юго-востока на северо-запад. Кладка сохранилась на высоту двух рядов камней (до 0,36 м), перекрытие отсутствовало. Пол вымощен тонкими плитами известняка. На дне могилы обнаружены плохо сохранившиеся разбросанные кости человеческого скелета, принадлежащие погребению, вероятно разрушенному грабителями. По обломкам черепа и других костей устанавливается, что здесь находилось захоронение взрослого человека, положенного головой на северо-запад. В северном углу могилы лежала амфора, в западном углу в заполнении найден фрагмент чернолаковой чаши, обломки клинка железного ножа (рис. 2, *5*) и железного предмета. Возле обломка чаши лежали фрагменты глиняного пряслица (рис. 2, *7*) и три фрагмента железного шила (рис. 2, *2*).

Амфора из погребения 1 имеет относительно широкий раздутый корпус и короткую ножку (рис. 2, *1*). Венчик — отогнутый наружу, овальный в плане, подпрямоугольного сечения. Ручка — овальная в сечении. Глина — светло-коричневого цвета с примесью белых частиц. Размеры (в см): высота — 69, глубина емкости — 61, максимальный диаметр корпуса — 29,4, диаметры венчика — 13,5 и 11,5 (в месте примыкания руч-

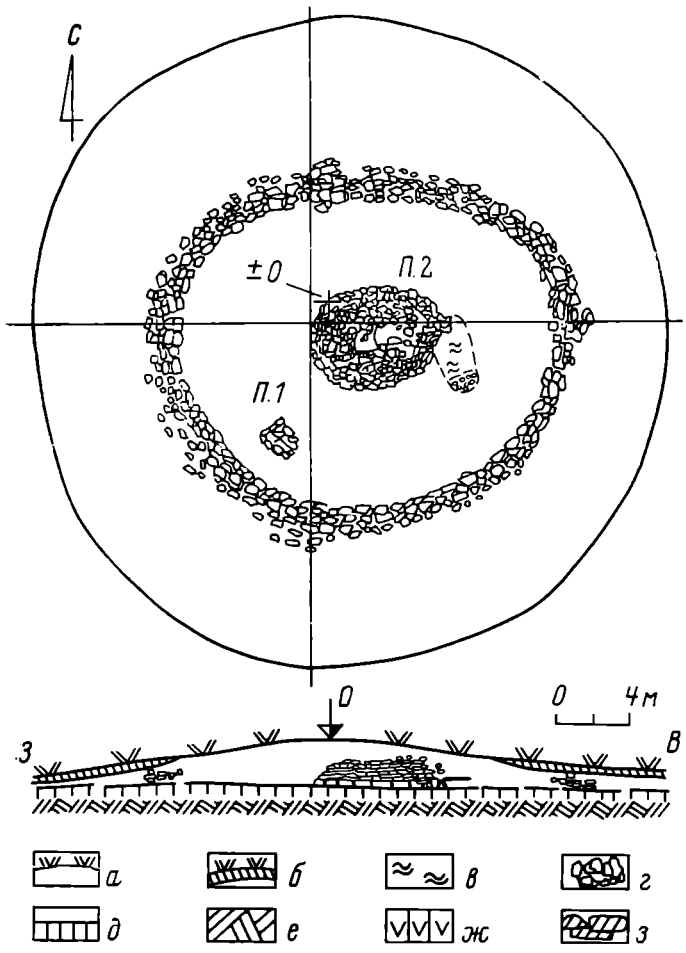


Рис. 1. План и профиль кургана 18 у с. Крыловка. *а* — дерн; *б* — пахотный слой; *в* — тлен камки (заполнение грабительского лаза); *г* — камни (план); *д* — древний горизонт; *е* — материк; *ж* — насыпь кургана; *з* — камни (профиль)

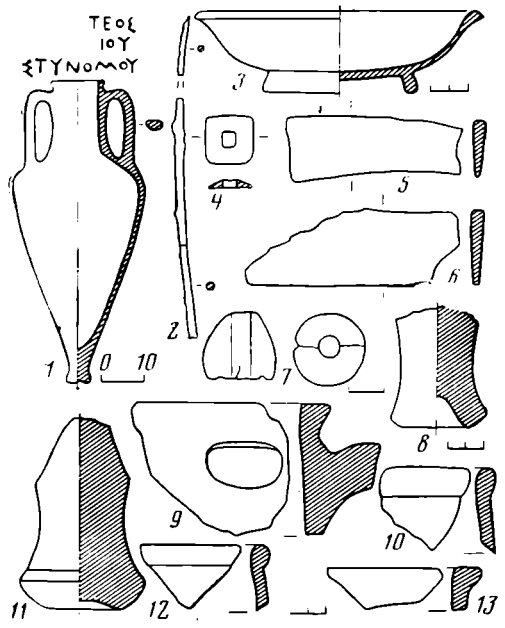


Рис. 2. Находки из кургана 18 у с. Крыловка. *1—3*, *5*, *7* — погр. 1; *4* — погр. 2; *6*, *8* — насыпь; *9—13* — тризна (?)

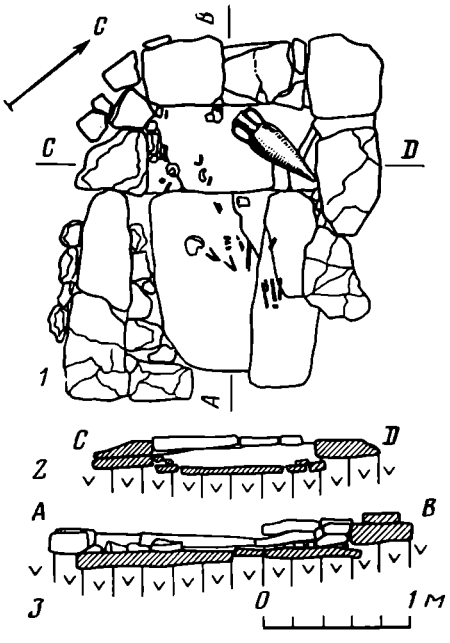


Рис. 3. Погребение 1. План (*1*) и профили (*2*, *3*) каменного ящика (условные обозначения см. рис. 1)

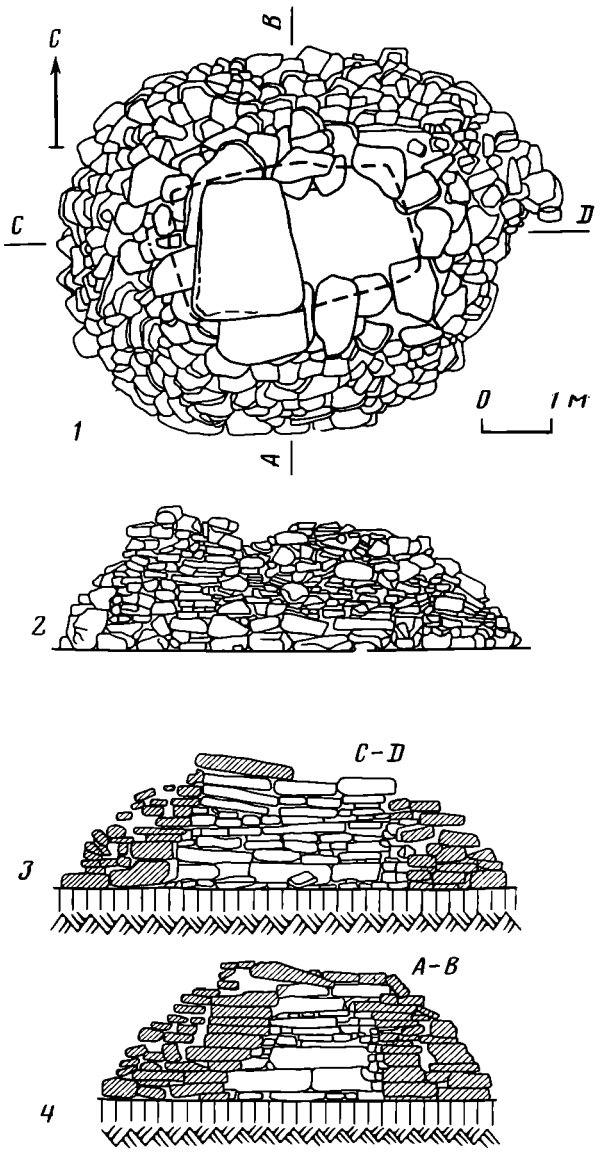


Рис. 4. Погребение 2. План (*1*), северный фасад (*2*) и профили (*3*, *4*) каменного ящика (условные обозначения см. рис. 1)

ки), высота горла с плечиками — 20. Ножка с неглубокой выемкой на подошве заканчивается расширяющимся основанием (диаметр 5,3 см). На обеих ручках имеются трехстрочные клейма:

. . . . . ΤΕΟΣ 〈ΗΡΟΚΡΑ〉ΤΕΟΣ
. . . . . ΙΟΥ 〈ΝΕΥΜΗΝ〉ΙΟΥ
.ΣΤΝΟΜΟΥ 〈Α〉ΣΤΝΟΜΟΥ

(текст клейма восстановлен О. А. Махневой). Чернолаковая чаша из погребения 1 фрагментирована. Она имела высокую, расширяющуюся книзу кольцевую подставку. Венчик отогнут паружу. Лак черный, тусклый, местами не сохранился. Размеры (в см): высота — 4,5, диаметр — 15,5, диаметр подставки — 8, высота ее — 1,1 (рис. 2, *3*).

Основное **погребение 2** находилось в центре кургана. Куполообразное могильное сооружение, сложенное из плитнякового камня, было возведено непосредственно на древнем горизонте. Оно овальное в плане (рис. 4), ориентировано с востока на запад. Размеры сооружения (в м): площадь — 6,7×5,6, высота — 2,1 от уровня древнего горизонта. Лицевая, частично обработанная сторона кладки обращена внутрь камеры. Пол

выстлан известняковыми плитами толщиной до 10 см, сохранившимися лишь под кладкой стен. Высота от пола до перекрытия камеры составляла 1,7 м. Внутренний слой кладки образует уступчатый свод. Все плиты укладывались насухо, щели и проемы закладывались небольшими камнями. С внешней стороны ящик был облицован рваными известняковыми плитами. Внешний слой кладки придавал сооружению вид купола. Сверху ящик был перекрыт большими известняковыми плитами.

Заполнение погребальной камеры состояло из чернозема с включением тлена камки. В нем были обнаружены фрагмент херсонесской амфоры середины — конца IV в. до н. э. (определение О. А. Махневой и В. А. Кутайсова) и четыре фрагмента оранжево-глиняных желобчатых грушевидных амфор с приподнятыми над горлом ручками XII—XIII вв. (константинопольское производство, по определению И. А. Баранова). В северо-восточном углу между плитами пола найдена маленькая костяная накладка (рис. 2, *4*). Останки погребенного, как отмечалось выше, обнаружены за пределами погребальной камеры, в грабительском лазе.

Датировка погребения 1 не вызывает сомнений. Клеймо амфоры находит ближайшие аналогии среди херсонесских клейм конца IV — начала III в. до н. э. [1, табл. XXI, *40*; 2, табл. VII, *2*, *4*; 3, табл. XXXIII, *739*]. Последней четвертью IV в. до н. э. датируется фрагмент чернолаковой чаши [3, табл. XVII, *209*]. Основное погребение может быть датировано по находке фрагмента херсонесской амфоры серединой — концом IV в. до н. э. Фрагменты амфор XII—XIII вв., очевидно, попали сюда во время одного из ограблений могилы.

Каменный ящик погребения 2 из кург. 18 у с. Крыловка своей оригинальной конструкцией пополняет наши представления о скифском погребальном обряде конца IV — начала III в. до н. э. в степной части Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА. 1960, № 83.
2. *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЭ, 1974, т. XI.
3. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.

ЧОРЕФ М. Я.

АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА И ПЛИТА С ТАМГООБРАЗНЫМ ЗНАКОМ ИЗ ФОНДОВ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ

Своеобразием монументальной скульптуры Северного Причерноморья является отражение в ней особенностей скифского, греческого, сарматского, фракийского и римского искусства [1—4]. В этом ярко проявляется сложная этническая картина позднеантичного мира в Северном Причерноморье [5, с. 180].

Хранящаяся в фондах Бахчисарайского музея плоская антропоморфная стела является подтверждением высказанного положения. Стела была найдена в 1972 г. близ с. Тенистое (Бахчисарайский р-н, Крымская обл.). Изваяние обнаружено в 0,8 км к востоку от села среди груды вывороченных бульдозером из земли каменных глыб.

Стела изготовлена из плоской известняковой плиты. Обработке подвергнуты лицевая плоскость и боковые грани (рис. 1). Тыльная сторона не обработана. На лицевой стороне в плоском рельефе изображено грушевидное бородатое человеческое лицо, которое окружено валикообразным выступом, вероятно обозначающим длинные волосы или башлык. Верхняя часть валика имеет треугольный выступ, напоминающий скифский головной убор [6, с. 311]. Под низким лбом видны выбранные в камне полуокружья бровей. Под ними находятся круглые выпуклины,

Рис. 1. Антропоморфная стела из с. Тенистое

Рис. 2. Тамгообразный знак, нанесенный на плиту из с. Тенистое (прорисовка)

Рис. 3. Гончарная керамика из с. Тенистое

Рис. 1

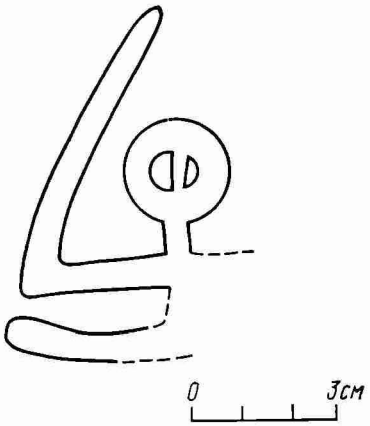


Рис. 2

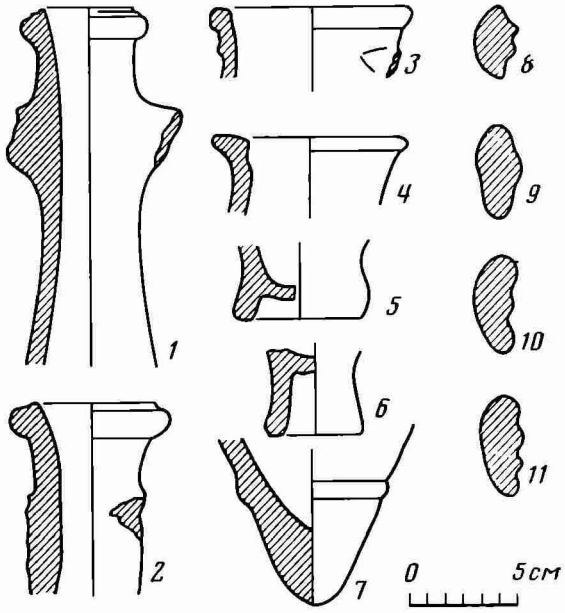


Рис. 3

изображающие глаза. Судя по сохранившимся очертаниям, прямой, слегка расширяющийся книзу нос без ноздрей выступал над плоскостью лица. Под ним сохранились следы рельефных усов, намеченных двумя подковообразными линиями. Они спускаются значительно ниже рта, изображенного в виде прямой узкой черты. Длинная (до 9 см) сужающаяся вниз борода, вероятно, символизировала значительный возраст изображаемого. На шее, ниже бороды, прослеживается рельефное изображение гривны в виде выпуклой полосы (ширина 0,7—0,9 см). Линейные очертания шеи продолжаются на 7 см ниже гривны.

Вторая плита, найденная в той же груде камней, представляет собой плоский обломок сероватого песчаника. На поверхности его изображен тамгообразный знак (рис. 2), от которого сохранились только верхняя и центральная части. Среди тамгообразных знаков Северного Причерноморья [7, табл. XV, *2—4*, *7*] наиболее близки ему сарматские тамги, встреченные на боспорских монетах Фофорса (278—308 гг.) [8, с. 72] и знак на известняковой плите из Керчи [9, с. 99, 100]. Это позволяет отнести тамгу с плиты из Тенистого к сарматским знакам первых веков нашей эры [1].

При контрольной зачистке в районе груды камней на материке были обнаружены многочисленные обломки лепных и гончарных сосудов, покрытых толстым слоем известкового налета. Такая же керамика была собрана и вокруг места находки обеих плит. Обломки лепных неорнамен-

[1] Благодарим Э. И. Соломоника, принявшего участие в обсуждении находки.

тированных лощеных сосудов темного, местами коричневого цвета, в изломе черные или бурые. Подобная керамика широко бытовала среди местного варварского населения Юго-Западного Крыма в позднеантичное время [5, с. 103—107]. Гончарная керамика представлена обломками амфор и краснолаковой столовой посуды (рис. 3). Амфоры светлоглиняные, узкогорлые, с цилиндрической ножкой. Они датируются II—III вв. н. э. [10, с. 111, 112]. К тому же времени относятся и фрагменты светлоглиняных амфор местного производства [10, с. 113]. Аналогичная тарная керамика была широко распространена на городищах и селищах скифо-сарматского Крыма [5, с. 129]. Встречены также обломки амфор херсонесского производства первых веков нашей эры [11, с. 100]. Обломки краснолаковой посуды маловыразительны. Среди них имеется фрагмент небольшого кубка или горшка с петлевидной ручкой; он, по-видимому, принадлежит к посуде херсонесского производства [11, с. 96, 97].

В 0,3 км от места находки, на вершине Таз-тепе, открыто позднеантичное поселение. На левом берегу р. Кача, близ Таз-тепе, обнаружен могильник того же времени. Здесь найдена такая же керамика, как и в районе находки обеих плит.

Сходные с антропоморфной стелой из Тенистого изображения уже встречались. Они известны в Херсонесе, Ольвии, на Боспоре и Кавказе, а также в степном и горном Крыму [12, с. 217; 13, с. 13; 14, с. 9; 15, с. 253; 16, с. 158; 17, с. 86]. Наиболее близки публикуемой стеле антропоморфная стела из Одесского музея [18, с. 198] и надгробие, найденное на скифском городище Кермен-Кыр [19, с. 111—117]. Как и на стеле из Тенистого, эти изображения выполнены в почти плоском рельефе на слегка выпуклой поверхности. На них также отсутствуют линии, изображающие туловища и конечности, но хорошо проработаны детали бородатого лица. Во всех случаях тщательно обработана только верхняя часть плиты, отделка же нижней ее части, боковых граней и оборотной стороны небрежная или же отсутствует.

Все сказанное позволяет датировать стелу из Тенистого первыми веками нашей эры и фиксировать смешение в ней скифских и сарматских черт. Иконографические особенности, отсутствие шипа в нижней части и примитивность изготовления позволяют отнести публикуемый памятник к антропоморфным стелам, выделенным Е. А. Поповой в особую группу [1, с. 116]. П. Н. Шульц называл антропоморфные стелы без шипов «изваяниями степного типа» и считал, что они восходят к более ранним каменным примитивам Сарматии [18, с. 199]. Стелу из Тенистого отличает от других рельефов сарматского круга изображение гривны на шее «портрета», сближающей публикуемый памятник со скифскими стелами [20, с. 225—237; 21, с. 187—195]. Наличие этой гривны не позволяет безоговорочно причислить стелу из Тенистого к сарматским изваяниям; скорее можно отнести памятник ближе к рельефам скифского круга [21, с. 225, 226].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова Е. А.* Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры.— СА, 1976, № 1.
2. *Чореф М. Я.* Два новых рельефа сарматского круга.— СА, 1975, № 1.
3. *Щеглов А. Н.* Два вотивных рельефа из Ольвии (К вопросу о связях между Ольвией и Фракией).— ЗОАО, 1967, № 2(35).
4. *Гайдукевич В. Ф., Капошина С. А.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья.— СА, 1951, т. XV.
5. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
6. *Толстой С. П.* Хорезмская археолого-этническая экспедиция 1950 г.— СА, 1953, т. XVIII.
7. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1975.
8. *Харко Л. П.* Тиритакский монетный клад, 1946 г.— ВДИ, 1949, № 2.
9. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959.
10. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.
11. *Кадеев В. И.* Очерки истории и экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1970.

12. *Иванова А. П.* Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями.— СА. 1941, т. VII.
13. *Манцевич А. П.* Рельеф из городища Скельки близ Ольвии (К вопросу о вотивных рельефах на территории Северного Причерноморья).— КСИА АН УССР, 1961, вып. 11.
14. *Гошкевич В. И.* Летопись музея за 1912 год. Вып. 4. Херсон, 1914.
15. *Иванова А. П.* Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, 1950, т. XII.
16. *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии.— СА, 1964, № 1.
17. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945—1960 гг.).— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
18. *Шульц П. Н.* Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арбатской стрелке.— ЗОАО, 1967, № 2(35).
19. *Дашевская О. Д.* Скифское городище «Красное» (Кермен-Кыр).— КСИИМК, 1967, вып. 70.
20. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния Причерноморья.— В кн.: Античное общество. М.: Наука, 1967.
21. *Елагина Н. Г.* Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея.— СА, 1959, № 2.

КРОПОТКИН В. В., ОБЫДЕННОВ М. Ф.

НАХОДКА АНТИЧНЫХ МОНЕТ В ПОГРЕБЕНИИ КОЧЕВНИКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

При раскопках курганного могильника близ с. Иштуганово в степном районе Южного Приуралья (Мелеузовский р-н, Башкирская АССР) было открыто погребение кочевника, сопровождавшееся монетами[1]. Учитывая большую важность подобных находок для датировки комплексов, приводим подробное описание погребения и инвентаря.

Иштугановский I курганный могильник расположен в 1 км к северо-востоку от с. Иштуганово, в пойме правого берега р. Белая. Могильник состоит из семи курганов. В 1977 и 1982 гг. раскопано пять сильно оплывших запаханных курганных насыпей [1, с. 178]. Курганы содержали от 1 до 13 погребений эпохи бронзы. Впускное погребение было только в кург. 4 (округлая форма, диаметр — 24, высота — 0,15 м). Внешне он ничем не отличался от остальных насыпей. Стратиграфия кургана: до глубины 0,4—0,5 м — пахотный слой, ниже — темный гумус мощностью 0,5—0,6 м, подстилающий слой — материковая серо-желтая глина.

Под насыпью вскрыто четыре погребения. Три из них относились к срубной культуре. Впускное погребение 4 находилось в юго-восточном секторе, ближе к центру кургана. Могильная яма овальной формы (размер — 2,56×1,10, глубина — 0,18 м от уровня материка). Костяк взрослого человека лежал на спине, головой на восток, кисть левой руки была уложена под тазовые кости, правая рука вытянута (рис. 1). Кости сохранились хорошо и лежали в анатомическом порядке. Среди вещей, сопровождавших покойного, обнаружен лепной глиняный плоскодонный сосуд с шаровидным туловом без орнамента и отогнутой наружу шейкой (рис. 2, *5*). Размеры сосуда (в см): высота — 10, диаметр венчика — 6,5, тулова — 12, дна — 6. Поверхность сосуда снаружи светло-коричневого цвета с красноватым оттенком, местами закопчена. В глине имеются примесь шамота и, возможно, примеси растительного характера. Сосуд находился у правого плеча покойного. Второй сосуд (рис. 2, *1*) — кувшин с ручкой и сливом, шаровидным туловом, гончарной работы. Размеры сосуда (в см): высота — 38, диаметр венчика — 14,5, дна — 12. Поверхность сосуда светло-серого цвета, украшена пятью элементами орнамента в виде двойных кружков, соединенных двойными вертикальными линиями и двойной линией вокруг тулова сосуда. Хорошо отмученная и обожженная глина имеет примесь песка. Сосуд находился в ногах покойного, горловина лежала отдельно от тулова и, возможно, была преднамеренно отбита во время захоронения, так как сосуд не помещался в мелкую могилу. У правой руки погребенного лежала костяная накладка от лука (рис. 2, *6*). Между голенями находились три железных нако-

[1] Работы проведены экспедицией Башкирского государственного университета.

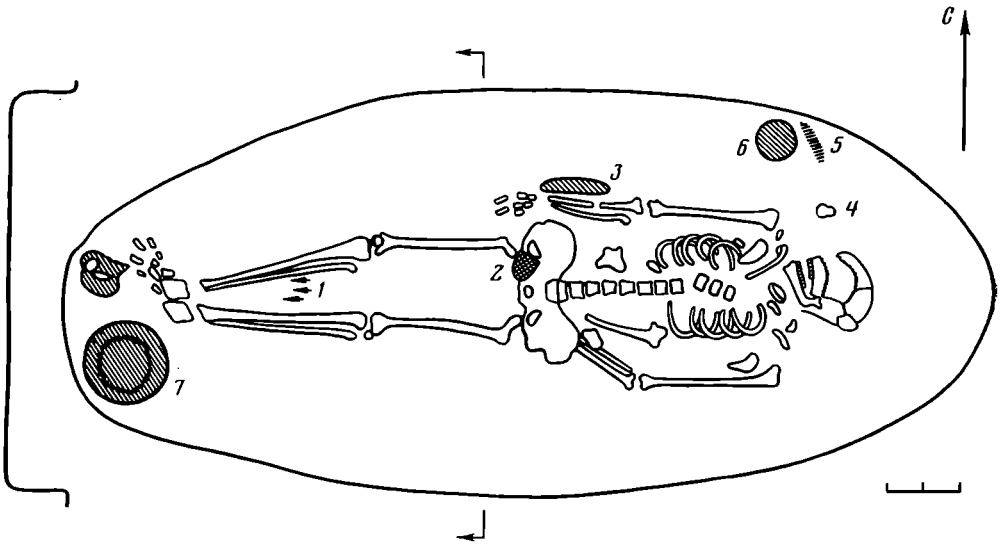


Рис. 1. План погр. 4 кург. 5 Иштугановского могильника. *1* — железные наконечники стрел; *2* — окись железа; *3* — костяная накладка; *4* — монеты; *5* — обломок минерала; *6, 7* — глиняные сосуды

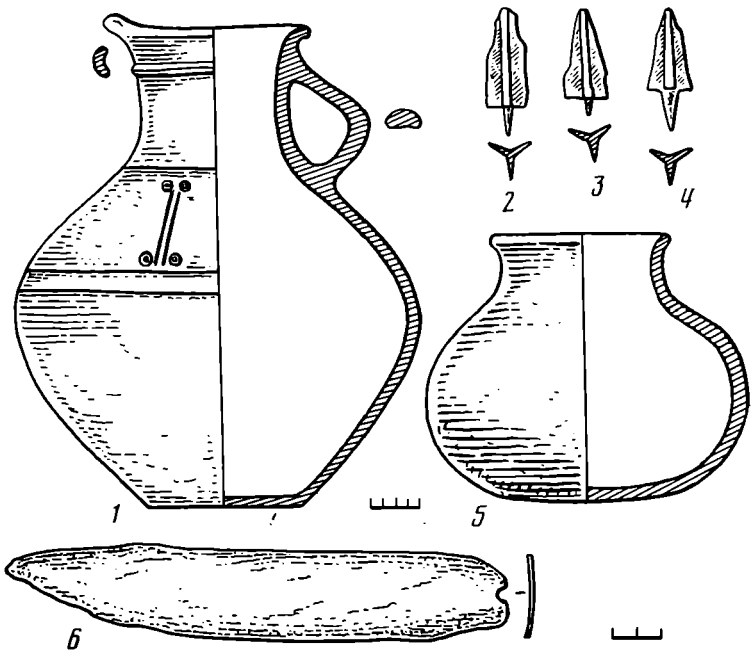


Рис. 2. Инвентарь погр. 4. *1, 5* — глина; *2—4* — железо; *6* — кость

нечника стрел (рис. 2, *2—4*). Наконечники черешковые трехлопастные, длиной 4—4,5 см. В области тазовой кости обнаружены остатки неопределенного железного предмета. Восточнее первого сосуда обнаружен тлен серебристого цвета от предмета прямоугольной формы размером 12×3, толщиной 2,1 см, изготовленного из куска сланца. Погребенного сопровождали также две медные монеты, находившиеся восточнее правой ключицы перед лицевой частью черепа (рис. 3).

Захоронение было оставлено одной из групп сарматского населения, кочевавшего в степных районах Южного Приуралья. В пользу этого свидетельствуют погребальный обряд и инвентарь. Плоскодонные сосуды небольших размеров, без орнамента, с шаровидным туловом и отогнутым наружу венчиком обнаружены на II Ахмеровском могильнике и составляют там самую многочисленную группу [2, с. 80]. Встречаются подобные сосуды и в сарматских погребениях [3, с. 105; 4, рис. 45, *11*]. Гончарный сероглиняный кувшин принадлежит к типу сосудов, широко

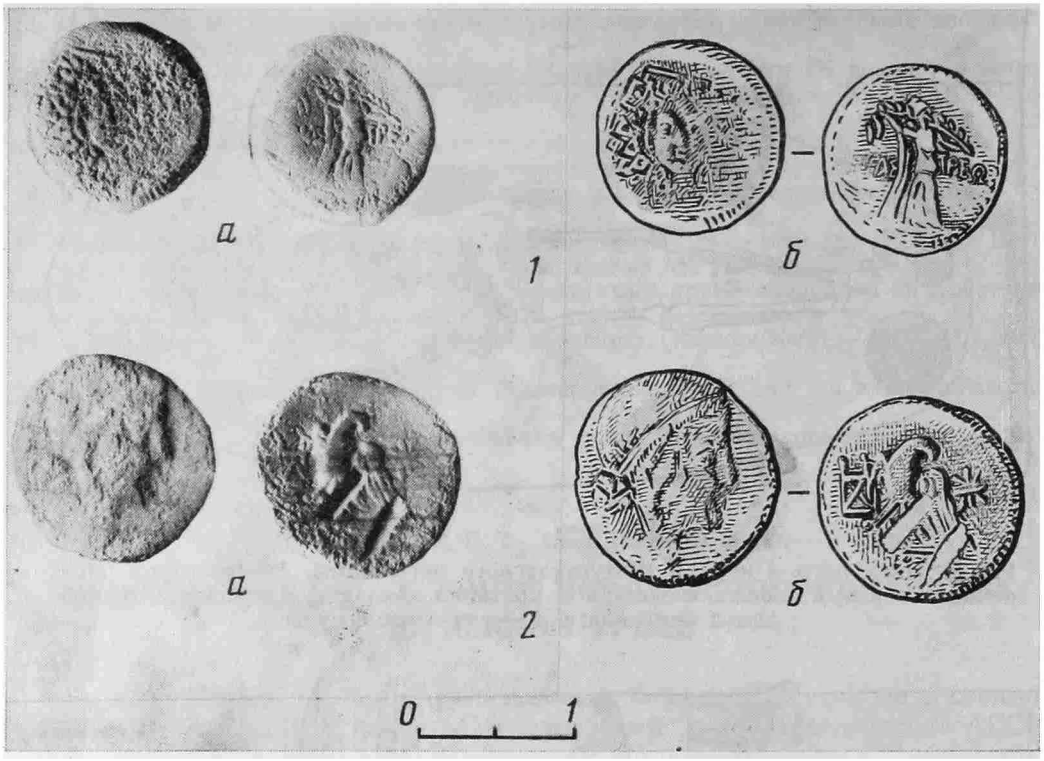


Рис. 3. Монеты из погр. 4. *1* — понтийская монета Митридата VI Евпатора; *2* — пантикапейский обол середины I в. до н. э.: *а* — фото, *б* — прорисовка

распространенных у меото-сарматского населения Прикубанья и Нижнего Дона [5, т. 64, рис. 3, *70*; 6, с. 144, рис. 50]. Из этих районов сероглиняные кувшины, как и другие импортные изделия, проникали к сарматам Поволжья и Приуралья [4, с. 477, рис. 55, *6—8*]. Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел являются одной из самых характерных форм для среднесарматской культуры: появившись у кочевых народов Южной Сибири, они получили широкое распространение у сарматских племен в связи с появлением железного доспеха [3, с. 105; 7 с. 114 и сл.; 8, с. 128 и сл., табл. 7, *5*].

Наибольший интерес представляют две медные сильно окисленные монеты, лежавшие, как уже указывалось, у правой ключицы костяка перед лицевой частью черепа. Монеты были плотно прижаты друг к другу и стояли на ребре. Меньшая по размеру монета находилась ближе к восточной части могилы.

Первая монета относится, по классификации Ф. Имхоф-Блумера, к группе IV городских понтийских монет, чеканенных во время правления Митридата VI Евпатора (120—63 гг. до н. э.) [9, с. 123 ff]. На лицевой стороне монеты — изображение Эгиды с горгонеем; на оборотной — стоящая вправо Ника с пальмовой ветвью в руках. На поле монеты плохо сохранившаяся греческая надпись [АМА]Σ—ΤΡΕΩ. Монета чеканена в г. Амастрии в Малой Азии, на южном берегу Понта [10 с. 136, 137, № 20—22, табл. XVIII, *17, 18*]. Вес монеты — 7,385 г. диаметр равен 21,5—22 мм. Соотношений осей ↑. Сохранность удовлетворительная. Группа IV понтийской меди датируется 105—90 гг. до н. э., номинал — тетрахалк (рис. 3. *1*).

Вторая монета также относится ко времени правления царя Митридата VI Евпатора или, как считают некоторые отечественные нумизматы, его сына Фарнака. А. Н. Зограф включил подобные монеты в третью группу боспорской митридатовской чеканки, которая осуществлялась в последнее десятилетие правления этого царя (73—63 гг. до н. э.). Эти монеты были в обращении и в последующие десятилетия, при его

сыне Фарнаке[2] [11, с. 187, табл. 43, *20*; 12, с. 140]. По мнению А. В. Орешникова и К. В. Голенко, эти редкие монеты чеканились в середине I в. до н. э., при Фарнаке (63—47 гг. до н. э.) [13, с. 59—61; 14, с. 36, табл. III, *5—7*], но бесспорных доказательств такой атрибуции К. В. Голенко не приводит. На лицевой стороне монеты — едва заметное изображение головы Аполлона вправо, на оборотной — стоящий на молнии орел с распростертыми крыльями. На поле монеты слева — монограмма, справа — восьмиконечная звезда. Внизу — ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ в одну или две строки. На нашем экземпляре надпись не сохранилась. Монета является пантикапейским оболом весом 14,79 г, ее диаметр 25—27 мм, сохранность плохая. На оборотной стороне сделаны две зарубки (рис. 3, *2*).

По наблюдениям А. Н. Зографа, находки медных городских монет Понта и Пафлагонии засвидетельствованы по всему Северному и Восточному Черноморью. Понтийская медь сравнительно часто встречается при раскопках Ольвии, Пантикапея, Фанагории, Тиритаки, Мирмекия и других городов Северного Причерноморья [15, с. 293 и сл., табл. XIX; 16, с. 82, № 187—195; 17, с. 219 и сл., табл. III, *8*; 18, с. 130 и сл.; 19, с. 307].

Совместная находка двух античных монет времени Митридата Евпатора и Фарнака в сарматском погребении на Южном Урале должна быть отмечена как уникальная. До сих пор в Поволжье и Приуралье были зарегистрированы сравнительно редкие отдельные находки боспорских, ольвийских, римских и ранневизантийских монет [20, с. 15; 21, с. 178].

Иштугановское погребение кочевника по сопровождающему инвентарю и монетам можно уверенно отнести к среднесарматской культуре и датировать второй половиной I в. до н. э.— I в. н. э. Для сарматских погребений этого времени обычна меридиональная ориентировка покойника, но, по наблюдениям Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова, изредка встречается и восточная ориентировка [3, с. 105; 8, с. 128, табл. 2]. Этот интересный комплекс, содержащий привозной гончарный кувшин и две античные монеты, еще раз свидетельствует о торговых связях сарматских племен Южного Приуралья с областями Северного Кавказа и Причерноморья, что неоднократно отмечалось в историко-археологических исследованиях [21, с. 176 и сл.; 22, с. 33].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исмагилов Р. Б., Латыпов Ф. Ф., Обыденнов М. Ф., Рутто Н. Г.* Исследования в зоне Иштугановского водохранилища.— АО — 1977. М., 1978.
2. *Васюткин С. М.* II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени.— В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
3. *Граков Б.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов).— ВДИ, 1947, № 3.
4. *Шилов В. П.* Калиновский могильник.— МИА, 1959. № 60.
5. *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус. 1972.
6. *Книпович Т. Н.* Тапаис. Историко-археологическое исследование. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
7. *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.— В кн.: Причерноморье в античную эпоху. Вып. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
8. *Костенко В. И.* Сарматы в междуречье Орели и Самары.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья в III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
9. *Imhoof-Blumer Fr.* Die Kupferprägung des mithridatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagonien.— NZ. 1912, XLV.
10. *Babelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. I, fasc. 2. P., 1908.
11. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
12. *Бертье-Делагард А. Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД. 1911. т. XXIX.
13. *Орешников А. В.* Каталог Собрания древностей гр. А. С. Уварова. Вып. VII. М., 1887.

[2] А. Н. Зограф писал: «Весьма вероятно, что эта серия продолжала обращаться и при Фарнаке, ибо монеты архонта Асандра в значительном большинстве перечеканены из подобных монет» [11, с. 187].

14. *Голенко К. В.* Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э.— НЭ, 1960, вып. II.
15. *Зограф А. Н.* Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии.— В кн.: Ольвия. Т. I. Киев, 1940.
16. *Зограф А. Н.* Распространение находок античных монет на Кавказе.— ТОНГЭ, 1945, т. I.
17. *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л.: Изд-во АН СССР. 1956.
18. *Голенко К. В.* Понтийская анонимная медь (Хронология, классификация, характер чекана).— ВДИ, 1969, № 1.
19. *Голенко К. В.* Понтийская монета времени Митридата VI на Боспоре.— Kilo (Berlin), 1965, B. 46.
20. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— САИ, 1961, вып. Г4-4.
21. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
22. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10.

СОЛОВЬЕВ В. С.

НОВЫЕ НАХОДКИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЙ В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

В мае 1983 г. в совхозе «XXIV партсъезд» (Ильичевский р-н, Кургантюбинская обл.) при расширении хлопкового поля на глубине 1—1,5 м от поверхности были найдены фрагменты двух изваяний, выполненных из мергелистого известняка. В Институт истории АН ТаджССР известие об этом поступило в октябре того же года. В результате осмотра места находок выяснилось, что они обнаружены на плоском (около 100×500 м) участке террасы маловодной р. Обикиик, которая пересекает с севера на юг одноименную долину и впадает в р. Вахш. Из-за того что рельеф местности сильно снивелирован, не удалось выяснить, стояли изваяния у культовых оградок или же отдельно от них. Изваяния были разбиты в древности, вероятно во время арабского завоевания Тохаристана. Голова и туловище найдены примерно в 100 м друг от друга, они лежали вниз лицевой стороной; тыльная их сторона повреждена бульдозером.

Голова юноши (рис. 1) выполнена в натуральную величину. Размеры в см.: высота — 22, ширина — 18, толщина — около 13. Скульптура объемная, выполнена в точечной технике с подшлифовкой лицевой части. Глаза крупные, удлиненные, без выделенных зрачков; брови не обозначены. Волосы, разделенные прямым пробором, проработаны тонкими линиями. Сзади они, видимо, образовывали косу. В ушах — серьги с шаровидными подвесками. На лице заметны следы, нанесенные острым рубящим орудием в древности. Туловище (рис. 2) принадлежит мужской фигуре. Размеры в см: высота — 61, ширина в плечах — 30, толщина — 15. Скульптура объемная, выполнена в точечной технике с подшлифовкой рук. Желобком, идущим от плеча до колен, показана одежда с левым запахом. Одна рука персонажа покоится на поясе, другая — на груди.

Оба фрагмента изваяний, найденные в Обикиикской долине, представляют собой объемные скульптуры, чем они отличаются от большинства известных до сих пор тюркских изваяний. Портрет юноши отличается также рельефностью надбровных дуг без выделенных специально бровей, манерой передачи границы лба и прически, правильностью пропорций и четкостью черт. Очевидно, эти особенности вызваны влиянием тохаристанской скульптуры, в частности буддийской. Не исключено, что скульптура была изваяна местным, тохаристанским мастером по заказу родственников умершего. Ранее аналогичное предположение по отношению к одному из тюркских изваяний Чуйской долины высказал Я. А. Шер [1, с. 242; 2, с. 68].

Положение рук у второго изваяния соответствует тому, когда одна из них держит у груди сосуд с напитком, а другая лежит на рукояти

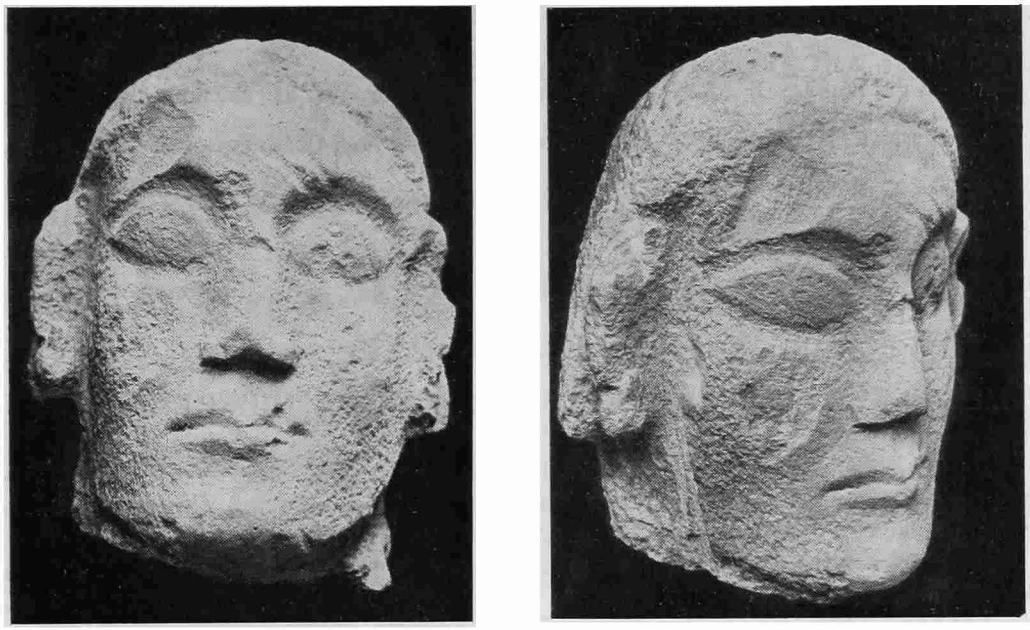


Рис. 1. Скульптурный портрет юноши

оружия, прикрепленного к поясу, или же держится за сам пояс. У обикикского персонажа этих предметов нет, что, безусловно, встречается крайне редко [3, 4]. Иногда отсутствие этих предметов объясняется стилизацией деталей изваяния [4, с. 73], а также имеющимися изъянами. Ни то, ни другое нехарактерно для обикикского изображения. Возможно, такое положение рук при отсутствии предметов объясняется тем, что поза изваяния однозначна позе умершего человека. Ни одна из имеющихся классификаций каменных изваяний, в том числе самая подробная [5, с. 119—143], подобные изображения не учитывает.

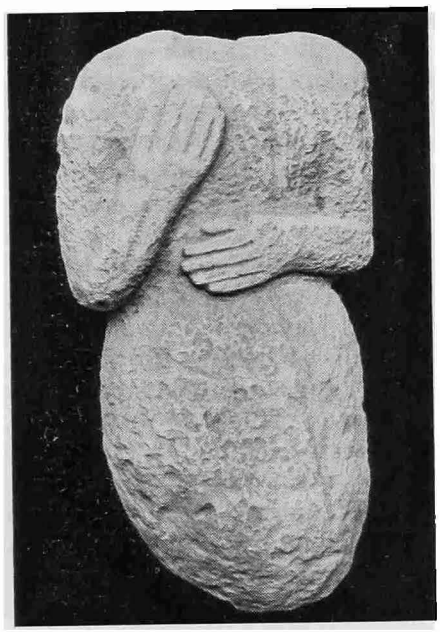


Рис. 2. Скульптурный торс

Фрагменты обикикских изваяний — территориально самые южные. До них с территории Таджикистана было известно лишь одно тюркское изваяние из Файзабада. В предварительной публикации его отмечается наличие бороды у мужского персонажа [6, с. 120], однако на самом деле лицо у этой скульптуры безбородое. Все три находки чрезвычайно важны. Они подтверждают сообщения письменных источников о распространении тюркского этноса на территории Средней Азии [7, с. 34—41; 8, 215—223], в частности в Обикикской долине, которая была идеальным местом для выпаса скота. Важны находки и для характеристики искусства раннесредневекового Тохаристана. В этом смысле особый интерес представляет скульптурная голова юноши — одна из лучших в большой серии тюркских изваяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шер Я. А.* Об одном древнетюркском изваянии из Чуйской долины.— СА, 1963, № 3.
2. *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. Л.: Наука, 1966.
3. *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Наука, 1971.

4. *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, 1952, № 24.
5. *Гераськова Л. С.* Классификация скульптуры средневековых кочевников Евразийских степей.— В кн.: Новые методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.
6. *Жуков В. А.* Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане.— МКТ, 1978, вып. 3.
7. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967.
8. *Гафуров Б. Г.* Таджики. М.: Наука, 1972.

БЕЗУГЛОВ С. И.

ПОГРЕБЕНИЕ КОЧЕВНИКА VII В. Н. Э. НА НИЖНЕМ ДОНУ

Памятники восточноевропейских кочевников середины V—VII в. чрезвычайно редки [1, с. 26—28]. Каждый вновь открытый комплекс, безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

Летом 1951 г. в Новочеркасский музей истории Донского казачества был передан комплекс предметов, происходящих из окрестностей хут. Епифанова (ст. Красюковская Октябрьского р-на Ростовской обл.). Сведений относительно обстоятельств находки нет [1].

В музей поступили следующие вещи: *1*) разломанный на три части клинок однолезвийного меча; *2*) поясной набор из серебряных и бронзовых деталей; *3*) три серебряные пластинчатые обоймы; 4) бронзовая пластинчатая скобочка неправильно-овальной формы; 5) крупная цилиндрическая известняковая бусина; *6*) фрагмент черепной коробки и три зуба человека. Нет никаких сомнений в том, что находки являются инвентарем одного единовременно разрушенного погребения.

Находки оружия в кочевнических комплексах с геральдическими поясами редки. Поэтому меч из Красюковской представляет особый интерес. Сохранившаяся длина меча — 77,7 см, конец клинка и часть рукояти обломаны (рис. 1, *1*). По типу он относится к палашам — облегченным прямым однолезвийным мечам с асимметричной по отношению к клинку рукоятью. В южнорусских древностях конца VI—VII в. оружие лучше всего представлено в могильниках Северо-Западного Кавказа (Дюрсо, Сопино, Борисово, Агойский аул). Найденные там мечи относятся к иному типу. Это прямые двулезвийные мечи, нередко с вырезами у пяты клинка. Много палашей, близких красюковскому, найдено в комплексах I аварской группы погребений в Подунавье (Кецел, Кунагота, Боча, Сегед-Ченгеле, Кишкереш, могила 9 [2, табл. XLVI, *8*, табл. XLVI, *7*, табл. XLVI, *1—6*, с. 264, рис. 80, с. 163, рис. 47] и в Перещепинском кладе [2, с. 279, рис. 83]. Некоторые из аварских палашей имеют асимметричные рукояти [2, табл. XLVI, *1*]. Однако дунайские и перещепинские палаши отличаются от красюковского богато отделанными навершиями, перекрестьями и деталями ножен. Наиболее близок красюковской находке палаш из Арцыбашева [3, с. 125, рис. 42].

Функциональное назначение цилиндрической бусины из мелкозернистого плотного известняка (рис. 1, *20*) неясно.

Наиболее выразительной частью комплекса у ст. Красюковской является богатый поясной набор. В состав набора входят следующие детали: поясная пряжка (рис. 1, *2*), девять накладок на основной ремень пояса (рис. 1, *5—12*, *14*), пять бляшек-наконечников подвесных ремешков (рис. 1, *15*, *17—19*, *23*) и, возможно, шестая — со схематическим изображением человеческого лица (рис. 1, *13*), деформированная бронзовая накладка без шпеньков (рис. 1, *16*), две маленькие серебряные пряжки (рис. 1, *3*, *4*). Ширина пояса, вероятнее всего, соответствовала ширине щитка пряжки и составляла 22 мм. Ей полностью соответствуют раз-

[1] Фонды Новочеркасского музея истории донского казачества; кол. № 11671, инв. № III-327. Пользуемся случаем поблагодарить директора музея Л. А. Гурова и главного хранителя музея Т. А. Алешину за содействие, оказанное при работе с материалами.

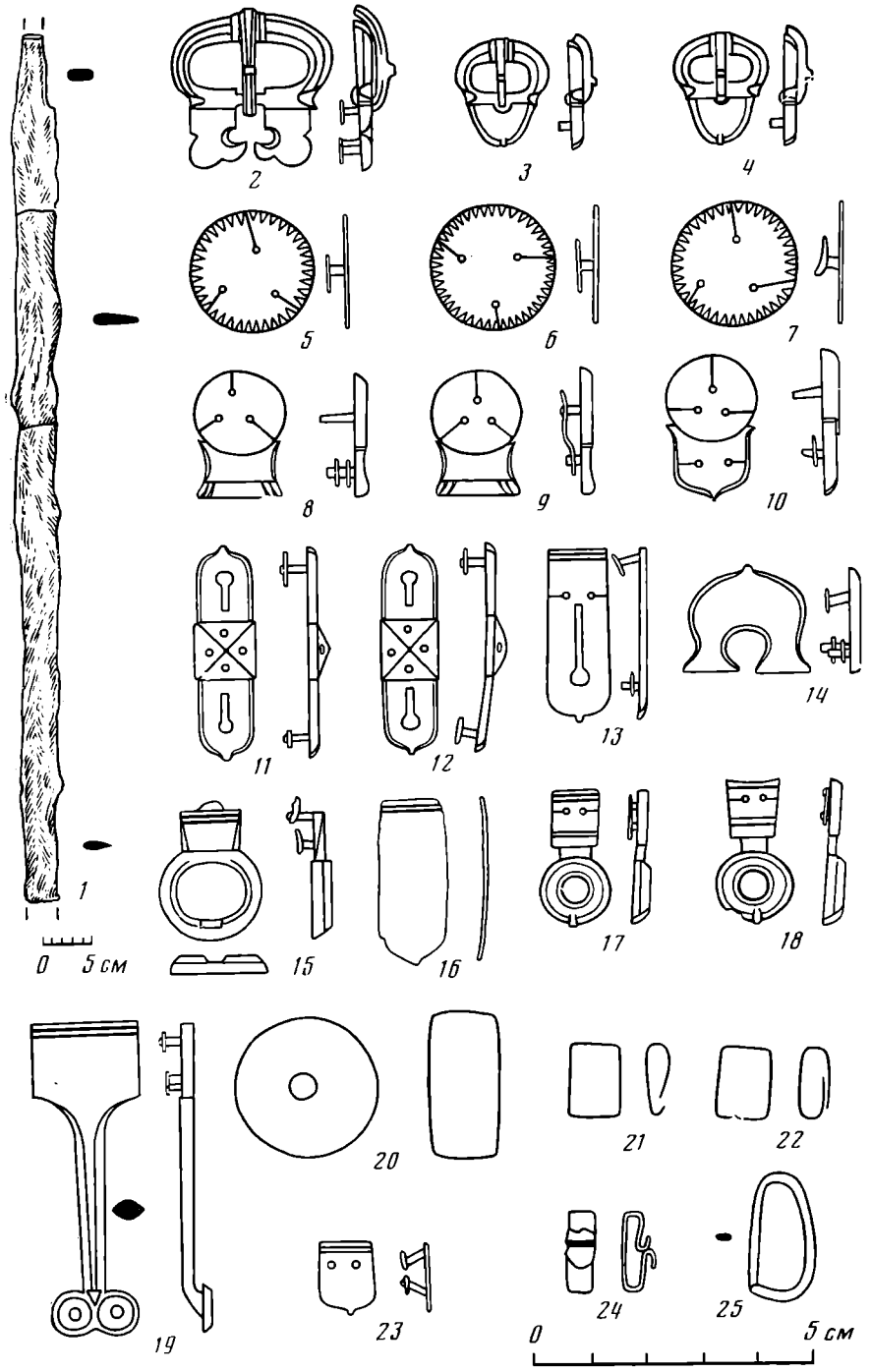


Рис. 1. Комплекс вещей из разрушенного погребения у хутора Епифанова. *1* — палаш; *2* — поясная пряжка; *3*, *4* — пряжки; *5—14*, *16* — поясные накладки; *15*, *17—19*, *23* — наконечники подвесных ремешков; *20* — бусина; *21*, *22*, *24* — обоймы; *25* — скобочка. *1* — железо, *2—15*, *17—18*, *21—24* — серебро, *16*, *19*, *25* — бронза, *20* — известняк

меры круглых накладок, щитовидной бляшки с прорезью в нижней части и пары двухчастных бляшек (рис. 1, *5—10*). Следовательно, вряд ли пояс был шире щитка, как это представлено на реконструкциях аварских поясов групп II и III [4, с. 449, рис. 2].

Три двухчастных бляшки превышают ширину пояса на 18 мм (рис. 1, *11*, *12*) и 5 мм (рис. 1, *10*). Разместить их на поясе в горизонтальном положении невозможно. Скорее всего, эти бляшки украшали места соединения подвесных ремешков с основным ремнем пояса, скрепляясь одним шпеньком с поясом, а другим — с ремешком. Тем самым конструкции обеспечивались декор и прочность.

Четыре окончания ремешков лишены шпеньков в нижней части. Размеры их ни в одном случае не соответствуют ширине пояса (рис. 1, *15, 17—19*). Две бляшки со шпеньками в нижней части, скорее всего, также крепились на концах подвесных ремешков (рис. 1, *13, 23*). Пояс из Красюковской, таким образом, имел от четырех до шести подвесных ремешков. Непонятно назначение тонкой бронзовой пластинки, которая не была самостоятельной накладкой, а, судя по легкому загибу краев, служила обкладкой какой-то поясной детали. Шпеньков и следов пайки на ее обороте нет (рис. 1, *16*). Наконечник пояса в комплексе отсутствует.

Пара маленьких пряжек, видимо, служила для крепления к поясу меча. Основанием для этого предположения могут служить близкие по времени аварские комплексы, в которых пара мелких пряжек очень часто связана с находкой меча и обычно рассматривается как необходимый атрибут крепления меча к поясу [2, с. 22, табл. I, *10*, *11*, с. 163, рис. 47, с. 230, табл. XLVII, *17, 18*, с. 233, табл. LIII, *21*, *22*].

По стилю исполнения элементы пояса из Красюковской входят в обширную группу классических южнорусских геральдических древностей и могут быть отнесены к группам II и (отчасти) III геральдических поясов, выделенным А. К. Амброзом [5, с. 118—120; 6, с. 294]. Поясная пряжка из комплекса относится к устойчивому варианту овальнорамчатых пряжек с неподвижным раздвоенным щитком в виде обращенных друг к другу птичьих головок. Близкие пряжки происходят из катакомбы 2 в Чми [7, с. 128, рис. 1, *10*], Задалиска [8, с. 34, табл. XVI, *5*], погр. 62 Борисовского могильника [9, с. 98, 99, с. 128, рис. 19, *2*]. Две подобные пряжки найдены в Борисовском могильнике при вспашке [9, с. 87]. Двухчастичные бляшки (рис. 1, *11—12*) имеют полную аналогию в погр. 347 могильника Дюрсо [10, с. 100, рис. 12, *27*], дисковидные — в Чми [5, с. 119, рис. 5, *28*]. Бляшки меньшего диаметра и без фасеток по краю находят аналогии в Преградной [11, с. 133—137, рис. 52, *5*] и Арцыбашеве [3, с. 126, рис. 43, *10, 11*]. Бляшки в виде геральдического щита с круглой прорезью в нижней части (рис. 1, *14*) хорошо известны по находкам в Керчи [12, рис. на с. 60; 13, с. 85, 86, рис. 32], Чуфут-кале [6, рис. 1, *52*], Дюрсо [10, с. 100, рис. 12, *38*], Бережновке в Поволжье [14, с. 78, рис. 47] и др. Наконечники подвесных ремешков (рис. 1, *17*, *18*) имеют параллели в Арцыбашеве [3, с. 127, рис. 43, *4, 4а*], Борисове [9, табл. 11], Чми [15, рис. на с. 630]. Все они очень близки конструктивно и типологически, но в деталях заметно различаются.

Весьма оригинальна подвеска, имитирующая пряжку (рис. 1, *15*). Функционально она ничем не отличается от широкоизвестных псевдопряжек: это поясное украшение в виде пряжки, не приспособленное, однако, к застегиванию. Двухчастная бляшка, соединяющая в фигуре диск и геральдический щит (рис. 1, *10*), имеет отдаленную реплику в Мокрой Балке [16, с. 46, рис. 2, *41*]. Точных аналогий паре других двухчастичных бляшек (рис. 1, *8, 9*) мы не знаем.

Серебряная обоймочка в виде угловатой омеги (рис. 1, *24*) специфична по форме. В более поздних комплексах они известны на Северном Кавказе [17, с. 139, рис. 3, *9*; с. 142, рис. 6, *32*], в Крыму [18, с. 181, рис. 7, *17*], у авар Подунавья, во II и III группах аварских древностей [2, табл. LXX, *11, 26*; 19, рис. 10, *28*, рис. 14, *2*, *4*; 20, рис. 2, *2*, рис. 5, *2*, рис. 14, *3*; 21, рис. 10, *2* и др.]. Служили такие обоймочки в большинстве случаев для удержания свободных концов застегнутых ремней, как об этом можно судить по поясу из могилы 10 в Хомокмедь-Халоме [21, с. 15, рис. 3]. Мелкие обоймы такого же типа связаны, скорее всего, с подвесными ремешками.

Менее выразительны две простых серебряных обоймы и бронзовая скобочка (рис. 1, *21, 22, 25*). Более поздними добавками в поясе являются две бронзовых детали: пластинка (рис. 1, *16*) и наконечник подвесного ремешка—бляшка с длинным шестигранным стержнем, оканчивающаяся двумя прорезными дисками с рельефным треугольником

между ними (рис. 1, *19*). Пластинка-покрытие по технике исполнения отлична от основной массы деталей красюковского пояса — последние исполнены штамповкой из серебряного листа толщиной около 1 мм.

Подвеска с длинной шейкой не имеет отношения к южнорусским геральдическим древностям; на территории СССР это первая учтенная находка. Такие бляшки составляют специфическую региональную особенность древностей Карпато-Дунайского бассейна. Так, почти полностью тождественна красюковской подвеске находка из богатого комплекса в Боче [2, табл. XLVII, *8*], очень близкая деталь происходит из разрушенной могилы в Пакапусте [2, табл. LXIX, *24*]. Помимо собственно аварских комплексов такие бляшки известны и в другой синхронной культурно-этнографической группе — древностях типа Кёрнье [*22*, с. 83, табл. 3, 4, с. 85, табл. 7, *49*, с. 88, табл. 10, *33*, с. 103, табл. 25, *2*].

Группы II и III геральдических поясов убедительно датированы А. К. Амброзом VII в., причем группа III — второй половиной столетия [5, с. 118; 6, с. 295—297]. Бляшка с длинной шейкой позволяет сузить дату комплекса из Красюковской. Комплекс из Бочи, где найдена идентичная бляшка, датирован Д. Ласло временем около 660 г. [2, с. 231]. Кроме того, он неразрывно связан с Перещепинским кладом и, безусловно, синхронен его основному комплексу, сложившемуся в середине — второй половине VII в. К тому же времени относится и находка в Пакапусте: здесь обнаружены, как и в Боче, псевдопряжки, характерные для поздней части I аварской группы [2, с. 237]. В Кёрнье бляшки с длинными шейками и дисками на конце встречены с поясными деталями группы II, выделенной А. Шаламон и И. Эрдели. Исследователи сопоставляют их с находками в Боче, Пакапусте, Папа и Перещепине и датируют второй половиной VII в. [22, с. 44, 45]. Характерный для бляшек-подвесок с длинными шейками мотив двух дисков с треугольниками между ними хорошо известен на поясах группы III, по А. К. Амброзу, и на вещах перещепинского круга [5, с. 115, рис. 5, *38*, 39; 23, с. 56, рис. 7*б*]. Таким образом, мы не ошибемся, если определим дату зарытия красюковского комплекса второй половиной VII в.

Примечательно, что связи восточноевропейских кочевников с аварским миром подтверждаются помимо широко известных богатых находок в Перещепине и Келегеях материалами более скромной могилы у ст. Красюковской. Наличие в этом комплексе подвески с длинной шейкой может свидетельствовать о том, что количество подвесных ремешков в поясе возрастало постепенно.

Могила у ст. Красюковской принадлежала мужчине-воину достаточно высокого социального ранга. Об этом свидетельствует его пояс, богато украшенный накладками и подвесными ремешками. Роль наборных раннесредневековых поясов как важного социального индикатора признается большинством советских и зарубежных исследователей [23, с. 54; 24, с. 161, 164—166; 25, с. 41 и др.]. Опираясь именно на поясной набор, мы относим красюковскую могилу к разряду так называемых «дружинных погребений» [2]. Близкие по времени и несколько более поздние комплексы, связанные с верхушкой кочевой знати (Перещепино, Келегеи, Морской Чулек, Глодосы, Вознесенка) несравнимо богаче.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982.
2. *László Gy.* Études archeologiques sur l'histoire de la société des Avars.— AH, 1955, L. XXXIV.
3. *Монгайт А. Л.* Археологические заметки. I. Могила всадника у с. Арцыбашева.— КСИИМК. 1951, вып. 41.
4. *Czallány D.* Der avarische Gürtel.— AAH, 1962, t. XIV, fasc. 3—4.
5. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.

[2] Первое воспроизведение анализировавшегося в заметке комплекса см. [26]. Оценку комплекса как погребения предсалтовского времени предложил А. И. Семенов [27, с. 282].

6. *Амброз А. К.* Рец. на кн.: Erdélyi I., Oitozi E.— Gening W. Des Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.— СА, 1973, № 2.
7. *Деопик В. Б.* Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. Средневековые памятники Северной Осетии.— МИА, 1963, № 114.
8. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, 1979, вып. Е1-2.
9. *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 гг.— ИАК, 1914, вып. 56.
10. *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М.: Наука, 1982.
11. *Минаева Т. М.* Находка близ ст. Преградной на р. Урупе.— КСИИМК, 1957, вып. 68.
12. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
13. *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1952 г.— КСИИМК, 1955, вып. 58.
14. *Максимов Е. К.* Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья.— Археологический сборник. Труды СОМК. Саратов, 1956.
15. *Деопик В. Б.* Северокавказские аланы.— В кн.: Очерки истории СССР III—IX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
16. *Афанасьева Г. Е.* Хронология могильника Морская Балка.— КСИА, 1979, вып. 158.
17. *Абрамова М. П.* Новые материалы раннесредневековых могильников. Северного Кавказа.— СА, 1982, № 2.
18. *Айбабин А. И.* Погребения конца VII — первой половины VIII вв. в Крыму.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М.: Наука, 1982.
19. *Kovrig I.* The Szob cemetry.— In: Avar finds in the Hungarian National Museum. V. 1. Budapest, 1975.
20. *Gáram E.* The Szebeny I—III cemetry.— In: Avar finds in the Hungarian National Museum. V. 1. Budapest, 1975.
21. *Gáram E.* The Homokmégy—Halom cemetery.— In: Avar finds in the Hungarian National Museum. V. 1. Budapest, 1975.
22. *Salamon A., Erdélyi I.* Das Völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe— Studia archaeologica. T. V. Budapest, 1971.
23. *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, т. XVII.
24. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967.
25. *László Gy.* Traditions remontant à la steppe chez les ougriens de l'Ob.— SA, 1978, t. XXVI, N 1.
26. *Раев Б. А.* Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского казачества. Новочеркасск, 1979.
27. *Семенов А. И.* Рец.: Б. А. Раев. Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского Казачества. Новочеркасск, 1979.— СА, 1982, № 4.

ПАДИН В. А.

«БОЛЬШОЙ КУРГАН» СТАРОГО ТРУБЧЕВСКА

Материалы раскопок некрополя старого Трубчевска уже публиковались [1, с. 218]. В настоящей заметке рассматривается курган 105 (так называемый «Большой курган»). Памятник находился в 100 м южнее основной группы курганов в урочище Гай. Он выделялся своими размерами. Диаметр насыпи 28×24, высота 4,8 м. Близ кургана прослеживается западина, образовавшаяся при выборке грунта для насыпки кургана. В прошлом курган подвергался интенсивной распашке, поэтому вершина насыпи несколько уплощена (рис. 1).

Насыпь кургана состояла из темной земли, смешанной с лёссовидным суглинком с включениями отдельных угольков (рис. 2). Стратиграфия насыпи неоднородна: прослеживаются по крайней мере два приема возведения кургана, зафиксированные двумя ярусами кострища.

Верхнее кострище открылось на глубине 1,2 м от вершины кургана, основание его залегало на глубине 3,4 м (рис. 3). В плане кострище овальное, вытянутое с юга на север. Зольная основа кострища включала тонкие угольные прослойки, а в южной части — прослойки земли. В основании кострища залегал интенсивный слой угля (толщина 12 см). Кострище было по периметру окружено своеобразной «оградкой» из 15 куполообразных куч темного грунта, перекрытых 20-сантиметровым слоем лёссовидного суглинка (диаметры куч 3—5 м, высота 0,6—0,8 м).

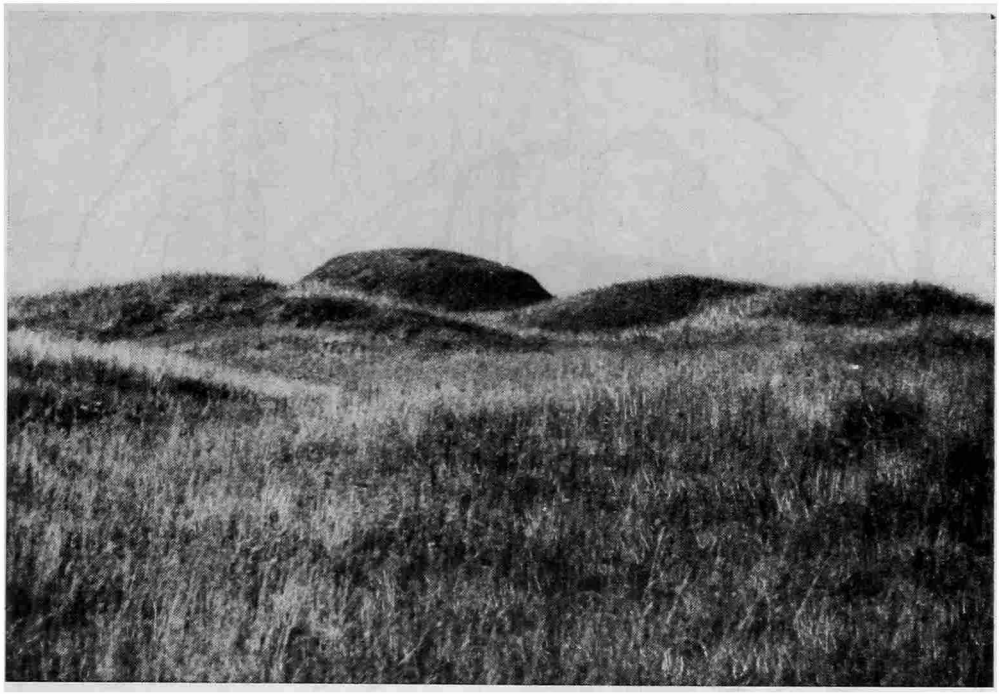


Рис. 1. «Большой курган» старого Трубчевска

В северной части «оградки» зафиксировано много угля и кальцинированные кости. «Оградка» была сооружена позднее формирования кострищного слоя, поскольку одна из куч располагалась непосредственно на кострище, т. е. стратиграфически она более поздняя. В площади кострища несколько севернее центра найден бронзовый бубенчик с обрывком нити.

Нижнее кострище открылось на глубине ок. 3,4 м от вершины кургана, основание его залегало непосредственно на поверхности материка, на тонкой (менее 10 см) прослойке погребенной почвы. В плане кострище занимало южную часть кургана. Оно состояло из серой золы с обильными включениями угольков (рис. 4).

Подкурганная площадка площадью 28×24 м была окружена кольцевой «оградкой», сложенной из материкового лёссовидного суглинка на поверхности слоя погребенной почвы, и кольцевым курганным ровиком (ширина 3—3,8, глубина 1 м). В восточной половине подкурганной площадки при зачистке ее поверхности обнаружены четыре столбовые ямки (диаметр 0,4—0,7, глубина 0,3—0,5 м; в одной из них прослежены остатки сгоревшего столба) и материковая яма (диаметр 0,8, глубина 0,5 м), заполненная темной землей с кальцинированными костями. По-видимому, последняя не имеет отношения к кургану: в верхнем горизонте заполнения ямы имелось углубление, заполненное золой (диаметр 0,2, глубина 0,15 м), а сама яма была перекрыта стерильной прослойкой погребенной почвы. Вероятнее всего, открытое погребение принадлежит более раннему грунтовому могильнику, находившемуся на месте кургана. В пользу этого предположения свидетельствует находка двух аналогичных ям, заполненных золой и лёссовидным суглинком, располагавшихся в 5 м западнее кургана.

Северо-восточнее нижнего кострища, к северу от столбовых ямок открыты остатки сгоревшей кольцевой изгороди (диаметр 2,2×2,6 м), разомкнутой с северо-северо-востока. Площадка в пределах этой изгороди (сохранившейся в виде углубленной в материк на 0,3 м полосы угля) была покрыта темной землей с большим содержанием угольков. С запада к остаткам изгороди примыкало углистое пятно.

Ровик кургана имел, вероятнее всего, ритуальное назначение. Земли из его заполнения недостаточно для возведения насыпи кургана.

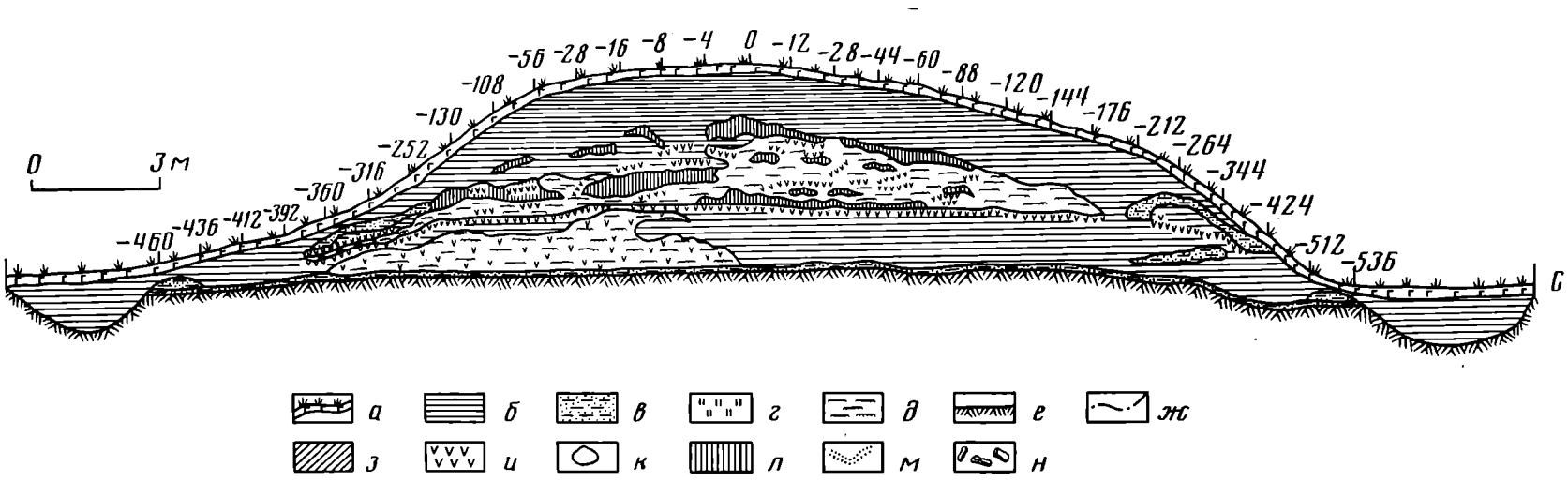


Рис. 2. «Большой курган» старого Трубчевска. Профиль: *а* — дерн; *б* — темная земля; *в* — суглинок; *г* — кальцинированные кости; *д* — серая зола; *е* — материк; *ж* — границы кострищ; *з* — коричневая зола; *и* — угли; *к* — столбовые ямки; *л* — светлая зола; *м* — остатки изгороди; *н* — куски обожженного дерева

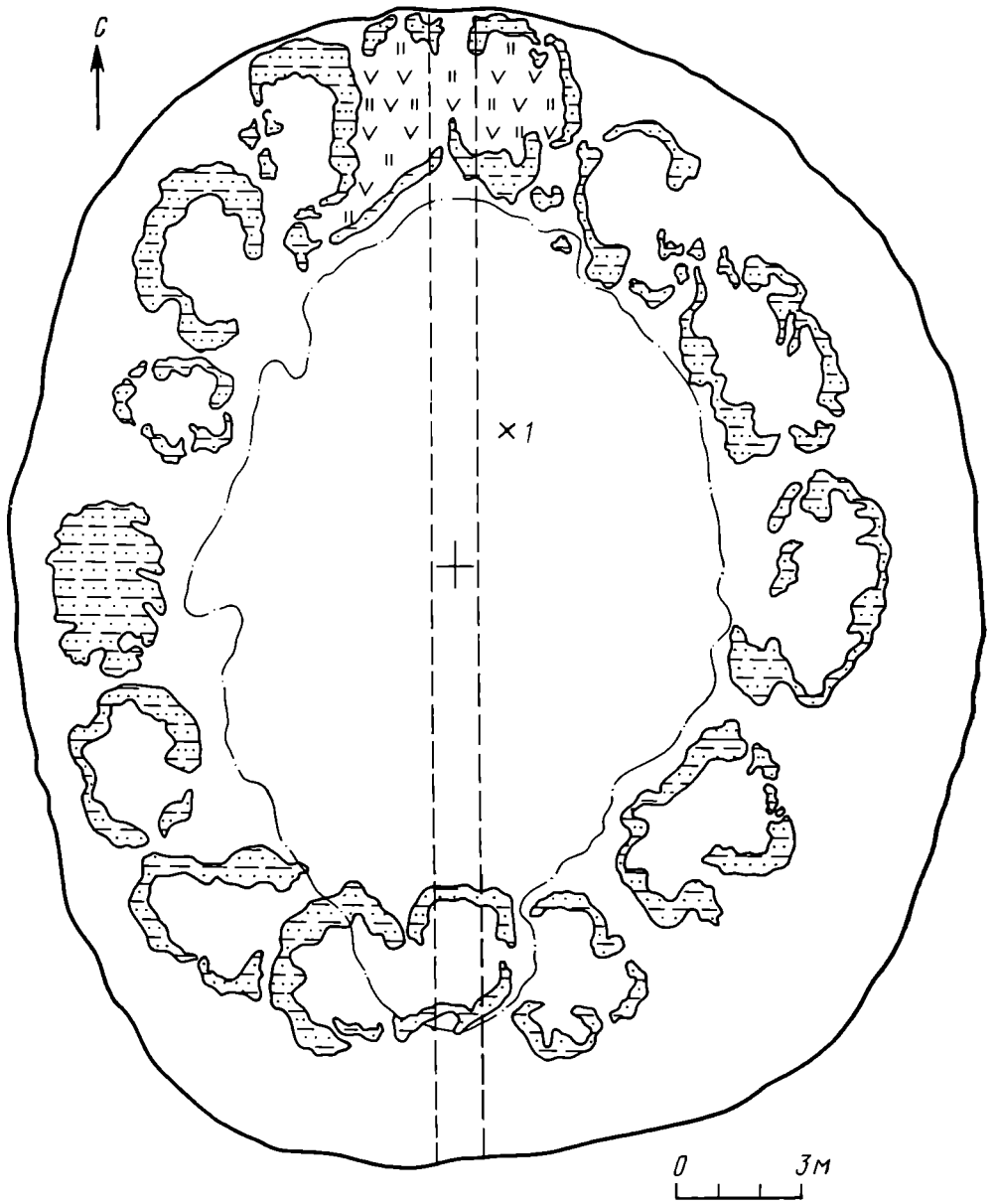


Рис. 3. «Большой курган» старого Трубчевска. План верхнего кострища. Условные обозначения см. на рис. 2. *1* — место находки бубенчика

Несмотря на конструктивную близость исследованного кургана к Большому Беседскому кургану в Подмосковье, исследованному А. В. Арциховским [2, с. 101], Трубчевский курган имеет свои особенности, выделяющие его из числа известных памятников. Найденный на уровне верхнего кострища бронзовый бубенчик относится к типу шарообразных щелепрорезных и датируется XII—XIV вв. [3, с. 138, рис. 1, *22*]. Таким образом, «Большой курган» Трубчевска должен быть датирован древнерусским временем, т. е. тем временем, когда в данном регионе обряд кремации уже полностью изжил себя. В качестве гипотезы выскажем следующее: курган 105 трубчевского некрополя не имеет отношения к погребальным памятникам. Вероятнее всего, он является остатками святилища. Курган находится на некотором удалении от основной части некрополя, возведен на большом естественном холме, что само по себе кроме значительных размеров насыпи выделяет памятник среди других насыпей некрополя.

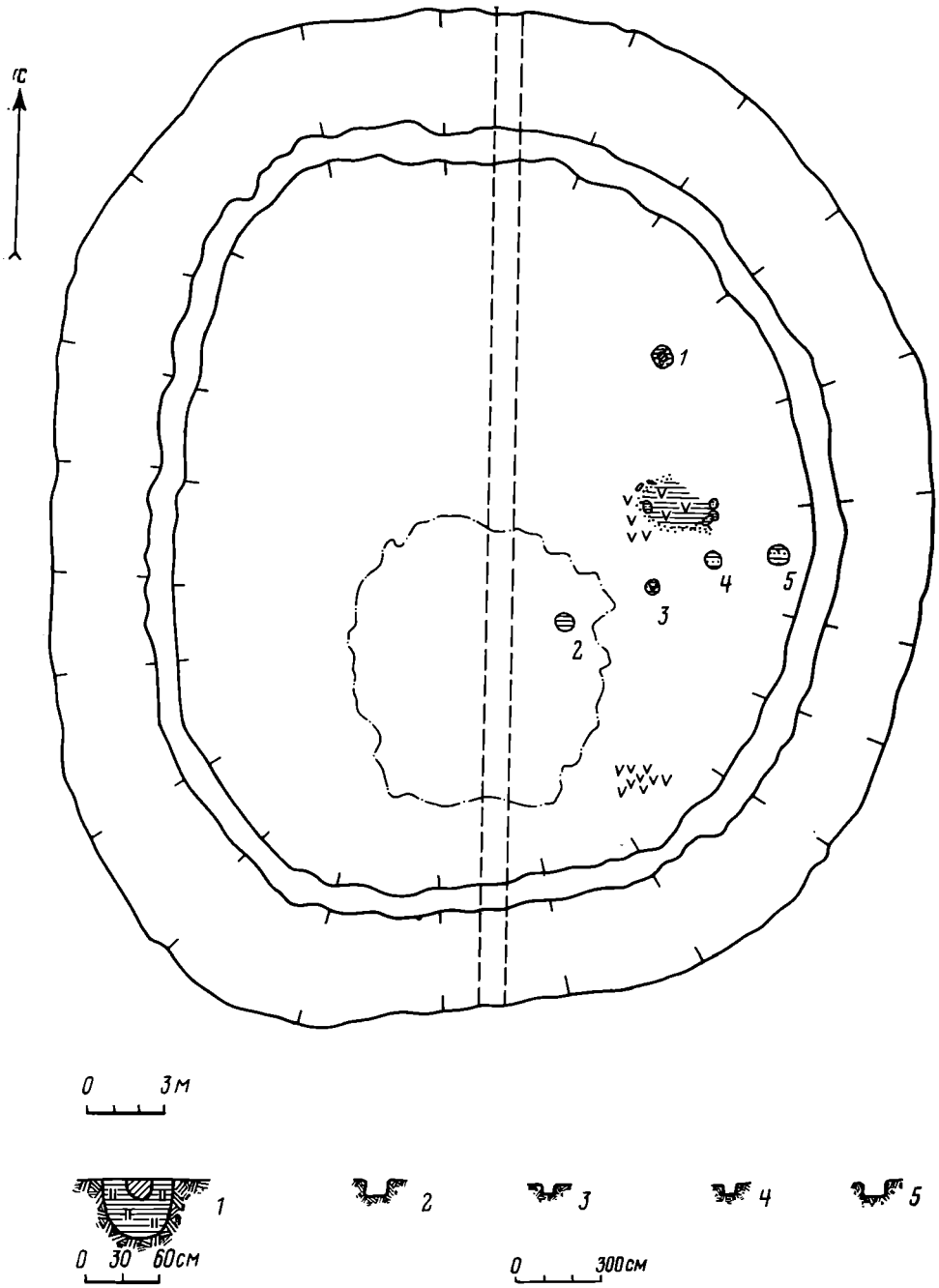


Рис. 4. «Большой курган» старого Трубчевска. План нижнего кострища. Условные обозначения см. на рис. 2. Номера *1—5* на плане соответствуют номерам профилей материковых ям.

Предполагая, что «Большой курган» Трубчевска не был погребальным сооружением, мы тем не менее воздержимся от попыток более детально интерпретировать находку. Решение вопроса следует отложить до новых открытий подобных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Падин В. А.* Материалы из раскопок кветунских курганов. X—XII вв.— СА, 1958. № 2.
2. *Арциховский А. В.* Беседовские курганы.— КСИИМК. 1947. вып. XXI.
3. *Журжалина Н. П.* Датировка древнерусских привесок-амулетов.— СА, 1961, № 2.

КОСИКОВ В. А., ГРИБ В. К.

ПАРНОЕ КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА У СЕЛА КАМЕНКА В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

В 1976 г., во время проведения охранных раскопок[1] в зоне строительства оросительной системы на землях колхоза «Заря» (Старобешевский р-н, Донецкая обл.), был открыт интересный позднекочевнический комплекс [1, с. 310, 311]. В земляной насыпи кургана (диаметр — 13, высота — 1 м) на глубине 0,15—0,25 м зафиксировано большое количество камней средних размеров, покрывавших центр насыпи (рис. 1). Прямоугольная с закругленными углами погребальная яма (2,6×1,8 м), ориентированная с юго-запада на северо-восток, располагалась в центральной части кургана и имела ступенчатую конструкцию с неглубоким подбоем. Ступенька шириной 0,5 м находилась с северной стороны ямы на глубине 1,75 м от поверхности кургана. Подбой (высота сохранившейся части — 0,5, ширина — 0,08—0,12 м) сооружен в южной части погребальной конструкции. Глубина от дневной поверхности кургана до дна погребения — 2,33 м.

На ступеньке (рис. 2) лежали кости лошади: череп, ориентированный мордой на запад, передние и задние конечности. В левой глазнице черепа обнаружена костяная пуговица (рис. 3, *6*; тип Б-I, по Г. А. Федорову-Давыдову [2, с. 70]), украшенная циркульным орнаментом. Аналогичные предметы довольно часто встречаются в погребениях Черных клобуков [3, с. 59, 65]. Рядом с черепом находился фрагмент кожаного узла от ременной сбруи, скрепленный бронзовыми скобами (рис. 3, *7*). Возле передних конечностей лошади были найдены три костяных накладки луки седла (рис. 3, *4*, *5*), две из них — по-видимому накладки от боковин — украшены циркульным орнаментом. Здесь же обнаружены два стремени и одна железная подпружная пряжка. Стремена — арочной формы (типа Д-III, по С. А. Плетневой [3, с. 15]), с расплющенной верхней частью дужки, в которой сделаны прорези для путалища, и подножкой шириной 3—4 см (рис. 4, *5*). Аналогии им известны в древностях XI—XII вв. [4, с. 169, рис. 9]. К этому же времени относятся и костяные накладки седла [5, с. 215].

На дне погребального сооружения лежали два костяка — мужской и женский — ориентированные головами на ЗЮЗ (рис. 2). На их черепах имеются следы насильственной смерти: у мужчины — удлиненное отверстие от сабельного удара с правой стороны черепа, на женском черепе — отверстие треугольной формы (3×3×3 см) в затылочной части. Женский скелет находился ближе к ступеньке, к югу от него лежал скелет мужчины. Руки погребенных вытянуты вдоль туловища, правая рука женщины находилась на тазовых костях мужчины. В области груди, таза, бедренных костей погребенных прослеживалась обильная меловая подсыпка. По одному куску мела найдено в области тазовых костей.

Погребенных сопровождал разнообразный инвентарь. Справа от мужчины лежали сабля в деревянных ножнах и пять наконечников стрел. Все наконечники железные черешковые, ромбической или удлиненно-ромбической формы (рис. 4, *2*), хорошо датируются XI—XII вв. [3, с. 77, табл. 29, *2*, *4*, *6*, *9*, *11*; 5, с. 258, рис. 82, *46*; 6, с. 147, табл. 18, 23, 24].

Железная сабля (рис. 4, *1*) длиной 1,14 м имеет массивное широкое лезвие с незначительным изгибом и прямое перекрестие с шарообразными утолщениями на концах. Гарды этой формы относятся к типу 1, по А. Н. Кирпичникову, и датируются IX—XI вв. [7, с. 68]. Близ сабли находились срединная костяная накладка лука (рис. 3, *3*), костяная петля для подвешивания колчана (рис. 3, *2*) и его костяные обкладки, украшенные геометрическим орнаментом (рис. 3, *1*). Подобные предметы

[1] Исследования проводились экспедицией Донецкого государственного университета.

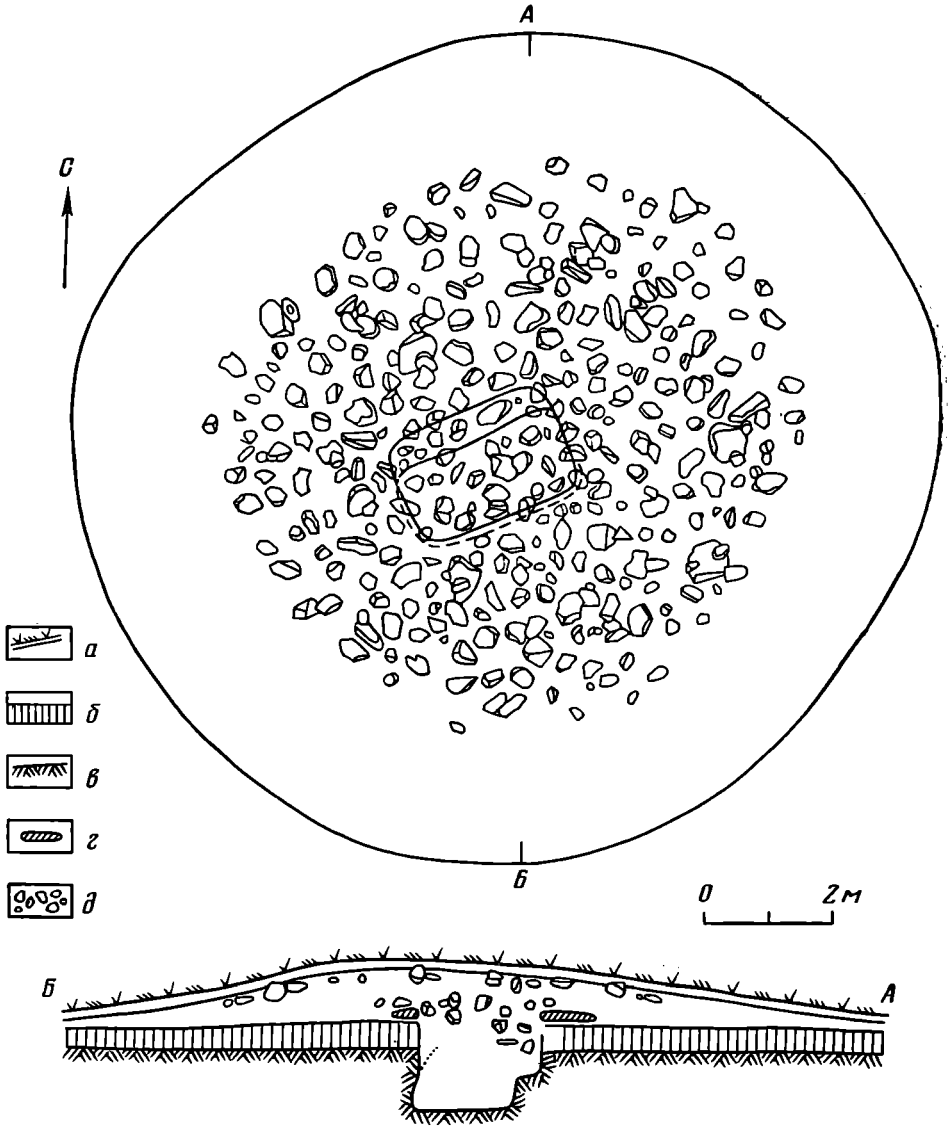


Рис. 1. План и профиль кург. 1 у с. Каменка: *а* — пахотный слой; *б* — погребенная почва; *с* — материк; *г* — материковый выкид; *д* — камни

часто встречаются в кочевнических древностях XII—XIII вв. [2, с. 5; с. 260, рис. 83, *38*].

У мужчины на костях голеней ног обнаружено по две бронзовые позолоченные пластинки (очевидно, украшения обуви), выполненные в форме слабо выгнутых полуколец с небольшими отверстиями по краям для пришивания (рис. 4, *12*). Под левой кистью его руки лежал железный нож с прямым лезвием, длина которого 8 см (рис. 4, *3*). Близ ножа найдены фрагменты железного кресала и кремневый отщеп (рис. 3, *22*), а под мужским черепом зафиксировано два височных кольца (тип 1, по Г. А. Федорову-Давыдову [2, с. 39]). Одно из них (рис. 4, *10*) серебряное, второе бронзовое (рис. 4, *11*).

Погребальный инвентарь женщины представлен в основном предметами туалета. В области шейных позвонков женского костяка сохранилась овальная бронзовая пластинка (длина 13,5, ширина 2,5 см), обшитая со всех сторон кожей (рис. 4, 7), к которой были прикреплены две трапециевидные и две лепестковидные подвески из синего лазурита, чередующиеся с «веточками» кораллов. По краям украшения нашиты две перламутровые «бабочки» (рис. 4, *6*). Сами по себе лазуритовые подвески встречаются довольно часто и датируются XI в. [8, с. 127—134], но полной аналогии описанному предмету мы не знаем. Именно такие ук-

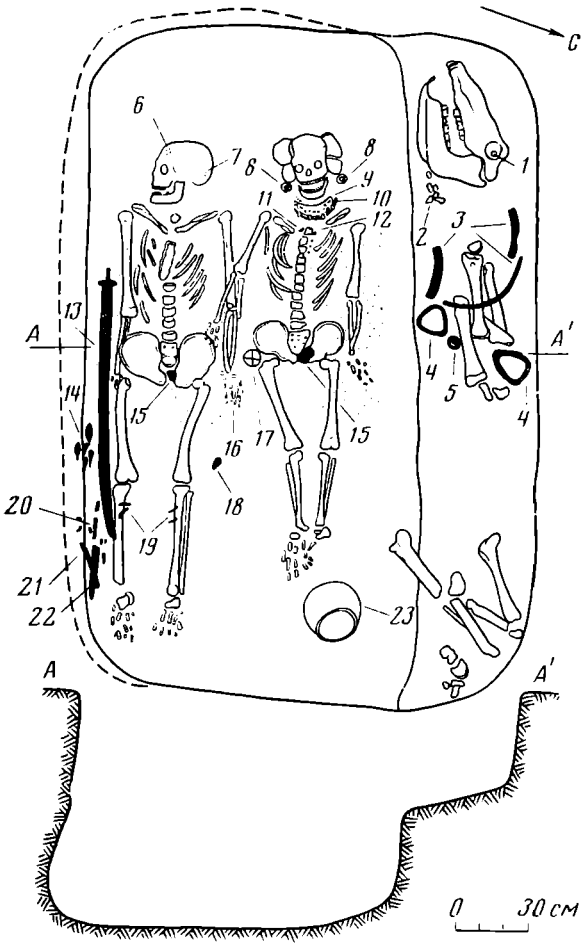


Рис. 2

Рис. 2. Погребение в кург. у с. Каменка: *1* — костяная пуговица; *2* — кожаный узел упряжи; *3* — костяные накладки седла; *4* — стремена; *5* — железная пряжка; *6* — бронзовое височное кольцо; *7* — серебряное височное кольцо; *8* — бронзовые серьги; *9* — тамакса; *10* — железная гривна; *11* — бронзовый язычок пряжки; *12* — бронзовые пуговицы; *13* — сабля; *14* — железные наконечники стрел; *15* — куски мела; *16* — железный нож; *17* — бронзовое зеркало; *18* — кресало; *19* — бронзовые украшения сапог; *20* — срединная накладка лука; *21* — костяная петля колчана; *22* — костяные накладки колчана; *23* — горшок

Рис. 3. Инвентарь погребения в кург. 1 у с. Каменка: *1* — обкладки колчана; *2* — петля колчана; *3* — срединная накладка лука; *4* — накладка луки седла; *6* — пуговица; *7* — узел упряжи; *8* — горшок. *1—6* — кость; *7* — кожа; *8* — глина

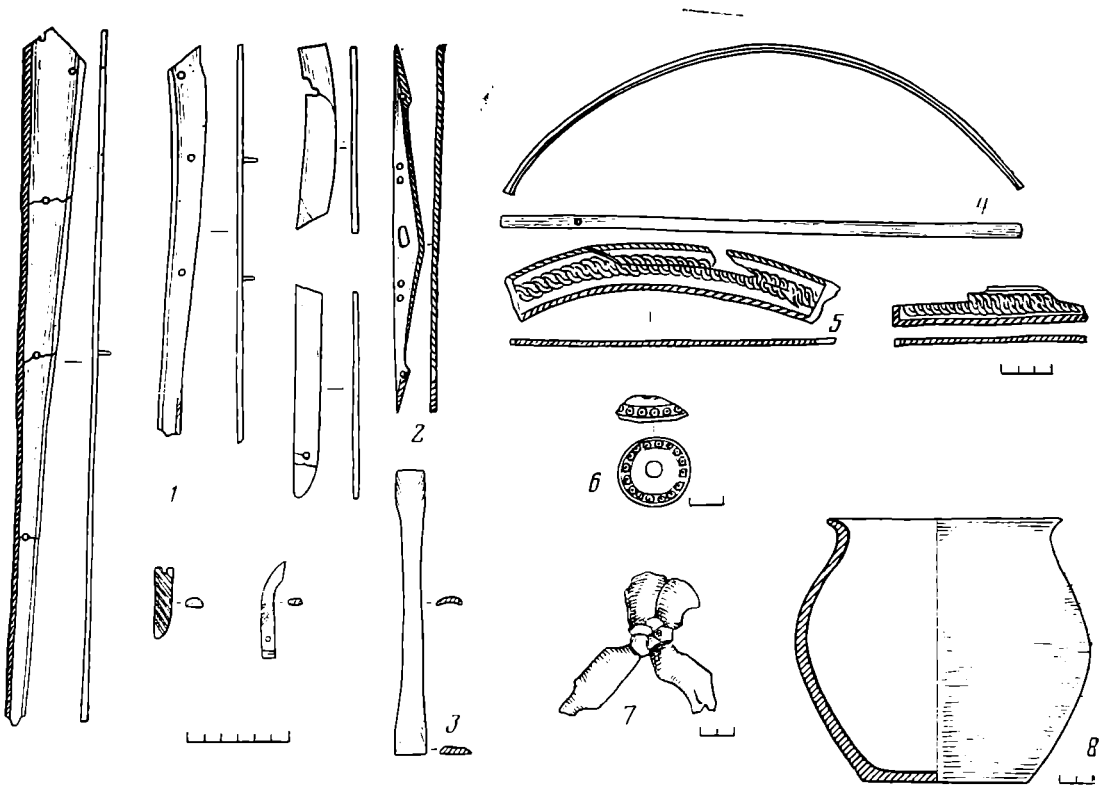
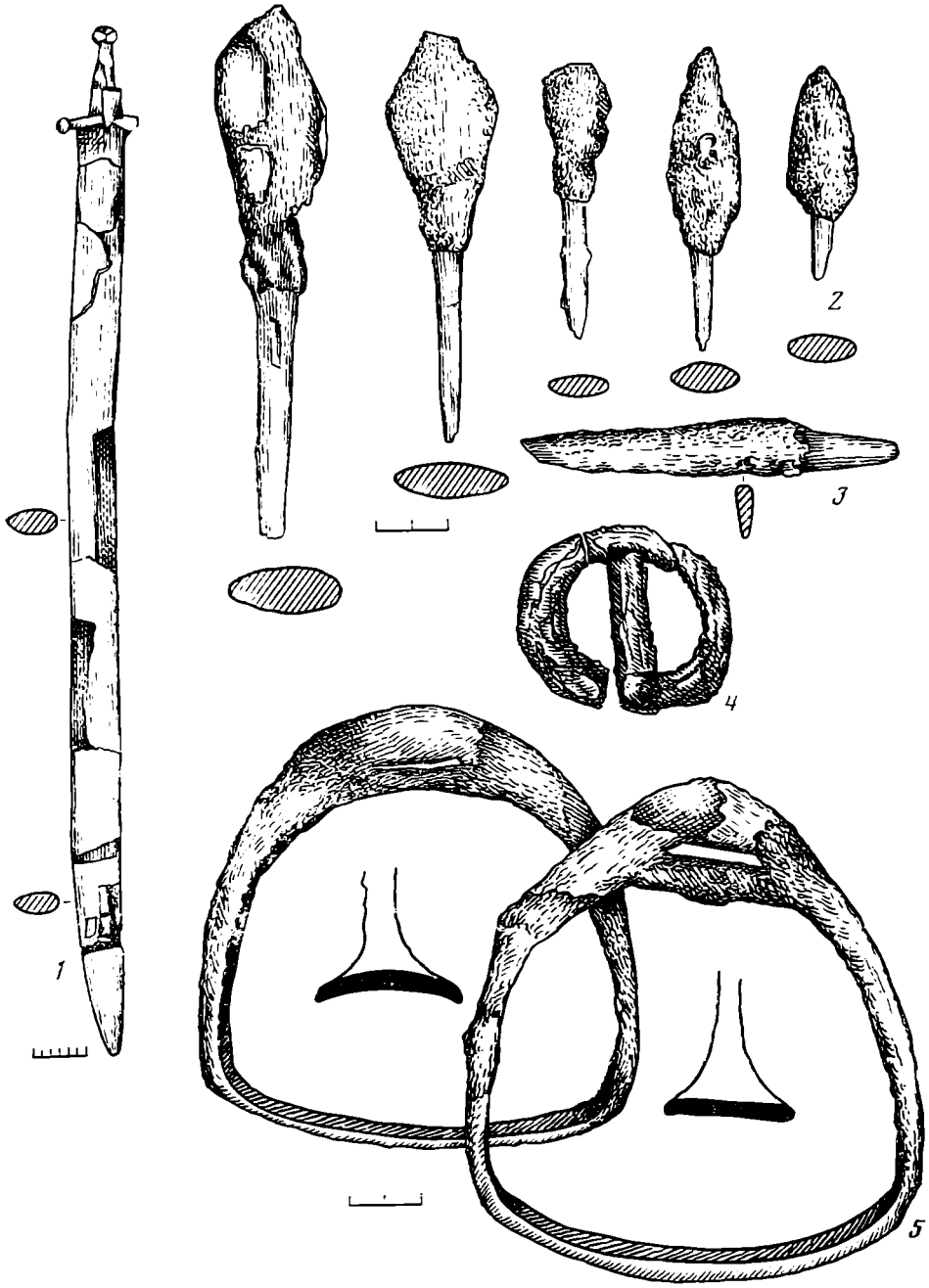


Рис. 3



рашения в большом количестве изображены на половецких изваяниях [9, с. 134, табл. 18, № 121; с. 178, табл. 62, № 1129]. В этнографическом материале народов Поволжья XIX в. известны шейные украшения в виде полосы материи, нашитой на твердую основу и близкой к полулунной форме (тамакса — у казанских татар, суха — у чувашей, нашевкат — у мордвы [10, с. 43]). Заслуживает интереса описание тамаксы, «которая имеет форму неполной лунницы с тупыми рожками. Это украшение делали на полутвердой основе из грубого холста, обшитого с лицевой стороны тканью темных тонов... Обязательными элементами украшения основы являлись нашитые на верхнюю сторону лунницы ряды кораллов, бисера, стекляруса и монет... Довольно часто слева и справа от коралловых нитей пришивались раковины каури, жетон или пуговица, выполнявшие роль своеобразных оберегов» [10, с. 42]. По-видимому, шейное нагрудное украшение из публикуемого погребения является самым ранним известным прототипом шейного украшения такого типа.

Рядом с «тамаксой» были обнаружены стеклянные и янтарные бусины, бисер, коралловые подвески, которые, очевидно, составляли отдель-

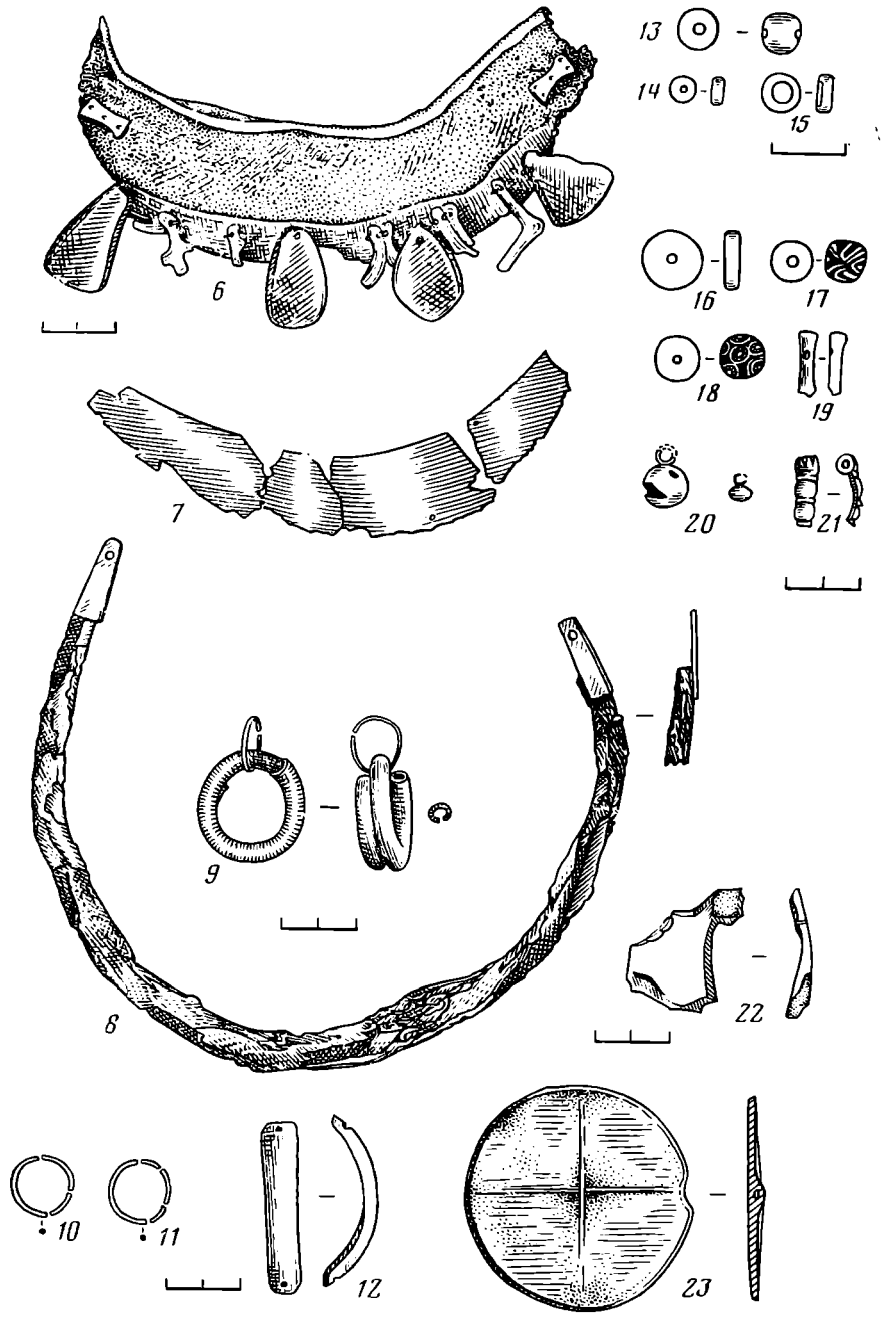


Рис. 4. Инвентарь погребения в кург. 1 у с. Каменка: *1* — сабля; *2* — наконечники стрел; *3* — железный нож; *4* — железная пряжка; *5* — стремена; *6* — тамакса; *7* — бронзовая основа тамаксы; *8* — железная гривна; *9* — серьга; *10*, *11* — височные кольца; *12* — бронзовые украшения сапог; *13—19* — бусы; *20* — бронзовые пуговицы; *21* — бронзовый язычок пряжки; *22* — кремень; *23* — бронзовое зеркало

ное ожерелье (рис. 4, *13—19*). Под подвесками из лазурита и кораллов находилась витая гривна, изготовленная из прямоугольного в сечении железного прута, покрытого сверху серебряной фольгой (рис. 4, *8*). Заканчивается гривна двумя тонкими прямоугольной формы (15×6 мм) бронзовыми пластинками, на концах которых пробито по одному небольшому отверстию. К сожалению, способ крепления этих пластин к самой гривне проследить не удалось. Можно только предполагать, что крепились они с помощью шнурка. В кочевнических погребениях гривны встречаются очень редко [2, с. 37], а с подобной системой крепления, вероятно, впервые. С обеих сторон женского черепа находилось по одной серьге в полтора оборота, которые изготовлены из бронзовой незамкнутой трубоч-

ки (рис. 4, *9*). В верхней части грудной клетки женщины найдены четыре бронзовые шаровидные пуговицы (тип I и II, по Г. А. Федорову-Давыдову [2, с. 70]) и маленький бронзовый язычок пряжки (рис. 4, *20—21*). В области таза с правой стороны найдено бронзовое зеркало типа Е-I [2, с. 81] с крестовидным орнаментом, но без утолщения у края. У ног погребенной стоял горшок, изготовленный на гончарном круге (рис. 3, *8*). Подобные горшки довольно часто встречались в погребениях Черных клобуков [3, с. 53, табл. 5, *11*]. Широко известны они в памятниках Древней Руси.

Таким образом, приведенные материалы позволяют датировать погребение половецким временем — концом XI — началом XII в. Публикуемый памятник, несомненно, заинтересует специалистов, так как парные позднекочевнические погребения исследованы недостаточно полно и вопрос о характере этих захоронений до настоящего времени остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косиков В. А.* Исследование курганов на территории Донецкой области.— АО — 1976. М., 1977.
2. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966.
3. *Плетнева С. А.* Древности Черных клобуков.— САИ, 1973, вып. Е1-19.
4. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
5. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
6. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII—XIV вв.— САИ, 1966, Е1-36.
7. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
8. *Макарова Т. И.* Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв.— АСб. ГЭ, 1962. вып. 4.
9. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, 1974, вып. Е4-2.
10. *Суслова С. В.* Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX в. М.: Наука, 1980.

ПЛОТКИН К. М.

ПИСЬМА ЧЛЕНОВ ПСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРОФЕССОРУ С. Ф. ПЛАТОНОВУ

На рубеже 60—70-х годов прошлого века при Псковском губернском статистическом комитете сложилась группа энтузиастов-краеведов, по инициативе которых в 1880 г. возникло Псковское археологическое общество (ПАО). Разносторонняя деятельность общества по спасению, собиранию и изучению памятников старины положила начало широким исследованиям в области истории и археологии Пскова и Псковской земли. Архив ПАО не сохранился до наших дней, и многие стороны деятельности общества остаются недостаточно известными [1, с. 3, 4].

В ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся письма деятелей ПАО известному историку С. Ф. Платонову (1860—1933 гг.). Академик С. Ф. Платонов внес большой вклад в изучение истории России XVI—XVII вв. В период переписки он был директором Педагогического женского института, с 1899 г.— профессором Петербургского университета, а с 1908 г.— членом-корреспондентом Академии наук. С 1897 г. С. Ф. Платонов состоял почетным членом ПАО.

Переписку с С. Ф. Платоновым вели последовательно сменявшие друг друга секретари общества — И. И. Василев, Ф. А. Ушаков и Н. Ф. Окулич-Казарин [2—4]. Письма, посвященные преимущественно текущим делам, содержат ряд подробностей о деятельности и связях ПАО, характеризуют общественную атмосферу, в которой протекала работа общества.

Иван Иванович Василев (1836—1901 гг.) был одним из инициаторов создания ПАО и его музея. После окончания в 1860 г. Московской ду-

ховной академии он преподавал церковную историю в Псковской семинарии, был секретарем губернского статистического комитета, в 1866—1884 гг. служил старшим ревизором Псковской контрольной палаты, в 1884—1888 гг. был переведен в Петербург, а в последние годы жизни управлял контрольными палатами Пензенской, Лифляндской и Псковской губерний. Перу И. И. Василева принадлежит свыше 50 научных публикаций по истории, археологии и географии Псковского края.

Переписка И. И. Василева с С. Ф. Платоновым продолжалась с 1889 по 1901 г. (34 письма на 56 листах). Из писем выясняется, что С. Ф. Платонов оказал большую помощь в подготовке к печати и издании главного научного труда И. И. Василева — «Археологического указателя г. Пскова и его окрестностей» [5, с. 216—297]. И. И. Василев способствовал организации учебной экскурсии студентов С. Ф. Платонова в Псков, информировал его о новых поступлениях в музей ПАО. В письме от 28.XI.1897 г. он сообщает о находке в Пскове двух перстней с изображением китовраса: «Недавно найдены два перстня — один серебряный, а другой медный с печатями и с одинаковыми на последних изображениями... изображен центавр, у которого концы ног, а равно и хвоста представляют нечто вроде листьев или пламени, левая рука приставлена ко рту и в ней чаша или рог, а в правой меч или факел — разобрать трудно по мелкости изображения. Размер перстня — средний палец небольшой руки...» [2, л. 2].

В письме от 15.I.1898 г. он посылает на определение монету XVII в.: «Покорнейше прошу прилагаемую при сем монетку передать в музей... Несколько подобных монет недавно найдены в местечке Смильтен Лифляндской губ. Валкского уезда. На прилагаемой монете, как я мог разобрать, следующая надпись: на одной стороне solidus Livoniae (в середине герб), на другой Carolus Gustavus X, т. е. (Карл X). На других есть такие надписи: на одной стороне solidus civi Rigi (в средине герб Риги — два ключа на кресте), на другой Christina D...» [2, л. 8].

В письмах от 3.II и 13.II.1898 г. подробно излагаются обстоятельства, приведшие к выдвижению на должность председателя ПАО губернского предводителя дворянства Н. И. Новосильцева (ввиду перевода его предшественника А. В. Адлерберга в Петербург): «По оставлении должности председателя графом Адлербергом, в нашем обществе (археологическом) остановились на мысли заменить его губернским предводителем дворянства Николаем Ивановичем Новосильцевым, который снова намерен баллотироваться в предводители дворянства на предстоящее трехлетие... Теперь Новосильцев избран губернским предводителем и вместе с сим согласен быть и председателем археологического общества, в котором на днях состоится специальное выставочное заседание» [2, л. 14]. «Позволяю сказать Вам несколько слов о Новосильцеве. Фамилия его известная и женат он на влиятельной персоне из рода Оболенских,— очень хорошо, можно сказать близко, знакома с К. П. Победоносцевым, чем Псков обязан будет сохранением такого памятника как Мирожский монастырь, по крайней мере она сообщила ему истинные сведения о положении его и дело доведено было до государя, который ассигновал приличную сумму денег на сохранение и реставрацию (этому впрочем я не могу сочувствовать и надеюсь, что, может быть, дело обойдется и без сего). Николай Иванович конечно лишь начинает вникать в дело археологии, но избран председателем общества в силу общественной необходимости, той самой, по которой Общество (провинциальное) занимается и интересуется науками, искусствами и проч., если перед ним стоит тот большой палец Николая Павловича, который видел один из исправников и за которым не видно ничего, что делается в России (не могу не напомнить об открытом на днях фактическом людоедстве в России, хотя факт этот известен был еще 15 лет назад). Вообще же Николай Иванович человек прекрасный и симпатичный в порядочном значении этого слова» [2, л. 18].

Личная судьба И. И. Василева была трагичной. В письме от 2.IV. 1899 г. Ф. А. Ушаков сообщает С. Ф. Платонову «о несчастье, которое постигло старика Василева, заболевшего странным недугом умственного

расстройства. Надежды на поправление его здоровья, по заявлению врача, очень мало» [3].

Федор Алексеевич Ушаков (1850—1914 гг.) был профессиональным военным. С 1881 по 1902 г. он преподавал в Псковском кадетском корпусе и вышел в отставку в чине генерал-майора. Ф. А. Ушаков много сил отдавал разнообразной общественной деятельности, особенно в ПАО, членом и секретарем которого он состоял с 1895 по 1906 г. Ф. А. Ушаков был непосредственным организатором ремонта и реставрации Поганкиных палат XVII в., куда в 1902 г. переехали ПАО и его музей. Он проводил археологические раскопки вала городища Камно и церкви Рождества на Кстове, составил на основании летописей, актов, планов и чертежей сборный план г. Пскова и опубликовал 10 научных работ по его археологии и истории [6, с. 155—158], Ф. А. Ушаков переписывался с С. Ф. Платоновым с 1899 по 1906 г. (17 писем на 25 листах). Он систематически информировал его о своих научных занятиях (о псковских печатях, о влиянии скифов на славян — письмо от 28.IV.1899 г., «о неодновременной постройке различных частей главного храма Мирожского монастыря» — письмо от 4.II.1902 г.), просил содействия в текущих делах общества.

Приводимые ниже выдержки из писем Ф. А. Ушакова свидетельствуют, как высоко ценили псковские историки поддержку С. Ф. Платонова по различным, не только научным вопросам. В письме от 25.IV.1900 г. Ф. А. Ушаков писал: «Город задумал устроить праздник лесонасаждения и привлек к участию в нем всех учительниц, учителей, учениц и учеников народных школ... Но, как это случается постоянно, мысли и начинания Пскова или бегут вперед, или опаздывают. Так и при устройстве настоящего празднества, мы-то свое согласие выразили, а у начальства попросить разрешения позабыли. Празднество предполагается 7 мая, если до этого не будет получено разрешения от попечителя округа, то всей нашей затее можно поставить крест; после 7 мая посадка немыслима». Далее Ф. А. Ушаков просит С. Ф. Платонова ходатайствовать перед попечителем округа о срочной отправке разрешения [3].

Следующее письмо Ф. А. Ушакова (от 7.XI.1901 г.) посвящено одной из неоднократно предпринимавшихся ПАО попыток издать труд замечательного псковского краеведа Ивана Федоровича Годовикова (1807—1868 гг.) «Описание и изображение древностей Псковской губернии», со скрупулезной точностью зафиксировавшего состояние памятников древнего Пскова в 50-х годах XIX в. В письме откровенно названы причины, по которым издание не состоялось [7, с. 133—142; 8].

«Многоуважаемый Сергей Федорович. С глубочайшей признательностью возвращаю исправленную мною корректуру... Вы находите, что текст Годовикова устарел, он не только устарел, но совсем не годен для печати. Из подлинного текста выбросили все, что касалось описания планов и чертежей, и оставили лишь самые неинтересные вещи. Таким образом, новому издателю предстоит обратно выкинуть все, что было напечатано из сл. Годовикова до сих пор и воспользоваться тем, что было выкинуто. Заборовский, принимающий так сказать на свой риск издание Годовиковского альбома, поступает по моему мнению весьма неосмотрительно: вряд ли подобное издание, имеющее чисто местный интерес, может принести пользу издателю. Если издавать альбом как следует в красках, то цена его будет баснословная, так как на большое число подписчиков рассчитывать невозможно: издавать же кое как не стоит, потому что такое издание никто не купит. Я обращаюсь к Вам по просьбе Заборовского и думаю, что Ваше веское слово о том, что альбом стоит печатания может помочь его распространению, но во всяком случае мы ждем от Вас этой помощи только при том условии, если и Вы согласны, что чертежи Годовиковского альбома, который Вы видели не раз в Пскове, действительно заслуживают издания. Вот это-то мнение Ваше и дорого как Заборовскому, рискующему издавать альбом на свой счет, так и П. А. О. не имеющему средств предпринять такое издание. Я думаю, что Заборовский, подсчитавши стоимость издания, откажется от столь

рискованного предприятия. Еще раз благодарю за корректуру и остаюсь преданный Вам Фед. Ушаков» [3].

Упоминаемый в письме Александр Александрович Заборовский (1863—1911 гг.), активный член ПАО, нумизмат и археолог, был создателем и владельцем (совместно с женой) типографии и книжного магазина «Труд и Знание», издававшего труды ПАО и другую краеведческую литературу. Супруги Заборовские были людьми передовых убеждений. В 1906 г. в типографии печаталась социал-демократическая газета «Пчела». В 1907 г. А. А. Заборовский был вынужден эмигрировать за границу, спасаясь от преследований царской полиции [9].

Несколько писем Ф. А. Ушакова посвящены организации поездок студентов С. Ф. Платонова в Псков, а также его публичной лекции в пользу ПАО, состоявшейся в 1900 г. [10]. В одном из них (от 14.V. 1905 г.) содержится упоминание об открытии следов фресок в храме Николы с Гребли в Довмонтовом городе (храм Рождества Богородицы по атрибуции В. Д. Белецкого): «...В намеченную Вами программу осмотра можно еще включить осмотр обвала, образовавшегося на церкви св. Николая, засыпанной Петром В. для устройства батареи. Церковь эта показана на моем плане г. Пскова, имеющемся у Вас, под № 5. На обнаженном обвалом уголке средней алтарной апсиды заметны весьма неясные следы стенной живописи... Церковь эта упоминается в летописи под 1419 годом „преставися Роман посадник, зимою Ларион посадник и того же лета поставлена бысть церковь камена Святый Никола на Песках“. В 1637 году летописец именует ее монастырем, в котором были две „пелены спереду престола золотныя“, а с востока к престолу стояла выносныя Богородица образ. При бывшем в этом 1637 г. пожаре пелена на престоле сгорела, а другая пелена, образ и вещи на престоле уцелели „аки обрезало огнем около всего престола. И погасло само, отчего тово не ведамо; Бог, весть и Николая“. На престоле церкви находились антиминсы 1504, 1550 и 1637 гг. и все уцелели. Но что уцелело от пламени огня — то не могло противиться велениям Петра, воздвигшего на этой церкви целую гору, командующую верст на 10 над впереди ее лежащею местностию» [3]. Это письмо фиксирует первое натурное наблюдение фресковой живописи храмов Довмонтова города.

Последнее письмо Ф. А. Ушакова датируется маем 1906 г. В августе того же года семья Ушаковых переехала из Пскова в Петербург в связи с переводом сына в Павловское училище.

Переписка товарища председателя, секретаря и хранителя музея ПАО Н. Ф. Окулич-Казарина с С. Ф. Платоновым носила тот же характер, что у его предшественников (8 писем на 14 листах).

Николай Фомич Окулич-Казарин (1851—1923 гг.) был по образованию военным юристом. После выхода в отставку в чине генерал-лейтенанта он поселился в Пскове и полностью посвятил себя археологии. До наших дней не потеряли научного значения его «Материалы для археологической карты Псковской губ.», «Спутник по древнему Пскову» и другие работы. Кроме того, он открыл и опубликовал большое число исторических документов XVII — начала XIX в. [11].

Одно из писем Н. Ф. Окулич-Казарина посвящено исправлению ошибки в издании следственного дела о псковском воеводе князе Пожарском: «Вам, конечно, известна книжка: „Следственное дело о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском во время бытности его воеводою в Пскове“, издание Императорского общества истории и древностей Российских при Московском Университете. Москва, 1870, стр. XII+179. Оно было найдено в Московском архиве Министерства юстиции. Книжка состоит из предисловия, подписанного действ. членом П. Ивановым и дословного текста самого следствия. На Пожарского, если помните, были возведены обвинения в вымогательствах, взятках и во всевозможных злоупотреблениях. Автор предисловия нисколько не сомневается, что речь идет о знаменитом сподвижнике Минина... В конце книжки находится маленькое примечание О. Бодянского: „Говорят, что следствие это проводилось не над самим знаменитым князем Пожарским, но над одним из родственников

его и соименников...“ Этих доказательств не нужно далеко искать, ибо одно из них находится в самом деле: на стр. 45 обвиняемый назван по отчеству (единственный раз во всем деле) и именно Петровичем, а не Михайловичем. По Соловьеву (кн. 11, стр. 1311), это был двоюродный брат героя... Кроме того, в нашем музее есть свиток (Труды Пск. Арх. Об. 1906 г., стр. 149, свиток № 1), относящийся к тому самому времени (1630 г.), когда производилось следствие. В этом свитке заключается данная на дворовое место игумену, от имени псковского воеводы, князя Дмитрия Петровича Пожарского и за его печатью...» [4, л. 2].

В письме, датированном 17.IX.1910 г., Н. Ф. Окулич-Казарин сообщает о хранящемся в музее ПАО свитке 1684 г., содержащем список купчей литовского князя Скиргайле (70—80 годы XIV в.): «В числе наших свитков находится грамота Ивана и Петра Алексеевичей об отдаче Мирожскому монастырю рыбных ловель. В ней говорится, что Мирожский стряпчий „подал к выписке старинные крепости прежних владельщиков..., а в списках написано: Аскирмайло князь литовский купил у посадника Юрья (*XV век*), и у соцких, и у всех плесковичь землю..., а та земля Аскирмайлу князу в одерень, сребро в камень стену“ (курсивом выделено примечание Н. Ф. Окулич-Казарина — *К. П.*). Значит ли это, что деньги Аскирмайла предназначены на починку или перестройку каменной стены? В XV веке псковичи действительно усиленно строили и чинили свои городские стены» [4, л. 6]. Мысль Н. Ф. Окулич-Казарина о продаже Псковом земельных участков для финансирования фортификационных работ поддержана и развита в статьях современных исследователей [12, с. 113—114].

В письмах И. И. Василева, Ф. А. Ушакова, Н. Ф. Окулич-Казарина содержится немало замечаний, отражающих черты характера и мировоззрения трех наиболее заметных членов ПАО. Они характеризуют нелегкие условия научной и просветительской деятельности замечательных энтузиастов-краеведов, полностью поддержанных видными деятелями русской науки, но всецело зависевших от благосклонности пожертвований меценатов и разного рода влиятельных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров А. А.* К 100-летию основания Псковского археологического общества.– В кн.: Научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли». Тез. докл. Псков, 1980.
2. ОР ГПБ, ф. 585, оп. 2, № 334.
3. ОР ГПБ, ф. 585, оп. 2, № 2108.
4. ОР ГПБ, ф. 585, оп. 2, № 1458.
5. *Василев И. И.* Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей.– ЗОРСА, 1898, вып. 1–2.
6. *Окулич-Казарин Н. Ф.* Ф. А. Ушаков. Некролог.– Тр. ПАО, 1915, вып. 11.
7. *Евлентьев К. Г.* И. Ф. Годовиков.– Тр. ПАО. 1915, вып. 11.
8. ПОМЗ, Древлехранилище. № 507.
9. *Левин Н. Ф.* Несущий свет правды.– Псковская правда, 12 апреля 1978 г.
10. Причины смутного времени Московского государства и отражение его на Псков. Из публичной лекции проф. С. Ф. Платонова, читанной во Пскове 19 марта 1900 г. В пользу Псковского Археологического общества. Псков, 1900.
11. *Янсон А. К.* Н. Ф. Окулич-Казарин. Некролог.– В кн.: Познай свой край. Вып. 1. Псков, 1924.
12. *Лабутина И. К.* Псковские летописи и грамоты как источники по исторической топографии города Пскова XIV–XV веков.– В кн.: Русский город. Вып. 5. М.: Изд-во МГУ, 1982.

Критика и библиография

А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.

Сведения Геродота о Северном Причерноморье являются одним из важнейших источников по истории этого региона. Уже несколько столетий они привлекают к себе пристальное внимание историков, археологов, этнографов, географов, филологов и других специалистов. Однако многие вопросы Геродотовой Скифии далеки от окончательного решения.

Новое издание отдельных частей «Истории» Геродота в основанной В. Т. Пашуто серии «Древнейшие источники по истории народов СССР» нельзя не приветствовать. В рецензируемой монографии тщательно собрана, систематизирована, проанализирована обширнейшая литература по Геродотовой Скифии и другим районам нашей страны. Работа является итогом многолетней напряженной работы большого авторского коллектива. А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова, А. А. Нейхардт, И. В. Куклина, А. Н. Васильев, Е. Б. Новиков впервые в отечественной науке создали труд, который включает в себя тексты, перевод и комментарий сведений Геродота о нашей стране. Переоценить его значение трудно.

Рецензируемая работа состоит из введения, историографического очерка, текстов, перевода, комментария, библиографии, списка сокращений и указателей (именной, этногеографический и археологический).

Во введении приводятся краткие сведения о жизни и творчестве Геродота, общая оценка его труда, данные об его изданиях и переводах, обосновываются необходимость нового перевода и структура комментария. Краткие сведения о самом Геродоте и истории создания его произведения весьма полезны и необходимы, но при этом, к сожалению, нет ссылок на соответствующие работы, в которых читатель мог бы подробнее ознакомиться с теми или иными выводами исследователей. Кроме того, утверждая, что «автор сам побывал в Северном Причерноморье и оставил описание края, который видел своими глазами», желательно было бы дать и мнения исследователей о примерной дате этого путешествия. А. Фол, например, считает, что оно произошло до 445 г. до н. э. [1, с. 164], Б. А. Рыбаков — в 445—444 гг. [2, с. 87].

Здесь же, во введении, А. И. Доватур предостерегает «против излишнего доверия к Геродоту» (с. 10). Основанием для такого категорического предостережения послужил «трезвый рассказ Страбона, согласно которому Дарий продвинулся недалеко от Истра». Расхождение между данными Геродота и Страбона не может, на мой взгляд, быть основанием для резкого недоверия к сведениям Геродота, тем более изложенного уже во введении к изданию.

Историографический очерк состоит из двух частей. Первая посвящена отечественной историографии, вторая — зарубежной. Такое разделение представляется вполне оправданным, так как позволяет проследить основные этапы истории изучения произведения Геродота отдельно в нашей стране и за рубежом. Отечественная историография изложена очень подробно и дает полное представление о том, как зарождался в России интерес к «Истории» Геродота, как развивались основные направления в изучении его труда с первой половины XVIII в. до наших дней. Однако вряд ли справедлива негативная оценка работ И. О. Потоцкого (с. 17, примеч. 16). Его исследования, напротив, свидетельствуют о глубоком знании автором сведений Геродота о Скифии, прекрасном знакомстве с местностью; им высказан целый ряд интересных, заслуживающих внимания гипотез об отождествлении скифских рек и размещении указанных здесь племен. А. А. Нейхардт подчерки-

вает, что все соображения Потоцкого, «как правило, лишены серьезной аргументации». Вряд ли можно требовать серьезную аргументацию от исследователя, издававшего свои труды в 1802—1805 гг. В то время еще не существовали необходимые исторические, археологические, географические, лингвистические исследования, на которые опираются современные специалисты, да и сама манера изложения результатов научных изысканий была несколько иной. И. О. Потоцкого можно с полным правом считать одним из пионеров изучения Геродотовой Скифии. Об этом, кстати, свидетельствует и тот факт (отмечаемый самой А. А. Нейхардт), что «во многих более поздних исследованиях встречаются ссылки на работы Потоцкого».

По непонятной причине И. А. Стемпковского А. А. Нейхардт называет в числе чиновников и офицеров, попавших на юг по делам службы и здесь включившихся в поиски древностей. «Офицер И. А. Стемпковский» (с. 18) — автор одной из первых книг по античной географии и археологии в этом регионе. Он внес вклад в изучение древностей Северного Причерноморья, заслуживающий более высокой оценки.

Рассматривая работу Н. И. Надеждина, А. А. Нейхардт отмечает, что его «можно упрекнуть в излишнем доверии к рассказу Геродота и стремлении найти эквивалент любому географическому пункту, им упомянутому» (с. 19). Аналогичное суждение исследовательница высказывает при разборе монографии Б. А. Рыбакова: «Вместе с тем вызывает сомнение излишнее доверие, с которым автор относится к приведенным у Геродота числам дней пути и дней плавания» (с. 39). Такие упреки представляются безосновательными. У нас нет оснований обвинять «отца истории» в упоминании вымышленных географических объектов, в неточности измерений и тем более в «небрежности в обращении с числовыми данными» (с. 40). В тех немногочисленных случаях, когда исследователи отмечают противоречия и несоответствия, последние, как показывает проверка, являются кажущимися и никоим образом не бросают тень на Геродота. Доверие к историко-географическим сведениям древнего автора — одно из высоких достоинств работ Н. И. Надеждина, Б. А. Рыбакова и других исследователей.

Раздел, посвященный зарубежной историографии, также представляется достаточно полным. Здесь представлена и проанализирована вся основная литература вопроса, показаны основные направления изучения «Истории» Геродота на протяжении почти трех последних столетий. Однако эту часть историографического очерка можно было бы дополнить некоторыми работами, которые остались также не учтены и в комментарии. Заслуживает внимания работа И. Гаттерера, в которой рассматриваются сведения Геродота и ряд вопросов по географии Скифии [3]. В первом томе двухтомной «Истории Тавриды» С. Сентренцевича де Богуша также рассматривается география Геродотовой Скифии [4]. В статье Ф. Вестберга «К топографии Геродота» определен размер стадии, принятый в труде отца истории: автор провел расчеты по данным Геродота при описании Египта и Северного Причерноморья и пришел к выводу, что стадия равна 148,85 м [5]. Отрицательная оценка статьи Ф. Вестберга, данная М. Кисслингом, к которой отчасти присоединился А. И. Доватур (с. 62), представляется незаслуженной. Никак не оценивается и специально посвященная Геродоту монография М. Поленца [6].

В конце очерка рассматривается статья О. Армайора, утверждавшего, что Геродот не был в Северном Причерноморье. А. И. Доватур отмечает, что доводы О. Армайора «произвольны и неубедительны» (с. 79), однако развернутой критике их не подвергает, что, очевидно, следовало бы сделать, подробнее рассмотрев вопрос об автопсии Геродота.

Тексты из «Истории» Геродота, вошедшие в рецензируемое издание, отличаются гораздо большей полнотой по сравнению со сводом В. В. Латышева. Из девяти книг Геродота собраны практически все отрывки о Скифии и соседних странах. Большим достоинством отличается и новый перевод: И. А. Шишова стремилась дать как можно более точный, дословный перевод сведений древнего автора. Такой перевод, безусловно, имеет много преимуществ по сравнению с предыдущими, более художественными переводами. Наличие здесь же греческого текста значительно облегчает работу с источником и расширяет возможности для его дальнейшего изучения.

Комментарий представляет собой важнейшую часть выпуска. Авторы дают исторический, археологический, этнографический, филологический, географический

комментарий. Его смело можно назвать исчерпывающим. Детально и обстоятельно аргументировано каждое конкретное указание Геродота, не оставлен без внимания ни один мало-мальски важный нюанс. Такой всесторонний комментарий сведений Геродота создан впервые в отечественной и, пожалуй, мировой практике. Авторы провели титаническую работу по выявлению, сбору, изучению, систематизации безбрежного моря изданий и исследований, вышедших за 500 с лишним лет в различных издательствах и рассеянных во многих библиотеках. Составление комментария чрезвычайно осложнено обилием различных точек зрения по многим дискуссионным вопросам. Часто одни и те же аргументы разные исследователи используют при обосновании взаимоисключающих гипотез. Разобраться во всей сложности калейдоскопа мнений по каждой из проблем чрезвычайно трудно. И авторы блестяще справились с поставленной задачей. Запутанные, труднопрослеживаемые проблемы получили в комментариях стройное, ясное, лаконичное изложение. Авторы дают ровное, в большинстве случаев безоценочное изложение дискуссионных вопросов, и читателю представляется возможность самому разобраться в аргументации исследователей, составить о проблеме собственное мнение. Это безусловное достоинство комментария.

Значение созданного комментария еще и в том, что он дает читателю полную картину современного состояния большого количества нерешенных историко-археологических проблем Геродотовой Скифии, заостряет внимание на первоочередных задачах, облегчает подготовку к их разработке. Такой комментарий окажет большую помощь исследователям.

Остановлюсь на некоторых мелких неточностях и спорных моментах комментария, наличие которых, видимо, неизбежно в таком огромном капитальном труде с обширнейшей библиографией.

В комментарии 21 речь идет о материале, «полученном при изучении таких центров, как Фасис, локализуемый в районе г. Поти, Диоскуриада (в районе г. Сухуми), Гиэнос (возле г. Очамчире)» (с. 178). Фасис до сих пор считался ненайденным. Поэтому замечание о локализации его в районе Поти требует аргументации.

При комментировании сведений Геродота о пребывании киммерийцев и скифов в Азии не учтена специально посвященная этому вопросу статья М. И. Артамонова [7].

В комментарии 213 отмечено: «Чему равен у Геродота день плавания по реке, неизвестно» (с. 236). Далее приведены различные мнения современных исследователей об этой величине. На мой взгляд, есть основания для того, чтобы более или менее точно рассчитать расстояние, укладывающееся в «день плавания». Геродот сообщает, что скифы-земледельцы занимают пространство на протяжении 11 дней плавания от моря вверх по Борисфену, а далее указывает пустыню, за которой живет другое, уже не скифское племя — андрофаги (§ 18). В другом месте он приводит иное расстояние — 10 дней плавания (§ 53). Но это противоречие, как отмечал Ю. Г. Виноградов [8, с. 79], кажущееся: в первом случае Геродот после моря упомянул Гилею, а потом уже скифов-земледельцев; во втором случае он отсчитывал расстояние с севера и измерил только занимаемую ими территорию. Отсюда становится понятным, что один день плавания приходится на Гилею. Итак, верхняя граница скифской территории находилась в 11 днях плавания вверх по Борисфену (следовательно, таково же расстояние от моря до местности и р. Герр). В другом месте Геродот указывает протяженность Скифии от моря на север (§ 101): 20 дней пути, или 4000 стадий (день пути равен 200 стадиям). Если считать, что стадия Геродота равнялась, как в эллинистическое время, примерно 157 м [9, с. 166—168], то получим 628 км. Следовательно, это расстояние соответствует 11 дням плавания. Отсюда нетрудно подсчитать, что день плавания, по данным Геродота, равен примерно 57 км. Эта цифра подтверждается также расчетами по Дунаю с использованием сведений Геродота.

В комментарии к указанию Геродота о том, что скифы-кочевники живут на расстоянии 14 дней пути к востоку от Борисфена (§ 19), отмечается: «Приведенное здесь расстояние противоречит *IV, 101, 2*, где указано, что от Борисфена до Меотиды — 10 дней пути» (с. 240, комм. 217). На первый взгляд, противоречие бесспорное. Ознакомимся, однако, с этим вопросом ближе. Геродот, как известно, представляет себе Скифию в виде квадрата со стороной в 20 дней пути. Восточная граница проходила от Меотиды на север. От устья Борисфена до устья Меотиды —

10 дней пути на восток, а кочевники живут на расстоянии в 14 дней пути. Но они обитают, разумеется, не на узкой полосе от Борисфена до Меотиды, а населяют довольно широкую часть этой территории. В таком случае их владения следует измерять от устья Борисфена до северо-восточного угла населяемой территории. А это расстояние, естественно, будет больше, чем 10 дней пути от Борисфена до Меотиды, и вполне может равняться 14 дням пути. Таким образом, если согласиться с предлагаемым объяснением, отмеченное противоречие — кажущееся (ср. другие мнения в комментарии 217).

В комментарии к указанию Геродота о том, что землетрясение в Скифии считается чудом (IV, 28), отмечается: «Сведения Геродота, по-видимому, неточны» — и приводятся данные сейсмологов о довольно частых землетрясениях в этом районе (с. 261—262, комментарий 261). Однако не следует упускать из виду, что небольшие землетрясения скифы просто не могли заметить, а сильные, с явными, заметными признаками или разрушениями происходят редко. Поэтому нет оснований подвергать сомнению слова Геродота.

Комментируя сообщения историка о пяти устьях Истра (IV, 47), автор указывает, что в более поздних источниках встречаются сведения о шести и даже семи устьях, и приводит сведения румынского геолога И. Г. Метреску, который «пришел к заключению, что у Дуная в древности было шесть устьев» (с. 272, комментарий 324). Напрашивается вывод, что Геродот ошибся. Однако дельта Истра постоянно находилась и находится в эволюции. Подмечена основная тенденция изменений — перемещение основного русла с юга на север [10, с. 30 сл.]. Происходит это в виде образования новых устьев и постепенного отмирания старых. По-видимому, Геродот указывает то количество устьев, которое существовало в его время.

В комментарии 363 (с. 283) надо было бы отметить следующее: предположение о том, что 40 дней плавания по Борисфену следует измерять не от устья, а от верховьев, помимо Ф. К. Бруна высказал Ф. А. Браун [11, с. 231], и его перевод также использован Б. А. Рыбаковым [2, с. 32]. Необходимо было бы также отметить, что мнение о соответствии числа 40 у Геродота времени продвижения похоронной процессии к Геррам (40 дней) кроме А. Хансона высказали также Б. Н. Граков [12, с. 280 примеч. 3] и Л. А. Ельницкий [13, с. 173, 174].

В комментарии 434 (с. 309) сведениям Геродота о 40 днях плавания по Борисфену противопоставляется сообщение Страбона (VII, 3, 17) о том, что «Борисфен судоходен всего на протяжении 600 стадий». Однако эти указания несопоставимы. Здесь дан неточный перевод отрывка Страбона. В действительности географ определяет в 600 стадий расстояние от Тиры до судоходной реки Борисфен, а не длину судоходной части Борисфена [14]. В комментарии 509 (с. 325) приведена таблица расстояний по Геродоту и современным измерениям Черного моря и говорится об ошибке, «допущенной Геродотом в измерении длины Понта». Но в действительности, как показал Б. А. Рыбаков, никакой ошибки у Геродота нет [2, с. 83]. Измерения от устья Понта до Фасиса следует проводить по каботажному маршруту, а не напрямик.

Заслуживает внимания вопрос о том, как далеко Дарий продвинулся в Скифию (с. 367—371). Здесь сведениям Геродота противопоставляется сообщение Страбона, согласно которому Дарий дошел лишь до пустыни гетов, т. е. даже не перешел Тиру. На этом основании многие исследователи подвергают сомнению описание Геродота.

Попытаемся разобраться в этом противоречии источников. По данным Геродота, «персы шли через страну скифов и страну савроматов..., вторглись в страну будинов..., натолкнувшись на деревянную крепость..., они ее сожгли. Сделав это, они шли все дальше вперед по следам до тех пор, пока, пройдя эту страну, не прибыли в пустыню. Эта пустыня не заселена никакими людьми, расположена она выше страны будинов, а протяженность ее — семь дней пути. Выше этой пустыни живут тиссагеты...» (IV, 123). Далее «отец истории» сообщает: «Когда Дарий дошел до пустыни, он, приостановив движение, расположил войско у реки Оар. Сделав это, он начал возводить восемь больших крепостей... В то время как он был занят этим, преследуемые им скифы, сделав круг по землям, расположенным выше, повернули назад в Скифию... Дарий оставил эти крепости недостроенными, а сам, повернув, пошел на запад, полагая, что это все скифы и что они бегут на запад» (IV, 124).

Страбон сообщает буквально следующее: «Между гетами и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время, как перешел за Истр для похода на скифов, был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад» (VII, 3, 15).

Сопоставляя эти данные, можно отметить, что общий ход событий у обоих авторов одинаков. Дарий дошел до пустыни, потом повернул обратно. Только у Геродота — это пустыня у земли тиссагетов, а у Страбона — гетов. Источник Страбона в силу фонетического созвучия или испорченности рукописи мог «перенести» события из одной пустыни в другую, а тем самым значительно сократить поход Дария и породить отмеченное противоречие. В таком случае следует признать сведения Геродота о походе в глубинные районы Скифии и далее абсолютно достоверными, на чем настаивает Б. А. Рыбаков [2, с. 169—184].

Библиографию составляют список изданий «Истории» и огромное количество исследований. Издания труда Геродота можно дополнить еще несколькими [15—27]. В списке литературы имеются некоторые опечатки и неточности. На с. 400 для публикации последнего издания греческого текста отмечено «ЗОАО» вместо «ЗООИД». Второй выпуск второго тома свода В. В. Латышева «Известия...» вышел в 1906 г., а не в 1904 г. Книгу «Древности Приднепровья» написали В. Н. и В. И. Ханенко, а не Б. И. Ханенко. Книга Б. А. Шрамко «Древности Северного Донца» опубликована в 1962 г., а не в 1964 г.

Кроме того, следует высказать сожаление по поводу того, что авторы не дали ни одной карты. Это значительно затрудняет восприятие сведений Геродота и комментария к ним.

Сделанные замечания не умаляют значения рецензируемого издания, которое заслуживает самой высокой оценки. Эта работа является своего рода подведением итогов изучения проблем Геродотовой Скифии. Она показывает основные результаты, достигнутые в этой области, и вместе с тем наглядно выявляет актуальные проблемы, нерешенные вопросы, помогает наметить пути их решения.

Следует подчеркнуть, что первоочередной задачей в области изучения Геродотовой Скифии до сих пор остается решение вопросов исторической географии, и в первую очередь отождествление указываемых Геродотом рек: Эксампей, Пантикап, Гипакирис, Герр и др. Без их локализации невозможны правильное размещение скифских племен, определение их границ и решение многих историко-археологических и географических вопросов. Большую помощь в их разработке, безусловно, окажет рецензируемая работа, которая уже стала настольной книгой большинства исследователей.

Агбунов М. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фол А.* Thraco-scythica: проблема письменных источников о V веке до н. э.— В кн.: Studia thracica. Т. I. София, 1975.
2. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
3. *Gatterer J.* Abhandlung von Fracien nach Herodot und Fhucidides, aus dem lateinischen übersetzt und mit einer Übersicht und dem nothigen Register begleitet von H. Schlichthorst. Göttingen, 1800.
4. *Sestrencewicz de Bohusz S.* Histoire de la Tauride. T. 1—2. Brunswick, 1800.
5. *Westberg Fr.* Zur Topographie des Herodot. III. 7. Herodots Stadion.— Klio, 1914, B. 14, Hf. 3.
6. *Pohlenz M.* Herodot Die erste Geschichtschreiber des Abendlandes. Leipzig — Berlin, 1937.
7. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы в Азии.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
8. *Виноградов Ю. Г.* О политическом единстве Березани и Ольвии.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
9. *Фирсов Л. В.* Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллипстической стадии.— ВДИ, 1972. № 3.
10. Гидрология устьевой области Дуная. М.: Наука, 1963.
11. *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений.— Сб. Отделения русского языка и словесности. Спб., 1899, т. 64, вып. 12.
12. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 1.
13. *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977.
14. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья.— ВДИ, 1983, № 4.

15. Herodote Histoire / Trad. du grec. en Franc. par Saliat P. P., 1580.
16. Herodote Helicarnassei Historiae. Interpr. L. Valla. Basilea. 1583.
17. Herodoti Halicarnassei Historiae. Interpr. L. Valle adscripta, his ex interpr. C. Heresbachii, utra que ad H. Stephano recognita. Francofurti (1594).
18. Herodotus Historia. Londini, 1679.
19. Herodoti Historiarum. Opera Fr. Volg. Reizii. Lipsiae, 1778.
20. Histoire D'Hérodote (trad. du grec.). P., 1802.
21. Herodoti Halicarnassei Historiarum. Libri IX. Opera F. V. Reizii. Lipsiae, 1807.
22. HPO OTOY I TOPION / Textus Wesselingianus passim refictus, argumentorumque ae temporum notazio ed. Reizii Fr. V, continuavit Schäffer G. H. V. 1—3. Londini, 1814.
23. Herodoti Halicarnassei Historiarum. Libri IX. Ad fidem optimorum librorum, diligenter recogniti curavit G. Stallbaum. Lipsiae, 1825.
24. Herodoti Historiarum. Libri IX / Cum brevi annotazione Mathiae A. et Apetzii H. V. 1—3. Lipsiae, 1825.
25. The History of Herodotus of Halicarnassus. In nine books / Prolegomena, notes and emendations by A. Negris V. 1—3. Edinburg, 1833.
26. Herodoti Historiarum / Rec. G. Dindorfius. Parisiis. 1862.
27. Herodotos Buch I—IV / Textausgabe für den Schulgebrauch von Fritsch A. Lpz.— B., 1906.

Г. К. Шамба. Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 69 с., илл.

Вторая половина I тыс. до н. э. является одним из узловых периодов в истории Колхиды (в том числе и Абхазии). Этот период характеризуется появлением греческих колоний и распространением их влияния на социально-экономическую и политическую жизнь городов Колхиды, вовлеченных в круг экономических и культурных отношений Средиземноморья.

Относительно условий появления и характера возникновения городов Колхиды в нашей литературе нет единого мнения. Этот вопрос до сих пор остается наименее разработанным. Одни авторы считают, что города Колхиды возникали на базе крупных местных населенных пунктов, и выдвигают концепцию «смешанных городов» с некоторыми чертами самоуправления [1, с. 143]. Другие придают решающее значение местному этническому субстрату, считая, что поселения городского типа появились еще до прихода греков и по сути своей всегда оставались колхскими [2, с. 217; 3, с. 6], или представляют себе их в виде эмпориев без собственной экономической базы, располагавшихся компактно при колхских городах [4, с. 260; 5, с. 187—256]. Третьи считают, что античные города Колхиды по своему облику в сфере социальной, политической и культурной мало отличались от греческих поселений Северного Причерноморья [6, с. 155; 7, с. 118; 8, с. 19].

Данная дискуссия отчасти порождена небольшим количеством письменных источников и недостаточной археологической изученностью городов Колхиды (в отличие от подобных памятников Северного Причерноморья). С этой точки зрения монография Г. К. Шамба «Эшерское городище» представляет большой интерес. Она посвящена материалам 10-летних археологических раскопок на Эшерском городище. Автор дает описание и стратиграфию городища, анализирует керамическое производство VI—I вв. до н. э., исследует строительное дело. Монография состоит из трех глав и заключения, она хорошо иллюстрирована.

В главе I автор освещает историю изучения древностей в окрестностях с. Эшера (с. 6—9). Они привлекали к себе внимание еще в первой половине XIX в. (Дюбуа де Монпере, П. С. Уварова). Большую роль в изучении этих древностей сыграла Абхазская археологическая экспедиция под руководством И. И. Мещанинова. Б. А. Куфтин, возглавлявший отряд по изучению памятников эпохи бронзы и античности, впервые ввел название «Эшерское городище» и датировал памятник IV—III вв. до н. э. В 40—60-е годы древности Эшера вновь привлекают к себе внимание. В результате исследований А. Л. Лукина, О. М. Джапаридзе, Л. Н. Соловьева были подробно изучены дольмены конца III тысячелетия до н. э. и проанализирован погребальный инвентарь эпохи раннего железа (с. 6—7). С 1967 г. исследования Эшерского городища продолжил Г. К. Шамба. Он установил наличие трех культурных слоев на площадке городища. Слой 3 в основном соответствует эпохе ранней античности. Эпоха эллинизма представлена слоями 1 и 2. Раннеантичный слой Г. К. Шамба датировал VI—V вв. до н. э. по находкам импортной ионийской полосатой, черно- и краснофигурной керамики.

В главе II Г. К. Шамба рассматривает строительные остатки на Эшерском городище. Площадь его к IV — началу I в. до н. э. составляет около 4 га (с. 13). Именно в эллинистический период начинают возникать целые системы зданий общественного и индивидуального характера, а также фортификационные сооружения. К последним автор относит здания типа «казарм», а также помещения, пристроенные к оборонительной стене. В строительстве часто использовались булыжники; стены возводились из ломаного известняка, рустованных квадров и песчаниковых плит, плотно пригнанных друг к другу насухо или на глинистом растворе (с. 11). Крыши помещений покрывались черепицей. Наряду с местной имеется также привозная черепица (в частности, синопская). Стены покрывались штукатуркой с полихромной росписью (с. 57).

К поселению был подведен водопровод из керамических труб. В конце II в. до н. э. Эшерское городище было обнесено линией мощных укреплений, стены которых возведены в нижней части из ломаного известняка, валунов на прочном известняковом и глиняном растворе. Промежутки между крупными камнями заполнялись строительными остатками. Верхняя часть стен, по мнению автора, была выполнена из сырцовых кирпичей (с. 15). Толщина стены составляла 1,8—2,0 м. Вдоль внутренней стороны стены был прослежен ряд смежных жилых помещений, в которых обнаружены сосуды, черепица, остатки очагов, каменные выкладки. Автор определяет эти помещения как караульные (с. 12—13). Оборонительные стены были усилены прямоугольными в плане башнями (всего их исследовано три). С точки зрения техники строительства автор сближает эти укрепления с аналогичными сооружениями в Северном Причерноморье и Центральной Колхиде, датируемыми II—I вв. до н. э. Исходя из этого, Г. К. Шамба предполагает, что строительство укреплений связано с деятельностью Митридата Эвпатора. Монеты, обнаруженные на городище (бóльшая часть их относится к монетному двору г. Амиса), также свидетельствуют в пользу этого тезиса.

В главе III автор дает классификацию керамических изделий и анализ материалов из слоев VI—V и IV—I вв. до н. э. Наиболее ранний слой, по мнению Г. К. Шамба, образовался за счет смешения слоев VI—V вв. до н. э. с остатками наиболее ранних напластований. Поэтому предметы, встречающиеся в них, автор относит как к раннеантичному, так и к предантичному периоду. Исследователь опровергает мнение о том, что на городище не прослеживаются остатки культуры местных племен догреческого периода [7, с. 118]. К последним он относит типичные для поздней бронзы и раннего железа орудия труда и украшения (бронзовые сечки, пряжки полукруглой формы), разнообразные керамические изделия и пр., которые имели широкое распространение в Колхиде в это время (с. 56).

В VI в. до н. э. на территории городища стали пользоваться древнегреческой керамикой. Это тарная и столовая посуда, среди которой основное место занимает родосско-понтийская продукция (чаши открытого типа, украшенные розетками, полосками, гвоздевым и клиновидным орнаментом, восточногреческие кубки, пифосы и простая понтийская керамика), а также аттические и ионийские изделия с чернофигурной росписью, толстостенные сосуды-вазы и амфоры с полосами и следами коричневого лака (с. 20—22). На основе этих данных Г. К. Шамба определяет время возникновения Эшерского городища не позднее середины и второй половины VI в. до н. э., причем наличие рядовой импортной керамики объяснено автором не как результат торговых отношений, а присутствием среди населения греков (с. 20, 56). Выявленный археологический материал, по мнению автора, служит доказательством того, что Эшерское городище является наиболее древним из всех известных античных поселений Абхазии (с. 57).

Материалы, представленные в слоях 1 и 2, отнесены к эллинистическому периоду и датируются автором IV — началом I в. до н. э. Обломки керамики, найденные в этих слоях, представляют наряду с местной также и привозную посуду. Доля импортной керамики по сравнению с раннеантичным слоем увеличивается. Это прежде всего амфоры, чаши, кувшины и другие изделия синопского происхождения, краснофигурные сосуды, простые чернолаковые сосуды, мегарские чаши с рельефным изображением. По имеющимся аналогиям, подобные сосуды [9, с. 238], найденные в Северном Причерноморье,— делосского происхождения (с. 24—39).

Если в VI—V вв. до н. э. местная керамика, по мнению автора, была генетически связана с предшествующей продукцией колхидо-кобанской культуры, то в эллинистический период появляются подражания греческой керамике. Так, почти

полное отсутствие привозных пифосов дает основание автору предполагать использование жителями города местных изделий, которые прослеживаются в слоях VI—V вв. до н. э. В III—I вв. до н. э. начинается серийный выпуск изделий и соответственно упрощается способ нанесения узоров и других знаков. Во всяком случае, отмечает автор, пифосы выполняли хозяйственную функцию (с. 58).

В отличие от пифосов изготовление амфор не имеет местных традиций; прослежены полное отсутствие амфор в раннеантичном слое и многочисленные находки их в слоях IV в. до н. э. Г. К. Шамба делает на этом основании вывод о начале производства амфор в Эшера и его окрестностях не позднее второй половины IV в. до н. э. Тем же временем характеризуется производство подобных амфор в античных городах Северного Причерноморья [10, с. 94]. Древнейшие из них, по мнению Г. К. Шамба, являются диоскурийскими изделиями; к ним отнесена, в частности, найденная здесь ручка амфоры с отпечатком клейма ΔΙΟΣΚΟΥ Подобные амфоры известны по находкам из гвандрской печи IV — начала III в. до н. э. (с. 26) [8, с. 150]. Автор считает, что мастерские, где изготовлялись сосуды с этими клеймами, обслуживались не только пришлыми, но и местными мастерами. Соглашаясь с Д. Г. Капанадзе, Г. К. Шамба считает возможным фиксировать экспорт диоскурийских амфор в Северное Причерноморье. Этому не противоречат и другие материалы колхидского происхождения, встречающиеся в Пантикапее и Нимфее [11, с. 139—151]. Продукция местных мастерских характеризуется также горшками. В их типологическом развитии прослеживается такая же преемственность, как в случае с пифосами. Среди кувшинов наряду с обычными традиционными изделиями с эпохи эллинизма появляются кувшины с крышками, изготовленные по образцу привозных (в первую очередь синопских).

Г. К. Шамба подчеркивает, что население Эшерского городища активно занималось обработкой металла и торговлей. О характере торговли в этот период свидетельствуют находки разновесок — свинцовых гирек аттической системы, а также нумизматический материал, представленный монетами Синопа, Амиса, Фарнакии (с. 56). Жители города были знакомы с письменностью: известны находки костяных палочек, напоминающих стили для письма, обнаружены также эпиграфические памятники — древнегреческие письмена на бронзовых плитках и кампях (с. 60). По свидетельству Ю. Г. Виноградова, надписи на обломках бронзовых плиток исполнены на безукоризненном греческом языке, однако фрагментарность письма «мешает высказать преждевременное суждение о его содержании» (с. 55).

На примере одного городища трудно, конечно, делать широкие обобщения. Известно, что Колхида в рассматриваемый период находилась на стадии разложения первобытнообщинного строя и становления раннеклассовых отношений. Об этом свидетельствуют материалы поселений и погребального инвентаря, где особенно четко прослеживается имущественная дифференциация колхидского общества в VIII—VI вв. до н. э. [2, с. 217; 5, с. 223]. По мнению многих авторов, поселения аборигенов в окрестностях Диоскурии еще в предантичный период отличались заметной концентрацией и складывались в крупный ремесленный центр, а греческие поселения первоначально представляли собой эмпории, основанные при крупном местном поселении [2, с. 215; 5, с. 244—249]. На сегодняшний день имеется сравнительно мало материалов о Диоскурии этого периода. Археологические исследования затруднены тем, что часть древнего города затоплена, а другая его часть находится под строениями современного города Сухуми [12, с. 17—25].

Раннеантичный период представлен обломками хиосских амфор конца VI—III в. до н. э., чернолаковой посудой V—IV вв. до н. э. [2, с. 222], в частности обломками чернолакового килика V — начала IV в. до н. э., обнаруженными В. М. Сизовым [13, с. 13—15]. В этом отношении материалы археологического исследования Эшерского городища представляют большой интерес: они характеризуют древний период истории не только Диоскурии, но и всей Северной Колхиды. Последняя, по мнению Г. К. Шамбы, не являлась самостоятельной единицей в политическом и в экономическом отношении, а представляла собой сельскохозяйственную территорию Диоскурии (с. 57). Автор справедливо говорит о догородском существовании Эшерского городища. По имеющимся археологическим материалам (изделия из керамики, камня, железа), оно находит генетическую преемственность в материальной культуре колхидо-кобанской общности эпохи поздней бронзы и раннего железа (с. 56).

Наличие импортной (аттической и ионийской) керамики в слоях VI—V вв. до н. э., по мнению автора, указывает на присутствие здесь греческих элементов в составе населения в раннеантичный период. По нашему мнению, присутствие подобной керамики (на незначительный процент ее среди местной керамики указывает сам автор) свидетельствует скорее о торговых отношениях с греческими колонистами, обосновавшимися в Диоскурии. И лишь в конце V — начале IV в. до н. э., по мере усиления греческого влияния, греки постепенно поселяются на этих землях. Об этом могут свидетельствовать наличие импорта в эллинистических слоях, местные подражания греческой посуде (с. 23—41), остатки жилых построек, фортификационные сооружения. По-видимому, следует исходить из своеобразия греческой колонизации Колхиды, связанной, как уже отмечалось, с высокой материальной культурой и зачатками классовых отношений. Это способствовало возникновению греческих колоний по иному образцу, нежели в Северном Причерноморье. По мнению М. М. Трапш, в первый период взаимоотношения греков с местным населением были мирными, и греки были не настолько сильными, чтобы подчинить местное население. И только в первой половине V в. до н. э. с расширением Диоскурии осваиваются раннеантичные поселения, которые постепенно превращаются в «экономически взаимосвязанные пригороды Диоскурии» [2, с. 230—231].

Вряд ли можно согласиться с автором, утверждающим, что Эшерское городище является самым древним из всех известных поселений Абхазии. Первые греческие поселения основывались, по-видимому, у берега моря, и лишь впоследствии они распространяли свое влияние на внутренние районы. Только с конца V в. до н. э. они стали проникать в такие отдаленные уголки, как Шубара, Цебельда, Ткварчели [14, с. 453; 15, с. 417].

Наличие импортной керамики VI—V вв. до н. э. в Эшерском городище дало Г. К. Шамба полное основание опровергнуть тезис Г. А. Меликашвили о том, что население Абхазии в силу своей социально-экономической отсталости позднее вступило в контакт с античными центрами, нежели населения равнинной части Колхиды (с. 57). Оспаривается также тезис о том, что морской путь, шедший вдоль Восточного Причерноморья, кончался в устье р. Рпони [4, с. 62]. Материалы Эшерского городища, импортная керамика VI—V вв. до н. э., обнаруженная в Сочи-Адлерском районе [16, с. 61—71], а также археологические данные античных городов Торик и Баты [17, с. 106—108] свидетельствуют, что морской торговый путь шел вдоль Восточного Причерноморья вплоть до Крыма.

Наличие на поселении преимущественно аборигенного населения, преемственности материальной культуры предшествовавшего периода говорит о смешанном характере городского поселения. По мнению автора, упадок городища — результат нападения враждебно настроенных против жителей города местных племен (по сообщению Страбона, это могли быть зихи или гениохи) — приходится на первую половину I в. до н. э.

Исследование Г. К. Шамба имеет большое значение: оно позволяет отчетливее представить процесс греческой колонизации на севере Колхиды и фиксирует распространение греческого влияния на местное население. Исследование Эшерского городища заметно расширяет наши знания об этом периоде истории Колхиды.

Кабахия Б. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Инадзе М. П.* Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1969.
2. *Трапш М. М.* Древний Сухуми. Т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
3. *Ломаури Н. Ю.* Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1962.
4. *Лордкипанидзе О. Д.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1966.
5. *Лордкипанидзе О. Д.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды).— В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
6. *Болтунова А. П.* Античные города Грузии и Армении.— В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. *Воронов Ю. Н.* Об Эшерском городище.— СА, 1972, № 1.
8. *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978.

9. *Шелов Д. Б.* Находки в Танаисе «мегарских чаш».— В кн.: Античные древности Подонья-Приазовья. М.: Наука, 1969.
10. *Зеест И. Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем.— ВДИ, 1951, № 1.
11. *Капанадзе Д. Г.* К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
12. *Воронов Ю. Н.* Диоскурнада — Себастополис — Цхум. М.: Наука, 1980.
13. *Сизов В. И.* Восточное побережье Черного моря.— МАК, 1889, вып. II.
14. *Бжания В. В., Квициния В. К., Шенкао Н. К.* Раскопки в Шубаре.— АО — 1974. М., 1975.
15. *Шамба Г. К.* Работы в Ткварчели.— АО — 1981. М., 1983.
16. *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
17. *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980.

E. A. Chalikowa, A. H. Chalikow. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 s., Abb.

Книга посвящена полной публикации материалов могильника Большие Тиганы в районе устья Камы и их научной интерпретации. Ее выходу предшествовал ряд статей Е. А. Халиковой. В них излагались предварительные результаты раскопок могильника, датированного второй половиной VIII — первой половиной IX в., и был сделан вывод о том, что сам могильник и подобные ему памятники Западного Приуралья оставлены венгерскими племенами перед их уходом на запад, в причерноморские степи. Статьи вызвали интерес специалистов к данному кругу памятников Урало-Поволжья, особенно в возможной их связи с проблемой переселения венгерских племен в Паннонию, поскольку история венгерских племен этого периода до сих пор не имеет археологического комментария.

В предисловии к книге, написанном известным венгерским археологом Иштваном Фодором, отмечается культурная близость Большетиганского могильника и одновременных ему могильников на территории Венгрии, что предполагает этническое родство народов, оставивших эти памятники. По мнению И. Фодора, Большетиганский могильник принадлежал венгерским племенам, оставшимся на востоке. Он выразил надежду, что публикация материалов могильника послужит хорошей источниковедческой основой для обмена мнениями по затронутым в книге проблемам (с. 5, 6).

Во введении кратко охарактеризованы попытки различных исследователей отыскать археологические следы пребывания венгерских племен в Восточной Европе; открытие могильника Большие Тиганы авторы рассматривают как первую возможность выделения конкретного ранневенгерского археологического комплекса (с. 7, 8).

В книге публикуется дневник раскопок первых 56 могил памятника. К подробному описанию погребений приложены планы и фотографии погребений, рисунки находок из комплексов; даны графические реконструкции некоторых деталей костюма (головных уборов, шейных украшений, поясов и др.) и уздечных наборов. Тщательная документированность и прекрасно выполненные иллюстрации придают этой части книги особую ценность, позволяя читателям самим подвергать всестороннему анализу богатые материалы могильника. Созданию полного представления об особенностях культуры памятника помогают публикуемые наблюдения об устройстве могил и расположении находок (раздел 2), классификация вещевого инвентаря (раздел 3), подробные сведения о количественном составе находок (украшений, керамики, оружия и конского снаряжения).

Большой интерес вызывает раздел 4, посвященный аналогиям и обоснованию даты могильника. Авторы справедливо подчеркивают, что многие типы вещей из погребений были распространены в последней четверти I тысячелетия н. э. на широкой территории. Они приводят аналогии из памятников салтовской культуры (сабли, многие типы наконечников стрел, удила, стремена, браслеты, перстни, «костыльки» и др.), которые со ссылкой на работы С. А. Плетневой рассматриваются как характерные для VIII — первой половины IX в. (с. 57). Тот же круг

вещей салтовского типа связывает Большетиганский могильник с многочисленными памятниками Урало-Поволжья (Мыдлань-шай, Неволино, Деменки, Хусаиново, Старохалилово, Стерлитамак, Лагерево, Ишимбай и др.), в материалах которых, включая и Большие Тиганы, есть много специфических предметов местных форм: украшения женской одежды, коньковые и арочные шумящие подвески, граненые браслеты, пронизки со вздутиями и др. Все эти параллели в разделе охарактеризованы суммарно, без детализации и оценены как твердо датирующие в пределах второй половины VIII — первой половины IX в. (с. 57, 58). Эта дата принимается за время функционирования могильника Большие Тиганы. Еще более конкретизируют дату, по мнению авторов, найденные в погребениях восемь арабских монет (одна — второй половины VII в., семь — VIII в.). Добавляя к году чеканки монет несколько десятилетий, необходимых, по их мнению, для того, чтобы учесть время обращения монет в качестве денег и использования монет в качестве украшений, авторы расширяют верхнюю дату памятника до первой половины IX в. В разделе отмечены резкие отличия Большетиганских погребений от танкеевских (IX—X вв.), что, по мнению авторов, также свидетельствует в пользу более ранней даты Большетиганского могильника.

В аргументации датировки памятника много уязвимых мест, что придает ей спорный характер. Сомнительна правомерность привлечения аналогий из старохалиловских, старомусинских, лагеревских курганов на Южном Урале. Эти материалы датируются не ранее X в., а некоторые из них (Кушулевский могильник) — даже XII—XIII в. [1, с. 22—34; 2, с. 126—131]. Неубедительным остается тезис о широком распространении в Прикамье граненых браслетов с кружковым орнаментом, арочных и коньковых шумящих подвесок, пронизок со вздутиями и многих других предметов, богато представленных в публикуемом могильнике, на рубеже VIII—IX вв. (с. 57, 58). В доказательство приведены параллели из могильника Мыдлань-шай, датируемого обычно на основании монет VIII—IX вв. Однако никто из исследователей не привел доказательств в пользу датирующего значения монет из Мыдлань-шае. Часть находок из этого могильника (граненые браслеты с кружковым орнаментом, металлическая посуда, трубки для трута и др.) находит аналогии в памятниках Марийского Поволжья и Древней Руси, датированных не ранее X в. [3, с. 100—106; 4, с. 115—119, табл. III, VII, IX и др.; 5, рис. 26; 6, с. 75]. Возникает мысль о том, что памятники мыдлань-шайского типа значительно моложе, чем это принято считать. Кроме того, предметов общих форм в инвентаре Большетиганского и Мыдлань-шайского могильников в действительности очень мало (граненые браслеты, некоторые типы серег, накладок), что указывает на наличие между ними существенных различий.

Авторы книги отрицательно относятся к высказанному в литературе мнению о том, что могильник Большие Тиганы следует включить в хронологическую группу В памятников Южного Урала и датировать IX — началом X в. (с. 58). По совокупности инвентаря и устройству могил эти памятники очень близки между собой, что не раз справедливо отмечается в книге. В связи с этим принципиальное значение как датирующий эталон приобретает инвентарь из погребения 1 Хусаиновского кургана 12, где была найдена аббасидская монета 823—824 гг. Пользуясь тем же методом добавления нескольких десятилетий на период обращения этой монеты в качестве денег, мы получаем дату, охватывающую вторую половину IX в. [2, рис. 26, 27, с. 124]. Этот факт заставляет расширить верхнюю хронологическую границу Большетиганского могильника еще на полстолетия.

Для датировки могильника имеют значение аналогии в собственно венгерских могильниках X в. на Дунае. При обосновании даты они почему-то остались неучтенными, но о них подробно говорится в следующем разделе, где типологическая общность вещей рассматривается как одно из доказательств принадлежности памятников одному и тому же населению (венграм). В венгерских могильниках широко представлены сабли с перекрестием с утолщенными и опущенными вниз концами, ножны сабель с серебряными фигурно-пластинчатыми скобами, многие типы ременных накладок. По-видимому, некоторые большетиганские погребения из числа опубликованных могли быть совершены не ранее рубежа IX—X вв.

В разделе «Этническая принадлежность населения, оставившего могильник Большие Тиганы» проводится сравнительный анализ материалов памятника с культурой венгров X в. Приводятся такие малоизвестные советскому читателю факты, как преимущественное расположение венгерских могильников на возвышенных

местах, небольшие их размеры, преобладание могил простых форм (изредка встречены могилы с широкими ступеньками вдоль одной длинной стенки), частые находки в могилах гробов, остатков угля и обугленных кусков дерева, расположение в изголовье костей животных (чаще — берцовых и позвоночных), ритуальные захоронения черепа и конечностей лошади преимущественно у ног умерших людей, широкое распространение однотипных вещей (ременные накладки, сабли, конское снаряжение), применение погребальных масок (кожаное покрытие лица, серебряные пластинки на месте глаз и рта), детали женских головных уборов и накосниц (с. 62—64). Большетиганский могильник обнаруживает в венгерских могильниках многочисленные параллели. По мнению авторов, это обусловлено тем, что могильник Большие Тиганы оставлен венграми в период их обитания на левом берегу Камы, в конце VIII—IX в. (с. 65).

Исходя из убеждения в том, что памятники левобережного Прикамья и Южного Приуралья (Хусаиново, Бекешево I и II и др.), аналогичные могильнику Большие Тиганы, оставлены венгерскими племенами VIII—IX вв., авторы отождествили территорию их распространения с упоминаемой в письменных источниках «Великой Венгрией» (с. 69) и попытались дать общую археологическую характеристику культуры, условно назвав ее кушнаренковской по названию одной из разновидностей керамики (с. 68—72). Характерным признаком этой культуры они считают также сосуды караякуповского типа и рассматривают обе группы керамики как разновидности посуды одного и того же населения (с. 68). Перечислены также общие признаки в вещевом инвентаре (женские украшения) и погребальном обряде (типы могил, ритуальные захоронения головы и ног лошади и др.).

Уделено значительное внимание выявлению истоков кушнаренковской культуры. Авторы соглашаются с мнением о том, что кушнаренковская керамика на Южном Урале появляется на рубеже VI—VII вв. в результате переселения сюда угорских племен из Западной Сибири. Это событие они склонны увязать с разгромом протовенгров Западной Сибири в ходе восстания 597—598 гг. против тюрков и вынужденным переселением их в менее опасные северные районы Приуралья (с. 69, 70). Против такой увязки археологического материала с известным историческим событием трудно возразить, так как комплексы с кушнаренковской керамикой в могильниках Южного Урала появляются не ранее VII в. Надо полагать, это мнение авторов с интересом будет воспринято многими исследователями. Находясь во второй половине VI в. в составе Восточно-Тюркского каганата, протовенгры вместе с тюрками сыграли активную роль в политической жизни Восточной Сибири, Южного Урала, Средней Азии и сасанидского Ирана. С приходом протовенгров связывается массовое проникновение на Урал и в Обскую область предметов сасанидского металла. В формировании культуры кушнаренковского населения активное участие приняли носители саргатской культуры Прииртышья.

Протовенгры покинули территорию «Великой Венгрии» в начале или третьей четверти IX в. Возможно, с ушедшими на запад венграми связаны Воробьевское погребение южнее Воронежа и погребения у с. Волощенское на берегу Днепра и Крылас в Восточных Карпатах. По мнению авторов, не все протовенгры покинули «Великую Венгрию»; часть из них, оставшись на месте, приняла участие в образовании населения и культуры Волжской Болгарии. Это подтверждается находками в Танкеевском и Тетюшском могильниках кушнаренковских сосудов.

Отдельные положения двух последних разделов носят дискуссионный характер. Главный вывод авторов о том, что могильник Большие Тиганы и аналогичные ему курганы Южного Урала оставлены собственно венгерскими племенами, мне представляется неприемлемым. Эти памятники возникли в тот период (IX — начало X в.), когда венгры находились уже в степях Северного Причерноморья, а затем на территории самой Паннонии. Таким образом, лишается археологической основы тезис о локализации легендарной страны «Великая Венгрия» между Волгой, Уралом и левобережной Камой.

Сказанное отнюдь не означает, что племена Урало-Поволжья, оставившие подобные памятники, не могли иметь какого-либо отношения к происхождению дунайских венгров. Культура указанных племен формировалась при активном участии пришлых из степей Южной Сибири и Казахстана кочевников. Тогда же в степях Северного Причерноморья появляются памятники, содержащие в своем инвентаре коньковые шумящие подвески (Сухая Гомольша, Гаркуша, Дюрео) и другие вещи общих форм с большетиганскими и приуральскими [7]. Возможно, эти находки

связаны с пребыванием венгерских племен в указанном регионе: время их появления здесь в этом случае примерно совпадает с начальным этапом существования культуры курганов Южного Урала (IX — начало X в.), этнически связываемых с ранними башкирами. Такая взаимосвязь памятников двух районов и их хронологическое совпадение позволяют высказать следующее предположение: приход ранних башкир на Южный Урал и венгров (или другой этнической группы) в Северное Причерноморье (в районе правобережной Волги) происходил в ходе какой-то пока еще малоизвестной миграции восточных кочевых племен в Восточную Европу на рубеже VIII—IX вв.

Неудачным представляется применение термина «кушнаренковская культура» для обозначения группы памятников Урало-Поволжья (типа Большие Тиганы и Хусаиново). Как известно, термин «чушнаренковский тип» в литературе утвердился за своеобразной группой керамики, появившейся на рубеже VI—VII вв. и имевшей юго-восточное происхождение. В памятниках IX — начала X в. кушнаренковская керамика представлена широко, но она уже резко отличается от ранних местных прототипов, что не позволяет безоговорочно объединить их в одну культуру.

Заключительная часть книги содержит ответ Е. А. Халиковой на замечания оппонентов по поводу этнической интерпретации материалов Большетиганского могильника. Здесь главным образом анализируются выступления И. Фодора, А. Барта и В. Ф. Генинга по докладу Е. А. Халиковой на Финно-угорском конгрессе 1975 г. в Будапеште. И. Фодор полагает, что предки венгров покинули территорию «Великой Венгрии» в Урало-Поволжье примерно на 200 лет раньше возникновения Большетиганского могильника и жили в южнорусских степях; он склонен считать, что переселение венгров в Паннонию произошло гораздо раньше 895 г. (с. 78, 79). Между материалами большетиганских погребений и культурой венгров X в. имеются существенные различия, что не дает основания, по мнению И. Фодора, рассматривать погребенных в Большетиганском могильнике в качестве ближайших предков дунайских венгров. Примерно аналогичного мнения придерживается А. Барта. Он полагает, что «Великая Венгрия» находилась в северокавказских и причерноморских степях. Отсюда какая-то часть населения могла откочевать в Прикамье и оставить там памятники типа могильника Большие Тиганы (с. 79, 80). В. Ф. Генинг также признает наличие существенных различий между культурой памятников Урало-Поволжья и дунайских венгров X в.

Возражая своим оппонентам, Е. А. Халикова подчеркивает, что различия не носят принципиального характера. Они вызваны трансформацией культуры дунайских венгров в период кочевания в причерноморских степях под влиянием окружающей этнической среды. Но эти изменения не затронули многих специфических ее элементов, к числу которых отнесены манера соединять височные подвески цепочкой, обрамляющей лицо, широкое распространение налобных и шейно-нагрудных украшений с сердцевидными подвесками и др. (с. 80, 81).

В рецензируемой работе Е. А. и А. Х. Халиковых затронуты важные аспекты средневековой археологии Урало-Поволжья, Сибири и дунайских венгров X в. Дискуссии по многим из них будут продолжаться и дальше. Одним из отправных моментов при этом останется рецензируемая работа, где впервые полностью в систематизированном виде публикуются материалы уникального археологического памятника.

Мажитов Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977.
2. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.: Наука, 1981.
3. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—X вв. Йошкар-Ола, 1973.
4. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии.— МАР, 1902, т. 28.
5. *Мальм В. А.* Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
6. *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.* Древнерусский некрополь Пскова.— КСИА, 1981, вып. 166.
7. *Михеев В. К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша.— СА, 1982, № 2.

Г. Н. Матюшин. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

Расположение Южного Урала на границе Европы и Азии, включение населения этой территории в сложную систему связей Востока и Запада, Юга и Севера, благоприятные условия жизни и большие природные богатства — все это способствовало формированию здесь во все исторические эпохи ярких и своеобразных культурных образований, привлекавших и привлекающих внимание археологов самых широких научных интересов.

Изучение памятников эпохи энеолита на Южном Урале до последнего времени значительно отставало от исследования древностей более поздних эпох. Заслугой Г. Н. Матюшина являются многолетние полевые работы, в результате которых были получены значительные материалы по энеолиту Южного Урала. Рецензируемая монография является первой сводкой энеолитических материалов данного региона.

Во введении автор показывает важность изучаемой эпохи и территории, кратко останавливается на истории их исследования. С обоснованием актуальности выбранной для исследования темы следует полностью согласиться. Что же касается истории изучения памятников Южного Урала и Приуралья, то Г. Н. Матюшин неоднократно подчеркивает, что изучение энеолита данного района начинается с его работ на Южном Урале и ведется на протяжении последних двух десятилетий преимущественно им. В некоторой степени это так. Однако Г. Н. Матюшин забывает показать значение работ К. В. Сальникова и Л. Я. Крижевской для Южного Урала, В. Ф. Старкова и В. Т. Ковалевой для соседних территорий Среднего Зауралья и прилегающих районов Западной Сибири, без которых он не смог бы сделать многие выводы монографии. Не показаны работы О. Н. Бадера в низовьях р. Белой, где в 1955—1956 гг. было исследовано энеолитическое поселение Сауз II и обнаружена как раннеагидельская, так и позднеагидельская (по терминологии Г. Н. Матюшина) керамика [1, с. 124—137]. Совершенно не отражены результаты стационарных работ практически в этом же районе (Икско-Бельское междуречье) Р. С. Габяшева, которым получены большие коллекции материалов, близких агидельским [2, с. 12, 13, 15, 16; 3, с. 22—39]. Кстати, эти материалы, если не одно-культурные, то, несомненно, близкие агидельским, Г. Н. Матюшин почему-то и в дальнейшем полностью игнорирует. В 1960 г. А. В. Збруева исследовала стоянку Кюнь III, где также встречена воротничковая энеолитическая посуда. Чуть позднее, в 1962 и 1963 гг., изучаются энеолитические стоянки Давлеканово и Какрыбаш [4, с. 64—71], затем Бачки-тау II [5, с. 167], Старо-Нагаево [6, с. 136], Какры-куль и др. Все основные энеолитические памятники Предуралья были сведены в «Археологической карте Башкирии», увидевшей свет в 1976 г. В этой связи вряд ли целесообразно использование карты из работы М. Гимбутас 1958 г., которую привлекает автор (рис. 1). Более оправданным было бы использование указанной археологической карты и краткой, но исчерпывающей для низовьев р. Белой сводки памятников энеолита, представленной в работе М. Ф. Обыденнова [7, с. 168].

Во введении Г. Н. Матюшин пытается показать, что исследователи синхронизируют неолит Предуралья с ямной культурой. Для 50-х и 60-х годов это верно, но в литературе 70-х годов данное соотношение значительно изменено. Так, основное время бытования позднеямной культуры, подтвержденное серией радиоуглеродных дат, укладывается во вторую половину III тыс. до н. э. [8, с. 25—27], а вся ямная культура — в основном в рамки III тыс. до н. э. [9, с. 79—82; 10, с. 62—64]. Окончание же неолита в Предуралье и Зауралье, по мнению некоторых исследователей, приходится на первую половину III тыс. до н. э. [11, с. 90—93; 12, с. 72—75], а скорее — на более раннее время [10, с. 65]. Таким образом, от тезиса о синхронности неолитических культур Поволжья, Южного Предуралья и Зауралья и ямной культуры исследователи уже отошли. Кроме того, исследованиями 70-х годов показано, что в Поволжье и Южном Предуралье между неолитом и ямной культурой имеется мощный пласт энеолитических культур [10, с. 58—66; 13, с. 5—21].

Вызывает возражение утверждение Г. Н. Матюшина о невозможности выяснения взаимоотношений памятников типа Съезжей с камским неолитом без привлечения стратиграфических данных (с. 4). Ценность последних неоспорима, однако в археологии известно довольно много примеров, когда и без данных стратиграфии были построены в целом правильные схемы развития культур, подтвержденные в

дальнейшем стратиграфическими наблюдениями. Подобная ситуация наблюдается и в данном случае. Р. С. Габяшев весьма убедительно установил последовательное соотношение развитого неолита Прикамья и близких Съезжей материалов русско-азибейского типа [2, с. 10—17]. Стратиграфия стоянки Муллино подтвердила выводы Р. С. Габяшева.

Переходя к выполнению главной задачи монографии — публикации новых материалов, автор совершенно верно начинает с карты археологических памятников (рис. 1, *а*). Однако при ее составлении следовало бы указать лишь энеолитические памятники либо обозначить памятники неолита и энеолита различными значками. Реальная картина количества и степени распространения энеолитических памятников по сравнению с тем, как она представлена в книге,— иная: их известно гораздо меньше, чем показано на карте [1].

Рассмотрение предуральских памятников автор начинает со стоянки Давлеканово. К сожалению, Г. Н. Матюшин не приводит полевую документацию, отсылая читателей к своим более ранним работам. Однако в этих работах представлены материалы раскопок 1962—1967 гг., а в рецензируемой книге приводится информация и о работах 1969 г. Кроме того, между рецензируемой книгой и предшествующими публикациями имеется много противоречий. Иногда это неточности (ориентировка, расположение памятника и т. д.), на которых мы останавливаться не будем. Но часто это опорные моменты, без которых нельзя правильно понять памятник.

В рецензируемой книге автор пишет об энеолитическом слое стоянки Давлеканово (с. 189). Ранее Г. Н. Матюшин нигде не указывал на наличие стерильной прослойки между неолитическим и энеолитическими слоями. Не обозначена она и на всех опубликованных профилях поселения Давлеканово. Более того, судя по описаниям, верхний слой (срубный, абашевский, черкаскульский) имеет мощность от 30 до 70 см [14, с. 78], а в рецензируемой книге пишется о том, что энеолитический слой залегает на глубине 40—60 см (с. 189). Иначе говоря, энеолитические материалы залегают в верхнем слое стоянки, который относится к эпохе бронзы. Подтверждается это и указанием автора в статье о неолитическом погребении на совместное залегание энеолитической и срубной керамики [15, с. 182]. Можно было бы предположить, что эту ситуацию проясняют профили раскопа Давлекановской стоянки. Однако в большинстве случаев данные профилей не совпадают с данными раскопа и описанием. На профилях по линии $В_1$ — $В_8$: $А_3$ — $Д_3$ [14, с. 80, 81], где по плану должно располагаться неолитическое жилище, на профиле обозначен лишь энеолитический слой. На профиле $З_{10}$ — $З_{12}$, судя по плану, должна быть отражена землянка эпохи средневековья, но ее нет в профиле. На ряде профилей отсутствуют обозначения квадратной сетки раскопа. Совершенно непонятно присутствие двух одинаковых профилей по линии $Б_{12}$ — $З_{12}$ (причем один из них в зеркальном изображении), значительно различающихся между собой. При этом в случае, когда приведена линия $З_{12}$ — $В_{12}$, на профиле показана линза неолитического жилища, хотя на плане линия жилища доходит лишь до *11*-й линии. На плане нет линии *15*-й сетки раскопа. Зачастую мощность слоев, указанных в тексте, не совпадает с приложенным к профилям масштабам.

Вызывает ряд вопросов описание материалов и стратиграфии раскопа 1969 г. Почти половина кремневых изделий мезолитического (по мнению автора) возраста оказалась в самом верхнем слое вместе с керамикой раннего средневековья. Если это объяснять наличием перекопов (нарушением более ранних слоев более поздними слоями, как пишет Г. Н. Матюшин на с. 189), то, нарушая самый нижний мезолитический слой, эти перекопы не смогли не затронуть и промежуточные слои эпохи бронзы, энеолита и неолита. В таком случае находки в этих слоях (особенно фауны) вряд ли можно считать непотревоженными. Не совсем ясна и стратиграфия нижних слоев. Автор указывает, что «под неолитическим слоем на глубине 80—100 см изделия из кремня преобладали. Их здесь найдено 37, а керамики — 25 фрагментов». Имеется керамика и в более нижних штыках, вплоть до 180 см (с. 189). Возникает вопрос: может ли считаться слой мезолитическим, если на всем его протяжении встречается керамика? Об этом свидетельствуют и данные 1962—1967 г.: табл. XXXVI фиксирует (с. 190), что керамика встречена и в самых

[1] Например, из 11 поселений у д. Саузово, которые даны на карте, лишь четыре содержат энеолитический материал.

нижних штыках, а ножевидные пластины преобладают, как и в раскопе 1969 г., во 2-м и 3-м штыках.

Таким образом, планы, профили, таблицы и статистика свидетельствуют против наличия на поселении Давлеканово стратиграфических перекрытий одного слоя другим, тем более со стерильными прослойками между ними. По крайней мере это относится к интересующему нас в данном случае энеолитическому слою. Это подтверждается и вещевыми комплексами стоянки. Так, кремневый инвентарь энеолитического слоя (с. 239, табл. 94) в более ранних работах автора классифицировался как неолитический, причем из жилища [15, с. 163]. Более того, некоторые формы орудий (табл. 94, *2*) были опубликованы Г. Н. Матюшиным (правда, в перевернутом виде) как мезолитические [14, с. 319, табл. 9, *68*]. Еще большее недоумение вызывает присутствие в таблице энеолитических орудий — наконечников миндалевидной (табл. 94, *1*), треугольной и листовидной форм (табл. 94, *5*, *6*). Дело в том, что они до мельчайших подробностей копируют изделия, помещенные в этой книге на с. 262 (табл. 120, *26*, *32*, *34*), но табл. 120 представляет, по данным Г. Н. Матюшина, уже другой памятник — стоянку Сауз III. Таким образом, на таблице кремневого инвентаря Давлекановской стоянки представлены орудия мезолита, неолита и энеолита. Остается невыясненным, какие именно орудия присущи энеолитическому комплексу.

Не менее сложно обстоит дело и с керамическим комплексом эпохи энеолита. Так, в табл. 85 представлены сосуды, среди которых четыре из пяти имеют явно неолитический облик (табл. 85, *2—5*), а один — «флажковый» (табл. 85, *1*). Это, видимо, еще раз свидетельствует против наличия на стоянке стратиграфически выделяющегося агидельского слоя.

При описании как керамического, так и кремневого инвентаря автор совершает ряд методических просчетов, которые сокращают возможность работы с этим материалом. Так, в табл. XXXVI орудия на пластинах не отмечены, нуклеусы даны вместе со сколами, не дано количественное соотношение различных типов орудий. При описании керамического инвентаря автор не дает необходимых количественных данных о соотношении различных примесей в глине, формах, орнаментальных композициях. Между тем полноценная публикация археологического памятника должна содержать количественные данные всех категорий инвентаря, форм сосудов, типов орнамента и т. д. Подход на уровне «больше — меньше», «одних — других» (с. 190, 191) уже давно перестал удовлетворять исследователей. Зачастую автор описывает сосуды, не давая иллюстративного сопровождения. В других случаях Г. Н. Матюшин дважды или трижды помещает одни и те же фрагменты на разных иллюстрациях (см.: в табл. 84, *10* и в табл. 89, *11*; в табл. 84, *11* и в табл. 89, *4*; в табл. 84, *14* и в табл. 89, *9*; в табл. 84, *5* и в табл. 89, *7* и 84, *17* и т. д.). Правда, рисунки столь схематичны, что фрагменты трудно узнать, но это не меняет дела.

Наибольшее внимание Г. Н. Матюшин уделяет характеристике материалов второго опорного памятника — поселения Муллино. Автор вновь, как и при описании Давлекановской стоянки, пытается доказать наличие четкой стратиграфии поселения, в том числе и наличие стерильных прослоек между слоями. Однако в табл. XXXIX находки на пограничном уровне стыкуются. Не видны стерильные прослойки и на фотографиях. Сложно определить наличие стерильной прослойки и по описанию материала. Г. Н. Матюшин пишет о керамике со шнуровым орнаментом в верхних горизонтах неолитического слоя. Если же взглянуть на табл. 106—107, на которых должны быть изображены эти фрагменты, то подпись гласит: Муллино III, т. е. энеолитический слой по Г. Н. Матюшину. Более того, в табл. 106 представлены сосуды, близкие керамике гаринско-борского типа, а в табл. 107, *6—8* — «флажкового». В агидельском слое, по мнению автора, обнаружена группа керамики энеолитического возраста (табл. 108, 109), но она не имеет тех энеолитических признаков, о которых пишет Г. Н. Матюшин. Большая часть керамики (табл. 108, *3*, *5*, *8*, *9*, *13*; табл. 109, *8*, *9*, *11*) принадлежит камской неолитической культуре. Следует обратить внимание и на явно межовский фрагмент эпохи поздней бронзы (с. 198, рис. 44; с. 244, табл. 100, *5*), керамику накольчатого типа из агидельского слоя (с. 254, табл. 11, *3*).

Таким образом здесь, как и на Давлекановской стоянке, автору не удалось убедить читателя в наличии четких, разделенных стерильными прослойками слоев. Следует отметить, что стратиграфия, которую описывает и пытается обосновать

Г. Н. Матюшин, вполне могла бы быть и над слоем развитого камского неолита, на стоянке Муллино мог и должен лежать энеолитический агидельский слой, над ним — слой позднего неолита — ранней бронзы, а выше — слой поздней бронзы — раннего железного века. Но зачем же выдавать желаемое за действительное?

Помимо стоянок Муллино и Давлеканово автор привлекает и такие памятники, как Какрыбаш, Сасыкуль и Кара-Якупово, используя в основном отчеты и публикации других исследователей. Его трактовка культурной принадлежности этих материалов, однако, не всегда соответствует данным авторов раскопок. Так, например, на стоянке Какрыбаш (раскопки Г. Н. Матвеевой и В. С. Горбунова) фиксируются два комплекса материалов. Первый (с керамикой, орнаментированной наколами) сопоставим с посудой татазибейского типа по Р. С. Габяшеву [4, с. 66—71]. Второй содержит керамику с гребенчатой орнаментацией и близок левшинским материалам позднего камского неолита. Этот памятник невозможно отождествлять с Муллино IV, как это делает Г. Н. Матюшин (с. 215).

Заканчивая разбор стоянок раннего энеолита в бассейне рек Ик и Дема, автор указывает, что большая часть памятников агидельского типа располагается в бассейне р. Белой (с. 215). Объем рецензии не позволяет рассмотреть все памятники основных районов, поэтому возьмем для примера лишь низовья р. Белой (с. 215—221).

Вначале Г. Н. Матюшин характеризует стоянку Сауз III. Он достаточно убедительно выделяет неолитическое жилище, в заполнении которого обнаружена как неолитическая, так и энеолитическая керамика. Однако стратиграфически ее разделить не удалось, и автор относит обе группы керамики к одному слою (с. 217). Судя по плану раскопа (с. 216, рис. 53), неолитическое жилище частично перекрывается ямой верхнего слоя, о которой автор не упоминает. Эта яма, видимо, является частью жилища энеолитического времени, для которого вообще характерны узкие выходы, аналогичные показанному на рис. 53. Таким образом, неолитическое жилище скорее всего потревожено постройкой гаринско-борского времени, что и явилось причиной совместного залегания керамики двух типов. Но вряд ли это может служить основанием для отнесения материалов к одному слою. Примеров, когда более поздние постройки прорезают или сильно нарушают ранние слои, можно привести много. Но наличие чистых, несмешанных комплексов как неолитических, так и энеолитических памятников в низовьях р. Белой свидетельствует об их разновременности. В пользу этого говорит и описание керамики стоянки Сауз III. Судя по нему и табл. 118а и 119б, можно с уверенностью констатировать наличие, как минимум, трех различных групп керамики. Первая характеризуется плотной фактурой и топким гребенчатым штампом (табл. 119б, *1—3*, *6—7*, *17—21*). В свое время Г. Н. Матюшин справедливо оценивал ее как неолитическую развитого этапа. Вторая группа с органической примесью в глине с среднезубчатым штампом (табл. 118б, *1—3*, *23*; 119а, *4*) находит точные аналогии в материалах гаринско-борской культуры. Третья группа с плотным тестом и коротким овальным зубчатым штампом (табл. 118а, *12—22*; 118б, *4—22*) является разновидностью «флажковой» керамики Прикамья. Можно указать еще и на наличие своеобразной группы керамики с насечками (табл. 119а, *2*, *5*), также известной в Прикамье. Иначе говоря, каких-то особых «агидельских» признаков на керамике стоянки Сауз III нет.

Рассматривая кремневый инвентарь стоянки Сауз III, автор дает подробнейшую характеристику всех его категорий. Это было бы вполне оправданно, если бы перед нами был чистый, эталонный памятник. Едва ли столь дробные показатели кремневого инвентаря можно использовать в работе. Кремневые материалы стоянки Сауз III отражают смесь, как минимум, трех разнокультурных и разновременных групп. Поэтому вряд ли оправданно сравнение ножевидных пластин стоянки Сауз III с таковыми на стоянке Давлеканово, тем более, что и в Давлеканово также представлен кремень мезолита, неолита, энеолита и бронзы. Различна, кстати, и площадь, вскрытая на памятниках (Давлеканово — 568, Сауз III — 104 м²). Из этого сравнения автор делает неожиданный вывод: «Сауз III — однослойное энеолитическое поселение» (с. 219).

Подводя итог, можно констатировать, что стоянка Сауз III, судя по полевой документации, описаниям и иллюстрациям Г. Н. Матюшина, представляет собой памятник с разновременными и разнокультурными остатками, давно известными в материалах неолита — энеолита Прикамья. Никаких оснований для включения его в ареал агидельской культуры нет.

Второй памятник в низовьях р. Белой — стоянка Бачки-тау II. Автор полагает, что культурный слой поселения разрушен (с. 220). Это не так. В 1972 г. на памятнике вскрыта большая площадь и получен значительный вещевой инвентарь [16, с. 195—207]. Описывая кремневый инвентарь, Г. Н. Матюшин делает вывод о том, что он «типичен для памятников энеолита Южного Приуралья» (с. 220). Однако в своей более ранней работе автор утверждает его типичность как неолитического [17, с. 70]. Керамика, судя по описанию Г. Н. Матюшина, довольно разнообразна. Часть ее неолитическая; другая группа, с растительными примесями, орнаментированная широкой гребенкой, напоминает посуду стоянки Сауз III. На этом основании автор расценивает весь керамический инвентарь как энеолитический (с. 220). Как показали исследования, на стоянке Бачки-тау II выделяются две разновременные группы керамики: первая — камская неолитическая, вторая — гаринско-борская [18, с. 195—207]. Таким образом, нет никаких данных для выделения материалов агидельского типа на данной стоянке.

Третий памятник — стоянка Кюнь II. Автор указывает, что в 70-е годы на стоянке проводила сборы экспедиция Башкирского государственного университета (с. 221), причем ссылается при этом на статью М. Ф. Обыденнова. На самом же деле в 1972 г. на памятнике вскрыто 200 м² под руководством И. Б. Васильева [5, с. 167], а в статье М. Ф. Обыденнова о памятнике ничего не говорится. Но это не главное. Автор пишет о керамике двух типов — «воротничковой» и «неолитоидной» (с. 220). Это совершенно верно, с той лишь разницей, что керамика с воротничками относится к эпохе поздней бронзы (культура курмантау). Судя по тому, что автор приводит рисунки неолитической керамики поселения Кюнь II, ссылаясь на отчет о раскопках и даже указывая номер хранения коллекции в фондах БашГУ (с. 327). Г. Н. Матюшин хорошо знаком с вещественным инвентарем стоянки. Поэтому вызывает удивление описание неолитической керамики стоянки Кюнь II (с. 221). Г. Н. Матюшин, подробно анализируя все формы венчиков (по отчету), называет среди них воротничковые. Однако это не воротнички с наружной стороны сосудов, а наплывы с внутренней стороны — характерная черта классической камской неолитической культуры. В материалах стоянки Кюнь II (из раскопок 1972 г.) кроме камской неолитической и курмантауской керамики эпохи бронзы нет ни одного фрагмента керамики, который можно было бы назвать или сравнить с воротничковой энеолитической. Поэтому сопоставление автором данной керамики с посудой Муллино IV и III и Давлеканово III (с. 221) более чем странно, как и отнесение стоянки «к концу раннего этапа агидельской культуры» (с. 221).

Еще один крупный памятник — стоянка у д. Старо-Буртюково (с. 221). Г. Н. Матюшин при ее описании ограничивается лишь выпиской из «Археологических открытий». Этого было бы достаточно, если бы не одно обстоятельство. Памятник содержит два разновременных комплекса: первый относится к камской неолитической культуре; второй, по мнению автора исследования — Ю. А. Морозова,— к гаринско-борской. Из этого следует, что отнесение данного памятника к агидельской культуре (причем к поздним ее этапам) дискуссионно.

Г. Н. Матюшин упоминает еще два пункта агидельской культуры — у д. Бурнюш (с. 221). Отнесение этих местонахождений к энеолиту основано на находке четырех неорнаментированных фрагментов, которые только «напоминают» агидельскую керамику. По-видимому, отнесение этих местонахождений к агидельской культуре преждевременно.

Заканчивая рассмотрение описанных в книге памятников так называемой агидельской культуры низовьев р. Белой, приходится констатировать следующее. Ни один из них не дает объективных оснований для их отнесения к особой энеолитической культуре. Этот вывод можно распространить на памятники верховьев р. Белой (с. 221—223) и на северо-восточные памятники Южного Предуралья (с. 223—228).

На этом мы закончим рассмотрение публикационной части книги. В данной рецензии нет возможности, да и необходимости, подробно разбирать все публикуемые памятники. Для большинства из них характерны показанные выше недостатки: отсутствие многих необходимых качественных и количественных данных и наличие массы второстепенных, нечеткость характеристики выделяемых типов инвентаря, необъясняемая и необоснованная корректировка не только интерпретации, но и фактической части используемых источников в публикациях разных лет, масса

неточностей и несоответствий. Остановимся на некоторых выводах автора рецензируемой книги, сделанных на основании этих материалов.

Один из основных выводов Г. Н. Матюшина — об участии энеолитических племен Южного Урала в сложении ямной общности — совершенно верен. Ямная общность складывалась на громадной территории, включая степь и лесостепь Приуралья и, возможно, Зауралья. Следует лишь отметить, что работы Г. Н. Матюшина в сравнительно небольшом районе Икско-Уральского междуречья едва ли дают возможность впервые, как он пишет (с. 3, 5), поставить вопрос о формировании огромной древнеямной этнокультурной общности.

Рассматривая проблему выделения агидельской культуры, Г. Н. Матюшин постоянно обращается к материалам самарской культуры. Параллели, несомненно, есть. Однако в первую очередь Г. Н. Матюшину следовало бы обратиться к материалам русско-азибейского типа со стоянок нижней Камы и Икско-Бельского междуречья из раскопок Р. С. Габяшева. Еще в конце 60-х годов получены доброкачественные источники по позднему неолиту — энеолиту данного района. Основная часть признаков выделяемой Г. Н. Матюшиным агидельской культуры находит близкие аналогии в материалах Р. С. Габяшева. Автор не мог их не знать, так как эти памятники давно введены в научный оборот и их публикации включены Г. Н. Матюшиным в список использованной литературы. Р. С. Габяшевым и другими авторами достаточно аргументированно обосновано соотношение самарской культуры с памятниками русско-азибейского типа [18, с. 13; 19, с. 171—173]. Это памятники камской неолитической культуры, расположенные на ее южной окраине и испытавшие определенное влияние южных энеолитических культур типа самарской, что и обусловило их специфику в переходный период от неолита к энеолиту.

Нельзя не остановиться и на культурообразующих признаках агидельской культуры, предложенных Г. Н. Матюшиным. Это воротничковые утолщения венчика, пояс ямочных вдавлений под ним, гребенчатый и «шнуровой» орнаменты, округлые и уплощенные днища, штриховая зачистка поверхности, т. е. основные признаки керамики, которые отсутствуют, как пишет Г. Н. Матюшин, в неолите, сероглазовской, ямной, полтавкинской и самарской культурах (с. 231). При выделении и обосновании новой культуры, пожалуй, не имеет доказательной силы привлечение материалов от неолита до эпохи развитой бронзы. Кроме того, перечисленные выше признаки агидельской культуры не столь специфичны, как кажется Г. Н. Матюшину. Воротничковое утолщение венчика в энеолите встречено на значительной территории от Урала до Днепра. Пояски ямочных вдавлений на шейках сосудов в это время не менее распространены [20, с. 156—186]. Использование зубчатого, в том числе и косозубого, штампа присуще ряду районов еще с эпохи неолита [21, с. 110]. Наличие шнуровой орнаментации на посуде агидельского типа, о чем пишет автор, весьма проблематично. Судя по публикации Г. Н. Матюшина, это скорее «гусеничка», или широкозубые гребенчатые штампы, тогда как шнур начинает употребляться и в Предуралье, и на других территориях в более позднее время. Таким образом, данные «культурообразующие», по Г. Н. Матюшину, признаки имеют достаточно широкие территориальный и хронологический диапазоны. Их аморфность подтверждается и тем, что автор включает в характеристику выделяемой им культуры, с одной стороны, сосуды камского неолита, а с другой — гаринско-борские, «флажковые», а также черкаскульские и курмантауские материалы эпохи поздней бронзы. Таким образом, в книге отсутствует характеристика специфических признаков, которая необходима при обосновании выделения новой культуры. Справедливости ради скажем, что Г. Н. Матюшин отмечает предварительный характер выделения агидельской культуры и не исключает возможности отнесения агидельских памятников к варианту самарской культуры. С одной стороны, «предварительность» отнюдь не заменяет необходимости системы доказательств. С другой — неясно, что же выделяет исследователь: культуру или вариант культуры?

Авторы рецензии не отрицают возможности и реальности выделения каких-либо новых образований в эпоху энеолита на границе лесной и лесостепной зон Приуралья. Более того, как показывает материал всей лесостепи Восточной Европы, процесс, подобный появлению памятников русско-азибейского и агидельского типов, происходил на всей широкой территории лесостепного Поволжья, Подонья и Поднепровья. На всей территории Восточной Европы появляются памятники, являющиеся результатом взаимодействия южных раннеэнеолитических культур

мариупольского круга с северными позднеэнеолитическими племенами. Поэтому представляются необходимыми всесторонний анализ доброкачественных источников и их публикация по каждому из районов. Именно этого и недостает рецензируемой книге.

В плане определения культурной принадлежности памятников агидельского типа Г. Н. Матюшину следовало бы внимательнее отнестись к материалам, полученным в последнее время в более южных районах. Керамика Муллино III находит близкие аналогии на Ивановской (энеолитический слой) и Турганикской стоянках, характеризующих этап II самарской культуры. Турганикская стоянка — памятник однослойный. Его синхронность с хвалынской культурой и, таким образом, более поздняя позиция по отношению к могильнику у с. Съезжее доказываются всей суммой материалов (типология керамики, присутствие импортных хвалынских сосудов, обломки браслета из мергеля и др.). Керамика Муллино III, как и керамика ивановско-токского типа, характеризуется той же формой сосудов и воротничков, сходными орнаментальными композициями, состоящими из горизонтальных линий, рядов вертикальных отрезков, выполненных гребенчатым штампом. Довольно редко на агидельских сосудах, как и на ивановских, встречается прием «шагающей гребенки», широко распространенный на посуде съезжинского типа. Особенно важно отметить форму гребенчатых штампов. Для тех и других типичны широкозубые штампы различной длины, или «гусеницы» (по терминологии Г. Н. Матюшина, «жучки»). Подобные штампы совершенно не характерны для керамики из могильника у с. Съезжее и других синхронных ему памятников мариупольской культурной области. На агидельской керамике не зафиксированы сложные меандровые композиции из рядов «шагающей гребенки»; кроме того, имеются сосуды, вовсе лишенные орнамента, что также сближает ее с материалами этапа II самарской культуры. Памятники этапа II самарской культуры и агидельского типа сближают также обилие и разнообразие костяных изделий, находки из камня (сланцевые плоские подвески с одним отверстием) и раковины (бусы, пронизки). О том же свидетельствуют топография памятников, расположенных на возвышенных останцах поймы, большая площадь поселений (около 2500 м³), структура и окраска культурных слоев. На основании проведенных сопоставлений синхронность материалов энеолитического слоя Ивановской стоянки и аналогичных ей памятников с материалами Муллино III, Давлеканово III, Кара-Якупово сомнений не вызывает. Несомненна и их культурная близость. В этом нет ничего удивительного, так как названные памятники «агидельской» культуры расположены от бассейна р. Самары на расстоянии не более 200 км, а верховья рек Ик и Демы подходят достаточно близко к притокам Самары — рекам Кинелю и Току.

Таким образом, памятники агидельского типа на основании показанных выше параллелей с материалами этапа II самарской культуры могут быть включены в последнюю. А так как памятников этапа I самарской культуры в Приуралье нет, это свидетельствует о распространении культуры в конце этапа I в более северные районы — в бассейны рек Ик и Демы. Как происходило это распространение, сказать трудно. Возможно, это было какое-то передвижение населения самарской культуры. Не исключено и распространение традиций без ее носителей.

Касаясь проблемы происхождения агидельской культуры, автор пишет о ее местной, в основном неолитической основе. К сожалению, характеристика этой основы отсутствует. В одних работах Г. Н. Матюшин определяет ее как камскую [22, с. 15], в других — как прибельскую [23, с. 185]. В данной работе нет характеристики ни той, ни другой. Поэтому трудно судить, насколько прав автор в своем утверждении о местной основе сложения агидельской культуры. Вместе с тем автор отмечает и «чужие мотивы для лесостепей, что, видимо, нужно объяснять либо миграцией южного (прикаспийского) населения на север, либо усилением контактов между приуральским и прикаспийским населением в эту эпоху» (с. 232). Не совсем ясно, почему автор считает воротничковое оформление венчика чуждым элементом для лесостепи. Ведь воротничок характерен для огромной территории, место его первого появления до сих пор не определено и, может быть определено не будет. Для неолита степи он так же нехарактерен, как и для неолита лесостепи. В комплексах самарской культуры сосуды с воротничком сосуществуют наряду с традиционными формами профилированной или прямостепенной посуды. Что же касается миграции из Прикаспия, как пишет Г. Н. Матюшин, то он, пожалуй, слишком смело оперирует подобными процессами. В советской археологиче-

ской литературе достаточно внимания уделено проблемам, причинам и признакам миграции [24, с. 9—27; 25, с. 89—144]. В данном случае каких-либо существенных признаков миграции из Прикаспия не выявлено. Если же говорить о контактах, то, они были, по-видимому, с населением не Прикаспия, а более близких районов юга лесостепного Поволжья и Приуралья (Съезжее, Виловатое, Ивановка, Ток). В целом позиция автора так и остается неясной: агидельская культура сложилась на местной основе (камской и прибельской) или же в результате миграции или контактов с более южными (прикаспийскими) племенами (с. 232)?

Особую важность в изучаемых проблемах имеют вопросы периодизации и синхронизации. В основу периодизации агидельской культуры Г. Н. Матюшин также положил стратиграфию стоянки Муллино, где, по его мнению, имеют место два четких слоя энеолитического времени. Четкость стратиграфии, как было показано выше, неубедительна. Но дело даже не в этом. Важнее вопрос о генетической связи и культурной принадлежности двух энеолитических групп керамики стоянки Муллино. Если более ранний комплекс (типа Муллино III), действительно, находит аналогии в памятниках мариупольского круга, то более верхнее напластование (Муллино IV, а также Сауз III) имеет довольно близкие аналогии в материалах либо гаринско-борской культуры, либо «флажковой» керамики Прикамья. Иначе говоря, объединение ранней и поздней групп материалов данного памятника в одну культуру неправомерно. Автор проводит параллели между позднеагидельской керамикой Муллино IV и хвалынской (с. 264). Детальное знакомство с материалами Хвалынского могильника убеждает в обратном. Автору скорее бы следовало обратиться к более северным районам Прикамья, где в памятниках гаринско-борского типа имеются значительные параллели керамике Муллино IV.

Автор порой чересчур увлекается сопоставлением памятников мариупольского круга (типа могильников Съезжее и Мариуполь), привлекая при этом слишком общие параллели (бусы, пластины и т. д.). Можно ли поставить в один ряд фигурки быков, лошадей и кабанов и погребения домашних животных (лошадь, бык, овца, собака) энеолитических памятников Поволжья и Поднепровья с фигурками бобра и сов и погребением бобра (доместикация которых, кстати, Г. Н. Матюшиным не доказана) со стоянки Муллино? В другом разделе книги автор пытается доказать хронологический приоритет агидельской культуры по сравнению со Съезжей. Большинство аргументов основано на допущениях, которые порой приобретают отвлеченный характер. Пожалуй, наиболее веским из аргументов выглядит ранний характер ритуального погребения бобра в Муллино в сравнении с погребениями животных на жертвенных площадках мариупольского типа. Однако может ли считаться это аргументом, если в погребении бобра лежал «сосуд неолитического облика» (с. 199), не имеющий отношения к энеолиту, а тем более к могильнику у с. Съезжее? Кстати говоря, традиция помещения керамики в погребения распространяется в Восточной Европе, как свидетельствуют имеющиеся материалы, с развитого энеолита. Даже в раннем энеолите керамику помещали не в погребениях, а на жертвенных площадках, рядом с ними [26, с. 30]. Поэтому нельзя исключать случайного попадания неолитической керамики в погребение.

Касаясь утверждения автора о частичном выходе агидельской культуры в Среднем Поволжье (с. 11), хотелось бы реально увидеть, какая и на каких конкретно памятниках самарской культуры (а тем более в сероглазовской культуре Прикаспия) встречена агидельская посуда. По мнению Г. Н. Матюшина, это свидетельствует о синхронизации самарской, агидельской и сероглазовской культур — вывод, противоречащий мнению самого автора, выделившего и начавшего изучение сероглазовской культуры [27, с. 99—102], и тех исследователей, которые непосредственно касались ее проблематики [28, с. 129].

Выделяя поздний этап агидельской культуры (типа Сауз III), Г. Н. Матюшин сравнивает ее с материалами Левшинской стоянки. Не совсем понятна необходимость перечисления вещевого комплекса Левшинской стоянки, хорошо известного специалистам. Судя по описанию, Г. Н. Матюшин придерживается классификации, предлагавшейся Н. А. Прокошевым и А. В. Шмидтом около полувека назад. Работами последующего времени доказана разновременность материалов этой стоянки. В частности, плоское днище, о котором пишет Г. Н. Матюшин (с. 230) вслед за Н. А. Прокошевым, орнаментировано не гребенчатым штампом, а наколами типа II Татарско-Азибейской стоянки. На Левшинской стоянке представлены мезолитические, неолитические камские, гаринско-борские, флажковые, тат-азибейские и дру-

гие материалы. Следовательно, Левшинская стоянка не может считаться опорой для сопоставления, а тем более выделения особого этапа агидельской культуры.

Одним из аргументов в пользу выделения второго этапа агидельской культуры служит территориальное и хозяйственное различие агидельской и гаринско-борской культур. Однако автор не учитывает всех имеющихся данных. Так, на карте, составленной О. Н. Бадером [29, с. 8], памятники гаринско-борского типа вплотную подходят к нижней Белой, а на карте в работе М. Ф. Обыденнова распространены на данной территории. Таким образом территориального разрыва нет. Имеются данные о наличии скотоводства в гаринско-борской культуре [30] [2]. Одним из аргументов выделения двух этапов агидельской культуры служат сопоставления топографии памятников: раннеагидельские располагаются на низких террасах, позднеагидельские — на высоких. Однако на большинстве памятников Предуралья такая закономерность не прослеживается. Даже собственно Муллино дает оба этапа. Что касается второго опорного памятника (Давлеканово), то, судя по данным Г. Н. Матюшина, он расположен на останце второй надпойменной террасы [14, с. 76].

Таким образом, выделение Г. Н. Матюшиным двух этапов агидельской культуры аргументировано недостаточно. Если материалы Муллино III, действительно, имеют аналоги в более южных памятниках самарской культуры, то основная часть керамики Муллино IV имеет северный круг аналогий (памятники гаринско-борского типа), хотя полного их тождества, естественно, нет.

Не может не привлечь к себе внимания картосхема на рис. 56 (с. 270). Здесь приведены заведомо разновременные культуры. Если самарскую и агидельскую культуры синхронизировать в какой-то степени можно, то этого никак нельзя сказать о гаринско-борской. Это же касается и табл. XIV на с. 272, где дана схема периодизации. Так, агидельская и суртандинская культуры занимают весь неолит и энеолит, что противоречит выводам даже самого Г. Н. Матюшина. В разделе «Присамарье» помещены памятники сероглазовской культуры, которых здесь нет. В графу «Поздний энеолит» автор включает стоянку Бор I, тогда как этот памятник, по мнению основного исследователя Прикамья — О. Н. Бадера, относится к гаринско-борскому типу, помещенному Г. Н. Матюшиным в этой же таблице в разделе «Ранняя бронза». Если Г. Н. Матюшин придерживается иного мнения, то его следовало бы обосновать.

Необходимо затронуть вопрос о терминологии. Вводить новые термины иногда необходимо — в том случае, когда исследователь открывает неизвестный ранее науке культурный тип. Здесь же иногда переименовываются старые, давно известные названия. Например, Г. Н. Матюшин сам пишет, что «Кысы-куль — чистое однослойное поселение суртадинского типа» (с. 97). На лучше ли дополнить новыми материалами вошедшую в литературу характеристику этого культурного типа, оставив название, уже укрепившееся в литературе?

То же относится и к памятникам Приуралья. Не касаясь частных моментов, обратимся лишь к названиям основных культурных типов и групп керамики, которыми оперирует автор работы в своих построениях по энеолиту Приуралья: позднеагидельская (хвалынско-левшинская) и раннеагидельская керамика (с. 201), гаринский этап борской культуры (с. 206), гаринско-борская культура (с. 231), левшинско-гаринский тип (с. 231), левшинская культура (с. 231), левшинско-гаринско-борская культура (с. 231), гаринский этап прикамской культуры (с. 231), хвалынско-левшинский слой (с. 231), хвалынский этап агидельской культуры (с. 231). Список различных сочетаний этих слов, встречающихся в книге, можно продолжить. Но ведь каждая из упомянутых Г. Н. Матюшиным культурных групп: левшинская, гаринская, борская, самарская, хвалынская и др.— обладает своим более или менее четким набором культурных признаков, охарактеризованных исследователями Прикамья и Поволжья. Смешивание их и употребление во всех возможных сочетаниях не проясняют, а совершенно запутывают имеющуюся картину неолита — энеолита Поволжья, Прикамья и Приуралья.

К сожалению, приходится констатировать и еще одну негативную деталь книги. Речь идет о стиле работы. На с. 9, 10 автор пишет о том, что стоянка Сауз III находится в лесостепи, а на карте, приведенной автором, значится лесная зона; на с. 198, на рис. 44, опубликован явно межовский фрагмент эпохи поздней бронзы из агидельского слоя. Он же опубликован на с. 244, табл. 100; в тексте (с. 205)

[2] Здесь нельзя не напомнить о плохой сохранности костей в песчаном грунте прикамских стоянок.

указано, что табл. 100 — керамика из Муллино III (ранний энеолит), на самой иллюстрации значится «Муллино IV (поздний энеолит)», а на самом деле здесь частично изображена неолитическая керамика; на с. 4 упоминаются могильники сероглазовской культуры, которые еще неизвестны; неоднократно перепутаны инициалы исследователей и т. д. Очень жаль, что подобного рода ошибки являются не досадными исключениями, а системой. Это было бы не столь существенно, если бы не касалось серьезных аспектов. Общеизвестно, например, что проблема абсолютной датировки неолита — энеолита Прикамья и Предуралья — одна из наиболее острых, в основном из-за нехватки дат по ^{14}C. Автор рецензируемой книги, вместо того чтобы попытаться критически оценить имеющиеся данные, усугубляет и без того сложную ситуацию: определяя абсолютный возраст агидельской культуры, он приводит три радиоуглеродные даты для слоя, «в котором залегают неолитические материалы» (с. 214). Именно эти даты автор уже приводил в монографии по мезолиту, где указано, что образцы взяты из мезолитических очагов [14, с. 307, 308]. Какой книге верить?

Подведем итоги. Задача, поставленная автором в начале книги,— публикация новых материалов — абсолютно верна. Более того, это долг каждого исследователя. Большинство построений рано или поздно уходит в историографию, а первоклассные публикации сохраняют свое значение на любом этапе исследования. Можно согласиться или нет с концепциями и гипотезами автора, нельзя не признавать лишь факты. Однако в данном случае приходится констатировать, что основная задача книги — публикация материалов — выполнена не лучшим образом. Что же касается интерпретационной части, то и в ней автор не выстроил ясной, строгой, логически последовательной и аргументированной системы доказательств. Поэтому выводы автора, может быть порой и верные, затерялись на общем фоне допущений и догадок, неточностей и недостоверностей. Широкий круг исследователей, давно ждавших публикации материалов новых энеолитических памятников Южного Урала, к сожалению, не получил полноценного источника.

Васильев И. Б., Выборнов А. А., Моргунова Н. Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О. Н., Выборнов А. А.* Саузовская II стоянка в устье реки Белой и некоторые проблемы неолита — энеолита Приуралья.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
2. *Габяшев Р. С.* Неолит Нижнего Прикамья. Автореф. канд. дис. Казань: КФ АН СССР, 1978.
3. *Габяшев Р. С.* Русско-Азибейская стоянка.— В кн.: Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: Изд-во КФ АН СССР, 1978.
4. *Матвеева Г. И.* Стоянка Какрыбаш в Приуралье.— В кн. Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
5. *Васильев И. Б., Горбунов В. С., Иванов В. А., Обыденнов М. Ф., Рутто Н. Г.* Работы Московского отряда Нижнекамской экспедиции.— АО-1972. М., 1973.
6. *Агеев Б. Б., Васюткин С. М., Стоколос В. С.* Работы в низовьях р. Белой.— АО-1970. М., 1973.
7. *Обыденнов М. Ф.* Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.
8. *Телегин Д. Я.* Об абсолютном возрасте ямной культуры.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
9. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981.
11. *Старков В. Ф.* Хронология неолита лесного Зауралья.— КСИА, 1978, вып. 153.
12. *Бадер О. Н.* Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления.— КСИА, 1978, вып. 153.
13. *Мерперт Н. Я.* Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
14. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
15. *Матюшин Г. Н.* Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале.— СА, 1970, № 4.
16. *Выборнов А. А., Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф.* Поселение Бачки-тау II — новый памятник неолита — энеолита Нижнего Прибелья.— В кн.: Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
17. *Матюшин Г. Н.* Памятники каменного века в низовьях р. Белой.— В кн.: Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М.: Наука, 1972.
18. *Габяшев Р. С.* Нижнее Прикамье в эпоху раннего металла.— В кн.: Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы (тез. докл. конф.). Оренбург, 1980.

19. *Васильев И. Б.* Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время.— В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.
20. *Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г.* Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
21. *Гусенцова Т. М.* К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья.— КСИА, 1981, вып. 165.
22. *Матюшин Г. Н.* Мезолит и неолит Башкирии. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1964.
23. *Немкова В. К., Матюшин Г. Н., Яхимович В. Л.* Время и природные условия возникновения и развития мезолита в Предуралье и на Южном Урале.— В кн.: Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977.
24. *Мерперт Н. Я.* Миграции в эпоху неолита и энеолита.— СА, 1978, № 3.
25. *Титов В. С.* К изучению миграций бронзового века.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982.
26. *Васильев И. Б.* Энеолит лесостепного Поволжья.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
27. *Мелентьев А. Н.* О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия.— КСИА, 1978, вып. 153.
28. *Дубягин П. С., Чикризов Ф. Д., Чуринов В. А., Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Новые материалы неолита — бронзы из Северного Прикаспия.— В кн.: Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев. 1982.
29. *Бадер О. Н.* Поселение турбинского типа в Среднем Прикамье.— МИА, 1961, № 99.
30. *Выборнов А. А., Овчинникова Н. В.* Итоги раскопок поселения Сауз II (1980 г).— В кн.: Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1982.

Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л.: Наука, 1983. 112 с.

Вышел из печати сборник статей и публикаций, отражающих работы крупнейших новостроечных экспедиций Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Эти работы ведутся в основном на востоке и западе евразийских степей и в прилегающих к ним горных районах. За несколько лет работы экспедиций накопился огромный материал, позволяющий по-новому взглянуть на многие вопросы древней истории этих районов. Но добытые раскопками факты известны только сотрудникам экспедиций и не стали достоянием других исследователей. Информации в сборниках «Археологические открытия» носят предварительный характер, не давая необходимых представлений о материалах. Поэтому появление рецензируемого сборника в какой-то степени восполняет пробел: в нем содержатся сведения об основных памятниках, новых взглядах и идеях, которые появились в связи с исследованиями, путях, по которым идут исследования.

Открывается сборник статьей В. М. Массона (с. 3—9), в которой показаны народнохозяйственное значение работ на новостройках, новая роль археологических исследований в хозяйственной жизни страны. На широком историческом фоне рассматриваются первые результаты работ новостроечных экспедиций. Обращено особое внимание на узловые вопросы древней истории евразийских степей, для [illegible]ения которых появились новые данные. Затрагиваются и вопросы датировок некоторых культур и этапов в свете новых анализов, полученных радиоуглеродным методом. В первую очередь это касается эпохи энеолита (афанасьевской культуры), которая, действительно, должно быть, старше, чем принято считать в настоящее время, а также начала эпохи ранних кочевников, которое, судя по последним изысканиям М. П. Грязнова, относится к VIII в. до н. э., а возможно, и более раннему времени.

Археологические работы на новостройках имеют свою историю. Они возникли в первые годы Советской власти. О первых работах, их становлении, развитии и совершенствовании рассказывается в публикации Н. А. Беловой и К. М. Пескаревой (с. 9—12), которые проследили этот процесс на материалах богатейшего архива ЛОИА, отражающих начальный период работ на новостройках страны.

Остальные работы, помещенные в сборнике, дают представления о том, что сделано каждой экспедицией. В статье С. Н. Астахова (с. 12—17) подводятся итоги изучения палеолита в Саяно-Тувинском горном районе. Здесь до работ экспедиции были известны две стоянки и несколько местонахождений подъемного материала. Теперь же памятники палеолита открыты в 40 пунктах Центральной Тувы и в 34

в Саянах. Установлено, что в Туве и Саянах человек обитал начиная с мустьерского времени. Однако заселены эти районы были неравномерно: памятники сосредоточены в нескольких местах, наиболее удобных для жизни и охоты. Палеолитические памятники неоднородны: одни из них демонстрируют близость к афонтовской культуре, другие — к кокоревской. Кроме того, в Центрально-Тувинской котловине намечается существование какого-то особого варианта позднепалеолитической культуры.

Особое значение имеют находки в нижней части Саянского каньона. Здесь, в устьях и долинах рек Кантегир, Джой, Уй, Сизая и др., открыты многослойные памятники. На некоторых из них обнаружены следы наземных жилищ типа чумов. Специальному рассмотрению некоторых из этих стоянок посвящена публикация С. А. Васильева (с. 17—20). Основное внимание уделено памятникам на р. Уй, в первую очередь Майнской стоянке, в которой выявлены остатки 13 слоев, давших большие коллекции каменных и костяных орудий, близких материалам афонтовской культуры. Вскрыты остатки 25 очагов и мастерских по обработке камня. Наиболее значительной находкой, единственной на территории СССР, является антропоморфная статуэтка из обожженной глины.

Материалам из раскопок многослойной стоянки Тоора-Даш посвящена публикация Вл. А. Семенова. Раскопки этого памятника дали много нового не только для древней истории и периодизации культур Тувы, но и для соседней Минусинской котловины. Стоянка стала эталонным памятником для территории Саян в неолитическое и энеолитическое время. Правда, нет уверенности, что неолит этого района представлен только памятниками типа нижнего слоя Тоора-Даш. Но отнесение нижних слоев к неолиту не вызывает сомнения, тем более что они перекрыты энеолитическим афанасьевским слоем. Из последнего происходит небольшой, но достаточно выразительный материал.

Очень важно, что аналогичные материалы происходят и из других стоянок. Но пока говорить о самостоятельном варианте афанасьевской культуры Тувы несколько преждевременно. Возможно, здесь афанасьевцы появились из Минусинской котловины под давлением окуневцев.

Важным является открытие на Тоора-Даш двух окуневских слоев, отличающихся по керамическому материалу и отчетливо разделенных стратиграфически. Нет сомнения, керамика, украшенная сложными (в том числе и геометрическими) узорами, является более поздней. Однако в могильниках Минусинской котловины, даже там, где преобладает посуда, близкая позднему слою Тоора-Даш, встречаются сосуды, сопоставимые с материалами более раннего слоя VI. Это позволяет ставить вопрос о наличии среди минусинских памятников более ранних и более поздних. В целом стоянка Тоора-Даш является хорошим источником для уточнения периодизации ранних периодов истории Тувы.

Самым крупным объектом работ Саяно-Тувинской экспедиции является обширное могильное поле Аймырлыг, некоторым итогам изучения которого посвящена статья А. М. Мандельштама (с. 25—33). Здесь обнаружены памятники разных исторических эпох: от эпохи бронзы до нового времени. Но основная масса раскопанных могил представлена сооружениями скифского времени. А. М. Мандельштам приводит обобщенные сведения как о могильных сооружениях разной конструкции, так и о погребальном обряде, характеризуемом определенным единством. Рассмотрены различные категории найденных в могильнике вещей: оружие, предметы «звериного стиля», удила и псалии, разнообразные бронзовые и костяные наконечники стрел, орудия труда (ножи, шилья), различные украшения, предметы бытового назначения, глиняная и деревянная посуда, а также предметы культового назначения. Отсутствие в могильнике импортных вещей затрудняет датировку, оставляя единственный путь сопоставления и сравнения по аналогии. С помощью этого метода А. М. Мандельштам выделяет комплексы, относящиеся к раннескифскому времени — VII—VI вв. до н. э., но основную массу раскопанных могил относит к V—III вв. до н. э., считая, что скифская эпоха в Туве заканчивается во II в. до н. э.

В могильнике Аймырлыг имеются памятники разных эпох, в том числе и могилы гунно-сарматского времени, которых раскопано около 200. Э. У. Стамбульник приводит характеристику могильных сооружений и инвентаря этой группы погребальных памятников. Среди них особое место занимают вещи, сделанные из бересты и украшенные различными рисунками, в том числе знаками, которые, возможно,

относятся к неизвестной пока письменности. Отсутствие устойчивости в формах могильных сооружений, положении погребенных, некоторых чертах керамики, по мнению автора, свидетельствует о «переходном» характере могил и формировании культуры гунно-сарматского облика в Туве.

В статье Г. В. Длужневской (с. 41—45) рассматриваются некоторые вопросы средневековой истории Тувы IX—XII вв. в свете добытых экспедицией новых материалов, в том числе из целиком раскопанных памятников. Небольшая публикация А. Я. Щетенко (с. 46—47) посвящена уйгурскому городищу Бажан-Алаак, в результате раскопок которого были уточнены конструкции оборонительных сооружений и время прекращения жизни на этом памятнике.

Вторая группа опубликованных работ посвящена памятникам лесостепной зоны Центральной Сибири, исследованной Сибирской экспедицией.

В сообщении Э. Б. Вадецкой (с. 47—56) приведены общие сведения о проделанной экспедицией работе. Была составлена археологическая картина Шарыповского района, включившая в себя 88 памятников. За время работы экспедиции была частично исследована верхнепалеолитическая стоянка Березовый Ручей I, давшая кремневые и костяные орудия, а также фаунистические остатки. Проведены небольшие работы на стоянке энеолитического времени Кадат-6. Основные же работы велись на могильниках тагарского времени: Березовское, Кадатское поле, Ашпыл, Шарыпово, Береш. В процессе работ у Ашпыла были раскопаны андроновские могилы и проведены небольшие работы на двух поселениях, в материале которых встречена керамика андроновского, ирменского и тагарского облика.

Из вопросов истории тагарской культуры лесостепи, затронутых Э. Б. Вадецкой, на трех хотелось бы остановиться. До революции в лесостепном коридоре было раскопано всего два кургана этого времени — Назаровский и Большой Барандат. Примерно в течение 20 лет до начала работ Сибирской экспедиции в этих районах производили раскопки курганных могильников кемеровские археологи, возглавляемые А. И. Мартыновым. В результате многие памятники были уничтожены, так как бульдозером сносилась насыпь до покрытия могил, а расчищались только сами могилы. На основании этих работ сложилось определенное мнение о курганах лесостепи. Начиная с первого сезона работ экспедиции курганы раскапывались по современной методике с полным исследованием насыпи. С тех пор, естественно, изменилось и представление о курганах лесостепи.

Дискуссионным является вопрос о датировке поздних курганов и существовании в лесостепном коридоре островка тагарской культуры. Особенности тагарских памятников лесостепной зоны, даже при отсутствии самых ранних, свидетельствуют о несколько отличном от Минусинской котловины пути развития здесь материальной культуры. Своеобразие и характер изменений культуры пока не изучены, и именно это должно стать предметом исследования. Необходимо со всей тщательностью установить относительную последовательность появления отдельных особенностей и деталей и только после этого привлекать данные радиоуглеродных дат. Исходить же из последних методически неверно. Радиокарбонная датировка большого кадатского кургана III в. н. э. входит в противоречие с особенностями этого памятника и найденных в нем материалов, которые должны относиться к III в. до н. э. и предшествовать кургану у с. Береш, соответствующему южным памятникам того же типа, датируемым II—I вв. до н. э.

Кроме того, утверждая, что изучаемый район был «торной дорогой» начиная с эпохи энеолита и до железного века включительно (с. 48), Э. Б. Вадецкая допускает и логическую ошибку. В районе, где происходили постоянные движения, не мог в неприкосновенности длительное время существовать особый островок тагарской культуры.

Неясен вопрос о характере коллективных погребений: являются ли они одновременными или же погребальное сооружение было своего рода склепом, куда постепенно подхоранивали умерших. Э. Б. Вадецкая склоняется (с. 54—56) к мнению, что это одноактные захоронения — «братские могилы», куда хоронили людей не по родственному признаку. Доказывается это положение следующим: «площадь камеры в целом пропорциональна количеству погребенных, умещавшихся по дну в один ряд»; в камерах встречаются не только трупы, но и кости; только в одной из 80 могил был обнаружен вход. С одноактностью захоронений согласиться трудно. Во-первых, не количество погребенных определяло площадь, а наоборот, площадь лимитировала количество погребенных. В тех случаях, когда места не хватало,

людей хоронили в два ряда и более. Во-вторых, если бы большинство могил были индивидуальными, но встречались бы и коллективные, с большим числом погребенных, можно было бы думать, что в коллективных погребены люди после какой-то катастрофы, т. е. имела место братская могила. Предполагать же, что к моменту сооружения каждого кургана имелось от десятка до сотни и более умерших, по крайней мере, трудно. В-третьих, если бы было одноактное погребение людей, умерших в разное время и до захоронения находившихся в другом месте, то в коллективных могилах преобладали бы расчлененные костяки, а целые были бы единичны. На самом деле, этого не наблюдается. Беспорядок же и отсутствие костей или черепов произошли из-за плохой сохранности могилы, ее сожжения, спрессования костей под тяжестью земли, ограбления. В-четвертых, отсутствие входа объясняется в первую очередь методикой раскопок. В отдельных случаях он обнаруживается (Березовский могильник, кург. 8, мог. 1; большой курган у с. Сарагаш; таштыкские склепы у г. Тепсей), в других его наличие можно предполагать (в Тесинском склепе в с. Береш у трех стен были сделаны полати, а у западной их не было), так что вопрос об одноактности должен быть оставлен. Необходимо внимательней искать входы, совершенствуя для этого методику раскопок.

В публикации С. В. Гультова (с. 58—61) приведены сведения о раскопанных на Ашпыле тагарских курганах. Автор выделяет ранние — VI—V вв. до н. э. и поздние — IV—III вв. до н. э. По-видимому, автор неоправданно занижает возраст ранней группы памятников.

В публикации Е. Л. Кириллова (с. 61—64) содержатся сведения о тагарском погребении на территории г. Шарыпова. Автор датирует его концом сарагашинского этапа, т. е. III в. до н. э. В работе А. В. Субботина (с. 64—66) речь идет о результатах раскопок Тесинского склепа в с. Береш II—I вв. до н. э. Г. Н. Курочкин (с. 56—58) сообщает о раскопках стоянки Кадат-6, давшей керамику и небольшое количество каменных орудий. Керамика в большинстве своем относится к окуневскому времени. Видимо, к гому же времени нужно отнести и керамику, украшенную широкими овальными вдавлениями, так как такой орнамент однажды был встречен на окуневской посуде. Что же касается керамики, названной автором «абразивной», она, безусловно, отличается от остальной посуды, но определить ее место пока затруднительно. Раскопки стоянки Кадат-6 подтвердили, что памятники окуневской культуры распространены и на севере Минусинской котловины. Правда, это стало известно еще за 2 года до работ Г. Н. Курочкина, при раскопках тагарских курганов на Кадатском поле в 1978 г. О. Л. Пламеневская обнаружила аналогичную керамику и каменные вещи, относящиеся к этому же поселению.

Работа Н. А. Боковенко, В. Н. Седыха и С. В. Красниенко (с. 75—81) посвящена изучению тагарских памятников Среднеенисейской экспедицией. Авторам удалось выявить некоторые особенности в конструкции курганов и могил; в результате тщательных раскопок могил с большим количеством погребенных найдены остатки конструкций лазов, через которые производили последовательные захоронения. Отмечаемое авторами своеобразие оград в курганах предгорий Саян — отсутствие здесь сплошных каменных стен и сооружение их из обломков камней и дерева — связано в первую очередь с наличием лесов, что и позволило шире, чем в степных местах, использовать дерево.

В публикации Н. Ю. Кузьмина (с. 72—75) приводятся результаты исследования более 100 могил тесинского этапа тагарской культуры II—I вв. до н. э. Он выделяет четыре варианта могил с разными видами погребений, описывает наиболее интересные находки. Можно согласиться с автором, что грунтовые могильники тесинского времени оставлены пришлым населением в отличие от склепов, продолжавших древние местные традиции.

В статье Н. Ф. Лисицына (с. 66—70) сделан обзор работ Среднеенисейской экспедиции в различных частях Хакасской автономной области: по берегам Красноярского моря, в Бейском районе, на площади Знаменской оросительной системы, в Усть-Абаканском районе, на территории Саяногорска и в других местах. Исследовались памятники различного времени — от палеолита до железного века. Основное внимание уделялось тагарским курганам с коллективными захоронениями.

Результатам исследования памятников предтагарского времени посвящена публикация Е. Д. Паульса (с. 70—72). Автор приходит к выводу, что исследованные памятники относятся к переходному карасукско-тагарскому времени (с. 72). К со-

жалению, Е. Д. Паульс придал решающее значение тем особенностям раскопанных курганов, которые объясняются только местными условиями, и имеющимся там строительным материалом. Е. Д. Паульс увидел за ними сочетание карасукских и тагарских черт. Для выделения этих памятников он использовал крайне неудачный термин, предложенный А. Г. Козинцевым,— «атипичный карасук». В археологической литературе памятники позднекарасукского времени именуются по-разному, но чаще всего их называют каменноложскими, как это предложил делать М. П. Грязнов. Каменноложские памятники неоднородны, среди них есть более ранние, типа Карасук IV, Карасук VIII, в которых просматриваются черты предшествовавшего раннекарасукского времени, и поздние — типа Федорова улуса, стоящие на рубеже тагарской культуры. Памятники, о которых идет речь в статье Е. Д. Паульса, сопоставимы с Федоровым улусом. В том же районе, в зоне Означенской оросительной системы, имеются и могильники, сопоставимые с ранними каменноложскими памятниками, так что новые памятники полностью укладываются в периодизацию древних культур Минусинской котловины. Что же касается раннекарасукских памятников, то они пока на южной границе Минусинской котловины не найдены.

В коллективной статье В. С. Бочкарева, Э. С. Шарафутдиновой, А. Д. Резепкина, В. А. Трифонова, Г. Н. Бестужева (с. 82—88) подведены краткие итоги работ Кубанской экспедиции. Она возродила прерванные ранее традиционные работы сектора Средней Азии и Кавказа на Кубани. Целью работ экспедиции было создание надежной периодизации этого района. За время работ экспедиция раскопала более 70 курганов, поселение эпохи бронзы, групповый могильник предскифского времени, обследовала дольмены. В результате была построена периодизация древностей Прикубанья от энеолита до эпохи поздней бронзы. В одном из погребений (станица Батуринская, кург. 3, погр. 11) была сделана уникальная находка — отпечатки ткани с росписью, относящейся к концу эпохи ранней бронзы. В Закубанье, в урочище Клады у станицы Новосвободной, вскрыта гробница с погребением «царя», в котором найдены многочисленные предметы: оружие, престижные вещи, статуэтки, орудия труда.

Многие из найденных предметов были подвергнуты трасологическому изучению, результаты которого приведены в статье Г. Ф. Коробковой и Т. А. Шаровской (с. 88—94). Выяснилось, что среди вещей, положенных в царскую гробницу, оказались абразивы для заточки бронзовых орудий (ножей, топоров, шильев), предметы металлообработки (в первую очередь — ювелирного дела), оружие и предметы культа. Выявлена характерная для этого времени техника изготовления каменных орудий. Установлено наличие местного центра металлообрабатывающего производства.

Завершается сборник рядом работ, в которых анализируются отдельные виды вещей и материалов из новостроечных экспедиций. В работе Н. М. Ермоловой и Ю. Н. Маркова (с. 95—98) приведены новые радиоуглеродные определения возраста по материалам Сибирских экспедиций, начиная с афанасьевской эпохи и кончая таштыкской. Подавляющее большинство определений согласуется с общеисторическими представлениями, но два-три им противоречат. Авторы правильно считают, что для большей точности необходимо проводить серийные анализы. В статье В. А. Галибина (с. 98—100) приводятся сведения о составе стеклянных вещей из памятников Восточной Сибири. Работа в этом направлении только еще начинается. Спектрально-аналитическое исследование С. С. Миняева (с. 101—103) привело автора к выводу о том, что в хунское время не было единого центра, откуда бы распространялись специфические хунские бронзы по азиатским степям. В каждом регионе был свой местный центр их изготовления. Большие остеологические материалы были проанализированы Н. М. Ермолаевой (с. 103—107). Прослежено, как в эпоху палеолита с изменением климата и ландшафта изменялся видовой состав животных, на которых охотились люди того времени. Для эпохи неолита материала пока мало. В различные периоды эпохи бронзы преобладало разведение крупного рогатого скота и лошадей, а овцеводство носило подчиненный характер.

Несмотря на краткость отдельных статей и публикаций, рецензируемый сборник дает достаточно полное представление о работе крупных новостроечных экспедиций ЛОИА, тех путях, по которым идут исследователи, и задачах, стоящих перед ними. Несомненным достоинством сборника является помещение статей и публикаций с анализом археологических материалов методами других наук. Хочется пожелать, чтобы такие сборники выходили чаще.

Максименков Г. А.

В. А. Джорбенадзе. Археологические памятники Иорского ущелья. Т. IV. Эрцо — Тианети в средние века. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 118 с., илл. (на груз. яз.; русск. резюме)

Интенсивные работы на новостройках, охватившие в последние годы многие районы Грузии, ежегодно приводят к выявлению многочисленных, не известных ранее памятников археологии. Необходимость оперативного введения в научный оборот этих памятников очевидна. В печати систематически появляются информации о новейших открытиях грузинских археологов, выходят и более подробные публикации, в том числе в серийных изданиях, посвященных территориальным группам памятников.

К числу таких серийных изданий относится и монографическое исследование В. А. Джорбенадзе, посвященное памятникам эпохи средневековья в Иорском ущелье. Работа В. А. Джорбенадзе вышла четвертым томом в серии изданий, посвященных древностям данного района.

Краткое русское резюме дает только самое общее представление об исследованных комплексах и основных категориях находок. Оно, безусловно, не может полностью осветить результаты работ по изучению этого чрезвычайно важного в истории Восточной Грузии района. Иорское ущелье — это территория исторической Кахети. В процессе объединения провинций Восточной Грузии в VIII—IX вв. Кахети вошла наряду с Кухети, Гардабани и Эрети в единое территориальное образование — Кахетию, одну из основных грузинских провинций. Политическим и стратегическим центром ее в этот период являлась крепость Уджарма, располагавшаяся на правом берегу р. Иори. Ранее, в период до возвышения Уджармы, наиболее крупным политическим центром был Челети-Бер, хорошо известный по сведениям «Картлис Цховреба» — средневековых грузинских хроник. На основании данных письменных источников Челети-Бер локализуется в окрестностях с. Сиони (верховья р. Иори). Внимание исследователей к Иорскому ущелью, таким образом, во многом определяют возможности комплексного анализа процесса исторического развития одного из раннесредневековых городских центров, перспективы изучения процесса перемещения стратегических и культурных центров в зависимости от общей экономической и политической ситуации в Восточной Грузии. Важно и то, что Иорское ущелье сыграло заметную роль при освоении Алазанской долины в процессе постепенного продвижения населения из горных районов в среднее и нижнее течение р. Иори. Рецензируемая работа В. А. Джорбенадзе состоит из обширного введения и двух глав. Во введении рассказывается о географических и природных условиях рассматриваемого района (с. 19—21), анализируются данные письменных источников, посвященных Иорскому ущелью (с. 21—25). Приводится история археологического изучения известных здесь памятников (с. 6—18) и подробно описаны археологические памятники в Эрцо, Жалети и Тианети (с. 25—35). В. А. Джорбенадзе подчеркивает заслуги дореволюционных исследователей, но отмечает в то же время, что в начальный период изучения археологических памятников долины р. Иори в основном проводились работы описательного характера. Систематическое изучение региона начато только в 50-е годы и связано с созданием объединенной экспедиции Института истории им. И. А. Джавахишвили Академии наук ГССР и Тбилисского гос. университета. Эта экспедиция наряду с исследованием крепости Уджарма поставила целью систематически обследовать все Иорское ущелье. Начиная с 50-х годов различные экспедиции изучали разновременные памятники около с. Сиони, в долине Эрцо и в верховьях р. Иори [1—3].

Большое внимание В. А. Джорбенадзе уделяет анализу оборонительной системы Иорского ущелья. В ее состав в эпоху средневековья входили Бочормская крепость и Уджарма, расположенные вблизи перевалов, через которые проходили, как полагает исследователь, наиболее значительные торговые дороги. Автор описывает памятники культовой архитектуры, прежде всего Сионскую (вторая половина V в.) и Жалетскую (IX—X вв.) трехнефные базилики, Бочормский купольный храм (X—XI вв.), а также обнаруженные в ряде сел поздние церкви зального типа, построенные из булыжника, плитняка, с употреблением кирпича на известковом растворе. При этом В. А. Джорбенадзе отмечает, что церкви развитого (XI—XIII вв.) и особенно позднего средневековья возникли под влиянием притока населения из горных районов Пшави, Хевсурети и Мтиулети; Иорское ущелье являлось своеобразным трамплином в ходе освоения Алазанской долины.

Все выявленные в рассматриваемом регионе памятники отмечены на карте-схеме (с. 25). Жаль только, что хронологически разновременные памятники, помещенные на ней, не выделены различными условными обозначениями.

Глава 1 посвящена обзору раннесредневековых памятников (IV—IX вв.), исследовавшихся самим В. А Джорбенадзе. Здесь приведены подробные сведения о комплексах восьми могильников, охарактеризованы находки с двух поселений. Наличие погребального инвентаря, в основном украшений, позволило автору в некоторых случаях провести детальное хронологическое определение захоронений. Для захоронений IV—V вв. были характерны булавки с круглыми головками из сердолика и граната (с. 53, табл. XVIII, *1*), фибулы с подвязным приемником (с. 63); для погребений VI—VIII вв. наиболее характерными предметами были бронзовые булавки с овальными головками из стекла, гагата, коралла (с. 46, 53), с головками в виде кисти руки (с. 71) и модели здания (с. 69). Сравнительный анализ материалов позволил В. А. Джорбенадзе установить, что некоторые из могильников формировались в течение длительного периода — V—VIII вв. (Магранети, Трани, Яраджулеби). Это является несомненным свидетельством устойчивости обитания населения Иорского ущелья. На основании реконструкции погребального обряда, одежды автор отмечает единство в экономическом и культурном развитии горных и равнинных районов, делает вывод о связях рассматриваемого района с Картли, Мцхетой.

В главе 2 анализируются памятники XI—XIII вв. Среди рассмотренных материалов этого периода привлекает внимание комплекс памятников в окрестностях современного с. Тианети (поселение, мог. 2, церкви, башня). На поселении найдена глазурованная столовая и кухонная посуда, датируемая XI—XIII вв. (с. 81, 82). К сожалению, не удалось получить представление о жилых домах на поселении.

Большой интерес представляет гончарный комплекс около с. Трани, где были выявлены остатки двух двухкамерных сводчатых обжигательных печей. В одной из них (XII—XIII вв.) сохранилась топочная камера. В печах найдена изготовляемая продукция: кувшинообразные сосуды, ойнохойевидные кувшины и кувшины с ручками и носиками на тулове (с. 88, 90). Всего в печах найдено около 50 сосудов, сделанных одним мастером. Рядом с печами находилось творило — яма (глубина 1, диаметр 1,3—1,8 м), обложенная булыжником (с. 85). Здесь же найден керамический брак и подставки-треножники для обжига керамики. К югу от гончарного комплекса было расположено селище. Здесь найдена керамика, аналогичная обжигаемой в печах, и столовые глазурованные сосуды XII—XIII вв. Прекращение жизни на поселении и гибель керамического комплекса В. А. Джорбенадзе связывает с походом в Эрцо и Тианети монголо-татарских войск в конце XIII в.

Подробно описывает исследователь и четыре раскопанных им могильника XI—XIII вв., которые в отличие от более ранних были расположены около храмов. В работу включены также результаты анализа изделий из бронзы, железа и стекла.

В заключении автор подчеркивает, что материал раскопок позволяет судить об экономической стабильности жизни ущелья на протяжении всего рассматриваемого периода (IV—XIII вв.). Он отмечает, что период расцвета здесь, как и в других районах Восточной Грузии, приходится на XI—XIII вв.[1]

Исследование В. А. Джорбенадзе представляет большой интерес для изучения не только истории Восточной Грузии. На локальных материалах автор поставил вопрос о взаимоотношениях населения равнинных и горных территорий. К сожалению, этот аспект только намечен и не получил достаточно полного освещения. В рецензируемой работе содержится материал для изучения истории местного ремесленного производства, особенностей строительной техники, проявившейся прежде всего в творческой переработке местными строителями типичных для Восточной Грузии архитектурных композиций культовых зданий [2].

[1] Делая вывод о непрерывности обитания, В. А. Джорбенадзе, к сожалению, не объясняет, чем вызвано отсутствие памятников, относящихся к X в. В первой главе он рассматривает материалы до IX в., анализ материалов второй начинается с XI в.

[2] Говоря об этом направлении работы В. А. Джорбенадзе, нельзя не сделать следующего замечания: на таблицах иллюстраций представлен внешний вид храмов, часовен и отсутствуют их планы, за исключением плана и разрезов церкви Копале (с. Сиони). Кроме того, датировка памятников рассматривается в основном тексте глав, написанных на грузинском языке, и было бы желательно указывать время их строительства в подписях к иллюстрациям, которые даны и на русском, и на грузинском языках. Это замечание в равной степени относится и к рисункам находок.

Для читателя желательно было бы приведение более подробной справки об историческом развитии исследуемого района или хотя бы ссылка в тексте резюме на обобщающие работы, в которых рассматривается и исследуемый В. А. Джорбенадзе регион [4—6]. Это позволило бы более широко использовать интересные наблюдения автора, поставить их во взаимосвязь с развитием соседних районов, а также выявить локальные отличия.

Недостатком работы В. А. Джорбенадзе является также отсутствие археологической карты. В тексте работы исследователь описывает или упоминает 44 памятника (крепости, селища, могильники, культовые сооружения), а на карте-схеме (с. 25) отмечено 80 памятников. Таким образом, о половине из них читатель не получает информации. Введение археологической карты могло бы пойти за счет частичного сокращения раздела об истории изучения Иорского ущелья.

В настоящее время творческий коллектив, возглавляемый Р. М. Рамишвили, в который входит и автор рецензируемой монографии, завершает изучение района Арагвского ущелья. Здесь раскапывается городище Жинвали XI—XIV вв. (М. Г. Маргелашвили), могильник (В. А. Джорбенадзе), ряд селищ (Г. М. Рчеулишвили). Кроме того, в окрестностях Жинвали обнаружены и другие памятники, в том числе и более раннего времени. Все это позволит комплексно рассматривать историю другого значительного района Восточной Грузии. Хотелось бы пожелать, чтобы в процессе подготовки к изданию материалов Жинвальской экспедиции приведенные замечания были бы учтены.

Романчук А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рамишвили Р. М.* Археологические памятники Иорского ущелья. Т. I. Сиони. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
2. *Кобаидзе Л. Н.* Археологические памятники Иорского ущелья. Т. II. Могильник Ркинискало. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
3. *Рамишвили Р. М.* Археологические памятники Иорского ущелья. Т. III. Долина Эрцо в позднеантичную эпоху. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
4. *Чилашвили Л. А.* Города феодальной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
5. *Мусхелишвили Д. Л.* Город Уджарма. Тбилиси: Мецниереба, 1968.
6. *Мусхелишвили Д. Л.* Основные вопросы исторической географии Грузии. Ч. I, II. Тбилиси: Мецниереба, 1977, 1980.

Хроника

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 100-ЛЕТИЮ ФИННО-УГОРСКОГО ОБЩЕСТВА ФИНЛЯНДИИ

(Хельсинки, 1983)

1–3 декабря 1983 г. в Хельсинки состоялся Международный симпозиум, посвященный 100-летию Финно-угорского общества Финляндии (1883—1983).

Финно-угорское общество Финляндии было организовано по инициативе общественных и научных деятелей Финляндии. С самого начала своей деятельности общество поставило основной задачей исследование особенностей языка и культуры финно-угорских, прежде всего финноязычных, народов, проживавших на территории России. Из поля зрения членов общества не ускользали и археологические памятники, особенно в районах Среднего Поволжья и Приуралья. Эти территории, по мнению финно-угроведов, являлись «первоначальной родиной финно-угров» [1, с. 21, 31].

Еще до организации общества И. Р. Аспелин — основоположник финской археологии и один из учредителей общества — собрал и опубликовал все известные ему археологические материалы Волго-Камья [2]. С первых лет деятельности общество, посылавшее своих членов в научные командировки в Поволжье и Приуралье, вменяло им в обязанность изучение археологических памятников. Известный финский этнограф, исследователь марийского и мордовского народов А. Хейкель (член общества с 1883 по 1924 г.) еще во время своей первой поездки на Волгу посетил Билярское городище и привез оттуда интересную коллекцию предметов, ныне хранящуюся в Национальном музее Финляндии [3]. Известны археологические интересы крупнейшего финского языковеда начала XX в. акад. Х. Паасонена.

Особенно много в области изучения археологии Среднего Поволжья и Прикамья сделал крупнейший европейский археолог первой половины XX в. А.-М. Тальгрен[1]. В 1908 г. он на средства общества совершил поездку в Казань. Результатом поездки стало приобретение А.-М. Тальгреном для общества и Национального музея Финляндии одного из богатейших археологических собраний древностей Волго-Камья — знаменитой коллекции казанского краеведа и купца В. И. Заусайлова (более 11 тыс. предметов) В 1915 и 1925 гг. А.-М. Тальгрен еще раз побывал в Казани и других городах края.

А.-М. Тальгрен до конца своей жизни (1945 г.) состоял членом общества. Его перу принадлежит много работ по археологии Среднего Поволжья и Приуралья. Но особой заслугой ученого кроме исследований археологических материалов Поволжья и Прикамья следует считать издание в 20—30-е годы сборников «Eurasia Septentrionalis Antiqua» (ESA). Редакторами этого издания кроме самого А.-М. Тальгрена были видные представители Финно-угорского общества — профессора У.-Т. Сирелиус и И. Маннинен. Менее чем за 15 лет вышло 12 томов. В них были опубликованы многочисленные статьи финских, советских и других зарубежных исследователей [5].

Традиции, заложенные А.-М. Тальгреном в изучение Среднего Поволжья и Прикамья, продолжили члены общества профессора Е. Кивикоски, К. Мейнандер, У. Сало и др.

За столетний период активной деятельности общество проделало значительную работу. Об этом свидетельствует большое число трудов общества: «Журнал Финно-

[1] Биографический очерк об А.-М. Тальгрене и библиографию см. в [4].

угорского общества» (JSFOu, 78 номеров), «Мемориалы Финно-угорского общества» (MSFOu, 185 томов), «Финно-угорские исследования» (FUF, 45 томов), «Lexica» (20 томов), «Этнографические труды» (10 томов), «Учебные пособия для изучения финно-угорских языков» и др. (сведения об изданиях приведены на 1983 г.). В этих трудах наряду с обширным числом исследований по финно-угорским, индоевропейским, уральским и алтайским языкам содержатся интересные публикации по археологии и первобытной этнографии.

В наши дни Финно-угорское общество Финляндии является самым представительным международным центром финно-угроведения. Оно объединяет в своих рядах видных ученых не только Финляндии, но и других стран.

Симпозиум и юбилейное годичное заседание Финно-угорского общества подтвердили продолжающуюся активную связь общества с археологией. С приветствиями к участникам выступили Т. Шельд (Швеция), П. Хайду (Венгрия) и А. Х. Халиков (СССР).

Основной темой симпозиума стала проблема взаимосвязи уральских языков с другими языковыми семьями. Тексты основных докладов были заранее опубликованы [6].

Первый день заседаний был посвящен обсуждению докладов по прибалтийско-скандинавской тематике. Й. Койвулехто (Финляндия) прочитал доклад «О времени расселения древних финнов в Прибалтике. К относительной и абсолютной хронологии индогерманских лексических заимствований в прибалтийско-финских языках». Сопоставляя языковые данные с археологическими, исследователь отнес начало активных контактов прибалтийских финнов с индогерманскими (балто-германскими) племенами к эпохе бронзы (культуры боевых топоров и шнуровой керамики). Т. Р. Виитсо (СССР) в докладе «Освоение финнами прибрежно-морских земель — результат их прихода или языковых контактов?» анализировал языковые данные и сопоставлял их с выводами археологов. Докладчик полагает, что этнокультурная основа прибалтийских финнов имеет автохтонный характер, и с этих позиций считает возможным увязывать финноязычные племена с носителями культур с ямочно-гребенчатой и текстильной керамикой. Т. Шельд (Швеция) в докладе «О выявлении древнейших германских лексических заимствований в финском языке» остановился на истории вопроса. Интересна попытка докладчика проследить параллельно с древнегерманскими заимствованиями в финском языке древнефинские заимствования в германских языках. Г. Фрофм (ФРГ) выступил с докладом «Исследования германо-финских языковых контактов и история германских языков». Один из ведущих исследователей саамско-лопарского языка и культуры К. Бергеланд (Норвегия), избранный на юбилейном заседании почетным членом общества, выступил с докладом «Южные лопари и языковые явления Скандинавии». Он выявил саамский субстрат в топонимике Юго-Восточной Норвегии и Центральной Швеции. Прослеживанию этого же саамского (лопарского) субстрата в скандинавских языках было посвящено и сообщение А. Д. Кылстра (Нидерланды).

Во второй день были обсуждены доклады, посвященные широким проблемам финно-угроведения и уралистики. К. Редеи (Австрия) выступил с докладом «Древнейшие индогерманские лексические заимствования в уральских языках». Он выделил три группы таких заимствований и предложил опыт синхронизации их с известными археологическими периодами: 1) предарийский (около 4000 лет до н. э.) — второй курганный период; 2) раннеарийский (около 3000 лет до н. э.); 3) индогерманский (около 2000—500 гг. до н. э.) с двумя подпериодами — финно-пермским (2000—1500 гг. до н. э.) и финно-волжским (1500—500 гг. до н. э.). Доклад вызвал оживленную дискуссию.

В докладах П. Хайду и Б. Калмана (Венгрия), посвященных проблеме угорско-самодийских языковых контактов, затрагивались проблемы уралистики. Проблеме контактов между уральскими и индоевропейскими языками был посвящен также доклад Ю. Япхунена (Финляндия) «К вопросу о ранних индоевропейско-самодийских связях». Докладчик параллельно с языковыми данными попытался привлечь и археологические материалы. Он полагал, что носители таких археологических культур Сибири, как афанасьевская, андроновская, карасукская и тагарская, являлись европеоидами по антропологическому типу и индоевропейцами по языку, а племена окуневской культуры — монголоидами и самодийцами.

Доклады третьего дня работы симпозиума были посвящены проблемам урало-

алтаистики — вопросам контактов финно-угорских и уральских народов с тюркоязычными народами. Г. Берецки (Венгрия) в своем докладе «Воздействие тюркских языков на венгерский» остановился на одном из сложных вопросов истории венгерского языка — о времени и характере тюркоязычных заимствований. Этой же проблеме, но только с археологических позиций был посвящен доклад А. Х. Халикова (СССР) «О времени и месте активных контактов древних венгров и булгар». Доклады видных языковедов Р. Аустерлица (США), А. Рона-Таша (Венгрия) и Н. Поппе (США) были посвящены проблемам урало-алтаистики и более древних языковых взаимосвязей.

Симпозиум показал, что на современном этапе развития финно-угроведения, индоевропеистики и алтаистики наметилось стремление языковедов при исследовании вопросов, связанных с историей языка, шире использовать данные других наук, в частности археологии. К этому в прошлом стремились такие видные представители Финно-угорского общества, как А.-М. Тальгреп, Г. Рамстедт, Н. Паасонен и Е. Итконен.

Халиков А. Х.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974.
2. *Aspelin J. R.* Muinaisäännoökaiä suomen suvun asmusaboilta.— In: Antiquites du nord fenno-ougrien. Helsingfors, 1877—1884.
3. *Халиков А. Х.* История изучения Билярского городища и его историческая топография.— В кн.: Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.
4. *Kivikoski E.* A.-M. Tallgren.— ESA, 1954, t. XIII.
5. Eurasia. I—XII. General register.— ESA, 1954, t. XIII.
6. Symposium saekulare Societatis Fenno-ugricae. 1—3.XII.1983.— MSFOu, 1983, t. 185.

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ НИКОЛАЕВОЙ

Советская наука понесла тяжелую утрату. 30 апреля 1984 г. после продолжительной болезни скончалась Татьяна Васильевна Николаева, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР, доктор исторических наук, крупный исследователь в области древнерусского прикладного искусства.

Т. В. Николаева родилась в 1921 г. в г. Нелидово Калининской обл. в семье служащего. В 1939 г. она поступила на исторический факультет МГУ. После окончания университета в 1944 г. Т. В. Николаева была зачислена в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР и закончила ее теоретический курс в 1948 г. В том же году она поступила в Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник, где без перерыва проработала 19 лет в должности заведующей историко-художественным отделом. За это время ею созданы такие отделы музея, как «Русское искусство XIV—XVII вв.», «Русское искусство XVIII—XX вв.», исторический и археологический. Т. В. Николаева проводила огромную работу по сбору произведений древнерусского и народного искусства, возглавляя экспедиции музея в различные районы Московской, Калужской, Калининской и Костромской областей. В результате собрание музея пополнилось большим количеством произведений древней иконописи, прикладного искусства и старопечатных книг. Т. В. Николаева являлась хранителем экспозиции драгоценных металлов (ризницы Троице-Сергиевой лавры), выступала активным экскурсоводом и лектором, проводила занятия с сотрудниками музея, способствуя подготовке научных кадров. За плодотворную музейную деятельность Т. В. Николаева была награждена медалью «800 лет Москвы», неоднократно отмечалась грамотами Министерства культуры СССР, РСФСР и областного управления культуры Мособлисполкома.

В 1963 г. Т. В. Николаева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Произведения древнерусской мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея».

Уже во время работы в музее проявились лучшие качества Т. В. Николаевой: безграничная преданность своему делу, неиссякаемое трудолюбие, целеустремленность, высокая духовность и дисциплина ума. Огромная эрудиция в сочетании с тонкой проницательностью позволили ей стать первооткрывателем неведомых ранее шедевров древнерусского искусства и по-новому интерпретировать уже известные.

В 1966 г. Т. В. Николаева начала работать в Институте археологии АН СССР. Здесь в полной мере проявился ее исследовательский талант. В 1974 г. она защитила докторскую диссертацию «Прикладное искусство Московской Руси». В выдающемся труде, охватившем период великокняжеской Москвы (XIII — конец первой трети XVI в.), впервые в отечественной науке воссоздана целостная история развития художественного ремесла этого времени, выделены местные школы искусства таких крупных центров Руси, как Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Новгород, Тверь, на основе которых расцвело искусство Москвы — средоточия культуры объединенного государства.

Перу Т. В. Николаевой принадлежат свыше 50 печатных работ, в том числе пять монографий: «Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея» (Загорск, 1960), «Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.» (М., 1971); «Древнерусская живопись в собрании Загорского музея» (М., 1976); «Прикладное искусство Московской Руси» (М., 1976), «Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.» (М., 1983). Исследователю был чужд узковещеведческий подход к материалу. В работах Татьяны Васильевны произведения искусства всегда вписаны в широкий историко-культурный контекст. Опыт музейного работника помогал ей в точнейшей атрибуции предметов прикладного искусства, навыки археолога способствовали строгости исследовательской методики. Вместе с тем глубокое знание истории и быта изучаемой эпохи, всей совокупности письменных и вещественных источников позволяло Т. В. Николаевой убедительно реконструировать идейное содержание произведений искусства, выраженную в них символику, выявлять исторические предания, связанные с ними (см., например, блестящий этюд о рогатине тверского князя Бориса Александровича). Произведения древнего искусства в ее трудах на-

чинают «говорить», приобретают конкретный и многоплановый смысл, вещь становится документом истории.

Т. В. Николаева пользовалась непререкаемым авторитетом среди своих коллег. Она являлась членом Ученых советов ИА АН СССР, Гос. музеев Московского Кремля, Загорского музея и Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря, вела постоянную консультативную работу, щедро делилась своими знаниями и опытом, охотно брала на себя труд научного редактирования и рецензирования книг и статей. Т. В. Николаева принимала участие в археологических исследованиях Белгорода Киевского, Александрова, Старой Рязани.

Т. В. Николаева всегда подчеркивала национальный характер произведений древнерусского искусства. «Русская душой», она особенно любила природу средней полосы России, ее народ, глубоко осознавала неразрывную связь минувшего и настоящего, живую преемственность исторических эпох. Человек большого мужества и силы воли, она работала до последних дней и ушла из жизни полная творческих планов. Для всех, кто знал Татьяну Васильевну, она останется примером подвижнического, бескорыстного служения науке, скромности и человечности. Светлая память о ней навсегда сохранится в наших сердцах.

Даркевич В. П.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА РОГАЧЕВА

17 апреля 1984 г. после тяжелой болезни скончался доктор исторических наук, выдающийся исследователь палеолита Александр Николаевич Рогачев. Отечественная археология лишилась талантливого ученого, внесшего огромный вклад в изучение древнейшего прошлого человечества.

А. Н. Рогачев родился 28 августа 1912 г. в с. Альдия Моршанского у. Тамбовской губ., в бедной крестьянской семье. Он рано потерял отца, батрачил. Шестнадцати лет Александр Николаевич поступил в Моршанский педагогический техникум, откуда вскоре был направлен на педагогический факультет Воронежского университета. В стенах университета А. Н. Рогачев вступил в ряды партии.

В 1931 г. А. Н. Рогачев был переведен в Ленинградский университет. Здесь он начал изучать археологию. После окончания университета А. Н. Рогачев был принят в аспирантуру ГАИМК (ИИМК, затем— Институт археологии АН СССР). Руководителями его стали Ф. В. Кипарисов и П. П. Ефименко, оказавшие большое влияние на судьбу молодого исследователя и его путь в науке. В 1934 г. А. Н. Рогачев, к тому времени побывавший на раскопках городищ и курганов, едет с П. П. Ефименко на раскопки Костенок I. С этого времени он становится ближайшим помощником П. П. Ефименко.

Раскопки предвоенных лет в Костенках — это цепь блестящих успехов: за Костенками-1 следует Тельманская стоянка с ее поразительным круглым жилищем, затем Александровка, где были раскопаны длинные и круглые жилища, близкие по времени, но совершенно различные по традициям домостроительства и кремневого инвентаря. Именно этот факт натолкнул Александра Николаевича на мысль о том, что процесс развития культуры в верхнем палеолите был более сложным явлением, нежели это казалось тогда всем исследователям.

В 1939 г. А. Н. Рогачева призвали в армию. Затем началась война. Трудные дороги Великой Отечественной войны Александр Николаевич прошел от начала и до конца.

В 1947 г. А. Н. Рогачев вернулся в ИИМК. Уже в 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1955 г. работа была опубликована («Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону». МИА, № 45).

В 50-е годы А. Н. Рогачев обращается к общим вопросам археологии палеолита; его интересует, как развивался верхний палеолит, когда появляются археологические культуры, каковы местные особенности развития палеолита, как они соотносятся с общими закономерностями развития. Высказанные А. Н. Рогачевым взгляды по проблемам верхнего палеолита Русской равнины явились программными. На первых порах отрицательное отношение к идеям Александра Николаевича было чуть ли не всеобщим. И столь же всеобщим было признание этих идей спустя каких нибудь 5—7 лет. С тех пор А. Н. Рогачев становится лидером в науке о палеолите. После защиты докторской диссертации в 1963 г. («Многочисленные сто-

янки Костенковско-Борщевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине») он интенсивно изучает костенковские стоянки. Здесь проходят школу и многочисленные ученики Александра Николаевича.

Особой заслугой А. Н. Рогачева является широкое привлечение геологов к исследованию палеолита. Геология и стратиграфия костенковских стоянок — это важнейшие опоры новаторских построений Александра Николаевича. За многочисленными статьями о развитии культуры в палеолите последовали его замечательные работы, посвященные предмету и объекту в археологии, о каменных орудиях как историческом источнике, о соотношении охоты и собирательства в эпоху палеолита. Несколько раз Александр Николаевич обращается к теме «Жилища и поселения в эпоху верхнего палеолита», связывая археологические материалы с задачей установления общественных порядков в палеолите. Итогом напряженной работы над вопросами верхнего палеолита и доистории первобытного общества стали разделы в многотомной «Археологии СССР», в которых он вновь обращается к разработке вопросов развития культуры в эпоху верхнего палеолита. Теперь основное внимание уделяется выявлению общих закономерностей. Особо выделяется пора расцвета культуры, совпадающая, по представлениям А. Н. Рогачева, со временем существования замечательной костенковской культуры, для изучения которой так много сделал Александр Николаевич.

Время, когда жил и творил А. Н. Рогачев,— это время смены концепций, время поисков, время интенсивного труда. Вклад Александра Николаевича в разработку кардинальных вопросов науки о палеолите трудно переоценить. Стремление к истине, борьба за истину всегда производили огромное впечатление на всех, а особенно на молодежь. Пожалуй, сейчас мало кто из изучающих палеолит не считает себя учеником А. Н. Рогачева. Чем дальше развивается наука о палеолите, тем все более существенной будет представляться роль Александра Николаевича в развитии этой отрасли знаний.

Светлая память об Александре Николаевиче Рогачеве — ученом и человеке — навсегда сохранится в сердцах его коллег и учеников.

Григорьев Г. П., Праслов Н. Д.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
Древности — Древности. Труды императорского Московского Археологического общества
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Спб.
ЗООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского Археологического общества. Спб.
ИАК — Известия Гос. Российской Археологической комиссии. Спб.
ИБАИ — Известия на Български археологически институт
ИГАИМК — Известия Гос. академии истории материальной культуры. Москва — Ленинград
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН — Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. Струве В. В. М.— Л.: Наука, 1965.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КФ АН СССР — Казанский филиал Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции, хранящийся в ЦГАДА
МАР — Материалы по археологии России. Спб.
Мар. АЭ — Марийская археологическая экспедиция
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. Ленинград
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе
НАА — Народы Азии и Африки
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОР ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей и редких книг. Ленинград
ПАО — Псковское археологическое общество
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
СОМК — Саратовский областной музей краеведения
ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа
ТОУАК — Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УІЖ — Український історичний журнал. Київ
ХГУ (ХДУ) — Харьковский гос. университет им. А. М. Горького
ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов. Москва
ЧИНИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт. Грозный
AAH — Acta archaeologica. Academiae scientiarum hungaricae. Budapeşt
AH — Archaeologia Hungarica. Budapeşt
AJA — American J. of Archaeology. New York
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CAH — Cambridge Ancient History
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
IosPE — Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. V. I. Ed. 2. Petropoli, 1916
JHS — J. of Hellenic Studies. London
MSFOu — Memoires de la Societe Finno-ougrienne
NZ — Numismatische Zeitschrift. Wien
RA — Revue archéologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
SA — Slovenská archeológia. Bratislava — Nitra
SMYA — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki